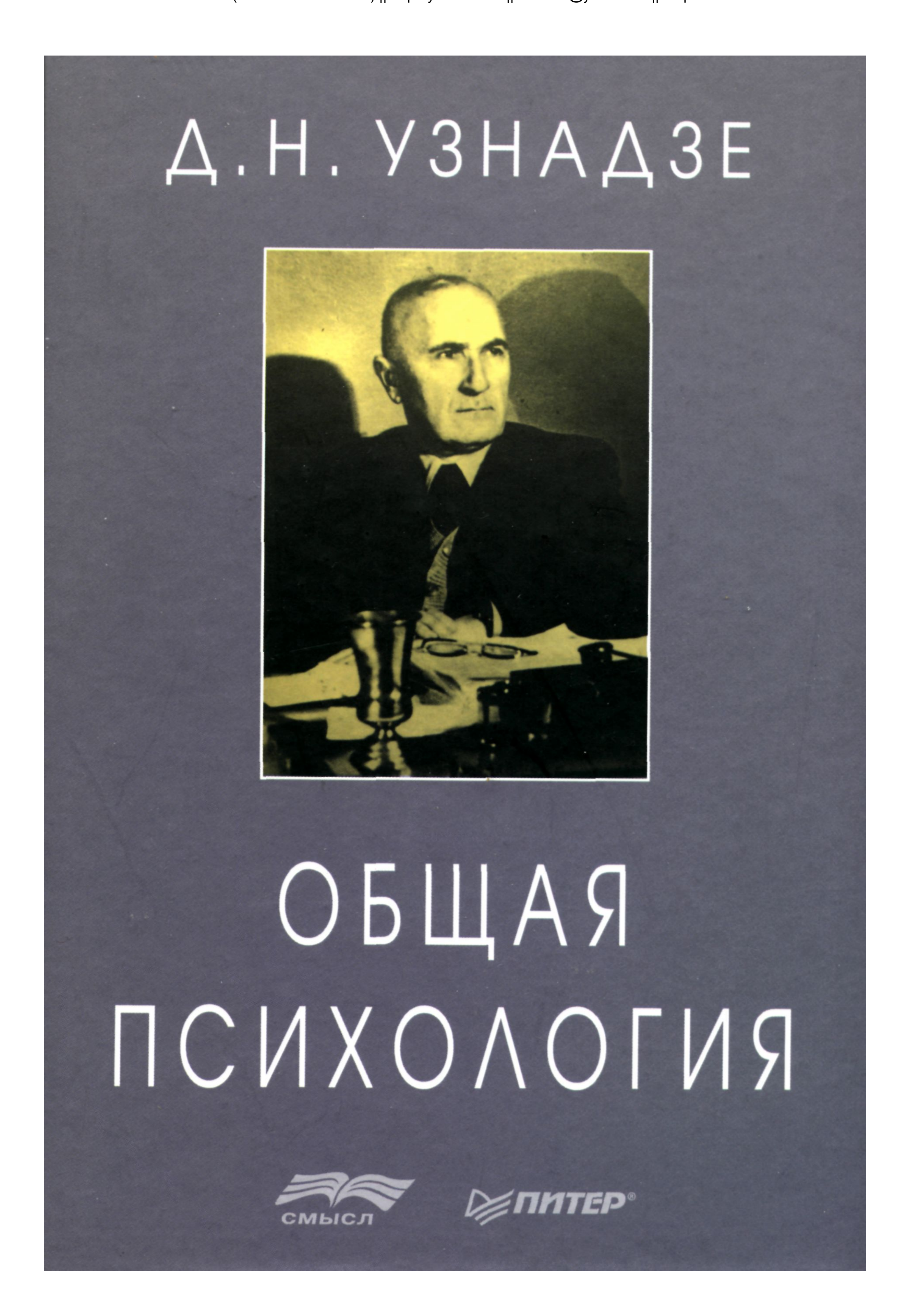

Узнадзе Д. Н.=Общая психология. — 413 с: ил. — (Серия «Живая классика»). - 2004 г.

Субъект, индивид, личность ни в коем случае не могут считаться совокупностью психических функций, поскольку психика — это не сам индивид, а орудие, приобретенное им в процессе взаимодействия с внешней действительностью и используемое для ее преобразования; психика — это не сам субъект, а его «орган». И конечно же, с внешней действительностью взаимодействуют не «органы» индивида, а сам индивид, использующий их в процессе этого взаимодействия.

Любое переживание, тем более интенсивное, личностно значимое, существует не только в качестве конкретного содержания сознания субъекта, но и, в то же время, в виде определенной установки. Следовательно, когда данное переживание вытесняется из сознания, уничтожается, забывается как определенное содержание сознания, это не означает, что в субъекте от него ничего не осталось, ведь установка есть нечто совершенно иное, чем переживание как феномен сознания. Стало быть, исчезновение переживания не означает, что вместе с ним уничтожается и соответствующая ему установка.

Сознание вовсе не вводит нас в заблуждение, переживая волевой акт как свободный акт. Обращаясь к воле, человек заведомо ускользает от импульса актуальной ситуации, освобождается от его принуждения; он не дает возможности актуальной ситуации или, как сказал бы Левин, актуальному «полю», вызвать в нем установку соответствующего поведения. Субъект сам создает в себе установку определенной деятельности и, стало быть, самостоятельно вызывает эти действия. Но это уже свобода деятельности. Она предопределена только лишь субъектом, поскольку установка, лежащая в ее основе, полностью создана субъектом, ведь объективный фактор установки — ситуация — навязана не извне, а как воображаемая, мысленная ситуация представляет собой продукт активности субъекта.

Вся теория Д. Н. Узнадзе по своей глубокой философской сути была прорывом за границы понимания человека как рационально-адаптивного, т. е. приспосабливающегося, существа, была и остается ярчайшей теорией, помогающей осознать ограниченность «интеллектуализма» и «рационализма» в социальной и духовной истории человечества.

А. Г. Асмолов

ISBN 5-89357-121-5

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ Д. Н. УЗНАДЗЕ

Узнадзе Д. Н.=Общая психология. — 413 с: ил. — (Серия «Живая классика»). - 2004 г.

Д.Н. УЗНАДЗЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ответственный редактор И. В. Имедадзе

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск
2004

ББК 88.3я73
УДК 159.9(075.8)
У34

Серия «Живая классика»

Перевод с грузинского Е. Ш. Чомахидзе

Данное издание выпущено в рамках проекта «Восток—Восток»
при поддержке института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и института «Открытое общество» — Будапешт

Узнадзе Д. Н.
У34 Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. — М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. — 413 с: ил. — (Серия «Живая классика»).

ISBN 5-469-00020-6
Фундаментальный учебник, принадлежащий одному из классиков психологии XX века и ранее не переводившийся на русский язык.
Психологам, историкам науки.

ББК 88.3я73
УДК 159.9(075.8)

ISBN 5-89357-121-5
ISBN 5-469-00020-6

Научное творчество Узнадзе и проблемы общей психологии

Предисловие научного редактора

Научное наследие Дмитрия Николаевича Узнадзе в целом довольно плохо знакомо русской научной общественности. Это более чем странно, учитывая то обстоятельство, что он был признанным классиком «советской психологии». Исследования Узнадзе и его школы всегда привлекали особое внимание, а оригинальная общепсихологическая концепция установки служила предметом многочисленных обсуждений и дискуссий. В конечном счете, ей была дана самая высокая оценка — как масштабной теоретической системе, в которой наиболее плодотворно разработана категория бессознательного, более того, она рассматривалась даже как «советская альтернатива психоанализу». Все это, однако, происходило в условиях, когда многие значительные произведения автора были не переведены на русский язык и не изданы. Разумных оснований для существования подобного положения вещей вроде бы не было, однако оно оставалось неизменным вплоть до конца советской эпохи.

Мы не будем здесь анализировать субъективные и объективные предпосылки указанного парадокса, хотя с исторической точки зрения это было бы небезынтересно. Главное другое — по-видимому, нынче они в основном устранены. Русская научная общественность получила, наконец, возможность в полной мере ознакомиться с творчеством автора, интерес к которому существовал всегда и, думается, остается и поныне.

Предлагаемая книга отчасти будет способствовать удовлетворению этого интереса. Однако прежде чем коснуться непосредственно данной работы, имеет смысл в самых общих чертах охарактеризовать наиболее важные направления научного творчества Узнадзе с тем, чтобы еще раз напомнить, как мало оно знакомо русскому читателю и сколь много еще предстоит сделать для исправления положения.

Богатое научное наследие Узнадзе включает в себя произведения по философии, педагогике, истории, эстетике и психологии. Причем, вплотную исследованием психологической проблематики Узнадзе занялся лишь после 1918 года, переехав в Тбилиси, где в только что открывшемся университете начал организовывать первую в Грузии кафедру и лабораторию психологии. До этого он в Кутаиси занимался теоретической и практической работой в области педагогики, писал учебники по истории, а также исследования по эстетике и литературной критике, и особенно по философии.

Узнадзе по праву считается одним из основателей грузинской философской школы. Его работы в этой области включают в себя монографии по истории филосо-

фии — это произведения, посвященные анализу философских систем Вл. Соловьева (написано еще в Германии) и Бергсона (1920), а также целый ряд оригинальных исследований различных философских проблем: «Индивидуальность и ее генезис» (1910), «Философские беседы: смерть» (1911), «Философия войны» (1914), «Смысл жизни» (1915), «Смысл жизни и воспитание» (1916). Эти работы, написанные в духе философии жизни и экзистенциального сознания, по сей день не утратили ни своей актуальности, ни научной значимости. В двадцатые годы Узнадзе прекращает свои философские искания, несомненно, ввиду явной нестыковки его представлений с позицией официальной идеологической доктрины. К сожалению, русский читатель совершенно незнаком с этой частью творчества Узнадзе.

Значительно лучше, в этом смысле, обстоит дело с разработками Узнадзе в сфере педагогики и граничащими с нею областями психологии, главным образом, благодаря вышедшей в серии «Онтология гуманной педагогики» книге «Узнадзе» (2000). В нее вошли ряд произведений автора разного периода. Их тематика весьма разнообразна и, в целом, отражает круг интересов Узнадзе в этой области. Хотя несомненно и то, что множество значительных работ еще ожидают своего перевода и публикации. В первую очередь, это касается монографий «Педология» (1933) и, в особенности, «Психология ребенка» (1947).

Нужно отметить, что Узнадзе выполнил большое количество исследований в этой сфере (более пятидесяти работ), фактически разработав целостную систему взглядов, охватывающую важнейшие вопросы как педагогики, так и возрастной и педагогической психологии (Узнадзе четко размежевывал эти дисциплины, хотя и настаивал на психологическом обосновании педагогической системы). Педагогическая концепция Узнадзе построена на единой методологической основе, включающей точное определение всех основных педагогических понятий. Такой единой философско-психологической основой стала идея целостной и активной личности как объекта воспитания — идея, которая впоследствии вылилась в широко известную психологическую теорию установки. В собственно педагогических исследованиях автора разработаны вопросы, связанные с сущностью, целями и задачами воспитания как предмета педагогики, ролью школы, в частности учителя, и семьи в этом процессе, различиями между теоретической и практической педагогикой и реализацией главных дидактических принципов при организации последней, и многое другое.

В исследованиях по возрастной и педагогической психологии поставлены и оригинально решены вопросы: возрастной периодизации («теория возрастной среды»), соотношения между врожденным и приобретенным («теории коинцинденции»), соотношения обучения и развития, сущности игровой деятельности («теория функциональной тенденции»), сущности учебной деятельности (как переходной формы между т.н. экстрогенными и интрогенными формами поведения), развития интересов (в том числе, познавательных), развития технического мышления, начала школьного возраста и готовности к школе и др.

Разумеется, в небольшом сборнике невозможно было полноценно осветить, как решались Узнадзе все указанные вопросы. Существенным образом позволяет обогатить представление об этом ознакомление с работами из цикла экспериментальных исследований двадцатых годов, посвященных некоторым аспектам онтогенеза мышления (группирование и формирование понятий), которые впервые были напечатаны в немецких журналах и принесли их автору европейскую известность. Они представлены в книге «Психологические исследования» (1966).

Творчество Узнадзе в сфере психологии отличается многообразием тем и областей. Кроме вопросов возрастной и педагогической психологии, он занимался также

актуальными теоретическими и практическими вопросами психотехники. До того, как начался разгром психотехники в Советском Союзе, им было выполнено до десяти работ в этой области.

Однако основной интерес автора был сосредоточен в области общей психологии. Некоторые важные общепсихологические произведения вошли в упомянутую выше книгу, до последнего времени остававшуюся единственной изданной в России и отражавшей психологическое творчество Узнадзе. Ее второе, несколько сокращенное издание, осуществилось в 1997 году под названием «Теория установки». Но в нее не попали многие значительные и даже этапные произведения автора, в частности статья «Petites perceptions Лейбница и их место в психологии» (1919), впервые высветившая интерес автора к проблеме бессознательного и ставшая центральной в его исследованиях; «Impersonalia», где Узнадзе, анализируя интересный языковой феномен, впервые обращается к некой биосферной реальности, ставшей прототипом установки. Биосферная точка зрения основательно была разработана уже в первой монографии Узнадзе по «Общей психологии» — «Основы экспериментальной психологии. Принципиальные основы и психология ощущений» (1925). Как явствует из названия, в ней подробно рассмотрены методологические, теоретические и методические вопросы «Общей психологии», дан основательный критический анализ состояния психологической науки на то время, а также изложен обширный материал по психологии ощущений. Далее, из непереведенных произведений Узнадзе необходимо отметить книгу «Сон и сновидения» (1936). Несмотря на свой сравнительно небольшой размер, она изобилует новаторскими идеями в связи с интерпретацией «комплексов» и других понятий психоанализа с позиций теории установки. В ней представлена по существу новая концепция сновидений, начата разработка представлений о «функциональной тенденции», появляется идея об «объективации» и т.д. Завершенный вид концепция объективации приобрела в этапной статье «Проблема объективации» (1948). Наконец, в данном контексте следует упомянуть работу «К проблеме сущности внимания» (1947), весьма своеобразно освещающую природу внимания. Все эти работы выполнены на грузинском языке.

Что касается главного дела жизни Дмитрия Николаевича — его общепсихологической концепции установки, то теоретическую работу по созданию новой психологической системы Узнадзе начал с двадцатых годов прошлого века и уже через несколько лет в упомянутой книге «Основы экспериментальной психологии» представил как бы первый (биосферный) вариант концепции. В дальнейшем исследования продолжались как в направлении развития и совершенствования самой теории, так и ее экспериментального обоснования. В конце тридцатых—начале сороковых годов Узнадзе написал несколько работ, обобщающих теоретические идеи и эмпирические данные психологии установки уже следующего этапа ее развития. Это основательные статьи: «К психологии установки» (1938), «Исследования по психологии установки» (1939), глава «Психология установки» в книге «Общая психология» (1940) и «Основные положения теории установки» (1941).

Лишь недавно российский читатель смог познакомиться с последней из них. В сокращенном виде она вошла в отмеченный выше сборник педагогических работ Узнадзе. Между тем, эти работы не только позволяют проследить исторический путь развития психологии установки, но и понять смысл теоретических ходов в связи с постановкой самой проблемы установки, трактовавшейся по-разному в зависимости от методологических задач, поставленных автором. Вначале установка рассматривалась в свете психофизической проблемы, далее в контексте так называемого «постулата непосредственности» и в противовес бессубъектной психологии. В «Общей пси-

хологии» акцент делается на методологической проблеме целесообразности поведения — установка выступает в качестве психологического механизма этой целесообразности.

В сороковые годы Узнадзе внес целый ряд уточнений и дополнений в свою теоретическую систему. В 1950 году он скоропостижно скончался, но успел создать две значительные работы, подводящие итог последнего периода его творчества. Обе были написаны на русском языке и предназначались для всех специалистов страны. Первая, наиболее крупная и известная — «Экспериментальные основы психологии установки» — была издана на русском языке трижды: в 1961 году в Тбилиси в книге под тем же названием, а затем в 1966 и 2000 годах в Москве в уже отмеченных сборниках. Вторая работа — «Основные положения теории установки» — увидела свет лишь однажды, в той же книге 1961 года, тираж которой составил всего 1000 экземпляров. Поэтому, по прошествии более сорока лет со времени ее издания, она вряд ли может считаться доступной русским читателям, интересующимся теорией установки. Между тем, она содержит ряд важных положений, развивающих теорию в направлении углубления анализа специфики именно человеческой психики. Тем самым, Узнадзе указал вектор последующего развития теории установки, в направлении которого оно и шло в созданной им психологической школе. Таково вкратце положение дел на сегодня.

Обратимся теперь непосредственно к представляемой книге «Общая психология». Неизвестно, как долго шла работа над ней, но очевидно, что Узнадзе приходилось форсировать ее, поскольку дело подготовки психологических кадров (да и в целом специалистов-гуманитариев), которым он руководил, настоятельно нуждалось в грузинском учебнике по психологии. Книга вышла в 1940 году, то есть фактически на промежуточном этапе развития теории установки. Появись она позже, наверняка, имела бы несколько иной вид в свете последующей разработки теории установки, являющейся стержнем всего учебника. Не в последнюю очередь, имея в виду задачу формирования своей психологической школы, автор предпринял попытку создания учебного пособия, полностью построенного на оригинальной психологической концепции. Данная книга представляет интерес, прежде всего, с этой точки зрения, ибо таких учебников в психологии немного.

Итак, замысел автора состоял в построении здания «Общей психологии» на фундаменте общепсихологической теории установки. Это ясно просматривается уже в самой структуре и композиции учебника. Последовательность глав в нем чуть ли не противоположна принятой в учебниках того времени. В них обычно в начале рассматривались познавательные психические процессы, далее эмоциональные и волевые процессы и, наконец, вопросы, связанные с личностью и ее деятельностью. В представляемом учебнике изложение материала по отдельным психическим процессам предваряет глава по психологии установки, попросту отсутствующая в традиционных учебниках; затем следуют главы, посвященные психологии эмоций, далее поведению и воле и лишь после этого — познавательным процессам: ощущению, восприятию, памяти, мышлению, вниманию, воображению.

Данная структура, конечно, не случайна, а логически вытекает из основополагающего тезиса теории установки, согласно которому внешние и внутренние факторы не непосредственно вызывают поведение и, следовательно, соответствующие психические процессы, а опосредованно — через установку; вначале возникает установка как модификация, настройка целостного субъекта, выраженная в готовности его психофизических функций к выполнению определенной активности, после чего на ее основе реализуется конкретное поведение. Таковым по теории установки явля-

ется общий механизм работы психики; поэтому в книге в начале рассматриваются закономерности установки, а после — закономерности поведения и включенных в него психических процессов.

Отмеченный принцип непосредственности и его критика изложены в последней части первой главы — «Введение в психологию». Именно здесь проявляется своеобразие и оригинальность методологического подхода Узнадзе к основаниям психологии. Автор показывает, что слепое следование принципу, или постулату, непосредственности (внешняя действительность непосредственно и сразу воздействует на сознание, равно как явления сознания воздействуют друг на друга), характерно не только для всей классической психологии, но и для современных ему теоретических систем, таких как бихевиоризм, гештальтпсихология, персонология. Это обстоятельство и служит основным источником их ошибочности. Отказ от этого догматического постулата и признание опосредованного характера психики (сознания, деятельности) является обязательным условием построения новой, истинной психологии.

Между прочим, подобная постановка вопроса — необходимость преодоления «рокового» для предшествующей психологии постулата, или так называемая «задача Узнадзе»[1], — была признана основополагающей и при построении других новых теоретических систем, в частности теории деятельности[2].

Однако постановка этой задачи лишь полдела. Главное — найти ее правильное решение, то есть показать, что же в действительности должно выступать в качестве реального опосредующего звена. Согласно Узнадзе, именно это призвано сделать понятие установки.

В третьей главе Узнадзе обращается к теоретическому обоснованию указанного понятия и к экспериментальным данным, которые были получены им совместно с сотрудниками и характеризовали основные свойства установки. Эти данные достаточно хорошо известны. Что касается теоретической презентации понятия установки, в данной главе автор расставляет несколько иные акценты, чем в предыдущих работах. Рассуждение тут разворачивается, главным образом, вокруг проблемы целесообразности поведения. Опосредующим звеном опять-таки выступает субъект, модусом существования которого является его целостное состояние — установка. Однако в данном контексте она выступает в качестве механизма, обеспечивающего целесообразность поведения. Возникнув на базе главных факторов поведения (потребность, ситуация) и интегрировав в себе их характеристики, установка предстает тем психологическим механизмом, который управляет поведением и, следовательно, составляющими его функциями и процессами, опосредствуя, в конечном счете, воздействие среды на психику и межпсихические взаимодействия. В отличие от механицизма и витализма, Узнадзе предлагает трехчленную схему: среда — субъект (установка) — поведение. Учитывая это, а также то, что в работах Узнадзе термин «поведение» выступает в качестве синонима деятельности, ознакомление с данным текстом позволит, возможно, лучше прояснить позицию школы установки в отношении постановки и решения проблемы опосредствования вообще и, в частности, отношения между установкой и деятельностью.

Рассмотрев общий установочный механизм целесообразности поведения, автор приступает к анализу частных случаев его функционирования в различных ти-

[1] *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. М., 1979.

[2] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 80.

пах деятельности, в частности импульсивной и волевой. Глава «Психология поведения», безусловно, является одной из интереснейших в книге. Она содержит немало удачных теоретических ходов — как при описании, так и при объяснении феномена поведения. Особого внимания заслуживает анализ процесса мотивации и сформулированное в этом контексте различение между так называемыми «физическим» и «психологическим» поведением. Весьма плодотворны соображения, обосновывающие центральную роль акта принятия решения в волевом процессе. В этом акте, по мнению автора, происходит реальная смена установки, окончательно формируется установка на новое — произвольное поведение. Если происходит сбой в создании или функционировании установочного механизма произвольного поведения, возникают описанные в главе различного вида психопатологии воли.

Кроме импульсивного и волевого поведения, Узнадзе рассматривает и другие виды деятельности, а именно: внушение и принуждение, показывая их установочную основу. Однако в главе отсутствует развернутая классификация форм поведения, разработанная автором позднее. Можно сказать, что данная классификация по сей день остается уникальной в психологической науке. Нет сомнения, что она существенным образом дополнила бы эту главу[3].

Сознательные психические явления и процессы функционируют в поведении, протекающем на базе установки. Однако они существенно разнятся между собой как феноменально (структурно), так по назначению (функционально) и по уровню развития (генетически). Эти аспекты, разумеется, взаимосвязаны и, в конечном счете, определены общим механизмом поведения. Поэтому Узнадзе начинает рассмотрение отдельных психических процессов с эмоциональных явлений, полагая, что они представляют собой начальную ступень развития сознания, непосредственно примыкающую к установке как целостному состоянию субъекта, и отражают именно его внутреннее состояние. Отсюда — субъективность и целостность эмоциональных процессов, которые отличают их от когнитивных, служащих дифференцированному отражению внешней действительности. Дав такую краткую формулировку проблемы взаимосвязи установки и эмоций, Узнадзе не углубляется далее в возникающие здесь сложные теоретические вопросы. Однако он хорошо понимал их важность и постоянно держал в поле зрения. Об этом свидетельствуют материалы, сохранившиеся в личном архиве Узнадзе, в частности так называемые «Тетради для заметок», которые он вел с 1944 по 1949 годы. Они были восстановлены и опубликованы в Вестнике Академии наук Грузии[4]. Чуть ли не треть записей Узнадзе содержит соображения по поводу различных аспектов психологии эмоций с точки зрения теории установки. Следует отметить также, что в середине сороковых годов Узнадзе подготовил и прочел специальный курс по эмоциям, в котором изложил и существенным образом проанализировал все имеющиеся в ту пору основные взгляды на психологию эмоциональных переживаний (сохранилась стенограмма этих лекций). Исходя из этого, следует думать, что Узнадзе намеревался написать большое исследование по эмоциональным явлениям, которое содержало бы критическую и позитивную части.

Трудно сказать, какие из многочисленных гипотетических соображений автор изложил и развил бы в этом, увы, неосуществленном произведении; но нельзя не отметить, что некоторые из них довольно убедительны, вполне соответствуют духу

[3] *Узнадзе Д.Н.* Формы поведения человека // *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.

[4] *Узнадзе Д.Н.* Тетради для заметок // Мацне. Серия по философии и психологии. 1988. № 2, 4; 1989. № 1. (на груз. яз.)

и букве теории установки и, что важно, в данном контексте обогащают и дополняют текст анализируемой главы. Поэтому мы ненадолго задержим внимание читателя на указанных соображениях.

Перед Узнадзе актуально стояла проблема взаимосвязи эмоциональных переживаний и телесных (соматических) процессов, в частности вопрос о природе выразительных движений. Узнадзе предлагает следующее решение: основополагающей для теории установки является идея о целостном характере реагирования индивида на различные воздействия. Эффект внешнего воздействия распространяется на все сферы реагирования организма (висцеральную, моторную, психическую), в основе чего лежит его целостное первичное изменение — установка. Все отдельные процессы есть дифференцированное проявление целостного первичного эффекта. В противовес существующим в психологии эмоций двум конкурирующим взглядам (Вундт и др. и Джеймс—Ланге), Узнадзе формулирует альтернативную позицию: эмоциональные переживания и телесные изменения, в том числе выразительные движения, не являются причиной или выражением друг друга. Они представляют собой два самостоятельных явления, одновременно возникающих из одного источника — установки. Однако то, что объективно не является каким-либо выражением, в социальной среде используется людьми в качестве внешнего выражения чувств. Но это стало возможным только благодаря наличию у этих различных явлений единой реальной психологической основы.

Не останавливаясь на других интересных рассуждениях автора (например, о характере взаимосвязи между эмоциональными и познавательными процессами, в которых, в сущности, реализуется та же теоретическая позиция), рассмотрим лишь то, как выстраивает Узнадзе схему отношений между установкой, поведением и эмоцией.

Схема, лишь обозначенная в «Общей психологии» и развернутая в «Тетрадях», в принципе, такова: эмоции выступают в качестве определенного пускового механизма поведения на уровне сознания (переживания) или в виде «стимула для развертывания поведения, соответствующего установке»[5]. Тем самым они как бы следуют за установкой и предшествуют реализации поведения.

Однако в «Тетрадях» данная схема развивается и усложняется. Эмоциональные явления не только следуют за установкой, но и предшествуют ей, выполняя функцию ее субъективного фактора. Являясь импульсом, потребность вместе с тем изначально представляет собой более или менее определенную эмоцию. «Потребность эмоциональна», — говорит Узнадзе.

Далее автор дифференцирует эмоциональные явления в зависимости от характера их отношения к поведению; выделяются эмоции, упреждающие поведение и выражающие наличие готовности к осуществлению конкретной деятельности (то есть то, что говорится в «Общей психологии»), и эмоции, возникающие в самом процессе поведения. Последние представляют собой отражение в сознании особенностей реализации установки в ходе поведения. В соответствии с этим решается вопрос о качественной стороне эмоциональных переживаний. Поскольку содержание установки каждого конкретного поведения, равно как условия и обстоятельства, затрудняющие или, напротив, способствующие реализации этого последнего, в каждом данном случае своеобразны, то должно иметься столько же соответствующих разновидностей эмоциональных переживаний.

Следуя традиции, автор начинает рассмотрение когнитивных процессов с сенсорных процессов. Делает он это довольно лаконично, обговорив это обстоятельство

[5] Там же. № 1. С. 93.

в предисловии и сделав ссылку на свой первый учебник — «Основы экспериментальной психологии», как источник более полной информации по данной теме. Тем не менее, нужно отметить, что Узнадзе существенно обогатил эту часть главы новыми данными, полученными со времени опубликования (1925) указанной книги.

Что касается центрального, пожалуй, вопроса данного обзора — в чем именно нашло свое выражение своеобразие установочного подхода к анализу отдельных психических процессов, то в этой части следует заострить внимание на том, как решает автор проблему интермодального единства ощущений. Решение данной проблемы в духе теории установки напрашивается как бы само собой. В самом деле, поскольку различные модальности переживаются единым субъектом, то вполне логично искать причину сходства между этими переживаниями именно в нем, в его целостном состоянии. Установка, как именно такое состояние, возникает в результате воздействия на индивида среды, то есть довольно многообразных сенсорных стимуляций. В свою очередь, единство установочной основы определяет единство и родственность переживаний, в частности, ощущений различной модальности. Этим же механизмом объясняются и остальные феномены из этой сферы: факты синестезии и эффекты взаимодействия органов чувств.

Разговор о восприятии Узнадзе начинает с постановки вопроса о взаимосвязи предмета и содержания восприятия и обсуждения результатов своих опытов, направленных на его решение. Эти эксперименты выявили интересные закономерности взаимовлияния содержания и предмета восприятия, при явном приоритете последнего. Положение об основополагающей роли предмета в процессе восприятия является несущей конструкцией всей главы.

Особое внимание автора привлекает такое свойство восприятия, как целостность, гештальтность. Это вполне естественно, так как психология установки, по сути, есть психология целостности. Но это — целостность субъекта; и именно субъект как целое, полагает Узнадзе, забыт гештальттеорией. Явление целостности восприятия в ней сведено к закономерностям гештальтизации, то есть объективной организации перцептивного поля. Автор предлагает альтернативную формулу: комплекс раздражителей (объект) — целостный процесс в субъекте — восприятие как целостность. Осмысливая установку в качестве опосредствующего звена, Узнадзе приходит к следующему пониманию механизма восприятия: мотивированный субъект начинает взаимодействовать с внешним миром, результатом чего является целостное изменение субъекта, вызванное в нем объективной действительностью. Так возникает установка, представляющая основу действия и переживания индивида, в том числе и восприятия.

В «Общей психологии» рассуждения на данную тему этим и завершаются. Однако проблема остается. Дело в следующем: согласно теории установки, восприятие как полноценная психическая активность, как предметное переживание, должно основываться на установке. Но последняя, как известно, возникает на базе потребности и ситуации, то есть подразумевает предварительное отражение, восприятие ситуации. Вот и возникает дилемма — для создания установки необходимо восприятие ситуации, которое, в свою очередь, нуждается в наличии действующей установки.

Автор теории установки ясно видел проблему и настойчиво искал пути ее решения. Об этом свидетельствуют несколько записей в «Тетрадях», а также целый раздел в его последней работе под названием: «Восприятие как фактор установки: два значения этого термина». При этом в примечании дан второй вариант авторского текста, что свидетельствует об особой тщательности, с которой Узнадзе разрабатывал данную проблему. Ее решение вырисовывается в контексте трехступенчатой

модели восприятия. На первой ступени установке как целостному состоянию субъекта «предшествует некоторый первичный эффект действия раздражителя на один из его чувственных органов — эффект, который еще нельзя рассматривать как подлинное, завершенное восприятие определенного, локализованного во внешнем мире объективного раздражителя. Поэтому естественнее всего характеризовать эту ступень восприятия, как ступень *замечания,* или, еще точнее, как ступень *ощущения* действующих извне раздражений»[6]. В «Общей психологии» эта простейшая форма восприятия также описывается и обозначается, как «ощущенческое восприятие»; причем она предшествует следующей ступени восприятия как в онтогенезе, так и в актуалгенезе. Вторую ступень перцептивной активности составляет обычное предметное восприятие. Высшая же ступень осуществляется на уровне объективации как активный, произвольный процесс — в «Общей психологии» он именуется наблюдением. Две последние формы перцептивной активности протекают на основе установки; первая сама является условием возникновения установки.

Данная теоретическая конструкция Узнадзе, какое бы содержание ни вкладывалось в термины «замечание», «ощущение» или «наглядное восприятие», по мнению некоторых интерпретаторов, говорит о том, что возникновению установки всегда предшествует какая-то «работа» или активность[7]. Следует полагать, что это вполне резонное замечание вряд ли было бы отвергнуто самим автором теории установки. Однако все дело в том, нужно ли считать эту активность поведением (деятельностью) или, может, точнее и разумнее было бы, вслед за Узнадзе, квалифицировать ее как рефлекс или «рефлексоидный акт».

Поскольку тут мы имеем дело с гипотетическим построением, влекущим за собой далеко идущие теоретические выводы, требуется особая точность изложения. Поэтому прямо процитируем одну из «заметок» Дмитрия Николаевича, о серьезности и важности которой свидетельствует ее заголовок — «Пределы правомерности постулата непосредственности». Узнадзе пишет: «Было бы неверно полагать, что в субъекте ничего не возникает *непосредственно* — под влиянием среды, что все опосредствовано *установкой субъекта.* Думается, в случае, когда у субъекта нет нужды или потребности устанавливать взаимоотношения со средой, или же у него нет такой возможности... вероятно, среда все-таки воздействует на него и вызывает непосредственный эффект в психике, организме или соматике. Данный эффект мы можем называть *рефлексом* или *рефлексоидным эффектом.* Таковыми будут: *ощущение* — в познавательной сфере, *удовольствие—неудовольствие* — в эмоциональной сфере, *рефлексы* — в моторной сфере. На первый взгляд, представляется правомерным наблюдение предшествующей психологии, согласно которой ощущение, чувство (приятное—неприятное) и рефлексы представляют собой *элементарные содержания* нашей психики и поведения. Однако правомерно оно лишь в том смысле, что отсюда берется материал, из которого строятся наши переживания. Но что именно строится и какими будут конкретные переживания в каждый данный момент, это зависит от того, какова потребность субъекта и ситуация ее удовлетворения, создающие в субъекте соответствующую *установку,* — переживания зависят от этой установки.

Разумеется, в действительности между ними — материалом и установкой — нет столь резкого разграничения. Поэтому, бывают случаи, когда, скажем, раздражитель красного вызывает ощущение другого цвета, твердый кажется мягким... То же

[6] *Узнадзе Д.Н.* Тетради для заметок // Мацне. 1988. № 4. С. 61. (на груз. яз.)

[7] *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. М, 1979.

самое относится к приятному—неприятному. Моторные рефлексы также зависят от состояния субъекта»[8].

Хотя автор последним пассажем несколько смягчает позицию, она высказана достаточно категорично и, на наш взгляд, существенно корректирует и уточняет базисное положение теории. К ней следует отнестись со всей серьезностью, ибо, констатируя наличие таких форм активности, на которые не распространяется принцип установочного опосредствования, она заметно увеличивает объяснительный потенциал психологии установки, делает ее более гибкой как в методологическом, так и в чисто теоретическом отношении.

В контексте обсуждаемой проблемы данное гипотетическое построение автора позволяет устранить все «парадоксы», связанные с возможностью безустановочной репрезентации факторов установки. Причем, данное решение касается не только доустановочного «восприятия» ситуации, но и фактора потребности, на который, в принципе, также можно распространить парадокс первичности. Если первичная репрезентация ситуации может осуществляться в форме непосредственного «рефлексоидного» процесса «ощущения», то субъективный фактор установки может быть представлен в виде «рефлексоидного» эмоционального переживания. Выше, в комментариях к главе, посвященной психологии эмоций, уже было отмечено, что Узнадзе в принципе допускает такую возможность, говоря об «эмоциональности потребности».

Завершая обсуждение главы о восприятии, отметим одну ее особенность. В ней совершенно не затронут вопрос об иллюзиях восприятия, тогда как данная тема неизменно обсуждается во всех старых и современных учебниках. Это выглядит несколько странно, поскольку именно иллюзии восприятия составляют основу созданного Узнадзе и его сотрудниками методического аппарата по изучению установки. И едва ли какая-либо другая общепсихологическая теория может сказать больше и весомее об иллюзиях восприятия, чем теория установки. Для подтверждения этого далеко идти не приходится. С.Л. Рубинштейн в своем знаменитом учебнике, кстати, изданном в том же году, что и учебник Узнадзе, обсуждая тему иллюзий восприятия, прямо указывает на опыты Узнадзе и его сотрудников, доказывающие установочную, то есть центральную, а не периферическую обусловленность иллюзий. Как бы там ни было, анализ этого вопроса в широком плане мог, безусловно, лучше продемонстрировать объяснительный потенциал теории установки в сфере психологии восприятия. Это, несомненно, усилило бы установочное звучание всего учебника и способствовало реализации замысла автора.

Концепция объективации, созданная в рамках общепсихологической теории установки в последний период научного творчества Узнадзе, могла бы существенно преобразить многие главы «Общей психологии», в первую очередь — касающиеся так называемых «высших познавательных процессов». Впрочем, читателю не трудно будет заметить, что наметки модели объективации даны уже в самом учебнике, в частности, там, где обсуждается вопрос о взаимоотношении восприятия и мышления. Хотя идея и термин появились еще раньше («Сон и сновидения»), к основательной разработке этой теоретической модели Узнадзе приступил в сороковых годах. Во всяком случае, в «Тетрадях» автор неоднократно возвращается к обсуждению данной темы. Впервые в развернутом виде концепция излагается в трудах Тбилисского университета, в исследовании «Проблема объективации» (1948). В последних обобщающих работах она приобретает завершенный вид.

[8] *Узнадзе Д.Н.* Тетради для заметок // Мацне. 1988. № 4. С. 61. (на груз. яз.)

Концепция объективации достаточно хорошо известна, поэтому лишь напомним, что, согласно Узнадзе, активность человека разворачивается на двух уровнях: на уровне импульсивного поведения, где реализация установки происходит беспрепятственно, и на уровне объективации, где осуществление поведения сталкивается с трудностями, практическая активность блокируется — что приводит к акту объективации. Объективация создает условия для начала теоретической активности, направленной на решение возникшей проблемы и, в конечном счете, корректировку установочного механизма, обеспечивающего целесообразность поведения. Для этого субъект приводит в действие свои высшие когнитивные функции и, в целом, рефлексивное сознание.

Таким образом, способность объективации коренным образом меняет облик психики, делая ее специфически человеческой. Благодаря акту объективации у человека появляется возможность переживания чего-то как данного, как некоего объекта. Этот объект или ситуация содержит причину задержки поведения. Поэтому «перед нами возникает вопрос о том, что же это такое — что мы объективируем, что переживаем как данное. И первое, что раньше всего появляется в ответ, это сознание того, что это то же самое, что переживаем; у нас появляется сознание тождества, или идентичности, предмета нашего переживания»[9]. «Это обстоятельство делает возможным выработку у человека специфического отношения к миру — он начинает познавать его»[10].

Познавательный процесс — процесс синтетический. И не только потому, что подразумевает синхронизированную и организованную работу нескольких когнитивных функций, но и в том смысле, что эти функции взаимопроникают друг в друга, создавая сложные когнитивные способности и образования.

В последней работе Узнадзе мы находим лишь эскизное описание этого процесса. Все, естественно, начинается с акта объективации; он, в свою очередь, создает предпосылки для весьма существенного акта, без которого невозможно дальнейшее развитие познавательного процесса — акта идентификации, или «логического закона тождества». Затем, по-видимому, происходит фокусировка внимания, теснейшим образом связанного с объективацией (об этом подробнее ниже). Далее следует процесс повторного восприятия некоторых свойств ситуации или объекта, которые не были должным образом отражены в установке практического поведения и привели к срыву деятельности. Но для этого необходимо не только повторное переживание этих свойств, но и их «предуцирование» при помощи слова — «это получается, в конечном счете, в результате объединенной работы восприятия и логического (словесного) мышления, то есть того, что мы обычно называем *наблюдением»*. Наблюдение как начальный этап вторичного отражения действительности «является первым проявлением работы нашего мышления или — еще точнее — он является сложным процессом, объединяющим в одно целое работу нашего ощущения и нашего словесного мышления»[11].

Теоретическая активность, возникшая на базе объективации, не может обойтись без процессов памяти. Причем память рассматривается не как единая и качественно однородная во всех своих проявлениях функция, а как способность, представляющая собой одновременно несколько ступеней развития, решающая различные задачи в деятельности человека. Соответственно, выделяются пассивные

[9] *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 190.

[10] *Там же.* С. 193.

[11] *Там же.* С. 195.

формы — узнавание, непосредственная память, ассоциативная память, и активные формы — заучивание и воспоминание. Данные формы проявления мнемической функции подробно описываются в «Общей психологии». При этом Узнадзе особое внимание уделяет раскрытию природы представления как основного строительного материала памяти, неоднократно возвращаясь к анализу этого вопроса в различных текстах. Подход Узнадзе здесь опять-таки остается синтетическим; отличительная особенность высших форм представления состоит в их обобщенности, или, иначе, интеллектуализации.

Наконец, завершают процесс решения теоретической задачи операции собственно логического мышления — при помощи данных внимания, наблюдения, представления и возможностей идентификации и номинации, полученных благодаря объективации.

Из всех отмеченных звеньев познавательной активности, описанных в рамках концепции объективации, наиболее запутанным и дискуссионным представляется вопрос о взаимоотношении понятий объективации и внимания. В конечном счете, он сводится к проблеме наличия у внимания собственной сущности и самостоятельной функции. В «Общей психологии», в соответствующей главе, автор довольно подробно анализирует внимание, не ставя под сомнение правомерность его рассмотрения в качестве отдельного и важного когнитивного процесса. Однако необходимость четкой квалификации познавательной активности, протекающей на уровне объективации, поставила перед Узнадзе задачу более глубокого осмысления сущности задействованных здесь процессов, и, прежде всего, внимания. В 1947 году он написал специальную работу, обосновав определенную позицию по поводу сущности внимания, которая затем в «Теоретических основах...» была фактически изменена (хотя, возможно, не опровергала в достаточной мере предыдущей точки зрения). Учитывая, что указанная позиция мало или вовсе незнакома русскому читателю, позволим себе несколько подробнее остановиться на данном вопросе.

Узнадзе анализирует внимание как с точки зрения его функции, так и собственно процесса. Обычно выделяются три функции внимания: отбор из действующих на субъекта впечатлений определенного, строго ограниченного их числа; концентрирование на них психической энергии и, в результате, — повышение степени ясности и отчетливости содержаний сознания.

Анализируя эти функции, автор приходит к выводу, что ни одна из них не может считаться специфической функцией непосредственно внимания. В частности, отбор не может быть таковым, поскольку предполагает процесс, учитывающий содержание переживания и протекающий, прежде всего, в русле этого содержания. Внимание же, по существу, мыслится в качестве индифферентной к содержанию формальной «силы», способной как «прожектор» осветить все, независимо от того, на что направлено. Внимание не может быть с необходимостью связано и с функцией сосредоточения, так как бывают случаи всепоглощающей концентрации сознания на определенных содержаниях и при отсутствии внимания (например, во время сильнейших эмоциональных переживаний). И, наконец, касательно повышения уровня ясности содержаний сознания, что, по оценке автора, составляет главную функцию внимания, представляющую как бы ее «биологическую основу». Она также не может мыслиться в качестве непосредственной функции внимания, поскольку ясность содержаний сознания означает наличие богатого деталями отражения действительности; а отражение действительности, конечно, не дело внимания. Ее отражают такие когнитивные процессы, как восприятие, представление, мышление. Стало быть, яс-

ность и отчетливость отражения непосредственно зависят от уровня активности указанных процессов.

Что касается процессуальной стороны работы внимания, то она всюду характеризуется более или менее продолжительной задержкой активности на предмете, большей или меньшей длительностью фиксации на нем познавательных психических сил. Следовательно, главное — задержка, остановка, фиксация; если их нет, то нет и внимания. Они, подобно приписываемым вниманию свойствам отбора, концентрации и ясности, по всей видимости, определяются другим фактором. Анализируя некоторые случаи импульсивного поведения, Узнадзе приходит к выводу, что факт их несомненного целесообразного протекания предполагает отбор действующих на субъекта агентов, концентрацию на них психической энергии и достаточно ясного их отражения в психике.

Что же определяет все это? Согласно теории установки, фундаментальным механизмом целесообразности любого поведения (независимо от того, будет оно импульсивным или произвольным), является установка. Поведение определяется ситуацией опосредованно — через целостное отражение этой последней в субъекте деятельности, через его установку. Отдельные моменты поведения, в частности вся работа психики, представляют собой явления вторичного порядка. Следовательно, в каждый данный момент в сознание действующего субъекта проникает из окружающей среды и переживается с достаточной ясностью лишь то, что лежит в русле его актуальной установки. Значит, чего не может сделать внимание, понимаемое как формальная сила, то становится функцией установки, являющейся не формальным, а чисто содержательным понятием. Таким образом, понятие установки вполне объясняет существование ясных содержаний сознания, служащих реализации импульсивного поведения. Здесь, вроде бы, нет надобности в понятии внимания.

Однако, как обстоит дело в случае усложнения ситуации, там, где по причине некоего препятствия происходит задержка, остановка активности и фиксация на нем познающего сознания; ведь именно это обычно признается процессуальной характеристикой внимания. Узнадзе и в этом случае находит замену понятию внимания. Как нетрудно догадаться, эта роль отводится понятию объективации. Для этого специально обговариваются три функции объективации: 1) остановка и временная задержка практического поведения; 2) создание условий для начала познавательной, теоретической активности и 3) создание условий для ясного и четкого осознания объективированного содержания путем подключения к работе психики высших когнитивных процессов.

После этого вполне логично звучит положение о том, что внимание по существу нужно характеризовать, как процесс объективации. Тем самым, по словам автора, снимаются все «апории», связанные с понятием внимания. В тексте рассматриваются две из них:

«1. Становится понятным, почему внимание, не будучи по существу связано с понятием ясности содержаний сознания, тем не менее всегда трактуется, как его необходимый источник. Мы видим, что оно не само непосредственно освещает то или иное содержание, не само повышает уровень ясности его сознания, а, *объективируя* его, дает познавательным функциям возможность сделать это.

2. При традиционной трактовке понятия внимания остается совершенно непонятным, как удается нам обратить внимание на что-нибудь. Для этого ведь необходимо, чтобы то, что станет предметом моего внимания, так или иначе уже было дано моему сознанию. Но что-то будет мне дано, если мое внимание уже будет обращено

на него. При предлагаемой трактовке понятия внимания это затруднение снимется само собой: содержания сознания непосредственно даются не с помощью внимания, а на основе установки; это создает возможность их *объективации,* то есть возможность сделать раз воспринятый предмет объектом дальнейших познавательных актов — объектом внимания»[12].

Одним словом, традиционно приписываемые вниманию функции распределяются между установкой, объективацией и познавательными процессами. Понятие внимания, как таковое, оказывается излишним.

В «Экспериментальных основах психологии установки» Узнадзе приступает к пересмотру данной позиции. Во всяком случае, он высказывает предположение о работе психики в двух планах, один из которых обходится без участия внимания, а другой предполагает его прямое участие. При этом подчеркивается, что в обоих случаях несомненно наличествует ясность и отчетливость психических содержаний.

И наконец, в «Основных положениях теории установки» делается попытка обоснования новой точки зрения. Необходимость подключения функции внимания возникает на уровне объективации. Естественно, ключевым пунктом здесь является разведение понятий объективации и внимания. По мнению Узнадзе, они теснейшим образом взаимосвязаны, вплоть до того, что иногда между ними трудно увидеть разницу. Однако различать их все-таки необходимо. Объективация есть всего лишь приостановка на определенном переживании, которое может стать предметом нашего внимания. Объективация дает материал, на котором можно сосредоточиться. Однако если выделить ясность переживания в качестве отдельного момента этого последнего, то прежде чем получить возможность говорить о степени его интенсивности, следует предварительно иметь представление о самом переживании как о чем-то данном, самому себе тождественном. Иначе говоря, предварительным условием работы внимания является акт объективации. Внимание как самостоятельный психический процесс включается вслед за объективацией.

Следует отметить, что приведенное рассуждение оставляет открытыми некоторые вопросы. Главный из них состоит в точном определении функции внимания. По всей видимости, в последней версии таковой считается обеспечение ясности переживания. Но, согласно предыдущим рассуждениям, предиката ясности не лишены и психические содержания, возникающие на первом уровне активности, — там, где еще не имеется ни объективации, ни внимания. Стало быть, придание переживанию ясности и отчетливости является, по крайней мере, функцией не только внимания. Однако, как выясняется из исследования, специально посвященного выявлению сущности внимания, эта функция непосредственно связана с осуществлением других когнитивных процессов. В таком случае несколько непонятно, для чего нужно ее дублировать еще и особым процессом внимания. Вероятно, Узнадзе намеревался доработать данный вопрос. Поэтому сейчас трудно представить, как бы он переписал главу о внимании в свете концепции объективации. Но не приходится сомневаться, что, доведись ему это сделать, изменения имели бы существенный характер.

Глава «Психология мнемических процессов» наиболее объемная в книге. Она насыщена богатым фактическим материалом и интересными теоретическими интерпретациями. Здесь автор максимально использует потенциал теории установки при объяснении тех или иных особенностей мнемических феноменов. Соображения Узнадзе большей частью представляются вполне убедительными, по крайней мере,

[12] *Узнадзе Д.Н.* К проблеме сущности внимания // Психология: Труды Института психологии Акад. наук Груз. ССР. Т. 4. 1947. С. 163. (на груз. яз.)

в сравнении с существующими в то время альтернативными взглядами. Впрочем, пусть читатель сам оценит достоинства или недостатки подхода Узнадзе к процессу узнавания и его иллюзий, процессу ассоциаций и так называемых «комплексов», к вопросу точности репродукции, к проблеме переживания уверенности в воспоминании, к установочной версии общей теории памяти.

Тут мы отметим лишь один вопрос, к которому Узнадзе не раз возвращался в контексте концепции объективации. Это вопрос о природе представления как основного строительного материала памяти. В «Общей психологии» данный вопрос затронут лишь в аспекте различия между образом восприятия и представлением.

Отстаивая идею синтетической природы когнитивной активности на уровне объективации, Узнадзе отводит «выдающуюся роль» способности представления, наиболее специфической и характерной формой которой являются продукты нашей памяти. Фундаментальным признаком памяти, по большому счету, является то, что касается повторения психических содержаний. Условием же повторения признается объективация; поэтому она и является основным источником содержаний человеческой памяти. Однако представление существует и до объективации. Оно имеется у животного и носит абсолютно случайный, индивидуальный и конкретный вид. Но специфически человеческую форму представление приобретает в результате мыслительной переработки этой первичной формы на уровне объективации, его интеллектуализации, что делает ее «обобщенной». Словом, «процесс представления, включающий в себя мышление, есть представление, приписываемое человеку (со знаком обобщенности) — этот момент обобщенности вносит в представление мышление»[13]. Таким образом, здесь налицо еще один пример настоящей синтетической деятельности когнитивных функций. На этот раз дело касается кооперации между памятью и мышлением.

Глава восьмая — «Психология мышления» содержит довольно полные сведения по психологии мышления, существующие в то время в науке. Она была бы еще интересней, если бы включала в себя теоретическую модель регуляции мыслительной деятельности на уровне объективации и экспериментальные факты, связанные с действием установки на различных этапах мыслительного процесса. Тем не менее, в главе все-таки нашли свое отражение некоторые оригинальные теоретические и эмпирические разработки автора. Последние касаются онтогенеза понятийного мышления. Здесь Узнадзе широко использует результаты своих известных экспериментальных исследований в этой области. Что касается оригинальных теоретических подходов, то это, в первую очередь, относится к предпринятому Узнадзе анализу проблемы уверенности вообще и, в частности, уверенности в суждениях.

Узнадзе придавал важнейшее значение решению данной проблемы для понимания сущностных особенностей функционирования психики. Поскольку феномен уверенности наблюдается в различных психических процессах (восприятие, память, мышление, воля), то проблема его объяснения приобретает общепсихологическое значение. Поэтому неудивительно, что автор дважды обращается к ней в «Общей психологии». Первый раз он делает это в контексте обсуждения общей теории памяти. Узнадзе полагает, что любая серьезная теория памяти обязана показать, откуда берется уверенность в правильности репродукции. Постановка и решение проблемы здесь полностью учитывают специфику мнемических процессов. Во втором случае — при рассмотрении феномена уверенности в суждении — проблема ставится и анализируется в более широком контексте.

[13] *Узнадзе Д.Н.* Тетради для заметок // Мацне. 1988. № 1. С. 92. (на груз. яз.)

В 1941 году в обобщающей работе по психологии установки Узнадзе вновь обращается к проблеме уверенности, стремясь еще более уточнить свою позицию. В чем же она состоит по существу? У людей имплицитно имеется уверенность в реальности восприятия, в истинности суждения, в правильности воспоминания, в правомерности решения. Спрашивается, откуда берется это переживание, если реальность, «нечто» дается только в восприятии, суждении, воспоминании. Откуда мы знаем, что они правильно отражают это «нечто»? Совершенно иначе обстояло бы дело, имей мы обе данности — и это «нечто», и его психическое отражение. Тогда имелась бы возможность их сравнения между собой и переживания степени их соответствия. Но поскольку объективное дается лишь через психическое отражение, то мы лишены такой возможности. В силу этого, по мнению Узнадзе, удовлетворительного решения данной проблемы до сих пор не найдено. В самом деле, во всех предшествующих теориях источником этого переживания признавались другие переживания, их репродукция или некоторые особенности их протекания; согласно им, одно переживание определяет другое. Однако, как можно быть уверенным, что субъективное содержание переживания на самом деле соотносится с объективной действительностью, если мерилом этого берется другое переживание, имеющее с объективным положением вещей столько же общего, сколько и первое. Кроме логической и фактической несостоятельности, подобные объяснения неприемлемы для Узнадзе и в силу того, что опираются на теорию непосредственности. «Зато для теории установки здесь нет никаких трудностей. Дело в том, что, согласно основной мысли этой теории, существует не только психическое отражение объективного положения вещей, но и *целостно-личностное,* а именно установочное, отражение. Следовательно, объективное положение вещей уже отражено субъектом в установке до того, как он отразит его в своем восприятии, суждении, воспоминании.

Но работа психики — это реализация нашей установки; когда она происходит беспрепятственно, когда психика отражает то, что отражено в установке, естественно, что мы переживаем правильность нашей психической работы, у нас появляется уверенность в том, что наши восприятия, суждения, воспоминания отражают объективное положение вещей»[14].

У читателя может вызвать некоторое недоумение факт отсутствия в книге главы о психологии языка и речи, которая в учебниках обычно следует за главой, посвященной психологии мышления. В самом деле, трудно полностью объяснить это обстоятельство. Приходится лишь строить предположения на этот счет. Известно, например, что Кюльпе, выдающийся исследователь мышления, в своем сравнительно раннем учебнике по общей психологии, будучи верным принципу основываться исключительно на достоверных фактах, но не располагая таковыми, предпочел попросту не включать в него главу о мышлении. Вероятно, также и для Узнадзе создание оригинального учебника по общей психологии имело смысл, прежде всего, с точки зрения нового теоретического осмысления и обобщения существующих научных данных. Иначе, в конце концов, можно было попросту организовать перевод и издание какого-либо добротного учебного пособия.

Скорее всего, к моменту работы над учебником у автора еще не было сложившейся системы представлений, проливающей новый свет на психологическую сущность языка и речи. Возможно, именно поэтому он воздержался от написания соот-

[14] *Узнадзе Д.Н.* Основные положения теории установки // Антология гуманной педагогики: Узнадзе. М., 2000. С. 187.

ветствующей главы, отложив это дело до последующей редакции книги, что он, несомненно, намеревался осуществить.

Однако совершенно очевидно, что данная проблематика всегда представляла для Узнадзе предмет особого интереса. Об этом свидетельствует содержание его первой же общепсихологической работы («Impersonalia», 1923), направленной на выявление психологической природы определенной языковой реальности — так называемых бессубъектных предложений. С этой целью он обращается к «до сих пор еще неведомой области действительности, которой совершенно чужды противоположные полюса субъективного и объективного и в которой имеем дело с первичным фактом их внутреннего, нерасчлененного существования»[15]. Эта «подпсихическая реальность», в которой снята антитеза субъект—объект, в данном случае выступает в качестве начала, объединяющего ощущения в единый образ, и основы интенции к объекту, присутствующей в каждом восприятии (переживании) как вторичном, производном от него явлении. Данная теоретическая конструкция позволяет автору понять, почему и как происходят имперсоналии. Несколько позже в концепции биосферы, ставшей предтечей теории установки, предугаданная в этой работе реальность обрела гораздо более широкое содержание как основа целесообразности активности живых существ и даже как «принцип жизни».

В том же году выходит в свет замечательное исследование «Психологические основы наименования». Его значение определяется важностью самого вопроса, поскольку факт наименования «является моментом окончательной встречи звукового комплекса и мысли. Следовательно, этот момент, по существу, нужно считать начальной датой истории *настоящего* языка»[16]. Этот фундаментальный вопрос, пожалуй, впервые в психологической науке был экспериментально изучен Узнадзе. В частности, было показано, что наименование предметов и явлений отнюдь не есть абсолютно случайный, совершенно немотивированный акт, а имеет под собой специфическую психологическую основу. Давая наименование тем или иным предметам, испытуемые отдают предпочтение вполне определенным звуковым комплексам. Выявление данной закономерности наметило новый путь как для изучения психологических вопросов языка, так и для понимания психологической природы речевой активности. Полученные Узнадзе результаты были внесены в учебники по психологии и стимулировали широкие исследования в этой области.

В дальнейшем Узнадзе продолжил активные изыскания в области психологии языка и речи. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в «Тетрадях», а также сохранившаяся в его личном архиве рукопись, полностью посвященная важнейшим проблемам языка и речи (1944). Наконец, на основе этих наработок, Узнадзе пишет основательное исследование — «Внутренняя форма языка». Отличаясь удивительной глубиной — и вместе с тем ясностью и четкостью изложения, она, бесспорно, представляет собой одну из лучших общепсихологических работ Дмитрия Николаевича. Происхождение и специфика языковой действительности, место и роль психологической составляющей в языке, взаимоотношение между лингвистикой и психологией, соотношение логического и психологического в природе языка, соотношение языка и речи, широкий круг тем, связанных с языковым творчеством, усвоением, употреблением и пониманием языка — вот неполный список вопросов, которые не просто об-

[15] *Узнадзе Д.Н.* Impersonalia // Узнадзе Д. Труды. Т. IX. Тбилиси, 1986. С. 314. (на груз. яз.)

[16] *Узнадзе Д.Н.* Психологические основы наименования // Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.

суждаются, но на которые даются вполне определенные и аргументированные ответы с позиций общепсихологической теории установки.

Эти работы Узнадзе довольно хорошо известны в лингвистических и психологических кругах и дают достаточно полное представление о его взглядах в области психологии языка и речи, увы, не нашедшие своего отражения в «Общей психологии».

Наконец, в последней главе, посвященной психологии воображения, автор прибегает к нескольким интересным теоретическим ходам, стремясь выработать новый взгляд на некоторые важные явления из этой сферы. Прежде всего, это касается таких проявлений работы фантазии, как сновидение и игра.

Пытаясь преодолеть несколько «фантастический характер» теоретической конструкции Фрейда, Узнадзе предлагает объяснить своеобразие сновидного сознания, равно как и особенности выявления так называемых «комплексов» в ассоциативных экспериментах (см. также в седьмой главе — ассоциация и установка), исходя из понятия установки. Как нетрудно будет убедиться и самому читателю, в «Общей психологии» это сделано в довольно лаконичной форме. Однако в других его произведениях указанные вопросы, а также стоящая за ними серьезная проблема соотношения психоанализа и психологии установки как концепций бессознательного, рассматриваются весьма основательно и с должным полемическим настроем. В свете непрекращающихся обсуждений психоаналитических представлений о бессознательном имеет смысл вкратце напомнить о позиции Узнадзе по этому поводу.

Первое упоминание о психоанализе мы встречаем в «Основах экспериментальной психологии» в контексте общего представления Узнадзе о том, что «бессознательное психическое переживание не существует. Однако и сами психические переживания недостаточны для постижения их собственного протекания»[17]. Не по силам это и физиологическим фактам. Детерминация психического происходит в так называемой «биосферной реальности», которая в ходе дальнейшего развития теории трансформируется в понятие установки.

Позже, в трактате «Сон и сновидения» Узнадзе уже основательно рассматривает концепцию Фрейда, высказывая в связи с этим принципиальные соображения. В психоанализе, отмечает Узнадзе, область бессознательной психики по своему содержанию не отличается от сознания. Она содержит те же переживания, что и сознание, с той лишь разницей, что индивид не ведает об их существовании. Но в таком случае понятие бессознательного не дает ничего нового, поскольку независимо от того, замаскировано его содержание или нет (как, скажем, в сновидениях), оно по сути остается носителем того же содержания, что и сознание. Бессознательные психические явления «уже существуют в готовом виде до того, как смогут реализоваться в сновидении. Какой же смысл имеет их активация в сновидном сознании? Они здесь продолжают существовать не в виде представлений, мыслей, желаний или аффектов, а как готовность активации их функциональной тенденции, как установка субъекта к возникновению переживаний в их направлении»[18].

Узнадзе полагает, что психоаналитическое понятие бессознательного не годится для понимания закономерностей порождения и протекания содержаний сознания, поскольку оно состоит из лишенных признака переживаемости обыкновенных психических (сознательных) феноменов — мыслей, желаний, аффектов, а объяснение переживания опять-таки через переживание (пусть даже бессознательное) невозмож-

[17] *Узнадзе Д.Н.* Основы экспериментальной психологии // Труды. Т. II. Тбилиси, 1960. С. 160.

[18] *Узнадзе Д.* Сон и сновидения. Тбилиси, 1936. С. 58. (на груз. яз.)

но (вспомним постулат непосредственности). Для этого следует найти соответствующую реальность и понятие совершенно другого характера и иной категории.

В своих последних исследованиях Узнадзе возвращается к рассмотрению психоаналитической концепции, но уже не в связи с феноменом сновидения, а с общепсихологической точки зрения. К этому времени установка была уже окончательно признана психической реальностью и ей однозначно приписывалась роль альтернативы любого другого понимания бессознательного, прежде всего психоаналитического. Если у нас что-либо и протекает действительно бессознательно, то это, конечно, наша установка, — утверждает автор.

Согласно Узнадзе, наиболее слабым местом в учении Фрейда является то, что бессознательное в нем характеризуется только негативно; сферу бессознательного составляют те же сознательные переживания, но только изгнанные из сознания и находящиеся теперь в форме переживания, лишенного качества сознания. Такое бессознательное — это та же психика минус сознание. Внутренняя природа и структура сознания и бессознательного, по сути, одинаковы. В этом коренится главный недостаток теории Фрейда. Если мы стремимся выработать действительно продуктивное понятие бессознательного, его следует освободить от обычного для сознательной психической жизни содержания и наделить принципиально иным онтологическим и функциональным содержанием. Под понятием установки подразумевается именно такая реальность. Будучи не обычным психическим переживанием, а целостным состоянием субъекта, она лежит в основе всякого сознательного опыта, оставаясь при этом всегда бессознательной. Установка представляет собой раннюю ступень развития психики, логически и фактически предшествующую сознанию. Психоаналитическое понятие бессознательного, в сущности, не дает науке ничего нового. Это психика, изгнанная из сознания, то есть сознание предстает в качестве ее обязательного предварительного условия. Поэтому она никак не проясняет ключевой вопрос, касающийся возникновения и развития психики, не говоря уже о том, что такое понимание бессознательного неминуемо приводит нас к апории «непереживаемого переживания».

Такова оценка Узнадзе психоаналитического понятия бессознательного. Она имеет как критическую, так и позитивную части. С одной стороны, показана неправомерность подобного взгляда, а с другой — указывается понятие, которым его можно и нужно заменить. Тут надо выделить два момента: один — насколько точна и правомерна узнадзевская критика Фрейда, и второй — насколько целесообразно и продуктивно осмысление понятия установки в качестве альтернативы психоаналитического понятия бессознательного.

По этим вопросам не найдено согласия, хотя они серьезно обсуждались во многих исследованиях (Ф.В. Бассин, И.Т. Бжалава, В.Л. Какабадзе, А.Е. Шерозия и др.). Особенно богатый материал по этому поводу содержится в широко известном фундаментальном четырехтомнике материалов международной конференции по бессознательному, проведенной в Тбилиси (1979), на родине Узнадзе — одного из глубочайших мыслителей XX века, исследовавших проблему бессознательного.

Заинтересованный читатель может обратиться к этим источникам. Отметим лишь, что узнадзевская критика, как нам кажется, абсолютно адекватна по отношению к тому виду бессознательного, который в психоанализе обозначается как «репрессированное бессознательное». Оно действительно часто характеризуется Фрейдом как «бессознательное представление», «бессознательный аффект» и так далее, то есть в качестве обычного психического переживания, лишенного сознания. Такая «бессоз-

нательная система имеет те же особенности, что и сознание»[19], и будучи производной от сознания, конечно, не может служить предварительным условием возникновения этого последнего. Однако в психоаналитической концепции, особенно на позднем этапе ее развития, четко обозначился и другой вид бессознательной психики — так называемое «собственно бессознательное», представленное в личностной подструктуре «Id». Речь идет о генетически исходной форме психики, данной в виде энергетики первичных нужд и определяющей другие личностные и психические структуры филогенетически, онтогенетически и в смысле актуалгенеза. Ее свойства и принципы действия в корне отличаются от всей остальной психики — сознательной и бессознательной. Характеристика «собственно бессознательного» исключает какие-либо параллели между ней и сознанием (психика минус сознание); как это, впрочем, имеем в случае бессознательной установки, которая, являясь психологическим механизмом целесообразности поведения, действует на основе «принципа реальности», тогда как «Id» руководствуется «принципом удовольствия».

Поэтому подходить к вопросу о замене психоаналитического понятия бессознательного установкой следует с большой осторожностью, имея в виду: 1) что в рамках самого психоанализа данное понятие имеет минимум два существенно отличных содержания; 2) что в самой психологии установки были и остаются различные толкования онтологического статуса феномена установки (особенно в связи с возможностью ее осознания); 3) необходимость учитывать метатеоретические основания формирования этих понятий; функции, приписываемые сфере бессознательного в одной и другой теории, а также конкретные содержательные и формальные характеристики концепций и сферу их приложения. Словом, речь идет о методологическом, теоретическом и практическом контексте двух совершенно различных систем психологии.

В ином случае, простая замена психоаналитического понятия бессознательного абсолютно инородным для него понятием установки будет равносильна разрушению этой психологической системы и, следовательно, полному отказу от нее. Правомерность и, главное, продуктивность такого подхода может оспариваться хотя бы до тех пор, пока не будет показана полная несостоятельность психоаналитической практики. И тут, конечно, вряд ли можно обойтись простым указанием на то, что в психоаналитической практике Фрейду, очевидно, «действительно удавалось касаться» фактора, обуславливающего заболевание. Однако, не давая ему позитивной, существенно отличной от сознательной психики характеристики, он определял его лишь отрицательно — как бессознательное. На самом же деле, он имел дело с установкой, ибо именно она представляет собой бессознательную психическую реальность[19]. Так ли это, можно будет убедиться, противопоставив психоанализу систему психотерапии, полностью и бесспорно построенную на принципах общепсихологической теории установки, появление которой мы вправе ожидать в обозримом будущем.

Фантазии как психическому процессу отводится первостепенная роль в создании причудливого мира игры. Поэтому в этой главе рассматривается также и проблематика игры. Однако фантазия, как и другие психические функции, является лишь инструментом осуществления игрового процесса, который, прежде всего, представляет собой определенную самостоятельную форму поведения. Можно утверждать, что, несмотря на длинную историю изучения вопроса, наука до сих пор остается в неведении относительно многих тайн этого вида деятельности.

[19] *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923. С. 132

[20] *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 177-178.

В «Общей психологии» дается прекрасный критический анализ наиболее авторитетных теорий игры, существующих на то время. Автор полагает, что главный недостаток всех предшествующих теорий состоит в отсутствии правильного ответа на ключевой вопрос: почему играет живое существо? Откуда берется мотивация игры? Такую побудительную силу, согласно Узнадзе, представляет собой так называемая «функциональная потребность» — тенденция приведения в действие данных от природы функций индивида, пока еще не подключенных к осуществлению жизненных задач.

Понятие функциональной тенденции впервые появилось еще в «Педологии», но серьезно разрабатывать его Узнадзе начал в интересной во многих отношениях работе «Сон и сновидения». Столкнувшись в «Общей психологии» с необходимостью выявления своеобразных особенностей различных видов поведения (потребления, обслуживания, труда, учения, игры и др.), автор буквально через год решает эту задачу в своем исследовании «Формы поведения человека». В ней представлены замечательные образцы описательной характеристики важнейших самостоятельных форм поведения, а также оригинальный принцип их классификации. Тут и раскрылся громадный теоретический потенциал понятия функциональной тенденции как мотивации самоактивности — внутреннего, процессуального побудителя деятельности. Различные виды поведения были классифицированы в соответствии с их мотивационной сущностью. Одну группу составили виды поведения, побуждаемого так называемыми субстанциональными, или предметными, потребностями (экстрогенные формы поведения), а вторую — функциональными, или процессуальными, потребностями (интрогенные формы поведения).

Игра представляет собой типичную форму интрогенного поведения. Согласно Узнадзе, «основную сущность игры составляет активация биологически неактуальных возможностей ребенка, вызываемая импульсом функциональных тенденций»[21]. Что же дает такое понимание сущности игры для объяснения ее характерных особенностей? В «Общей психологии» об этом говорится сравнительно мало. Зато в «Детской психологии» данный вопрос разобран довольно подробно.

Вкратце, преимущество теории функциональной тенденции заключается в том, что она исходит из единого принципа при понимании всех отмеченных в других теориях особенностей игровой деятельности. Так, по Гроосу, игра является «подготовительной школой» для будущей жизни. Это, в сущности, верно, хотя остается непонятным, почему ребенок это делает. Однако, если в случае игры мы действительно имеем дело с унаследованными ребенком силами, приводящимися в действие функциональной тенденцией, вопрос легко решается. В самом деле, ведь эти силы (функции) использовались предками ребенка в серьезной деятельности, для решения жизненных задач, с которыми ребенок будет иметь дело в будущем. Словом, в игре функциональной тенденцией побуждаются к действию и, следовательно, тренируются и развиваются силы, необходимые для решения задач взрослого человека. Поэтому понятно, что игра в самом деле представляет собой подготовительную школу для сил, необходимых в будущей жизни.

Согласно Бюлеру, игра доставляет ребенку «функциональное удовольствие». Это также верно. Но Бюлер не показывает, откуда появляется это переживание и как оно связано с сущностью и природой игры. Уклоняясь от гедонистических интерпретаций, Узнадзе полагает, что данная характеристика игры опять-таки связана с нереализованными силами и соответствующими функциональными тенденциями. Благодаря им ребенок начинает играть, но, играя, естественно, удовлетворяет функциональные по-

[21] *Узнадзе Д.Н.* Игра. Теория функциональной тенденции // Антология гуманной педагогики: Узнадзе. М., 2000. С. 133.

требности, что и переживается соответствующим образом, то есть в виде функционального удовольствия.

Теория функциональной тенденции делает понятным и факт постепенного сокращения проявлений игры в процессе онтогенеза, поскольку круг незадействованных в других видах деятельности функций с возрастом неуклонно уменьшается.

Можно указать и на другие достоинства предложенной Узнадзе теории игры. Однако главное, как нам кажется, заключается в том, что, решая вопрос об инициации игры, автор не оставляет без внимания и содержательную сторону игровой деятельности. Вопрос о том, почему ребенок играет так, а не иначе, решается все на той же основе. Содержание игры каждый раз определяется составом и уровнем сформированности психофизических сил, стремящихся к действию. Однако они могут быть актуализированы только в определенной «возрастной среде», организованной в соответствии с экономическими, социальными и культурными факторами. Как и всюду, Узнадзе и здесь следует принципу неразрывного единства внутреннего и внешнего, из которого «само собой вытекает, что из всех тех внутренних возможностей, которыми обладает психофизический организм ребенка, функциональную тенденцию наиболее ярко проявят те возможности, которые встретят соответствующие необходимые условия в среде. Отсюда ясно, что ребенок не везде и не всегда играет одинаково, а виды и формы его игры меняются в соответствии со средой. Содержание игры деревенского ребенка одно, городского ребенка — другое; живущего на побережье моря — одно, ребенка-горца — иное»[22]. Исходя из сказанного, можно усомниться в правомерности авторитетной оценки, усматривающей «серьезный дефект этой теории в том, что она рассматривает игру как действие изнутри созревших функций, как отправление организма, а не деятельность, рождающуюся во взаимоотношениях с окружающим миром. Игра превращается, таким образом, по существу своему в формальную активность, не связанную с тем конкретным содержанием, которым она как-то внешне наполняется. Такое объяснение "сущности" игры не может поэтому объяснить реальной игры в ее конкретных проявлениях»[23]. Очевидно, что именно отсутствие переведенных оригинальных текстов автора не позволило крупному специалисту составить более адекватное представление о взглядах Узнадзе по этому и не только по этому вопросу.

Можно быть уверенным, что предложенная книга послужит лучшему пониманию позиции Дмитрия Николаевича относительно многих важных проблем общей психологии. Разумеется, как учебное пособие она в определенной степени не могла не устареть. Как-никак шестьдесят с лишним лет — в науке срок немалый. Однако, некоторые старые учебники в психологии, несомненно, обладают особенностями, имеющими непреходящую ценность. Принципы подбора материала, расстановка акцентов, манера изложения, создающая неповторимую творческую ауру, всегда составляют предмет интереса для специалиста, и отнюдь не только исторического, если автором является крупный ученый. Тем более, когда речь идет об уникальном учебнике, основанном на оригинальной общепсихологической концепции, которая, несмотря на снижение темпов разработки, и поныне имеет своих последователей, продолжает развиваться и занимает свою, вполне определенную нишу в мировой психологии.

Ираклий Имедадзе,
доктор психологических наук, профессор,
Президент Общества психологов Грузии

[22] *Рубинштейн С.Л.* Общая психология. М., 1940. С. 496.

[23] *Узнадзе Д.Н.* Игра. Теория функциональной тенденции // Антология гуманной педогогики: Узнадзе. М., 2000. С. 136.

Предисловие

Представленная книга касается всех основных проблем общей психологии и может быть использована в нашей высшей школе в качестве учебника по психологии.

Как в этом убедится читатель, она заметно отличается от известных курсов психологии. В главном и существенном книга опирается на материалы, полученные в результате исследовательской работы, проведенной мною и моими сотрудниками. Этим объясняется наличие в учебнике глав, не встречающихся в других курсах, в частности главы, посвященной психологии установки, представляющей основную проблему нашей исследовательской работы.

Конечно, это вовсе не означает, что наша книга не считается с достижениями так называемой «классической психологии». Читатель убедится в том, что мы широко используем данные других исследователей, а также новейшие компендиумы, имевшиеся в нашем распоряжении (В. Штерн, Г. Дюма и др.). Думается, что читатель согласится, что в этих условиях не имело смысла продолжать первый том моих «Основ экспериментальной психологии» (1925), поэтому я предпочел вместо этого представить целостный курс психологии в виде данной книги. Первый том «Основ экспериментальной психологии» не утрачивает своего значения и после выхода этой книги, поскольку из его содержания в настоящее издание вошло всего несколько страниц и тому, кто интересуется, скажем, психологией ощущений, будет полезно обратиться именно к первому тому «Основ экспериментальной психологии», в котором данный вопрос широко рассматривается.

В завершение мне хотелось бы поблагодарить всех моих сотрудников — не только за коллективную работу, результатом которой является настоящая книга, но и за полезные замечания, учтенные и использованные мною.

Автор
Тбилиси
5 ноября 1940

Глава первая
Введение в психологию

Предмет и задачи психологии

Что такое психология, то есть что является предметом ее исследования как науки и каковы ее задачи? Несмотря на продолжительное историческое прошлое психологии, этот вопрос и сегодня остается спорным. Особенно велико различие во мнениях относительно предмета психологии, и мы, в первую очередь, должны остановиться на этом вопросе.

И действительно, что же исследует наша наука? Для того, чтобы понять, как должен быть решен данный вопрос на нынешней ступени развития науки, представляется наиболее целесообразным рассмотреть этапы, пройденные психологией в процессе своего исторического развития.

1. Метафизическая психология

На начальном этапе научного мышления предметом психологии считалась душа. Аристотель назвал свое основное психологическое исследование «Пери психе» («О душе»). Такое же положение сохраняется в средние века и в начале нового времени — психология считается наукой о душе. В течение веков это воззрение настолько упрочилось, что, к примеру, Гефдинг даже в нашем столетии счел возможным повторить: «Психология — это учение о душе; таково наиболее краткое определение, которое можно дать нашей науке».

Но неужели возможно на самом деле считать душу предметом психологии, как это представлялось на протяжении веков? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы тотчас же почувствовать необходимость его отрицательного решения. И действительно, что в целом является наиболее характерным для современной науки с точки зрения нашей проблемы? Несомненно то, что она изучает ту или иную сферу или сторону *действительности.* Предметом научного исследования является *действительность.* Поэтому ни в одной из отраслей научного знания, будь то естественные или социальные науки, не встречаем такого, чтобы исследовательский процесс начинался без постановки и положительного решения вопроса о действительности предполагаемого предмета изучения.

Каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности: физика — физической, химия — химической. Предмет любой науки с не-

обходимостью предполагает непосредственную данность его действительности. Поэтому для признания души в качестве предмета научного исследования необходимо, чтобы ее действительность была дана непосредственно.

Но так ли это? Человек чувствует, рассуждает, представляет, стремится, тревожится, заботится. Существом, наделенным душой, мы считаем только того, кто способен испытывать это или нечто подобное. Подобные явления обычно называют *душевными* явлениями, полагая, что они имеются у человека благодаря душе. Эти переживания мы, разумеется, испытываем непосредственно. Следовательно, можно сказать, что душевные явления даются нам непосредственно.

Однако что касается самой души, то ведь она считается силой, порождающей эти переживания, а потому лишь подразумевается за непосредственно данной действительностью. Поэтому очевидно, что она лишена необходимого качества, присущего предмету любой другой науки, — данности в непосредственной действительности.

Отсюда бесспорно, что душа может быть предметом исследования не подлинно научного, а лишь выходящего за пределы эмпирической действительности и стремящегося проникнуть в *метафизическую* сферу. Следовательно, рассмотрение души в качестве предмета психологии характерно для так называемой *«метафизической»,* а не научной психологии.

2. Эмпирическая психология

С тех пор, как были разработаны основные принципы эмпирической философии, стало очевидным, что психология может считаться настоящей наукой лишь в том случае, если предметом ее исследования будет признана не метафизическая сущность — душа, а то, что дано непосредственно. В эмпирической же действительности, как отмечалось выше, даны так называемые «душевные явления», наши различные переживания — чувства и представления, мысли и желания. Следовательно, предметом психологии должна быть признана именно эта область действительности, то есть *психические явления.* Так рассуждает *эмпирическая психология.*

Однако исторически для эмпирической психологии характерно не только то, что она считает предметом своего исследования душевные явления. Нет! Наряду с этим она пытается определить и пределы эмпирической действительности, содержащей изучаемые ею явления. Она различает внешнюю, объективную действительность, сведения о которой человек получает через органы чувств, то есть с помощью внешнего наблюдения, и действительность, проявляющуюся в виде внутреннего чувства, то есть через *самонаблюдение.* Таким образом, эмпирическая психология различает *объективную и субъективную* эмпирическую действительность. Согласно эмпирической психологии, психические явления составляют исключительно сферу самонаблюдения. Следовательно, предметом психологии признается субъективная действительность, и в этом смысле эмпирическая психология должна быть сочтена субъективной психологией.

Известно, что с тех пор, как различные отрасли науки встали на путь эмпирического исследования, их развитие пошло необычайно стремительным темпом. Это особенно относится к естественным отраслям науки, то есть к тем, что исследуют внешний опыт, или, иначе, объективно данную действительность. Зато психология, как и прежде, двигалась вперед весьма медленно. Естественно встает вопрос: в чем причина этого?

Как науки о природе, так и психология исследуют эмпирическую действительность. В этом смысле между ними разницы нет. Отличие лишь в том, что естествозна-

ние изучает объективную действительность, а психология — субъективную. Это обстоятельство позволяет естествознанию изучать свой предмет путем объективного наблюдения. Психология же, изучающая субъективно данную действительность, лишена такой возможности. В соответствии с основным положением эмпирической психологии, она вынуждена строить свое исследование на почве субъективного наблюдения, то есть самонаблюдения.

Следует полагать, что неплодотворность эмпирической психологии была обусловлена тем обстоятельством, что предметом ее изучения признавалась сфера внутреннего опыта, то есть сфера, не поддающаяся объективному изучению. Следовательно, вопрос о предмете психологии не смогла правильно решить также и эмпирическая психология.

3. Бихевиоризм

Новейшая попытка решения этого вопроса дана в так называемой *«бихевиористической психологии»*. Согласно представителям этого направления, психология только тогда может стать настоящей наукой, если, подобно другим наукам, в качестве предмета своего исследования наметит соответствующую сферу объективной действительности. Однако психическая действительность, как это утверждает и эмпирическая психология, не относится к данной сфере. Поэтому психология должна отказаться от изучения психического, сделав предметом своего исследования нечто такое, что не является психическим.

Таким образом, согласно бихевиоризму, не только душа, но и психические явления не могут считаться предметом психологии. Исходя из этого, подлинной наукой не являются ни эмпирическая, ни, тем более, метафизическая психология.

Но существует ли нечто такое, что, относясь к сфере объективной данности, тем не менее может выступать предметом психологии? Согласно бихевиоризму, подобное несомненно существует. В самом деле, основная задача психологии всегда заключалась в познании особенностей человека. А особенности человека проявляются в том или ином его поведении. Поведение, в свою очередь, осуществляется в определенных условиях стимуляции, изменяясь под воздействием этих стимулов. Если будут изучены закономерности человеческого поведения, если будет исследовано, как ведет себя человек под воздействием того или иного стимула, разве это не будет означать познание человека — познание, имеющее не только теоретическую, но и практическую ценность! Но что для этого нужно? Безусловно, изучение форм поведения человека и тех стимулов, под воздействием которых оно происходит. Если психология сделает предметом своего исследования именно это, то она никоим образом не изменит своей основной задаче. Человеческое поведение, взятое как предмет науки, имеет большие преимущества по сравнению с психическим. Оно дается в виде *системы движений*. А эта последняя относится к области объективно данной действительности, равно, как и стимулы, определяющие то или иное проявление поведения.

Следовательно, психология только в том случае превратится в настоящую науку, если ее предметом будет признано *поведение* и его стимуляция, то есть то, что дано *объективно,* но никак не психические явления — наши переживания, объективное изучение которых бихевиоризм считает невозможным. Таково бихевиористическое решение вопроса о предмете психологии. Является ли оно удовлетворительным?

1. Если предметом психологии будет признано поведение как система движений, вызванная определенными стимулами, то очевидно, что при его изучении ре-

шающее значение приобретает физиологическая точка зрения. Именно поэтому в бихевиористической психологии особенно большую роль играет физиология, настолько большую, что, по мнению некоторых, место психологии, в конце концов, должна занять физиология. Но разве можно понять поведение человека, объяснить его особенности только с точки зрения физиологии? Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что специфическую особенность человеческого поведения создают не физиологические процессы, а социальные условия, в которых оно формируется. Именно в силу этого при изучении поведения человека, в первую очередь, обращаются к социальным наукам, а не к физиологии.

2. Но бихевиористическая концепция несостоятельна и без этого, поскольку изучение поведения в духе бихевиоризма попросту неосуществимо. Бихевиоризм стремится изучать поведение, данное в виде комплекса движений, вне участия какого-либо внутреннего, или, иначе, психического, момента. Однако, на самом деле, тот или иной комплекс движений становится актом поведения только на почве психического — того переживания, благодаря которому индивид превращается в субъекта поведения. Поэтому стоит только лишить поведение этого переживания, как оно тотчас распадется на простую последовательность отдельных движений. В этом ряду сменяющих друг друга движений мы будем не в состоянии выделить в виде отдельных комплексов *единицы* поведения. Не учитывая психическое, невозможно определить, где начинается и где завершается тот или иной поведенческий акт. Вместо поведения мы будем вынуждены изучать эти отдельные движения, то есть вместо поведения исследовать его *моторные элементы* — так называемые *«рефлексы»*.

Таким образом, бихевиористическая психология невольно превращается в учение о рефлексах, или рефлексологию. А специальное изучение рефлексов — дело физиологии. Поэтому бихевиористическая психология фактически представляет собой физиологию рефлексов.

4. Основные ошибки эмпиризма и бихевиоризма

Как видим, определить предмет психологии не удается ни эмпирической, ни бихевиористической психологии. Почему? Что является причиной этого?

Следует отметить, что, несмотря на резкое противоречие, существующее, на первый взгляд, между этими двумя направлениями психологической мысли, они принципиально недалеко отстоят друг от друга. Как для эмпирической, так и для бихевиористической психологии психическое — это совершенно особая реальность, не имеющая в сущности ничего общего с физическим миром. Согласно им, внутреннее и внешнее, психическое и физическое являются двумя совершенно независимыми друг от друга сферами действительности, первая из которых постигается лишь посредством самонаблюдения, а вторая — через внешнее наблюдение.

Из этой общей методологической предпосылки эмпирическая и бихевиористическая психология делают кардинально разные выводы. Согласно эмпиризму, предмет психологии составляют психические явления; бихевиоризм же полагает, что поскольку изучение психического посредством внешнего наблюдения, объективно, невозможно, то психология, как наука, должна изучать не психическое, а физическое, объективное, в частности поведение. Как видим, эти выводы действительно радикально противоположны друг другу. Какой из них ошибочен? Как ни странно, оба они одинаково правомерны, поскольку из предпосылки, лежащей в их основе, с равным правом могут быть сделаны оба эти вывода. Но ведь на самом деле невоз-

можно, чтобы были справедливы оба, поскольку из двух противоположных взглядов истинным может быть только один. Отсюда очевидно, что ошибку следует искать в их общей предпосылке.

По всей видимости, исходя из дуалистического понимания взаимоотношения психического и физического, основы которого были заложены, в первую очередь, в декартовской философии, помимо всего прочего, невозможно решить проблему предмета психологии. Совершенно ясно, что для решения этой проблемы психологии следует обратиться к новым, более адекватным методологическим предпосылкам.

5. Проблема взаимоотношения психического и физического

Какова взаимосвязь между психическим и физическим? Этот вопрос имеет решающее значение для определения предмета психологии. Возможны два плана рассмотрения данной проблемы: 1) какова вообще взаимосвязь между психикой и объективной, материальной действительностью? и 2) каковы отношения между психическими и физиологическими процессами собственно в отдельном организме?

На первый вопрос следует ответить следующим образом: психика является высшей ступенью развития материи; вначале ей предшествует та форма движения материи, которая ограничивается исключительно физико-химическими процессами, за ней следует более сложная форма развития материи, лежащая в основе процессов жизни. Следовательно, генетически психика представляет собой одну из ступеней развития объективной действительности, материи.

Каково отношение между психикой и объективной действительностью, одной из ступеней развития которой она является? На этот вопрос окончательный ответ дает теория отражения. Реальная материальная действительность путем так называемых «органов чувств» действует на мозг и вызывает психические процессы, прежде всего — ощущение и восприятие, представляющие собой, в свою очередь, субъективные образы действительности. Однако следует помнить, что ошибочно представлять эти образы в виде зеркального отображения реальности. Психическое является не пассивным, а активным отражением объективной действительности, а правильного отражения человек достигает в процессе активного воздействия на объективную действительность.

Для психологии имеет особое значение вопрос об отношении между психическим и физическим внутри самого организма, или, иначе, вопрос о соотношении психических и физиологических процессов. Следует исходить из того, что психическое и физиологическое являются формами движения материи, а потому между ними не может быть пропасти.

Однако это не означает, что они не отличаются друг от друга, что между ними существуют отношения тождества. Нет! Отождествление психических и физиологических процессов является такой же ошибкой, как и попытка их полного отрыва друг от друга. В действительности психика характеризуется определенными специфическими свойствами, и, несмотря на то, что она основывается на определенных физиологических процессах, она ни в коей мере не исчерпывается ими. «Несомненно, что когда-нибудь мы экспериментально сможем "свести" мышление к молекулярным и химическим движениям в мозге, но разве этим будет исчерпана сущность мышления?» — спрашивает Энгельс.

Таким образом, между психическим и физиологическим, между психикой и телом не существует ни пропасти, ни тождества. Между ними надо предполагать существование диалектического единства. Такое решение психофизической проблемы полностью освобождает нас от тех непреодолимых трудностей, которые сопутствуют попыткам ее решения с позиций дуализма.

Характер этих трудностей легко увидеть, обратившись к рассмотрению так называемых «теории психофизического параллелизма» и «теории взаимодействия психического и физического» — двух основных теорий, пытающихся разрешить психофизическую проблему с дуалистической точки зрения.

А. *Психофизический параллелизм.* Исходя из дуалистического подхода, если между психическим и физическим нет ничего общего, если между ними существует пропасть, преодолеть которую невозможно, и если, следовательно, физическое не может оказать никакого влияния на психическое, то тогда ясно, что все происходящее в психике должно быть объяснено психическими причинами, а в физической действительности — физическими. Но чем тогда объяснить тот факт, что психические и физические явления часто протекают так, будто вызывают друг друга? Почему между ними существует совершенно определенное соответствие? Например, чтобы увидеть нечто, оно должно физически существовать, воздействовать на орган зрения и вызывать в нем физиологические процессы. Без этого был бы невозможен психический процесс — восприятие. Другие примеры не нужны — настолько очевиден факт взаимного соответствия психического и физического, или физиологического.

Для объяснения этого явления у дуалистической теории оставался лишь один выход: факт соответствия невозможно было отрицать, но поскольку исключается воздействие физического на психическое, это соответствие либо предопределено Богом, как считал Лейбниц, либо осуществляется само по себе, автоматически. Когда в физической действительности происходит что-либо, именно в это время, совершенно параллельно, в психике происходит соответствующее ему явление. Между психическим и физическим не существует причинная связь, есть только параллелизм. В этом состоит основная идея так называемого *«психофизического параллелизма»*.

Факт связи между психическим и физическим этой теорией не отрицается. Но она вынуждена или полностью отказаться от его объяснения, или же обратиться к понятию Бога. Психофизический параллелизм представляет собой яркую иллюстрацию бессилия дуализма.

Б. *Теория взаимодействия.* Ничем не лучше выглядит вторая теория, согласно которой психическое и физическое представляют собой два противостоящих друг другу, отличных по существу ряда явлений. Однако, несмотря на это, между ними все же существует определенная взаимосвязь — они оказывают влияние друг на друга, то есть причиной того или иного физиологического процесса может оказаться психологический процесс и, наоборот, физиологический процесс может вызвать психологическое явление. Однако совершенно непонятно, как могут воздействовать друг на друга два существенно различных ряда явлений. Если бы это было так, то ни о каком научном исследовании не могло быть и речи, поскольку если, например, встанет вопрос о причине того или иного физического явления, можно будет сослаться на психическую сферу, не исследуя физическую действительность, что равносильно отрицанию физической закономерности.

6. Объективность психического

Признав единство психического и физиологического, станет ясным, что психическое дано не только субъективно, но и объективно. Положение эмпирической и бихевиористической психологии об исключительно субъективной данности психического представляет собой воззрение, возникшее на ложных, дуалистических предпосылках.

Ниже, когда речь пойдет о возможности наблюдения психики другого человека, подробнее рассмотрим, в чем именно заключается объективная данность психики. Здесь же будет вполне достаточно указать, что психика, составляющая единое целое с телом, не может не проявляться в телесных процессах и актах и, следовательно, не быть объективно наблюдаемой. В особенности это справедливо в отношении действий человека, неразрывная связь или, точнее, единство которых с психическими переживаниями не вызывает никаких сомнений. В действиях человека психика отражается со всей наглядностью, а, следовательно, объективно; здесь она непосредственно выступает объектом чувственного восприятия.

7. Предмет психологии

Но если психика дается также и объективно, то все соображения, в силу которых бихевиоризм отказывался признавать ее предметом психологического исследования, должны быть признаны недействительными. Вопреки бихевиоризму и рефлексологии, предметом психологии следует считать *психическое.* Однако это не означает возврата к уже пройденному этапу эмпирической психологии. В противоположность этой последней, предметом психологии нужно признать психическое, но не как чисто субъективную данность, а как действительность, находящуюся *в единстве с объективным,* а потому могущую стать предметом объективного изучения.

8. Задачи психологии

Предметом психологии является психическая действительность, то есть мир переживаний. Следовательно, ее задачей нужно считать изучение объективных и субъективных сторон этой действительности в диалектическом единстве. Однако задача психологии не будет в достаточной мере охарактеризована, если не отметить, что психология, наряду с описанием психических процессов, особенно заинтересована в их *объяснении.* Стало быть, перед психологией, в первую очередь, встает вопрос: в чем ей следует искать объяснение психического? К какой сфере надо для этого обратиться?

Само собой разумеется, что объяснение психического всегда нужно искать в физиологических процессах. Несомненно, что выявление физиологических процессов — материального субстрата психических фактов — совершенно необходимо. Однако будет ли психическое тем самым объяснено в достаточной мере?

На это можно было бы ответить утвердительно, если бы психика человека представляла собой явление чисто биологической природы. Но это не так, поскольку психика человека, именно как человеческая психика, сформировалась в процессе труда и здесь она переросла уровень инстинктивного поведения, превратившись в *сознание.* Однако, если психика человека существует в виде сознания, а сознание — это *общественный продукт,* то психологии лишь в том случае удастся адекватное решение своих объяснительных задач, если за основу своего исследования она возьмет идею *исторической* и *социальной* предопределенности нашего сознания.

Методы психологии

Самонаблюдение

Предметом исследования психологии являются душевные процессы, или переживания. Первое необходимое условие успешного решения стоящих перед психологией задач заключается в том, чтобы по возможности полнее и адекватнее учитывать весь материал, касающийся предмета исследования. В связи с этим перед нами встает новый вопрос — как, каким путем добывает психология материал для своего исследования, каковы ее *методы*.

Несомненно, метод, используемый той или иной наукой, зависит от особенностей предмета изучения. Как мы знаем, предметом психологии являются *психические феномены,* или *переживания.* Однако, каждый отдельный факт переживания именно в силу того, что оно — переживание, изначально известен субъекту, то есть он существует не только объективно — как факт, но и субъект знает о его существовании. Проще говоря, переживание не только факт, но, вместе с тем, это, непременно, и факт *сознания.* Отсюда заведомо предполагается существование первичного, данного в готовом виде факта знания о наличии психических феноменов. Это и есть основной источник, дающий нам сведения о психическом. Обычно его называют внутренним чувством, внутренним восприятием, или восприятием переживаний, чтобы отличить его от внешнего чувства, внешнего восприятия, то есть того, что считается источником постижения внешнего опыта, или физических феноменов.

Однако восприятие переживаний дает лишь случайные сведения, поскольку наши переживания — хотя бы с точки зрения целей самой психологии — имеют совершенно случайную природу; они зарождаются, развиваются и сменяют друг друга не так и не в том порядке, как это интересует психолога; у них свои собственные, самостоятельные основания. Помимо этого, сведения о них могут оказаться весьма односторонними, поскольку эти переживания, возникнув в каждом отдельном случае, всегда имеют совершенно определенный конкретный вид и значение; для выявления их истинной природы они должны изучаться в различных случаях и условиях.

Само собой разумеется, что чем шире и многостороннее опыт субъекта, чем богаче содержание его сознания, тем полнее должен быть запас сведений о душевной жизни, которым он располагает. Однако как основа науки он все же недостаточен. Для этого необходимо *самонаблюдение* — сложный акт, протекающий не сам по себе и непосредственно, а направляемый на постижение переживаний с определенным *намерением* и по определенному *плану.*

Естественно встает вопрос: возможно ли такое намеренное направление внимания на собственные переживания? Родоначальник позитивизма Конт (1793—1857) отрицательно решал этот вопрос. То же самое, между прочим, следует сказать о том направлении психологии, которое известно под названием бихевиоризма.

В самом деле, если данные самовосприятия душевной жизни вытекают из факта естественного переживания этой последней, то очевидно, что чем полнее это переживание, тем полнее должны быть сведения о ней. Однако самонаблюдение обращается к совершенно иным способам постижения душевной жизни. В этом случае возможность постижения переживания дает не полнота и интенсивность этого последнего, а полнота и интенсивность производимого субъектом наблюдения за своими переживаниями. Следовательно, если в первом случае внимание направлено на пере-

живаемый объект, то во втором — на само переживание. Исходя из этого, полнота сведений о душевной жизни зависит от интенсивности работы внимания в первом и во втором случаях. Когда внимание более интенсивно обращено на объект, сведения самовосприятия надежнее и обширнее; если же напряженное внимание направлено на переживание, то тогда уже более полные и надежные сведения о душевной жизни дает самонаблюдение.

Таким образом, становится ясным, что между восприятием переживаний и самонаблюдением существует не только количественное отличие, как это полагает, например, Г.Э. Мюллер, но и качественное. Это различие настолько велико, что условия, благоприятные для одного, идут во вред другому. Направленность внимания на предмет, несомненно, мешает самонаблюдению, поскольку при этом оно не может быть обращено с равной степенью интенсивности на переживание предмета. Но если это так, то самонаблюдение, безусловно, должно быть связано со многими препятствиями. Это обстоятельство, конечно, значительно снижает его методологическую ценность. Прежде всего, надо отметить следующее: самонаблюдению не под силу полностью постичь тот или иной душевный феномен. Чтобы начать наблюдение над переживанием, необходимо уже заранее знать о его существовании. В противном случае мы не будем иметь предмета наблюдения. Но знание о существовании переживания дается лишь с началом его возникновения и никак не раньше. Значит, прежде чем начнется наблюдение, психический факт уже пройдет определенный путь развития, и, следовательно, самонаблюдению дается лишь последний этап этого пути. Таким образом, самонаблюдение, в сущности, лишено возможности осуществляться на всем протяжении психического процесса. Оно изучает лишь части или фрагменты переживаний, а не их полную картину.

Но еще хуже то, что самонаблюдению недоступно постижение естественного протекания этих фрагментов. Дело в том, что факт наблюдения сам по себе уже представляет новое психическое обстоятельство, новый факт, который налагается на имеющееся содержание сознания и, следовательно, придает ему новый вид. Таким образом, во время самонаблюдения переживание, являющееся его предметом, развертывается в новых условиях. Самонаблюдению никак не удается уловить его в том виде, в каком оно бывает вне самонаблюдения. Следовательно, естественное протекание переживания всегда остается недоступным самонаблюдению.

То, что факт самонаблюдения уже самим своим существованием нарушает естественность переживаний, не подлежит сомнению. Самонаблюдение предполагает направление внимания на переживание. Но внимание — довольно сложный акт, вызывающий целый ряд последствий в сознании; в частности, он затрудняет душевный процесс, на который направлен, вызывает новые репродукции, некоторые переживания заглушает вообще или, во всяком случае, ослабляет и замедляет. Когда человек разгневан, его внимание направлено на предмет, вызвавший этот аффект гнева. Но достаточно перенаправить внимание в сторону самого аффекта с целью уяснения его психологической природы, как человек почувствует ослабление аффекта.

Одной из характерных черт душевной жизни человека составляет механизация ее процессов. В процессе своего развития она проходит несколько ступеней, после многократных повторений упрощается, представая в виде простого завершенного переживания. Сам процесс его образования сокращается и остается незаметным для нашего сознания. Это обстоятельство делает совершенно невозможным наблюдение постепенного образования, созревания психических процессов. Например, когда я вижу какой-то привычный предмет, то тотчас же, как бы непосредствен-

но, знаю, что передо мной лежит, скажем, записная книжка. Но это узнавание, происходящее в данном случае сразу же; первоначально, когда этот предмет был еще незнаком мне, достигалось на основе целого ряда душевных феноменов и актов. То же следует сказать и в отношении многих других случаев, например, когда я сравниваю между собой два предмета, в сознании тотчас возникает представление их сходства или различия. Сначала такая оценка непременно основывалась на целом ряде переживаний, которые затем уже не выявляются, исчезают. Для того чтобы они вновь возникли, процесс узнавания или сравнения должен быть каким-то образом искусственно затруднен. Только тогда они вновь займут свое место в содержании сознания.

В заключение нельзя не отметить, что внимательное переживание какого-либо внутреннего процесса и внимательное наблюдение за его течением преследуют две совершенно различные цели, настолько отличные, что в некоторых случаях одна совершенно блокирует другую. Например, если я внимательно рассматриваю какую-то интересную картину, то совершенно невозможно, чтобы я с такой же интенсивностью наблюдал за психическими процессами, сопутствующими этому внимательному переживанию картины. Обычно наблюдение за переживанием какого-нибудь душевного акта вызывает его прерывание, замедление и задержку (Г.Э. Мюллер).

Какой же вывод следует из всего этого? Неужели тот, который делают противники психологии самонаблюдения, а именно: полное отрицание ценности самонаблюдения как метода? К счастью, природа самонаблюдения такова, что во многих случаях позволяет либо уменьшить некоторые из отмеченных трудностей, либо вовсе избежать их.

Прежде всего, нужно отметить, что психическая действительность допускает не только свое естественное течение. По терминологии Г.Э. Мюллера, для нее не чужды и «принудительные процессы», то есть процессы, возникающие в силу намерения наблюдать за ними как объектами внимания, направляемого этим намерением. Само собой подразумевается, что основная трудность самонаблюдения, выражающаяся в нарушении естественного течения психических феноменов под влиянием наблюдения, не должна иметь места в случае изучения «принудительных процессов».

Помимо того, акт самонаблюдения не исключает полностью возможности ознакомления с естественным течением психических феноменов, поскольку оно обычно происходит не в момент самого переживания, а после того, как переживание прошло этап своего актуального состояния и продолжает существовать лишь в виде воспоминания. «На сегодня уже общеизвестно, что любое возможное описание того или иного психического феномена опирается на память» (Г.Э. Мюллер). Но человеческая память слаба, и сомнительно, чтобы психические переживания сохранялись в ней в неизменном виде до тех пор, пока мы обратим на них внимание. Поэтому психология обращается к репродукции давно пережитых феноменов лишь в случае, если вопрос касается редкого феномена, повторение которого не ожидается (или совсем, или хотя бы в ближайшее время).

Обычные факты нашего сознания, конечно же, не являются таковыми. Но интересно, что обычные переживания, особенно те, длительность которых не превышает нескольких секунд, сохраняются в нашем сознании в течение некоторого времени после своего завершения, и потому для их припоминания не требуется подлинного акта репродукции. В этом случае говорят о «непосредственной памяти».

Самонаблюдению удается избегнуть своего основного препятствия — необходимости наблюдения в момент переживания психических феноменов. Факт непосред-

ственного воспоминания позволяет самонаблюдению превратить психические переживания в объект своего изучения только post mortem. В нашей науке это называется *ретроспективным самонаблюдением*.

Следует также учесть, что существует целый ряд феноменов, наблюдение которых удается в момент самого переживания. В этом случае не происходит раздваивания внимания, столь сильно затрудняющего самонаблюдение переживаний в момент их актуального состояния. Это, главным образом, касается ощущений. Например, когда я разглядываю чернила, то ясно переживаю их черноту, и чем внимательнее я наблюдаю, тем явственнее переживается в сознании эта чернота. То же самое надо сказать о репродуктивных видах ощущений, то есть представлениях и, возможно, чувствах, возникающих в связи с такими ощущениями. Словом, в отношении крайне периферических феноменов можно сказать, что их переживание и наблюдение возможно в одном и том же акте внимания, поэтому ничто не мешает производить и одно, и другое одновременно.

Одним из недостатков самонаблюдения считается то, что оно дает сведения только о собственной душевной жизни. В цели же психологического исследования входит изучение не только индивидуальной душевной жизни, а душевной жизни вообще, не частных и индивидуальных, а общих закономерностей протекания психических процессов и феноменов. Само собой разумеется, данное обстоятельство не может считаться недостатком, вытекающим из сущности самонаблюдения, поскольку очевидно, что субъектов самонаблюдения, а отсюда и предметов самонаблюдения, может быть множество. И, действительно, современная психология различает два вида самонаблюдения: *прямое* самонаблюдение, производимое самим исследователем, *и косвенное* самонаблюдение, производимое другими над собой. Но как, каким образом удается исследователю постигать данные косвенного самонаблюдения?

Ясно, что основным способом, посредством которого одному субъекту удается поделиться своими наблюдениями с другим, является речь. Но насколько надежна она для этой цели, зависит от двух обстоятельств: первое — насколько полноценно удается субъекту найти соответствующее словесное выражение для своих наблюдений, и второе — насколько адекватно способен его понять слушатель. Видимо, несколько преувеличено мнение, согласно которому, «мысль изреченная есть ложь». Но, одно, во всяком случае, несомненно — человеческие мысли, чувства и вообще переживания имеют столько нюансов, что передать их словами весьма нелегко, если вообще возможно. Нужен особый дар, чтобы найти всему этому соответствующее выражение. Это — участь избранных; совершенно немыслимо ожидать, что в речи любого можно будет обнаружить одинаково адекватное выражение испытываемых им душевных переживаний.

Еще труднее понять, что подразумевает под сказанным тот или иной субъект. Каждое слово вызывает уйму ассоциаций. Поэтому-то его значение может быть разным не только для различных субъектов, но и для одного и того же лица, вкладывающего различные нюансы и оттенки в значение данного слова. Совершенно очевидно, что в этих условиях полное понимание чужой речи, когда дело касается столь тонкого момента, как нюансы психических переживаний, весьма затруднительно, а иногда и просто невозможно. Особенно это касается речи тех лиц, которые по своему жизненному опыту и уровню культуры довольно сильно отличаются от исследователя.

Учитывая все это, следует признать, что косвенное самонаблюдение связано с серьезными трудностями. Это, конечно, вовсе не означает, что речь является совершенно непригодным средством для постижения переживаний других людей. Факт

важнейшего значения речи в установлении взаимоотношений между людьми служит наилучшим аргументом того, что в определенной мере и, особенно, в определенных случаях речь выступает вполне достаточным средством постижения душевной жизни других людей. Таким образом, факт речи в определенных пределах позволяет дополнить наше самонаблюдение данными самонаблюдения других и, таким образом, выйти за пределы личного, субъективного сознания.

Наблюдение за другими

1. Теория аналогии

Однако существует еще один путь, позволяющий исследователю проникнуть в тайны душевного мира другого человека и попытаться уяснить его особенности. Если до сих пор речь шла о прямом, непосредственным или непрямом наблюдении за собственными переживаниями, теперь вопрос следует поставить следующим образом: может ли исследователь-психолог вести наблюдение не только за собственными, но и за чужими переживаниями, приобретая таким образом новый источник познания душевной жизни? Неужели чужая психика полностью закрыта для исследования, если только сам субъект не позволит нам заглянуть в тайны его душевной жизни?

Обычное наблюдение свидетельствует, что, к счастью, это не так. Чужой душевный мир отнюдь не представляет собой книгу за семью печатями. Зачастую мы прекрасно знаем, каково душевное состояние нашего собеседника, несмотря на то, что он об этом нам ничего не сообщает. Некоторые индивиды наделены столь проницательным психологическим чутьем, что от них трудно утаить даже самые сокровенные намерения. Талант дипломата и писателя во многом зависит от этого психологического чутья.

В этой связи естественно возникает вопрос о том, как все это происходит, откуда мы знаем, какие переживания испытывают другие люди? Быть может, и здесь существует какой-либо путь непосредственного проникновения в душевную жизнь другого человека? Или, возможно, через органы чувств нам удается воспринять такие признаки, которые, в конце концов, позволяют прийти к определенным выводам о чужих душевных переживаниях? М. Шелер справедливо отмечал, что решение этого вопроса во многих смыслах имеет далеко идущее теоретическое значение, особенно для психологии.

Несмотря на важность этой проблемы, единство мнений в связи с ее решением пока еще не достигнуто.

Согласно наиболее распространенной в западной психологии точке зрения, положение можно представить следующим образом: психические явления непосредственно даются только переживающему их субъекту, становясь доступными лишь через самовосприятие и самонаблюдение. Стало быть, изначально подразумевается, что непосредственное постижение чужих душевных переживаний совершенно невозможно. Но если факты понимания чужой душевной жизни все же существуют, то это происходит не непосредственно, а с помощью чего-то непсихологического. Самовосприятие и самонаблюдение явствуют, что обычно при возникновении какого-либо переживания в нашем физическом организме происходят определенные изменения. Продолжительное самонаблюдение свидетельствует, например, что когда мы плачем, то при этом обычно испытываем горе; когда нас охватывает страх, мы бледнеем,

сердцебиение учащается, а тело принимает специфическую позу страха. Одним словом, нам известно, что между определенными телесными изменениями и определенными переживаниями существует однозначная связь и, следовательно, первое является внешним выражением второго. Поэтому, заметив то или иное телесное изменение, мы смело может предположить, что субъект испытывает именно то, что испытывали мы сами при аналогичных телесных изменениях.

Таким образом, у нас появляется возможность проникнуть в мир чужой душевной жизни и говорить о его переживаниях. Такова распространенная точка зрения.

Стало быть, согласно данной теории, переживания другого постигаются не непосредственно, не путем непосредственного наблюдения над этими переживаниями, а через объективное наблюдение за телесными изменениями, которые затем, исходя из собственного самонаблюдения, признаются выражением того или иного переживания, и на основании этого делается вывод о том, какие переживания могут быть у субъекта. Такова так называемая *«теория аналогии»,* основывающая, следовательно, возможность понимания чужой душевной жизни полностью на содержании данных самонаблюдения.

2. Критика теории аналогии

Что можно сказать о данной теории? Объясняет ли она удовлетворительно факт наблюдения за чужой душевной жизнью?

А. Первое, что следует сразу же отметить, — то, что эта теория не только не объясняет факт *наблюдения* за переживаниями другого, но полностью отрицает возможность этого. И действительно, согласно основному положению этой теории, мы наблюдаем не *переживания,* не *психику* другого, а всего лишь чужое *тело* и происходящие в нем изменения. Что касается самих переживаний, то о них мы только делаем *вывод.* Следовательно, согласно данной теории, наблюдение дает нам материал только о телесных изменениях, а переживания, лежащие в основе этих изменений, постигаются с помощью одной из форм мышления — *умозаключения.*

Таким образом, возможность наблюдения переживаний другого не только не объясняется, но и заведомо отрицается, поскольку речь идет не о наблюдении, а об умозаключении.

Б. Кроме этого, коль скоро в основе наблюдения за другими лежит самонаблюдение, то есть в другом можно увидеть или предположить лишь то, что было подтверждено самонаблюдением, то ясно, что методом наблюдения за другими можно получить только тот материал, который ранее уже был получен путем самонаблюдения. Стало быть, метод наблюдения за другими не может дать ничего нового, а потому, конечно, должен быть сочтен совершенно излишним.

Что же касается ценности самого материала, то очевидно, что поскольку он и в данном случае получен по существу опять-таки на основе самонаблюдения, то он не может быть лучше, чем материал чистого самонаблюдения. Правильнее было бы сказать, что ценность материала, полученного через наблюдение за другими, наоборот, должна быть ниже, чем материала самонаблюдения, поскольку, согласно теории аналогии, в другом я могу увидеть лишь то, что было подтверждено самонаблюдением — методом, уже имеющим недостатки. Добавив к этому и то обстоятельство, что при самонаблюдении материал так или иначе все-таки дан непосредственно, тогда как в случае наблюдения за другими он получен путем заключения по аналогии, то станет очевидно, что он еще менее надежен, чем самонаблюдение.

Но учитывая еще и то, что, согласно теории аналогии, постижение переживаний другого невозможно только на почве наблюдения за собственными переживаниями, а требует одновременного наблюдения как за переживаниями, так и за их объективным выражением, становится совершенно очевидной его еще меньшая надежность по сравнению с самонаблюдением.

Стало быть, приняв предложенное теорией аналогии объяснение возможности наблюдения за психикой других, метод наблюдения над другими следует признать не только излишним, но и менее надежным, чем метод самонаблюдения.

По мнению В. Штерна, несмотря на то, что наблюдение за другими происходит только на основе самонаблюдения, оно, тем не менее, дает все же больше, нежели чистое самонаблюдение. Дело в том, что, согласно Штерну, каждый человек представляет собой некий микрокосмос, в который — пусть даже в зачаточном виде — изначально заложено все человеческое. По словам Штерна, в определенном смысле «в любом человеке есть что-то от животного, ребенка, творца, психопата, злоумышленника, романтика... Таким образом, можно сказать, что любому представителю того или иного психологического типа в том или ином виде присущи свойства противоположного, или диспаратного, типа». Но коль скоро это так, тогда, казалось бы, можно считать обоснованным то обстоятельство, что человек может заметить в другом не только то, что он усмотрел в себе путем обычного самонаблюдения, но и нечто большее. Но каким образом? Штерн рассуждает следующим образом: наблюдая за другим человеком и замечая телесные изменения, выражающие неизвестное нам переживание, подобное которому наше самонаблюдение никогда не подтверждало, мы все же можем понять это чуждое нам переживание. Дело в том, что мы можем счесть данное телесное изменение симптомом какого-либо переживания и приступить к поиску аналога предполагаемого переживания в собственной психике, поскольку в нас, как микрокосмосе, в зачаточном состоянии имеются любые переживания. Безусловно, что «зная, как вести поиск в этой сокровищнице, то найдем нечто такое, что мгновенно прольет свет на это неизвестное переживание чужой душевной жизни».

Однако достаточно немного вникнуть в это рассуждение, чтобы убедиться в его ошибочности. Во-первых, нужно еще доказать, что человек действительно представляет собой микрокосмос в том смысле, в каком это предполагает Штерн. Но положение Штерна не является убедительным даже в том случае, если оставить этот вопрос без внимания. Нетрудно убедиться, что данное положение содержит явную логическую ошибку. И действительно, Штерн предпринял попытку доказать, что на почве самонаблюдения можно постичь и такие переживания другого человека, подобных которым наше самонаблюдение не дает. Но коль скоро переживание другого можно постигнуть лишь путем самонаблюдения, как это утверждает теория аналогии, то как же можно предположить в другом такое переживание, которое сам еще никогда не испытывал! Откуда мне известна природа этого переживания, чтобы начать искать его аналог в себе! Но если же его можно постичь и до акта самонаблюдения, то очевидно, что постижение душевных переживаний другого человека не требует знания собственного аналогичного переживания; однако тогда совершенно непонятно, аналог чего именно следует искать в «сокровищнице» собственного сознания!

В. Третья трудность, делающая сомнительной теорию аналогии, имеет фактический характер. Согласно данной теории, возможности понимания другого человека должно предшествовать самонаблюдение, то есть человеку следует познать себя, а затем других. Но фактически это невозможно. Одним из несомненных достижений

детской психологии является положение о том, что способность понимания других (матери, близкого лица) у ребенка появляется гораздо раньше, чем способность самонаблюдения.

Учитывая, что, согласно теории аналогии, для понимания другого необходимо не только наблюдение за собственными переживаниями, но и, наряду с этим, параллельное наблюдение за собственными телесными изменениями, сопровождающими эти переживания, то становится еще более несомненным, что человек не смог бы вступить в социальный контакт с себе подобными до приобретения этой сложной способности самонаблюдения. Однако с действительностью лучше согласуется обратное положение: человек обращает внимание на других раньше, чем на собственные переживания; он пытается познать других раньше, чем самого себя; не самонаблюдение опережает наблюдение за другими, а, наоборот, наблюдение за другими предшествует самонаблюдению.

Таким образом, теория аналогии никак не объясняет бесспорный факт наблюдения за другими. Утверждать, что постижение чужих переживаний возможно лишь на основе самонаблюдения, нельзя.

3. Возможность объективной данности психического

Как же происходит наблюдение переживаний других? Выше, при обсуждении проблемы предмета психологии, было отмечено, что психическое представлено не только субъективно, но и объективно, то есть оно дается не только самонаблюдением, но и в процессе объективного наблюдения. Теперь нам повторно предоставляется возможность окончательно убедиться в правильности данного положения.

Как явствует даже из обычного наблюдения, основное содержание человеческой психики составляют три различных класса переживаний: человек переживает либо объективную действительность, то есть перед нами *познавательные* процессы, либо свое субъективное состояние, то есть перед нами *чувства,* либо же, наконец, свою активность, то есть перед нами *волевые* процессы. Следовательно, когда речь идет о наблюдении за переживаниями человека, имеются в виду только познавательные, эмоциональные и волевые процессы.

Начнем с познавательных процессов. Допустим, что находящийся перед нами субъект переживает какой-либо познавательный процесс, то есть у него возникают какие-то представления, он осуществляет мыслительные акты. Как и каким путем мы можем узнать об этих познавательных процессах? Познавательные процессы не вызывают зримые изменения в физическом организме данного субъекта. Поэтому наблюдение за его физическим состоянием в данном случае бесполезно. Одним из путей внешнего проявления познавательных процессов является речь. Мы постигаем то, о чем он размышляет, только тогда, когда он говорит, например, что $(a + b)(a - b) = a^2 - b^2$. Разумеется, без речи, по какому-либо другому признаку, было бы совершенно невозможно понять то, что он производит в уме именно эту математическую операцию.

Таким образом, постижение субъекта, особенно если это касается внешнего проявления его мышления, происходит, прежде всего, через речь.

Согласно теории аналогии, предметом непосредственного наблюдения и в этом случае выступает чисто объективный феномен — звуки и их комплексы; что же касается его психического содержания, мыслей и суждений говорящего, то об этом мож-

но заключить, увязав этот объективного феномен с собственными мыслями и суждениями. Следовательно, сама речь представляет собой просто внешний феномен, связь которой с внутренними процессами говорящего — мыслительными процессами — является случайной, а не существенной. Но в действительности это отнюдь не так. Между речью и мышлением существует настолько очевидная и тесная связь, что, высказав предположение, что речь как моторно-акустический феномен — это одно, а мышление — другое, мы сразу же оказываемся перед необходимостью поставить вопрос о том, речь предшествует мышлению или, наоборот, мышление речи.

На этот вопрос, как известно, дать прямой ответ невозможно. Стало быть, ошибочен сам вопрос, поскольку исходит из ложных предпосылок. Именно поэтому в психологии выдвинуто положение о тождественности мышления и речи, которое особенно отстаивается бихевиористами. Они пытаются доказать, что то, что обычно именуется мышлением, на самом деле является чисто телесным процессом, в частности, моторным речевым процессом. Получается, что неправомерны обе точки зрения — и первая, полностью разделяющая речь как моторный феномен и мышление, и вторая, отождествляющая мышление и речь.

Но если ошибочно первое положение, то что-то должно быть правомерным во втором, и наоборот. И это действительно так. Первая точка зрения совершенно правомерно указывает на то, что речь подразумевает мышление, что вне мышления речь не есть настоящая речь; вторая точка зрения оправдана постольку, поскольку в ней утверждается существование единства между речью и мышлением.

Однако каким же образом речь и мышление могут быть одновременно и едины, и различны? Безусловно, лишь в случае, если настоящая речь представляет собой неразрывное *целое, диалектическое единство* мышления и моторной стороны речи. Фактически так оно и есть, и именно поэтому речь как таковая не может считаться ни исключительно физическим, ни исключительно психическим феноменом. Именно вследствие этого в структуру того или иного языка всегда вплетена структура мышления говорящего на нем народа.

Таким образом, ясно, что процесс мышления, его структура и протекание даны в самом процессе речи, его структуре и протекании. Поэтому, наблюдая за речью, мы наблюдаем и за мышлением. А это означает, что в этом случае процессы мышления даны не только субъективно, но и объективно.

Посмотрим, можно ли сказать то же самое о чувствах, или эмоциональных переживаниях. Как известно, любым эмоциям всегда сопутствуют зримые телесные изменения. Как гласит теория аналогии, объективно нам даются лишь эти телесные изменения; что же касается самих переживаний, то судить о них можно лишь путем умозаключения. Правомерен ли подобный взгляд? Возможно ли объективное наблюдение эмоционального переживания?

Весьма примечательно, что в психологии эмоций мы встречаем ту же направленность мыслей, что и в психологии мышления. Здесь также существует мнение, согласно которому эмоциональное переживание и сопутствующие ему телесные изменения, то есть их так называемое «внешнее выражение», представляют собой совершенно различные явления. Наряду с этим, существует также мнение, согласно которому то, что называется эмоциональным переживанием, например страх, в действительности есть не что иное, как телесное изменение, обычно считающееся внешним проявлением данного переживания. Невзирая на всеобщее понимание того, что это второе мнение не вполне правомерно, полностью опровергнуть его еще никому не удалось. Почему? Конечно же, потому, что обычно внешнее выражение существенным образом связано со структурой самопереживания, а точнее,

оно принимает существенное участие в формировании последнего. Джеймс справедливо отмечал, что невозможно представить какую-либо эмоцию, скажем страх, полностью абстрагируясь от его телесного проявления. Однако это означает не то, что не существует само эмоциональное переживание как таковое, а лишь то, что эмоциональное переживание не существует вне телесного выражения, как и второе не существует вне первого — эмоциональное переживание всегда дано в виде неразрывного единства с ним. Но коль скоро это так, то очевидно, что эмоциональное переживание дано и *объективно,* что, наблюдая внешнее выражение того же страха, мы наблюдаем и сам страх, а не только его внешнее выражение.

И, наконец, нужно проанализировать волевое переживание. Как известно, оно имеет место в случае волевых движений и разнообразных действий человека.

Являются ли действия человека моторным процессом, наблюдение и описание которого возможно с чисто моторной точки зрения? Безусловно, нет! Комплекс движений может быть сочтен неким актом поведения или формой действия лишь в том случае, когда он выражает то целостное состояние, в котором дано специфическое переживание действующего субъекта. Последовательность движений приобретает вид целостного поведения, определенную форму благодаря так называемой «внутренней стороне», то есть психическому переживанию субъекта.

Действие представляет собой чувственное выражение психологии человека. Следовательно, очевидно, что в случае волевых действий предмет объективного наблюдения составляет не только просто хаотическая сумма движений, но и их определенная поведенческая целостность, то есть не только чисто моторная, но и психическая сторона.

Таким образом, становится ясным, что предметом объективного наблюдения — как в случае познания, так и чувств и воли — является не только внешний, но и внутренний момент. Но коль скоро это так, то путь умозаключения по аналогии вовсе не представляет собой единственный, как это думают обычно, путь постижения переживаний другого человека. Получение материала о чужой душевной жизни возможно и посредством объективного наблюдения.

Эксперимент

1. Понятие эксперимента

Несмотря на значение объективного наблюдения за другими, его ценность все-таки весьма ограничена, поскольку позволяет получить лишь случайный материал. То же самое следует сказать и о самонаблюдении. В обоих случаях мы имеем дело с наблюдением случайно возникающих явлений. Очевидно, что этот недостаток можно преодолеть, имей мы возможность произвольно вызывать психические феномены в искусственно созданных условиях и наблюдать за ними. В этом случае мы обрели бы множество преимуществ, получив возможность избежать известных недостатков самонаблюдения и наблюдения за другими. Среди этих преимуществ отметим лишь наиболее очевидные:

а) возможность произвольно вызывать то или иное психическое переживание позволила бы подготовиться к его появлению и вести наблюдение на всех ступенях переживания, что, как уже отмечалось, совершенно невозможно при использовании естественного наблюдения;

б) предварительное знание того, когда и какой психический процесс станет предметом нашего наблюдения, позволяет заранее учесть те моменты, наблюдение за которыми имеет особое значение для целей проводимого исследования;

в) возможность вызывать психический феномен произвольно позволяет сделать это неоднократно. Это обстоятельство имеет особенно большое значение, поскольку то, что один раз по какой-то причине осталось незамеченным, во втором случае может оказаться предметом особого внимания; то, что в одних условиях выявилось в одном виде, в других условиях может переживаться совершенно иначе.

Очевидно, что данный путь исследования создает возможность не только изучения протекания одного и того же феномена в сознании множества субъектов, но и повторного наблюдения различными исследователями одного и того же феномена в идентичных или схожих условиях. Это же облегчает взаимоконтроль исследований, создавая, вместе с тем, возможность сотрудничества, взаимосвязи и преемственности.

Наблюдение за тем или иным намеренно вызванным явлением, производимое в контролируемых и изменяемых в зависимости от наших целей условиях, известно под названием экспериментального наблюдения, или опыта.

Известно, сколь большую роль сыграл эксперимент в развитии различных областей естествознания. Очевидно, что и психология не могла пройти мимо него. Спор о возможности его применения в психологии продолжался долго, завершившись, фактически, только в последней четверти XIX века, особенно после того, как Вундтом был создан отдельный институт при Лейпцигском университете.

2. Условия эксперимента

Однако насколько полноценны возможности проведения экспериментального наблюдения в психологии? Какова природа психологического эксперимента? Поскольку фактическое развитие нашей науки уже разрешило проблему принципиальной возможности использования эксперимента в психологии, мы не станем затрагивать этот весьма существенный вопрос и ограничимся лишь уяснением природы психологического эксперимента. От этого зависит то, насколько далеко идущие надежды можно возлагать на использование эксперимента в нашей науке.

Вундтом выделено четыре основных требования, которые должно удовлетворять психологическое исследование, чтобы оно могло считаться экспериментальным, а именно: 1) лицо, производящее наблюдение, именуемое обычно в психологии *испытуемым,* должно иметь возможность самому определять момент начала исследуемого феномена; 2) испытуемый должен иметь возможность пережить данный феномен с максимальным вниманием; 3) должна существовать возможность многократного повторения наблюдения в одинаковых условиях; 4) следует создать возможность изучения исследуемого феномена в различных условиях возникновения путем вариации сопутствующих условий. Вариация этих условий должна происходить либо путем их частичного исключения, либо посредством их квантитативного или квалитативного изменения.

К сожалению, совершенно невозможно, чтобы психологическое наблюдение отвечало всем этим требованиям. Этому более всего мешают два обстоятельства: во-первых, вследствие присущей душевной жизни особенности: переживание, появившись однажды, непременно оставляет своеобразный след в сознании, — невозможно повторить в неизменном виде не только наши *сложные* психические переживания, но

и даже такие простые, как, например, *ощущения*. Еще труднее квантитативно и квалитативно менять по нашему усмотрению сопутствующие обстоятельства большинства наших переживаний. К числу подобных переживаний относятся такие важные психические феномены, как, например, мыслительные и волевые процессы, то есть наиболее значительные и интересные процессы. Наконец, совершенно невозможно искусственно вызвать некоторые, особенно высшие переживания: каким образом можно вызвать в условиях лаборатории такие столь сложные переживания, как, например, высшие нравственные переживания!

Стало быть, выясняется, что психологический эксперимент не может скрупулезно удовлетворить все требования Вундта. Легче всего соблюдать их при экспериментальном изучении ощущений. Но, как справедливо отмечает психолог Мессер, даже в этом случае невозможно полностью удовлетворить эти требования. По мере перехода на исследование все более сложных и имеющих центральную природу переживаний возможность этого еще более уменьшается.

Поэтому Вундт отрицал продуктивность экспериментального изучения сложных психических переживаний, исследуя их посредством генетического и сравнительного методов, именуемых в его психологической системе в совокупности *«психологическим методом народов»*. Однако фактическое развитие психологии практически доказало, что и экспериментальное изучение сложных переживаний дает весьма значимые результаты.

3. Виды психологического эксперимента

Согласно классификации Вундта, следует различать три основных вида психологического эксперимента:

А. Метод *впечатления,* или, как его именуют другие, метод *раздражения* (Eindrucksmethode; Reizmethode). Ситуацией, в которой в этом случае находится испытуемый, считается то или иное раздражение. На субъекта воздействуют каким-либо раздражением и подробно описывают его поведение в данной ситуации. В качестве примера можно привести следующий простой опыт: допустим, испытуемому в руки дают предмет, вес которого то увеличивается, то уменьшается на очень незначительную величину; он в каждом случае должен сообщать об изменении веса. Результаты вносятся в специальный протокол с целью их последующей обработки. Следовательно, здесь, экспериментальным путем изучается, прежде всего, определенное *достижение* (Leistung) испытуемого. Однако опыт может быть направлен на изучение не только достижений, но и на других сторон поведения испытуемого.

При применении метода впечатления часто требуется достаточно сложная аппаратура, поскольку приходится варьировать раздражение не только качественно, но и, особенно, количественно.

Метод впечатления используется преимущественно для изучения психических процессов, тесно и однозначно связанных с внешними раздражителями. Таковыми, прежде всего, являются ощущения, также простые чувства, изменение интенсивности и качества которых обычно зависит от изменения раздражителя.

Б. Метод *выражения* (Ausdrucksmethode). Течение душевной жизни человека настолько тесно связано с различными процессами его физического организма, что эти последние, по убеждению Вундта, очень часто имеют симптоматическое значение. Вопроса о том, какова в сущности природа этой связи, мы специально коснемся в дальнейшем. Однако, какой бы она ни была, в данном случае для нас это неважно,

главное то, что эта связь представляет собой несомненный эмпирический факт, который можно использовать в методических целях.

В физиологии и психологии уже давно установлено, что некоторые телесные процессы имеют безусловную симптоматическую связь с нашими переживаниями. Таковыми, прежде всего, как это мельком было отмечено и выше, считаются пульс, дыхание, изменение объема кровопритока к различным частям тела, мышц, мимические и пантомимические движения. Все эти изменения, в силу их симптоматического значения для душевных процессов, можно назвать *выразительными движениями* (Ausdrucksbewegung).

Для изучения этих движений в физиологии были выработаны различные способы, используемые и в психологии. Поскольку симптоматическое значение имеют даже малейшие количественные изменения этих движений, понятно, что для их скрупулезного изучения следует фиксировать все изменения подобного рода; однако часто для выявления невидимых глазом изменений приходится пользоваться очень чувствительной, специально сконструированной аппаратурой. Назначение всех подобных устройств заключается в том, чтобы констатировать скрытые и невидимые изменения. Конструкция всех этих аппаратов позволяет фиксировать даже самые слабые движения.

Метод выражения может быть использован не только для изучения выразительных движений, но и в ряде других случаев. Неким симптоматическим выражением душевных процессов может считаться также плодотворность физической и умственной работы человека. Под воздействием психических факторов она претерпевает изменения, и протекание этих изменений позволяет судить о самом психическом состоянии. На энергию мускульной работы, например, влияют эмоциональные переживания. С помощью специальной аппаратуры можно получить четкое графическое изображение изменений этой энергии.

С другой стороны, для учета продуктивности умственной работы испытуемому обычно дают какое-нибудь простое задание: например, сложение или вычитание однозначных чисел (Крепелин), простой диктант (Сикорский), зачеркивание одной-двух букв в бессмысленном тексте (Бурдон), и в зависимости от того, как изменяется количество ошибок под воздействием различных психических факторов, пытаются сделать соответствующие психологические выводы. Подобные опыты особенно часто используются для изучения процесса уставания. Наибольший вклад в эту сферу внесли знаменитый психиатр Крепелин и его школа.

В. Метод *реакции* представляет собой третью группу психологического эксперимента. Вундт считал его соединением методов впечатления и выражения. И действительно, простая схема метода реакции включает в себя две фазы, первая из которых напоминает метод впечатления, а вторая — выражения.

Метод реакции применяется для изучения простых волевых актов или для выявления природы двигательных реакций вообще. В простейшем виде он выглядит следующим образом: испытуемому дается инструкция ответить на полученное впечатление какой-либо определенной реакцией, скажем поднятием правой руки. Воспринимая соответствующий раздражитель, он, согласно инструкции, поднимает правую руку вверх. Таким образом, первый момент данного опыта и в самом деле напоминает метод впечатления, но второй момент похож на метод выражения лишь внешне, поскольку ответное поднятие руки испытуемого в данном случае отнюдь не представляет собой непроизвольное выражение какого-либо его внутреннего пе-

реживания, ведь оно выбрано по предварительному согласованию и, конечно, могло быть и совершенно другим.

Между моментами получения впечатления и начала ответной реакции проходит определенное время. При помощи специальной аппаратуры производится точная регистрация обоих этих моментов, благодаря чему измеряется продолжительность психических процессов, протекающих в промежутке между ними (так называемое *«время реакции»)*.

Г. *Комбинированный* метод. В психологии естественнонаучный метод в чистом виде применяется редко. Чаще он комбинируется с методом самонаблюдения. Бихевиоризм, как известно, ограничивается по сути только первым, но его ошибка как раз в этом и заключается, поскольку понять и описать поведение живого организма и его работу с привлечением свидетельства сознания, несомненно, гораздо легче. С другой стороны, чистое самонаблюдение встречается со столькими препятствиями, что его свидетельства обязательно нуждаются в некоторой проверке. Возможность такой проверки предоставляет анализ объективных данных о душевных обстоятельствах испытуемых. Таким образом, очевидно, что необходима комбинация обоих этих методов.

Поэтому, во всяком случае на нынешней ступени развития нашей науки, исследование чаще проводится путем этого комбинированного метода.

Как справедливо отмечал Коффка, при применении комбинированного метода главное внимание уделяется установлению то дескриптивных данных, то функциональных. Скажем, ставится задача получить определенные дескриптивные данные о том, какие переживания возникают в сознании испытуемого при прослушивании звуковых тонов различной высоты. В данном случае экспериментатор обращается к методу впечатления, давая испытуемому прослушать различные звуковые тона, которые он должен оценить с различных точек зрения, например — их высоту. Используя результаты этих оценок испытуемого в своих целях, экспериментатор действует в рамках чисто естественнонаучного метода. Но в то же время испытуемого просят также наблюдать за переживаниями, испытываемыми им при прослушивании и оценке звуковых тонов. В этом смысле он занимается чистым самонаблюдением. Возможно, что два испытуемых одинаково оценят два различных по высоте тона. Бихевиористическая психология или только естественнонаучный метод удовлетворится этой реакцией, сделав вывод об идентичности психических переживаний испытуемых. Однако в принципе не исключено, что испытуемый ответил надлежащей реакцией на более высокий тон потому, что он, допустим, показался ему более светлым тоном, тогда как в переживании другого этот тон был более высоким. Совершенно ясно, что в этом случае использование только естественнонаучного метода послужит источником очевидной ошибки. Для установления действительного положения вещей необходимо обратиться и к самонаблюдению испытуемых. Вне всякого сомнения, что в обоих случаях испытуемые могут предоставить верные сведения о том, какие психические переживания легли в основу их ответов.

Таким образом, в подобных случаях комбинированный метод самонаблюдения и наблюдения за другими дает надежные дескриптивные сведения о происходящем в сознании испытуемого. Но наш основной интерес может быть направлен на сведения функционального характера. Скажем, нас интересует, что лежит в основе столь продуктивной работы памяти. В таком случае мы также обращаемся к комбинированному методу: предлагаем испытуемому определенный материал для запоминания, после чего внимательно отслеживаем, после скольких повторений он сумел запомнить материал, какова прочность запоминания, скорость репродукции и пр. Одним словом,

в центре нашего внимания находятся достижения памяти испытуемого. Однако для ясного понимания того, почему в различных условиях эти достижения различны, необходимо обратиться к самонаблюдению испытуемого.

Следовательно, в данном случае наш интерес направлен на объективные достижения памяти, а к самонаблюдению мы обращаемся лишь постольку, поскольку это может содействовать уяснению особенностей этих достижений.

Классификация явлений сознания

1. Трудности классификации

Наше сознание характеризуется *целостностью.* Несмотря на это, в нем все же удается выявить отдельные группы явно отличающихся психических качеств. Проблема классификации психических феноменов представляет собой одну из фундаментальных проблем психологии. Она издавна интересовала всех, кто занимался исследованием душевной жизни человека. Тем не менее, и сегодня невозможно утверждать, что психологией уже достигнуто окончательное решение данного вопроса и что она располагает единственной, приемлемой для всех классификацией. Напротив, если не всеми видными психологами, то, во всяком случае, большинством различных психологических школ разработаны собственные классификации. Это, по словам одного психолога, объясняется тем, что наши конкретные душевные переживания имеют весьма сложную природу, поэтому трудно размежевать все компоненты, в которых коренятся их специфические особенности. Имеется и методологическая трудность. Присущая нашему разуму монистическая тенденция легко порождает мнение, будто богатство содержания нашего сознания поддается единому систематизированному расчленению. Но фактическое положение таково, что общие различия между содержаниями сознания — различия, внесенные в душевную жизнь отнюдь не искусственно, а обусловленные самой ее природой, — тесно переплетаются друг с другом (Гайзер).

2. Старая классификация

Между тем, в общем взаиморазличие душевных феноменов столь очевидно, что оно не могло остаться незамеченным. Основные группы этих различий проявляются даже в нашей обычной речи: «я думаю», «я чувствую», «я желаю» — ведь все это подразумевает существование совершенно различных переживаний. Правда, этот случайный анализ наивного разума не удовлетворяет научные требования, но, тем не менее, именно он господствовал в науке вплоть до второй половины восемнадцатого века.

Даже сегодня, говоря об органах чувств, под чувством подразумевают зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные и осязательные способности; в то же время, аналогично именуется и удовольствие—неудовольствие. В действительности же совершенно ясно, что между переживаниями удовольствия—неудовольствия, с одной стороны, и цвета и звукового тона — с другой, существует безусловное квалитативное различие. Наивное самонаблюдение эту разницу не замечает — для него все богатство душевной жизни исчерпывается феноменами чувств (или представлений) и желаний. Точно так же рассуждала и старая наука, разделяя — вплоть до второй

половины восемнадцатого века — все многообразие душевных феноменов лишь на две основные группы: *познание* и *волю*.

В восемнадцатом веке, главным образом после немецкого психолога Тетенса, впервые стало очевидно, что психологическая природа переживаний цвета, звукового тона и прочих подобных феноменов явно отличается от переживаний удовольствия-неудовольствия. Поэтому возникла необходимость разделения так называемых *«чувственных»* феноменов на два различных класса, один из которых имеет познавательную природу, а другой — чисто эмоциональную. Первый был назван *ощущением* (Empfindung), а за вторым оставили прежнее наименование — *чувства*. В конечном счете, особенно в результате сильного влияния философа Канта, разделение душевных феноменов на три группы стало в философии и психологии обычным делом.

Следует отметить, что в содержании душевной жизни наличие этих трех квалитативно различных психических феноменов действительно дано наиболее непосредственно. Совершенно бесспорно, что познавательные, эмоциональные и волевые переживания вполне исчерпывают *основные* различия, наглядным образом данные в содержании нашего сознания. Поэтому данная классификация вполне приемлема.

3. Попытки классификации элементарных процессов

Однако психологический анализ не может остановиться на грубой дифференциации лишь тех форм переживания, наличие которых зримо подтверждает протекание психической жизни. Необходим дальнейший анализ этих сложных форм для обнаружения их первичных элементов, ведь вполне может оказаться, что эти первичные элементы, из которых строятся познавательные, эмоциональные и волевые феномены, совершенно не отличаются друг от друга или же, наоборот, их число намного превышает количество построенных из них форм.

В психологии XIX века встречаются почти все варианты решения этого вопроса. Некоторые исследователи (например, Мюнстенберг или Циген) решали вопрос монистически, стремясь свести все содержание душевной жизни на единственный элементарный процесс. Таковым обычно считалось *ощущение*. Другие — например, В. Вундт — говорили только об элементарных процессах — *ощущениях* и *чувствах;* и, наконец, некоторые к этим двум основным элементам добавляли третий, в частности элементарные акты *воли*.

Вопрос о том, насколько каждое из этих взглядов соответствует действительному положению вещей, обсудим в дальнейшем. Здесь же предварительно отметим, что, согласно распространенной сегодня точке зрения, основные элементарные процессы ощущений, чувств и воли должны быть признаны совершенно независимыми процессами, и старое разделение сложных душевных феноменов на три группы остается в силе и применительно к элементарным процессам.

4. Классификация Штумфа

Мнение о том, что содержание психической жизни человека проявляется в виде трех разновидностей психических явлений — чувств, ощущений и воли, представляет собой лишь одну точку зрения, не являющуюся единственной. Напротив, анализ нашего сознания, проводимый на основе исследований современной экспе-

\

риментальной психологии, доказывает не только возможность, но иногда и гораздо большую плодотворность классификации с иных аспектов. Наиболее явные и примечательные особенности психической действительности оказываются как раз за пределами данного подхода. Поэтому для их учета необходимо рассмотреть содержание нашего сознания и в другом аспекте.

Интересная попытка классификации психических переживаний с особой точки зрения предпринята Штумфом. По его мнению, всю сферу психических фактов можно разделить на четыре разные группы, первую из которых составляют *явления,* вторую — *психические функции,* третью — *соотношения,* а четвертую — *образования психических функций.*

Под *явлениями* Штумф подразумевает ощущения, включая пространственные и временные формы, и переживания боли и удовольствия, но эти последние не только как таковые, а вместе с их *представлениями,* то есть репродукцией. Зато психическими функциями он считал данность явлений и их соотношений, объединение их в комплексы; к психическим функциям им отнесены также образование понятий, радость и горе, любовь и ненависть, приятие и отвергание, усвоение и оценка. Согласно Штумфу, между этими двумя группами психических переживаний нет ничего общего ни логически, ни фактически; они представляют собой совершенно самостоятельные группы. В третью группу, как отмечалось, входят так называемые *соотношения,* то есть тождество, сходство и различие. И, наконец, четвертую группу составляют *образования* психических функций, то есть формы (очертания), понятия, ценности и цели.

Данная классификация Штумфа вызвала оживленный интерес, направив внимание исследователей особенно на вопрос «явлений» и «функций». В этом отношении значимость этой классификации бесспорна. Однако поскольку Штумф не считает в сущности явления — ощущения, чувства и их репродуктивные образы, то есть представления — психическими, постольку его классификация неприемлема. Психология изначально с особым вниманием исследовала именно эти процессы и немало преуспела в этом.

Зато несомненно, что наше сознание не исчерпывается только содержаниями (ощущения, представления и пр.), а содержит также и *функции,* или, как говорят теперь, *акты,* например мышление. В этом смысле классификация Штумфа безусловно заслуживает внимания.

Опосредованный характер психических процессов

1. Непосредственность воздействия физического на физическое

В современной науке считается аксиоматичным положением то, что между явлениями физической действительности существует неразрывная причинная взаимосвязь — одно явление воздействует на другое, становясь, таким образом, непосредственной причиной происходящих в нем изменений. И причина, и следствие относятся к одной действительности, то есть представляют собой физические явления. Стало быть, причину какого-либо физического явления следует искать опять же

среди явлений физического мира. Принцип замкнутой каузальности природы, принятый в современной науке, подразумевает, что физическое следствие может быть вызвано только лишь физической причиной. Между ними существует *непосредственная* связь. Воздействие одного на другое не нуждается в опосредовании через некое нефизическое явление. Не вызывает сомнений, что мощное развитие естественных наук нового времени, продолжающееся и поныне, было бы совершенно невозможным без признания данного принципа. Поэтому отнюдь неудивительно, что он был использован и при изучении других сфер действительности.

2. «Теория непосредственности» в психологии

Невзирая на то, что попытка использования «теории непосредственности» применительно к психической действительности явно сталкивается со многими трудностями, данная теория изначально была введена в психологию. Согласно основному положению данной теории, психическая действительность представляет собой отдельный мир, происходящие в пределах которого изменения находятся в неразрывной взаимосвязи, каузально определяя друг друга. Непосредственной причиной психического может быть только психическое, и происходящее в психике то или иное изменение может быть объяснено непосредственным воздействием опять-таки психического. Теоретическое обоснование этого положения было дано, прежде всего, родоначальником экспериментальной психологии Вундтом; фактическое же его использование имело место и до Вундта. Еще Гербарт объяснял содержание и жизнь всей психики взаимовлиянием представлений; на его взгляд, содержание сознания человека в тот или иной момент зависит от взаимосвязи его представлений. Примечательно, что по Гербарту эта связь носит чисто механический характер — сильное представление затемняет слабое, вытесняя его из сознания. Таким образом, содержание нашей психики в тот или иной момент полностью зависит от соотношения сил отдельных представлений. Именно поэтому Гербарт и говорил о *механике* представлений.

В еще более чистом виде теория непосредственности представлена главным образом в учении так называемой *«ассоциативной психологии»*. Согласно ее основополагающему положению, содержание всей психики составляют представления, связывающиеся между собой по определенным закономерностям. Возникновение в сознании одного члена этой связи с необходимостью вызывает второго. Мысли, чувство, воля — одним словом, вся наша психическая жизнь основывается на подобной ассоциации представлений. Следовательно, все то, что происходит в психике, объясняется воздействием опять-таки психического — какого-либо ассоциированного с ним представления; причины психического коренятся в психическом, на психическое действует психическое.

Вундт, противостоящий по своим основным взглядам как Гербарту, так и ассоциативной психологии, продолжал стоять на позиции теории непосредственности не только практически, в своей исследовательской работе, но и попытался дать ей философское обоснование. Он утверждает, что самое несомненное наблюдение, имеющееся у человека, это — единство его сознания, то есть взаимосвязь психических явлений. Психические явления сами связаны друг с другом, в своем непрерывном протекании они сами влияют друг на друга. Следовательно, психология как эмпирическая наука должна опираться на этот несомненный факт, объясняя все с этой

позиции. Это означает, что «всякий психологический процесс представляет собой закономерную связь явлений», в котором одно является причиной, а другое — следствием. Настоящее научное исследование в психологии, по мнению Вундта, возможно лишь при условии именно такого решения проблемы психической каузальности, то есть психический результат всегда будет объясняться воздействием психической причины; одним словом, психика должна быть сочтена совокупностью закономерно взаимовоздействующих и взаимосвязанных явлений.

Теория непосредственности господствует в психологии по сей день. На ней основывается даже одно из наиболее влиятельных направлений современной психологии — так называемая «гештальтпсихология». Смысл исходного принципа гештальттеории заключается в том, что в сфере переживаний друг на друга влияют не частные, элементарные процессы, создавая таким путем конкретные и сложные переживания, а, напротив, отдельное и частное определяется целым. Однако и целое, и частное представляют собой психические явления; следовательно, проблема психической каузальности здесь также решается на основе непосредственного взаимодействия психических процессов.

Таким образом, согласно распространенному в современной психологии взгляду, психическое *непосредственно* влияет на психическое.

3. Критика теории непосредственности

Среди современных психологов немало и таких, которые *не считают обязательным усматривать причины психических явлений исключительно в психических же явлениях.* Они отмечают, что на психику также могут воздействовать физические и другие непсихические процессы. Однако примечательно то, что и для них «теория непосредственности» продолжает оставаться аксиоматичным положением. Дело в том, что, по их мнению, физическое воздействует на психику также прямо и непосредственно, как и, наоборот, психическое на физическое. Например, укол иглой (физический процесс) непосредственно вызывает чувство боли, а это последнее (психический процесс), со своей стороны, — соответствующее движение тела.

Одним словом, согласно теории непосредственности, действительность — будь то физическая или психическая — воздействует на нашу психику прямо, без участия какого-либо опосредующего звена. Стало быть, психика находится в непосредственной связи с действительностью — именно она действует на действительность, и она же получает исходящее от этой последней воздействие.

Однако общеизвестно, что человек, как и всякий живой организм, сформировался и развился в процессе взаимодействия с внешней средой. Согласно теории непосредственности, предполагающей, что с действительностью взаимодействует не человек, а психика, именно эта последняя и является единственной силой, направляющей это развитие и создающей всю историю человека.

Разумеется, неприемлемость такого отрыва психики от целостного организма, целостной личности, недопустимое игнорирование значения роли этой последней не могло остаться незамеченным и в западной психологии. Конечно же, ею было признано то, что с действительностью взаимодействует субъект, а не оторванная от него психика. Однако понять этот несомненный факт с позиций теории непосредственности можно, лишь попытавшись свести человека как активную сущность, как личность к психике, доказав, что субъект по сути не представляет собой ничего иного,

кроме психики. Именно поэтому Гегель пытался доказать, что субъект всегда является сознанием или самосознанием, а родоначальник современной психологии Вундт полагал, что субъект для научной психологии представляет собой всего лишь совокупность психических явлений. Иное понимание субъекта, согласно Вундту, означает восстановление старого понятия субстанции, что ничего не даст научному изучению психологических фактов.

Таким образом, и здесь попытка спасения теории непосредственности опять-таки приводит к признанию положения, неправомерность которого несомненна. Дело в том, что субъект, индивид, личность ни в коем случае не могут считаться совокупностью психических функций, поскольку психика — это не сам индивид, а орудие, приобретенное им в процессе взаимодействия с внешней действительностью и используемое для ее преобразования; психика — это не сам субъект, а *«его орган»*. И, конечно же, с внешней действительностью взаимодействуют не «органы» индивида, а сам индивид, использующий их в процессе этого взаимодействия.

4. Целостный субъект как исходное понятие психологии

Согласно теории непосредственности, с действительностью взаимодействует сама психика, непосредственно воздействующая на действительность и получающая непосредственное воздействие от нее. Следовательно, здесь не остается места для живого субъекта, личности — психология с ним дела не имеет.

В противовес данному положению западной психологии следует подчеркнуть, что основным источником психического развития является именно *практика,* то есть *взаимодействие с действительностью, живого, реального, исторического человека.* Прямая, непосредственная связь существует лишь между этим реальным субъектом и действительностью. Поэтому психология, усматривающая свою задачу в изучении психики человека, своей исходной точкой должна считать взаимодействие активного субъекта с действительностью, практику реального человека. Исходя из этого, психология не может обойти стороной понятие субъекта, целостного человека, личности. Понять закономерности структуры и функционирования психики — этого специфического «органа» личности — совершенно невозможно в отрыве от ее носителя и производителя — целостной личности, вне поиска фактора, зарождающегося в акте взаимодействия субъекта с внешней действительностью и разворачивающегося в виде психических процессов. Поэтому проблема целостной личности должна быть сочтена основополагающей проблемой настоящей научной психологии.

В современной психологии существует направление, как будто преодолевшее главный недостаток теории непосредственности; это — так называемая *«персоналистическая психология»,* родоначальником которой является Штерн.

Основное положение концепции Штерна действительно противоречит главному принципу теории непосредственности. По его мнению, взаимоотношения существуют не между действительностью и психикой, а между *действительностью* и *субстратом психики — персоной* (лицом). Стало быть, на его взгляд, во взаимосвязи находятся действительность и личность; что же касается психического, то оно представляет собой чисто вторичную сферу, в основе которой лежит другая, сущностно более значимая сфера — личность.

Таким образом, казалось бы, что теорию непосредственности можно считать преодоленной. Но достаточно внимательно изучить предложенное и всесторонне рас-

смотренное Штерном понятие *персоны,* чтобы убедиться в том, что фактически теория непосредственности остается непреодоленной и в персоналистической психологии. Дело в том, что, согласно Штерну, личность является «повелителем и регулятором» психических процессов; это выражается в том, что она порождает и направляет психические процессы в соответствии со своими целями. Следовательно, в психологии решающее значение имеет не принцип *причинности,* а принцип *целеполагания;* то есть получается, что в психологии основной точкой зрения является *телеологическая.* Это — главный недостаток концепции Штерна.

Что касается второго недостатка, то здесь незатронутость принципа непосредственности видна уже совершенно четко. Во-первых, согласно Штерну, влияние психического на другие психические процессы того же субъекта может происходить и *непосредственно;* во-вторых, Штерн придерживается идеалистической концепции, вследствие чего для него личность, в конечном счете, является метафизической сущностью.

Глава вторая Биологические основы личности

Предварительные замечания

Каковы биологические основы личности? Несомненно, что любой взаимодействующий со средой субъект является прежде всего *организмом.* Однако его суть не всегда исчерпывается только этим — человек как активный субъект, особенно — как личность, не является исключительно биологическим индивидом, *организмом;* он в первую очередь представляет собой *социальное* существо. Но естественно, что социальным существом может стать лишь *живой организм.* Поэтому для постижения сути личности необходимо, прежде всего, учесть его биологическую основу, природу его *организма.*

Что представляет собой человек как биологическое существо, как живой организм, как явление природы? Специальным изучением данного вопроса занимаются биологические науки, в частности анатомия и физиология человека.

Поэтому естественно встает вопрос: нужно ли психологии при изучении личности специально останавливаться на уяснении ее биологических основ? Этот вопрос должен быть решен положительно, невзирая на то, что исследование данной сферы составляет компетенцию биологических наук. Действительно, биология располагает всеми сведениями о человеке как биологическом индивиде, как организме. Следовательно, казалось бы, нет необходимости переносить и повторять эти данные в пределах психологии. Но поскольку данную науку не интересуют биологические основы специально *личности,* постольку здесь невозможно найти соответствующий материал в специально подобранном и систематизированном виде. Поэтому психология вынуждена подобрать интересный с ее точки зрения материал, разбросанный по различным отраслям биологической науки, оценить и систематизировать его в аспекте своей проблематики и в соответствии со своими целями.

Таким образом, организм как целостность — вот биологическая проблема, интересующая психологию в связи с проблемой *целостной личности.*

В девятнадцатом веке биологическая наука особое внимание уделяла клетке как основному материалу, из которого строится живой организм, последний же, как целостность, оставался в стороне. Сегодня положение изменилось, и на передний план выдвинулась проблема целостного организма, превратившись в предмет плодотворных исследований. В современной науке данная проблема разрабатывается в несколь-

ких направлениях: в аспекте изучения *конституции тела, внутренней секреции* и, наконец, *нервной системы.*

Конституционное учение

Еще Гиппократ (V век до нашей эры) отмечал, что организм действует как целое, что характер и особенности протекания заболевания зависят от этого целого. Сегодня уже не вызывает сомнений, что бацилла туберкулеза в одном организме вызывает соответствующую болезнь, для другого же оказываясь совершенно безвредной; прививка оспы в одном случае может вызвать сильный воспалительный процесс и температуру, а в другом не оказать никакого влияния. Ясно, что причину столь различного действия одного и того же внешнего воздействия следует искать в своеобразии целостного организма. Одинаковые повреждения одних и тех же частей тела приводят к различным последствиям в различных организмах; на один и тот же раздражитель разные организмы отвечают по-разному.

Совокупность анатомических, физиологических, биохимических и эволюционных особенностей организма как целого, определяющих специфический характер его реакций, именуют обычно *конституцией.* То, что различные организмы по-разному отвечают на раздражение одних и тех же частей, объясняется, стало быть, их *конституцией.* В соответствии с этим, конституция — функциональное понятие, введенное для объяснения тех жизненных процессов организма, понимание которых на основе учета закономерностей его отдельных частей было бы невозможно.

Однако данная функциональная особенность целостного организма имеет свои *морфологические* основы, поэтому конституция проявляется и в специфической целостности строения тела. Любой организм по своему материалу одинаков; анатомия человеческого тела дает полную картину составляющих его частей. Но соотношение этих частей в каждом отдельном случае неодинаково, и возможно, что именно этим и обусловлены особенности тела как целого. Например, возможно, что каждый отдельный организм отличается от других взаимосвязью, существующей либо между его основным материалом — *клетками,* либо между отдельными органами или системами органов — нервной системы, системой обмена веществ, половой системы и др. Разумеется, в этом случае различной будет и морфологическая структура организма как целого, и неудивительно, если в зависимости от этого надлежащим образом различной окажется и его функциональная сторона, ведь естественно, что различным образом построенные соматические целостности будут реагировать по-разному. Отсюда ясно, сколь большое значение имеет изучение *морфологической* конституции организма. Это значение тем более несомненно, что нигде так отчетливо не проявляется своеобразие организма как целого, как в строении тела. Оно отражается уже на внешности — так называемом *«хабитусе»,* проявляясь настолько ярко, что некоторые основные разновидности морфологической конституции тела были замечены еще в далеком прошлом, например в древнем Египте, то есть несколько тысяч лет тому назад.

Наиболее распространенными, особенно среди психологов, следует считать введенные Кречмером конституциональные типы, выделенные именно на основе особенностей хабитуса.

Кречмер различает три типа конституции: 1) *пикнический,* 2) *астенический* и 3) *атлетический* типы.

Каковы эти типы? Психологически особенно интересно строение головы и лица, поскольку их общий облик и выражение зачастую бывают весьма полезны для характеристики личности человека. Однако не следует забывать, что здесь речь идет о *целом,* и лишь особенности строения головы и лица не имеют решающего значения; при описании морфологической конституции необходимо учитывать весь организм.

Согласно описанию Кречмера, хабитус *пикнической конституции* выглядит следующим образом: прежде всего бросается в глаза широкое, мягкое и круглое лицо с соответствующим строением черепа — большим, круглым и глубоким. Шея у пикника короткая, а живот достаточно большой. Предрасположенность к полноте и мощное развитие внутренних полостей (живота, груди и головы) при низком росте — таковы характерные признаки хабитуса пикника.

Хабитус *астенической конституции* совершенно иной: худой и бледный с четко очерченным, удлиненным лицом яйцевидной формы. Узкое, худое тело, покрытое малокровной кожей. Узкие плечи и тонкие конечности с плохо развитой мускулатурой, впалая грудная клетка и впалый живот — все это достаточно зримо отличает астеника от пикника.

Хабитус *атлетической конституции* таков: мощная голова с прямой посадкой на высокой и крепкой шее; лицо с четким костистым рельефом; широкие плечи и грудная клетка; четко очерченная мускулатура на всем теле, особенно на конечностях. Одним словом, мощное развитие скелета, мышечного аппарата и кожи — вот основные особенности, свойственные специфическому хабитусу атлетической конституции.

В научной литературе известны и другие типологии конституции (например, Сиго, Бенеке и других). Но здесь мы не будет останавливаться на их рассмотрении, поскольку нас интересует вопрос о конституции лишь постольку, поскольку он учитывает факт действия организма как целостности.

Еще более интересен вопрос о свойствах организма, предопределяющих его функциональные особенности, создающих его конституцию. Некоторые авторы полагают, что конститутивными являются лишь врожденные свойства организма — так называемый *«генотип».* Согласно данной точке зрения, действие организма как целого изначально фатально предопределено, и ничто не может его изменить; по словам Тандлера, «конституция — соматическая судьба организма».

Подобная точка зрения неприемлема, ведь генотипической предопределенностью конституции легко оправдать социальное неравенство. Ошибочность понимания конституции как генотипа очевидна, если учесть, что понятие конституции внесено для понимания особенностей действия организма как целого. Поэтому у нас нет никаких оснований полагать, что целостность организма предопределена его частными, генотипически зафиксированными свойствами. Ведь организм имеет не меньшее количество приобретенных свойств, и коль скоро речь идет об особенностях действия целого, исключить их никак нельзя. Соответственно, более правомерным представляется мнение других авторов, полагающих, что конституцию организма определяет совокупность свойств организма *(фенотип)*, поскольку он характеризует особенности индивида. При анализе этой целостной, *фенотипической* конституции всегда есть возможность установить, с одной стороны, компоненты, предопределенные наследственными факторами (генотипическая или, по терминологии Ленца, — *идиотипная* конституция), а с другой — внешними факторами — *паратипная* конституция, или, по Бауэру, *кондиция.*

Внутренняя секреция

ДЛЯ организма как для целостности совершенно особое значение имеют его внутренние жидкости, *кровь* и *лимфа.* Благодаря этим последним продукты обмена веществ распространяются по всему организму, создавая его внутреннюю химическую связь, его внутреннюю целостность. От химического состава этих жидкостей зависит питание всего организма. В зависимости от их химического воздействия определенным образом изменяется состояние всего организма; в определении качества организма как целого *гуморальный фактор* (humor — жидкость), безусловно, играет чрезвычайно важную роль.

Однако состав и химическое действие крови и лимфы зависят не только от продуктов, получаемых организмом извне через питание. Установлено, что некоторые внутренние органы самого организма вырабатывают продукты, входящие в состав крови и тем самым воздействующие на весь организм. В последнее время среди этих органов особое внимание уделяется системе желез так называемой *«внутренней секреции»,* или *эндокринной* системе. По всей видимости, учет эндокринного фактора должен иметь большое значение для понимания организма как целого.

В организме различают две группы желез. Первая характеризуется тем, что через специальные протоки выделяет наружу преимущественно вредные продукты жизнедеятельности организма, избавляя тем самым его от их вредного влияния. Данную группу желез называют железами *«внешней секреции»* (к их числу относятся, например, железы пищеварительной системы, потовые железы и др.). Совершенно иную функцию выполняют железы второй группы. Они не имеют внешних протоков, поэтому вырабатываемые ими продукты остаются в организме, переходят в кровь, изменяя ее химический состав и оказывая, таким образом, специфическое воздействие на весь организм. Эта система желез известна под названием *«системы желез внутренней секреции»,* или *эндокринной системы,* а продукты их деятельности называются *гормонами.*

Гормоны, выделяемые различными железами внутренней секреции, действуют на организм по-разному.

1. Гормоны *зобной железы* (thymus) раньше всех начинают воздействовать на организм. Удаление этой железы у взрослого животного особых изменений не вызывает. Зато за ее удалением у молодого организма следует прекращение роста и рахитные нарушения скелета. Но достаточно пересадить ему железу другого животного, как все эти болезненные явления прекращаются и организм продолжает нормальный рост. Следовательно, гормон зобной железы должен быть признан фактором роста и нормального развития скелета.

2. Не менее значительно влияет на организм гормон *щитовидной железы* — так называемый *«тироксин».* Эта железа расположена в передней части шеи, прикрывая боковые и передние части гортани. Когда ее действие ослаблено (гипотония), организм претерпевает заметные изменения: останавливается процесс роста, снижается питание, деградирует мышление. В крайних случаях появляется *зоб* и кретинизм — специфические аномалии, представляющие собой своеобразное заболевание организма в целом. Гипертония щитовидной железы, то есть усиленное действие и вызванный этим избыток тироксина, вызывает своеобразные болезненные изменения организма в целом: повышение нервной возбудимости, усиление процессов обмена веществ, потливость, учащение дыхания и сердцебиения. Особенно ярко эти симп-

томы проявляются при так называемой *«базедовой болезни»,* возникающей вследствие гипертонии щитовидной железы.

3. Также очевидное влияние на организм оказывает так называемый *«гипофиз»,* или *придаток мозга,* расположенный у основания мозга, выше крестовины зрительного нерва. О влиянии, оказываемом им на организм, наглядно свидетельствуют случаи его гипотонии и гипертонии. При недостатке гормона процесс роста организма замедляется, а при избытке рост человека достигает гигантских размеров. Сегодня уже экспериментально подтверждено, что гипофиз оказывает решающее влияние на *регуляцию роста:* удаление гипофиза у молодого животного вызывает соответствующее замедление роста всех частей его организма, так что, в конечном счете, пропорция между этими частями остается обычной, но тело не достигает нормальной величины — животное оставляет впечатление миниатюрного представителя своего рода.

4. Еще в восьмидесятых годах XIX века было замечено (Броунсекар), что половые железы обладают двойной функцией — как внешней, так и внутренней секреции. Тогда как первая служит цели размножения организма, вторая создает специфические химические продукты, переходящие в кровь и оказывающие мощное воздействие на весь организм. Воздействие гормонов половых желез на весь организм является чрезвычайно сильным и наглядным. Все половые особенности, определяющие различие женского и мужского организмов, должны быть приписаны внутрисекреторному действию половых желез. Если животному мужского пола пересадить женские половые железы или наоборот, то животное приобретет признаки противоположного пола; например, петух станет похож на курицу, а курица — на петуха. Поэтому неудивительно, что в медицине в целях обновления, омоложения организма обращаются именно к половым железам. Известные опыты по омоложению Штайнаха и Воронова, дающие иногда, хотя бы временно, весьма впечатляющие результаты, подтверждают факт огромного влияния половых желез на весь организм.

Помимо упомянутых внутрисекреторных желез существуют и другие, инкреты (внутренние выделения) которых оказывают на организм большое влияние. Очевидно, что железы внутренней секреции принимают особенно значимое участие в формировании целостности организма. Поэтому неудивительно, что, по мнению некоторых ученых, вся конституция человека предопределена, прежде всего, взаимодействием этих желез. Однако несомненно и то, что в становлении конституции особенно важную роль играет также нервная система.

Нервная система

На пути филогенетического развития живого организма ни одна из его сторон не претерпела столь наглядные изменения, как *нервная система.* Поэтому ничего так четко не характеризует уровень развития живого организма, как морфологические и функциональные особенности нервной системы. Это обстоятельство позволяет предположить, что с организмом как целым наиболее существенным образом связана именно эта его сторона — нервная система. Современная наука располагает целым рядом фактов, полностью подтверждающих бесспорность этого положения.

С целью более ясного выявления основополагающей роли нервной системы в становлении организма как целого целесообразно рассмотреть ее с точки зрения развития. Не вызывает сомнений, что нервная система высших животных в ее нынеш-

нем виде является результатом необозримо длинного пути развития, вследствие чего представляет собой морфологически и функционально чрезвычайно сложный аппарат. Поэтому очевидно, что *ведущая* роль нервной системы для всего организма более отчетливо проявляется на ступенях ее зарождения и постепенного развития, нежели там, где она служит целям в значительной мере усложненного и дифференцированного организма.

Установление связи, отношений между организмом и средой всегда считалось главнейшей функцией нервной системы. Следовательно, изначально подразумевалось, что как внешнее воздействие на организм, так и, наоборот, воздействие организма на среду осуществляется через нервную систему. Соответственно, нервная система состоит из двух разновидностей элементов: из элементов, или нервных волокон, передающих организму воздействие среды, и элементов, или нервных волокон, передающих исходящие из организма импульсы его различным рабочим органам, которые, в свою очередь, соответствующим образом воздействуют на среду. Таким образом, в нервной системе различаются две разновидности нервных волокон: *афферентные* (рецепторные, чувственные) и *эфферентные* (моторные, эффекторные). У более или менее сложных организмов эти две системы нервных волокон объединяет третья система — так называемая *«центральная нервная система»,* принимающая идущие афферентным путем импульсы и передающая их эфферентной системе, то есть упорядочивающая взаимосвязь этих двух систем и, тем самым, организма и среды.

На примитивной ступени развития жизни положение вещей следует представить иначе. Одноклеточный организм также является живым существом, и он, как таковой, находится в определенной связи со своей средой, то есть он принимает исходящие из среды *импульсы* и отвечает на них тем или иным движением или реакцией. Следовательно, функционально в основном он ничем не отличается от организма, имеющего нервную систему, хотя морфологически сам этой последней не располагает. Этот факт заслуживает особого внимания. Он показывает, что на начальной ступени жизни влияние среды на организм и организма на среду осуществляется не через *специальный орган — нервные элементы,* а посредством всего организма; несомненно, что здесь функции нервной системы выполняет организм в целом.

На несколько более высокой ступени развития (например, среди червей) положение меняется. Здесь морфологический состав организма становится относительно более сложным. Среди клеток, составляющих внешнюю оболочку тела, встречаются клетки, отличающиеся от остальных как структурно, так и функционально; в этом случае, безусловно, можно говорить о зачаточной форме нервного элемента. Правда, этот нервный элемент пока еще полностью лишен функциональной дифференциации, поскольку нельзя сказать, что он исполняет роль или только афферентного, или только эфферентного волокна. В нем обе эти функции все еще объединены, то есть он одновременно является и рецептором, и эффектором.

На следующей ступени развития рецепторные и эффекторные функции уже распределяются между отдельными клетками, то есть одни клетки получают внешнее раздражение, а другие дают ответную реакцию. Однако характерным для этой ступени развития является то, что действие эффекторных и эффекторных клеток ничем не опосредовано — эффекторная клетка своим внутренним слоем прямо соприкасается с эффекторной и так передает ей импульс.

Зачаток специального передающего аппарата — центральной нервной системы — появляется лишь на последующей ступени развития. Между чувствительными и двигательными клетками включаются новые нервные элементы, берущие на себя лишь функцию передачи импульсов, исполняя, таким образом, роль центрального аппарата.

ДЛЯ всех упомянутых ступеней развития нервной системы особенно характерно то, что она как морфологически, так и функционально представляет собой *диффузную систему* в полном смысле этого слова. Нервные элементы широко разветвлены по всему организму и столь связаны, переплетены между собой своими отростками, что найти границу между ними не представляется возможным. Одним словом, число взаимосвязей каждого отдельного элемента со всеми остальными неисчислимо, и все тело составляет неразрывное целое. Само собой разумеется, что подобное диффузное строение нервной системы характеризуется надлежащим физиологическим действием, в частности, в ответ на воздействие раздражителя на одну какую-то часть тела следует реакция всего двигательного аппарата, то есть *любой раздражитель вызывает диффузную реакцию всего организма*.

Стало быть, несмотря на зарождение отдельных специальных элементов — нервных элементов и нервной системы — организм все еще целиком отвечает на воздействие внешней среды, то есть различие или дифференциация между отдельными органами организма и отдельными частями моторного аппарата еще отсутствует. Это — дело будущего.

На следующей ступени развития на передний план выходит именно этот процесс дифференциации. Вначале возникает так называемая *«узловая нервная система»*. В различных местах организма образовываются более или менее концентрированные группы нервных элементов, создавая тем самым нервные *узлы*. Невзирая на подобную морфологическую дифференциацию, физиологически узловая нервная система по сути остается диффузной, поскольку внешние раздражители вызывают либо диффузную реакцию всего двигательного аппарата, либо, в лучшем случае, какой-нибудь целостной системы (например, системы внутренних органов, системы периферических мышц).

На последующей ступени развития процесс дифференциации нервной системы особенно заметно продвигается вперед. Появляется так называемая *«цепочечная нервная система»* — одна из высоких форм развития нервной системы. Здесь в каждом сегменте тела развивается собственный нервный аппарат, позволяющий ему действовать совершенно независимо от остальных сегментов. Организм разделяется на отдельные единицы (сегменты), и происходящее в одном сегменте почти совершенно не касается другого. Однако более углубленное изучение строения цепочечной нервной системы показывает, что это не совсем так. На самом деле она состоит не только из отдельных нервных узлов, являющихся самостоятельными нервными аппаратами отдельных сегментов и придающих организму сегментарное строение. У нее обнаруживается также наличие системы нервных элементов, связывающей друг с другом нервные узлы всех сегментов и объединяющей их в единую нервную систему. Это обстоятельство подтверждает, что организм и на этой ступени развития остается целостным организмом. Особенно важным в этом смысле является образование некоторых относительно крупных узлов, почти полностью лишенных сегментарного значения, но зато полностью подчиняющих себе действие всех остальных узлов, всего сегментарного нервного аппарата. Обеспечение целостного, интегрированного действия организма составляет особую функцию этого несегментарного узла.

Таким образом, мы видим, что даже на этой ступени развития нервной системы, когда на передний план выступает тенденция дифференциации и размежевания, в нервной системе развиваются и элементы, обеспечивающие действие организма как целого.

Не останавливаясь более на последовательной характеристике дальнейших ступеней развития нервной системы и перейдя на рассмотрение нервной системы

высших представителей животного мира и, в частности, человека, мы увидим, что особенно четко представлены здесь обе противоположные тенденции развития — как дифференциации, так и интеграции.

Рассмотрим вначале тенденцию дифференциации. В строении нервной системы человека четко сохранены оба достижения раннего развития, нашедших свое выражение в образовании, с одной стороны, *узловой,* а с другой — *сегментарной* нервной системы. *Периферическая нервная система* человека, то есть афферентные и эфферентные пути, почти без исключения построена на сегментарном принципе — из спинного мозга выходят 31 пара нервов, каждая из которых соединяется с определенной частью периферии нашего тела, представляя собой их нервный аппарат. Зато принцип узловой нервной системы находит свое выражение и дальнейшее развитие в строении центральной нервной системы.

Центральная нервная система, то есть *мозг,* представляет собой концентрированную массу нервных элементов, расположенную в совершенно определенных частях тела — в позвоночнике и черепе. Этим она напоминает более высокий уровень развития узловой нервной системы. Главными ее частями являются:

1. *Спинной мозг,* расположенный в трубке позвоночника, от которого исходит большинство периферических нервов.

2. *Продолговатый мозг* (medulla oblongata), представляющий собой продолжение спинного мозга в черепе.

3. *Мозжечок,* расположенный в черепе и покрывающий сверху спинной мозг.

4. Наверху, чуть спереди, расположен *средний мозг* (corpora quatrigeina, *четверохолмие).*

5. *Зрительный бугор* (промежуточный мозг, thalamus opticus), расположенный между упомянутыми частями и большим мозгом и благодаря своему строению играющий роль медиатора между ними.

6. *Большой мозг,* который включает:

а) *белое вещество* (нервные волокна, либо исходящие из нижней части мозга и, особенно, из зрительного бугра, либо же соединяющие различные области самого большого мозга, — так называемые *«ассоциативные* нервные волокна») и

б) *серое вещество,* то есть кору большого мозга, занимающую площадь 2000 квадратных сантиметров и состоящую из 9 миллиардов нервных клеток[1] (согласно Дональдсону). На его поверхности имеется множество *борозд* и *извилин.* Среди них особенно важными являются центральная, или *роландова* борозда, расположенная между полушариями, и *сильвиева* борозда, находящаяся сбоку и особенно глубоко пронизывающая эту часть головного мозга. Из извилин очень важны по три извилины лобной и височной областей: *верхняя, средняя* и *нижняя,* три *затылочные* извилины *{первая, вторая* и *третья* извилины) и, наконец, *верхняя* и *нижняя* извилины темени.

Как видим, центральная нервная система человека морфологически сильно дифференцирована — не отмечается даже следа морфологической диффузии.

Возникает вопрос: какова она физиологически? Структура и функция и здесь, конечно же, неразрывно связаны между собой, поэтому несомненно, что вслед за морфологической дифференциацией частей нервной системы должна была развиться и функциональная (физиологическая) дифференциация. Соответственно, всем вышеназванным частям нервной системы должна быть отведена в организме различная физиологическая роль.

[1] По современным данным, количество нервных клеток в коре исчисляется приблизительно 15 млрд. - *Примечание редактора*

Мы не станем останавливаться на рассмотрении периферических нервов, содержащих афферентные и эфферентные нервные волокна и исполняющих роль рецепторов и эффекторов, и перейдем на анализ функций отдельных частей мозга. Функции так называемых *«субкортикальных»,* или *подкорковых,* центров (то есть всех частей мозга, расположенных под полушариями большого мозга) должны заметно отличаться от функций большого мозга, тем более его коры. Если первые определяют в основном чисто физиологические процессы, то большой мозг связан преимущественно с психическими процессами.

В частности, роль *спинного мозга* состоит в основном в том, что он, во-первых, отвечает за рефлекторные движения, будучи их центром, и, во-вторых, пропускает идущее из периферии возбуждение к коре головного мозга и, наоборот, от него к периферии. *Продолговатый мозг* содержит центры, упорядочивающие дыхание, сердцебиение, сосание, глотание и другие движения автоматического характера. *Мозжечок* отвечает в основном за сохранение и регуляцию равновесия тела, но под руководством большого мозга. Роль *среднего мозга* и *зрительного бугра* заключается главным образом в том, что здесь происходит *переключение* всех афферентных нервов по пути к коре головного мозга. Следовательно, кора головного мозга и функционально может быть сочтена надстройкой над этими центрами.

Большой мозг прежде всего играет роль центра психических процессов. Во всяком случае, применительно к человеку это положение сомнений не вызывает. Но что касается животных, стоящих на более низких ступенях развития, здесь чем ниже эта ступень, тем меньшая роль отводится головному мозгу — у них психические процессы связаны и с подкорковыми центрами. Например, если удалить большой мозг у рыбы, то она, в конечном счете, сохранит все-таки способность поиска пищи, ее обнаружения и соответствующего телодвижения. Голубь в таких условиях чувствует себя несколько хуже: он умрет с голоду, если не подносить пищу к его клюву. Собака с удаленным большим мозгом (впервые такую операцию произвел Гольц, а теперь это делается часто) чувствует себя еще хуже, чем голубь, хотя через некоторое время вроде бы наступает улучшение: она кое-чему научается, в определенной мере приспосабливаясь к своему новому положению. Значительно более беспомощен без головного мозга человек: один такой 29-летний больной полностью утратил способность речи, зрение, подвижность конечностей; слух был очень понижен. Под воздействием голода он начинал выть, как животное. Что касается автоматических движений — сердцебиения, дыхания, процессов пищеварения, то все это осталось в норме. Все это ясно свидетельствует о том, что человек без большого мозга значительно меньше похож на обычного представителя своего рода, чем животное, пусть даже собака, стоящая на относительно высокой ступени развития.

Таким образом, как видим, функционально большой мозг — хотя бы в случае человека — четко отделен от остальных частей мозга; в частности, он существенным образом связан с психическими процессами, тогда как расположенные под ним центры обеспечивают скорее чисто физиологические процессы.

Несмотря на столь ясно выраженную морфологическую и функциональную дифференциацию, нервная система все же особенно служит целостности организма, ведь она лежит в основе объединения, согласования, координации действий отдельных частей и систем организма; вне этой роли нервной системы было бы невозможно говорить о целостном организме.

Каким образом нервная система оказывает на организм объединяющее воздействие при столь далеко идущей дифференциации? Несомненно, что это должно иметь и некоторую морфологическую основу. Согласно последним исследованиям Леонто-

вича, в нашем организме обнаружены специальные нервные элементы, разбросанные по всему организму. Оказалось, что их существование совершенно не зависит от нервной системы — они не исходят ни из нервных центров, ни из каких-либо периферических узлов. Кроме того, если из организма изъять все известные нервные узлы, то эти своеобразные нервные элементы остаются в неизменном виде.

По мнению Леонтовича, в лице этих элементов мы имеем дело с *остатком* старой, диффузной нервной системы, играющей значительную роль в объединении всех элементов организма. Примечательно, что функционально эти элементы не являются независимыми от нервной системы, находясь в своем действии под ее влиянием. Это означает, что ни один нервный импульс, возникший в том или ином месте нашего организма, никогда не является узко местным, чисто локальным явлением. С помощью диффузного нервного аппарата он распространяется по всему организму, вызывая в нем, как в целом, определенный эффект. Так обеспечивается целостное действие организма.

Но каким образом мы имеем налицо картину согласованного, координированного действия отдельных органов и систем, несмотря на диффузное, разбросанное по всему организму, нервное возбуждение? У современной физиологии на данный вопрос есть определенный ответ. Дело в том, что нервный процесс бывает двух видов: *возбуждение* и *торможение,* действующие во взаимопротивоположном направлении. Нервный процесс, распространяясь на весь организм, отнюдь не везде вызывает *возбуждение,* проявляясь в некоторых местах в виде *торможения.* В результате этого нервный импульс вызывает действие не во всех частях организма, а только в тех, на которые торможение не распространилось. Таким образом, в основе координации частей организма лежит распределение возбуждения и торможения, достигшее определенного вида в результате развития организма.

Учение о локализации

С особой остротой вопрос об отношении целого и частей встает при изучении большого мозга. Правда, кора головного мозга составляет единое целое, однако ее поверхность дает настолько многообразную картину, так сильно разделена различными бороздами и извилинами на своеобразно устроенные области, что естественно возникает мысль о том, что различные части коры должны иметь разное предназначение, будучи размежеваны не только морфологически, но и функционально. Поскольку функцией большого мозга считаются психические процессы, заметно отличающиеся друг от друга, то можно предположить, что каждый из этих процессов связан с различной частью головного мозга, представляя собой его функцию. Это означает, что каждый психический процесс должен располагаться в определенном месте мозга, то есть появляется возможность постановки вопроса о *локализации* в мозге каждого психического процесса. Вопрос о локализации имеет довольно продолжительную историю, оставаясь и поныне одной из наиболее актуальных проблем.

Научная история проблемы локализации ведет отсчет с начала девятнадцатого века, когда она оказалась в центре внимания, особенно в первые десятилетия. Вскоре выделились два крайних, взаимопротивоположных взгляда, один из которых принадлежал немецкому ученому Галлю, а другой — французскому исследователю, известному физиологу Флурансу. По мнению Галля, душа содержит всего

27 различных *способностей,* и вся наша душевная жизнь представляет собой результат их действия. Каждая из этих способностей имеет свой орган на поверхности мозга; она локализована в определенном месте коры. Несомненно, что знание точной локализации душевных способностей могло бы иметь и большую практическую ценность, оказав большую службу для ознакомления с индивидуальными особенностями человека. По убеждению Галля, чем больше развита у субъекта та или иная способность, тем более развитым должна быть у него и соответствующая часть мозга и, следовательно, та часть черепа, где она расположена. Данное обстоятельство, по мнению Галля, позволяет судить о различных способностях того или иного субъекта в зависимости от распределения выпуклостей на черепе. Согласно Галлю, исследованием локализации способностей человека должна заниматься отдельная наука — *френология.*

Френология Галля, во-первых, была построена на ошибочной психологической основе, поскольку сложные психологические состояния — такие, как родительская любовь, дар речи, самолюбие, честолюбие и пр. — были объявлены им элементарными «способностями», каждая из которых имела отдельную, самостоятельную локализацию. Все остальные ошибки Галля проистекали из этой основной ошибки. Разумеется, его выводы часто полностью противоречили опыту; например, по френологии Галля гениальный художник Рафаэль обладал слаборазвитым чувством цвета, а известный писатель Вальтер Скотт должен был быть великим математиком.

Понятно, что френология Галля быстро вызвала отклик в виде противоположной точки зрения. Физиолог Флуранс первым провел точные научные опыты над живыми животными, внеся тем самым в науку большой вклад. Он впервые осуществил отсечение участков мозга (экстирпация, децеребрация), в результате которых животное полностью утрачивало психическую способность, инстинкты и чувствительность, оставаясь неподвижным, лишь изредка отвечая на внешнее воздействие тем или иным движением. Особенно примечательным было сочтено то, что результат был одинаков вне зависимости от того, какой участок головного мозга отсекался, он лишь усиливался и становился более наглядным в зависимости от величины пораженного или отсеченного участка. Исходя из этого, Флуранс заключил, что все участки головного мозга имеют совершенно одинаковое значение для психических процессов.

Данный вывод Флуранса считался обоснованным экспериментально, и потому он на долгие годы затмил влияние френологии Галля. Однако впоследствии выяснилось, что наблюдений Флуранса было недостаточно для решения вопроса, поскольку подобные результаты были получены им только потому, что он вел наблюдение лишь в остром постоперационном периоде, когда животное все еще находилось под воздействием операционного шока, а не в более поздний период, когда наблюдение могло дать значительно более надежный материал для решения вопроса о роли мозга. Впоследствии более точные исследования вновь выдвинули идею локализации, дав начало целому ряду новых открытий. Вначале Брока обнаружил (1861), что разрушение *третьей лобной извилины* левого полушария вызывает нарушение *речи* (здесь, соответственно, расположен так называемый *центр Брока).* За этим последовало открытие центра Вернике в области первой височной извилины, поражение которого вызывает у человека словесную глухоту — он не воспринимает сказанное. Дежерин связал *алексию* (потеря способности прочтения и понимания написанного) с gyrus angularis, а Липман — *апраксию* (потеря способности действовать) с gyrus sypramarginalis. Особенно примечательными оказались опыты Мунка, в результате которых выяснилось, что *зрительная* функция связана с затылочными областями, а *слуховая* — с височными.

Но оказалось, что с определенными участками коры большого мозга связана не только наша *чувствительность* (сенсорий), то есть здесь расположены не только *«сенсорные центры»,* но и так называемые *«моторные центры».* Вслед за обнаружением Гитцигом непосредственной электрической возбудимости мозга было доказано, что электрическое возбуждение некоторых участков коры вызывает движение некоторых частей тела. Благодаря этому было установлено месторасположение моторных центров на коре (с обеих сторон, впереди Роландовой борозды). Ферьер в противовес Мунку доказал, что эти моторные центры действительно являются чисто моторными и их возбуждение никакой чувствительности не вызывает.

После подобных достижений почти окончательно укрепилось мнение о том, что учение о локализации стоит на правильном пути и его ожидает блестящее будущее, а исследования в этом направлении надежны и плодотворны. Очевидно, что для правильного решения вопроса о локализации следовало максимально точно изучить строение большого мозга, его архитектонику. В этом направлении значительно продвинулся вперед Флексиг (XIX век).

Он обнаружил, что волокна различных проводящих нервов обкладываются миэлиновой оболочкой в разное время, причем могут считаться зрелыми лишь после миэлинизации. Флексиг доказал, что с точки зрения протекания миэлинизации следует различать три системы волокон проводящих нервов: 1) *проективные* волокна, направленные к коре головного мозга из других отделов нервной системы; 2) система *моторных* волокон, исходящих, наоборот, из моторных участков коры; 3) система волокон, направленных от одной извилины к другой, названная Флексигом системой *ассоциативных* волокон. Раньше всего происходит миэлинизация проективных волокон, а наиболее поздно — ассоциативных. Таким образом, Флексиг обнаружил новую систему *ассоциативных* волокон, отличающуюся от сенсорной и моторной систем.

Естественно, встал вопрос о специфической функции этой новой системы. Ответ Флексига на этот вопрос ясен уже из названия, данного им обнаруженной системе нервных волокон: функцией ассоциативных волокон является установление ассоциативных связей между психическими процессами.

Но где находится центр, упорядочивающий действие этих волокон? Флексиг в результате своих исследований пришел к выводу, что проективные нервные волокна соединяются лишь с четко определенными областями коры полушарий головного мозга, поэтому с этой точки зрения сенсорными областями следует считать лишь эти узко ограниченные участки. По Флексигу, большая часть полушарий полностью свободна от проективных или сенсорных областей. Поэтому предположительно она представляет собой ассоциативную область центральной нервной системы, центр, упорядочивающий взаимосвязи между проективными участками. Для учения о локализации данные выводы Флексига об архитектонике коры головного мозга имели значение постольку, поскольку ассоциативные области были объявлены центрами высших интеллектуальных функций.

Последующее изучение архитектоники коры головного мозга еще более углубилось в направлении изучения вопросов особенностей строения коры. Исследования Мейнерта и Беца еще раз заметно продвинули вперед исследования коры, в которых при изучении вопросов, связанных с клеточным составом коры и нервных волокон, использовались главным образом гистологические методы.

Выяснилось, что с данной точки зрения различные части коры головного мозга человека заметно отличаются друг от друга и содержат, согласно последним исследованиям, до двухсот областей с различным строением. Сегодня широко

распространена карта коры головного мозга, разработанная Бродманом. Она опирается на относительно ранние данные и включает 52 корковых поля с совершенно определенным топографическим расположением.

Думается, что отнюдь не удивительно, что столь далеко идущая морфологическая дифференциация коры породила мысль о столь же далеко идущей функциональной дифференциации! И действительно, все большее внимание стало уделяться наблюдениям за раздражением или разрушением отдельных, гистологически различных областей, что позволило установить, что они дают различный моторный и сенсорный эффект.

В результате всех этих исследований постепенно все больше укреплялось мнение о правомерности основного положения учения о локализации, согласно которому каждая психическая функция непременно должна иметь свой центр в определенном месте коры головного мозга. На этом положении было построено все классическое учение о локализации, являющееся во многом основой современной невропатологии и психиатрии.

Несмотря на столь блестящие успехи классического учения о локализации, взгляд Флуранса о функциональной однородности частей мозга окончательно опровергнут не был. Во-первых, с самого начала было отмечено, что из того факта, что раздражение или дефект той или иной части мозга влечет расстройство определенной психической функции, совершенно не следует, что центром, отвечающим за нормальное действие этой функции, должна быть именно эта часть мозга. В этой связи Вундт рассуждал следующим образом: разумеется, человек, повредив сустав колена, ходить хорошо не сможет. Тем не менее, никто не станет утверждать, что движения, связанные с ходьбой, порождены коленным суставом. Зачастую сторонники классического учения о локализации рассуждают именно таким образом: коль скоро за повреждением одного участка коры следует расстройство определенной психической функции, то ее центром следует признать именно этот участок. Всю неправомерность подобного вывода явственно показали результаты экспериментальных исследований Монакова, а затем Лешли:

1. Распад высокой интеллектуальной функции происходит не только при повреждении того участка коры, где предполагается существование его «центра», но и в случае достаточно обширного повреждения всех остальных участков коры.

2. При полном удалении «центра» какой-либо функции организм эту функцию утрачивает, но через некоторое время она вновь начинает действовать, так как роль удаленной части коры берут на себя другие ее участки. Отсюда само собой вытекает вывод, который как будто свидетельствует в пользу старого положения Флуранса: анатомический субстрат (носитель) той или иной нормальной функции занимает если не всю кору, то, во всяком случае, ее достаточно обширную область. Следовательно, нормальное действие той или иной функции с необходимостью требует участия всего этого органа. Однако коль скоро это так, то достаточно повредить хотя бы один элемент этого механизма, чтобы функция перестала действовать нормально. В таком случае так называемые «центры», расположенные, согласно классическому учению о локализации, в определенных областях, оказываются всего лишь отдельными, пусть и особо важными, элементами данного механизма.

К этому добавились еще некоторые новые факты, как будто свидетельствующие в пользу функциональной многосторонности определенных областей коры. Например, согласно экспериментальным данным Лешли, повреждение зрительной зоны коры сопровождается тремя видами функциональных дефектов: 1) потеря способности различения формы; 2) утрата приобретенных в прошлом навыков, то есть

забываются результаты научения; 3) затрудненность приобретения новых сложных навыков, тем более заметная, чем обширнее зона поражения коры. Отсюда Лешли сделал вывод, что зрительная область коры связана не только со зрением, но и с такими функциями, которые не имеют ничего общего со зрением. В конечном счете он приходит к мысли, что в коре головного мозга не существует соответствия между морфологической и функциональной сторонами, поэтому для психических функций более важна обширность, величина повреждения мозга, то есть количественная, а не качественная сторона повреждения.

Разумеется, данное мнение Лешли следует считать крайностью. В свете тех данных, которыми располагает современная наука о морфологической дифференциации коры головного мозга, восстановление точки зрения Флуранса без определенной корректировки было бы совершенно необоснованно; морфологические и физиологические явления, форма и функция представляют собой обоюдные предпосылки, и несомненно, что архитектоническая дифференциация коры подразумевает и функциональную дифференциацию. Поэтому, утверждая, что все области коры — сколь сильно они бы ни различались морфологически — имеют одинаковую функциональную значимость, мы встанем перед новой, по существу неразрешимой проблемой: в чем состоит смысл архитектонической дифференциации коры? Почему она тем выраженнее, чем выше уровень развития организма? Почему функционально самый развитой организм — организм человека — является носителем мозга с наиболее дифференцированной структурой?!

Совершенно очевидно, что ни в коем случае нельзя полностью отрицать различную функциональную роль областей коры, как и безосновательно утверждать, что головной мозг в то же время не действует и как единое целое, что его действие построено только из функций отдельных участков коры. Согласно новейшим достижениям науки, проблема локализации функций в коре должна решаться так же, как вообще решается вопрос функциональной дифференциации центральной нервной системы: действие отдельных, дифференцированных частей подразумевает действие целого и строится на его основе.

Таким образом, мы убеждаемся, что, несмотря на далеко идущую дифференциацию, характеризующую в общем центральную нервную систему на высокой ступени ее развития, она по сути всегда действует, как целостный аппарат. Ее главная задача состоит в увязывании отдельных систем организма и упорядочивании их действия. Очевидно, что она не смогла бы решить эту задачу, будучи лишена способности осуществления такого рода действия.

Мы знаем, что целостность организма создает не только нервная система. Выше мы говорили о гуморальных факторах, лежащих в основе внутренних химических связей организма и обусловливающих тем самым его внутреннюю целостность.

Следовательно, целостность организма по меньшей мере имеет два главных основания: нервное и химическое. Хотя они рассмотрены нами отдельно, в действительности между ними существует неразрывная связь. Во-первых, существует целый ряд химических агентов, например — различных гормонов, решающим образом влияющих на действие нервной системы; во-вторых, существуют и такие факты, которые не оставляют сомнений в том, что и нервная система, в свою очередь, влияет на химические процессы. В частности, если влияние эндокринной системы на нервную систему бесспорно, то очевидно и то, что упорядочение (регуляция) действия органов внутренней секреции не может происходить без участия нервной системы. Нервные и гуморальные факторы тесно взаимосвязаны, и их разделение возможно разве что путем абстракции. Однако в этом неразрывном единстве актив-

ная роль все-таки принадлежит одной, а именно — нервной системе, причем ее роль все увеличивается по мере возрастания уровня развития организма.

Разумеется, это не следует понимать так, что якобы организм изначально состоит из отдельных частей и систем, объединение которых в единый организм происходит лишь впоследствии, особенно благодаря нервной системе. Нет! Организм не представляет собой целостность, достигнутую через объединение частей. Механическое соединение костей, крови, мышц, клеток и пр. или химических элементов еще не образуют животное. Организм, сколь сложен он бы ни был, не есть и ни простое, и ни составное. Тогда как части неорганического тела могут существовать и отдельно от того целого, к которому они относятся, то о частях организма этого сказать нельзя: кровь, мышцы, ткани могут существовать лишь в целостности организма — вне его они уничтожаются (Энгельс). Поэтому настоящей единицей жизни, ее настоящим носителем ни в коем случае нельзя считать какую-либо часть или элемент организма, например клетку и пр. *Настоящей единицей жизни, ее истинным субъектом должен быть признан лишь целостный организм.*

Глава третья Психология установки

Установка

1. Проблема целесообразности: механицизм и витализм

Организм действует как единое целое, он отвечает на воздействие среды как целостность; возможность этого, как мы увидели выше, дают ему поразительные анатомические и физиологические особенности. Однако эти целостные действия имеют смысл лишь в том случае, если они осуществляется целесообразно, то есть дают организму возможность удовлетворения своих потребностей и, в целом, лучшего приспособления к среде. Мы знаем, что живому организму присуща способность осуществления именно таких целесообразных действий, ведь в противном случае он бы неизбежно погиб, вообще жизнь была бы невозможна, а действия организма — лишены какого-либо смысла.

В этой связи возникает вопрос: каким образом возможна эта целесообразная деятельность? Как это удается организму? В западной науке до сих пор имелись два различных ответа на этот вопрос: *механистический* и *виталистический.* Согласно механистическому взгляду, действия организма определены чисто механической закономерностью: организм является настоящей машиной, работа которой зависит от внешнего воздействия. Свое крайнее выражение механицизм нашел в известном представлении Декарта о том, что животное является настоящей машиной, автоматом, целесообразность поведения которого достигается без его активного вмешательства. В современной психологической науке позиции механицизма особенно отстаивают так называемые *рефлексология* и *бихевиоризм,* согласно которым объяснение поведения животных и человека сводится, в конечном счете, к установлению лишь физико-химических закономерностей. Ведь поведение живого организма так же представляет собой явление природы, оно не содержит ничего специфического и, как все в природе, должно быть сведено к физико-химическим процессам.

Виталистическая точка зрения стоит на совершенно иной позиции. Согласно этому взгляду, физико-химическое объяснение целесообразности действий животного не является убедительным. Организм как носитель жизни существенно отличается от неорганической материи, и поэтому его действия определяются совершенно иным, особым фактором. Целесообразность поведения организма строится отнюдь не на по-

чве физико-химических процессов, являясь следствием специфического фактора, который содержит каждый живой организм. Этот фактор представляет собой нематериальную *сущность,* или *силу.* Одни называют его *энтелехией,* другие — *психоидом,* а некоторые — *животной энергией.* В зависимости от того, что организму нужно в данный момент, этот фактор самостоятельно действует на него, внутренне направляя его в том или ином направлении. Так возникает целесообразное поведение. Это последнее, следовательно, в объяснении не нуждается: живой организм изначально располагает особой силой, дарующей ему способность целесообразного действия. Такова точка зрения витализма.

Само собой разумеется, что ни одно из этих представлений не является приемлемым. Механицизм отрицает специфичность живого организма, следовательно, для него жизнь не представляет собой новую ступень развития, оставаясь в пределах закономерностей неорганического вещества. Витализм впадает в другую крайность, создавая непреодолимую пропасть между органическим и неорганическим, усматривая между ними абсолютное различие, поскольку считает нематериальным то, что специфично для организма.

Этот вопрос может быть решен только на основе материалистической диалектики: между органическим и неорганическим не существует пропасти, поскольку органическое также является одной из форм движения материи, которое, как и неорганическое, подчиняется ее закономерностям. Следовательно, все, что в нем происходит, должно быть объяснено определенными физико-химическими причинами. Органическое, живое, подобно неорганическому, включено в непрерывную причинно-следственную цепь, и для понимания какого-либо происходящего в нем явления нужно непременно найти его причину. Одним словом, все определено причиной.

Основная ошибка витализма заключается в том, что он допускает в организме существование *силы,* действие которой определяется не причиной, а целью. Если, например, для организма является полезным, нужным, то есть целесообразным то или иное движение, то эта *сила* обеспечит осуществление именно этого движения. Однако неверно и то, что отстаивает механицизм. Органическое действительно является одной из форм движения материи, и его полный отрыв от неорганического недопустим. Но оно является живой материей и, как более высокая форма развития материи, представляет собой высшую ступень ее *организации.* В качестве такового органическому присущи новые качественные особенности, которые не могут быть полностью сведены к закономерностям неорганического, заведомо подразумевая новую, специфическую закономерность — *биологическую,* без которой понять действия организма было бы совершенно невозможно.

2. Проблема целесообразности: установка

Как надо понимать эту специфическую особенность организма? Каждому живому существу, каждому более или менее сложному организму в основном свойственно целесообразное поведение. Оно представляет собой специфическую особенность, качественное «приобретение» органической материи, совершенно чуждое неорганической. Таким образом, наша проблема заключается в том, чтобы выяснить, каким образом поведение организма, как одной из форм материи, будучи безусловно причинно обусловленным, в то же время характеризуется целесообразностью.

Вначале попытаемся выяснить истоки целесообразного характера поведения живого существа. Не подлежит сомнению, что данное свойство поведения предопре-

делено какой-либо специфической особенностью живого организма. Поэтому, в первую очередь, следует выяснить, что должно быть сочтено этой специфической особенностью, без которой невозможно даже само существование живого организма.

С уверенностью можно сказать, что особенно примечательной чертой живого организма, резко отличающей его от неорганического предмета, является то, что он находится в процессе непрерывного обмена веществ со средой. Общеизвестно, что вне этого жизнь была бы совершенно невозможна. Конечно, об обмене веществ можно говорить и в неорганическом мире, поскольку протекание химических процессов подтверждается всюду. Но в данном случае обмен веществ носит совершенно иной характер. То, что в мертвых телах является причиной разрушения, в случае органических тел становится основным условием существования (Энгельс). Поэтому обмен веществ в полном смысле этого слова характерен только для живого организма.

Таким образом, как видим, специфическую особенность живого существа, на какой бы ступени развития оно ни стояло, всегда составляет обмен веществ. Иначе говоря, это означает, что организм всегда является носителем определенной *потребности,* прежде всего — вещественной. О неорганическом теле этого, конечно, не скажешь: оно не нуждается в обмене веществ, потребность у него отсутствует.

Таким образом, мы убеждаемся, что живой организм характеризуется двумя особенностями, в корне отличающими его от неорганической действительности, — *целесообразным поведением* и *потребностью.*

Нетрудно заметить, что между ними существует безусловная связь — в основе целесообразного поведения лежит факт потребности. Живой организм обращается к акту поведения лишь потому, что иначе невозможно удовлетворить потребность. Средства удовлетворения потребностей находятся только во внешней среде. Поэтому живое существо вынуждено войти во взаимодействие с внешней действительностью, то есть обратиться к определенным актам поведения.

Следовательно, не подлежит сомнению, что в общем поведение возникает на почве потребности, представляет собой продукт потребности.

Но почему поведение носит целесообразный характер? Каким образом организму удается обратиться именно к целесообразному поведению? Надо думать, что и этот вопрос должен быть решен в связи с понятием потребности.

До тех пор, пока у организма отсутствует какая-либо потребность, между ним и остальным миром существует индифферентное отношение: не имеет значения, что и в какой мере воздействует на организм, совершенно пассивно переживающий это воздействие. Но как только у организма появляется потребность, индифферентные отношения между ним и действительностью становятся невозможными. С этого момента живой организм устанавливает связь с действительностью, ведь у него имеется потребность, удовлетворить которую без этой связи невозможно. Теперь уже организму, конечно, не все равно, что и как из этой действительности воздействует на него, отныне он устанавливает связь со средой не как с чем-то индифферентным, а как с *ситуацией* потребности.

Стало быть, если до сих пор между живым организмом и явлениями среды существовала только случайная связь, отныне взаимоотношения между ним строятся на основе потребности. Это означает, что с этого момента на живое существо действует не все из внешней действительности, а лишь то, что содержит условия удовлетворения потребности, то есть все то, что в каждый данный момент представляет собой *ситуацию* удовлетворения актуальной потребности.

Таким образом, на имеющий потребность живой организм воздействуют не отдельные явления внешней среды, а целая система этих явлений постольку, посколь-

ку они содержат условия удовлетворения актуальной потребности, то есть представляют собой *ситуацию* ее удовлетворения.

Однако факт потребности делает понятным не только то обстоятельство, что среда воздействует на живой организм не как совокупность случайных явлений, а как конкретная ситуация, определенная целостная система. Факт потребности лежит в основе и другого важного обстоятельства, а именно того, что неорганическое тело всегда есть лишь объект среди других объектов — в нем нет ничего такого, что требует от него устанавливать особые отношения с другими объектами, то есть вынуждает осуществлять поведение. Но как только у живого организма появляется потребность, положение тотчас меняется: теперь внешняя среда превращается в средство, в ситуацию удовлетворения этой потребности. Следовательно, можно сказать, что характер потребности определяет тип отношений между живым организмом и внешней действительностью, обусловливает определенные акты поведения.

Таким образом, мы видим, что на почве факта потребности живой организм превращается в *индивида, субъекта* поведения, а воздействующая на него внешняя действительность — в *ситуацию* удовлетворения потребности.

Что это означает? Прежде всего то, что внешняя действительность воздействует на живой организм как на *индивида, субъекта потребности,* то есть не как на какой-то частичный момент живого существа, какую-либо его силу или функцию, а как на *целостность.* Поэтому выясняется, что эффект воздействия внешней действительности проявляется, в первую очередь, в живом существе как субъекте потребности, как индивиде и, следовательно, может иметь только *целостный* характер. А точнее, этот эффект должен проявляться в субъекте потребности не в виде происходящего *где-то* частичного изменения, а представлять собой изменение самого индивида, его целостную модификацию.

Но что представляет собой этот целостный эффект, эта перестройка, изменение индивида как субъекта потребности в содержательном плане? Ответ на этот вопрос имеет решающее значение для решения нашей основной проблемы.

Итак, внешняя среда действует на живое существо как на *целостного* индивида. Однако мы уже знаем, что в данном случае она воздействует на него как ситуация удовлетворения определенной потребности, как система, содержащая условия удовлетворения этой потребности. Поэтому в эффекте, вызываемом внешней средой в субъекте, она может быть *отражена* не как случайная и индифферентная среда, а лишь в виде ситуации удовлетворения определенной потребности. Но вспомним, что этот эффект представляет собой модификацию самого субъекта, его перестройку, переструктурирование, а не некоторое частичное изменение, затрагивающее какую-либо отдельную сторону живого существа. А это же, очевидно, может означать только то, что в процессе взаимодействия с внешней действительностью субъект поведения, стремящийся к удовлетворению определенной потребности, изменяется в соответствии с ситуацией ее удовлетворения, то есть он как единое целое, как субъект поведения еще до начала действий модифицируется в соответствии с ситуацией потребности, и поэтому его последующее поведение представляет собой действия существа, модифицированного в соответствии с данной ситуацией. Таким образом, то, как будет действовать то или иное живое существо в данной конкретной ситуации, в определенной мере уже предопределено еще до начала действия: это последнее задано в виде той модификации, которую претерпел субъект в результате воздействия среды.

Но коль скоро эта модификация происходит до начала поведения, то очевидно, что она может быть задана лишь в виде предварительной *склонности,* тенденции к оп-

ределенному действию. Таким образом, поведению предшествует состояние субъекта, в котором, как в отражении объективной действительности, заранее определен общий характер этого поведения, его соответствие объективным обстоятельствам.

Как можно назвать это специфическое состояние? В психологии давно замечен один факт, который в последнее время обозначается термином «установка». Примером этого факта может послужить следующее: когда грузин беседует с русским, скажем, о хлебе, ему на ум невольно приходит русское слово «хлеб»; когда же он на эту же тему говорит с немцем, то вспоминается не русское слово «хлеб», а соответствующее немецкое (Brot). Почему? Что лежит в основе этого? Ответ может быть таким: при беседе с русским у человека возникает *установка на* русскую речь, а с немцем — на немецкую. Следовательно, то, какое слово приходит на ум в каждом конкретном случае, зависит от *установки* разговора на соответствующем языке.

Мы убедились, что, прежде чем живое существо осуществит какое-либо поведение, оно уже заранее модифицировано таким образом, чтобы осуществить именно данное поведение. Иными словами, до того, как живое существо обратится к осуществлению определенного поведения, это поведение задано в нем в виде *установки.*

Следовательно, специфическое состояние, возникающее у субъекта под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности, может быть названо *установкой.* Данный термин представляется особенно адекватным постольку, поскольку указывает на несколько важных обстоятельств: во-первых, на то, что изменение происходит в субъекте как в целом; во-вторых, на то, что специфическое состояние субъекта побуждает его к определенному поведению, то есть это поведение предопределено в нем заранее, и, наконец, на то, что данное состояние — явление *динамического* характера, которое находит выражение в *определенной активности.*

В конечном счете, взаимодействие живого существа и среды может быть представлено следующим образом: на живое существо, движимое импульсом удовлетворения определенной потребности, начинает воздействовать внешняя ситуация и вызывает в нем соответствующее ситуации целостное изменение — определенную установку. После этого субъект, имеющий такую установку, может осуществлять лишь соответствующие этой установке процессы и акты. Исходя из этого, его поведение, в широком смысле этого слова, в каждый данный момент времени должно быть сочтено реализацией той или иной установки.

Таким образом, поведение живого существа определяется средой, но это отнюдь не носит механический характер. Среда воздействует не непосредственно на сам акт поведения, вызывает его не прямым путем, а воздействует на *субъект,* изменяя его в соответствии с ситуацией в целом, обусловливая возникновение данной установки. Сами же акты поведения определяются субъектом, имеющим определенную установку. Одним словом, он осуществляет те акты и процессы, то поведение, установка на которые выработалась у него под воздействием ситуации.

После этого уже нетрудно разрешить основной вопрос относительно факта целесообразности поведения, по поводу которого столь категорически противостоят друг другу механистическая и виталистическая точки зрения. Формулы механицизма и витализма по вопросу о взаимоотношениях между средой и субъектом можно охарактеризовать как *двучленные.* В самом деле, и механицизм, и витализм подразумевают взаимоотношение между двумя членами. Согласно механицизму, среда непосредственно вызывает ту или иную реакцию организма, то есть схема ее формулы такова: *среда—поведение.* Витализм же считает, что организм располагает целеполагающей силой *(энтелехией* или *психоидом),* определяющей поведение. Схема формулы также состоит из двух членов: *психоид—поведение.*

Мы убедились, что отношения между средой и живым организмом следует представить иначе. Вопреки взглядам механицизма и витализма, эти отношения имеют трехчленный характер. Наша схема такова: *среда—субъект (установка)—поведение.* Особенно примечательно то, что поведение в конечном счете и здесь определяется средой; однако это происходит опосредствованно, через субъекта, у которого та же среда вызывает соответствующую ситуации установку, а эта последняя приводит к поведению, как своей реализации. Поведение непосредственно определяется установкой, являющейся непосредственной причиной его возникновения. Но ведь наличие установки означает, что организм предварительно настроен на определенное поведение. Следовательно, то, как он будет действовать в той или иной ситуации, предварительно дано в установке. То, что должно произойти, то есть как себя поведет себя живое существо в определенных условиях, определено в установке субъекта еще до начала поведения. Следовательно, установка действует не только как истинная *причина,* но и подобно *цели:* в установке, подобно цели, заранее заложено то, что произойдет в дальнейшем.

Но ведь в лице установки мы имеем дело с отражением ситуации в субъекте. Стало быть, если поведение определяется установкой и осуществляется в соответствии с установкой, то это означает, что оно осуществляется в соответствии с ситуацией и, следовательно, целесообразно: поведение живого существа имеет целесообразный характер.

Так решается вопрос целесообразности поведения. Оно полностью включено в *причинно-следственный* круг: это цепь нигде не прерывается. Не существует никакой посторонней силы (энтелехия или психоид), которая вмешивалась бы в процесс протекания действительности и произвольно направляла его. Несмотря на это, поведение живого существа все же имеет целесообразный характер.

3. Установка и человек

До сих пор речь шла об установке живого существа вообще. Но ведь психология, в первую очередь, интересуется специально человеком. Поэтому возникает естественный вопрос: что является специфичным для человека? Какое изменение, возникающее в процессе развития, делает понятным факт различия поведения человека и животных? На этом вопросе более подробно остановимся ниже. Здесь же будет достаточно обсудить его в принципиальном плане.

В конечном счете, в основе поведения человека, как и поведения животных, лежит потребность. Это — неоспоримый факт, который всегда надо иметь в виду, и в этом смысле между животным и человеком нет никакой разницы.

Тем не менее в действительности между ними все же существует большое различие. Дело в том, что природа и круг потребностей животных, обусловленные биологическими особенностями живого организма, определены раз и навсегда. Совершенно иную картину дают потребности человека. Человек — существо *историческое,* и его потребности вследствие развития социальных взаимоотношений находятся в процессе непрерывного созидания. В результате изменяются не только старые потребности, но и непрерывно возникают все новые и новые, подобные которым в животном мире найти невозможно. Человек является носителем несравненно более многообразных потребностей, чем животные.

Для уяснения особенностей человеческого поведения это обстоятельство имеет решающее значение. С того момента, когда у живого существа появляются многообразные потребности, зависящие скорее от его исторического развития, чем от би-

ологических особенностей, его взаимодействие со средой в корне меняется. В самом деле, у животного в каждый данный момент имеется одна господствующая потребность; других, препятствующих ей, потребностей у него нет. Поэтому его взаимоотношения с действительностью упорядочены этой одной потребностью, в основе его поведения лежит импульс удовлетворения только этой потребности. Отсюда понятно, что в ситуации активной потребности у животного возникает *установка* на совершенно определенные действия, которой ничто не мешает тотчас же реализоваться в виде соответствующего поведения.

Однако допустим, что у живого существа имеются многообразные потребности. Не только возможно, но и вполне естественно, что в некоторых случаях эти потребности могут основательно противоречить друг другу, и удовлетворение одной из них может идти вразрез с другой. Например, наряду с обычными биологическими потребностями у человека имеются моральные и эстетические потребности. Эти потребности нередко противоречат друг другу. И вполне возможно, что импульс актуальной биологической потребности побуждает нас к поведению, противоречащему нашим моральным потребностям: например, голодный человек легко мог бы удовлетворить свою потребность, позволив себе украсть или силой присвоить еду своего товарища.

Однако предположим, что такое поведение совершенно не согласуется с его моральной потребностью. Каково следствие подобного положения вещей? Конечно же, голодный человек не подчинится импульсу присвоения чужой еды, отказавшись в данной ситуации от попытки удовлетворения своей потребности. Иными словами, на почве голода и данной ситуации, то есть возможности присвоения еды другого, у субъекта возникает установка на определенное поведение — присвоение чужой пищи. Но прежде чем эта установка реализуется в поведении, параллельно возникает другая потребность — моральная, которая тормозит процесс реализации установки в деятельности. Следовательно, поведение начинается не тотчас же, как только возникнет отмеченная установка, то есть установка переходит в действие отнюдь не непосредственно. Нет! Установка субъекта находит свою реализацию иным образом. Вместо того чтобы проявиться в деятельности субъекта, вызвать определенные поведенческие акты, она прокладывает путь в его *сознание* и там находит свою реализацию. Вместо того чтобы обратиться к реальному акту присвоения чужой еды, субъект пока удовольствуется *представлением картины* этого акта. Данная установка реализуется не в самом поведении, а в воображении этого поведения, то есть в *психическом* эквиваленте реального поведения.

Само собою разумеется, что не имей субъект способности *воображения,* будь он лишен *сознания,* его установка должна была бы немедленно проявиться в виде поведения, а импульс каждой актуальной потребности — тотчас же вызвать соответствующую деятельность.

В результате усложнения и развития потребностей у человека сформировалось довольно развитое сознание. А это позволяет субъекту реализовать установку, возникшую на основе ситуации актуальной потребности, в виде не реального, а воображаемого поведения и тем самым освободиться от рабства актуальной установки.

Но если это так, что же тогда определяет поведение субъекта? Правда, субъект уже не подчиняется установке, возникшей на основе актуальной ситуации, зато картина соответствующего этой установке поведения возникает в его сознании! Данная картина представляет собой *осознание* этого поведения; она показывает субъекту, насколько приемлемо для него реальное осуществление данного поведения. В зависимости от этого, то есть исходя из осознания значимости возможной деятельности, у субъекта возникает установка на определенное поведение.

Следовательно, специфическая особенность человека, существенно отличающая его от животных, заключается в том, что ведущую роль в его жизни выполняет *сознание.* Человек, в отличие от животных, не подчиняется установке, возникшей на почве актуальной ситуации. Он заранее осознает свое поведение, обращаясь к тому или иному акту лишь в зависимости от результата этого осознания. Одним словом, *установку животного создает ситуация актуального импульса, тогда как в основе установки, определяющей поведение человека, лежит воображаемая ситуация.*

4. Понятие установки в западной психологии

Понятие установки все чаще встречается в современной психологии. Особенно большую роль ей отводит немецкий психолог Марбе, согласно которому поведение человека, работа его психики полностью представляет собой функцию установки. С этим положением в принципе можно согласиться, но лишь в том случае, если понятие установки будет определено правомерно. Однако толкование понятия установки западной психологией, и в частности Марбе, не может считаться удовлетворительным. По Марбе, установка является целостным психофизическим состоянием субъекта, либо врожденным, либо приобретенным в процессе его жизни под воздействием особо важных переживаний — так называемого *«критического опыта».* Когда на человека воздействует объективная ситуация, она встречается с уже готовой установкой, определяющей, как она будет переживаться. Установка — чисто субъективное состояние, и как таковая является, конечно, чисто субъективным фактором. То, что установка привносит в переживание, например в восприятие или мышление, имеет лишь субъективную основу; она не способствует, а, напротив, мешает отражению объективной реальности. Поэтому понятно, что обычно для выявления действия установки ссылаются на факты ошибочных восприятий — так называемые иллюзии.

Подобное субъективное понимание установки является совершенно неправомерным и непригодным. Хотя установка и представляет собой субъективное состояние, но это — совершенно особое субъективное состояние. Оно всегда возникает под воздействием объективной реальности, непременно отражая ее в себе. Установка, таким образом, — не чисто субъективное состояние, а перенос объективных обстоятельств в субъект; она, если можно так выразиться, является *перешедшим в субъект объективным обстоятельством.* Поэтому понятно, что установка, прежде всего, обусловливает не ошибочные переживания или иллюзии, а правильное переживание объективной реальности.

Для того, чтобы ясно представить это, нужно помнить, что установка является не *первичным,* заведомо готовым состоянием субъекта, выработанным в иных условиях и отныне постоянно ему сопутствующим и определяющим переживание новых обстоятельств. Нет! Всякая новая ситуация, воздействующая на субъекта — носителя определенной потребности, в первую очередь вызывает у него надлежащую установку, и все остальное, впоследствии происходящее с субъектом, — его переживания или поведение, основывается на данной установке. *Первоначально* субъект вступает в контакт с действительностью и перестраивает ее отнюдь не в соответствии с уже сложившейся, готовой установкой. Напротив, установка возникает у него под воздействием самой этой действительности, создавая возможность соответствующих переживаний и поведения.

Никто из западных психологов не считает установку таким первичным фактом. Поэтому от них остается скрытой вторая существенная сторона установки, а

именно то, что установка представляет собой модификацию живого существа *в соответствии с объективными обстоятельствами,* их отражением в нем как в целом. А для понятия установки именно это имеет особое значение, без этого данное понятие не имело бы никакого принципиального значения для психологии.

5. Субъективный фактор установки

Для возникновения установки нужны не только объективные обстоятельства, но, конечно же, и субъект, на который эти объективные обстоятельства воздействуют. Исходя из этого, установка с необходимостью подразумевает два фактора — объективный и субъективный. Следует остановиться на обсуждении обоих этих факторов.

Для уяснения субъективного фактора основное значение имеет понятие *потребности.* Любое животное, а стало быть и человек, вступает во взаимоотношения со средой непременно на основе какой-либо потребности. И весь смысл этих взаимоотношений заключается в том, что они должны позволить субъекту удовлетворить имеющуюся потребность.

Поэтому понятно, что характер потребности всегда оказывает решающее влияние на поведение. Среда как таковая никогда не дает субъекту никаких стимулов к действию, если у него отсутствует потребность, которую можно было бы удовлетворить в данных условиях среды. Среда превращается в ту или иную ситуацию нашего действия только в зависимости от потребности, имеющейся у нас при установлении с ней взаимоотношений.

Отсюда ясно, что без участия какой-либо определенной потребности, только лишь в условиях воздействия среды, у человека не может возникнуть установка какого-либо поведения. Ниже мы увидим, что для возникновения какой-либо определенной установки совершенно необходимо воздействие на нас объективной среды — вне этого условия установка будет лишена определенности и конкретности. Но, с другой стороны, на качественную определенность установки решающее влияние оказывает и потребность.

Для уяснения этого положения достаточно привести простой пример. Скажем, мы входим в комнату с горящим камином. Если нам холодно (то есть мы имеем потребность в тепле), то данная ситуация — камин, огонь — действует так, что вызывает у нас установку приблизиться к камину и даже прибавить жару. Однако в том случае, если у нас появится противоположная потребность, то есть если нам стало жарко, захотелось прохлады — та же ситуация возбудит установку противоположного действия, в частности, отойти подальше от камина и даже потушить огонь.

Таким образом, совершенно очевидно, что установка подразумевает и субъективный фактор, каковым следует признать потребность — в самом широком смысле этого слова.

6. Объективный фактор установки

Когда живое существо испытывает какую-то потребность, то для ее удовлетворения оно обращается к внешней среде. Примечательно, что в данном случае силы организма приводятся в действие лишь ситуацией, содержащей условия удовлетворения данной потребности. При отсутствии подобной ситуации тенденция активности живого существа продолжает оставаться в инактивном состоянии. Но как только такая ситуация возникает, она тотчас же становится актуальной и активирует субъекта к действию в определенном направлении.

Что происходит в этом случае? Чем обусловлено то, что субъект сразу же начинает активность? Несомненно, что здесь, с одной стороны, есть среда, содержащая условия удовлетворения определенной потребности, а с другой стороны — субъект, испытывающий соответствующую именно этой среде потребность. Одним словом, происходит *встреча потребности и соответствующей ей объективной ситуации*. В результате этого у субъекта возникает *установка совершенно определенного поведения,* совершенно определенной активности, целью которой является удовлетворение именно этой потребности.

Стало быть, для возникновения установки необходимо наличие объективной ситуации, соответствующей потребности. Именно данную объективную ситуацию и следует считать объективным фактором установки.

Таким образом, установка не возникает в случае наличия либо только состояния потребности, либо только объективной ситуации. Для того, чтобы появилась установка, потребность должна встретиться с объективной ситуацией, содержащей условия ее удовлетворения.

Курт Левин отметил один бесспорный факт, который в данном случае для нас очень важен: когда у человека появляется какая-либо потребность, то предметы и явления, соответствующие этой потребности, обретают определенную силу, принуждая его к действию в определенном направлении, побуждая к определенному поведению: голодного человека хлеб побуждает к еде, уставшего постель влечет к отдыху. Однако эта принудительная, *побуждающая* сила предметов (Aufforderungscharakter) тотчас же исчезает, как только удовлетворяется соответствующая потребность. Это правильное наблюдение Левина, которое очень легко можно проверить и подтвердить, становится понятным лишь в том случае, если отказаться от подразумеваемой Левиным *теории непосредственности* и иметь в виду понятие *установки*. Как мы уже убедились, у субъекта — носителя потребности при встрече с соответствующим предметом и явлением, соответствующей ситуацией возникает установка совершенно определенного действия. Это и есть та установка, что находит свое психологическое выражение в описанном Левиным факте: у голодного человека при виде хлеба возникает установка овладеть им и съесть, поэтому он и переживается носителем некой притягательной силы.

7. Ошибочное применение понятия установки

В качестве примера ошибочного применения понятия установки рассмотрим одно достаточно известное наблюдение, в котором обычно предполагают действие установки, и посмотрим, насколько правомерно говорить в данном случае об установке.

Психолог Родосавлевич приводит следующее интересное наблюдение: один его испытуемый повторял материал для запоминания, не зная при этом, что он должен его запомнить. После 46-ти повторений экспериментатор спросил испытуемого, может ли он повторить этот материал наизусть. «Как, разве я должен был выучить его наизусть?» — удивленно спросил испытуемый. После этого ему оказалось достаточно всего шести повторений для заучивания всего материала наизусть. В первом случае, несмотря на 46 повторений, испытуемый почти ничего не помнил, тогда как во втором случае весь материал был заучен наизусть после шести повторений.

Как может быть объяснен этот удивительный факт? Распространенный ответ гласит: в первом случае у испытуемого не было установки на запоминание, во втором случае она имелась — именно это и следует считать существенным условием запоминания. Значит, подразумевается, что намерение запоминания и установка запоминания — одно и то же.

Но было бы, наверное, правильнее проанализировать это наблюдение следующим образом: сообщение о том, что материал следует заучить наизусть, вызывает у испытуемого не установку на запоминание, а *потребность* запомнить: он не знал предложенный материал наизусть, и у него должна была возникнуть тенденция восполнить этот «пробел». Но коль скоро это так, тогда бесспорно, что мы имеем дело пока что не с установкой, а лишь с субъективным фактором последней — потребностью. Когда же после этого перед субъектом, имеющим данную потребность, появляется материал для запоминания, этот последний как объективный фактор вызывает в нем специфическое изменение, определенную *установку,* и легкость запоминания предъявленного материала происходит на этой основе.

Следовательно, ошибочно думать, что намерение запомнить представляет собой установку на запоминание: оно — только один из факторов, к которому должен добавиться второй для того, чтобы у субъекта действительно возникла настоящая установка.

Поэтому следует иметь в виду, что в общем неверно говорить об установке там, где имеется только *потребность,* какой бы она ни была — биологической или социальной.

Фиксированная установка

1. Понятие фиксированной установки

Исходя из всего того, что было сказано выше об установке, понятно, что данное понятие безусловно должно иметь основное значение в психологии. Мы знаем, что в процессе взаимодействия со средой у человека или любого живого существа в первую очередь возникает установка. Это означает, что в этом взаимодействии прежде всего происходит изменение субъекта как единого целого, причем это изменение соответствует *объективной ситуации.* Что же касается его переживаний и действий, то все это, будучи переживаниями и действиями таким образом измененного, имеющего такую установку субъекта, может быть только *вторичными, возникшими непосредственно на фоне этой установки* явлениями.

Понятно, что действие установки в нормальных условиях совершенно не бросается в глаза; более того, оно вообще протекает незаметно, поскольку лежит в основе нормального, целесообразного протекания жизни.

Однако бывают случаи, когда положение меняется, и установка становится источником ошибки и нецелесообразного поведения. В таком случае мы, разумеется, уже обращаем на нее особое внимание; когда в психологической литературе говорят об установке, то чаще всего, если не всегда, подразумевают именно такие случаи действия установки. Это, конечно, неправильно. В данном случае имеем дело лишь с одной, частной формой установки, которая, правда, играет большую роль в нашей жизни, но никоим образом не исчерпывает весь объем данного понятия. Какова же эта форма установки?

Допустим, что в условиях определенной ситуации у меня возникла некая установка, выполнившая свою роль, дав поведению соответствующее направление. Но что с ней происходит после этого? Исчезает ли она совершенно бесследно, будто никогда и не существовала, или как-то все же продолжает существовать, сохраняя способность вновь воздействовать на поведение? Коль скоро установка является мо-

дификацией субъекта как единого целого, то очевидно, что после исполнения своей роли она должна тотчас же уступить свое место другой установке, то есть должна исчезнуть. Но это не означает, что она должна прекратить свое существование окончательно и полностью. Наоборот, когда субъект попадает в ту же ситуацию, соответствующая установка у него должна возникнуть гораздо легче, чем если бы он находился в условиях совершенно новой ситуации, требующей создания принципиально новой установки. С уверенностью можно сказать, что однажды созданная установка не теряется, она сохраняется у субъекта в виде *готовности к повторной актуализации* в случае повторения соответствующих условий.

Разумеется, готовность не всегда бывает одинаковой. Она, безусловно, зависит от прочности установки, сохранившейся у субъекта в виде этой готовности. Но от чего зависит сама эта прочность? Бесспорно одно: чем чаще возникает одна и та же установка, тем прочнее она становится, приобретая все большую степень готовности к актуализации. Прочность установки определяется повторением.

Помимо этого бывают случаи, когда то или иное событие, та или иная ситуация производит на субъекта особенно сильное впечатление. В этом случае у субъекта возникает чрезвычайно прочная установка, характеризующаяся особенно сильной готовностью к актуализации. После этого достаточно воздействия пусть даже *всего лишь схожего* явления или ситуации, чтобы у субъекта тотчас же проявилась та же установка, организующая его соответствующее поведение. Следовательно, в этом случае субъекту не удается адекватно отразить ситуацию: вместо соответствующей установки он воспринимает данную ситуацию на основе прежней установки и, конечно, становится жертвой иллюзии.

Таким образом, вследствие *частого повторения* или *большого личностного веса* определенная установка может стать настолько легко возбудимой, настолько привычной, что легко актуализируется даже в случае воздействия несоответствующего раздражителя, препятствуя тем самым проявлению адекватной установки. Такую установку можно назвать *фиксированной установкой.*

2. иллюзии фиксированной установки

Создать фиксированную установку очень легко, поскольку она возникает и в результате повторения. Это обстоятельство позволяет обратиться к экспериментальному пути изучения этой формы установки.

Испытуемому многократно (10—15 раз) дают в руки для сравнения два предмета, отличающиеся друг от друга только по объему: в правую руку — маленький, а в левую — большой. В случае, когда испытуемый в данном опыте участвует серьезно, у него под воздействием нашей инструкции возникает некая потребность выполнения поставленной задачи *(субъективный* фактор установки). Предъявленные предметы *(объективный* фактор) действуют на имеющего эту потребность субъекта, вызывая специфический эффект *(установку),* на основе которого происходит правильная оценка соотношения объемов этих предметов. Следовательно, после каждого предъявления у испытуемого возникает некая установка («налево — большой, направо — маленький»). В результате многократного повторения эта установка становится настолько привычной, что в каждом последующем опыте она актуализируется еще до того, как предъявляемые объекты успеют оказать надлежащее воздействие. После этого испытуемому дают в руки для сравнения предметы не с различным, а с равным объемом *(критический* опыт). Что происходит в этом случае? Если в опытах, направленных на создание определенной установки, использовались предметы, не очень

отличающиеся по объему, то тогда в силе остается привычная установка, и оценка равных объектов происходит на ее основе: испытуемому кажется, что правый объект меньше, чем левый. Но если в установочных опытах используются заметно отличающиеся по объему объекты, то в критическом опыте при предъявлении равных объектов старая установка, вследствие грубого несоответствия объективному фактору, проявиться не сможет, и ее место должно занять новая установка. Опыты доказывают, что все именно так и происходит.

Интересно, что новая установка, появившаяся на месте старой установки, соответствует не равным объектам, а противоположна установке, созданной в установочных опытах, — «направо — большой, налево — маленький»: в отличие от созданной установки («налево — большой, направо — маленький»), испытуемому кажется, что правый шар больше левого, хотя на самом деле они равны.

Таким образом, не подлежит сомнению, что установка, выработанная и закрепленная в установочных опытах, играет определенную роль в обоих случаях: оценка равных объектов происходит на ее основе, и вместо правильного восприятия в обоих случаях возникает так называемая *иллюзия.*

Однако между этими двумя случаями все же есть определенная разница: в первом случае (то есть тогда, когда соотношение объемов предъявленных в критическом опыте объектов не очень отличается от соотношения объема объектов, использованных в установочных опытах) иллюзия чаще всего соответствует фиксированной установке *(ассимилятивная* иллюзия), а во втором случае, то есть в случае грубого несоответствия соотношения объемов объектов в установочных и критических опытах, иллюзия обычно противоположна старой установке *{контрастная* иллюзия).

Таким образом, установку субъекта нетрудно превратить в фиксированную, получив в результате иллюзорное восприятие.

Выше мы имели дело с иллюзией объема. Но эта иллюзия касалась оценки объема рукой *(гаптическая* иллюзия объема). Однако оценить объем можно и зрительно. Поэтому, если испытуемому несколько раз визуально (оптически) предложить для сравнения два круга (или какие-либо иные фигуры) различного объема (установочные опыты), а затем внезапно предъявить равные круги (критический опыт), получим совершенно такую же иллюзию, что и в случае оценки объема рукой *(оптическая* иллюзия объема).

Аналогичную иллюзию в случае оценки соотношения двух предметов различного *веса* открыл еще Фехнер (1861). Такая же иллюзия может быть вызвана и при оценке соотношения интенсивности *давления.*

В установочных опытах на испытуемого воздействуют двумя видами давления, из которых одно заметно сильнее другого. В критическом опыте используются одинаковые давления. Эксперимент показывает, что испытуемый переживает первое давление более интенсивным (контрастная иллюзия) или, в определенных условиях, наоборот — менее интенсивным (ассимилятивная иллюзия).

Такая же иллюзия имеет место во многих других случаях:

1. Иллюзия интенсивности звука. Испытуемому по несколько раз дается пара звуков: первый громче, чем второй (установочные опыты). В критическом опыте они заменяются звуками одинаковой интенсивности. Как правило, первый звук кажется более слабым, чем второй, хотя в определенных условиях можно получить и обратную, то есть ассимилятивную, иллюзию.

2. Иллюзия соотношения освещения. В установочных опытах предъявляются две по-разному освещенные области, в критическом — одинаково освещенные. В результате, в зависимости от условий, получаем либо контрастную, либо ассимилятивную иллюзию.

3. ИЛЛЮЗИЯ соотношения количества. В установочных опытах испытуемому даются две замкнутые фигуры, в одной из которых расположено много точек, в другой — мало. В критическом опыте их число одинаково. В результате возникают обычные иллюзии.

К общей психологии установки

Особенности протекания ИЛЛЮЗИЙ И характер их направленности должны, в основном, зависеть от действия лежащей в их основе установки. Поэтому правомерно предположить, что наблюдение за протеканием этих иллюзий пригодится и для изучения самой установки. Создание установочных иллюзий, изменение условий их возникновения, протекания и затухания экспериментально не представляет сложности. Это обстоятельство позволяет собрать достаточно обширный экспериментальный материал о природе и характере действия основы установочных иллюзий — фиксированной установки. Опираясь на этот материал, сегодня уже можно кое-что с уверенностью утверждать о природе и характере действия фиксированной установки.

1. Установка не является чисто локальным или периферическим процессом; это, по существу, состояние субъекта как единого целого. Поэтому говорить отдельно о мышечной или сенсорной установке, как это часто делается, неправильно.

Несомненным доказательством этого является следующий факт: с целью создания установки испытуемому для сравнения даются в руки несколько раз, скажем — 15 раз, два различающихся только по объему шара: в правую — маленький, в левую — большой. В результате этих опытов, как мы уже знаем, у него должна выработаться фиксированная установка. Как можно проверить, действительно ли установка возникла? Предложим испытуемому сравнить равные шары, и если их оценка вместо адекватной окажется ошибочной, то это — показатель того, что установка сформировалась. Но пока мы можем быть уверенными только в том, что установка образовалась в том органе испытуемого, который участвовал в установочных опытах, то есть в руке. Однако посмотрим, что произойдет, если после установочных опытов испытуемому дать для сравнения шары не в руки, то есть гаптически, а визуально. Соответствующие опыты подтверждают, что у испытуемого иллюзия возникает и в этом случае. Следовательно, не подлежит сомнению, что установка у испытуемого возникла не только в том органе (руке), который участвовал в установочных опытах, но и в органе (глазе), не имеющим ничего общего с этими опытами.

Однако можно поставить опыт и противоположным образом, то есть установочные опыты провести в визуальной сфере, а критические — в гаптической. Результат будет аналогичный: действие установки проявится не только в сфере установочных опытов, но и в области критических.

Можно пойти еще дальше, перенеся эти опыты на более отдаленные органы; и здесь часто встретимся со случаями действия установки в сферах, совершенно отличных от области установочных опытов.

Вывод отсюда очевиден: *установка не является исключительно местным, локальным явлением; это — состояние не отдельного органа, а субъекта как такового, то есть единого целого.*

Складывается впечатление, что созданная в одном месте установка распространяется и на другие места, генерализируется, или, как говорят физиологи, ирради-

ируется. Исходя из этого, можем назвать эту сторону фиксированной установки *иррадиацией* или *генерализацией*.

2. Но если установка — это состояние субъекта как целого, то можно предположить, что она дана не в виде некоего определенного переживаемого, частного психического содержания, а действует, не будучи представленной в сознании, и в этом смысле ее можно считать *нефеноменальным* процессом.

Как известно, находясь в глубоком гипнотическом состоянии, связь субъекта со средой прекращается не полностью; контакт и достаточно сложная взаимосвязь с гипнотизером сохранена — он понимает его речь, исполняет его задания (это называется *рапортом)*. Но когда гипнотический сон проходит, выясняется, что после пробуждения субъект забыл все то, что он пережил в состоянии глубокого гипноза. Все это основательно забыто (так называемая *постгипнотическая амнезия)*. Данное обстоятельство создает весьма благоприятные условия для экспериментального изучения нашего вопроса. В частности, предоставляет возможность провести установочные опыты в состоянии гипнотического сна, а затем и проследить, сохранится ли созданная на этой почве установка после пробуждения испытуемого, невзирая на полную постгипнотическую амнезию, то есть несмотря на то, что он ничего не помнит об установочных опытах. Результаты критических опытов, проведенных после прекращения гипнотического сна, должны прояснить этот вопрос.

Во время гипнотического сна испытуемому для сравнения объема несколько раз даются в руки два шара: слева — большой, справа — маленький. После пробуждения ему предлагается сравнить два одинаковых по объему шара. Несмотря на то, что испытуемый ничего не помнит об установочных опытах, он, тем не менее, неправильно оценивает равные шары, то есть возникает обычная установочная иллюзия.

Следовательно, тот факт, что в сознании испытуемого совершенно ничего не осталось от установочных опытов, ни в коей мере не влияет на установку, созданную во время сна.

Таким образом, можно считать доказанным, что установка определяет работу психики не как одно из переживаний, а как целостное состояние субъекта, которое как таковое и не укладывается в плоскость отдельных переживаний.

3. Мы уже знаем, что, когда после обычных установочных опытов испытуемому предлагают сравнить равные объекты, их оценка происходит на основе предварительно выработанной установки — один из них переживается большим, другой — маленьким. Но это обычно происходит тогда, когда экспозиция критических объектов непродолжительна, и они как бы не успевают выявить свое несоответствие с существующей установкой. Но если увеличить время экспозиции, создав тем самым возможность достаточно продолжительного воздействия критических объектов на субъект, тогда положение изменится: критические объекты уравниваются прямо на глазах испытуемого, и тот, что казался большим, как бы сокращается, уменьшается до размера второго объекта, то есть иллюзия исчезает. Следовательно, установка в конце концов не выдерживает воздействия несоответствующих объективных обстоятельств, уступая место соответствующей им установке.

Как это происходит? Как протекает процесс ликвидации установки, не соответствующей объективным обстоятельствам? Для решения этого вопроса особенно плодотворным оказался следующий способ: для усиления действия критических объектов *повторное* предъявление критических объектов вместо увеличения продолжительности их экспозиции. В этом случае у испытуемого возникает та же иллюзия: один объект кажется больше, чем другой. При многократном повторении этих опытов, как впервые систематически это показал Б. Хачапуридзе, несоответствующая установка исче-

зает, и вместо нее возникает соответствующая объективным обстоятельствам установка: иллюзия ликвидируется, уступив место адекватной оценке. Но, как и ожидалось, это происходит отнюдь не сразу. До полного исчезновения установка должна пройти определенный процесс регрессивного развития, который, хотя бы теоретически, включает в себя шесть различных фаз:

А. В первой фазе фиксированная установка наиболее прочна. Это проявляется в том, что на первых порах критические опыты дают подряд исключительно *контрастные иллюзии*.

Б. Наступает момент, когда вследствие повторного воздействия объективного положения вещей при критических экспозициях, то есть равенства предъявляемых объектов, установка впервые начинает расшатываться: она несколько ослабевает, и у испытуемого наряду с более частыми контрастными иллюзиями иногда возникают и *ассимилятивные*. Это можно считать второй фазой регрессивного развития установки.

В. Процесс ослабления установки продолжается, и на следующей ступени число ассимилятивных и контрастных иллюзий уравнивается: эти виды иллюзий попеременно сменяют друг друга.

Г. Следующая ступень процесса ослабления фиксированной установки проявляется в преобладании ассимилятивных иллюзий; контрастные иллюзии встречаются и здесь, но значительно реже, чем ассимилятивные.

Д. Очевидно, что можно говорить об еще большем ослаблении установки, когда случаи контрастных иллюзий более не встречаются, и испытуемый дает исключительно ассимилятивные иллюзии.

Е. До этого момента фиксированная установка все еще пребывала в непрерывно актуальном состоянии. Правда, она заметно ослабла, но все-таки препятствовала адекватному восприятию положения вещей — испытуемый ни разу не смог освободиться от иллюзии. И, безусловно, что мы имеем дело с новой фазой ослабления установки тогда, когда положение меняется, и испытуемый в критических опытах хотя бы изредка подтверждает равенство предъявляемых объектов. Но это, в то же время, и последняя фаза: как только испытуемый сумеет несколько раз подряд адекватно оценить критическую ситуацию, а иллюзия будет встречаться в виде исключения, уже можно говорить о ликвидации фиксированной установки.

Однако четкое прохождение всех этих фаз можно предположить только теоретически. Практически же, особенно учитывая случаи действия патологической установки, пока что отдельно можно выделить только три фазы:

А. Фаза контрастных иллюзий.

Б. Фаза наличия ассимилятивных иллюзий.

В. Фаза наличия равенства.

4. В этом случае говорить о ликвидации фиксированной установки можно только условно. Дело в том, что здесь речь идет о таком положении, когда на фиксированную установку несоответствующая (критическая) объективная ситуация воздействует постоянно или повторно. Выясняется, что в таких условиях и в самом деле можно говорить о ликвидации фиксированной установки: в конце концов, установка уже не может помешать правильной оценке объективной ситуации.

Однако означает ли это, что имеет место действительно окончательная ликвидация установки? Означает ли это, что фиксированная установка и после прекращения критических опытов больше никогда не напомнит о себе? Конечно, нет! Об этом свидетельствуют результаты соответствующих опытов. Допустим, в один день мы провели достаточное количество установочных опытов, в результате чего у испытуемого возникла фиксированная установка. Опыт был прекращен, и после определенного

времени испытуемому были даны *только* критические экспозиции. Несмотря на то, что за прошедшее время установочные опыты не повторялись, а в предыдущих опытах испытуемый был доведен до состояния правильного восприятия критической экспозиции, то есть до ликвидации фиксированной установки, тем не менее у него опять-таки возникает та же иллюзия. Отсюда несомненно, что установка продолжает существовать; интересно, что иногда это происходит и после весьма продолжительного времени. Совершенно очевидно, что *фиксированная установка довольно долго сохраняет готовность к активации.*

Однако как же тогда можно понять тот удивительный факт, что установка в неизмененном виде сохраняет эту готовность после того, как вроде бы была ликвидирована путем многократного повторения критических опытов? Как видно, говорить об окончательной ликвидации в данном случае неправомерно. Наверное, вследствие частого повторного возобновления установка, соответствующая критической ситуации (установка равенства), становится настолько сильной, что в этих условиях затеняет фиксированную установку, препятствуя ее проявлению. Но она еще не в состоянии окончательно изгнать созданную в установочных опытах старую установку и занять ее место, то есть превратиться в новую установку субъекта. Поэтому достаточно субъекту предъявить критические экспозиции без ситуации их постоянного повторения, как фиксированная установка вновь обнаруживает себя, вынуждая его воспринимать равные объекты неравными.

Как видим, в отношении воздействия временем установка выявляет достаточную *стабильность,* гораздо большую, чем в отношении повторного воздействия одного и того же раздражителя, как это, например, происходит в случае повторного воздействия критических опытов. Это, наверное, объясняется тем, что в течение времени на субъект воздействуют различные раздражители, не имеющие ничего общего с его фиксированной установкой, тогда как в критических опытах действуют именно такие раздражители, которые, правда, не адекватны имеющейся установке, но настолько близки к ней, что их оценка, как правило, происходит на ее основе. Неудивительно, что в этих условиях установка в отношении времени стабильна, а в отношении повторения критических экспозиций — нет.

Таким образом, мы убеждаемся, что фиксированная установка, однажды возникнув, сохраняет способность актуализации довольно долго. Она переходит в некое *хроническое, диспозиционное* состояние, оставаясь такой и после своей как будто бы окончательной ликвидации в результате повторения критических опытов.

5. Как возникает фиксированная установка? С самого начала было отмечено, что она возникает в результате установочных опытов, то есть *повторения.* То, что в данном случае повторение действительно является основным моментом, — это несомненно. Экспериментально показано, что чем больше количество установочных опытов, то есть чем чаще испытуемый сравнивает установочные объекты, тем прочнее обычно выработанная установка. Исходя из многочисленности подобных наблюдений, у нас вроде бы имеются все основания утверждать, что прочность установки является прямой *функцией повторения.* Но более внимательное наблюдение показывает, что это положение может считаться правильным лишь в определенных пределах. Дело в том, что в некоторых случаях испытуемый может совершенно не иметь *настоящей потребности* сравнения установочных объектов и осуществлять этот акт лишь поверхностно, механически. Что в этом случае нам даст повторение установочных опытов? Безусловно, ничего. Поскольку субъективный фактор установки полностью отсутствует, то очевидно, что нельзя говорить о том, что каждый отдельный акт сравнения происходит на почве соответствующей установки. Стало быть, повторение

установочных опытов представляет собой повторение лишь внешне: в данном случае не происходит повторения самой установки, а потому нельзя говорить о возникновении фиксированной установки. Откуда она может возникнуть, если самой первичной установки, которая должна превратиться в фиксированную, еще не существует.

Отсюда ясно, что для создания фиксированной установки необходимы следующие условия: *настоящая потребность* сравнения установочных объектов как необходимое условие возникновения *первичной установки* и *повторение* акта сравнения как условие многократного возобновления и упрочения одной и той же установки.

Значит, повторение является необходимым для возникновения фиксированной установки постольку, поскольку способствует ее упрочению. Представим, что у субъекта уже изначально возникает сильная установка. Это, конечно, может случиться всегда, нужно только, чтобы оба фактора установки — субъективный и объективный — действовали с особенной силой. В этом случае повторение, несомненно, окажется уже ненужным: сильная установка и без этого превратится в фиксированную.

Таким образом, фиксированная установка возникает отнюдь не только в результате повторения. Несомненно, что в жизни человека неоднократно случается, что какое-либо обстоятельство производит на него особенно сильное впечатление. В этом случае установка сразу же фиксируется, и последующее течение его жизни во многом зависит от круга установок, зафиксированных подобным образом.

К дифференциальной психологии установки

Мы знаем, что среда в первую очередь воздействует на установку человека. Знаем также, что особенности его поведения и переживания полностью определяются этой установкой. Но мы убедились и в том, что субъект всегда может иметь ту или иную зафиксированную в прошлом установку, обладающую возможностью включиться в акт взаимодействия со средой, упредить возникновение новой, соответствующей ситуации установки, затормозить ее действие и самой направить этот акт.

Исходя из этого, очевидно, что для понимания поведения человека его прошлое, круг и сила его фиксированных установок имеют совершенно особое значение.

С другой стороны, решающее значение должно иметь и своеобразие действия установки в том или ином случае, особенности ее механизма. Индивидуальность человека зависит не только от его прошлого, от того, каковы его фиксированные установки содержательно, но и от того, каковы эти последние *формально*.

1. Здесь, в первую очередь, следует выяснить, насколько легко вырабатывается у субъекта фиксированная установка, насколько он *возбудим* в этом смысле. Несомненно, что возбудимость установки может представлять собой один из важнейших формальных моментов, во многом проясняющий различия между людьми.

Как выясняется из соответствующих опытов, возбудимость установки действительно различна. Есть люди, у которых соответствующая установка легко фиксируется после пары установочных экспозиций. Но есть и такие, которым для этого недостаточно и 15—20 экспозиций.

2. Что происходит с установкой в результате продолжительного воздействия критической экспозиции? Всегда ли она непременно затухает, освобождая место адекватной установке? Опыты показывают, что в данном случае имеются два взаимопротивоположных типа. С одной стороны, имеются случаи, когда однажды выработанная установка является настолько неподвижной и инертной, что никак не уступает место

адекватной установке, сколь многократным бы ни было воздействие на нее критических объектов. В этом случае субъект не может освободиться от иллюзии и найти путь к объективному положению вещей. Такую неподвижную и непоколебимую установку можно назвать *статической,* с тем чтобы отличить ее от того типа установки, которая в данных условиях рано или поздно отступает, высвобождая место для адекватной установки. Если первый тип характеризуется тем, что делает нас жертвой бесконечной иллюзии, то второй тип, который можно назвать *динамичным,* не является столь неподвижным, позволяя, в конце концов, перейти на адекватное восприятие.

3. Установка, будь то статичная или динамичная, может характеризоваться большей или меньшей *пластичностью.* Как показывают соответствующие опыты, бывают случаи, когда после многократного воздействия критических опытов установка постепенно ослабевает, а после прохождения нескольких фаз останавливается на одной из них *(статическая* установка) или же по прохождению всех фаз полностью ликвидируется *(динамическая* установка). В обоих случаях мы имеем дело с *пластической* установкой. Но имеют место и другие случаи: установка либо остается постоянно застывшей на одной какой-нибудь фазе, либо уничтожается сразу же, без постепенного ослабевания и перехода от одной фазы к другой. В обоих этих случаях мы имеем дело с *грубостью* установки.

4. Выше уже отмечалось, что установка характеризуется *генерализацией* и *иррадиацией.* Разумеется, распространенность этой последней в различных случаях может быть неодинаковой. Это обстоятельство совершенно не противоречит целостной природе установки. Установка всегда представляет собой состояние субъекта как целого и тогда, когда она широко распространена, и тогда, когда она вроде бы ограничена некоторой областью. Специальные опыты показали, что установка, созданная на основе установочных опытов, может быть распространена очень широко. Например, установка, созданная в сфере осязания, может распространиться и на зрительную область. Но она может и не выходить за пределы органа, участвовавшего в установочных опытах. К примеру, если в установочных опытах принимал участие только один глаз или одна рука, то область распространения установки может ограничиться этой одной рукой или этим одним глазом.

5. Бывают случаи, когда установка навсегда сохраняет один и тот же тип действия: если, скажем, она пластическая и динамическая, то остается всегда такой, невзирая на то, когда она будет выработана. В этом случае следует говорить о *константной* установке. Но установка константна отнюдь не всегда. Бывают случаи, когда установка становится *изменчивой (вариабельной):* сегодня выявляется один тип действия, а завтра — совсем иная картина.

6. Одним из признаков установки является *стабильность.* Но в этом плане установка не всегда одинакова. Иногда установка, не важно — в измененном или неизменном виде, продолжает существовать долго *(константно-стабильная* или *вариабельно-стабильная),* а иногда уничтожается либо относительно быстро или сразу же *(константно-лабильная),* либо пройдя через определенные изменения *(вариабельно-лабильная).*

7. Замечено, что иногда достаточно 2—3 критических экспозиций или же незначительного увеличения продолжительности экспозиции, чтобы субъект начал правильно оценивать предъявляемые объекты. Но случается, что достигнуть того же эффекта удается только после весьма продолжительной критической экспозиции или многократного повторения этих экспозиций. Несомненно, это происходит потому, что установка не всегда имеет одинаковый уровень *прочности;* установки бывают более прочными и менее прочными.

Установка в патологических случаях

1. Установка и патология

Если установка действительно выполняет столь важную роль в протекании нашего поведения или переживаний, если при взаимодействии с объективной реальностью действительно именно она изменяется в первую очередь, определяя особенности переживания или поведения, то очевидно, что ее изучение в патологических случаях имеет совершенно особое значение. Дело в том, что в патологических случаях мы встречаемся с ярко выраженными формами разнообразных отклонений и деформации поведения. Поэтому думается, что если наше положение о значении установки правомерно, то в патологических случаях должны иметь место столь же различные формы действия установок.

Патологические особенности наиболее ярко должны проявиться в действии *фиксированной* установки. Ведь известно, что для болезненной психики особенно характерно явление различного рода *фиксаций.* И действительно, в результате экспериментальных исследований можно считать окончательно установленным, что действие фиксированной установки в патологических случаях в общем довольно своеобразно и настолько специфично при различных заболеваниях, что дает возможность их довольно глубокой дифференциации на основе особенностей проявления фиксированной установки.

В первую очередь нужно отметить следующее: выше мы убедились, что процесс затухания установки — хотя бы теоретически — включает в себя шесть различных ступеней, или фаз. Однако практически у отдельных нормальных людей эти фазы в полном объеме не встречаются; они, как правило, уплотняются, объединяясь, по сути, в три или четыре фазы.

Иная картина складывается в патологических случаях. Разумеется, здесь также не выявляются все шесть фаз, но не отмечается и такое уплотнение, характерное для нормальных, здоровых людей.

Для патологии более характерным оказалось следующее обстоятельство: в случае того или иного заболевания на первый план выдвигаются одна или больше отдельных фаз, причем зачастую такие, которые в нормальных случаях настолько редки, что об их существовании можно предполагать разве только теоретически. Интересно, что при различных заболеваниях на передний план выступают различные фазы. Это обстоятельство интересно и тем, что те фазы регрессивного развития установки, которые в случае здоровой психики следовало принять лишь на теоретическом уровне, в случае патологического поведения становятся реальным фактом.

Второе обстоятельство, оказавшееся также характерным, заключается в следующем: для патологических случаев специфичны и, так сказать, обычны те виды действия установки, которые в норме встречаются лишь в виде исключений. В качестве примера рассмотрим действие установки в случае нескольких особенно известных заболеваний, а именно таких, как эпилепсия, шизофрения и истерия.

2. Установка при шизофрении

Анализ случаев шизофрении с самого начала сделал очевидным, что в данном случае фиксированная установка принимает совершенно специфическую, необычную для нормы форму:

1. Во-первых, она оказалась особенно легко возбудимой — достаточно двух-трех установочных опытов, чтобы у больного возникла установка такой же силы, какую имеем обычно после 15—20 установочных экспозиций.

2. При шизофрении установка характеризуется необычайно высокой степенью *генерализации:* установка, выработанная в гаптической сфере, полностью распространяется на оптическую сферу, вызывая такие же четкие иллюзии, как и в первичной сфере своего возникновения.

3. Еще более характерны, можно сказать специфичны, для этого заболевания *грубость* (ригидность) и, особенно, *статичность* установки: установка шизофреника не затухает, и интересно, что эта статичность характерна не только для первичной сферы возникновения установки, но и для всей сферы ее распространения. Это означает, что если, например, шизофренику пару раз в одном и том же порядке дать в руки два неравных шара для сравнения, этого будет достаточно для того, чтобы в критических опытах он ни разу не смог подтвердить равенство шаров, сколь многократными бы ни были эти экспозиции. Следовательно, шизофреник становится жертвой бесконечной иллюзии. Но особенно интересно то, что эта бесконечная иллюзия остается в силе и тогда, когда равные шары предъявляются ему визуально: теперь они воспринимаются иллюзорно не только тогда, когда больной держит их в руках, но и зрительно, хотя глаза никак не участвовали в установочных опытах. Как видно, однажды созданная фиксированная установка распространяется на личность шизофреника полностью, преграждая путь к объективной ситуации.

Таким образом, в случае шизофрении фиксированная установка больного значительно отличается от нормальной: она является *грубой, статичной и широко иррадиированной;* тем не менее, она легко возбудима и, в то же время, весьма *константна и стабильна.* Одним словом, установка шизофреника безусловно весьма своеобразна: ее статичность, иррадиированность, константность и стабильность не укладываются в картину типичного протекания действия установки нормального человека.

3. Установка при эпилепсии

Своеобразие установки в случае эпилепсии обозначено еще более явственно. Установка эпилептика так же является возбудимой, грубой и статичной. В этом плане никакого различия между ней и установкой шизофреника как будто и нет. Но последующее наблюдение показывает, что в действительности существует различие, причем довольно значительное и очень характерное. Дело в том, что иррадиация установки эпилептика оказалась *крайне ограниченной:* установка не только не распространяется из одной сенсорной области на другую, но и *саму эту сенсорную область охватывает не полностью.* В частности, если эпилептику в одинаковом порядке дать в руки неодинаковые шары для сравнения, а затем предложить сравнить равные шары зрительно, то он, в отличие от шизофреника, тотчас же воспримет их как равные. Как видно, созданная в сфере активного осязания установка остается там же, не распространяясь дальше. Более того, иллюзия не появится и в том случае, если установку создать в одной руке, а критические опыты поставить в другой. Вывод очевиден: *установка эпилептика локальна.* Следует отметить, что она оказалась столь же *константна* и *стабильна,* как иррадиированная установка шизофреника.

Конечно, среди эпилептиков можно встретить и лиц с несколько иной установкой. Но таких случаев — лишь незначительное меньшинство, явно недостаточное для того, чтобы усомниться в фактическом существовании вышеотмеченной

закономерности, тем более, что такие отклонения имеют свои основания, которых здесь мы касаться не будем.

4. Установка в случаях истерии

Своеобразным оказалось действие установки и при *истерии.* Во-первых, в отличие от шизофрении и эпилепсии, истерия не дает один определенный тип.

А. Если в одном случае установка может выработаться после двух экспозиций, то в другом она не вырабатывается вовсе, невзирая на число установочных экспозиций: в критических опытах больной истерией адекватно оценивает равные шары.

Б. Бывают случаи, когда здесь встречается установка как шизофренического, так и эпилептического типа. Однако в этом последнем случае она не столь локальна, как при настоящей эпилепсии — при истерии установка может не распространяться на другие сенсорные сферы, но в пределах той сенсорной сферы, где проводились установочные опыты, она распространяется беспрепятственно: созданная в одной руке установка переходит и на другую руку. Одним словом, нельзя сказать, что для истерии характерен какой-то один специфический тип установки.

Это подтверждают и результаты опытов по константности и стабильности. Как выяснилось, при истерии характерными для установки оказались *вариабельность* и *лабильность.* Установка легко изменяется во времени и быстро ослабевает и исчезает, если ее ежедневно не подкрепляют новые установочные экспозиции.

5. Улучшение здоровья и установка

Здесь нет более необходимости рассматривать другие патологические случаи. Несомненно, что установка действительно представляет собой факт существенной важности. Безусловным доказательством этого служат факты специфических отклонений в действии установки в случаях шизофрении, эпилепсии и истерии.

Однако исследование особенностей действия установки в патологических случаях выявило другой факт, еще более наглядно подтверждающий правильность высказанного нами положения. Если своеобразие поведения личности определяется соответствующими особенностями действия установки, то несомненно, что в случае, когда патологическая личность встает на путь выздоровления и ее поведение начинает приближаться к нормальному, должны произойти соответствующие изменения и в сфере действия установки, то есть тип действия установки должен приблизиться к нормальному. В процессе экспериментального изучения патологической установки выявился именно такой факт. Всюду, где начинался процесс выздоровления больного, особенно тогда, когда действительно можно было говорить о выздоровлении больного, но зачастую и там, где просто наступало временное улучшение, тип установки начинал существенно изменяться, приближаясь к тому характерологическому типу, который был или должен был быть свойственен этому субъекту в здоровом состоянии.

Существуют данные целого ряда опытов, делающих несомненным это положение. Примечательно, что это относится ко всем рассмотренным заболеваниям, то есть не только к истерии и эпилепсии, но и даже к шизофрении. Материалы И. Бжалава со всей очевидностью подтверждают это.

Глава четвертая Психология эмоциональных переживаний

Эмоциональные переживания

1. Крайние этапы работы сознания

Роль установки в процессе поведения живого существа очень велика. Велика она, в частности, и в процессе поведения человека. Однако величайшие достижения человека тем не менее не могут быть объяснены непосредственным влиянием установки: оставаясь только лишь под этим непосредственным влиянием, человек, наверное, никогда бы не сумел подняться над уровнем жизни животных. Специфическая особенность человека и, в то же время, его величайшее достижение, как раз в том и заключается, что он способен высвободить свое поведение от *непосредственного* господства установки с тем, чтобы подчинить его *установке, опосредованной активностью сознания: сознание — самый специфический фактор поведения человека.*

Однако сознание отнюдь не вещь, чтобы пребывать раз и навсегда в определенном, неизменном состоянии. Сознание — скорее процесс, который в каждом частном случае проходит несколько ступеней развития. Разумеется, его начальный этап следует искать в первичном отражении действительности, то есть *установке:* любой акт сознания опирается и исходит из нее. Следовательно, первый этап развития сознания все еще непосредственно увязан с установкой, целостным состоянием субъекта; это скорее отражение так или иначе настроенного субъекта, нежели дифференцированная картина действительности. Это последнее достигается сознанием лишь на конечном этапе его развития: его конечная цель состоит в сознательном отражении многообразия объективной действительности.

Таким образом, два крайних этапа работы сознания — начальный и конечный — таковы: вначале сознание представляет собой отражение целостного состояния субъекта, являясь *субъективным* и *целостным;* на последней же ступени, наоборот, сознание стремится к отражению дифференцированного многообразия объективной действительности и имеет *объективный и расчлененный* характер. Обычная работа сознания протекает между двумя этими взаимопротивоположными полюсами.

Естественно возникает вопрос: в виде каких явлений проявляются эти этапы развития сознания?

2. Относительная примитивность эмоциональных переживаний

В первую очередь интересно выяснить, благодаря чему наше сознание представляет отражение *субъективного* состояния целостного характера. Каковы те наши переживания, которые в силу их существования на границе с нашими установками могут быть сочтены наиболее примитивной формой проявления сознания?

Рассмотрим различные содержания нашего сознания. Начнем с того, что обычно называют *познавательными* процессами: восприятие, представление, мысль — все это с необходимостью подразумевает какой-либо объект и позволяет получить сведения о чем-то существующем вне нас, то есть объективной действительности: и восприятия, и представления, и мысли безусловно представляют собой отражение объективной действительности, существующей независимо от нас, а не субъективного мира. Поэтому-то их и называют познавательными процессами.

Основная тенденция познавательных процессов состоит не в некоем общем отражении объективной действительности, а по возможности в точном, расчлененном, дифференцированном ее отражении. Диффузное восприятие, представление или мысль своей цели не достигают. Отражение целого, при котором его частные моменты остаются в тени, например, восприятие дерева без его частей, их свойств: листьев и их цвета, — одним словом, восприятие, представление или мышление о чем-либо без знания его свойств ни в коем случае не соответствует смыслу и предназначению познавательных процессов.

Таким образом, для познавательных процессов характерна именно объективность и по возможности максимально расчлененное отражение этой объективности. Познание стремится к точному отражению всего многообразия объективной действительности.

Следовательно, очевидно, что познавательный процесс соответствует скорее конечному полюсу развития сознания, нежели его начальной фазе, характеризующейся противоположными свойствами.

А сейчас обратимся к так называемым *эмоциональным* переживаниям: удовольствие и неудовольствие, любовь и ненависть, страх и гнев... Что является для них характерным? Представим себе, что мы испытываем одно из них, например страх, удовольствие или же любовь. Разве хоть одно из этих переживаний передает какой-либо признак или момент объективной действительности или же, в общем, является отражением чего-либо объективно существующего? Разумеется, нет! Воспринимая зеленый цвет растения, подразумеваем, что тем самым происходит постижение цвета растения: растение имеет именно такой цвет, и об этом нам известно благодаря восприятию. Но получаем ли мы хоть какие-то сведения об объективной действительности, испытывая удовольствие или любовь? Конечно же, нет! Любовь или удовольствие — *мое состояние,* а не признак какого-либо объекта. Это относится и ко всем остальным эмоциональным переживаниям.

Следовательно, эмоциональное переживание представляет собой только состояние субъекта.

Но в то же время нетрудно заметить, что, например, любовь вовсе не является таким же внутренне дифференцированным, расчлененным переживанием, как, скажем, точное восприятие дерева. Любовь как состояние субъекта характеризует его целостное «я», а не какую-либо его часть; в этом смысле она представляет собой переживание с *целостным* содержанием.

Таким образом, примитивной формой выявления сознания, ближе всего граничащей с миром установок, следует считать именно эмоциональные переживания — ведь *субъективность* и *нерасчлененная целостность* более всего свойственны именно эмоциональным переживаниям.

Но, коль скоро это так, то тогда ранняя ступень развития всегда должна быть представлена в виде эмоциональных переживаний. То, что онтогенетически это действительно так, сегодня никто не оспаривает. Как отмечал известный детский психолог В. Штерн, если попытаться подобрать название первым проявлениям сознания новорожденного ребенка, то следует остановиться на безликом эмоциональном переживании, поскольку у ребенка еще отсутствуют сколько-нибудь расчлененные переживания: нужен продолжительный процесс, чтобы из этого первичного тумана высветились отдельные восприятия, представления и желания как размежеванные переживания. Аналогичное происходит и в отдельных случаях активности нашего развитого сознания. Прежде чем в нашем сознании под воздействием объективной ситуации сформируется какое-либо завершенное дифференцированное содержание, например то или иное восприятие или мысль, возникает некое безликое целостное переживание, характеризующее скорее состояние субъекта, нежели объективную ситуацию, переживаемое в виде своеобразного эмоционального процесса.

3. Эмоция и чувство — в узком значении

Однако не следует думать, что любое эмоциональное переживание относится к этой начальной ступени развития сознания. Такое предположение в корне ошибочно! Ведь в данном отношении разнятся и эмоциональные процессы: одни по своей природе являются более субъективными и целостными, другие же представляют собой относительно более дифференцированные и объективированные переживания.

Пересмотрев всю совокупность эмоциональных переживаний, можно убедиться в существовании двух, четко различающихся между собой групп переживаний. Одну группу составляют такие эмоции, как, например, любовь, ненависть, страх, гнев, горе, радость и пр. К совершенно иного типа переживаниям относится *удовольствие,* испытываемое, например, от приятного запаха розы, или *неудовольствие,* доставляемое горьким вкусом.

В первом случае имеем дело с душевным состоянием, как бы полностью затрагивающим субъекта и дающим скорее его целостную характеристику, чем какого-либо отдельного переживания. Во втором случае, наоборот, несомненно речь идет о переживании с тем или иным частичным содержанием: например, восприятие горького вкуса или аромата розы и возникающее в связи с ним и для его характеристики эмоциональное переживание. Здесь эмоциональное переживание имеет более зависимый, более специальный, более определенный характер, чем в первом случае, поэтому каждая из этих групп как в повседневной речи, так и в науке имеет свое название. «Душевные состояния, пусть даже временно целиком заполняющие наши переживания и подчиняющие себе всю остальную душевную жизнь», называют *эмоциями;* те же душевные движения, которые «связываются с другими душевными процессами и содержаниями и имеют в силу этого более специальный и ограниченный характер», называются *чувствами* (Штерн).

Как видим, эмоции и чувства отличаются друг от друга тем, что первые представляют собой более целостные и субъективные переживания, а вторые имеют более специальный и как бы объективный характер.

Таким образом, не только все содержание психики делится на две группы, из которых одна носит диффузный, целостный характер, представляя собой состояние субъекта *(эмоциональные переживания),* а другая дает расчлененное отражение объективной действительности *(познавательные процессы),* но и сами эмоциональные процессы, в свою очередь, делятся на две такие же группы: одна переживается как увязанная скорее с субъектом, а другая — с продуктами дифференцированного отражения объективной действительности, то есть познания *(чувства* — в узком значении этого слова). Наши дифференцированные восприятия, представления, мысли и действия также воздействуют на субъекта, вызывая у него определенные эмоциональные переживания, которые в виде чувств зачастую переживаются не только как состояние субъекта, но даже и как свойство объекта; например, *приятный* голос, *возмутительный* поступок.

Невзирая на то, что более типичным и характерным для эмоциональной жизни переживанием являются скорее эмоции, а не чувства, тем не менее классическая психология XIX века все свое внимание отводила именно чувствам, предполагая через это постигнуть сущность эмоциональной жизни. Это объясняется тем, что она, по существу, рассматривала эмоциональные переживания так же, как познавательные процессы, считая их своеобразными сложными психическими содержаниями, являющимися продуктом соединения элементарных содержаний; поэтому при анализе эти последние должны быть изучены в первую очередь. Подобно тому, как при исследовании познавательных процессов главная задача состояла в выявлении и систематизации познавательных элементов, так и здесь — в случае изучения эмоциональных переживаний — основной проблемой считалось установление эмоциональных элементов. Но для этой цели *эмоция* является, конечно, особенно неблагоприятным материалом. Зато *чувства* представляют больше возможностей для подобного анализа. Именно поэтому в классической психологии психология эмоциональных переживаний, по существу, почти полностью ограничивалась исследованием чувств.

Чувство

1. Вопрос о самостоятельности чувства

Эмоциональные переживания со всей очевидностью отличаются как от познавательных, так и от волевых переживаний. Это несомненно так. Но это не означает, что чувство непременно должно существовать в виде *самостоятельного* психического *элемента.* А может, эмоциональные переживания есть не что иное, как своеобразные комплексы ощущений и их своеобразное протекание, и, следовательно, не включают ничего специфического в элементном составе своего содержания. Для психологического мышления, рассматривающего проблему психических элементов в качестве одной из важнейших, подобная постановка вопроса вполне естественна и правомерна. И действительно, в психологии XIX века вопрос о самостоятельности эмоциональных элементов был одним из основных. Многие психологи усматривали в чувстве лишь одну из сторон ощущения; по их мнению, ощущения наряду с *качеством* и *интенсивностью* имеют и третью сторону — *чувственный* тон. Следовательно, чувство как отдельный самостоятельный элемент не существует.

Но в противовес этому соображению отмечалось, что чувственный тон никак не может быть поставлен в один ряд с качеством и интенсивностью ощущений, ведь

если лишить ощущение одного из этих свойств, от него ничего не останется — оно просто исчезнет, тогда как без чувственного тона оно существовать может. Например, если лишить ощущение сладкого сладости или свести его силу к нулю, то от ощущения ничего не останется; однако от того, будет ли сладкий вкус приятен или неприятен, ощущение ничего не потеряет (Кюльпе).

Очень интересно мнение Штумпфа, согласно которому чувства составляют особый класс ощущений; наряду с известными классами (зрительные, слуховые и пр.) существует еще отдельная группа ощущений, которую следует назвать чувственными ощущениями (Gefühlsempfindung). В качестве аргумента он приводит ощущение *боли,* переживаемой в виде чувства неудовольствия, и *сексуальное наслаждение,* которое, наоборот, переживается как чувство удовольствия.

Это наблюдение Штумпфа весьма примечательно. Не вызывает сомнений, что действительно существуют ощущения, которые очень трудно отличить от чувств, поэтому, наверное, не совсем правомерно предполагать, что между ними существует пропасть. Однако Штумпф не учитывает того обстоятельства, что чувственная сторона подобных ощущений не является устойчивой: они переживается то как удовольствие, то как неудовольствие. Это справедливо даже в отношении боли и, особенно, сексуального наслаждения, о чем со всей очевидностью свидетельствует факт так называемого мазохизма.

Своеобразные выводы в связи с самостоятельностью чувств следуют из знаменитой теории Джеймса. В конечном счете он сводил чувства к переживанию органических ощущений, что, как мы еще убедимся ниже, также неправомерно.

Ни одна из попыток отрицания самостоятельности чувств не оказалась убедительной. Сегодня считается доказанным, что наши эмоциональные переживания не сводимы к другим психическим содержаниям, представляя собой специфические, самостоятельные переживания.

2. Основные качества элементарных чувств

Первый вопрос, который теперь естественно встает перед нами, это вопрос о том, каковы элементарные эмоциональные переживания, встречающиеся в каждой конкретной эмоции. Какого рода элементарные эмоциональные переживания существуют?

На первый взгляд может показаться, что здесь имеется гораздо меньшее разнообразие переживаний, чем в случае ощущений. По мнению большинства психологов, существует всего лишь две разновидности эмоциональных элементов — *удовольствие* и *неудовольствие,* и вся эмоциональная жизнь должна быть сведена к комбинации этих двух элементов с различными познавательными процессами.

Знаменательно, что, согласно наиболее распространенному в XIX веке взгляду — так называемому *«сингуляризму»,* существует только одно элементарное чувство удовольствия, как и неудовольствия; разнообразных качеств удовольствия или квалитативно отличающихся чувств неудовольствия не существует; чувство удовольствия, будь оно вызвано симфонической музыкой или вкусной пищей, по существу остается одним и тем же: удовольствие — это удовольствие, а неудовольствие — неудовольствие. И если, невзирая на это, нам все-таки кажется, что чувство удовольствия, вызванное эстетическим переживанием, отличается от удовольствия, связанного со вкусом или запахом, то это объясняется лишь тем, что с этим по сути одним и тем же элементарным чувством связаны различные представления. Разница, следовательно, обусловлена не самими чувствами, а скорее связанным

с ними познавательным содержанием. Такова точка зрения сингуляризма. Ее преимущество заключается в том, что бесконечное многообразие эмоциональных переживаний сведено всего лишь к двум качествам, то есть она максимально упрощена.

Но в сущности эти два качества — отнюдь не два самостоятельных качества, а всего лишь их взаимоотрицание: существует удовольствие и его отрицание, то есть неудовольствие. Это последнее, следовательно, является просто пресечением удовольствия, но не более. То же самое можно сказать и об удовольствии. Шопенгауэр, во всяком случае, утверждал, что в действительности существует лишь одно переживание, а именно — переживание *неудовольствия,* а так называемое удовольствие означает лишь то, что в данный момент неудовольствие не испытывается и ничего больше.

Таким образом, в конечном счете получалось, что чувства различаются лишь *градуально,* а *качественного* отличия между ними, по существу, нет. Следует отметить, что подобный вывод прекрасно согласовывался с механистическим мировоззрением, господствовавшим тогда (XIX век) в естествознании и считавшимся образцом для подражания в психологии, а посему и в ней широко распространенным.

Однако эти положения классической психологии в связи с чувствами явно противоречат всему тому, о чем свидетельствует любое более или менее объективно проведенное наблюдение. Дело в том, что ни в коем случае нельзя утверждать, что удовольствие есть лишь отрицание неудовольствия и не заключает в себе ничего самостоятельного. Нет! На самом деле удовольствие и неудовольствие представляют собой переживания совершенно различного качества, не имеющие ничего общего со взаимоотрицанием. *Радость,* например, относится к категории удовольствия, а грусть — *неудовольствия.* Разве можно сказать, что переживание радости означает отрицание горя или переживание горя — отрицание радости?! Не вызывает сомнений, что это — два переживания совершенно самостоятельного характера, отнюдь не отличающиеся друг от друга лишь знаками «+» и «—».

Помимо этого, невозможно утверждать и то, что между самими чувствами удовольствия, равно как чувствами неудовольствия, существует только градуальное различие. И углубившись в собственные переживания во время наслаждения симфонической музыкой и в процессе вкусной еды, мы будем вынуждены признать, что, невзирая на то, что в обоих случаях переживается удовольствие, между ними существует огромное качественное различие; можно сказать, что между ними нет ничего общего. Во всяком случае, принимая во внимание лишь содержание переживаний, между ними невозможно найти какое-либо сходство. Каждый отдельный случай удовольствия, как и неудовольствия, представляет собой новое эмоциональное качество. Существует бесконечное множество качественно различных как элементарных удовольствий, так и элементарных неудовольствий. В противовес сингуляризму, так называемый *«плюрализм»* отстаивает положение о существовании квалитативного многообразия элементарных чувств.

Особенно энергично отстаивал плюрализм *Вундт.* Но он шел еще дальше, утверждая, что многообразие элементарных чувств никоим образом не исчерпывается категорией *удовольствия—неудовольствия.* Наряду с этой *гедонистической* категорией есть и другие категории, в частности, *возбуждение—успокоение,* с одной стороны, и *напряжение—расслабление* — с другой. Все эти три категории взаимонезависимы и несводимы друг к другу. Помимо этого, каждая из них представляет собой лишь общее название, объединяющее бесконечное множество квалитативно различающихся чувств.

Но позиция Вундта в данном случае, как, впрочем, и в связи с другими проблемами психологии, является двусмысленной. С одной стороны, он осознавал ограниченность традиционного взгляда и необходимость его преодоления, но, с другой

стороны, не сумел полностью отречься от старых принципиальных позиций и выйти на новый виток психологической мысли. Поэтому он ограничился лишь поправками, плохо согласующимися с принципиальными основами старой системы и, в сущности, не дающими ничего нового. Вундт прекрасно понимал, что категория удовольствия—неудовольствия совершенно не исчерпывает бесконечного многообразия мира чувств, как это предполагала традиционная психология. Тем не менее, он также был убежден, что число элементов все же ограничено, нужно просто найти их; по его мнению, следует добавить еще две категории, точно определить их, и все будет в порядке. Вундт остался на позициях элементаристической психологии, а потому для него главная проблема — установить точное количество этих элементов.

Во всяком случае, вопреки утверждению сингуляризма, следует признать бесспорность факта многообразия наших чувств: мир наших чувств столь же многообразен, как многообразны реакции субъекта в ответ на различные многочисленные воздействия. Но, тем не менее, вопрос о том, какие основные направления чувств следует различать между собой, остается невыясненным. Вундт в данном отношении был безусловно прав, считая недостаточным лишь направление приятного—неприятного и внеся новые направления чувств.

Но это, разумеется, не означает, что его выводы были полностью правомерными.

Для правильного решения вопроса об основных направлениях чувств человека следует исходить из положения о том, что каждое чувство — это *состояние субъекта*. Однако это состояние возникает не само по себе и беспричинно, а лишь в процессе взаимодействия с действительностью и изменяется в соответствии с ним. Чувство представляет собой сознательное отражение этого. Следовательно, чувство является показателем того, как протекает данное взаимодействие.

Протекание взаимодействия человека с действительностью может быть рассмотрено лишь с двух точек зрения: либо исходя из того, что оно дает субъекту, то есть с точки зрения целесообразности, либо с точки зрения самого процесса взаимодействия, то есть его динамики. Следовательно, чувство может иметь лишь два основных направления: с точки зрения *целесообразности* это— направление *удовольствия—неудовольствия,* а с точки зрения *динамики*— направление *возбужения— успокоения.* Таким образом, вместо трех основных направлений Вундта, следует различать два направления чувств: удовольствие—неудовольствие и возбуждение—успокоение (Штерн и др.).

Следует учитывать, что данные направления чувств не являются взаимоисключающими: удовольствие—неудовольствие характеризует содержательную сторону чувства; возбуждение—успокоение же — чисто формальные эмоциональные переживания и поэтому могут выявляться в любом содержании: как возбуждение, так и успокоение может быть связано и с удовольствием, и с неудовольствием.

Те или иные чувства человека возникают во взаимодействии с действительностью, то есть в процессе *действия.* Действие в процессе его осуществления — до тех пор, пока оно актуально — переживается субъектом в виде *возбужденности.* Возбужденность, по словам Штерна, — это *чувство пути* (Weggefühle), то есть чувство, связанное не с результатом действия, а с самим процессом. Завершение действия, его результат сопровождается чувством успокоения *(чувство результата* по Штерну).

Нетрудно представить, что и результат, и процесс действия могут вызвать как удовольствие, так и неудовольствие. Следовательно, чувство действия — возбуждение — может проявляться двояко — в виде либо приятного, либо неприятного возбуждения. То же самое можно сказать и о чувстве результата: успокоение также бывает двояким — приятным или неприятным.

Таким образом, приятное и неприятное связано не только с результатами нашего поведения: человек испытывает приятные и неприятные чувства отнюдь не только потому, что овладевает предметом удовлетворения своей потребности. Нет! Удовольствие и неудовольствие связаны также с самим процессом активности. Исходя из этого, понятно, что *игра* доставляет удовольствие лишь как процесс, *процесс творчества* сам является источником удовольствия и, наконец, мы не только трудимся для создания определенного продукта с целью удовлетворения наших потребностей, но и находим удовольствие в самом процессе труда. Не будь это так, не только игра и творчество, но и труд в его развитой форме — производительный труд — был бы совершенно невозможен. Ведь производитель лишь на очень низкой ступени производит только то, в чем он лично испытывает потребность, тогда как вообще он всегда работает на рынок. Процесс труда, как таковой, сам является источником удовольствия.

3. Классификация чувств

Удовольствие—неудовольствие и возбуждение—успокоение — основные качества чувства; но это — элементарные чувства, входящие во все эмоциональные переживания. Само же эмоциональное переживание всегда представляет собой сложное целое, в которое, помимо этих элементов, входят и другие содержания, особенно познавательного характера — восприятие, представления, мысли. Процесс возникновения чувства следует представить следующим образом.

В результате взаимодействия с объективной действительностью в нашем сознании возникают различные переживания, представляющие собой отражение этой объективной реальности. Мы воспринимаем конкретные предметы со всеми их чувственными свойствами — цветом, формой, запахом, вкусом, температурой и пр., каждое из которых вызывает у нас определенное эмоциональное состояние, определенное чувство (но, конечно, не непосредственно, как это предполагает теория непосредственности), например, цвет — удовольствие, запах — неудовольствие. Однако чувство может быть вызвано и восприятием целостного предмета. В таких случаях главное значение имеет сам предмет, а не его отдельное свойство. Одним словом, при восприятии предмета или какого-либо его свойства наряду с самим восприятием нам дается и чувство, вызванное этим восприятием. Поэтому для нас данный предмет является не только носителем определенных объективных свойств — цвета, формы, величины, характеризуется не только этими свойствами, но и тем, что имеет, скажем, *приятный* запах и вообще *привлекателен.* Как видим, предмет восприятия содержит не только объективные свойства, но и свойства, вызывающие в нас чувство удовольствия.

Стало быть, в этом случае чувство характеризует не субъекта, а скорее те свойства объекта, которые этот последний выявляет в случае воздействия на субъект: наше чувство как бы говорит нам, что это — предмет, приятный для человека.

Таким образом, в отражение интересующего нас объекта входят не только объективные свойства, но и субъективные, то есть свойства, вызывающие у нас определенное чувство. В этом случае эмоциональное переживание становится характеристикой объективного обстоятельства, проявляясь в виде собственно *чувства.*

Мир чувств бесконечно многообразен, и для классификации всего многообразия выявления чувств целесообразно использовать те «объективные» переживания, на почве которых они возникают и в содержании которых переживаются. Эти «объективные» переживания могут быть двоякими: 1) переживания, возникающие в результате функционирования наших органов чувств — чувственные переживания, то есть цве-

та, звука, запаха, вкуса и т.д.; 2) переживания, представляющие явления более высокой категории: наши идеи об истине, прекрасном, добре и зле.

В соответствии с этим следует различать две большие группы чувств:

1. *Сенсорные чувства,* то есть чувства, возникающие в результате восприятия цвета, запаха и тому подобных объективных содержаний и переживаемые в связи с ними.

2. *Высшие чувства,* то есть чувства, возникающие в результате переживания какой-то *мысли,* некой *эстетической ценности* (художественного произведения или прелести природы) или какого-либо *поведения,* именуемые *интеллектуальными, эстетическими и моральными* чувствами.

Достаточно немного присмотреться, и станет ясно, что, как правило, наличие этих чувств не сказывается сколько-нибудь особым образом на *состоянии субъекта,* что эти чувства не выходят на передний план сознания. Здесь скорее имеем дело с переживанием какого-либо объективного обстоятельства — истины, прекрасного и нравственности. Во всяком случае, здесь скорее бросаются в глаза особенности *объективного обстоятельства,* нежели субъективного состояния. Особенно явственно это проявляется в эстетических эмоциональных переживаниях: эстетическое чувство в большей мере характеризует *объект,* чем *состояние субъекта;* оно представляет собой переживание *прекрасного,* подразумевающее не состояние субъекта, а свойство предмета.

Эмоции и попытки их классификации

1. Чувство и эмоция

Эмоция представляет собой вторую форму выявления эмоциональных переживаний, или чувств в широком смысле этого слова. Мы уже знаем, чем эмоции отличаются от собственно чувств. Если эти последние обычно связываются с переживаниями объективных содержаний и их свойств, а точнее, превращаются в их эмоциональный тон, то эмоции, наоборот, переживаются как чисто *субъективные состояния;* в них предметное, объективное отодвинуто на второй план — они никогда не переживаются как свойства этого объективного.

При обычном чувстве на переднем плане сознания находится переживание предмета, объективного; наше же внутреннее состояние, возникающее в связи с этим переживанием, не привлекает к себе особого внимания, занимая в сознании самостоятельное место: оно «затенено» объективным содержанием. Но если по той или иной причине переживание объекта оказывает на субъект такое влияние, что он утрачивает привычное равновесие и состояние его резко изменяется, то в этом случае в его сознании не только отражается объективное обстоятельство, но и появляется переживание внутреннего состояния субъекта. То, что в случае чувства увязывается с объективным содержанием, здесь превращается в отдельное содержание сознания, отдельное переживание, которое наряду с переживанием объективного обстоятельства представляет собой совершенно независимое и своеобразное качество. Допустим, мы в лесу напоролись на опасного зверя, с ревом несущегося прямо на нас. В данном случае в сознании возникают два отдельных и явно отличных друг от друга содержания: с одной стороны, восприятие «страшного зверя», а с другой — *ужас, страх,* отражающий наше личное состояние, а не свойства зверя. Разумеется, описывая объективное обстоятель-

ство, мы говорим и о «страшном звере», но при этом совсем не затрагиваем главного, а именно — состояния самого субъекта, его ужаса, страха. Это последнее никоим образом не может служить характеристикой зверя, это — состояние субъекта и касается только лишь субъекта. Очевидно, что такого рода переживания следует четко отличать от чувств: они именуются эмоциями.

Но вполне возможно, что какое-либо чувство перерастет в настоящую эмоцию. Для примера возьмем обычное чувство и представим, что его интенсивность постепенно усиливается. В этом процессе постепенной интенсификации чувства может наступить такой момент, когда это чувство проявится в сознании не только в виде свойства объекта, но и в виде переживания измененного состояния субъекта. В этом случае мы будем иметь дело уже с эмоцией.

Сказанное, разумеется, совершенно не означает, что чувство и эмоция различаются тем, что они представляют собой различные ступени интенсивности эмоционального переживания, что эмоция — более интенсивное чувство и не более. Нет! Совершенно не обязательно, чтобы эмоция являлась более сильным переживанием, чем чувство. Возможно и такое: чувство усиливается, достигая настолько высокого уровня интенсивности, что превращается в эмоцию; но эта эмоция еще очень слаба и не переживается столь же явственно, как чувство. Вполне может оказаться, что вызванное каким-либо объектом сильное чувство неудовольствия перерастет в едва заметную эмоцию страха.

Для окончательного прояснения вопроса о том, что такое эмоция, следует отметить своеобразное отношение последней к вызвавшему ее объективному обстоятельству. Несмотря на то, что эмоция представляет собой чисто субъективное состояние, не имеющее, соответственно, ничего общего с отражением объективного обстоятельства, она все же подразумевает его. Можно сказать, что эмоция способствует ясному отражению данного объективного обстоятельства и концентрации на нем сознания. Например, в случае страха в сознании господствуют представления, связанные с ситуацией, вызвавшей страх.

Таким образом, эмоция представляет собой переживание *субъективного состояния,* которое в то же время предполагает переживание *объективного обстоятельства* в качестве причины или предмета. Например, я *чего-то* боюсь, на *что-то* сержусь, *кого-то* люблю или ненавижу и т.д.

2. Основные классы эмоций

Любая эмоция как эмоциональное переживание обязательно предполагает участие простых чувств: удовольствия—неудовольствия, возбуждения—успокоения. В соответствии с этим, эмоции могут быть подразделены на четыре группы: приятные эмоции — возбуждения и успокоения и неприятные эмоции — возбуждения и успокоения.

Но это весьма общая классификация, нуждающаяся в последующей дифференциации.

В области классификации эмоций особого внимания заслуживают опыты Мак-Дугалла, В. Штерна и Шнайдера.

В основе классификации эмоций Мак-Дугалла лежат инстинкты; соответственно, существует столько же групп эмоций, сколько и инстинктов. При этом Мак-Дугалл исходит из своего принципиального соображения о том, что эмоции имеют инстинктивную основу, являясь не чем иным, как аффективным проявлением инстинктивного процесса. Согласно Мак-Дугаллу, имеются:

1. Инстинкт самозащиты............эмоция страха
2. Инстинкт агрессии..................эмоция гнева
3. Инстинкт отвержения.............эмоция отвращения
4. Инстинкт родительский..........эмоция нежности
5. Инстинкт зависимости............эмоция беспомощности
6. Инстинкт размножения...........эмоция сексуальная
7. Инстинкт любопытства...........эмоция удивления
8. Инстинкт подчинения.............эмоция покорности
9. Инстинкт самоутверждения....эмоция гордости
10. Инстинкт социальный............эмоция одиночества
11. Инстинкт охоты.......................эмоция аппетита
12. Инстинкт собственности.........эмоция обладания
13. Инстинкт строительства.........эмоция творчества
14. Инстинкт смеха.......................эмоция радости

Просмотрев данную классификацию, нетрудно заметить, что здесь в некоторых случаях инстинктом именуется то, что ни в коем случае не является таковым; точно также эмоцией названо то, что не может считаться эмоцией. Это объясняется ошибочностью исходной позиции классификации Мак-Дугалла. Человек — социальное существо, поэтому его эмоциональная жизнь, столь тесно связанная с социальным развитием, не может быть сведена к инстинктам, ведь это означает полное отрицание какой-либо возможности ее развития. Следуя точке зрения Мак-Дугалла, выходит, что эмоции человека, подобно его инстинктам, даны раз и навсегда и изменить их невозможно.

Классификация В. Штерна имеет менее принципиальный характер. Она исходит из соображения, что эмоция — это состояние целостной личности, а потому должна быть изучена в связи с целостным протеканием жизни личности, где особое значение имеет *время:* жизнь человека протекает в настоящем, но включает и его *прошлое,* и *будущее.* В соответствии с этим чувства могут быть разделены на три группы:

1. *Чувства настоящего,* в которые входят: настроение, аффект, чувства, направляющие собственное повседневное поведение, и чувственный тон переживаний.

2. *Чувства, направленные на будущее.* Таковыми являются потребность как чувство, предчувствие будущего, ожидание, страх, надежда.

3. *Чувства, направленные на прошлое.* Положительные: чувство близости (любовь, верность, патриотизм); отрицательные: печаль, чувство зависимости.

Для классификации более пригодным основанием является не время, а объективное обстоятельство, в связи с которым возникает чувство. В этом смысле заслуживает внимания классификация Курта Шнайдера. Как справедливо отмечает Шнайдер, всякая эмоция непременно касается чего-то, имея *характер реакции.* Это нечто может быть трех видов: состояние, сам субъект или некто другой. Отсюда три вида эмоций:

А. *Эмоции состояния:*

а) *приятные* — радость, удовольствие, веселье, счастье, спокойствие, уверенность, довольство;

б) *неприятные* — печаль, тоска, страх, апатия, грусть, огорчение, беспомощность, ностальгия по Родине, отчаяние, тревога, содрогание, обида, гнев, злость, зависть, ревность, недовольство, пустота.

Б. *Эмоции, направленные на себя:*

а) *приятные* — сила, гордость, самолюбование, защита собственного достоинства, упрямство, чувство собственного превосходства;

б) *неприятные* — смущение, чувство вины, сожаление, стыд, сдержанность, скромность.

В. *Эмоции, направленные на других:*

а) *приятные* — любовь, симпатия, доверие, сочувствие, уважение, интерес, одобрение, благодарность, благорасположение, преклонение, восторг;

б) *неприятные* — ненависть, отвращение, недоверие, игнорирование, вражда, унижение, недовольство, возмущение.

Кроме этих чувств, существуют эмоциональные переживания, включающие в себя как приятные, так и неприятные элементы: например, грусть, отказ и др.

В целом, удовлетворительной классификации эмоций не существует до сих пор. Это объясняется недостаточной изученностью самой природы эмоций. Классификация Шнайдера практически более пригодна, чем другие.

Качественная характеристика эмоциональных переживаний

1. Субъективность

Эмоциональное переживание имеет *субъективный* характер, то есть переживается как состояние субъекта, чем резко отличается от всех остальных переживаний; в этом смысле удовольствие—неудовольствие и возбуждение—успокоение совершенно не отличаются друг от друга. Однако этот признак особенно присущ именно эмоциям; как известно, истинно субъективным состоянием является только эмоция. Чувства, разумеются, также являются субъективным состоянием, но в данном случае очень большую роль выполняет и объективный момент: ведь чувство переживается как отдельное свойство или сторона объекта, отраженные в нем. Тем не менее, между ощущением и чувством все-таки существует большая разница: если первое переживается чисто объективной данностью без какого-либо присутствия субъекта, например цвет или звук, то второе, то есть чувство, всегда подразумевает субъекта, а если в нем и присутствует что-то от объективного обстоятельства, то всегда лишь в аспекте соотношения с субъектом; например, *приятный* голос.

Таким образом, субъективность — необходимый признак всех эмоциональных процессов: как простых чувств, так и сложных эмоций.

2. Полярный характер

Специфическая особенность эмоциональных переживаний заключается в том, что каждое из них содержит два полярно противоположных направления: удовольствие и неудовольствие, возбуждение и успокоение, то есть состоят из полярно противостоящих членов. Это объясняется полярной природой того, что лежит в основе

каждого из них. Активность человека всегда имеет целью удовлетворение какой-либо потребности, но, к сожалению, эта активность не всегда оказывается успешной, либо достигая цели, либо завершаясь неудачей, то есть имеет по-настоящему полярный характер. Поэтому неудивительно, что и состояние субъекта носит двоякий характер: когда активность достигает цели, происходит удовлетворение его потребности, что и находит свое отражение в чувстве удовольствия; когда же, наоборот, активность завершается неудачей, потребность остается неудовлетворенной; соответственно, субъект переживает чувство неудовольствия.

Таким образом, полярный характер приятного—неприятного становится понятным. Принципиально то же самое можно сказать и о возбуждении—успокоении: и здесь полярная направленность обусловлена полярностью того, что лежит в их основании. Каждому живому организму присуща активность. Но содержание всей жизни составляет не только активность — живое существо не только расходует свою энергию, то есть проявляет активность, но периодически и аккумулирует ее. Первое, то есть период активности, проявляется в сознании в виде возбуждения, а второе, или период отдыха или аккумулирования энергии, — в виде успокоения.

3. Асимметричность полюсов

Однако присущая чувствам полярность весьма своеобразна. По словам Штерна, данная полярность — «асимметрична». Это означает, что противоположные полюса чувства представляют собой отнюдь не только взаимоотрицание. Различие между приятным и неприятным состоит не только в том, что одно отрицает второе, как полагал, например, Шопенгауэр. Эти чувства являются качественно различными переживаниями, а потому не соответствуют друг другу и в количественном плане. Возьмем, к примеру, направление приятного—неприятного. Разумеется, оно полярно: удовольствие составляет один полюс, а неудовольствие — другой. Но эти полюсы несимметричны, ведь в случае симметричности каждому чувству удовольствия соответствовало бы надлежащее противоположное чувство неудовольствия и, наоборот, чувству неудовольствия — свое противоположное чувство удовольствия.

Однако, очевидно, что это не так. Существует целый ряд эмоциональных переживаний, относящихся либо к одному, либо к другому направлению удовольствия-неудовольствия, не имея своей противоположности. Особенно часто это имеет место в случае эмоций, но и в случае простых чувств это не столь уж редкое явление. Например, спрашивается, какое переживание неудовольствия составляет противоположный полюс удовольствия, получаемого от прослушивания симфонии Бетховена? Разумеется, такого чувства неудовольствия не существует.

Отсюда понятно, что между полярными направлениями чувств не существует и *количественного* соответствия. Лучшим доказательством того, что это действительно так, служат пессимисты, изучающие «бюджет» приятных и неприятных событий, приходя к печальному выводу о том, что количество неприятных переживаний в жизни человека значительно превышает число приятных, что в общем первое встречается гораздо чаще, чем второе.

Разумеется, количественное соотношение удовольствия—неудовольствия во многом зависит от социально-экономических условий жизни человека. «Бюджет» пессимистов достаточно ясно доказывает, что не следует надеяться на равное число случаев удовольствия и неудовольствия; в частности, в определенных условиях неудовольствие может настолько превосходить удовольствие, что жизнь в этих условиях

становится невозможной и, соответственно, возникает необходимость непримиримой борьбы за надлежащие условия существования.

С другой стороны, сама природа удовольствия и неудовольствия такова, что их количественное соотношение не предполагает равенства. Еще Аристотель отмечал, что приятное и неприятное имеют различную *биологическую* основу: удовольствие, указывал он, является признаком успеха живого существа, а неудовольствие — показателем противоположного явления. После этого подчеркивание биологической ценности удовольствия—неудовольствия превратилось в обычное дело. Спенсер дает следующую формулировку этой идеи: «Чувства неудовольствия являются коррелятом вредных для организма процессов, а чувства удовлетворения представляют собой коррелят полезных процессов». Это означает, что приятные переживания возникают у субъекта лишь тогда, когда в его организме происходит какой-либо полезный процесс, а неприятные, когда имеет место противоположный процесс, то есть все полезное — приятно, а вредное — неприятно.

Спенсеровскую трактовку биологической теории удовольствия—неудовольствия разделить невозможно. Дело в том, что существует много случаев, противоречащих такой позиции: принимать лекарство, например, бывает неприятно, а хирургическая операция обычно болезненна, тем не менее, и одно и второе полезны. Пьяница получает большое удовольствие от алкоголя, а курильщик — от никотина, хотя и никотин, и алкоголь очень вредны для здоровья. Следовательно, этот вопрос должен быть разрешен иначе.

Ошибочность точки зрения Спенсера заключается в том, что она подразумевает прямую связь между полезным—вредным и приятным—неприятным, как будто полезное и вредное может непосредственно вызвать чувство. Позиция Спенсера исходит из теории непосредственности. В действительности же дело обстоит следующим образом: объективный агент, будь то полезный или нет, действует на субъекта, и, в зависимости от его целей и потребностей в данный момент времени, может вызвать чувство удовольствия или неудовольствия. Это зависит от содержания актуальных потребностей субъекта, а не от объективного содержания раздражителей. Поэтому неудивительно, что для человека, жестоко страдающего от тяжелых переживаний и желающего забыться, алкоголь может быть и приятен, и полезен, поскольку хотя бы временно облегчает муки. То же самое происходит и в других случаях; вообще же объективно вредный для *благополучия* организма агент легко может вызвать чувство удовольствия, если содействует осуществлению важной для субъекта в данный момент цели, или, наоборот, чувство неудовольствия в противоположных обстоятельствах. Актуальные цели и потребности людей всегда имеют индивидуальный характер, поэтому понятно, что и чувства удовольствия—неудовольствия также носят индивидуальный характер: кому нравится одно, а кому — другое («de gustibus non disputandum»).

Однако какой вывод следует из сказанного в связи с асимметричным характером полярности удовольствия—неудовольствия? Если удовольствие—неудовольствие и в самом деле зависит от того, насколько в данный момент для субъекта целесообразно то, что на него действует, то тогда понятно, что невозможно испытывать удовольствие столь же часто и остро, как неудовольствие. Дело в том, что существование живого организма оказалось бы невозможным, не будь целесообразны условия его проживания; например, он не может существовать в безвоздушном пространстве, тем не менее далеко не каждый вздох вызывает чувство особого удовольствия; то, что воздух приятен, чувствуется лишь тогда, когда по какой-то причине дыхание затрудняется, и мы переживаем острое чувство неудовольствия. Сказанное распространяет-

ся и на другие аналогичные случаи: нормальная температура, обычная пища не вызывают особо приятные переживания. Но достаточно температуре измениться настолько, чтобы стать угрожающей для организма, или образоваться дефициту пищи, как тут же появляются неприятные чувства.

Одним словом, многое из того, что воздействует на нас, чрезвычайно полезно, не вызывая, тем не менее, чувства удовольствия; однако если возникает нечто противоречащее нашим целям, нецелесообразное для нас, на это мы чаще всего отвечаем чувством неудовольствия. Иными словами, мы более чувствительны к вредному и нецелесообразному, нежели полезному и целесообразному. Чувства удовольствия и неудовольствия выполняют роль сигнала, как бы указывая, что это — полезно, а то — вредно. Но на полезное нужно указывать лишь тогда, когда оно впервые начинает действовать на нас, на вредное же — всегда. В противном случае организм может погибнуть. Поэтому понятно, что случаи возникновения чувства чрезмерного неудовольствия встречаются гораздо чаще, чем переживания удовольствия. Следовательно, с количественной точки зрения асимметричность переживаний удовольствия—неудовольствия не подлежит сомнениям.

Точно также асимметричны и взаимопротивоположны возбуждение и успокоение. Переживание возбуждения, связанное с нашей активностью, проявляется не столь очевидно, как чувства, сопутствующие результату: и успех, и неудача переживаются гораздо более резко и явственно, нежели чувства, связанные с процессом активности.

4. Единство эмоционального состояния

Одна из специфических особенностей чувства, резко отличающая его от, допустим, ощущений, заключается в том, что оно не может существовать независимо и изолированно от других чувств, тогда как для ощущения это — обычное явление. Правда, факт смешения известен и в сфере ощущений; например, смешение цветов или слияние звуков. Но, несмотря на это, мы без труда можем созерцать многоцветный предмет или слушать многоголосую музыку, тогда как в сфере чувств это невозможно — чувства не испытываются друг рядом с другом, они соединяются друг с другом, создавая единое целостное эмоциональное состояние. Вундт особенно подчеркивал это обстоятельство, называя его *единством эмоционального состояния*. Это единство, по его мнению, состоит в том, что «все чувственные элементы, имеющиеся в данный момент в сознании, объединяются в одно целостное чувство».

5. Амбивалентность

Как происходит это объединение? Что происходит с частичными чувствами, объединяющимися в целостное чувство? Было бы ошибочно полагать, что эти чувства нейтрализируют, усиливают или ослабляют друг друга. Нет! Создавая целостное эмоциональное состояние, они, тем не менее, в этой целостности более или менее отчетливо сохраняют свою индивидуальность.

Особенно ярко это проявляется в случаях *амбивалентности чувства,* на что специально обратила внимание школа психоанализа. Амбивалентность заключается в том, что в некоторых случаях в одном определенном чувстве, например сочувствии, одновременно присутствуют элементы переживания как удовольствия, так и неудовольствия, причем удовольствие—неудовольствие отнюдь не нейтрализуют друг друга, а переживаются одновременно и рядом друг с другом в одном целостном чувстве.

Таких амбивалентных чувств у нас много, например, верность, послушание, эстетическое переживание величия, переживание комического, ревность и многое другое. Амбивалентные чувства встречаются настолько часто, что амбивалентность может быть сочтена одной из основных особенностей чувств. Дело в том, что, как пишет Штерн, «вследствие внутренней многогранности системы целей человека легко может случиться так, что некоторые явления с точки зрения одной цели имеют смысл, а с другой могут оказаться совершенно бессмысленными, в силу чего эмоциональное переживание может содержать момент как удовольствия, так и неудовольствия». Более того, — продолжает Штерн, — следует признать исключением именно те случаи, когда в нашем сознании представлена лишь одна цель, а не одновременно несколько.

Градуальная характеристика эмоционального переживания

1. Интенсивность

Чувствам, подобно ощущениям, всегда присуща определенная *интенсивность:* не существует чувств, полностью лишенных интенсивности. Так называемое *равнодушие,* или *индифферентность,* которое, на первый взгляд, должно являться именно таким чувством с нулевой степенью интенсивности, на самом деле представляет собой определенно положительное, своеобразное переживание, а потому может быть более или менее сильным.

Интенсивность чувства в определенной мере зависит от интенсивности ощущения, под влиянием которого она возникает. Подобно ощущению, чувство также имеет свой *порог.* Нижний порог чувства — это уровень интенсивности ощущения, способный вызвать чувство. Разумеется, дальнейшее усиление ощущения усиливает и интенсивность чувства. Но примечательно, что однозначного соотношения между ощущением и чувством нет: то, какой уровень интенсивности чувства вызовет ощущение той или иной интенсивности, зависит не только от индивидуальных особенностей, но и от того общего состояния, которое испытывает субъект в данный момент. Это — бесспорный аргумент в пользу того, что между чувством и ощущением не существует *непосредственной* связи.

Рост интенсивности удовольствия и неудовольствия дает различный эффект. Неудовольствие, если можно так выразиться, не имеет верхнего порога, то есть оно почти бесконечно растет. Биологически это понятно: если бы неудовольствие, достигнув определенного уровня, переставало усиливаться дальше, то оно утратило бы значение сигнала, и субъект не смог бы принять меры против возросшей опасности.

Совершенно иной эффект имеет рост интенсивности удовольствия. Можно сказать, что удовольствие имеет не только нижний, но и верхний порог, но его верхний порог заметно отличается от верхнего порога ощущения. Дело в том, что в случае ощущения верхний порог представляет собой предел, после которого дальнейшее усиление раздражения не дает никакого эффекта, интенсивность ощущения перестает возрастать. В случае же удовольствия дело обстоит несколько иначе. Правда, в процессе роста интенсивности ощущения в конце концов наступает момент, когда интенсивность чувства удовольствия уже не растет — мы испытываем максимальное удовольствие. Но дело этим не заканчивается; дальнейшее усиление ощу-

щения вскоре достигает критической точки, после которой происходит качественный перелом — возникает чувство неудовольствия, которое постепенно усиливается и вскоре полностью перекрывает чувство удовольствия.

Примечательно, что на интенсивность чувства оказывает влияние не только интенсивность ощущения, но и его повторное воздействие: при частом повторении одного и того же впечатления оно уже не вызывает столь же интенсивного чувства, как в начале, постепенно притупляясь. Но соотношение между удовольствием и неудовольствием и в этом случае остается неизменным, а именно: чувствительность к удовольствию снижается быстрее, чем к неудовольствию. Кроме этого, если в результате такого повторения удовольствие может перерасти в неудовольствие, то неудовольствие не только никогда не превращается в удовольствие, но и, более того, окончательно никогда не исчезает. Напротив, в результате повторного воздействия оно может даже ощутимо усилиться в зависимости от того, насколько вреден повторяющийся раздражитель.

Развитию интенсивности чувства присуща еще одна своеобразная особенность, на что особо обратил внимание Штерн. Дело в том, что *чувство имеет порог в двух направлениях.* Что это означает? Штерн приводит такой пример: допустим, мы идем куда-то и нам нужно преодолеть гору. Сначала идет приятная дорога, мы двигаемся совершенно свободно, а поэтому находимся в относительно индифферентном состоянии, не испытывая ни особого удовольствия, ни неудовольствия — во всяком случае пока что чувство неудовольствия полностью отсутствует. Но вскоре дорога постепенно усложняется, причем чем дальше, тем хуже. В результате этого у нас возникает определенное чувство неудовольствия, вначале слабое, но постепенно усиливающееся, так что в конечном счете может дойти до отчаяния: а вдруг не удастся ни преодолеть путь, ни вернуться назад! Тогда мы останавливаемся и начинаем думать, в каком направлении дорога может оказаться лучше или какие меры нужно принять, чтобы облегчить себе путь. После раздумий, что нас несколько успокаивает, мы продолжаем путь. Чувство отчаяния постепенно затеняется, и его место занимает твердо принятое решение. А в результате ослабевает и чувство неудовольствия.

Приведенный пример со всей очевидностью свидетельствует, что в случае беспрепятственных, целесообразных действий чувство не появляется, ведь сигнал не нужен. Но когда действие затрудняется, появляется необходимость сигнала, и тут-то впервые возникает чувство — налицо первый порог чувства, за которым следует активизация сознания. В дальнейшем, при прогрессирующем затруднении действия именно это чувство (отчаяние) превращается в главное содержание сознания. Но после осмысления положения вещей и появления в сознании соответствующих познавательных актов и содержаний возникшее чувство ослабевает и в конце концов совершенно исчезает: достигается второй порог, то есть необходимость сигнала отпадает. Благодаря познавательным актам обнаруживается единственно возможный путь действия, и чувство «уступает дорогу» его отражению в сознании.

Таким образом, чувство в процессе своего развития проходит через два порога: первый порог предшествует возникновению дифференцированных, отчетливых содержаний сознания, порождая неясное, диффузное чувство, которое постепенно усиливается и превращается в господствующее содержание сознания, что вынуждает субъекта прояснить ситуацию и принять меры для решения задачи. После этого чувство ослабевает, достигая второго порога, после которого оно становится незаметным и полностью исчезает.

Для изучения различных вопросов, связанных с интенсивностью чувства, часто использовался *эксперимент,* особенно — так называемый метод *впечатления.* На испы-

туемых воздействуют раздражители различной интенсивности и регистрируются либо данные самонаблюдения о протекании чувства (а), либо объективные данные, в частности, о непроизвольных мимических, пантомимических и других телесных изменениях, возникающих при изменении интенсивности впечатления (б). Этим же методом, помимо изучения вопроса о взаимосвязи ощущений и чувств, с которым мы ознакомились, исследуются и другие, более сложные вопросы.

Но в общем применение данного метода ограничено рамками сравнительно более *элементарных чувств*. Фехнер ввел этот метод для изучения *«элементарных эстетических чувств»*. На испытуемых воздействуют рядом раздражителей, среди которых он должен выбрать наиболее понравившийся. Таким путем Фехнер выяснил, что среди различных параллелограммов человек предпочитает параллелограмм с соотношением сторон, соответствующем так называемому *«золотому сечению»*, то есть если длинную сторону параллелограмма обозначить через «б», а короткую — через «а», то их отношение (а/б) должно равняться б/(а+б).

Этим же методом, между прочим, изучена и эстетическая ценность простых фигур; выяснилось, что детям, во всяком случае, больше нравятся маленькие и большие фигуры, нежели фигуры среднего размера.

2. Экстенсивность

Чувства в сознании распространяются отнюдь не одинаково широко. Некоторые чувства целиком овладевают сознанием, окрашивая все в свой тон; другие ограничены одним совершенно определенным содержанием сознания, касаясь только этого содержания и не оказывая какого-либо влияния на остальные. *Экстенсивностью* чувства называется степень его распространенности в сознании. Оно измеряется объемом того содержания сознания, которое подчиняется его влиянию.

Тот факт, что интенсивность и экстенсивность чувства — разные вещи, явствует и из того, что они не только не совпадают друг с другом, но и зачастую находятся в обратно пропорциональной зависимости. Складывается впечатление, что интенсификация чувства как бы ограничивает ареал его распространения, способствуя его определенной концентрации. Бывает, что какой-то частный случай огорчает нас, вызывает чувство неудовольствия, и настроение портится на весь день; при этом мы даже можем и не помнить о причине обиды, но, тем не менее, все воспринимается в мрачных тонах, с отрицательной стороны.

Как видим, чувство, вызванное под воздействием одного частного случая, не ограничивается рамками своего повода, как бы распространяясь почти на весь ареал сознания. В таком случае говорим о «настроении». *Настроение* представляет собой особенно яркое проявление экстенсивности чувства.

Однако было бы ошибочно полагать, что экстенсивное чувство — пусть даже столь экстенсивное, как настроение, — одинаково легко овладевает сознанием и распространяется на его любое содержание. Нет! Существуют переживания, обладающие столь определенной и сложившейся ценностью, выраженной значимостью, что их эмоциональный тон всегда остается неизменным, невзирая на настроение. Тяжелое, трагическое событие, свидетелем которого оказался человек, никогда не вызовет удовольствия, каким бы хорошим ни было его настроение в этот момент. Напротив, оно может в корне изменить настроение. Чувство, как правило, легко распространяется на содержания сознания, которые не обладают явно выраженной эмоциональной ценностью и поэтому в зависимости от условий могут вызвать как удовольствие, так и неудовольствие.

3. Глубина

Чувство имеет еще одно свойство — так называемую «глубину», на которую особое внимание обратила школа психоанализа (Фрейд и др.). В отличие от экстенсивности, оно касается не широты распространения того или иного чувства в поле сознания, а того, насколько глубокие пласты личности оно затрагивает. Например, неприятное чувство, вызванное зубной болью, может быть весьма острым, но его *глубина,* несомненно, незначительна, ведь оно затрагивает не всю личность, а как бы какую-то ее часть: боль пройдет, и личность останется абсолютно той же, какой была. Но существует и такая боль, которая затрагивает самую сущность личности, ее сердцевину, вызывая в ней основательное потрясение. В данном случае создается впечатление, что чувство выражает изменения, происходящие в глубинах личности.

Отсюда ясно, что ни одна сторона чувства — ни интенсивность, ни экстенсивность — не являются столь значимыми, как его глубина. Поэтому для характеристики человека очень важен учет того, какие сферы действительности вызывают в нем наиболее глубокие чувства.

4. Длительность чувства

Одну из особенностей чувства составляет его продолжительность, или протяженность во времени. Несомненно, что существуют чувства, примечательная особенность которых заключается в большей или меньшей продолжительности. Активность некоторых чувств измеряется моментом, а продолжительность других достаточно велика.

5. Квалитативный характер градуальных различий эмоциональных переживаний

Несмотря на то, что интенсивность, экстенсивность, длительность и глубина выражают градуальную и, следовательно, количественную сторону чувства, они, тем не менее, вместе с тем представляют собой явления качественного характера.

Сильные и слабые, экстенсивные и узкоограниченные, глубокие и поверхностные чувства отличаются друг от друга не только количественной выраженностью силы, распространенности или глубины, но и тем, что они переживаются как качественно различные. Сильная и слабая радость представляют собой не только различные интенсивности одного и того же чувства, но и достаточно различающиеся разновидности этого чувства.

Приглядевшись к различным формам градуального проявления наших чувств, убедимся, что они действительно являются качественно различными переживаниями, хотя и возникают исключительно на почве градуального развития чувства. Среди этих форм особенно известны две: настроение и аффект.

1. *Настроение.* О настроении речь уже шла выше. Мы убедились, что чувство может достичь такой степени экстенсивности, что его влияние распространится на все содержание сознания, полностью окрашивая его в свои цвета. В этом случае мы говорим о настроении.

Как видим, настроение представляет собой форму выявления экстенсивности чувства или, точнее, крайнюю ступень его развития.

Чаще всего настроение возникает на почве распространения чувств удовольствия или неудовольствия; «хорошее» и «плохое» — это те атрибуты, которыми оно

обычно характеризуется. Но нельзя сказать, что это является единственной формой настроения: чувства возбуждения и успокоения также могут распространяться на более или менее широкие области сознания субъекта. Следовательно, бывают и такие случаи, когда человек находится в возбужденном или спокойном настроении, то есть либо настроен на активность, действие, борьбу, либо, наоборот, пассивен, склонен к наслаждению, пребывает в созерцательном настроении. Общеизвестно, что такое действительно случается, постольку можно считать, что настроение возникает на почве экстенсивности как удовольствия—неудовольствия, так и возбуждения—успокоения.

Но, вместе с тем, нельзя сказать, что настроение отличается от какого-либо прочно локализированного чувства, скажем от удовольствия, получаемого от ощущения аромата розы или какого-то иного восприятия, только тем, что одно более экстенсивно, а другое — в меньшей степени; нет, между ним существует и значительное качественное различие. Это ясно видно хотя бы из следующего примера.

Скажем, вы испытываете какое-либо приятное переживание, например, до вас дошли хорошие вести, и это чувство широко распространилось на всю область вашего сознания, так что у вас отличное настроение. Но можно ли утверждать, что удовольствие, полученное от хорошей вести, и хорошее настроение, вызванное этим чувством, представляют качественно одинаковые переживания? Разумеется, нет. Уже тот факт, что в случае настроения чувство удовольствия распространяется на другие психические содержания, дает достаточно оснований для того, чтобы считать его качественно иным переживанием.

Однако не вызывает сомнений, что настроение представляет собой не только форму выявления экстенсивности чувства; часты случаи, когда оно охватывает и такую размерность, как «глубина». Дело в том, что чувства вовсе не в одинаковой степени способны распространиться на другие содержания сознания: чем поверхностнее чувство, тем уже ареал его распространения, то есть оно переживается лишь в связи с определенными содержаниями. Но чем «глубже» чувство, чем более центральные пласты личности оно затрагивает, чем характернее для личности в целом, тем легче оно распространяется на другие переживания этой же личности, тем большую экстенсивность приобретает и, следовательно, тем легче ложится в основу настроения. Исходя из этого, настроение связано и с глубиной чувства.

2. Аффект. Своеобразное эмоциональное переживание, обычно именуемое аффектом, возникает на основе совершенно иной градуальной размерности. Страх, гнев, стыд — обычные примеры аффекта. Аффекту, в первую очередь, свойственна *интенсивность.* И хотя своеобразие аффекта не исчерпывается только этим признаком, от остальных чувств он особенно отличается именно интенсивностью.

Аффект, как правило, начинается внезапно: какое-либо сильное впечатление вызывает интенсивную эмоциональную реакцию, которая в силу своей интенсивности полностью овладевает сознанием, вызывая и очевидные телесные изменения. В начальный момент актуальное содержание сознания как бы вообще исчезает, иногда вплоть до потери сознания, и появляется своего рода пустота. Но вскоре вслед за этой начальной задержкой следует стремительное протекание представлений, но только тех, которые касаются аффекта, тогда как все, не связанное с ним, полностью изгоняется из сознания. Так что до тех пор, пока аффект остается в силе, все содержание сознания полностью подчинено ему, находится в его распоряжении.

В этом отношении между аффектом и настроением как будто бы нет разницы — и то и другое распространяются на все содержания сознания. Однако различие между ними все же существенно. В случае настроения чувство распространяется на новые и

незнакомые содержания сознания. Но во время аффекта положение вещей совершенно иное: в этом случае чувство не только не переходит на новые содержания, но и вообще перекрывает им доступ к сознанию. Аффект исключает из сознания все, что не связано с ним. Следовательно, он овладевает сознанием совершенно иным образом, нежели настроение.

Аффект отличается от настроения и в другом отношении. Если настроение почти всегда представляет собой чисто *формальное* чувство, то есть обычно не связанное с определенным содержанием и весьма диффузное, то аффект характеризуется ярко выраженной определенностью, непременно подразумевая какое-либо одно объективное обстоятельство; он неразрывно связан с представлением причины, вызвавшей его. Именно поэтому во время аффекта возможность появления в сознании других содержаний исключена. Это различие между аффектом и настроением настолько специфично, что некоторые психологи даже называют настроение *безобъектным аффектом*.

Аффект представляет собой не только форму проявления интенсивности чувства, он, в то же время, характеризуется и параметром *продолжительности* чувства. Аффект — *кратковременное* чувство, он возникает внезапно и относительно быстро исчезает, носит характер «взрыва», тогда как настроение является значительно более продолжительным эмоциональным состоянием. Это обстоятельство, между прочим, выявляется так же в том, что аффект и после затухания некоторое время продолжает существовать в виде соответствующего настроения.

Согласно старой, традиционной классификации аффекты могут быть подразделены на две группы: а) *стенические* аффекты (силы) и б) *астенические* аффекты (слабости).

Когда внезапно возникшее интенсивное чувство, минуя разум, прямо вызывает бурные движения, необдуманные действия и, вместе с тем, стремительное протекание представлений, мы имеем дело со стеническим аффектом. Что касается астенического аффекта, то здесь, наоборот, имеем совершенно противоположную картину: происходит внезапное торможение действий и представлений, а иногда и умопомрачение. Это различие между стеническими и астеническими аффектами проявляется и в сопутствующих физиологических процессах: в случае переживания стенического аффекта расширяются кровеносные сосуды, учащается дыхание, усиливается сердцебиение, увеличивается мышечная энергия и т.д., тогда как при астеническом аффекте имеем противоположную картину.

Эмоциональное переживание и тело

1. Чувство и выразительные движения

Характерной особенностью эмоциональных переживаний является их тесная связь с телом; можно сказать, что ни один психический процесс не связан с ним столь тесно, как чувства. Эта связь настолько интимна, что любое более или менее сильное эмоциональное переживание тотчас же вызывает заметные телесные изменения, причем настолько очевидные и специфические, что по ним очень легко угадать соответствующее эмоциональное состояние. В качестве примера можно привести хотя бы эмоцию страха, связанную со столь своеобразными телесными изменениями, что узнать испуганного человека не составляет никакого труда.

Но нельзя сказать, что всем эмоциональным переживаниям сопутствуют одинаково интенсивные телесные изменения. Чувство и эмоция и в этом отношении зримо отличаются друг от друга. В случае чувства телесные изменения менее очевидны, тогда как эмоции всегда сопутствуют явные телесные изменения.

Каковы эти изменения? Некоторые из них настолько явственны, что легко видны и невооруженным глазом, а для выявления других нужна специальная более или менее чувствительная аппаратура.

Эти изменения касаются: сердцебиения, дыхания, распределения крови в теле, вследствие чего объем различных частей тела увеличивается или уменьшается, мышечной энергии, выражения лица (мимики), позы всего тела и жестов (пантомимики). Все эти телесные изменения в психологии совершенно справедливо называются *выразительными движениями.* Они являются объективным выражением наших эмоциональных переживаний. Психология, основывающаяся на самонаблюдении, усматривает в них *телесные симптомы* эмоциональных переживаний.

Каково взаимосоотношение между эмоциональными переживаниями и выразительными движениями? Имеет ли каждое качественно различное элементарное чувство свое специфическое телесное выражение? Этот вопрос относится к числу тех, которые исследованы классической психологией особенно внимательно. Но в результате оказалось, что установить наличие однозначной связи между элементарными чувствами и выразительными движениями совершенно невозможно. Правда, под влиянием того или иного простого чувства изменяются пульс, частота дыхания, вроде бы наблюдаются некоторые изменения в объеме различных частей тела человека, однако определить, какие именно изменения связаны с определенным чувством, оказалось невозможным. Думается, что это было обусловлено не столько техническими трудностями, а принципиальной неправомерностью точки зрения, согласно которой существуют отдельные элементарные чувства, которым должны соответствовать особые телесные симптомы.

Поэтому полагают, что данная задача может быть сочтена решенной лишь приблизительно:

1. Удовольствие (связанное с ощущениями цвета или звука) замедляет сердцебиение, а неудовольствие, связанное с ощущением вкуса, учащает его.
2. Удовольствие увеличивает пульс, а неудовольствие уменьшает.
3. Во время удовольствия дыхание — спокойное и глубокое, а неудовольствия — частое и неглубокое. Но это очень индивидуально.
4. Объем руки во время приятного чувства увеличивается, а неприятного — уменьшается; с головным мозгом происходит обратное.
5. Удовольствие увеличивает мышечную силу, неудовольствие же, наоборот, уменьшает ее.

2. Эмоция и выразительные движения

Если в случае чувства выразительные движения менее выражены, то в случае *эмоции* они проявляются весьма четко. Особенно наглядные изменения происходят в *мимике* и *пантомимике,* причем не только такие, которые можно уловить лишь с помощью специальной аппаратуры. Тем не менее, изучение эмоций в экспериментальных условиях затруднено, поскольку очень трудно намеренно вызвать и изменить их по усмотрению. Поэтому в связи с выразительными движениями, связанными с эмоциями, преобладает материал наблюдений, а не экспериментальные данные. И из этого материала ясно видно, что выразительные движения безусловно имеют существенное значение для эмоций.

Еще Дарвин указывал на решающее значение учета особенностей выразительных движений при изучении эмоций. По его мнению, эти движения представляют собой рудименты прежних целесообразных движений. Например, сжатые кулаки, скрежет зубами и пр. разгневанного человека представляют собой остаточный след поведения тех времен, когда человек действительно боролся кулаками и зубами. Следовательно, по мнению Дарвина, эмоция неразрывно связана с инстинктом. Как отмечалось выше, эта мысль в своеобразной форме развита Мак-Дугаллом.

Однако мнение о важности выразительных движений для эмоций разделяют не только Дарвин и Мак-Дугалл. Еще большую роль отводит им Джеймс, известная теория о природе эмоций которого полностью основана на идее существенности роли выразительных движений.

3. Теория Джеймса и Ланге

Джеймс был наделен необычайным даром самонаблюдения и удивительно точного описания его данных. Наблюдая за эмоциональными переживаниями, он обратил внимание на одно важное обстоятельство, основываясь на котором он сделал выводы, характерные для психологической мысли того времени, но совершенно непонятные и удивительные с точки зрения обычных, устоявшихся веками психологических представлений.

Джеймс обратил внимание на то, что, пытаясь описать какую-либо эмоцию, например эмоцию страха, не принимая во внимание и изымая из описания телесные процессы — сердцебиение, бледность, специфические изменения мышечной системы и пр., обычно сопутствующие переживанию страха, оказывается, что, собственно говоря, описывать нечего. Страх представлен в сознании в виде процессов, происходящих в организме испуганного человека: в сознании не подтверждается наличие чего-либо такого, что позволило бы отличить страх, как специфическое эмоциональное переживание, от этих процессов. То, что мы называет страхом, возникает примерно следующим образом: субъект воспринимает нечто опасное, скажем, встречается лицом к лицу со страшным зверем. Это восприятие тотчас же, *рефлекторным* путем, вызывает в организме изменения, которые принято считать проявлением страха — мышечное напряжение, сердцебиение, стоящие дыбом волосы... Эти телесные изменения, превращаясь во внутреннее раздражение, вызывают внутренние ощущения. Но они переживаются не в виде отдельных ощущений, а вместе, в *комплексе;* именно это переживание и называется *страхом.* Стало быть, страх — это комплекс внутренних ощущений, возникающих на почве исходящего из телесных изменений раздражения. Не будь этого раздражения, не появились бы соответствующие внутренние ощущения и, следовательно, не возник их комплекс, то есть страх. Таким образом, страх появился потому, что у субъекта участилось сердцебиение, волосы встали дыбом, он приготовился убежать.

Согласно Джеймсу, сказанное о страхе можно распространить на все остальные эмоции; исходя из этого, понятно, что имел в виду Джеймс, столь парадоксально формулируя свою теорию: «Мы огорчены потому, что плачем, разгневаны потому, что наносим удар, испуганы потому, что дрожим, а не наоборот — мы плачем, наносим удар и дрожим потому, что огорчены, разгневаны или испуганы».

Следовательно, по мнению Джеймса, эмоция представляет собой отражение телесных процессов в сознании; эмоция — всего лишь комплекс внутренних ощущений и не более.

Принципиально так же рассуждает и Ланге. Он тоже убежден в том, что основу эмоций составляют чисто периферические соматические процессы, что эмоции, в сущности, следует считать психическим отражением этих процессов. Однако, по его мнению, в этом случае решающую роль выполняет расстройство иннервации кровеносных сосудов. Из-за аномального расширения или сужения кровеносных сосудов объем кровотока в тех или иных органах нашего тела ненормально увеличивается или уменьшается, и это следует считать первичной причиной так называемых эмоциональных переживаний. Возьмем, например, грусть: «Устраните усталость и вялость мускулов, пусть кровь прильет к коже и мозгу, и вы увидите, что появится легкость в членах, а от грусти ничего не останется», — говорил Ланге.

Таким образом, согласно взглядам как Джеймса, так и Ланге, эмоция строится на основе чисто периферических телесных процессов, она по сути представляет собой определенный комплекс ощущений, поэтому нет никакой необходимости наряду с познавательными психическими процессами допускать существование принципиально отличных от них эмоциональных процессов.

В пользу теории Джеймса приводятся следующие соображения:

1. При отсутствии чувствительности внутренних органов — так называемой *висцеральной анестезии* человек становится эмоционально совершенно индифферентным. Помимо этого, обычный опыт также свидетельствует о влиянии задержки телесных проявлений эмоциональных переживаний на саму эмоцию — обычно в сторону ее ослабления.

2. Воздействие алкоголя или опиума улучшает настроение, а брома — ухудшает. Следовательно, в данном случае эмоциональное переживание возникает исключительно на основе телесных процессов.

3. Болезням вазомоторной системы обычно сопутствуют эмоциональные переживания без какой-либо иной причины: неврастеник переживает совершенно обычный страх, не имея на то абсолютно никаких оснований.

Но все эти аргументы опровергают данные, полученные в ходе экспериментальных исследований последних лет — прежде всего известными физиологами Шеррингтоном и Кенноном.

Шеррингтон перерезал собаке спинной мозг в шейной области и нерв ва¬гус, почти полностью исключив возможность возникновения каких-либо внутренних ощущений. Следовательно, коль скоро теория правомерна, у такого животного не должны возникать какие-либо эмоциональные состояния. Но, как оказалось, животное на соответствующие условия отвечало привычными эмоциональными реакциями: на угрожающую ситуацию — страхом, а на приятную — удовольствием.

На основании этого Шеррингтон пришел к выводу, что эмоциональное переживание возникает без органических ощущений, постольку сущность эмоций никоим образом не может быть сведена к висцеральным процессам.

Аналогичный вывод был сделан и Кенноном. Оперативным путем он полностью вырезал у кошки часть нервной системы, ответственной за висцеральные реакции, сопутствующие эмоции страха или гнева, исключив тем самым возможность возникновения органических ощущений. Затем он поместил подопытное животное в ситуацию страха (показал собаку). Выяснилось, что в этих условиях кошка реагирует точно так же, как до операции — выявляет выраженную реакцию страха, то есть теория Джеймса—Ланге еще раз была опровергнута.

4. Физиологические основы эмоций

Эксперименты того же Кеннона показали, что эмоциональные переживания безусловно связаны с определенными соматическими изменениями, как это особенно отмечал Джеймс. Но природа этих изменений оказалась, прежде всего, гуморальной; выяснилось, что они связаны с активностью желез внутренней секреции, в частности *надпочечной железы.* Кеннон вызывал у экспериментального животного, кошки, интенсивное эмоциональное состояние — гнев, со всеми характерными для этого состояния специфическими телесными проявлениями. Во всех этих случаях исследование подтверждало увеличение выделения сахара, что указывало на гиперсекрецию гормона надпочечной железы — *адреналина.* Примечательно, что то же самое явление имело место и тогда, когда вместо гнева вызывалась эмоция страха — кошку помещали вблизи от собаки.

Таким образом, в случае интенсивных эмоций гнева и страха в организме происходит усиленная секреция адреналина.

Какое взаимоотношение существует между этим гуморальным феноменом и теми висцеральными и вазомоторными процессами, которые, согласно периферической теории Джеймса—Ланге, составляют сущность эмоций? Опыты Маранона дают исчерпывающий ответ на этот вопрос. В результате введения человеку инъекции адреналина Маранон получил все те висцеральные явления, которые обычно сопутствуют эмоциональным переживаниям страха и гнева. Испытуемый всем своим обликом походил на испуганного или разгневанного человека — учащенное сердцебиение, стоящие дыбом волосы, бледность, дрожь...

Следовательно, можно сказать, что висцеральные и вазомоторные процессы, сопутствующие эмоциональным переживаниям, имеют гуморальную основу. Как бы получается, что сущность указанных эмоциональных реакций действительно состоит в секреции гормона надпочечной железы, адреналина, что подтверждает, пусть даже косвенно, основную мысль теории Джеймса.

Однако из тех же опытов Маранона очевидно, что это не так: секреция адреналина и возникшие на этой почве висцеральные процессы ни в коем случае не могут считаться сущностью эмоций. Дело в том, что, во-первых, испытуемые Маранона, у которых в результате инъекции адреналина были вызваны все телесные проявления эмоции, не чувствовали никакой эмоции; и во-вторых, эти висцеральные процессы оказались идентичными как во время страха, так и гнева, то есть в случае совершенно различных эмоциональных переживаний.

Очевидно, что основу эмоций следует искать в ином. Можно считать доказанным, что эмоция не представляет собой явление периферического происхождения. Но это отнюдь не означает, что периферические процессы — висцеральные и вазомоторные реакции не имеют никакого значения для эмоций, что это — просто случайные явления, сопутствующие нашему переживанию, но не оказывающие на него какого-либо воздействия. Сегодня считается бесспорным, что они участвуют в процессе становления эмоции, усиливают ее и придают определенность; по словам Рубинштейна, висцеральные и вазомоторные реакции являются *«добавочными факторами»* эмоциональных процессов. По наблюдению Лемона, эмоция вне телесных симптомов имеет характер не настоящего, а представленного переживания. По Шеррингтону, специфическое обморочное ощущение, возникающее у человека во время страха, входит в состав самого эмоционального переживания в качестве его необходимого компонента.

Таким образом, участие вегетативной нервной системы и эндокринного аппарата в генезисе эмоциональных переживаний сомнений не вызывает. Но бесспорно и то, что только этого недостаточно. Возникновение эмоционального переживания человека без участия центральной нервной системы совершенно непредставимо. Эта мысль находит все большее распространение в современной физиологии, и сегодня можно считать доказанным, что эмоциональное переживание человека действительно представляет собой факт центрального происхождения, основано на процессах, протекающих в головном мозге. Спорным скорее является то, какой именно участок мозга должен быть признан центром эмоциональных переживаний.

По мнению большинства исследователей, особенную роль в этом случае должен играть *зрительный бугор.* С этой стороны очень иллюстративен случай, описанный Хедом: один его больной совершенно не выносил музыку, если она звучала с правой стороны, и был к ней полностью равнодушен, если она звучала слева. У пациента обнаружилось одностороннее нарушение зрительного бугра; по всей вероятности, именно по этой причине одна и та же мелодия вызывала различные эмоциональные переживания.

Однако выяснилось, что наряду со зрительным бугром в регуляции эмоциональных переживаний участвует и кора головного мозга: эмоция представляет собой продукт взаимодействия коры и зрительного бугра. Именно поэтому нарушение связи между корой и зрительным бугром оказывает особенно заметное влияние именно на эмоциональные переживания.

Темперамент

1. Понятие темперамента

Наши эмоциональные переживания могут отличаться друг от друга всего лишь по четырем основным направлениям: удовольствие и неудовольствие, возбуждение и успокоение. Но это не означает, что все эти направления в каждом отдельном индивиде должны быть представлены одинаковым образом. Нет! В этом отношении между людьми отмечаются весьма значительные различия. Существуют люди, настроенные более *оптимистически,* или *эвколически,* либо, наоборот, более *пессимистически,* или *дисколически.* У первых приятные чувства возникают легче, чем неприятные, а у вторых, наоборот, неприятные чувства появляются легче, чем приятные. Следовательно, в первом случае можно говорить о *диспозиции* удовольствия, а во втором — о диспозиции неудовольствия.

Такие же диспозиционные различия подтверждаются и в направления возбуждения—успокоения. Некоторые индивиды проявляют особую предрасположенность к *возбужденным* эмоциональным переживаниям, другие же склонны к более *спокойным* эмоциям.

В современной психологии упомянутые эмоциональные диспозиции чаще всего именуются *темпераментом,* хотя иногда под темпераментом подразумевается значительно более широкое понятие — в нем усматривают диспозицию всех психологических особенностей индивида.

Диспозиции имеются и в других случаях. Например, интеллект считается диспозицией мышления, а характер — диспозицией произвольного поведения. Однако темперамент резко отличается от этих диспозиций, так как он гораздо теснее свя-

зан с *телесными* процессами, нежели интеллект или характер. А это позволяет предположить, что в случае темперамента мы действительно имеем дело в первую очередь с эмоциональной диспозицией, поскольку, как известно, ничто не связано с телесными процессами столь тесно, как эмоциональные переживания. Наверное, именно этим объясняется то, что при характеристике темперамента эмоциональным переживаниям отводится значительное место даже тогда, когда в нем усматривают основу всей личности, а не только ее эмоциональной сферы.

2. типология темперамента

Понятие темперамента ввел в науку основоположник медицины Гиппократ (более 2000 лет тому назад), причем предложенная им классификация сохранена без изменения до сегодняшнего дня. Согласно данной классификации, различают четыре типа темперамента: *сангвинический, флегматический, холерический* и *меланхолический.*

Человек с *сангвиническим* темпераментом склонен скорее к положительным эмоциям; он беспечен, ожидает от жизни больше хорошего, чем плохого, добросердечен, весел; легко воспламеняется, но также легко успокаивается.

Противоположную этому картину дает *флегматический* темперамент; флегматик равнодушен, почти апатичен, ему чужды аффекты; однако это не означает, что он вообще бесчувственен. Нет! Ему свойственно редкое и медленное возникновение эмоций — ему неведомы эмоциональные взрывы. Но, воспламенившись, он не успокаивается долго.

У человека с *холерическим* темпераментом эмоции возникают легко, чем он напоминает сангвиника; однако в отличие от последнего его эмоции более интенсивны и продолжительны. Он любит командовать, не любит подчиняться, горд и жаден, легко теряет равновесие, впадая в ярость, пребывая большей частью рассерженным.

Человек с *меланхолическим* темпераментом во всем, что его касается, усматривает плохое; он преимущественно находится в плохом настроении, будто жизнь ему опостылела.

Приглядевшись к данным типам темперамента, нетрудно заметить, что сангвинический и флегматический типы представляют собой скорее диспозиции положительных эмоций, а холерический и меланхолический — отрицательных. Зато в аспекте возбуждения—успокоения объединяются сангвинический и холерический типы, как более возбудимые, и флегматический с меланхолическим, как более спокойные.

Таким образом, классификация типов темперамента производится в зависимости от того, как представлены в каждом из них диспозиции удовольствия—неудовольствия и возбуждения—успокоения.

Среди психиатров особенно распространена типология Кречмера. По мнению Кречмера, темперамент является главным компонентом конституции человека, предопределяющим психические особенности личности; темперамент вместе с телосложением, то есть физическими особенностями, составляет *констититуцию.* Пикническое телосложение связано с *циклотимическим* темпераментом, а астеническое, атлетическое или их сочетание — с *шизотимическим* темпераментом. Кречмер, стало быть, различает всего лишь два типа темперамента — *циклотимический* и *шизотимический.* Однако каждый из них включает в себя несколько подвидов: циклотимический — *гипоманиакальный* (веселый, подвижный человек), *синтонический*

(практичный реалист) и *медленный* (мягкий, расслабленный, грустный человек). Всем им свойственна особенность *синтоничности* (по терминологии Блейлера), или *экстравертированности* (по терминологии Юнга). Основной особенностью людей с шизотимическим темпераментом является интровертированность, включающая в себя три подвида — от чрезвычайно чувствительного до крайне бесчувственного, холодного эгоиста, в частности: *гиперстенический* (нежный, чувствительный, нервный человек), *аутистический* (энергичный, систематический, спокойный, отрешенный, аристократический) и *анестетический* (холодный, со слабыми аффектами, бесчувственный эгоист).

Согласно Кречмеру, в основе соответствия между темпераментом и телосложением, или физической конституцией, лежит эндокринный фактор; нервной системе он отводит меньшее значение.

Зато для Павлова темперамент представлял собой именно тип нервной системы. Он полагал, что типология темперамента совпадает с типологией нервной системы. Как отмечал Павлов, темперамент является наиболее общей характеристикой любого человека, наиболее существенной характеристикой его нервной системы.

Согласно исследованиям Павлова, типы нервной системы различаются в зависимости от протекания основных нервных процессов — *возбуждения* и *торможения.* Выяснилось, что эти процессы отличаются друг от друга большей или меньшей *силой, уравновешенностью* и *подвижностью.*

Существуют животные (как известно, Павлов проводил свои опыты на собаках), нервная система которых легко переносит воздействие необычайно сильных раздражителей. Например, у них вырабатывается условный рефлекс даже на звуки такой *силы,* которые у слабо возбудимых животных вызывают остановку всего условнорефлекторного действия, вызывая иногда хроническое заболевание нервной системы. В этом случае мы имеем дело с *сильно возбудимой* нервной системой.

То же самое происходит и в случае процессов торможения. Нервная система некоторых животных длительно выдерживает процесс так называемого *«внутреннего торможения»* (до 5—10 минут), тогда как у других попытки создания столь продолжительного процесса торможения сопровождаются серьезным заболеванием нервной системы. В первом случае мы имеем дело с типом нервной системы с *сильным торможением,* а во втором — со *слабым.*

В некоторых случаях сильной нервной системы оба этих процесса уравновешены, то есть сильным является как процесс возбуждения, так и процесс торможения; в других же случаях равновесие нарушено — обычно в сторону процесса возбуждения, то есть процесс возбуждения является сильным, а процесс торможения — слабым.

В случае сильной нервной системы мы встречаемся с еще с одним признаком — *подвижностью* нервных процессов. Если у животного выработан условный рефлекс на тон определенной высоты, то на другой тон он реагировать не будет. Но если принять надлежащие меры, у него вскоре выработается рефлекс на этот тон. В данном случае нервная система легко переходит от процесса торможения к процессу возбуждения и наоборот. Соответственно, сильная нервная система может быть двоякой — *подвижной* и менее подвижной, то есть *инертной.*

Что касается слабой нервной системы, то есть нервной системы со слабыми процессами возбуждения и торможения, то оказалось, что здесь невозможно говорить ни о большем или меньшем равновесии, ни о большей или меньшей подвижности.

В соответствии с этим Павлов различает следующие четыре типа:

1. Сильный, уравновешенный, подвижный, живой тип.

2. Сильный, неуравновешенный, с преобладанием процесса возбуждения, безудержный, возбудимый тип.

3. Сильный, уравновешенный, инертный — спокойный, медлительный тип.

4. Слабый тип.

Павлов отожествляет выделенные им типы с типами древней классификации Гиппократа:

1) в основе *сангвинического* темперамента лежит сильная, уравновешенная, подвижная нервная система;

2) *холерический* темперамент — сильный, неуравновешенный тип;

3) *флегматический* темперамент — сильная, уравновешенная, инертная нервная система;

4) *меланхолический* темперамент — слабая нервная система.

Несмотря на то, что Павлов решающее значение отводил врожденному типу нервной системы, он все же отмечал, что для поведения живого существа наряду с врожденным типом нервной системы большое значение имеет и все его прошлое.

Таким образом, старая типология темперамента как будто остается в силе и сегодня. Вместе с тем можно считать доказанным, что физиологическую основу темперамента следует усматривать не только в эндокринных, но и особенно в нервных процессах.

Глава пятая
Психология поведения

Импульсивное поведение

1. Живое существо и витальная потребность

Ничто так не специфично для живого существа, как наличие у него *потребностей* и необходимость самому *заботиться* об их удовлетворении. Это значит, что для него характерна активность, то есть он должен установить определенные взаимоотношения с внешней действительностью, без чего, разумеется, ни одна потребность не может быть удовлетворена. Несомненно, что данная активность составляет по существу все содержание жизни; говорить о жизни вне активности было бы неуместно. Отсюда ясно, что понятие потребности занимает исключительное место в любой науке, ставящей себе целью понимание живого существа, тем более в психологии.

Потребность — источник активности. Там, где нет потребности, не может быть и речи об активности.

В этом смысле понятие потребности является очень широким. Оно касается всего, в чем нуждается живой организм, но чем он в данный момент не обладает.

Однако то, в чем живой организм может испытывать нужду, зависит от уровня развития самого организма. Потребности развиваются, и очевидно, что человек на нынешней ступени развития обладает множеством таких потребностей, подобных которым нет не только у животного, но и у человека, стоящего на примитивной ступени культурного развития.

Тем не менее, есть и такие потребности, без которых не может существовать ни один живой организм, на какой бы ступени развития он ни находился. Подразумеваются потребности, связанные с жизнедеятельностью организма, — питание и размножение, то есть основные витальные, или чисто биологические потребности. Потребности в питании, росте, размножении имеются у любого живого организма — как самого простого, так и самого сложного. Конечно, это не означает, что в процессе развития эти потребности остаются неизменными, что у амебы и у человека потребность в питании является одинаковой. Нет, в данном случае мы хотим подчеркнуть лишь то, что всякий живой организм, на какой бы высокой ступени развития он ни находился, имеет витальные потребности, поскольку без них жизнь невозможна вообще. Однако вряд ли, конечно, сегодня кто-либо может отрицать, что и эти потребности развиваются, усложняются, становясь все более разнообразными.

2. Витальная потребность и поведение

Что же характерно для витальной потребности? Во-первых, совершенно не обязательно, чтобы она была дана и психически. Достаточно, если она существует объективно, то есть организм действительно в чем-то нуждается. Невзирая на то, что субъект может даже не знать о наличии витальной потребности, он все-таки безошибочно прибегает к средствам, необходимым для ее удовлетворения. Это происходит приблизительно так, как в случае потребности дыхания. Организм вовсе не чувствует особо, что он в чем-то нуждается, что это нечто — воздух, добыть который можно только через дыхание. Тем не менее, он нормально дышит, и для этого ему не нужен ни собственный предварительный опыт, ни чья-либо помощь.

Так по существу обстоит дело во всех случаях основных витальных потребностей. Если новорожденному ребенку, организм которого нуждается в питании, то есть при наличии у него потребности в пище, положить в рот сосок груди, он тотчас начнет сосать, хотя его этому никто не учил. Точно также не нуждается в обучении ни теленок, сразу находящий нужную траву, ни цыпленок, который клюет зерно, а не, скажем, песчинки, хотя у них еще нет никакого опыта.

Одним словом, животное изначально, вне научения, находит соответствующий корм, должным образом обращаясь с ним. Витальная потребность сама направляет организм к нужному предмету — он научается находить предмет удовлетворения потребности отнюдь не постепенно, и при наличии определенной потребности из бесчисленного множества предметов, находящихся в окружающей среде, на него воздействует именно тот из них, который может удовлетворять эту его потребность. В результате у живого существа возникает установка соответствующего поведения, а при отсутствии преград реализуется и само это поведение. В таком случае обычно говорят, что у живого существа, будь то цыпленок или человек, имеются врожденные способности удовлетворения некоторых потребностей; любое живое существо не только обращается именно к тому, что может удовлетворить его потребности (цыпленок — к зерну, а не к песку), но и прибегает к поведению, посредством которого можно достигнуть цели (начинает сосать, клевать и т.д.). Такое врожденное целесообразное поведение обычно называют *инстинктом,* подразумевая, что оно связано с основными элементарными потребностями.

3. Обслуживание как отдельная форма поведения

Однако такая картина наблюдается только в том случае, когда удовлетворение потребности не встречает никаких препятствий, когда среда непосредственно предоставляет то, что нужно для удовлетворения имеющейся потребности. Например, когда в изобилии имеется воздух, то для нормального дыхания организму нужно просто дышать им; или же перед цыпленком на песке разбросаны зерна, и он начинает их клевать. В таком случае процесс удовлетворения потребности протекает сам собою, не требуя вмешательства сознания, и все поведение действительно протекает инстинктивно. Но таков лишь первичный вид поведения, то есть примитивная активность, направленная на *сам процесс удовлетворения* потребности, а не на *добывание средств,* необходимых для этого. Данная форма активности известна под названием *«потребления»,* и мы видим, что она осуществляется вне участия сознания, а именно — в виде *инстинктивных актов.*

Однако допустим, что на пути удовлетворения потребности возникло препятствие, например затруднилось дыхание. Что же произойдет в этом случае? Несом-

ненно, что у субъекта возникнет специфическое чувство, чувство беспокойства, что ему чего-то не хватает, а также, наряду с этим, состояние некоторой напряженности, ежеминутно готовое перейти в состояние активности. В этом случае мы уже будем иметь дело с фактом выявления потребности в сознании, с потребностью как с психическим феноменом. Как видим, она пока ограничивается лишь рамками состояния субъекта и не содержит в себе ничего объективного. Но немного больше задержки в удовлетворении потребности, и эта последняя отразится и в предметном сознании, в частности, к вызванному нехваткой чувству беспокойства и напряжения добавляется и специфическое переживание объекта, являющегося средством удовлетворения потребности. Например, в случае невозможности непосредственного удовлетворения голода субъект переживает его, прежде всего, как собственное мучительное состояние, но, вместе с тем, своеобразным становится и переживание объективной действительности: голодный замечает в окружающей среде в первую очередь то, что может удовлетворить его потребность. Следовательно, потребность предопределяет и восприятие субъекта.

Но примечательно, что данное восприятие совершенно специфично; в частности, субъект не просто видит то, что может удовлетворить его потребность, не просто замечает его наличие, а вместе с тем испытывает и чувство его *притягательности* — предмет восприятия как бы воздействует на него, призывая к определенным действиям. На подобное психологическое воздействие потребности впервые обратил особое внимание Курт Левин, введя для его характеристики специальное понятие (Aufforderungscharakter), пользующееся сегодня в нашей науке всеобщим вниманием. Левин в данном случае подразумевал тот факт, что голодного, например, притягивает пища, а жаждущего — вода, но если потребности удовлетворены, то и одно и другое может остаться вовсе незамеченным или, во всяком случае, совершенно безразличным для субъекта. Теперь уже эти предметы лишены их прежней притягательной силы и, следовательно, они не могут побудить субъекта к действию.

Таким образом, в случае, когда удовлетворение потребности затруднено, то есть при отсутствии возможности непосредственного удовлетворения потребности, она проявляется в сознании субъекта в виде специфического содержания. Она переживается субъектом как чувство неудовлетворенности, содержащее в себе моменты возбуждения и определенного напряжения, проявляясь объективно в виде неких предметных содержаний, побуждающих к действию.

Разумеется, затруднения в удовлетворении потребности часто происходят и в повседневной жизни животных. Например, с дерева слетела птичка, начала что-то клевать на земле; увидев насекомое, она устремилась к нему. Содержание почти всей ее жизни составляет такой поиск и нахождение пищи. Сказанное относится ко всем животным. Свинья, например, постоянно ищет пищу, неустанно роет землю, переходя с одного места на другое, и т.д. Одним словом, там, где средство удовлетворения потребности не дано непосредственно, животное вынуждено его в поисках перемещаться с места на место и вести себя соответственно тому, что оно найдет для себя полезным.

Подобное поведение животного по существу мало чем отличается от поведения потребления. Если для последнего характерна такая непосредственная данность средств удовлетворения потребности, что живому существу нужно только, так сказать, взять корм и положить в рот, то здесь положение осложнено в том отношении, что для овладения средствами удовлетворения потребности требуется осуществить дополнительные простые акты, в частности, зачастую просто переместиться с места на место. Например, для удовлетворения жажды животное вынуждено пойти к род-

нику или же, когда кончится корм на одном месте, перейти на другое место. Вдумываясь в эти случаи, мы убеждаемся, что и здесь мы по существу имеем дело с актами потребления, только относительно *усложненными*. И действительно, акт потребления как таковой состоит, например, в принятии пищи. Однако разве поднесение пищи ко рту и жевание представляют собой иные акты поведения? Разумеется, оба эти акта, взятые отдельно, то есть, например, поднесение пищи ко рту не с целью еды, а с какой-то иной, не являются актами потребления. Но когда они непосредственно увязаны, составляя часть акта потребления, то тогда, разумеется, должны считаться поведением потребления.

Однако обычно положение бывает еще более усложненным. Зачастую животное видит пищу, но заполучить ее непосредственно не удается; тогда животное вынуждено искать обходной путь, разрешая при этом довольно сложные задачи. Об этом свидетельствуют, например, опыты И. Бериташвили над различными представителями позвоночных, а особенно опыты Кёлера над человекообразными обезьянами — антропоидами.

Рассмотрим несколько примеров. Собака видит, что кусок мяса выбросили из окна на улицу. Ей не удается выпрыгнуть из окна, поэтому она бежит в другую комнату, выбегает отсюда через заднюю дверь во двор, а со двора — на улицу, где валяется вожделенный кусок мяса. Как видим, для того, чтобы овладеть мясом и приступить к акту потребления, то есть съесть его, собака вынуждена выполнить довольно сложные акты. Однако встречаются и гораздо более сложные случаи, особенно в экспериментальных условиях.

Антропоид заперт в клетке; снаружи лежит пища, обожаемая обезьяной, но достать ее рукой невозможно. Тогда она хватает палку, которую специально кладут в клетку, и с ее помощью затаскивает пищу в клетку. Или же такой пример: высоко к потолку подвешен банан; обезьяна старается достать его, но это ей не удается, так как он висит очень высоко. Тогда она приносит лежащий в комнате ящик, устанавливает его под бананом, вскакивает на ящик, подпрыгивает, но тщетно. Теперь она подтаскивает второй и третий ящики, ставит их на первый, достигая таким образом своей цели.

Для характеристики подобного поведения антропоида следует, прежде всего, отметить, что все действия животного движимы одной основной целью: животное стремится удовлетворить свою потребность, ни на одну минуту не забывая о ней. Данная потребность для него актуальна не только тогда, когда начинается процесс ее непосредственного удовлетворения — процесс потребления, но и тогда, когда животное, например, тащит один ящик, а затем второй и третий. Несмотря на то, что здесь обезьяна прибегает к целому ряду актов, не связанных с потреблением непосредственно, как в случае вышеупомянутых усложненных актов потребления, все же несомненно, что все эти акты находятся под влиянием основной потребности.

Таким образом, акт потребления предваряется довольно сложным процессом поведения, имеющим единый *источник* — определенную *потребность* и *полностью служащим ее удовлетворению*. Об этом со всей очевидностью свидетельствует уже его взаимосвязь с актом удовлетворения этой потребности — с процессом потребления — оно незаметно переходит в этот процесс, составляя с ним вместе единое, нераздельное целое.

Тем не менее, очевидно и то, что в данном случае речь идет о новой форме активности, иной разновидности поведения. Если специфичным для данной формы поведения считать ее тесную связь с актом потребления, то есть то, что она непо-

средственно служит цели подготовки этого акта, то тогда, наверное, наиболее целесообразно назвать ее *обслуживанием.*

4. Импульсивное поведение и обслуживание

Как протекает активность субъекта в случае обслуживания? Чем она определяется? Для решения данного вопроса удобнее всего присмотреться опять-таки к поведению человека, поскольку в инвентаре его поведения обслуживание занимает одно из первых мест. Можно сказать, что обслуживание является привычной формой нашей повседневной активности. И в самом деле, ведь нам далеко не всегда удается беспрепятственно удовлетворять возникшие у нас те или иные конкретные потребности! Наоборот, гораздо чаще мы сталкиваемся с каким-либо преградами, поэтому прежде, чем приступить непосредственно к акту потребления, мы оказываемся вынуждены выполнить целый ряд других операций, производимых лишь для того, чтобы преодолеть препятствия, получив тем самым возможность удовлетворения своей потребности.

Поскольку все эти операции направлены на цель непосредственного удовлетворения определенной конкретной потребности, мы можем считать их отдельным случаем обслуживания. Этот момент — обслуживание какой-либо конкретной потребности, как уже отмечалось выше, представляет собой тот основной признак, которым данная форма поведения отличается от других его разновидностей. Допустим, у человека возникла какая-то потребность, например, он голоден, но пищи под рукой нет, поэтому придется отправиться в дальний путь. В каком случае человек пойдет на это? Безусловно, только тогда, когда потребность настолько сильна, что оправдывает усилия, связанные с прохождением дальнего пути. Иначе субъект не выполнит акта обслуживания, то есть не пустится в дальний путь и предпочтет остаться без пищи. Одним словом, выполнение акта обслуживания вне импульса *основной потребности* совершенно невозможно. Там, где в его основе лежит иной импульс, говорить об акте обслуживания уже нельзя.

Иногда бывает и так, что некоторые моменты акта обслуживания оказываются *очень трудно* выполнимыми, но, тем не менее, они все же выполняются, оставаясь при этом опять-таки актами обслуживания.

Посмотрим, как протекает обычно акт обслуживания. Внешне перед нами всегда разворачивается следующая картина: при возникновении какой-либо интенсивной потребности субъект тотчас же приступает к выполнению действий, направленных на ее удовлетворение; иногда эти осуществляемое им поведение является весьма сложным и длится до тех пор, пока не будет обеспечена возможность удовлетворения потребности. Как же протекает эта деятельность?

Обратимся к примеру. Скажем, дикарь почувствовал голод, поэтому он отправляется на охоту, то есть берет в руки свое оружие и идет в лес в определенном направлении. В зависимости от того, какой зверь и в каких условиях ему встретится, он либо устроит засаду, либо начнет его преследовать, либо же прямо пустит в него стрелу. Убив его, он освежует его, выполнит еще целый ряд других операций и только после этого приступит к удовлетворению своей потребности — начнет есть. Данная простая схема охоты дикаря часто фактически наполняется довольно сложным содержанием — осуществляемая им активность состоит из цепи последовательных звеньев, каждое из которых занимает свое место, обеспечивая целесообразность действий.

Как все это происходит? Неужели дикарь заранее обдумывает все свое поведение, предварительно взвешивает его? Конечно же, нет. Почувствовав голод, он

тотчас же обратился к актам определенного поведения — охоты. Отдельные акты этого поведения сменяют друг друга как бы сами по себе, без особого вмешательства субъекта, так что дикарю не приходится в каждом отдельном случае задумываться, как теперь поступить, что сделать, чтобы быстрее достичь цели. В обычных случаях здесь все принципиально протекает точно так же, как тогда, когда мы испытываем жажду, а посуда с водой стоит или тут же на столе, или в другой комнате. Разумеется, в таком случае нам никогда не приходится специально задуматься, как поступить, что предпринять, чтобы утолить жажду, поскольку сами условия, сама ситуация диктуют нам, что нужно делать. Если посуда с водой лежит на столе, то одна рука потянется к стакану, а другая — к посуде с водой; если же ее на столе нет, то мы будем действовать так, как потребуют обстоятельства.

Одним словом, мы хотим сказать, что если поведение осуществляется под воздействием актуального импульса определенной потребности, то отдельные его этапы и моменты протекают как бы сами собой, без сознательной регуляции со стороны субъекта; они предопределены скорее ситуацией, в которой субъекту приходится разворачивать свои действия.

Так что же фактически лежит в основе данного поведения? Что направляет его? Разумеется, нельзя сказать, что здесь поведение в целом представляет собой цепь отдельных рефлекторных движений, полностью зависящих от воздействующего на субъекта внешнего впечатления или раздражения. Этого нельзя сказать потому, что, во-первых, подобное поведение даже в совершенно одинаковых условиях никогда не повторяется в полностью неизменном, стереотипном виде; во-вторых, в наше время невозможно отрицать роль субъекта как целого даже в случае рефлексов. Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о настолько сложной форме активности, что сегодня серьезно думать о попытке ее механистического объяснения даже не приходится.

Теоретически нам заведомо понятно, что ситуация как целостный комплекс внешних раздражителей воздействует на моторный аппарат живого существа, вызывая его ответные движения, отнюдь не непосредственно. Ситуация в первую очередь воздействует на самого субъекта, потому-то и эффект ее воздействия сказывается на самом субъекте. Среда оказывает влияние на поведение только через этот вызванный ею в субъекте эффект.

Чем можно объяснить то, что поведение дикаря во время охоты протекает целесообразно, хотя ни сама деятельность его в целом, ни отдельные ее моменты не являются осознанными и преднамеренными? На субъекта с определенной потребностью воздействует актуальная ситуация, вызывая в нем определенное целостное изменение, определенную *установку,* на основе которой и строится его последующее поведение. Именно поэтому поведение протекает целесообразно и без его осознания.

Таким образом, понятно, в чем состоит специфический признак, характеризующий протекание поведения обслуживания: у субъекта, обращающегося с целью удовлетворения актуальной потребности к внешней среде, он оказывается перед определенной ситуацией, вызывающей у него определенную установку, предопределяя тем самым все последующее поведение. Поскольку во всех случаях такого поведения непременно действует импульс удовлетворения актуальной потребности, его можно назвать *импульсивным.* Итак, характерным для импульсивного поведения является то, что, во-первых, его источником служит актуальная потребность, а, во-вторых, оно предопределено установкой, созданной актуальной ситуацией.

5. Труд и потребность

Потребление и обслуживание встречаются и в инвентаре активности животного. Но существуют и формы активности, присущие только человеку; таковой в первую очередь является *труд.*

Что же мы подразумеваем, говоря о труде? Разумеется, признав трудом любой процесс целесообразного использования энергии или все то, что направлено на преодоление трудностей, тогда и потребление, и обслуживание следует считать разновидностью труда, потому что и то и другое несомненно состоит из целесообразных актов, нередко требуя довольно большой энергии. По-видимому, специфичным для труда не является ни целесообразность, ни относительно высокий уровень трудности, проявляющийся в процессе выполнения. Психологически характерным для труда является нечто совершенно иное.

В случае обслуживания то, что делается, направлено на удовлетворение потребности, вызывающей акты обслуживания; стало быть, продукт обслуживания предназначен для удовлетворения *актуальной потребности.* Например, человек испытывает жажду. Эта потребность вынуждает его прибегнуть к соответствующим актам обслуживания — принести или налить воду. Продукт обслуживания — вода — предназначена для утоления жажды, то есть обслуживание направлено на удовлетворение только вызвавшей его конкретной актуальной потребности. Вне и независимо от нее акта обслуживания не существует вообще, как не существует и продукта обслуживания, поскольку при отсутствии того, для чего предмет обслуживания предназначен, он утрачивает всякое значение.

В случае труда дело обстоит совершенно иначе. Разве мы делаем что-либо лишь тогда, когда нам это нужно, и делаем только для того, чтобы удовлетворить актуальную потребность? Конечно, нет! В жизни человека обычным является то, что он обращается к активности и тогда, когда то, что создается этой активностью, совершенно не нужно для удовлетворения его сиюминутной потребности. Рабочий хлебного завода работает не только тогда, когда непосредственно хочет поесть хлеб, и работает не для того, чтобы выпечь столько хлеба, сколько необходимо для удовлетворения сиюминутного голода. Поступай он так, мы имели бы дело с процессом обслуживания. Однако он работает для того, чтобы изготовить определенный продукт — хлеб, хотя в данный момент ему лично он вовсе не нужен. Именно это обстоятельство особенно характерно для трудовой активности, направленной не на создание продукта, необходимого для удовлетворения актуальной, испытываемой в данный момент потребности, а преследующей удовлетворение *потребности в пище вообще,* которая может возникнуть у него или у кого-либо другого, завтра или когда-нибудь в будущем.

Таким образом, если обслуживание подразумевает удовлетворение лишь актуальной потребности, то цель труда состоит в удовлетворении возможной потребности.

6. Труд и воля

Но тогда откуда черпает человек энергию для осуществления того, в чем в данный момент не испытывает нужды? Что лежит в основе труда?

Разумеется, здесь понятия рефлекса явно недостаточно. Не умещается труд и в рамки импульсивного поведения. Мы уже убедились в том, что его побуждающим и направляющим началом не является импульс актуальной потребности, поскольку труд подразумевает совершенно иной вид активности, не основывающейся на актуальной потребности и создающей независимые от нее ценности.

Таким видом активности, как мы убедимся ниже, является *воля*. Следовательно, вне воли становление труда в том его законченном виде, какой он имеет на сей день, представляя собой специфическую особенность человека, было бы совершенно невозможно. С другой стороны, и воля не достигла бы человеческой ступени своего развития, если бы труд не создал специфических условий для ее стимуляции и развития.

ВОЛЯ

1. Общее определение понятия

Что такое воля? Приведем несколько бесспорных примеров произвольного поведения с тем, чтобы выяснить, что может быть сочтено специфической особенностью воли.

1. Спишь в холодной комнате. Проснувшись утром, видишь, что время вставать. Вставать не хочется, но уже опаздываешь. Приходится сделать над собой усилие и встать. Таким образом, для преодоления естественной лени потребовался определенный акт воли.

2. Очень хочется курить, но, решив отказаться от этой привычки, сдерживаешь себя и не закуриваешь.

3. Допустим, в процессе написания книги в одном месте я должен высказать мысль, в корне противоречащую в основном моим прежним взглядам, не раз высказанным мною публично. Возникает вопрос: высказать эту новую мысль или нет? Высказав ее, тем самым публично признаешь, что ошибался, а твои оппоненты были правы; скрыв свои новые взгляды, изменишь основному принципу, согласно которому в науке главное — истина, а не ложное самолюбие. В конце концов вопрос решается в пользу объективной истины. Безусловно, что и на сей раз не обошлось без помощи воли.

4. Когда нам нужно что-либо сделать, скажем, написать какую-то статью, мы предварительно составляем план: какого вопроса следует коснуться в начале, о чем говорить дальше и как приблизиться к конечному вопросу. Разумеется, решение каждого из этих вопросов требует волевых актов, и в конце концов мы разрабатываем вполне определенный план работы. Однако после этого вновь нужен особый волевой акт, чтобы начать писать статью, то есть приступить к выполнению выработанного плана.

Что характерно для всех этих случаев? Во-первых, прежде всего следует отметить, что *субъект* и его *поведение,* его деятельность противостоят друг другу. Субъект дан не в деятельности, а вне нее, то есть себя мы переживаем отдельно, а свои действия — курение, вставание с постели, служение объективной истине, свой план — совершенно отдельно. Ведь мы еще не действуем, а всего лишь ставим вопрос, как действовать! Во всех этих случаях и наше Я, и наши возможные действия даны как бы извне, мы рассуждаем и думаем о них, как о чем-то объективно существующем.

Таким образом, как видим, для всех случаев воли характерна *объективация* собственного Я и возможного поведения.

Второй, не менее характерный для воли момент проявляется в своеобразии переживания поведения и Я. В настоящем самого поведения еще нет, оно развернется лишь в будущем, то есть оно осуществляется не сейчас, а лишь будет осуществляться впоследствии; стало быть, оно переживается как феномен будущего, а не настояще-

го. Во всех приведенных выше примерах процесс протекает следующим образом: до осуществления определенного поведения — вставания с постели, отказа от курения, объективного изложения своих взглядов — мы обдумываем, следует ли сделать это.

Следовательно, для воли характерно то, что она касается не протекающего в настоящем поведения, а предстоящей в будущем деятельности. Воля устремлена в будущее, являясь, если употребить термин В. Штерна, *проспективным* актом.

Что касается переживания Я, то оно в случае воли занимает совершенно особое место. Во всех рассмотренных примерах Я переживается в качестве единственного источника всякого волевого поведения, единственной силы, всецело предопределяющей то, что произойдет, какой будет деятельность: встану ли я или буду нежиться в постели, закурю ли или вовсе брошу курить; одним словом, то, как я поступлю, зависит только от меня, причина заключена во мне самом. Стало быть, воля переживается как *активность* Я, иначе говоря, в волевых актах Я переживается как *активное, действующее* начало.

Сопоставив теперь волевое поведение с импульсивным, тотчас же увидим, сколь велика разница между ними. Скажем, я почувствовал жажду. Иду, беру в руки графин с водой, наливаю ее в стакан и пью. Все это происходит так, что *субъект* (Я), *объект* (посуда, вода) *и поведение* (подошел, налил, выпил) включены в единый целостный процесс, не переживаясь вне этого процесса и в отдельности; здесь нет ни объективации Я, ни объективации поведения. Кроме этого, здесь поведение протекает в настоящем, оно актуально, происходит сейчас, и говорить о будущем в данном случае совершенно неуместно. Наконец, поведение — налил воду, выпил — переживается так, будто оно происходит само по себе; во всяком случае, субъект обычно вовсе не чувствует, что для осуществления деятельности ему потребовалось проявить особую активность: *источником поведения переживается скорее потребность, нежели активность Я.*

С отмеченным обстоятельством связан один исключительно важный момент, существенно отличающий друг от друга акты импульсивного и волевого поведения. В случае импульсивного поведения, как мы это только что отметили, в качестве основного источника выступает потребность: при возникновении потребности (жажды) субъект тотчас же обращается к надлежащему поведению (идет и пьет воду); импульсивное поведение начинается с импульса потребности, завершаясь актом ее удовлетворения, то есть актом потребления. Совсем иначе обстоит дело в случае волевого поведения. В приведенных выше примерах волевого поведения отношение между актуальной потребностью и окончательной деятельностью носит иной характер, чем в случае импульсивного поведения. У субъекта и здесь имеется какая-либо актуальная потребность, однако его поведение никогда не подчиняется импульсу данной потребности — субъект делает не то, что ему хочется, а нечто другое: в первом случае ему хочется полежать, но он встает, во втором — хочется курить, но он воздерживается.

Одним словом, в случае волевого поведения *источником деятельности или поведения является не импульс актуальной потребности, а нечто совсем иное, иногда даже противоречащее этому импульсу.*

Таким образом, еще одним специфичным признаком воли является то, что она никогда не представляет собой реализацию актуального импульса; следовательно, необходимую для осуществления деятельности энергию она всегда заимствует из другого источника. Данный признак воли заслуживает особого внимания. Можно сказать, что суть проблемы воли состоит именно в этой ее особенности, и психологии воли прежде всего долженствует выяснить, из какого источника воля черпает необ-

ходимую энергию. Ниже мы специально коснемся этого вопроса, но прежде необходимо отметить одно обстоятельство.

Дело в том, что нередки случаи, когда человек произвольно обращается именно к тому поведению, к которому стремится и импульс актуальной потребности. Например, человек испытывает жажду. Импульс его актуальной потребности влечет его к воде. Но он не подчиняется этому импульсу, раздумывая, можно ли пить воду в этих условиях. Наконец, решив, что «вода ведь минеральная, и пить ее не вредно, а даже полезно», пьет ее. Как видим, казалось бы, здесь речь идет именно о волевом поведении. Однако, с другой стороны, ведь субъект все же пьет воду, то есть удовлетворяет свою актуальную потребность! Следовательно, оказывается, что вовсе не обязательно, чтобы воля противостояла импульсу актуальной потребности, черпая необходимую энергию непременно из другого источника. Но, вникнув глубже в суть дела, можно убедиться, что и здесь актуальную потребность нельзя считать силой, направляющей поведение.

Правда, субъект хочет пить, это — его актуальная потребность, и после некоторых колебаний он пьет воду, то есть удовлетворяет свою потребность. Но в действительности акт питья воды вызван не только жаждой как таковой. Нет, субъект прибегает к этому акту — пьет воду — лишь вспомнив, что минеральная вода полезна. Не будь это так, жажда осталась бы неутоленной, поскольку субъект отказался бы от воды. Так что главное не то, выпьет субъект, испытывающий жажду, воду или нет, а то, чем вызван этот акт — импульсом актуальной потребности или неактуальной.

Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о специфических свойствах волевого акта, то есть признаках, отличающих его от остальных видов активности. Данные признаки заключаются в следующем: 1) в случае вмешательства воли за импульсом актуальной потребности никогда не следует действия; волевое поведение никогда не опирается на импульс актуальной потребности; 2) в случае волевого поведения происходит объективация входящих в процесс активности моментов: Я и поведения, причем Я противостоит поведению; 3) волевое поведение не является поведением, протекающим в настоящем, это — будущее поведение; воля проспективна; 4) Я предварительно обдумывает это будущее поведение, его реализация полностью зависит от Я — воля всецело переживается как активность Я.

2. Физиологические основы воли

Всякая активность, любое поведение в первую очередь выражается в виде определенных движений тела и его отдельных органов. Это обстоятельство настолько очевидно и закономерно, что некоторые психологические направления, особенно бихевиоризм, считают поведение полностью производным от нашего мышечного аппарата, полагая, что для его объяснения совершенно достаточно изучить работу данного аппарата. Но, разумеется, наше поведение представляет собой отнюдь не только мышечное явление, ведь огромная роль психики в поведении вообще, тем более в произвольном, совершенно несомненна. Однако несомненно и то, что едва ли многое в психике столь тесно связано с телом, как волевые процессы. Поэтому представляется совершенно необходимым рассмотрение общих телесных основ воли.

Анатомо-физиологической основой воли, без которой ни одно живое существо не обладало бы ею, является большой мозг. Когда мы действуем произвольно, в определенном центре коры больших полушарий мозга возникает физиологический импульс, передающийся через нижележащие аппараты — продолговатый и спинной мозг — моторному нерву и вызывающий таким образом сокращение мышц

и движение соответствующего органа. Это движение является произвольным, отличающимся от рефлекторного движения не только своим корковым происхождением (тогда как рефлекс имеет непосредственно субкортикальное происхождение), но и тем, что в случае рефлекса физиологический импульс распространяется по неизменным, врожденным путям, вызывая движения стереотипного характера, а в случае волевого поведения эти врожденные пути не имеют никакого значения — произвольные движения протекают всегда в новом виде, изменяясь сообразно цели, преследуемой субъектом. Центром, регулирующим эти движения, считается зона левого полушария, и понятно, что при ее поражениях у субъекта снижается способность осуществления осмысленной, целенаправленной деятельности. Описанное впервые Гуго Липманом заболевание, названное им *апраксией,* проявляется именно в расстройстве способности к осуществлению произвольного поведения: субъект проявляет полную неспособность к выполнению даже самых простых преднамеренных действий, тогда как импульсивно он легко выполняет эти же акты. Например, он не способен расстегнуть или застегнуть пуговицу по заданию, однако, когда ему самому нужно ее расстегнуть или застегнуть, то есть при наличии *актуальной потребности* в этом, выполнение данного акта не представляет для него никакой трудности. Апраксия является расстройством произвольного поведения, связанной, как было уже отмечено, с поражением определенной зоны коры.

Выполнение волевого акта

1. Периоды воли

Характеристика случаев волевого поведения явствует, что воля представляет собой процесс, имеющий определенные периоды. Характер этих периодов ясно виден даже из совершенно простого примера.

Допустим, что вечером предстоит очень интересный концерт, и я очень хотел бы его посетить. Однако существует и довод против посещения концерта, например, у меня срочная работа. Допустим, что в конце концов этот довод перевесит, и я решаю остаться дома и работать, и так и поступаю. Очевидно, что в этом случае речь идет о подлинном волевом поведении, ведь я, желая пойти на концерт, остаюсь дома и работаю. Несомненно, что волевому поведению предшествует *принятие решения* о том, что будет выполнено именно данное поведение. Но до принятия решения субъект должен обдумать, учесть те или иные соображения, которые помогут ему принять решение; ему надо обдумать, что для него лучше — пойти на концерт или же остаться дома и продолжить работу.

Стало быть, волевой процесс содержит по крайней мере три периода: подготовительный период решения, который выявит, какое решение следует принять и по каким соображениям; период принятия самого решения и, наконец, период выполнения решения.

Психологии воли следует изучить все эти три периода, хотя несомненно и то, что не все они имеют одинаковое значение, и специфическая особенность воли, наверное, особенно должна проявляться в одном из них. Какой же из этих периодов следует считать специфичным для воли?

Интересно, что из этих трех периодов только об одном, а именно о периоде выполнения, можно сказать, что он встречается и при других видах активности, по-

скольку в периоде выполнения дано само действие, поведение, с чем мы имеем дело и во всех остальных случаях активности. Зато остальные два периода, представляющие собой по существу моменты одного и того же акта, *акта решения,* могут существовать только в случае воли. Надо полагать, что если где и проявляется специфическая особенность воли, то именно здесь. Несмотря на это, согласно нашим обычным, повседневным, ненаучным наблюдениям, представляется, будто сущность воли следует искать именно в моменте выполнения намерения. Поэтому начнем изучение периодов процесса воли с его последнего периода.

2. Протекание волевого поведения

После акта решения начинается реализация принятого решения — нужно выполнить то, что было решено. Внимательное рассмотрение случаев волевого поведения везде выявляет одно и то же: ни одно из них не содержит в себе ни одного такого действия или отдельного движения, выполнение которых как таковых представляло бы какую-либо специфическую трудность, в преодолении которой и проявлялась бы воля. Разумеется, бывают и такие случаи, когда человек решает выполнить нечто технически трудновыполнимое, но это вовсе не является непременно специфичным для воли. Технически трудновыполнимые акты может содержать и импульсивное поведение. Следовательно, нет оснований считать, что специфика волевого поведения заключается в трудности его выполнения. Это настолько очевидно, что, наоборот, там, где возникает непреодолимая трудность выполнения действия, говорить о воле не приходится. В случае трудновыполнимого или совершенно невыполнимого речь идет не о решении сделать это, а всего лишь о наличии стремления, *желания* (Wunsch). Воля касается лишь того, что мы в силах выполнить: нечто недоступное никак не может стать предметом воли. Одним словом, анализ произвольного поведения показывает, что это поведение всегда может быть вызвано и импульсом актуальной потребности, поскольку по своему содержанию и построению оно ничем не отличается от импульсивного поведения. Поэтому неудивительно, что подлинно волевому поведению всегда сопутствует некое переживание: я *могу* это сделать, выполнение этого мне посильно. Данное переживание очень характерно для волевого процесса, и на нем мы остановимся ниже.

Итак, мы можем заключить, что трудность выполнения ни в коем случае не характерна для волевого поведения — воля отнюдь не подразумевает комплекс каких-то сложных, трудновыполнимых движений. В этом смысле нет никакого различия между импульсивным и волевым поведением.

Обратившись теперь к протеканию импульсивного и волевого поведения, убедимся, что сколько-нибудь принципиально значимое различие между ними не подтверждается и в данном случае. Как мы уже знаем, каким бы сложным ни было импульсивное поведение, оно протекает, осуществляется как бы само собою, направляясь актуальной ситуацией и не требуя специального вмешательства субъекта. Но именно поэтому вполне возможно, чтобы под влиянием импульса какой-либо вновь возникшей потребности импульсивное поведение отклонилось от первоначального пути, приняв совершенно новое направление. Конечно, это происходит не всегда. Наоборот, гораздо чаще импульсивное поведение с начала до конца представляет собой единую неразрывную целостность и служит одной цели. Это происходит потому, что лежащий в основе данного поведения импульс актуальной потребности гораздо сильнее, нежели случайно появившиеся на пути новые импульсы; однако

там, где это не так, импульсивное поведение часто меняет свое направление, уже не проявляясь в виде единого, завершенного, целостного поведения.

Совершенно иначе выглядит волевое поведение. Завершенность и целостность для него не случайное обстоятельство, а специфическая особенность. Там, где цельность поведения нарушается, и оно отклоняется от пути, ведущего к избранной цели, направляясь в другую сторону, говорить о волевом поведении уже нельзя. Сколь сложным бы ни было волевое поведение, оно от начала до конца является *упорядоченным поведением,* именно это характерно для волевой деятельности. Его отдельные части, отдельные действия служат одной цели, составляя постольку единое целостное поведение, в котором каждое из них занимает определенное место.

Эта особенность воли особенно ясно проявляется в случаях *запланированного поведения,* представляющего собой пусть сложное, но единое целостное поведение. Намечена основная цель, определены средства ее достижения, причем эти средства, отдельные действия подготавливают и обусловливают друг друга, находятся в некоем иерархическом взаимоотношении, объединяясь, таким образом, в одно сложное структурное целое. Именно здесь и встает вопрос: как строится данная структура? Каким образом воля достигает того, что зачастую наше поведение принимает вид столь сложной иерархической системы действий? Нужно ли предусматривать каждое отдельное действие, каждый отдельный шаг, активно подбирать его? Нужно ли постоянно вмешиваться в протекание поведения и давать ему целесообразное направление или же целесообразное протекание волевого поведения происходит и без такого непрерывного вмешательства субъекта?

В психологии воли одним из бесспорных, экспериментально обоснованных фактов является *упорядоченная целесообразность* волевого поведения. Это означает, что, когда человек что-либо решает, например пойти на концерт, а не остаться дома и работать, этого решения вполне достаточно, чтобы он без специального обдумывания осуществил целый ряд соответствующих действий: встал, надлежащим образом оделся, вышел из дому и пошел по направлению к концертному залу; встретив по пути какое-либо препятствие, он все же будет продолжать действовать сообразно своей цели. Одним словом, когда человек что-либо решает, его последующая деятельность без усилий, как бы сама собой протекает в соответствии именно с этим решением. Человеку не нужно предварительно обдумывать каждый свой шаг, специально оценивать каждое свое действие с точки зрения его целесообразности. Нет, у него возникает тенденция целесообразного поведения, тенденция именно того, что нужно.

Левин описывал этот факт следующим образом: когда человек что-либо решает, например пойти на концерт, тогда все то, что связано с выполнением данного намерения — соответствующая одежда, дорога и пр., — приобретает силу особого воздействия на субъекта, притягивает его к себе, побуждая к определенному действию (Aufforderungscharakter).

Таким образом, волевому поведению свойственна упорядоченная целесообразность, однако она никоим образом не подразумевает активного вмешательства субъекта на каждом шагу, сознательного поиска и нахождения средств выполнения решения. Достаточно принять решение, чтобы дело как бы само собой двинулось вперед. Одним словом, протекание волевого, то есть намеченного, преднамеренного поведения, такое же, как и импульсивного поведения; и пока решение осуществить поведение остается в силе, оно протекает так же, как и импульсивное.

Однако этот экспериментально подтвержденный факт как будто в корне противоречит нашим повседневным наблюдениям. И в самом деле, ведь общеизвестно, что трудность заключается не в принятии решения, а в выполнении того, что решено! Мы

все превосходно знаем, что курить вредно. Сколько раз мы решали отказаться от курения, но выполнить это решение нам не удавалось! Как будто и в самом деле бесспорно, что трудность заключается именно в выполнении, и решение вовсе не гарантирует выполнения. Однако внимательнее вникнув в сущность дела, убедимся, что это возникшее на основе повседневного наблюдения мнение ошибочно. Дело в том, что, решив что-либо, мы и выполняем это, пока решение остается в силе. Но несчастье в том, что решение часто меняется; под воздействием чего-либо начинает действовать какой-нибудь новый импульс, в результате чего возникает новое решение. Ясно, что теперь уже излишне говорить о выполнении того, что было решено раньше; и понятно, что выполняется не оно, а новое решение.

Таким образом, пока решение остается в силе, выполнение не представляет никакой трудности; последний период волевого поведения — выполнение, невзирая на его структурную трудность, иерархическую системность, протекает как бы автоматически.

3. Теории детерминирующей тенденции и квазипотребности

Спорным является вопрос о том, чем можно объяснить то, что в период выполнения решения обычно без особых усилий обнаруживается именно то, что способствует достижению намеченной цели. В современной экспериментальной психологии известны две различные попытки решения данного вопроса. Первая с этой целью внесла понятие так называемой *«детерминирующей тенденции»,* а вторая — понятие так называемой *«квазипотребности».*

Смысл теории детерминирующей тенденции заключается в следующем: когда субъект представляет цель своего поведения и решает осуществить ее, это представление цели начинает действовать на другие психические содержания, придавая им соответствующее направление. Именно благодаря этому волевое поведение протекает упорядоченно — оно регулируется исходящей из представления цели *детерминирующей тенденцией.* Следовательно, подразумевается, что само представление цели обладает способностью воздействовать на поведение субъекта, придавая ему соответствующее направление, причем без какого-либо участия самого субъекта как целого.

Как видим, теория детерминирующей тенденции одновременно и телеологична, и механистична. Телеологична постольку, поскольку признает существование тенденции, исходящей из представления цели. Следовательно, согласно этой теории, силой, непосредственно предопределяющей поведение, является представление цели. Механистично же данное учение потому, что, согласно ему, представление цели непосредственно действует на психические содержания и поведение субъекта и, следовательно, делает излишней активность субъекта.

Согласно Левину, представителю второй теории, поведение есть результат разрядки той энергии, источником которой являются наши потребности. В качестве непосредственного источника волевого поведения выступает энергия не естественных потребностей, а потребностей совершенно иного рода — *квазипотребностей* («псевдопотребностей»). Когда человек решает что-либо, например послать письмо знакомому, это решение создает в нем некоторое напряжение, стремящееся к разрядке в виде соответствующего поведения — у него возникает потребность написать письмо. Поскольку данная потребность не является естественной потребностью, хотя, в то же время, во многом схожа с ней, Левин именует ее *квазипотребностью.*

Итак, решение или, вернее, намерение создает у человеке потребность выполнить определенное действие — квазипотребность. Эта новая потребность придает

предметам и явлениям, связанным с ее удовлетворением, своеобразную силу направлять субъекта к определенному действию. Например, стол, бумага, ручка как бы призывают субъекта сесть к столу и написать письмо, конверт — положить в него письмо и запечатать, а почтовый ящик — достать письмо из кармана и бросить в ящик. Как мы видим, достаточно субъекту решить что-либо, например написать письмо, пробудив тем самым в себе некую квазипотребность, чтобы последующее его поведение протекало вполне упорядоченно и целесообразно. Именно такой силой и обладает, по мнению Левина, квазипотребность.

Теория квазипотребности является скорее точным описанием протекания волевого поведения, нежели его истинным объяснением. И действительно, Левин лишь констатирует тот несомненный факт, что после принятия решения человек начинает действовать так, как будто в основе его поведения лежит подлинная потребность. Но поскольку в данном случае говорить о подлинной потребности фактически нельзя, автор вносит понятие *квазипотребности*. Ничего больше данное понятие не дает; оно ни в коем случае не объясняет целесообразного характера поведения. Согласно Левину, решение порождает некое напряжение, именуемое им *квазипотребностью*. Этим можно объяснить разве лишь то, почему после принятия решения появляется тенденция его выполнения. Однако объяснить, почему процессу выполнения присуща упорядоченная целесообразность, причем без непрерывного сознательного контроля со стороны субъекта, только понятием потребности невозможно.

4. Установка как основа выполнения

Рассматривая импульсивное поведение, мы убедились, что характер его протекания становится достаточно легко объяснимым, если предположить, что в основе поведения лежит установка. Но данное положение позволяет решить и вопросы, обсуждаемые нами сейчас; а поскольку волевое поведение протекает так же, как и импульсивное, ничто не мешает нам и здесь говорить об установке.

И в самом деле, до принятия окончательного решения его выполнение зачастую кажется нам очень трудным. Например, до тех пор, пока мы окончательно не решим отказаться от какой-либо привычки, скажем курения, эта уступка здравому смыслу кажется нам необычайно трудно переносимой, ведь если у нас кончился табак и мы вынуждены воздержаться от курения, это очень болезненно переживается нами. Однако стоит нам действительно решить бросить курить вообще, действительно отказаться от этой привычки, мы сразу же заметим, что эта потребность как бы в некотором роде ослабла и ее неудовлетворение уже не так невыносимо, как это было раньше. Именно с этим обстоятельством должно быть связано переживание, что выполнить наше намерение не является для нас невозможным, что у нас есть силы для его выполнения, — переживание «я могу» (Können).

Что же произошло? Что привело к этому изменению? Ответ на этот вопрос может быть только один: приняв решение, субъект *преобразился*. Его отношение к курению изменилось, и теперь он уже изменился в том отношении, что табак утратил для него свою притягательную силу и, следовательно, отсутствие табака его уже меньше беспокоит. Когда у него была потребность курить, и он относился к табаку с этой позиции, табак вызывал в нем некий эффект, который следует представить в виде установки к курению. На основе такой установки, как мы уже знаем, строится импульсивное поведение. Теперь же, приняв решение отказаться от курения, изменилась потребность субъекта, с позиций которой он подходил к табаку, — он *хочет* бросить курить. Следовательно, изменился субъективный фактор установки; и понят-

но, что теперь вид табака вызывает у субъекта соответствующую установку, установку *некурения.* В результате субъекту уже нетрудно воздержаться от курения, он чувствует, что в состоянии сдерживать себя, и последующее его поведение протекает в соответствии с этой установкой. Поведение становится целесообразным, а поскольку в основе его протекания лежит одна определенная установка — и упорядоченным.

Таким образом, мы видим, что в основе процесса выполнения решения лежит установка. Это делает понятным и сравнительную легкость, как бы автоматичность протекания и, в то же время, упорядоченную целесообразность данного процесса.

Однако установка исполняет аналогичную роль и в случае импульсивного поведения. Но тогда чем же волевое поведение отличается от импульсивного? По-видимому, это различие не следует искать в периоде выполнения волевого поведения.

Акт решения

1. Феноменология переживания воли

Акт принятия решения в волевом процессе занимает особое место. Экспериментальная психология воли, интересующаяся, прежде всего, вопросом специфичности воли, а в частности тем, является ли воля специфическим, не сводимым на другие психические содержания, переживанием, обнаружила искомый ею этот своеобразный волевой процесс именно здесь — в акте принятия решения. Следовательно, его изучение представляется исключительно важным.

Энергичное решение известно в экспериментальной психологии под названием *«первичного волевого акта».* Как выяснилось, психологически содержание этого понятия является следующим: 1. Во время акта принятия решения субъект чувствует довольно отчетливое мышечное напряжение в той или иной части тела — у него возникают определенные *ощущения напряжения* (Ах называет это *наглядным моментом* воли). 2. Наряду с этим у субъекта имеется *ясное представление* о том, что ему надлежит *делать,* и примечательно, что эти будущие действия переживаются им, как *собственные* будущие действия *(предметный момент).* 3. В то же время в момент принятия решения всегда подтверждается возникновение специфического переживания, которое можно выразить только следующим образом: *«Я хочу»,* «Теперь я *действительно хочу» (актуальный момент).* Как следует понимать данное переживание? Это не есть просто подтверждение, познание, понимание или констатация того, что до этих пор субъект *не хотел,* а вот теперь уже *хочет.* Нет! Это — подлинный *акт,* подлинное переживание: *будущие действия должны быть осуществлены мною, моим Я, которое этого хочет.* Это «я *хочу»* и есть актуальный фактор, направляющий предстоящее поведение, это переживание того, что произойти должно именно это, а не нечто другое, что всякая иная возможность исключена; это — *переживаемая активность,* и описать ее, как говорит Мишот, невозможно. 4. Кроме этого, в момент принятия решения субъект чувствует некое *усилие,* которое, как выяснилось, тем сильнее, чем выше концентрация воли *(момент состояния).*

Во время подлинного акта принятия решения в сознании проявляются эти четыре фактора, или момента, создавая в совокупности специфическое целостное переживание, возникающее во время данного акта и хорошо знакомое каждому из нас. Из всех этих моментов специфическое с точки зрения воли значение имеет только один: *актуальный момент, переживаемая активность,* переживание «я хочу». При его отсутствии говорить о воле нельзя.

Остальные моменты с точки зрения психологии воли подобного специфического значения не имеют. Правда, обычно они сопутствуют энергичному волевому акту, однако это не означает, что вследствие этого они должны быть признаны существенными моментами воли. Мы привыкли думать, что для воли якобы должны быть характерны именно моменты напряжения и усилия, однако результаты экспериментального исследования показывают совершенно обратное. Наоборот, оказалось, что ни напряжение, ни усилие не имеют существенного значения для воли. После гальванометрических опытов английского психолога Эвелинга следует считать и объективно доказанным, что, хотя воля и усилие встречаются вместе, они по существу представляют собой два различных явления. Эвелинг установил, что в случае волевого акта, пусть даже весьма энергичного, гальванометр никак не подтверждает наличие усилий, выявляя, в то же время, наглядные показатели усилия, как только дело касается не собственно воли, а процесса *выполнения*. Эти объективные данные вполне оправдывают вышеотмеченный анализ, согласно которому ни момент наглядности, ни момент состояния, то есть ни напряжение, ни усилие, не являются существенными для воли. Воля как таковая абсолютно свободна от усилий, что не мешает ей иногда вызывать необычайно интенсивные усилия.

После этого становится понятным и то, что в случаях импульсивного поведения также встречается довольно высокий уровень напряжения и усилия. Мышечное напряжение и усилие связаны, в первую очередь, с выполнением движений, составляющих моторное содержание поведения. Поэтому они могут встретиться везде, особенно же там, где имеет место моторное поведение, то есть как при импульсивном, так и при волевом поведении. Различие состоит лишь в том, что в первом случае субъект вынужден прибегнуть к усилиям под влиянием импульса актуальной потребности, а во втором — под влиянием волевого акта.

Таким образом, волевой акт может быть охарактеризован следующим образом: в процессе принятия человеком решения наступает момент, когда он вдруг чувствует, что вот сейчас он «действительно хочет», то есть появляется переживание «самоактивности», в котором уже сейчас дано то, что должно произойти в будущем, а произойдет именно то, что «я действительно хочу». Следовательно, в акте воли переживается отношение субъекта к будущему поведению; это — переживаемая, исходящая из Я активность, определяющая отношение субъекта к будущему поведению. Особенно следует отметить, что сам этот акт как таковой абсолютно свободен от момента какого-либо *усилия,* но невзирая на это, он переживается именно как акт Я, зависящий только от Я.

Для полноты описания волевого акта необходимо уяснить, как он происходит и какое оказывает влияние на субъекта. Экспериментально установлено, что до акта принятия решения субъект переживает некоторую беспомощность, колебания, возбуждение. Акт принятия решения созревает и подготавливается отнюдь не постепенно, а происходит вдруг, как бы неожиданно, без подготовки. В результате чувство беспомощности и неопределенности в конечном счете сменяется определенностью, уверенностью и спокойствием. То, что переживание акта принятия решения именно таково, явствует уже из самого его названия: слово *«решение»* указывает на то, что оно *прерывает* прежнее состояние, начиная совершенно новое, в котором от прежнего состояния ничего не сохранилось.[1]

[1] Грузинское слово «gadatkveta», которое переводится как «решение», приближается по смыслу к слову «gatkveta», означающему «оборвать», «прервать». - *Примечание редактора*

2. Решение есть переживание смены установки

Из описания волевого акта явствует, в чем заключается его суть. Коль скоро он состоит в том, что субъект *вдруг* начинает чувствовать, что он действительно и бесповоротно *желает* совершить некий акт, полностью исходящий из его Я, что теперь его осуществлению уже ничто не может воспрепятствовать, то очевидно, что волевой акт указывает на изменение, касающееся субъекта как целого и определяющее его будущее поведение. Внезапное возникновение волевого акта, его целостно-личностный характер, данное в нем осознание определенности и неизбежности осуществления будущего поведения, а также то обстоятельство, что данный акт не характеризуется усилием — все это ясно доказывает, что в данном случае мы имеем дело со сменой *установки* субъекта. В волевом акте дано обновление установки, и все переживания, возникающие в сознании субъекта, являются отражением этого.

Таким образом, волевой акт, феноменологически проявляющийся в сознании активности, в переживаемой активности, в переживании «я *действительно хочу»,* указывает на смену установки; в результате у субъекта возникает установка именно на то поведение, применительно к которому он переживает «я хочу», а содержанием его последующей деятельности является реализация этой установки.

Следовательно, теперь уже ясно, откуда возникает та установка, которую следует считать основой и регулятором волевого поведения. Несомненно, что она и есть именно та установка, факт возникновения которой находит свое отражение в переживаниях акта принятия решения и создание которой переживается как последствие воли.

Вопрос о твердости воли

1. Основа твердости воли

В результате экспериментальных исследований считается установленным, что сколь твердым бы ни был акт решения, не исключена возможность, что в определенных условиях решение окажется невыполнимым. Для обеспечения реализации самого поведения недостаточно осуществления подлинного волевого акта, то есть создания установки на будущую деятельность. Очень часто случается, что человек, приняв какое-либо решение, причем со всей серьезностью, например решив больше не прикасаться к табаку, не может выполнить свое решение. Обычно это происходит потому, что выполнение решения сталкивается с целым рядом препятствий, и не все люди одинаково способны преодолеть их. Именно поэтому и говорят о *твердости* или *слабости* воли. Когда, невзирая на препятствия, решение все же выполняется, мы объясняем это твердостью воли, а когда оно не выполняется, говорим о слабости воли. Как же это понять? С какими же препятствиями сталкивается выполнение принятого решения?

В процессе выполнения поведения человек встречается со многими явлениями, пробуждающими в нем потребности, более или менее противоречащие принятому им решению. Конечно, иногда импульсы этих потребностей оказываются настолько сильными, что вынуждают субъекта совершенно забыть или изменить свое прежнее решение. В этом случае, разумеется, говорить о выполнении прежнего решения уже не приходится. Подобные препятствия могут возникнуть во время

любого волевого поведения, но главное то, сумеет ли субъект оказать им достаточное сопротивление. Обратимся к тому же примеру. После принятия субъектом окончательного решения бросить курить табак перестает его привлекать, но может случиться, что кто-нибудь предложит ему очень хорошие сигареты. Вид сигарет напомнит ему приятное состояние, не раз испытанное им раньше при курении хорошего табака. Поэтому он может не устоять перед соблазном и не откажется от сигареты. В таком случае, разумеется, мы имеем полное право говорить о слабости его воли. Но может случиться и так, что он откажется от предложенных сигарет, однако затем на протяжении нескольких дней не сможет избавиться от мысли или представления о хорошем табаке; в конце концов, он не устоит перед исходящим от этого навязчивого представления импульсом и вновь начнет курить. Такое навязчивое представление именуется *персеверирующим* представлением, и экспериментально доказано, что исполнению решения может помешать не только обычное воспоминание (например, воспоминание о приятном состоянии), но и персеверация.

Как это происходит? Что лежит в основе невыполнения принятого решения? Если акт принятия решения указывает на то, что у субъекта выработалась соответствующая его цели установка, то до тех пор, пока эта установка остается в силе, возникшее на ее основе поведение должно протекать, казалось бы, почти с автоматической точностью и легкостью. И это действительно так и происходит, пока у субъекта под влиянием какого-либо импульса, скажем вида хорошего табака, не появится сильное желание курить. Если бы ему предложили обычный табак, он относительно легко мог отказаться от него. Но дело в том, что ему предложили исключительно хороший табак, и это смогло пробудить в нем *прежнюю потребность.* Здесь совершенно отчетливо видно, что установка, созданная во время принятия решения (не курить больше), оказалась не настолько стойкой, чтобы остаться в силе и в случае восприятия хорошего табака, уступив место противоположной установке — установке курения. Как видим, в этом случае в основе слабости воли лежит лабильность (легкая изменчивость) установки, созданной в момент принятия решения.

Однако, как выяснилось, выполнение решения сталкивается и с препятствиями иного рода. Очевидно, что не всякое действие технически легко выполнимо; некоторые состоят из более легких операций, а другие — из более трудных. Согласно опытам Н. Аха, когда намеченное поведение технически легко выполнимо, тогда легко выполняется и решение, но в случае технически трудновыполнимых операций дело обстоит иначе. Здесь реализация принятого решения затруднена не только изначальной трудностью самой задачи решения, но и особенно тем, что трудности, возникающие в процессе выполнения, ежеминутно действуют против выработанной в акте решения установки. В результате часто случается, что трудность операций становится все более ощутимой, и в конце концов субъект отказывается от выполнения своего решения. Как видим, и здесь сказывается слабость воли, ее основой опять-таки является смена установки.

Иногда помехой выполнения принятого решения становится и то, что начатое дело после определенного времени *надоедает* человеку. Результат этого обнаруживается опять-таки в виде пресечения созданной в волевом акте установки и возникновения противоположной ей, новой установки: человек меняет свое прежнее решение и отказывается от его выполнения.

Однако изменение решения может быть вызвано и другими причинами:

А. Вполне возможно, что в процессе осуществления деятельности внимание субъекта могут привлечь некоторые не учтенные им обстоятельства. В случае, если

вследствие этого прежнее решение оказывается неприемлемым, установка нарушается, и субъект вынужден принять новое решение, создать новую установку.

Б. Может случиться и так, что изменится сам субъект, то есть у него появятся новые интересы и стремления. Тогда, само собой разумеется, старое решение как неподходящее теряет силу, и субъект оказывается вынужден прибегнуть к новому волевому акту — принять новое решение.

Однако ни в одном из этих случаев нельзя говорить о слабости воли. Правда, и здесь решение меняется, а старая установка сменяется новой, но происходит это не потому, что установке не хватает прочности, что она сама шаткая.и изменчивая, вследствие чего субъект вынужден заново прибегнуть к акту решения. Нет, сама установка может быть очень стойкой, процесс выполнения протекать беспрепятственно, но так как субъект видит, что это решение теперь для него неприемлемо, он, возможно, совершенно сознательно постарается освободиться от прежнего решения и при помощи нового акта воли вызвать установку нового, более подходящего поведения. Наоборот, здесь мы имеем дело не со слабостью, а с несомненной твердостью воли.

Бывают случаи, когда человек, даже понимая, что его решение оказалось неподходящим, а потому было бы целесообразно отказаться от его выполнения, не может сделать это, будучи не в состоянии изменить раз выработанную установку. В этом случае он — раб своего решения, он не в силах по своей воле изменить уже выработанную установку, отказаться от принятого решения. Как видим, это *упрямство* является показателем скорее слабости, нежели твердости воли.

Итак, ясно, что твердость воли заключается в способности до конца придерживаться раз принятого решения. Когда одного акта решения достаточно, чтобы намерение до конца оставалось в силе, когда не приходится на каждом шагу вновь принимать то же самое решение, тогда мы, несомненно, имеем дело с твердой волей.

До тех пор, пока возникшая в момент решения установка актуальна, процесс выполнения решения протекает легко. Но если данная установка поколеблется, это тотчас же проявиться в переживании *затрудненности* выполнения решения, и субъект встает перед необходимостью вновь прибегнуть к акту решения. Если ему удастся вернуться к старому решению, установка останется в силе, и процесс выполнения продлится, но если же нет, то он будет вынужден отказаться от начатого дела. Тогда затраченная уже энергия окажется потерянной бесплодно, и дело придется начинать сначала.

Отсюда ясно, сколь велико значение устойчивости решения. Акт принятия решения сам по себе моментален. Но для того, чтобы воплотить то, что решено, решение обязательно должно остаться непоколебимым, чтобы до конца надлежащим образом направлять поведение. Такое стабильное решение называется *намерением.* Как мы уже убедились, в его основе лежит установка, выработанная актом воли, и чем устойчивее во времени эта основа, чем она непоколебимее, тем более твердым переживается намерение и тем тверже воля.

Однако твердость воли проявляется и в другом отношении. Обычно субъект сначала же — до акта принятия решения — предусматривает трудности выполнения. Когда эти трудности незначительны, тогда относительно легко дается и само решение, требуя меньшей концентрации воли, меньшего напряжения. Но когда предстоят серьезные трудности, тогда воля нуждается в гораздо большей мобилизации энергии. Именно данное свойство воли, позволяющее субъекту принять энергичное решение, невзирая на то, что он изначально понимает, насколько оно трудновыполнимо, указывает на ее твердость.

Разумеется, понимаемая таким образом твердость воли совершенно не совпадает с понятием твердости воли, подразумевающим непоколебимость и устойчивость во времени раз принятого решения. Бывают случаи, когда человека не пугают мысли о предстоящих трудностях, и он принимает энергичное решение, но, столкнувшись с реальностью, он сразу охладевает и теряет желание выполнить принятое решение. В этом случае мы несомненно можем говорить о слабости его воли. Однако следует отметить, что способность легко принимать решение в этом случае могла бы оказать ему определенную помощь — он вновь решил бы выполнить то, к чему он только что охладел; тогда, в результате такого неоднократного повторения решения, он, вероятно, довел дело до конца.

Слабость воли проявляется и в виде общего снижения способности принимать решения. Известны случаи, когда человек не способен принять даже самое простое решение. Да или нет? Как поступить: так или этак? Вопрос остается вопросом, и субъекту так и не удается приступить к делу. Разумеется, в резко выраженном виде данное состояние считается довольно серьезным заболеванием: оно известно под названием *абулии,* подразумевая настолько основательное ослабление воли, что больной не может решить даже самый простой вопрос (например, известен один случай, когда больному понадобилось два часа размышления, прежде чем он смог решить раздеться и лечь в постель).

Но в более простом виде случаи снижения способности принятия решения встречаются и среди нормальных людей. Художественный образ одного из них предстает в виде Гамлета Шекспира. Обычно такие нерешительные люди легко подчиняются чужой воле. Тогда они относительно легко решают какой-либо вопрос, часто испытывая, однако, при этом чувство, будто это решение несвободно, исходит не из глубины их Я, а навязано извне, принудительно, хотя сейчас и выражает их собственное желание. Для воли, как отмечалось выше, характерно именно переживание активности Я; в данном случае снижено именно это, то есть в момент принятия решения субъект не переживает *самоактивности,* не чувствует *самостоятельности.* Это хорошо согласуется и с повседневным наблюдением, свидетельствующим, что способностью к самостоятельным действиям обладают только люди с твердой волей.

Интересно, что в случаях такой слабости воли субъект обнаруживает достаточно зримую способность выполнять принятое решение — невзирая на значительные препятствия, зачастую он твердо придерживается своего пути, стремясь во всей полноте реализовать принятое решение. Это наблюдение еще раз со всей очевидностью доказывает, что, во-первых, акт воли надо усматривать не в моменте выполнения, а в моменте решения, а во-вторых, протекание процесса выполнения имеет свою основу, одинаково успешно действующую как тогда, когда она является результатом собственного волевого акта, так и тогда, когда она создана под влиянием того или иного обстоятельства.

2. Опыты по экспериментальному изучению твердости воли

Первый настоящий экспериментально-психологический опыт в этом направлении принадлежит первому экспериментатору в области психологии воли Н. Аху. Он давал своим испытуемым несколько пар бессмысленных слогов (например, дус-лор, фуд-неф), заставляя повторять их до тех пор, пока они не заучивали их настолько хорошо, что могли свободно повторить наизусть. Ах предполагал, что в этих

\

условиях при виде одного члена пары слогов у испытуемого возникнет достаточно сильная тенденция (так называемая «ассоциативная тенденция») назвать второй член этой пары. После этого тому же испытуемому давались другие задания, связанные с тем же членом пары слогов. На основе задания у него возникала новая — волевая — тенденция, которая должна была вступить в борьбу с ассоциативной и по возможности одолеть ее. Например, испытуемый твердо помнил, что слог «дус» был дан в паре со слогом «лор», так что, услышав «дус», у него тотчас же возникает сильный импульс сказать «лор». Теперь же ему дают такое задание: «Как только я покажу вам какой-либо из бессмысленных слогов, вы должны сразу же прочесть его обратно (например, если я покажу "руд", вы должны сказать "дур")». Когда после этого испытуемому показали слог «дус», он решает сказать «суд», хотя в то же время у него невольно возникает сильный импульс сказать и «лор».

Таким образом, экспериментально создается такое положение, что субъект переживает конфликт между волевой и неволевой тенденциями. То, какая из них победит, произвольная или непроизвольная, зависит от силы каждой из них. Твердость непроизвольной тенденции в этом случае зависит от того, насколько твердо испытуемый запомнил, что этот определенный слог находился в паре именно с тем вторым слогом, насколько прочна связь между членами данной пары. Выяснилось, что связь эта тем прочнее, чем чаще испытуемый повторял материал. То число повторений ряда слогов, незначительного увеличения которого вполне достаточно для того, чтобы непроизвольная тенденция одолела волевую, Н. Ах назвал *ассоциативным эквивалентом детерминации.* При меньшем числе повторений побеждает волевая (или детерминирующая) тенденция, и испытуемому удается прочесть слог в обратном порядке; если же нет, тогда он вместо этого произносит второй слог пары (в нашем примере — «лор»).

Отсюда ясно, что в данном смысле твердость детерминирующей тенденции, то есть волевого акта, должна измеряться количеством повторений бессмысленных слогов: чем выше показатель ассоциативного эквивалента, тем тверже должна быть детерминирующая тенденция, то есть волевой акт, поскольку, согласно Аху, как уже отмечалось, детерминирующая тенденция является эффектом этого последнего.

Таким образом, понятие *ассоциативного эквивалента* подразумевает возможность количественного измерения твердости воли. Безусловно, значение данного понятия было бы очень велико, окажись оно действительно обоснованным. Последующие экспериментальные исследования, однако, показали, что неволевая тенденция, противостоящая в опытах Аха волевой, возникает только в определенных условиях; достаточно слегка изменить эти условия, чтобы от этой тенденции ничего не осталось, а волевая продолжит действовать без конфликта. Так, например, если согласовать с испытуемым, что, скажем, при виде слога, написанного красным, он должен прочесть его в обратном порядке, а при виде слогов другого цвета действовать как-то иначе, он всегда будет вести себя по инструкции, а тенденция назвать второй слог пары у него не возникает вообще (Мак-Керт). Следовательно, здесь не может быть и речи об ассоциативном эквиваленте и измерении с его помощью твердости воли. Зато из этого явствует, что достаточно большую роль играет внимание: когда оно направлено на задачу, другие тенденции почти не проявляются и, соответственно, очень мало мешают выполнению решения. Согласно этому, произвольное изменение какой-либо привычки трудно потому, что она привлекает к себе внимание человека, а это мешает ему с достаточным вниманием отнестись к своему решению. Таким образом, оказывается, что слабость воли зависит и от *колебания внимания.*

3. Воля и персеверация

Как мы уже выше упомянули вскользь, бывают случаи, когда в нашем сознании возникает, часто невольно, не покидая его, одно какое-либо представление. Наше внимание стойко и длительно направлено на это представление и ни до чего другого ему нет дела. Такое состояние называется *персеверацией*. Оно представляет собой явление, совершенно противоположное колебанию внимания. Стало быть, тот, кто обладает более сильной способностью персеверации, должен иметь как будто более твердую волю, тем более, что твердость воли, как это было показано выше, проявляется и в способности долго и неизменно придерживаться принятого решения. Однако специальные исследования Ланкеса показали полную необоснованность данного предположения. Оказалось, что персеверация, представляющая собой врожденное свойство нервной системы, не имеет абсолютно ничего общего с твердостью воли. Выяснилось, что воля человека позволяет ему действовать вопреки естественным стремлениям, оказывать противодействие врожденной тенденции собственной нервной системы — персеверации. Следовательно, очевидно, что воля — не врожденная биологическая особенность, а явление более высокой категории, наделенное силой изменять и направлять даже биологические, врожденные тенденции собственной нервной системы. Соответственно, твердость воли, разумеется, ни в коем случае не может считаться врожденным свойством; она приобретена человеком в течение его личной жизни, а потому воспитание твердой воли является одной из важнейших задач педагогики.

4. Установка и слабость воли

Экспериментально установленный фактический материал и вытекающие отсюда выводы о слабости воли совершенно не противоречат нашему положению об этом вопросе. Напротив, можно сказать, что они скорее говорят в его пользу, чем в противовес.

И действительно, коль твердость воли является не врожденной особенностью нервной системы, а скорее делом личности как целостности, то тогда решающее значение, несомненно, следует отвести именно понятию установки. Как мы уже выше убедились, установка представляет собой не врожденное свойство нервной или иной биологической системы, а состояние личности, возникающее на основе взаимодействия ее потребности и соответствующей внешней ситуации. Такое понятие установки делает вполне понятным то, что твердость воли не имеет ничего общего с врожденными тенденциями нервной системы. С другой стороны, понятным становится и то, что в случае колебания внимания имеем дело со слабостью воли. Мы уже знаем, что установка означает готовность к актуализации определенных переживаний. Следовательно, при наличии определенной установки в нашем сознании имеются лишь вполне определенные переживания, мы обращаем внимание только на определенные явления. Достаточно нашему вниманию отклониться в сторону, чтобы мы имели право сказать, что наша установка изменилась. Предположив, что в основе воли лежит установка, станет понятно, почему колебание внимания указывает на слабость воли, ведь оно может проявиться в результате ослабления установки.

Итак, полученные в результате экспериментального исследования факты относительно твердости воли говорят опять-таки в пользу установки как основы, от

особенностей которой зависит даже такая формальная сторона воли, как ее твердость или слабость.

Значительное преимущество понятия установки в этом случае проявляется и в другом обстоятельстве. Дело в том, что слабость или твердость воли ни в коем случае не может считаться ее чисто формальной стороной. Такой формалистический взгляд по существу противоречит фактам, засвидетельствованным как нашими повседневными наблюдениями, так и экспериментальными исследованиями. Мы все прекрасно знаем, что человек твердой воли в некоторых случаях, в зависимости от того, что ему приходится решать, проявляет довольно заметную слабость, тогда как другой, в общем-то слабовольный человек, именно в этом случае подчас обнаруживает способность к гораздо более энергичным действиям! Совершенно очевидно, что наше решение во многом зависит от своего содержания. Воля, конечно же, не есть чисто формальная сила, напротив, содержание для нее имеет исключительное значение. Но коль скоро это так, тогда данное обстоятельство опять-таки свидетельствует в пользу установки как основы воли, поскольку для установки, как мы знаем, особое, основополагающее значение имеет именно содержательный, то есть объективный фактор, ведь в лице установки мы имеем дело с отражением объективной действительности.

Мотивация — период, предшествующий волевому акту

1. Значение изучения периода мотивации

Мы пока знаем лишь то, что в основе произвольного поведения лежит установка, проявляющаяся в момент принятия решения. Мы знаем, что возникновение этой установки дается нам в виде своеобразного переживания — в виде специфического переживания самоактивности, не похожего ни на одно из известных переживаний; оно считается переживанием воли. Но знаем мы и то, что импульсивное поведение также протекает на основе установки, возникающей под воздействием ситуации, соответствующей актуальной потребности.

Мы, однако, еще не знаем главного — что именно порождает установку в случае воли и, следовательно, чем в конце концов волевое поведение отличается от импульсивного. Правда, нам известно, что в случае импульсивного поведения нет переживания акта решения, переживания самоактивности. Но как происходит, что акт принятия решения переживается как самоактивность? Как происходит, что возникновение установки в случае воли дано нам в виде активности Я? Данных вопросов мы еще не касались, и для ответа на них нужно уяснить, что же создает установку в случае воли.

Волевое поведение отличается от импульсивного особенно зримо и тем, что оно имеет предшествующий акту решения период, предназначенный несомненно для создания условий созревания установки, подготовки ее возникновения. Изучение этого подготовительного периода безусловно имеет исключительно большое значение для решения основных вопросов воли.

2. Смысл периода мотивации

Когда субъект действует под влиянием актуальной потребности, когда его поведение подчинено силе этой потребности, мы имеем дело с импульсивным поведением. Однако человек не всегда уступает этому импульсу. Мы знаем, что он обладает способностью противопоставить самого себя окружающей среде, объективировать действия своего Я. Это позволяет высвободиться от принуждения импульса актуальной потребности, поставив, следовательно, вопрос о своем будущем поведении, то есть теперь человек сам должен решить, как себя вести, раз уж не следует за импульсом актуальной потребности. Таким образом, субъект осознает, что отныне его поведение зависит от него самого, от его собственной личности, от его Я. Следовательно, нужно заранее продумать, какое поведение предпочтительнее для его Я.

Быть может, благоприятным окажется импульс актуальной потребности, но возможно и то, что он будет противоречить другим потребностям личности и поэтому будет вообще неприемлемым для Я, чье существование, а значит, и интересы не исчерпываются одним данным моментом. Ночную бабочку влечет к себе огонь; оказываясь не в силах противиться этому импульсу, она погибает. К счастью, совсем иным является человек. Прежде чем обратиться к какому-либо поведению, он заранее предусматривает, насколько данное поведение вообще приемлемо для него, ведь его существование не ограничивается только данным моментом. Субъектом своего поведения он переживает самого себя, свое Я. Поэтому понятно, что, прежде чем решить окончательно, как поступить, он должен обдумать, какой акт поведения наиболее соответствует его Я.

Отсюда ясно, что в случае воли человек делает не то, к чему принуждает его актуальная потребность, чего ему хочется сиюминутно, а то, что соответствует общим интересам его Я, хотя, возможно, в данный момент делать это ему вовсе не хочется.

Следовательно, акту принятия решения предшествует период, в котором происходит предварительное осмысление, предварительный поиск поведения, сообразного общим интересам Я субъекта. Этот процесс поиска завершается актом принятия решения, то есть *нахождением* такого *поведения,* которое, по мнению субъекта, соответствует его Я и за которое он может взять на себя ответственность.

Таким образом, мы видим, что благодаря способности объективации самого себя и своего поведения человек действует не по импульсу своей актуальной потребности, а в соответствии с общими потребностями своего Я. Акт принятия решения означает, что найдено поведение, сочтенное им наиболее подходящим для своего Я, а период, предшествующий этому акту, представляет собой период *поиска* надлежащего поведения.

3. Выбор и мотив

Предварительный общий анализ содержания упомянутого подготовительного периода убеждает нас в том, что он подразумевает участие по крайней мере двух основных факторов. Во-первых, вместо того, чтобы непосредственно приступить к действию, субъект приступает к поиску целесообразного поведения: он размышляет, обдумывает — словом, мыслит, дабы найти наиболее целесообразный для него вид поведения. Во-вторых, он имеет в виду потребности своего Я, непременно учитывая их при принятии окончательного решения. Сколь целесообразным ни казалось бы ему то или иное возможное решение, он принимает данное решение лишь после его согласования с потребностями своего Я.

Рассмотрим оба эти фактора более детально.

А. При волевом поведении человеку приходится сделать *выбор:* что лучше? Какое поведение наиболее целесообразно для него? Совершенно очевидно, что такой вопрос может встать лишь перед мыслящим существом, которое в состоянии ответить на него, понять, что для него более или менее целесообразно. Человек, прерывая одну деятельность, с тем чтобы приняться за другую, более целесообразную для него, делает это прежде всего на основе размышления, обдумывая, насколько в этих условиях разумно, целесообразно поступить так или этак. Выбор целесообразного поведения всецело зависит от того, насколько правильно мыслит человек.

Таким образом, акт решения предваряется мышлением: субъект обдумывает, оценивает целесообразность каждого возможного акта, останавливаясь, наконец, на каком-либо одном. Например, когда перед Юлием Цезарем встал вопрос о захвате власти вооруженным путем, он отдал распоряжение о переходе Рубикона и выступлении в поход против Рима не сразу же, а лишь после предварительного и довольно длительного обдумывания, прийдя к заключению, что выступление против республики именно в существующих условиях особенно целесообразно и надежно. После того, как он постиг разумом, что для него действительно выгодно выступить против республики именно теперь, он сразу же принял решение немедленно перейти Рубикон и выступить против республиканских войск.

Итак, мы повторяем, акту принятия решения всегда предшествует обдумывание, взвешивание всех возможностей — одним словом, довольно сложный мыслительный процесс, в результате которого субъект сочтет для себя особенно целесообразным какое-либо поведение.

Однако дает ли это последнее обстоятельство гарантию, что субъект действительно решит выполнить именно такое поведение? Достаточно ли убедиться в том, какое поведение предпочтительнее, чтобы действительно взяться за его выполнение? Достаточно ли успешного завершения интеллектуального процесса для того, чтобы свершился и соответствующий волевой акт? Будь это так, тогда между волей и мышлением не было бы никакого различия — акты интеллектуального решения вопроса и волевого принятия решения должны были бы совпасть друг с другом. Но даже самое простое наблюдение подсказывает, что это не так. Представим себе, что Юлий Цезарь был слабовольным человеком. Это обстоятельство, возможно, не помешало бы ему прийти к выводу, что начать борьбу за власть наиболее целесообразно именно теперь. Однако разве смог бы он тогда столь легко решить отдать приказ своему легиону перейти Рубикон и выступить против республики? Разумеется, нет! Для этого ему понадобилось бы еще нечто, не относящееся к мышлению как таковому. Для этого ему дополнительно потребовалось бы прибегнуть к волевому акту.

Возникает вопрос: на что опирается акт самого принятия решения? Несомненно, что он основывается на том интеллектуальном процессе, в результате которого обоснована целесообразность определенного поведения. Но, как мы убедились, для акта принятия решения этого еще недостаточно. Он еще нуждается в своей специфической основе. В психологии основание, или довод, волевого действия именуется *мотивом.* Следовательно, до принятия какого-либо решения человек прежде должен начать поиск соответствующих мотивов — акт принятия решения предваряется процессом мотивации.

Стало быть, весь процесс следует представить следующим образом: вначале установление целесообразного поведения через мышление, затем процесс мотивации и, наконец, акт принятия решения.

Б. В психологии воли понятие мотива занимает исключительно важное место. Несмотря на это, оно и по сей день с подлинно психологической точки зрения недостаточно изучено. Раньше это понятие рассматривалось скорее с этико-философской точки зрения, и это положение пока еще не ликвидировано окончательно в психологии. И, конечно, пока это не будет сделано, говорить о подлинной психологии воли весьма трудно.

И действительно, как обычно трактуется понятие мотива? Некоторые психологи, например Рибо, называют мотив «причиной воли». В этом случае дело представляется так: когда человеку нужно принять какое-либо решение, в его сознании непременно должны быть переживания, вынуждающие его принять именно одно определенное решение; мотивом являются именно эти переживания. Подразумевается, что мотив находится в таком же соотношении с волевым актом, как физическая причина — с физическим следствием.

Гораздо чаще мотив объявляется основанием, или доводом, поведения. Это означает, что когда человек что-либо решает, это происходит не потому, что нечто вынуждает его принять именно это решение, а потому, что по различным соображениям оно выгодно для него. Всякий выбор безусловно имеет какое-то основание, и в случае воли этим основанием служит мотив.

Возьмем простой пример: допустим, сегодня вечером назначен концерт, очень интересующий меня. С другой стороны, согласно моему рабочему плану, именно сегодня вечером я должен выполнить определенную работу. Во мне возникают две противоположные тенденции: пойти на концерт и остаться дома. Скажем, перспектива остаться дома и работать малопривлекательна для меня, я предпочел бы пойти на концерт. Поразмыслив, я прихожу к выводу, что лучше остаться дома и выполнить запланированную работу. Для того, чтобы действительно решить остаться дома, мне понадобилось найти преимущества этого поведения: оставшись сегодня дома и занявшись работой, я своевременно выполню свой план, что для меня чрезвычайно важно, а не поработав сегодня, я провалю план, потому что завтра у меня совсем не будет времени. Следовательно, если я хочу иметь результаты, последующие за выполнением плана, то должен отказаться от концерта и остаться дома. Допустим, я действительно предпочел остаться. Почему это произошло? Почему я решил делать не то, что в данный момент привлекало меня больше, а то, что не привлекало вовсе? Потому, что это последнее оказалось для меня более *ценным,* чем первое; оставшись дома и поработав, я в результате выполню план и обрету все преимущества, связанные с этим, что для меня гораздо важнее, чем удовольствие, которое я получил бы на концерте.

Таким образом, определенное поведение — остаться дома и работать — нашло оправдание. То, что последует за ним, имеет для меня большую ценность, чем результат посещения концерта. Именно это и есть *мотив* моего решения, представляющий собой осознание предпочтительной ценности для меня того или иного поведения; в этом смысле мотив — это оправдание одного из них. Таково по существу современное понимание мотива.

Отсюда ясно, почему иногда принятию решения предшествует довольно длительный период обдумывания и колебаний. Дело в том, что человек — существо сложное со многими потребностями, и то или иное поведение может во многих отношениях оказаться приемлемым для него, а во многих — неприемлемым. В этих условиях, разумеется, колебания вполне объяснимы. Одни мотивы оправдывают данное поведение, а другие, наоборот, говорят против. То, какому из них следует отдать предпочтение, зависит от того, который из них обладает наибольшей силой,

чтобы победить. Потому-то говорят, что акту принятия решения предшествует борьба мотивов, представляя процесс выбора в виде этой борьбы мотивов.

Таково распространенное учение о мотивах. Основная его мысль заключается в следующем: существует поведение; окажется оно приемлемым или нет, это зависит от того, какие мотивы говорят в его пользу, а какие — против. Между поведением и мотивом проведена как бы граница: поведение — одно, а мотив — нечто другое. Поэтому вполне возможно, чтобы одно и то же поведение имело как положительные, так и отрицательные мотивы. Например, в пользу посещения концерта говорит мотив эстетического удовольствия, но это поведение имеет и противоположный мотив, ведь с другой точки зрения посещение концерта можно считать потерей времени.

4. Понятие физического поведения

Подобное понимание понятия мотива правомерно с точек зрения этики и криминалистики. Но это совершенно не означает, что оно должно быть правомерным и для психологии. И в самом деле, что интересует этику или криминалистику? Как для первой, так и для второй основным является вопрос оценки данного поведения: хорошее оно или плохое с нравственной точки зрения, преступное или нет с правовой точки зрения; именно этим интересуются этика и криминалистика. Следовательно, в обоих случаях с необходимостью должно быть дано само поведение, как факт, поддающийся описанию. Например, *посещение концерта* или *пребывание дома* — определенное поведение, состоящее из комплексов определенных движений и, как таковое, данное объективно. В этом случае и в этом смысле можно говорить о *физическом поведении.* Этика и криминалистика, конечно, подразумевают именно это физическое поведение, интересуясь его достоинствами и недостатками. Например, кто-то нашел на улице какую-то вещь и присвоил ее. Перед нами определенное поведение: *присвоение вещи,* то есть указанный субъект вместо того, чтобы объявить, что на таком-то месте нашел такую-то ценную вещь, и призвать хозяина прийти за ней, умалчивает о своей находке, обращаясь с нею, как со своей собственностью. Итак, перед нами определенное поведение, определенная объективная данность. Вопрос об оценке деятельности может быть поставлен лишь после того, как поведение дано как факт: с нравственной точки зрения — это плохой поступок, а с точки зрения криминалистики — противоправное поведение. Словом, здесь поведение одно и то же; речь идет только лишь о его оценке.

В таких условиях, разумеется, соответствующее содержание обретает и понятие мотива. Мотив — это соображение, заставившее субъекта совершить этот акт, потребность, для удовлетворения которой данное поведение было признано целесообразным. Но поскольку возможно, чтобы одно и то же поведение удовлетворяло различные потребности — и хорошие, и плохие, постольку с точки зрения этики и криминалистики это поведение может иметь либо хороший, либо плохой мотив. Поэтому можно предположить, что решение человека, вставшего перед дилеммой — поступить так или нет, зависит от того, какой мотив окажется сильнее и победит.

5. Понятие мотива в психологии

Психологической точке зрения надлежит быть иной. Следовательно, иным должно быть и само понятие мотива. И в самом деле, что представляет собой поведение с психологической точки зрения? Разумеется, психологию не интересует

вопрос о достоинствах и недостатках поведения. Для нее поведение как физическая данность, как комплекс определенных движений вовсе не является поведением. Психологически данный комплекс может считаться поведением лишь в том случае, когда он *переживается как носитель определенного смысла, значения, ценности.* В поведение его превращает именно *этот смысл, эта ценность, это значение.* Вне этого он был бы простым физическим фактом, изучение которого во всяком случае психологии касается менее всего.

Но коль скоро это так, тогда вполне возможно, чтобы одно и то же физическое поведение психологически представляло собой множество совершенно различных видов поведения. Например, посещение концерта как физическое поведение есть посещение концерта и ничего более. Это — определенное поведение, но психологически посещение концерта как таковое еще не есть поведение, становясь таковым лишь тогда, когда в него привносится психологическое содержание; поэтому посещение концерта с целью получить эстетическое удовольствие от музыки — это уже определенное поведение. Но посещение концерта может иметь и другой смысл, может удовлетворять и другую потребность, например во время концерта назначена встреча с приятелем. В этом случае психологически это будет уже совсем иное поведение, не имеющее ничего общего с первым. Посещение того же концерта для развлечения или же для того, чтобы послушать новое музыкальное произведение, — с психологической точки зрения опять-таки различные виды деятельности. Следовательно, одно и то же поведение, имеющее различный смысл и способное удовлетворить различные потребности, психологически немыслимо. Физическое и психологическое поведение ни в коем случае не совпадают друг с другом. Психологически существует столько различных поведений, сколько имеется различных целей, которым они служат.

6. Функция мотива

Данное положение следует считать совершенно бесспорным до тех пор, пока мы продолжаем стоять на психологической точке зрения. В психологии говорить о поведении можно только в этом смысле. Однако если это так, тогда и понятие мотива следует трактовать по-иному, и смысл мотивации освещать иначе.

Вернемся опять к нашему примеру. Мне надо решить: пойти сегодня вечером на концерт или нет? После долгих размышлений я, наконец, решаю: хотя меня очень интересует сегодняшний концерт, но нужно работать, и поэтому я должен остаться дома. Но, допустим, именно в это время мне звонят по телефону и сообщают, что сегодня на концерте будет один мой знакомый, встретиться с которым для меня очень важно. Я опять-таки начинаю думать: пойти на концерт или нет? И теперь уже решаю пойти. Спрашивается, почему? Что случилось? Ответ прост: возник *новый мотив* посещения концерта — *мотив встречи со знакомым,* благодаря которому победило поведение, которое прежним решением было как будто окончательно отвергнуто.

Но за счет чего новый мотив достиг подобного эффекта? Вникнув внимательнее в суть дела, убедимся, что в данном случае мотив отнюдь не заставил меня принять уже отвергнутое поведение, вынудив тем самым изменить решение. Нет! Мотив вынудил меня найти *новое поведение,* которое оказалось более значимым для меня — во всяком случае, по сравнению с продолжением работы. И в самом деле, актом предшествующего решения я отверг посещение концерта с целью получения эстетического удовольствия. Теперь же, когда появился мотив встречи со знакомым, я

изменил не прежнее решение, а только решил выполнить *физически то же самое поведение,* от которого раньше отказался (посещение концерта), но *психологически* представляющее собой совершенно новое поведение — *посещение концерта с целью повидаться со знакомым.* Ведь ясно, что это последнее поведение совсем иное, чем *пойти на концерт с целью получения эстетического удовольствия.*

Таким образом, в этом случае роль мотива заключается в замене одного, менее приемлемого, поведения другим, более приемлемым, и в создании тем самым возможности осуществления определенной деятельности.

Отсюда понятно, что по существу говорить о борьбе мотивов совершенно неправомерно, нет столкновения и взвешивания мотивов pro и contra одного и того же поведения. Этой борьбы не существует потому, что нет одного и того же поведения, имеющего различные мотивы. Было бы правильнее сказать, что *есть столько поведений, сколько и мотивов,* придающих им смысл и значение.

Исходя из этого, значение мотива неизмеримо. Поведение становится волевым только благодаря мотиву, таким образом видоизменяющим деятельность, что она становится приемлемой для субъекта.

7. Мотив и высшие потребности

Выше мы уже отметили, что акту принятия решения предшествует процесс мышления, которому надлежит уяснить, какое поведение является более целесообразным для субъекта. Для того, чтобы за этим последовал подлинный акт решения, нужно все еще нечто, ибо то, что в данных условиях является объективно целесообразным, еще не имеет притягательной силы, представляя собой холодное, индифферентное суждение, от которого не исходит импульс активности. Для того, чтобы это произошло и субъект принял решение осуществить именно эту активность, необходимо вмешательство нового фактора. Как отмечалось выше, этим новым фактором является мотив.

Возникает вопрос о том, на что опирается мотив, соответствующим образом модифицируя поведение. Данный вопрос вынуждает нас обратиться к рассмотрению потребностей Я. Дело в том, что в случае воли субъектом деятельности переживается Я. Но, как мы убедились, Я выходит за пределы момента, являясь носителем таких потребностей, ни одна из которых не предопределяется частной ситуацией или моментом. В этом смысле Я имеет как бы *«отвлеченные»* потребности, остающиеся в силе в любой *возможный* частный момент. Что это за потребности?

Правда, всякая *витальная* потребность связана с вполне определенной, конкретной ситуацией, являясь потребностью определенного момента. Например, испытывать голод можно только в отдельный момент, голода вообще не существует. Но, невзирая на это, он также входит в круг отвлеченных потребностей Я. Дело в том, что когда у человека, находящегося в определенной ситуации, возникает некая потребность, например — голод, то, начиная заботиться об удовлетворении этой потребности, он не ведет себя так, будто данная потребность ограничена рамками только этого момента — съедает не все, что у него есть, а учитывая, что он проголодается и в будущем, удовлетворяет свою сегодняшнюю потребность исходя из этого.

Таким образом, сегодня он обращается со своей витальной потребностью как потребностью, представляющей собой потребность Я вообще и потому могущей возникнуть и в будущем. Или же еще: он съедает не все, что может удовлетворить эту потребность (например, сырое мясо или вкусную, но вредную для его здоровья пищу), а только то, что ему не может нанести вред. Данные примеры со всей очевидностью

свидетельствуют о том, что человек даже при удовлетворении витальной потребности руководствуется не импульсом момента, а общими потребностями своего Я.

Но то, что было сказано о голоде, можно сказать и о других витальных потребностях, то есть для культурного человека даже витальная потребность не может считаться потребностью настоящего времени и потребностью момента.

Совсем иное дело, разумеется, животное, дикарь, а также ребенок. Они удовлетворяют скорее потребности момента, другие потребности для них не существуют.

Однако у человека имеются и другие потребности, не имеющие непосредственно ничего общего с витальными потребностями. Эти потребности именуются высшими потребностями — *интеллектуальные, моральные* и *эстетические* потребности. У человека есть идея истины, идея добра и идея прекрасного, и все, что он видит и делает, созерцается через призму этих идей. В своем повседневном поведении он стремится удовлетворить не только те потребности, на удовлетворение которых непосредственно направлена его деятельность, но и высшие потребности. Таким образом, и его низшие, витальные потребности тесно увязываются с высшими: наш голод - это не только просто голод как таковой, поскольку процесс его удовлетворения должен считаться и с нашими высшими потребностями. Еда кажется нам вкуснее, когда она отвечает и нашим эстетическим запросам, когда ее подают на красиво сервированном столе и в красивой посуде, а не в эстетически непривлекательных условиях. Аналогичное можно сказать и об остальных витальных потребностях. Любовь, например, из простого полового влечения возвышается до высокого нравственного и эстетического переживания.

Таким образом, человеку свойственно увязывать любую свою потребность, возникающую в определенный момент и в определенных условиях, с постоянными, высшими, неизбежными потребностями своего Я, заботясь об удовлетворении потребностей момента исходя из этого.

8. Мотивация и установка

Отмеченное обстоятельство характерно для любого человека, но не в равной мере. Для некоторых людей большее значение и большую силу имеют высшие потребности, тогда как жизненный уклад других определяют витальные потребности. Для одних источником неиссякаемой энергии служат эстетические потребности, для других — моральные и интеллектуальные. Одним словом, между людьми существуют довольно значительные различия в зависимости от того, какие потребности более характерны для их Я.

Разумеется, здесь решающее значение имеет прошлое каждого человека, то есть ситуация, в которой протекала его жизнь и в которой он воспитывался, особенно весомые для него впечатления и переживания. Совершенно ясно, что в силу всею этого у каждого человека выработаны свои особые *фиксированные* установки, проявляющиеся в том или ином виде, с большей или меньшей очевидностью, становясь в соответствующих условиях основой готовности к поведению в определенном направлении. Между прочим, *личность* человека в решающей мере предопределена именно этими установками — они и являются причиной того, что для некоторых основным источником энергии является одна система потребностей, а для других — другая.

С учетом сказанного понятно, что не все для всех имеет одинаковую ценность. Всякий предмет или явление оценивается в зависимости от того, какую потребность он может удовлетворить, а ведь потребности у людей разные.

Когда перед человеком встает вопрос, как себя повести, проявляется следующее обстоятельство: из всех тех возможных действий, признанных его разумом целесообразными, лишь некоторые привлекают его с определенной стороны, лишь по отношению к некоторым из них он чувствует готовность, лишь некоторые приемлет как подходящие, как действительно целесообразные. Смысл мотивации заключается именно в этом: отыскивается и находится именно такое поведение, которое соответствует основной, закрепленной в жизни, установке личности. Обнаружив эту линию поведения, субъект как-то особенно переживает ее, он чувствует исходящее от нее определенное *влечение,* переживая готовность *к ее выполнению.* Это и есть переживание, появляющееся во время акта принятия решения в виде специфического переживания, охарактеризованного нами выше под названием «я действительно хочу». Это переживание наглядно указывает, что у субъекта создана установка определенного поведения, то есть акт принятия решения свершился, и теперь его нужно выполнить.

9. Произвольное и импульсивное поведение

Роль мотива состоит в том, что он превращает то или иное физическое поведение в определенное психологическое поведение. Это происходит благодаря включению данного поведения в систему основных потребностей личности, в результате чего у субъекта возникает установка его выполнения. А это означает, что основой волевого поведения является определенная установка. Но ведь установка лежит и в основе импульсивного поведения! Какая же тогда разница между волевым и импульсивным поведением?

С данной точки зрения между этими двумя основными формами поведения действительно нет никакой разницы: в обоих случаях основой служит установка. Для нас это бесспорно. Стало быть, различие следует искать в другом направлении. Дело в том, что данная установка в первом случае создается так, а в другом — иначе, поэтому различие между этими формами поведения следует усматривать именно в этом. В случае импульсивного поведения установку создает актуальная ситуация. Вернее, у живого существа появляется определенная конкретная потребность, при этом оно находится в определенной конкретной ситуации, в которой должна быть удовлетворена возникшая потребность. На основе взаимоотношения этой актуально переживаемой потребности и актуально данной ситуации у субъекта появляется определенная установка, лежащая в основе его поведения. Так рождается импульсивное поведение. Естественно, что в данном случае переживание субъекта таково, что он не чувствует свое Я подлинным субъектом поведения — он не объективирует ни свое Я, ни свое поведение, поэтому импульсивное поведение никогда не переживается как проявление самоактивности Я.

Совсем иначе обстоит дело в случае произвольного поведения. Что здесь вызывает установку? Тут уж никак не скажешь, что это делает актуальная ситуация! Мы уже знаем, что актуальная, то есть конкретная, ситуация, в какой субъект находится в данный момент, решающего значения не имеет. Дело в том, что субъект здесь заботится не об удовлетворении переживаемой в данный момент потребности. Воля отнюдь не руководствуется целью удовлетворения актуальной потребности. Нет! Как уже выяснилось выше, она стремится к удовлетворению «отвлеченной» потребности, — *потребности* Я, и понятно, что актуальная ситуация, в которой субъект находится в данный момент, не имеет для него значения, ведь она представляет собой ситуацию удовлетворения не потребностей Я, а всего лишь потребностей момента, с которыми воля не имеет дела.

Что же это за ситуация, принимающая участие в создании установки, лежащей в основе воли? Обратимся к нашему примеру. Решая, как поступить — пойти сегодня на концерт или остаться дома работать, я заранее представляю себе обе эти ситуации (и посещение концерта, и пребывание дома за работой); осмысливаю все, что может последовать в результате и одного, и другого, и, наконец, в зависимости от того, какая потребность Я пересилит, у меня возникает или установка остаться дома, или же установка посещения концерта. Воздействие какой ситуации создало эту установку? Безусловно, речь идет о воздействии ситуации, данной мне не непосредственно, не актуально, а *представленной* и *осмысленной* мною самим. В случае воли поведение, которому надлежит стать предметом решения, должно осуществиться в будущем. Следовательно, и соответствующая ситуация не может быть полностью дана в настоящем, а может быть только представлена и осмыслена. Поэтому неудивительно, что установку, возникающую в момент принятия решения и лежащую в основе процесса волевого поведения, создает *воображаемая,* или *мысленная, ситуация.*

Как мы видим, генезис установок импульсивного и волевого поведения различен, в частности, в основе первой лежит актуальная ситуация, а второй — воображаемая, или мысленная.

10. Активность воли

Какое значение имеет это различие? Весьма примечательное! В случае воли установку действительно создает субъект, она является результатом его активности. И в самом деле, ведь воображение, мышление — это своего рода творчество, определенная психическая деятельность, в которой действительность отражена не пассивно, а активно. В случае волевого поведения субъект обращается к этим активным процессам — воображению и мышлению, создавая с их помощью ситуацию своего возможного поведения, строя идейную ситуацию, вызывающую у него определенную установку. Именно данная установка и становится основой процесса волевого поведения.

Таким образом, в случае воли субъект сам создает установку; он безусловно активен. Разумеется, он вызывает установку отнюдь не непосредственно — это не в его силах, да он и не пытается сделать это. Его активность заключается в создании мысленной, воображаемой, словом, *идейной* ситуации, создавая тем самым соответствующую установку. В общем для человека иного рода активность не характерна, его активность выражается не в непосредственном, а в опосредованном воздействии — вообще специфичным для человека являются именно действия через *орудие.*

Поэтому понятно, что в волевом акте субъект чувствует *самоактивность.* Это переживание очень своеобразно. Как уже отмечалось, выразить его наиболее адекватно можно так: «теперь я действительно хочу». Здесь одновременно дано несколько моментов, и все эти моменты присущи этому своеобразному переживанию. Прежде всего, это — переживание активности Я — это хочет именно Я. Затем второе переживание — Я *действительно* хочет. Это указывает на то, что субъекту знакомо и такое переживание, когда он только хочет, а не действительно по-настоящему хочет. В волевом акте подчеркнута эта *подлинность, действительность* хотения. Наконец, третий момент таков: субъект чувствует, что вот *теперь* уже он действительно хочет. Он как бы подтверждает, что *теперь* в нем произошло важное изменение, что *вот теперь* он действительно хочет. Следовательно, в переживании воли, представляющем собой, как отмечалось, единое целостное переживание, дано, с одной стороны, безусловное переживание активности Я, но, в то же время, такой активнос-

ти, начало которой зависит не от Я, а которая проистекает как бы без него — Я только подтверждает, что «вот теперь оно уже действительно хочет», а до сих пор оно или не хотело, или не хотело действительно. Теперь же очевидно, что Я действительно хочет, а изменение в нем произошло как бы без его участия. Это специфическое переживание несомненной активности и, в то же время, несомненной зависимости очень характерно для волевого акта. Оно подтверждается во всех значительных экспериментальных исследованиях, проведенных с целью описания волевого акта (Мишотт и Прюм и др.).

Как можно объяснить это специфическое переживание? Откуда оно исходит? Для нас не представляет труда ответить на этот вопрос. Надо полагать, что данное переживание является подлинным отражением того, что происходит в субъекте во время волевого акта. Судя по этому переживанию, в субъекте происходит нечто такое, что, с одной стороны, выявляет его активность, а с другой — его пассивность, зависимость. То, что мы знаем о сущности воли, может оказаться основой именно такого переживания. Да и в самом деле, ведь волевой акт указывает на то, что вот в данный момент у субъекта возникла установка, которая станет основой его будущего поведения, направив его по определенному пути. Следовательно, субъект до сих пор как бы «не хотел», а теперь уже «хочет» и «хочет действительно», так как установка возникла у него именно сейчас. Создание этой установки было его делом. Поскольку он несомненно активен, поэтому естественно, что он и переживает эту активность. Однако ведь он не может прямо воздействовать на установку, чтобы произвольно изменить, вызвать или пресечь ее, поскольку воздействует на нее только через идейную ситуацию. Однако то, когда эта идейная ситуация вызовет установку, от желания субъекта совершенно не зависит — субъект может всего лишь констатировать, произошло ли в нем вызванное им опосредованно изменение или нет.

Как мы видим, в случае воли в человеке действительно протекает *процесс,* во время которого он переживает себя и активным, и пассивным.

11. Проблема свободы воли

С этим тесно связана проблема свободы воли — древнейшая проблема, являвшаяся в прошлом скорее предметом метафизических рассуждений, нежели научного исследования.

Вопрос о свободе воли является в первую очередь вопросом психологии. Невзирая на это, он изучался гораздо больше философией, теологией и криминалистикой, нежели научной психологией. Это объясняется тем, что решение данного вопроса имело большое практическое значение с нравственной, религиозной и криминалистической точек зрения. Если человек свободен, если его поведение всецело зависит от него самого, тогда то, ведет ли он себя нравственно, соблюдает ли религиозные нормы, подчиняется ли правовым нормам — все это зависит от него, а общество получает возможность надлежащим образом воздействовать на него, то есть наказывать плохое поведение и поощрять хорошее.

Известны две противоположные попытки решения данного вопроса — положительная и отрицательная — *индетерминизм,* признающий волю свободной силой, не подчиняющейся всеобщему закону причинности, и *детерминизм,* отрицающий, наоборот, самостоятельность, свободу воли, ее способность действовать вне круга причинности[1]. В результате эмпирического исследования воли как будто окончатель-

[1] Речь идет о механической причинности. - *Примечание редактора*

но подтвердилось, что детерминизм лучше согласуется и с фактами, и с общенаучными принципами, согласно которым ничего без причины не происходит. В частности, зависимость волевого акта от мотива, тот факт, что решение всегда должно быть мотивированным, как будто окончательно доказывает необоснованность индетерминизма. Тем не менее, поставить точку в вопросе о свободе воли совершенно невозможно.

Дело в том, что в пользу свободы воли говорит ряд фактов. Во всяком случае, в протекании волевого акта несомненно присутствует переживание самоактивности, свободы. Там, где подобное переживание не отмечается, никто и не говорит о воле, так как это будет уже импульсивное поведение. Это — экспериментально доказанный факт, впрочем, он общеизвестен и без этого. Даже оставив в стороне все остальное, очевидно, что само понятие свободы воли не появилось бы, не имей оно основания в нашем переживании. Вопрос может касаться только того, не вводит ли нас в заблуждение наше сознание, не является ли свобода воли иллюзией. Но даже в том случае, если она окажется иллюзией, перед психологией воли все-таки будет стоять вопрос о свободе воли, поскольку необходимо выяснить, как возникает и на чем основывается данная иллюзия.

Разумеется, факт, что вне мотивации волевой акт не происходит. Следовательно, детерминизм прав — волевой акт предопределен мотивом. Но фактом является и то, что один и тот же мотив не всегда вызывает один и тот же акт — в одном случае вызывает некий результат, но во втором оказывается совершенно бессильным сделать это. Подобные факты абсолютно не вписываются в понятие причинности, поскольку в определенных условиях причина всегда вызывает определенный результат. Именно поэтому невозможно каузально увязать мотив или группу мотивов с определенным волевым актом. Стало быть, детерминизм все-таки не прав.

Истинное положение следует представить скорее следующим образом: сознание вовсе не вводит нас в заблуждение, переживая волевой акт как свободный акт. Обращаясь к воле, человек заведомо ускользает от импульса актуальной ситуации, освобождается от его принуждения; он не дает возможность актуальной ситуации или, как сказал бы Левин, *актуальному «полю»,* вызвать в нем установку соответствующего поведения. Но это — уже некоторая свобода, правда, свобода, так сказать, негативная, то есть *свобода бездействия.* Однако на той же почве взрастает и свобода действия. Субъект сам создает в себе установку определенной деятельности и, стало быть, самостоятельно вызывает эти действия. Но это уже — *свобода деятельности.* Она предопределена только лишь субъектом, поскольку установка, лежащая в ее основе, полностью создана субъектом, ведь объективный фактор установки — ситуация — навязана не извне, а как воображаемая, мысленная ситуация представляет собой продукт активности субъекта. Что же касается субъективного фактора, то о нем и говорить излишне — ведь он предопределен системой потребностей Я.

Таким образом, несомненно, что установка, зарождающаяся в волевом акте и направляющая процесс волевого поведения, является продуктом самостоятельной активности субъекта. В данном смысле переживание свободы воли полностью обосновано.

Однако, с другой стороны, эта свобода отнюдь не означает безосновательности, беспричинности деятельности, поскольку для нас бесспорно, что протекание волевого поведения всецело направляется установкой. Следовательно, в данном смысле говорить о каком-либо индетерминизме никак нельзя; что же касается, в частности, волевого акта — момента принятия решения, во время которого происходит возникновение установки, то и этой установке не совсем чужда причин-

ность. Мы знаем, что и она, подобно обычной установке, лежащей в основе импульсивного поведения, определена ситуацией. Разница лишь в том, что в одном случае это — актуальная ситуация, а во втором — воображаемая, мысленная. Однако в данном случае это не имеет никакого значения: ситуация, будь то актуальная или данная в представлении, выступает в роли причины возникновения установки. Лежащая в основе волевого поведения установка так же всецело детерминирована мысленной ситуацией, как и лежащая в основе импульсивного поведения установка — актуальной.

Таким образом, воля свободна постольку, поскольку она не подвластна влиянию актуальной ситуации, поскольку не переживает исходящего отсюда принуждения. Она свободна постольку, поскольку действующая на нее ситуация является воображаемой и, следовательно, осознается самим субъектом. Однако она детерминирована, несвободна, поскольку обусловлена хотя и воображаемой, но все же ситуацией.

Патология воли

Изучение патологических случаев всегда имеет большое значение для понимания истинной природы нормальных процессов, и патология воли, разумеется, в этом отношении не составляет исключения. Можно сказать и больше: так как экспериментальная психология воли сталкивается с исключительными трудностями — в силу интимности связи между личностью и ее волей, патологические явления как эксперименты, поставленные самой природой, приобретают особое значение именно в психологии воли. Это дает нам возможность, с одной стороны, проверить, насколько правильны соображения о сущности воли, сформулированные на основании исследований, проведенных иными путями, а с другой стороны, на основании полученного таким образом нового материала выявить некоторые новые стороны предмета нашего исследования — воли; *психопатология воли проверяет и пополняет психологию воли.*

С учетом высказанного соображения понятно, что нам нужна не полная картина патологии воли, а достаточно ограничиться основными проявлениями.

1. Одна группа патологии воли состоит из случаев действий или отдельных движений, характеризующихся *принудительностью.* Часто больной чувствует, что движение, действие, представление о котором у него почему-то возникло, не имеет никакого смысла, а иногда даже может нанести вред. Тем не менее, он вынужден все-таки выполнить его, только после этого почувствовав некоторое облегчение. Если же он воздерживается от его выполнения, то принуждение становится настолько сильным, что больной совершенно теряет самообладание. Подчеркивается, что больной прекрасно осознает, что делает, знает, что хочет совершить абсолютно бессмысленное, неуместное, неприличное действие, которое иногда может оказаться даже губительным. В последнем случае он призывает близких, чтобы они помешали ему, заперли в комнате, чтобы он, скажем, не совершил убийства и т.д. Согласно Жане, для этих случаев специфично то обстоятельство, что больной оказывает принуждению более или менее длительное сопротивление.

Одним словом, у больного возникает неодолимая тенденция выполнить какое-либо действие или отдельное движение, которой он некоторое время сопротивляется как бессмысленной, безнравственной, а иногда и губительной, но в конце концов все же уступает ей, если не лишен технических возможностей выполнения этого.

Больной относится ко всему этому сознательно, он не знает только того, откуда в нем появилась эта неодолимая и бессмысленная тенденция.

В данную группу патологических случаев входят действия и движения различной сложности, начиная от простейших, таких как неоправданные движения так называемых *«психастеников» {тики),* не лишенные смысла в надлежащих условиях (например, определенные поднимание и опускание плеч, качание головы, словно для проверки, хорошо ли надета шапка), и кончая довольно сложными действиями — самоубийство, поджог и пр.

Для того, чтобы вполне ясно осознать особенности данной группы патологических случаев, ознакомимся с одним интересным наблюдением. В клинику нервных заболеваний обратилась женщина со следующей жалобой: уже несколько лет у нее появилась совершенно непонятная и навязчивая привычка: вдруг у нее возникает желание свистеть, причем настолько сильное, что она, будучи абсолютно не в силах этому противиться, бывает вынуждена уступить. Свист сопровождается движениями рук, словно она что-то от себя отгоняет, от чего-то отказывается; затем она успокаивается, и до нового приступа чувствует себя вполне нормальным человеком.

Что можно сказать о подобных явлениях? Для понимания их природы следует особо рассмотреть их специфические особенности. У больного, в общем психически хорошо сохраненного, возникает неодолимое стремление выполнить определенные движения. Он вполне сознательно относится к этому стремлению, осознает его бессмысленность, но не знает, откуда оно исходит, для чего ему нужны эти движения.

Мы уже знаем, что действие вызывается стимулом не прямо, а через посредство установки, созданной им в субъекте. Мы знаем, что действие определяется этой установкой. В этом мы убедились при рассмотрении как импульсивного поведения, так волевого поведения. Надо полагать, что и в патологических случаях свою роль играет установка, лежащая в основе того действия, импульс которого чувствует больной и которому он не в силах противостоять. Предположив, что когда-то у субъекта по какой-либо причине возникла установка на определенное действие, прочно у него закрепившись, но, в то же время, субъекту неведомы ни ее субъективный, ни объективный факторы, станет понятно, почему он чувствует столь стойкую тенденцию определенного действия и почему не знает, откуда она исходит.

То, что подобное состояние — неодолимая тенденция к неким действиям, причем совершенно вне понимания причин желания выполнить их, — возможно, подтверждают факты постгипнотического внушения, настолько наглядно напоминающие наши патологические случаи, что их вполне можно отожествить. Взяв под наблюдение одного из таких больных, а затем какому-либо здоровому субъекту в гипнотическом сне внушив задание выполнить после пробуждения именно то действие, неодолимую тенденцию к которому обнаруживает наш больной, увидим, что между этими двумя субъектами — больным и здоровым — нет никакой разницы: и один, и другой будут чувствовать одинаково сильную тенденцию к выполнению одного и того же действия. Различие будет лишь в том, что одному выполнение этих действий внушено в гипнотическом сне, тогда как причины его возникновения у другого нам не известны. Разве мы не имеем полное основание предположить, что по сути основа этой тенденции в обоих случаях должна быть одинаковой, то есть патологическая тенденция больного имеет такое же происхождение, что и внушенная тенденция здорового! Однако мы знаем, что внушение при гипнотическом сне создает соответствующую установку, продолжающую существовать и после пробуждения и вынуждающую субъекта выполнять определенные действия.

Итак, основой постгипнотического внушения является установка. Это экспериментально доказанное, бесспорное положение. Следовательно, можно считать доказанным и то, что в основе патологической, неодолимой тенденции также должна лежать установка.

Каким образом можно уничтожить тенденцию, вытекающую из постгипнотического внушения? Совсем просто. Достаточно убедить медиума, что эта тенденция внушена ему в гипнотическом сне, чтобы он тотчас же избавился от нее. Этот факт несомненно указывает на возможный путь излечения упомянутого заболевания воли. Есть факты, свидетельствующие о действенности приема, используемого для снятия постгипнотического внушения, и в данном случае. Вышеупомянутая больная тотчас же излечилась после того, как путем беседы, проведенной в гипнотическом сне, удалось выяснить потребность и ситуацию, на почве которых возникла установка, лежащая в основе ее заболевания.

2. Патологическая слабость воли известна под названием *абулии.* В психопатологической литературе описано множество случаев абулии. Один из них упоминался и выше (случай Бене). Здесь же приведем один очень известный случай, описанный впервые Billod. Один страдавший абулией нотариус должен был заключить договор. Он написал текст с начала до конца, оставалось только подписать его. Но он не смог это сделать! Десять, сто раз пытался он написать свою фамилию, но безуспешно — стоило только поднести перо к бумаге, как рука отказывалась служить, хотя в воздухе она совершенно беспрепятственно выполняла все необходимые движения. Ему удалось подписаться только после 45 минут мучительных стараний, да и то очень неуклюже.

Абулическая слабость воли чаще всего характерна при врожденной *невропатии, истерии* и *психастении.* У нее много разновидностей, но, в сущности, везде отмечается одно и то же явление: у больного необычайно снижена способность выполнения даже самой простой преднамеренной активности.

В психологической литературе встречаются различные попытки объяснения данного явления.

А. Рибо полагает, что это заболевание следует объяснять снижением *чувств.* Когда ничего не привлекает, и не радует, и не огорчает, ко всему испытываешь равнодушие, то о какой способности к действию, какой-либо активности, о каком волевом усилии может идти речь! Однако вышеприведенный случай с нотариусом плохо согласуется с этой теорией, ведь нотариус вовсе не был безразлично настроен к тому, что ему следовало сделать. Случаи абулии настолько мало связаны с безразличием или апатией, что, напротив, по мнению некоторых авторов (Вернике, Крафф-Эбинг и др.), основой абулии следует считать сильную эмоциональную возбудимость.

Б. Интересна теория П. Жане. Согласно данной теории, в случае абулии повреждена *функция реальности*— больной живет как бы в чужой стране, он не в силах принять решение, сконцентрировать внимание на чем-либо, имеющем реальное значение. Поэтому он хорошо выполняет лишь действия, либо лишенные значения, либо такие, ответственность за которые несет не он, а кто-то другой.

Проще было бы дать следующее объяснение. В чем испытывает затруднения больной абулией? Он не в состоянии действовать; его поведение не может протекать так же беспрепятственно, как это обычно бывает у нормального человека. Следовательно, можно предположить, что у него нет установки на соответствующее поведение, поскольку, как мы знаем, процесс поведения направляется именно установкой. Без установки удастся, быть может, сделать какое-либо отдельное движение, но никак не определенные действия — осмысленную систему движений.

Потому-то при истерическом параличе больной хорошо выполняет отдельные движения; следовательно, мышечная система у него не повреждена, но, несмотря на это, он не в состоянии объединить эти движения в осмысленное действие — истерик, например, не может ходить. Но при возникновении у него установки паралич исчезает бесследно. Может случиться, что у больного абулией установка не возникает только под воздействием мысленной ситуации, тогда как в непосредственной ситуации она действует нормально. Так бывает, например, в случае психастении, когда больной, находясь в одиночестве, хорошо выполняет то или иное действие, например пишет, но в присутствии другого человека ему это не удается.

Таким образом, изучение случаев абулии опять-таки говорит в пользу того соображения, что решающая роль в волевом процессе, по-видимому, принадлежит установке. То, что у абулика и в самом деле имеется специфический дефект именно в сфере установки, подтверждается и экспериментальными данными. В результате специальных опытов выяснилось, что в случае психастении выработанная однажды установка очень недолговечна — она быстро исчезает; установка психастеника лабильна[1].

3. С точки зрения теории установки еще более интересны случаи так называемой *апраксии.* О ней мы уже говорили мимоходом, а теперь рассмотрим ее несколько подробнее. После Г. Липмана, первым описавшего это заболевание, апраксией называют случаи, когда больной, несмотря на полную сохранность двигательного аппарата, не в состоянии выполнить даже самое простое произвольное действие.

Назовем некоторые классические случаи: 1) один больной Джексона никак не мог высунуть язык, когда этого требовал врач, однако совершенно свободно смачивал губы языком, когда у него возникал к этому соответствующий импульс; 2) больной Гольдштейна не мог, по предложению врача, закрыть глаза, но, ложась спать, совершенно без усилий делал это; 3) известны случаи, когда больной апраксией прекрасно застегивал и расстегивал пуговицы на своей одежде утром и вечером, одеваясь и раздеваясь. Но стоило предложить ему расстегнуть пуговицу, когда в этом не было прямой нужды, как эта простая операция оказывалась для него совершенно невыполнимой; 4) интересны описанные Липманом случаи так называемой *«идеаторной апраксии»:* больной абсолютно не способен правильно выполнить какой-либо достаточно сложный акт; при этом он хорошо выполняет все частичные акты, входящие в этот сложный акт, но путается, не может соблюсти их правильную последовательность, которая бы привела к выполнению всего сложного действия; у него, по словам Липмана, нарушена *«формула действия».*

Природа апраксии становится необычайно ясной при ее рассмотрении с позиций теории установки. И действительно, сразу бросается в глаза то, что больной в одном случае прекрасно выполняет какое-то действие, а в другом — обнаруживает полную неспособность повторить это же действие. Что может быть причиной этого, как не то, что в одном случае у него есть установка, соответствующая надлежащему действию, а в другом — нет? Но когда, в каких условиях у него есть эта установка, а в каких она отсутствует? Когда актуальная потребность требует выполнения определенного действия — чтобы уснуть, нужно закрыть глаза, чтобы раздеться и лечь в постель, надо расстегнуть пуговицы, — больной выполняет его без затруднений. Следовательно, в подобных условиях у него полностью сохранена способность соответствующего поведения.

[1] См. подробнее: *Узнадзе Д.* Экспериментальные основы теории установки // *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966. С. 319-321. - *Примечание редактора*

Но когда у больного нет актуальной потребности в том же действии и когда он должен выполнить действие, требуемое воображаемой ситуацией, тогда все нарушается, и он оказывается не в состоянии выполнить даже простое привычное действие. А это означает, что воображаемая, или мысленная, ситуация не может вызвать в нем соответствующую установку. Бесспорно, что у больного повреждена воля.

Единственное, что требует здесь разъяснения, это то, почему мы говорим о воображаемой, мысленной ситуации, когда больному предлагают что-либо сделать. Очевидно, что самому больному сейчас вовсе не нужно сделать то, что ему предлагают. Стало быть, в ситуации его актуальных потребностей нет ничего такого, что требовало бы выполнения этого действия. И действительно, актуальная ситуация больного такова: он находится в комнате врача, его осматривают, обследуют состояние его здоровья. Эта ситуация вовсе не требует расстегивания пуговиц или высовывания языка. Следовательно, желая выполнить задание врача, он должен вообразить, сделать актуальной ситуацию, требующую выполнения данного акта. Следует думать, что в некоторых случаях он, по-видимому, не в состоянии сделать это, а в других же он, возможно, и представит соответствующую ситуацию, но последняя не может создать у него надлежащую установку.

Таким образом, природа апраксии становится совершенно ясной, если признать ее заболеванием воли. Тогда неудивительно, что в актуальной ситуации у больного полностью сохранена способность выполнения соответствующих действий, ведь импульсивное поведение у него не повреждено.

Другие виды активности

1. Проблема внушения

Помимо импульсивного и волевого поведения существуют и другие формы активности. Дифференцировать данные формы можно в зависимости от того, что вызывает установку, лежащую в основе протекания данной активности. Выше мы различали импульсивное и волевое поведение именно по этому признаку: в одном случае установку вызывает ситуация актуальной потребности, или же, короче, актуальная ситуация, а в другом — идейная, то есть воображаемая, мысленная ситуация.

Возникает вопрос: возможно ли, чтобы установку создавало нечто другое?

Здесь в первую очередь следует упомянуть так называемое *внушение.* Сегодня в его существовании уже никто не сомневается. Что оно собой представляет? Вначале данное понятие употреблялось в очень узком смысле. Как известно, во время гипнотического сна предложение гипнотизера может переживаться медиумом как приказ, подлежащий обязательному выполнению. Бывает и так, что приказ выполняется после пробуждения, если таково желание гипнотизера («постгипнотическое внушение»). Выяснилось, что тот же эффект может быть получен и в состоянии бодрствования. И здесь порой случается, что человек помимо своей воли, неосознанно подчиняется приказу другого лица и выполняет его. Такое воздействие одного человека на другого называют *внушением;* различают *гипнотическое внушение, постгипнотическое внушение и внушение в состоянии бодрствования.*

Коль скоро установлено, что внушение возможно и в состоянии бодрствования, естественно возникает вопрос: в каких условиях это происходит? Согласно Штерну,

следует различать две группы условий: а) условия, необходимые для принятия внушения, и б) условия, которые необходимы для осуществления внушения.

А. Для принятия субъектом внушения необходимы три условия: 1) он должен быть *внушаемым;* послушный, некритично настроенный, безынициативный субъект обычно более внушаем, нежели человек с противоположными чертами; правда, внушению поддается не только такой человек; 2) ситуация, в которой находится субъект, должна создавать общий настрой, препятствующий возможности самостоятельного, вдумчивого подхода к происходящему (эмоциональная ситуация); 3) внушение должно касаться той стороны, с которой менее всего можно ожидать самостоятельности субъекта, то есть относительно незнакомых ему вопросов, притом не противоречащих обычному протеканию его воли.

Б. Что касается передачи внушения, главным условием этого является специфическое свойство — способность *внушать,* или *суггестивность.* Несомненно, что внушать может далеко не каждый, даже при максимальном соблюдении все необходимых условий. Для этого необходимо обладать неким специфическим личностным качеством — суггестивностью. Иначе желаемого эффекта не принесет ни красноречие, ни некоторые благоприятные внешние признаки, которые в руках суггестивного субъекта могли бы, наоборот, иметь исключительное значение.

Суггестивностью обладает не только человек, она может исходить и от коллектива. Например, в случае так называемой *паники* всех охватывает страх и все безотчетно бегут куда-то; или когда все восторженными аплодисментами встречают или провожают артиста, это происходит потому, что коллектив, масса оказывает внушающее влияние на отдельного индивида.

Таким же примером внушения служит и *мода,* все равно, касается ли она одежды или чего-либо иного, — она является плодом суггестивности, исходящей от коллектива.

Суггестивностью могут также обладать предметы, наилучшим примером этому служит *реклама.*

Возможно и *самовнушение:* когда человек охвачен каким-либо сильным *желанием,* иногда он в конце концов начинает верить в реальность его осуществления. Такую же роль нередко выполняют ожидание и страх: в случае паники мы имеем дело с самовнушением, исходящим не только от коллектива, но и от нашего страха.

Таким образом, как видим, в определенных условиях бывает и так, что человек действует не сообразно своей актуальной потребности, не по собственной воле, а под чужим влиянием, причем ему кажется, будто он действует по своему желанию, а не по чужой воле. В подобных случаях мы имеем дело *с внушением.*

Стало быть, характерным для внушенного поведения является то, что субъект не чувствует, что его деятельность направлена чужой волей. Это обстоятельство позволяет предположить, что в случае внушения поведение человека и в самом деле направляет не чужая воля, а он сам, хотя объективно он выполняет только чужой приказ. Если бы можно было как-то показать, что это действительно так, тогда тайна внушения стала бы совершенно явной. Посмотрим, быть может, и вправду можно изыскать такую возможность!

Допустим, что гипнотизер оказывает влияние на *поведение* субъекта не *непосредственно,* то есть вызывает у него те или иные поведенческие акты не прямо, а оказывая, в первую очередь, специфическое влияние на *самого субъекта.* Теперь допустим, что он так изменяет последнего, что тот добровольно делает то, что на самом деле желает гипнотизер. Каким же тогда будет переживание субъекта или действительное положение вещей? Именно таким, как это и бывает при внушении: субъект и в самом

деле сделает то, что хочется ему самому, именно ему самому, а не кому-то другому, хотя объективно он всего лишь выполняет чужой приказ. Следовательно, думается, что в случае внушения непосредственному влиянию подвергаются не действия субъекта, а его личность, которая видоизменяется так, что у нее возникает стремление, готовность, *установка* выполнения актов определенного поведения. И, выполняя эти акты, субъект реализует свою собственную установку, а не чужой приказ. Понятно, что и переживание у него соответствующее.

Таким образом, в основе внушения, очевидно, лежит механизм установки; иначе было бы невозможно дать его удовлетворительное объяснение. К счастью, существуют и фактические данные, свидетельствующие в пользу этого предположения. Как уже отмечалось выше, нами экспериментально доказано, что так называемое «постгипнотическое внушение» представляет собой реализацию созданной в гипнотическом сне *установки.* Но то, что в данном случае говорится о постгипнотическом внушении, можно, разумеется, с полным правом повторить и о любом другом виде внушения.

2. Принуждение и его роль в генезисе воли

Есть и такие случаи поведения, которые отличаются как от импульсивного, так и от волевого поведения, а также внушения. Все эти случаи активности субъективно имеют по крайней мере один общий признак — во всех этих трех случаях переживание субъекта таково, что он действует по своему желанию, делает то, что хочется ему самому, а не кому-то другому. Однако отнюдь не всякой деятельности человека присуще подобное переживание. Бывают случаи, когда мы испытываем принуждение — мы действуем, делаем что-то, но при этом чувствуем, что выполняем чужую волю, что добровольно мы бы за это дело не взялись. Подразумеваются все те случаи, когда мы выполняем идущие извне требования, зная, что они навязаны нам извне. В качестве примеров можно привести: а) *команду,* выполняемую солдатом; б) *закон* или *правило,* основывающееся на авторитете государства или какой-либо организации и подлежащее обязательному исполнению; в) *приказ,* который, хочешь не хочешь, а выполнить надо (приказ старшего младшему, господина рабу).

Оставив в стороне другие возможные случаи, уже из приведенных примеров ясно видно, в чем заключается особенность данного вида активности. Как уже отмечалось, здесь основное — *принудительность,* то есть человек вынужден делать то, что ему диктуют. Возникает вопрос: как осуществляется поведение в данном случае? Что направляет его? Об установке здесь говорить трудно. Дело в том, что в данном случае субъект переживает свое поведение, как навязанное кем-то, принудительное, а не как собственную активность. Но, с другой стороны, принципиально невозможно, чтобы процесс каких-либо более или менее сложных действий протекал без установки. Решение вопроса надо искать в следующем: субъект, хотя и по принуждению, в конце концов все же сам берет на себя порученное дело, все же *приемлет* его. Следовательно, это дело выполняет все же он, и постольку оно является его делом. Стало быть, у нас нет оснований для полного отрицания установки.

Это обстоятельство делает понятным, что в конечном счете подобная деятельность служит подготовительной ступенью волевого поведения, той почвой, на которой, хотя бы частично, возникла воля человека. Дело в том, что в случае принудительной активности человек делает то, по отношению к чему у него в данный момент нет никакого импульса. Мы знаем, что одним из специфических признаков

воли является именно то, что субъект действует не с целью удовлетворения актуальной потребности, делает не то, что ему вот сейчас хочется, а то, что для него в данный момент неактуально, чего ему сейчас, возможно, вовсе и не хочется. Словом, одним из характерных моментов воли является то, что человек делает что-либо не потому, что ему этого хочется в данный момент, а по совершенно иной причине. Следовательно, в данном смысле принудительная активность представляет собой своего рода предшествующую ступень для воли, приучая человека делать то, что не имеет ничего общего с актуальными желаниями, и закладывая тем самым фундамент человеческой воли. Но ведь в случае завершенной воли в основе поведения лежит установка! Отсюда явствует, что возможность создания подобной установки должна быть подготовлена в процессе принудительного поведения.

Соответственно, генезис воли в данном направлении следовало бы представить следующим образом: вначале был приказ, потому что тот, кто приказывал, не желал сам делать то, что поручал другому. А сделать то, что ему не хотелось, он был не в силах, ибо у него пока не было *воли. Раб* был вынужден выполнить приказ, то есть делать то, по отношению к чему у него не было актуального интереса. Но он делал это по принуждению, движимый импульсом, исходящим из принуждения. Поэтому его поведение было в конечном счете скорее импульсивным, нежели волевым. Подлинная воля появилась лишь после того, как человек научился приказывать не другому, а себе самому. Однако приказ себе самому — уже не приказ, а потребность сделать то, в чем в данный момент он потребности не испытывает. Это — осознание главенствующей роли потребностей Я. Следовательно, это — показатель возникновения подлинной воли.

Онтогенетическое развитие активности

Каков путь развития детской активности до достижения ею ступени зрелой воли? Детальное изучение данного вопроса представляет собой задачу отдельной психологической дисциплины — детской психологии. Здесь же, в курсе общей психологии, достаточно ограничиться рассмотрением главным образом того, что имеет значение для понимания природы человеческой активности и, особенно, воли.

Уже давно ребенка характеризуют как *сенсомоторное существо.* Это означает, что всякое впечатление вызывает у него безудержный импульс непосредственной реакции. Неважно, исходит ли это впечатление извне или изнутри, из самого организма, за ним тотчас же следует реакция. Следовательно, реакции ребенка должны иметь такой же случайный, неупорядоченный характер, как внешние и внутренние впечатления, вызывающие эти реакции. Субъекта как внутреннего агента, центра, упорядочивающего этот хаос, реагирующего на одни впечатления, а другие оставляющего вовсе без ответа, удовлетворяющего некоторые потребности, а остальные переносящего на задний план, — такого субъекта в новорожденном ребенке еще не существует. Для того, чтобы он появился, развился и созрел, нужно время, а именно — вся пора детства, которую можно считать вполне завершенной только с того момента, когда подросший человек превратится в самосознающее Я, наделенное способностью подлинно *волевой* регуляции своей жизни.

Процесс развития ребенка протекает в специфических условиях: он растет в *упорядоченной среде.* Это играет решающую роль в процессе его развития, поскольку воздействующие на ребенка впечатления теряют характер хаотичности: в течение

долгого времени, пока ребенок еще слаб, их упорядочивают взрослые. То же происходит и в отношении потребностей ребенка: их удовлетворение также упорядочено взрослыми. Вследствие всего этого у ребенка постепенно вырабатываются упорядоченные реакции, имеющие вначале вид так называемых *«условных рефлексов»*. Ребенок привыкает на одни впечатления отвечать определенными реакциями, а в ответ на другие — затормаживать реакции. Элементарные потребности он удовлетворяет в определенное время и в определенном месте. Одним словом, под воздействием упорядоченной среды у ребенка вырабатываются определенные элементарные навыки, вносящие определенный порядок в поведение этого сенсомоторного, чрезвычайно импульсивного существа.

Исключительно большое значение для упорядочения поведения ребенка имеет и словесное воздействие, к которому мы прибегаем тотчас же, заметив у ребенка признаки понимания речи; мы постоянно запрещаем ребенку делать то, чего нельзя, учим и побуждаем его вести себя так, как считаем наиболее правильным. Таким образом, перед ребенком строится целая система запрещенного и дозволенного, постепенно высвобождающая его поведение от господства импульса, придавая ему упорядоченное направление. Так или иначе, но ребенок одного-трех лет вынужден постепенно привыкнуть сдерживать свои импульсы и действовать путем, указанным взрослыми. В этот период для его поведения особенно специфично то, что он легко подчиняется дисциплине, постоянно тренирующей его в определенном направлении.

Однако в эти же годы активность ребенка развивается и в другом направлении. В течение первого и второго года жизни он особенно стремится овладеть своим телом. Вскоре он научается ходить, что все больше и больше освобождает его от ухаживающих за ним взрослых. Процесс овладения своим телом, особенно обучение ходьбе, требует от ребенка довольно-таки большого напряжения, заметных усилий, и интересно, что ребенок совершенно не избегает этого; напротив, он стремится к этому до тех пор, пока не достигнет цели — научиться свободно ходить. Проследив за поведением ребенка, когда он учится ходить, мы будем вынуждены заключить, что имеем дело с настоящим волевым поведением — настолько велико напряжение ребенка и так целеустремленно все его поведение. В действительности же, конечно, пока еще совершенно неуместно говорить о волевом поведении; роль воли в этом случае выполняет импульс, исходящий из тенденции к созреванию врожденной функции. Механизм ходьбы уже достаточно созрел, и необходимо задействовать его. Это и становится источником столь зримых усилий ребенка, успешно заглушая все другие то и дело возникающие импульсы. Нередко ребенок падает, получая даже, может быть, болезненные ушибы, но, несмотря на это, он упорно продолжает свои попытки встать на ноги и ходить. Это учит его проявлять *усилия,* оказывать *противодействие.* То же самое происходит и в элементарных играх ребенка, в которых он удовлетворяет потребность задействования своих сильнейших тенденций. Импульсивная сила этих тенденций велика, и с ее помощью ребенок привыкает бороться с противоположными тенденциями и прочими препятствиями.

Таким образом, особенно характерным для активности ребенка первых трех лет является проявление двух взаимонаправленных тенденций. С одной стороны, он легко, почти без сопротивления, подчиняется регуляции, вносимой взрослыми в его активность, а также всем мерам, к которым обращается дисциплина младенческой поры с целью его научения. В данном смысле ребенок податлив и пластичен, как воск. С другой стороны, под воздействием сильных импульсов врожденных, естественных

тенденций в нем развивается способность бороться с препятствиями, проявлять усилия и преодолевать сопротивление.

К трем-четырем годам процесс развития этой последней тенденции достигает столь высокого уровня, что она становится уже несовместимой с присущей ребенку 1—3 лет тенденцией подчинения и пластичности, разрушает ее, своеобразно преобразуя всю структуру поведения ребенка. Теперь на передний план выступает именно данная тенденция, и покорный, мягкий, как воск, ребенок превращается в чрезвычайно своенравное, капризное и упрямое существо. Он обнаруживает неукротимые импульсы своих желаний, зачастую оказывает нам необычайное противодействие и, настаивая на своем, иногда выявляет способность просто поразительного усилия. Некоторое время бороться с ним почти невозможно и упорядочить его поведение удается только физическим принуждением.

В этот так называемый *«период первого упрямства»* ребенок на каждом шагу сталкивается с противодействием взрослых, болезненно переживает непреклонность их воли, знакомится с нерушимостью их требований и правил и очень быстро переходит на новую ступень активности. У него развивается осознание неизбежности, нерушимости объективно существующих правил, объективно существующей обстановки, и он опять становится покорным и податливым. Различие по сравнению с первым периодом состоит в том, что тогда ребенок субъективно не чувствовал принуждения, а теперь он чувствует, что должен считаться с объективной обстановкой, что правила изменить нельзя, им надо подчиниться, то есть сейчас он переживает принуждение и субъективно.

Сообразно этому меняется и содержание игр ребенка. Он охотнее участвует в коллективных играх, предполагающих соблюдение определенных *правил.* Он уже способен понять эти правила и подчиняться им, охотно выявляя это. Игра тоже развивает в нем способность осуществления сознательного, принудительного поведения.

Таким образом, ребенок избавляется *от упрямства* и *негативизма* (делать наперекор старшим), свойственному ему в трех-четырехлетнем возрасте; отныне он уже чувствует неизбежность и обязательность правил, признает их принудительную силу, подчиняясь ей добровольно. Разумеется, тем самым он достигает более высокой ступени активности. С точки зрения будущего развития особенно примечательно и важно то, что в этих новых условиях поведения подготавливаются твердые основы воли и обнаруживаются первые признаки ее проявления.

Выше мы уже отмечали, что сознательное принудительное поведение представляет собой подготовительную ступень воли. Так или иначе, теперь ребенок подчиняет созревшие в течение предыдущего периода сильные импульсы исходящим извне правилам, в обязательности выполнения которых он уже не сомневается. Теперь он уже знает, что он должен выполнять обязательства, накладываемые на него правилами, хотя это может ему вовсе не нравиться, о чем он порой заявляет и вслух. В общем ребенок не ставит вопрос о целесообразности этих правил, так как подобная точка зрения ему еще чужда; в основе этих правил лежит *авторитет* взрослых — родителей, воспитателей. В 4—7-летнем возрасте, для которого характерна данная ступень развития активности, исключительно энергично развивается *сознание авторитета.* К последнему году этого периода у ребенка уже достаточно твердо выработана способность выполнять то, к чему его обязывает авторитет. Это уже подразумевает достаточную зрелость элементов воли.

Третий период характеризуется именно тем, что в рамках той формы поведения, **каковым** является учение, ребенок привыкает к самостоятельному управлению своим поведением, однако в направлении не намеченных им самим целей, а ука-

занных ему авторитетом. Специфично для этого периода то, что у ребенка не возникает вопроса о целесообразности целей и правил, к соблюдению которых его призывает авторитет взрослых — семьи и школы; он не сомневается в их целесообразности, не подвергает ее проверке. Он заведомо принимает их как несомненно целесообразные, и ему даже не приходит в голову мысль, что, быть может, его авторитеты ошибаются. Учение представляет собой главную форму поведения ребенка данного возраста, оно-то и превращает вопрос о значении правил и порядка в предмет повседневных детских переживаний. Процесс обучения способствует дальнейшему закреплению способности организованного, систематизированного поведения ребенка.

Однако в том же периоде продолжает развиваться и другой момент активности, который на определенной ступени своего развития вступает в неизбежный конфликт с первым, то есть с тенденцией некритичного подчинения установленным правилам. Прежде всего, физическое развитие ребенка способствует преобразованию биологической основы физического субстрата его личности. Особенно велико значение видоизменений, происходящих в эндокринной системе, в первую очередь — перестройки активности желез. Активация половых желез накладывает свою печать на весь организм. Теперь он уже представляет собой завершенную индивидуальность, у которой уже достаточно созрели возможности вести самостоятельную жизнь, а потому у подростка появляется сильное стремление к самостоятельности. Наряду с этим созревший в процессе обучения интеллект помогает ему критическим взором пересмотреть и оценить все то, что ему до сих пор преподносил авторитет. В результате этого подросток еще раз коренным образом меняет свое поведение — теперь он негативно относится ко всему тому, во что до сих пор так верил и чему довольно охотно подчинялся, вновь становясь своевольным, упрямым, негативистически настроенным существом, который считает, что вправе сам распоряжаться собою.

Таким образом, в период полового созревания вновь проявляются *негативизм* и *упрямство.* Подросток чувствует неуклонную тенденцию суверенной самостоятельности и беспощадного отрицания ранее признаваемого положения вещей.

Эта вторая пора упрямства также быстро завершается, уступая место новой, теперь уже высшей ступени развития человеческого поведения. Фантазия и интеллект подрастающего человека уже достаточно развиты для того, чтобы он мог взять на себя регуляцию собственного поведения. Его окрепшее самосознание, постоянное подчеркивание собственного Я и своих идеалов достаточно подготавливают его для того, чтобы отныне именно это Я и стало субъектом его поведения. Итак, подрастающий человек уже окончательно достигает ступени волевой активности.

Характер

1. Понятие характера

Можно ли говорить о диспозиции воли или же воля исчерпывается лишь отдельными актами, представляя собой полностью акутический процесс?

Мы знаем, что любой волевой акт и процесс воли находится в существенной связи с личностью. Во-первых, он связан не с каким-либо отдельным психическим содержанием, а представляет собой установку личности, а во-вторых, затем он полностью опирается на мотив, а этот последний вытекает из системы потребностей

личности. Личность же означает своеобразную структурную целостность. Следовательно, акутические акты и процессы воли, как проявление сущностных потребностей и установок целостной личности, должны быть отмечены печатью личностных особенностей. Иными словами, в случае каждой отдельной личности следует ожидать более или менее различного протекания волевого процесса. Стало быть, актуальным волевым процессам предшествует предрасположенность личности к определенным, отличным от других, произвольным действиям, то есть каждая личность имеет свою волевую диспозицию. Подобной диспозицией является *характер.*

Большинство психологов употребляют слово «характер» именно в этом смысле. Эббингауз, например, прямо определяет характер, как «совокупность волевых диспозиций». В повседневной речи, говоря о «хорошем» и «плохом» характере, безусловно, также подразумеваются волевые диспозиции, ведь хороший характер не означает, что некто имеет высокий интеллект и хорошо мыслит или испытывает преимущественно переживания удовольствия или неудовольствия. Нет! Хороший характер подразумевает особенность личности, проявляющуюся в его поведении, в его отношениях с другими. Когда говорят о человеке с хорошим характером, всем ясно, что от данного лица следует ожидать только хорошее, что обычно он скорее поступает хорошо, а не плохо.

Таким образом, говоря о характере, обычно подразумевают, с одной стороны, понятие действия или воли, а с другой — понятие, касающееся не только прошлого поведения субъекта, но и указывающего на будущее. Следовательно, под характером подразумевается диспозиция воли, позволяющая заранее предугадать поступки определенного субъекта в тех или иных условиях.

Правда, не все вкладывают в данное понятие этот смысл, однако несомненно, что диспозиция воли существует, и для ее обозначения лучше всех подходит именно данное понятие.

2. Целое и частичное в характере

То, что понятие характера имеет большое практическое значение, вне всякого сомнения. Однако не менее значима и его теоретическая ценность. Несмотря на это, проблема характера все еще не занимает в науке надлежащего места. Во всяком случае, в классической психологии XIX века вопрос характера оставался почти без внимания. Лишь несколько ученых (например, Банзен в Германии и Милль в Англии), да и то за пределами официальной психологии, осознавали значение изучения характера. В целом же проблема характера вообще была вычеркнута из числа проблем психологии того времени.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что данное понятие было чуждо основным тенденциям психологической мысли XIX века. Как известно, основной тенденцией научного мышления XIX века был *анализ.* Считалось, что для понимания той или иной сферы или того или иного явления основное значение имеет нахождение его элементов и установление связанных с ними закономерностей. То, что менее поддается анализу, носит целостный характер и проявляет свою суть не в элементах, а в целом, менее привлекало научную мысль XIX века с ее общим аналитическим настроем. Характер же — целостное понятие, он представляет собой не особенность отдельных признаков или совокупность отдельных признаков, а *качество целостности.* Поэтому понятно, что для аналитического мышления XIX века оно не представляло интереса.

Зато в наше время, после четкого осознания роли и значения целостности, проблема характера стала одной из актуальных проблем, для изучения которой сфор-

мировалась отдельная дисциплина — *характерология,* развивающаяся довольно быстрыми шагами. Центр тяжести здесь обычно переносится на целостность. Однако решение проблемы характера, как это подчеркивал Штерн, понимание различий в поведении людей невозможно лишь с точки зрения целостности. Необходимо специально изучить и частичные, отдельные моменты, поскольку характер — несомненно целостность, но целостность расчлененная. Поэтому психологии долженствует обратить внимание на оба эти момента, сделав их предметом единого исследования.

Следует отметить, что в данном отношении все еще сделано немного. Чаще моменты целостности и множественности рассматриваются отдельно. Первый называют *«интеллигибельным характером»* (Кант, Шопенгауэр), или *«основным характером»* (Пфендер), а второй — *«эмпирическим характером».* Однако их разделение не представляется правомерным, поскольку есть лишь один, целостный характер, выявляющийся эмпирически, и в чистом виде, вне этого выявления, не существующий. То, насколько непродуктивно противопоставление характера как целостности и его отдельных сторон или свойств, ограничение лишь одним или другим, ясно видно из соображения, высказанного тем же Штерном. Скажем, некий учитель X. проявляет жестокость в отношении своих учеников; *жестокость* — одна из черт его характера. Сопоставив его по этой черте с другими людьми, нам придется отнести его безусловно к категории не добрых, а злых людей. Но оставив в стороне эту частную сторону его характера и перенеся внимание на целостную структуру личности, тогда мы, возможно, обнаружим, что в общем в нем превалируют любовь и доброжелательность к людям, включая и своих учеников. Тогда его жестокость окажется скорее показателем доброты, но не злобы, а жестокое обращение с учениками он считает необходимым условием воспитания волевого человека с высоким чувством ответственности. Жестокость X. — показатель любви к ученикам, а не ненависти или равнодушия. Другой учитель Y., наоборот, прощает своим ученикам все, не обращает особого внимания на то, ведут они себя хорошо или плохо, не наказывает их — он как будто добр к своим ученикам. Но в общем оказывается, что этого человека просто не волнует судьба своих учеников, его не интересует, что произойдет с ними, когда они станут взрослыми. Поэтому Y. безусловно менее добрый, более злой человек, чем X. Таким образом, отдельное свойство становится понятным только на основе учета целостности (Штерн).

С другой стороны, вне учета частных свойств неясным, ни о чем не говорящим оказывается и сама целостность — мы никогда не сумели бы постичь общую структуру характера учителя Y., выявившую его жестокость, если бы не учли отдельные случаи его поведения, отношения к другим людям, другие частные стороны его характера.

Таким образом, в понятии характера целое и частичное диалектически взаимосвязаны друг с другом, и изучение характера можно лишь на основе этой связи.

3. Среда и характер

В связи с вышеотмеченным возникает естественный вопрос: коль скоро характер — целостная особенность, проявляющаяся в отдельных волевых актах, то есть характер представляет собой волевую диспозицию, предваряющую и предопределяющую отдельные акты, не следует ли тогда думать, что характер — врожденное свойство человека, не подчиняющееся никакому внешнему и воспитательному воздействию? Одним словом, встает вопрос о природе взаимосвязи между средой и характером. Мы знаем, что успех волевого акта зависит от того, сможет ли мысленная

ситуация вызвать установку, лежащую в основе произвольного поведения; иными словами, успешность волевого акта зависит от того, способна ли личность актуализировать данную установку под влиянием упомянутой ситуации, то есть имеется ли у личности эта установка диспозиционально. Стало быть, получается, то, что обычно именуется характером, на самом деле представляет собой диспозиционную установку личности, способность актуализации определенных установок.

Достаточно принять во внимание это обстоятельство, как станет ясно, что характер, как способность актуализации той или иной установки, или диспозиция, зависит от того, в какой среде произошло становление личности и какая ситуация действует на нее в каждом отдельном случае. Это не подлежит сомнению, так как выше мы убедились, что возникновение установки вне воздействия объективного фактора — внешней среды совершенно невозможно. Установочные диспозиции каждого из нас, наш характер формируются в условиях воздействия внешней среды.

Но, с другой стороны, как известно, для создания установки необходимо участие не только среды, но и наличие у субъекта определенных потребностей, то есть установка подразумевает и субъективный фактор. Потребности, конечно, имеют свои биологические, органические основы. Но многообразие потребностей человека создано в процессе его *исторического развития,* а потому потребности человека зависят скорее от его истории, нежели протекающих в его организме процессов. Например, в основе жажды, разумеется, лежит состояние организма, но потребность для утоления жажды выпить пиво, а не просто воду, является уже полностью следствием его культурно-исторического развития. Потребности каждого из нас зависят, в конечном счете, от внешних условий, в которых мы жили и живем. Возникающие на основе протекающих в организме процессов потребности приобретают определенный вид в зависимости от условий окружающей среды, ведь жажда, обусловленная потребностью нужды организма в жидкости, могла получить вид потребности в пиве или вине только в тех странах, где росли хмель и пшеница или виноград и где занимались пивоварением или виноделием. Но если такое можно сказать о витальных потребностях, то что же говорить о так называемых «высших потребностях», играющих столь важную роль в процессе волевого поведения человека.

Таким образом, можно считать доказанным, что характер как диспозиция выявления определенных установок формируется в условиях воздействия среды.

Однако характер отнюдь не является только продуктом внешнего воздействия. Интересно, что он и сам влияет на среду, придавая ей определенный вид, ведь среда испытывает воздействие человека и, следовательно, носит отпечаток его характера. В самом деле, наше волевое поведение направлено на среду, представляющую собой объект нашего непрерывного воздействия. В результате этого среда изменяется, уже нигде не встречаясь в своем первозданном, естественном виде. Но волевое поведение проистекает из нашего характера, и поэтому изменения, вносимые поведением в среду, отмечены и своеобразием нашего характера.

Таким образом, вне всякого сомнения, что среда не только формирует наш характер, но и этот последний, в свою очередь, в определенных пределах формирует среду.

Стало быть, воспитание характера не только возможно, но и представляет собой задачу особой важности, поскольку внешние обстоятельства, в которых человеку предстоит жить и под воздействием которых произойдет становление его характера, зависят также и от характера человека, воздействующего на окружающую среду.

4. Типы характера

Изучение типов характера имеет особенно большое значение. Но чем следует руководствоваться при установлении типов характера? Характер можно рассматривать с трех точек зрения:

1. С точки зрения тех потребностей, действовать в направлении которых более предрасположен субъект, то есть целей, которыми он склонен руководствоваться. Штерн называет данную точку зрения *«телической»* («телос» — цель).

2. В какой степени способен субъект к быстрому и точному осуществлению данных целей? Это — второй признак, по которому можно дифференцировать характеры. Здесь Штерн говорит *о динамике* характера.

3. Большое значение имеет то, каков характер как целостность, какие особенности присущи ему как целостности. Здесь речь идет о *структуре* характера.

В зависимости от этого, следует выяснить, какие типы характера существуют с точки зрения каждого из этих подходов.

I. Особенно важно установить различия в характерах в зависимости от того, в соответствии с какими целями в общем скорее предрасположен действовать субъект. Здесь перед нами встает вопрос о качественном различии характеров. Он касается определения тех сфер действительности, на службу которым более всего склонен субъект направить свою активность, то есть речь идет о том, какого рода соображения могут стать мотивом поведения субъекта.

Понятно, что существует множество попыток типологизации характеров с данной точки зрения. Здесь необходимо ознакомиться с наиболее известными из них.

В первую очередь следует назвать классификацию немецкого психолога Шпрангера, предложенную им уже лет двадцать назад. Он полагал, что для установления типологии человека решающее значение имеет учет тех сфер жизни, тех ценностей, которые особенно привлекательны для него. Шпрангером выделено шесть основных ценностей и, соответственно, предложено шесть различных типов людей, а именно: 1) *теоретический* человек (или человек теории), которого преимущественно привлекает познавательная сфера; высшей ценностью, которую он может ощутить и которая движет им, является познание; 2) *эстетический* человек, для которого высшей и актуальной ценностью является прекрасное, искусство; 3) *экономический* человек, для которого на первом плане стоят экономические ценности, материальное блага; этим главным образом предопределены мотивы его поведения; 4) для *политического* человека высшую ценность представляет собой власть; в своих действиях и стремлениях он исходит из этой ценности, везде и всегда стремясь к господству; 5) *социальный* человек, для которого наиболее привлекательным является не господство над другими, а служение людям; он отдает предпочтение не власти и господству, а солидарности и сотрудничеству; 6) для *религиозного* человека высшей ценностью, смыслом жизни, направляющим всю его деятельность, является Вселенная, Бог.

Вторая попытка типологии характеров, заслуживающая внимания, принадлежит В. Штерну. Он полагал, что любая система целей человека строится на основных взаимоотношениях между личностью и миром, между Я и средой. Здесь цель может иметь двоякое направление. С одной стороны, она может касаться Я, а с другой — мира, среды. В зависимости от того, какое из этих направлений превалирует в системе целей, Штерн различает *аутотелическую* и *гетеротелическую* направленность, а в зависимости от особенностей взаимосоотношения последних выделяет три различных типа характера: *аутистический, гетеристический* и *интроцептивный.*

1. В аутистическом характере преобладают аутотелические стремления. Цель воли аутиста по сути всегда составляет он сам. Он либо *индивидуалист,* то есть постоянно стремится выдвинуть на передний план и подчеркнуть особенности своей личности, либо *субъективист,* то есть его отношение ко всему строится в зависимости от того, какое значение имеет это для его личности, либо же *эгоист,* то есть относится ко всем и ко всему как средству осуществления своих личных целей.

2. Гетеристический характер имеется в том случае, когда целенаправленность выходит за рамки собственной личности, стремясь к осуществлению лежащих за ее пределами ценностей. Различают три типа гетеристов: а) *альтруист,* усматривающий свою цель в основном в благополучии ближнего, других людей; для него характерна причастность к целям других людей, сочувствие, или *синтелия;* б) *гипертелист,* то есть человек, устремленный в основном на службу коллективу (государству, Родине, классу, человечеству и пр.); он переживает себя, в первую очередь, членом какой-либо группы, коллектива, а не отдельным индивидом, стремясь действовать на благо коллективу; в) *идеотелист* видит свое предназначение не в службе отдельным лицам или коллективу людей, а отвлеченным идеям и идеалам; его поведение определяют идеалы справедливости, свободы, братства. Идеотелист, готовый пожертвовать собой во имя, например, свободы людей, может оказаться в отношении отдельного человека строгим и беспощадным, а гипертелист, готовый принести себя в жертву интересам родины, может быть чрезвычайно индифферентен в отношении конкретного гражданина.

3. С настоящим, завершенным характером имеем дело при структурном объединении чужой и личной целеустремленности (аутотелии и гетеротелии), когда субъект не противопоставляет чужую и личную целеустремленность, переживая их как взаимодополняющие и взаимозавершающие моменты. Такой характер Штерн называет *интроцептивным,* для которого служба родине, человечеству или иным идеалам означает не отрицание собственной индивидуальности, а скорее ее упрочение и развертывание, поскольку собственная индивидуальность находит свое воплощение именно в этом.

Разумеется, интроцептивный характер представляет собой идеальный тип, поскольку реально трудно, наверное, найти человека, сумевшего в полной мере объединить личные и объективные, аутистические и гетеристические цели. Обычно подобное объединение касается лишь определенных, весьма узких сфер; для субъекта лишь некоторые объективные цели становятся неразрывной принадлежностью личности, тогда как остальные выходят далеко за пределы его личных устремлений. Здесь, в этих узких пределах, мы действительно имеем дело с целостностью. Вне же этих пределов личные и объективные устремления обычно находятся в конфликте друг с другом.

II. Дифференциация характера возможна и в зависимости от того, как обычно человек направляет свою энергию. Воля служит определенным целям. Следовательно, энергия должна быть использована на осуществление этих целей. Позитивную динамику воли следует искать именно в этом. Но этому препятствуют наши импульсы, требующие затрат энергии для своих целей. Отсюда исходит негативная задача воли — осуществление положительных целей требует экономии энергии. А это возможно лишь путем *торможения* импульсов. Борьба с импульсами, тормозящая их сила считается иногда сущностью воли. В действительности же, по мнению Штерна, это — всего лишь условие возможности позитивной работы воли.

Таким образом, типология характера с точки зрения динамики должна быть сделана только с позиций позитивной работы воли. Штерн здесь в количественном

аспекте различает *твердый* и *слабый характер,* а в качественном — *освоенность* или *неосвоенность* действия.

III. Характер представляет собой целостность, непременно содержащую и отдельные моменты. В зависимости от представленности этих двух аспектов можно говорить о структурном различии характеров. С одной стороны, возможно, что отдельные, частичные моменты объединены таким образом, что создают настоящую, *гармоничную целостность* — они не противоречат друг другу, а помогают и укрепляют друг друга. С другой стороны, может иметь место и совершенно противоположная картина, когда частные, частичные моменты пребывают в постоянном конфликте, в их отношениях вместо гармонии царят непрекращающаяся борьба и противостояние. В первом случае имеем дело с *гармоничным* характером, во втором — *внутренне раздвоенным, конфликтным характером.*

Для гармоничного характера специфично то, что импульсивные устремления и волевая целенаправленность почти не противоречат друг другу — в данном случае даже высшие идеалы находятся в гармоничных отношениях с естественными стремлениями. Поэтому здесь осознанная мотивация играет весьма незначительную роль — зачем искать мотивы, коль скоро волевая целенаправленность сразу же вызывает стремление выполнить намерение.

Что касается внутренне раздвоенного, конфликтного характера, здесь стремления, обусловленные естественными импульсами, естественными склонностями, резко противостоят целям, намеченным волей. Поэтому воле приходится постоянно тормозить вытекающие из витальных стремлений импульсы, чтобы обрести возможность использования энергии в положительных целях. В данном случае склонности и обязанности резко противоречат друг другу. Следовательно, здесь на передний план выступает борьба мотивов.

5. Другие попытки типологии

В современной психологической литературе известны и другие попытки типологии. Особое распространение нашла типология К. Юнга, в которой выделено два различных типа — *интровертивный* и *экстравертивный.* Интровертивным считается человек, направленный *«внутрь»,* интересующийся в первую очередь самим собой, своим внутренним миром. Экстравертивный человек, наоборот, ориентирован на внешний мир, на объективное; его интересы находится в сфере объективного.

Как видим, типология Юнга по существу не может считаться типологией характера. Она касается скорее общей направленности интересов человека, преимущественных сфер его психической активности, общей структуры его психики, нежели качественного своеобразия его волевой диспозиции.

Примерно то же самое можно сказать и об особенно широко распространенной типологии Кречмера. Он исходит из различия физической конституции и выделяет два основных типа — *шизотимический* и *циклотимический.* Однако, как уже отмечалось, признаки, по которым эти типы различаются, скорее касаются темперамента, чем характера. О темпераменте уже шла речь выше.

Глава шестая
Психология восприятия

Элементарные условия и закономерности восприятия

1. Сущность восприятия

Активность бывает двух видов: *акция,* то есть спонтанное (независимое, свободное) воздействие субъекта на объективную действительность, и *реакция,* то есть активность, возникающая в результате воздействия на субъекта объективной действительности. Объективная действительность, как видим, должна существовать в обоих случаях — без нее невозможна никакая активность. Однако ее только лишь объективного существования недостаточно, необходимо, чтобы и субъект в каком-то виде переживал ее. Такое переживание объективно существующего называют *восприятием.* Я воспринимаю вот эту книгу, вот эту тетрадь — это означает, что теперь данные предметы существуют и для меня, что сейчас и я их замечаю, переживаю.

2. Раздражение

Для чувственного восприятия необходимы две вещи: должны существовать, во-первых, нечто объективное, воздействующее на субъекта, а во-вторых — некий аппарат, делающий возможным переживание этого воздействия. Первое обычно именуется *«раздражителем»* или *«раздражением»,* а второе — «органом чувств».

Раздражителем можно считать все, что может *воздействовать на наши органы чувств.* Однако после Фехнера раздражителем обычно считался лишь элементарный физический процесс, полученный в результате анализа воздействующего на нас предмета или явления. Например, согласно Фехнеру, раздражителем следует считать не аккорд, а отдельный тон, который дает анализ этого аккорда, или, вернее, элементарный физический процесс, соответствующий каждому отдельному тону. Но в современной психологии, не разделяющей элементаристически-физиологического определения раздражения, раздражителем принято считать именно аккорд.

3. Органы чувств

Орган чувств в широком смысле этого слова состоит из трех основных частей. Первая часть представляет собой *рецептор* — внешний аппарат со специфическим строением для получения раздражения. Вторая часть — *проводящий нерв,* по которому раздражение поступает в третью часть органа чувств — центр, расположенный в соответствующей сенсорной области головного мозга. Органы чувств четко отделены друг от друга, особенно это касается четырех органов чувств — зрения, слуха, обоняния и вкуса. Каждый из них расположен в определенной части тела, и соответствующие раздражения принимаются исключительно благодаря им: лучи света пронизывают весь организм, но как раздражитель свет воздействует только лишь на глаза. Точно так же происходит и в случае слуха, обоняния и, возможно, вкуса.

Особое место в этом смысле занимает так называемый «пятый» орган чувств — поверхность нашего тела, кожа, или, как его называют, *орган осязания.* Как выяснилось, он вовсе не представляет собой орган только лишь одного чувства. В нем обнаружился целый ряд органов в виде отдельных точек, воспринимающих раздражения тепла и холода и позволяющих ощутить температуру, также точек, воспринимающих раздражение осязания, и, наконец, отдельных участков для рецепции болевого раздражения. К этому следует добавить окончания чувствительных нервов в *мышцах* и *суставах* как органы совершенно иного чувства — *кинестетического чувства* и, наконец, орган *равновесия* тела, расположенный во внутреннем ухе, в трубках формы полумесяца и специальных мешочках, имеющих внутри нервные окончания, раздражение которых происходит посредством движения так называемой «эндолимфы» в трубочках и так называемых «отолитов» в мешочках.

Пятый орган чувств занимает особое место не только благодаря тому, что включает в себя целый ряд отдельных и различных органов чувств, но особенно и потому, что он не выделен из всего организма так же четко, как вышеотмеченные четыре органа чувств. Когда мы что-либо видим или слышим, то всегда чувствуем, что воздействию раздражителя подвергаются именно эти части тела — глаз, ухо. Но когда дело касается пятого органа чувств, то это не всегда происходит так. Бывают случаи, когда трудно сказать, какой участок тела чувствует тепло или холод, какая часть тела подвергается давлению. Находясь, например, в воде, мы воспринимаем ее температуру и давление всем телом, а не его отдельными частями, в частности, отдельными температурными или осязательными точками. Данная особенность еще более явственно проявляется в случае *кинестетического* ощущения и, особенно, чувства *равновесия.* В этом плане пятое чувство действительно занимает особое место. И в самом деле, потребовалась специальная исследовательская работа для уяснения того, что здесь имеем дело с целым рядом различных органов чувств, тогда как органы зрения и слуха, обоняния и вкуса в открытии не нуждались — их существование было очевидным изначально.

Роль органов чувств очень велика, ведь именно они дают возможность отражения существующего вне нас объктивного мира и установления с ним соответствующих отношений. Для приспособления живого организма к внешней среде, целесообразного воздействия на нее, безусловно, большое значение имеет то, насколько близко должен подойти организм к источнику раздражения, к раздражителю, чтобы ощутить его воздействие. В этом плане решающее значение имеет строение принимающего аппарата органов чувств — рецептора. Существуют такие органы чувств, которым необходим непосредственный контакт с раздражителем для отра-

жения его воздействия; однако существуют и органы, способные получать раздражение издали. К первой группе следует отнести органы *осязания* и *вкуса* — это так называемые *контактные органы,* а ко второй — группу *действующих на расстоянии,* или *дистанционных, органов,* то есть органы зрения, слуха и обоняния. Для получения осязательного или вкусового ощущения необходимо, чтобы раздражитель непосредственно соприкоснулся с соответствующим органом, ведь на расстоянии почувствовать вкус или получить осязательное ощущение невозможно. Зато глаз и ухо ощущают воздействие раздражителя и издали. Промежуточное положение занимает орган обоняния. Разумеется, запах чувствуется и на расстоянии; однако для этого необходимо, чтобы мельчайшие частицы объекта, вызывающего запах, пришли в непосредственный контакт со слизистой оболочкой носа; иначе ощутить запах невозможно. Однако у нас имеются и такие органы, которые могут быть отнесены как к дистанционным, так и к контактным. Таковым является орган ощущения температуры — тепло, например, можно почувствовать как на расстоянии, так и при непосредственном прикосновении.

4. Ощущение

В результате воздействия раздражителя в органе чувств возникает определенный физиологический процесс — так называемое *возбуждение.* Посредством проводящего нерва этот процесс достигает головного мозга и распространяется в его определенных областях — в соответствующих сенсорных центрах. Психический процесс, возникающий вследствие этого, можно назвать *ощущением.*

В психологии девятнадцатого века ощущение считалось элементом восприятия; подразумевалось, что в результате воздействия среды у человека обычно возникает восприятие — некое сложное явление, для понимания которого необходим анализ. В качестве конечного результата такого анализа получаем элементарные процессы, которые с целью их размежевания от восприятия именуются *ощущениями.* В среде ощущению соответствует элементарный физико-химический процесс, воздействующий, в свою очередь, на нервные элементы и вызывающий в них этот элементарный физиологический процесс — *возбуждение.*

Таким образом, представление психологии девятнадцатого века об ощущении было следующим: элементарный физический процесс (раздражение) вызывает элементарный физиологический процесс (возбуждение), за которым следует элементарный психологический процесс — *ощущение.* Восприятие строится из таких элементарных процессов, представляя собой производный процесс. Например, утверждалось, что восприятие яблока происходит следующим образом: к ощущению цвета прибавляется ощущение вкуса, запаха и др.; вместе все эти ощущения дают восприятие яблока.

В основе такого понимания ощущения лежит заведомое убеждение в том, что психика имеет такое же строение, как физическая реальность. А ведь эта последняя состоит из элементарных процессов! Следовательно, при ее воздействии на нас, в сущности, одновременно действует целый ряд элементарных физических процессов, то есть раздражителей, каждый из которых вызывает соответствующее возбуждение и соответствующее ощущение. Стало быть, результат их совместного действия — восприятие должно представлять собой простую сумму отдельных ощущений.

Исходя из этого, казалось очевидным, что для изучения восприятия достаточно изучить соответствующее ему раздражение; обнаруживая действие раздражения, следует признать и существование соответствующего ему ощущения, даже если в вос-

\

приятии оно никак не проявляется. Например, мы слышим аккорд; даже сконцентрировав внимание, нельзя сказать, что в нем слышится несколько тонов вместе. Нет, аккорд испытывается нами как совершенно простое переживание. Однако физический раздражитель, дающий аккорд, фактически состоит из нескольких тонов. Следовательно, согласно вышеотмеченной точке зрения, следует заключить, что каждый из этих физических тонов должен сопровождаться отдельным ощущением и что аккорд представляет собой не простое переживание, а совокупность всех этих ощущений. Неважно, что заметить эти ощущения в переживании невозможно! В действительности же их существование не должно вызывать сомнений.

Таким образом, согласно этому мнению, получается, что могут существовать и *незаметные ощущения*. Заслугой психолога Кёлера следует считать то, что он впервые обратил внимание на это непроверенное исходное положение традиционного взгляда на ощущения — так называемую *«гипотезу константности»*, показав ее несостоятельность. Совершенно очевидно, что наше восприятие ни в коем случае не строится из таких психических элементов, каждый из которых представляет собой отдельную, самостоятельную психическую реальность, простое отражение отдельного, частичного раздражения — между раздражением и психическими процессами нет такого прямолинейного соответствия, подобного параллелизма.

Следовательно, старое *атомистическое* понимание понятия ощущения сегодня не может считаться правомерным. Однако понятие ощущения все-таки должно остаться в психологии. Анализ восприятия все-таки необходим, и среди единиц, полученных в результате подобного анализа, встречается специфический чувственный психический материал, предоставляющий данные об отдельных органах чувств. Так вот, для обозначения именно этих чувственных психических содержаний в психологии по сей день употребляется понятие *ощущения*.

Конечно, в нормальных условиях наши органы чувств никогда не действуют отдельно, разобщенно, никогда, стало быть, не давая соответствующих ощущений самостоятельно, в отрыве друг от друга. Но, тем не менее, для выявления того, как происходит отражение, восприятие среды, самостоятельное, отдельное рассмотрение специфических чувственных данных каждого отдельного органа чувств — ощущений оказывается весьма полезным. Вполне понятно, что в курсах классической психологии психологии ощущения отводилось особенно большое место. Сегодня же иногда вопрос ощущений и вовсе оставляют без внимания. Ни один из этих подходов не представляется целесообразным — на наш взгляд, необходимым и достаточным является краткий обзор основных данных психологии ощущения.

5. Моменты ощущения

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных ощущений, остановимся на общих вопросах психологии ощущений.

Во-первых, какие стороны, или моменты, присущи ощущениям, благодаря которым становится возможным их взаимосопоставление?

Какое бы ощущение мы ни взяли, одно остается абсолютно безусловным — оно непременно связано с каким-либо органом чувств и дает совершенно своеобразное, полностью отличное от других переживание; ощущение органа зрения — цвет и свет — это нечто совершенно иное, нежели ощущение органа слуха — тон и шум. Построенная на почве обычного, повседневного наблюдения ненаучная, наивная психология, в том или ином виде присущая каждому из нас, подразумевает, что между ощущениями различных органов чувств нет ничего общего, что цвет, на-

пример, не имеет ничего общего со звуком. Сегодня в научной психологии уже установлено, что это мнение не совсем правильно, так как выяснилось, что ощущение все-таки является единым. В этом плане был прав еще Аристотель, говоривший о существовании *«общего чувства»*. Ощущение — одно, но в связи с различными органами чувств оно проявляется по-разному. После Гельмгольца эту сторону ощущений называют *модальностью.* Стало быть, первое, чем отличаются ощущения друг от друга, это — *модальность.*

Однако не совсем одинаковы и ощущения каждой отдельной модальности. Например, одно — ощущение красного цвета, а зеленого цвета — совсем другое; или же соленое — это одно переживание, а острое — совсем иное. Интрамодальное (внутримодальное) различие между ощущениями именуют *качественным.*

Интересно, могут ли ощущения одной и той же модальности и качества еще как-то отличаться друг от друга. Как известно, ощущение какого-либо тона может меняться, невзирая на неизменность его качества. Подобное изменение касается *силы, интенсивности* ощущения.

Таким образом, ощущения могут отличаться друг от друга по *модальности, качеству* и *интенсивности.* Все эти три стороны есть у всякого ощущения — оно непременно имеет какую-либо модальность, определенное качество и определенную интенсивность.

6. Так называемый «закон специфической энергии»

В связи со сказанным естественно возникает вопрос: если ощущение едино, то какова роль различия органов чувств? Можно предположить, что все возможные различия между ощущениями полностью зависят от различия органов чувств. Прежде за ответом на данный вопрос обращались к теории физиолога Иоганнеса Мюллера. Исходный пункт данной теории составляет то бесспорное наблюдение, что ощущение каждой отдельной модальности связано с совершенно определенным органом чувств, что не существует ни одного случая -в рамках ни нормы, ни аномалии — перемещения ощущения какой-либо модальности на другой орган чувств. Короче говоря, никогда не случалось так, чтобы человек *слышал глазом* и *видел ухом.* Одним словом, каждый орган чувств способен дать только собственное специфическое ощущение.

От чего это зависит? Воздействуя на один и тот же орган чувств совершенно различными раздражителями, получаем всегда один и тот же результат — в любом случае мы будем иметь дело с одним и тем же ощущением, чем бы оно ни было вызвано; например, результатом раздражения органа зрения всегда будет зрительное ощущение. Следовательно, модальность ощущения совершенно не зависит от объективного раздражителя. Но тогда остается единственная возможность — она зависит от органа чувств. Складывается такое впечатление, будто бы зрительный нерв обладает особой способностью специфического действия, то есть специфической энергией, и в ответ на любое раздражение может выявить только эту энергию; например, зрительный нерв может только видеть. Аналогичное следует сказать и об остальных органах чувств.

Что вытекает из этого? Получается, что, имея, например, ощущение цвета, я тем самым получаю сведения не о вызвавшем данное ощущение объекте, а об особенностях самого органа чувств, его способности действия. Одним словом, ощу-

\

щение вовсе не является отражением объективной действительности, а всего лишь выявляет *специфику действия органов чувств.*

По данной теории Мюллера *(теории специфической энергии органов чувств)* получается, что ощущение отнюдь не отображает объективную действительность; то, что представляется объективной реальностью, на самом деле зависит лишь от строения органов чувств. Следовательно, чувственно данный нам мир полностью иллюзорен, и наша активность протекает в этом иллюзорном мире. То, насколько многообразен этот мир или какими признаками он обладает, полностью зависит от наших органов чувств — любое качественное различие ощущений основывается на различии соответствующего органа чувств.

Следовательно, в конечном счете любое качественное различие должно быть сведено на модальные различия. То, что видим глазами разные цвета, слышим ушами различные тона, или поверхностью нашего тела, кожей чувствуем как прикосновение, так и тепло и холод, в соответствии с данной теории указывает на то, что ни глаз, ни ухо и ни один другой орган чувств, дающий качественно различные ощущения, не являются по существу одним органом — каждый из них должен включать в себя целую группу отдельных органов. Согласно теории Мюллера, достаточно выявить какое-либо качественно отличное ощущение, чтобы предположить и существование соответствующего ему органа и с полным правом начать его поиск. Влиянием данной теории объясняется то, что одно время в психофизиологии органов чувств велся интенсивный поиск отдельных органов, в результате чего был открыт целый ряд таких органов. В частности, в глазе были обнаружены отдельные органы для ощущения света (так называемые «палочки») и ощущения цвета (так называемые «колбочки»), а на коже — отдельные точки ощущения тепла и холода, давления и т.д. Несомненно, что этот факт свидетельствует в пользу данной теории. Но, тем не менее, он все-таки не оправдывает ее главную мысль, согласно которой ощущение представляет собой не отражение объективной действительности, а своеобразие организации органов чувств.

В чем же правильна теория Мюллера? Наблюдение, на которое она опирается, представляет собой несомненный факт, игнорировать который невозможно. Очевидно и то, что органы чувств взрослого человека безусловно обладают специфической энергией, то есть глаз может только видеть, а ухо — слышать. Однако это не означает, что сам раздражитель не имеет никакого значения. Напротив, будь органы чувств полностью индифферентны по отношению к качественному различию раздражителей, то было бы совершенно непонятно, почему у каждого органа чувств появилось свое специфическое строение и, следовательно, специфическая энергия. Не вызывает сомнений, что формирование органов чувств произошло в результате длительного процесса развития, и организация каждого органа чувств является следствием этого развития. Это с очевидностью подтверждает даже краткое рассмотрение истории развития органов чувств.

В самом начале развития никакого различия между органами чувств не существовало — единственным органом живого существа была вся масса протоплазмы, весь организм, и интересно, что он одновременно был и органом чувств, и двигательным органом, то есть тем, чем организм и воспринимал, и отвечал на воздействие раздражителя. Размежевание органов чувств и движения и возникновение затем многочисленных, отличных друг от друга органов чувств является следствием последующего развития.

Этот путь развития нужно представить следующим образом: первичная, диффузная двигательная и чувственная, то есть *сенсомоторная,* функция отделяется от

тела в целом, увязывая с его отдельными частями; на теле вычленились отдельные части, на которые было возложено выполнение этих двух функций. Таким образом, общая функция всего тела превратилась в функцию его отдельных частей. Так возник первый специальный орган, выполняющий сенсомоторные функции. Следует особо подчеркнуть, что примитивная чувствительность живого организма, стало быть, непосредственно связана с движением — ощущение не существует отдельно, вместе с ним возникает и соответствующее движение организма. Размежевание этих функций произошло на более высокой ступени развития.

Далее развитие пошло по пути дифференциации самостоятельных органов чувств. Во-первых, для нахождения и идентификации пищевых объектов, производящих химическое воздействие на организм, в этом последнем выделились отдельные части, наделенные особой химической чувствительностью, и потому легче и точнее справлявшиеся с этой функцией. Так возник орган вкуса, строение которого со временем все больше и больше соответствовало возложенной на него функции. Также возник и орган обоняния, воспринимающий химическое воздействие пищи и на расстоянии, облегчая, тем самым, организму ее поиск. К этому добавилось зарождение и последующее развитие аппаратов, специально устроенных для получения механических и микромеханических раздражителей, — *органов осязания, зрения и слуха.* Если прежде эти раздражители воспринимались всем организмом, то теперь положение изменилось; для их отражения вычленились отдельные части организма, наилучшим образом приспособленные для решения данной задачи.

Таким образом, становится ясным, что выделение отдельных органов в процессе развития служило лучшему приспособлению организма к среде. Потому-то и появились органы с различным строением, что существовали различные раздражители, к которым организму приходилось приспосабливаться. Потому-то и выполняет каждый отдельный орган соответствующую своему строению специфическую функцию, что его развитие происходило в условиях воздействия специфического раздражителя. Итак, можно заключить, что отмеченные Мюллером факты специфического действия органов чувств доказывают не их независимость от природы раздражителей, а, напротив, полную зависимость от последних; стало быть, ощущения дают нам не иллюзию действительности, а представляют собой ее отражение.

Таким образом, мы можем остановиться на следующем положении: наша активность протекает во взаимосвязи с объективной действительностью; для ее успешного осуществления необходимо правильное отражение объективной действительности, и субъективно такое отражение дает наше чувственное восприятие.

Естественно встает вопрос: каков вклад каждого отдельно взятого органа чувств в отражении объективной действительности?

Однако прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, следует уяснить, какая взаимосвязь существует между ощущением и раздражением с точки зрения интенсивности.

7. Закон Вебера и Фехнера

Каждое ощущение, кроме качества, непременно обладает определенной степенью интенсивности, или силы. Представляется интересным выяснить, каково взаимоотношение между интенсивностью ощущения и интенсивностью раздражения. Возможно, что интенсивность ощущения либо совершенно не связана с интенсивностью раздражения, либо, наоборот, она представляет собой прямое отражение этого пос-

леднего, либо же, наконец, между ними имеется специфическая взаимосвязь, подчиняющаяся определенной закономерности.

Решить данный вопрос невозможно ни путем простого наблюдения, ни на основе того или иного теоретического соображения. В этом случае дать что-либо значимое может только эксперимент. Поэтому неудивительно, что первый шаг, сделанный на пути научного решения данного вопроса, носил экспериментальный характер; вместе с тем, это был тот первый психологический вопрос, разрешить который попытались путем эксперимента. История экспериментальной психологии начинается с того времени, когда физиолог Вебер поставил вопрос о соотношении между ощущением и раздражением, то есть между психическим и физическим, с точки зрения их интенсивности. В последующем опыты Вебера продолжил физик Фехнер, окончательно заложив тем самым основы той части психологии, которая известна под названием «психофизики» и которая в течение нескольких десятилетий считалась наиболее интересной и важной отраслью психологии.

Так, что же выяснилось о взаимосвязи между ощущением и раздражением с точки зрения их интенсивности?

Во-первых, окончательно подтвердились наблюдения, свидетельствующие о том, что человек ощущает отнюдь не любое изменение раздражения, а чувствует лишь раздражение относительно большой интенсивности. Во-вторых, в результате точных исследований был найден закон, лежащий в основе соотношения между интенсивностями раздражения и ощущения.

Для понимания этого закона особенно важным является понятие так называемого *«порога»,* установленное в процессе психофизических исследований.

Выяснилось, что интенсивность раздражения должна достигнуть определенного уровня с тем, чтобы мы хоть как-то почувствовали его воздействие. Уровень раздражения, дающий такое едва заметное ощущение, называется *«нижним порогом»* ощущения. Однако существует и такой уровень интенсивности раздражения, после увеличения которого интенсивность ощущения уже не усиливается. Этот уровень называется *«верхним порогом»* ощущения. Воздействие раздражения мы чувствуем только в интервале между этими порогами, поэтому их принято называть и *«внешними порогами»* ощущения.

Примечательно, что полного параллелизма между интенсивностями ощущения и раздражения не существует и в межпороговом интервале интенсивностей. Например, беря в руки книгу, мы, разумеется, чувствуем ее вес. Следовательно, в данном случае интенсивность ее веса находится в промежутке между нижним и верхним порогами. А теперь заложим в книгу лист бумаги; физически вес книги увеличится, то есть уровень интенсивности раздражения повысится. Однако, взяв книгу в руки, мы это изменение ее веса не почувствуем. Увеличение веса должно достигнуть определенного уровня, чтобы мы могли это как-то заметить. Величина прироста раздражения, необходимого для получения этого едва заметного различия между ощущениями, называется *«порогом различения».* Раздражение, по интенсивности превышающее данную величину, называется *«запороговым»,* а раздражение с меньшей интенсивностью — *«допороговым».* Уровень порога различения (высокий или низкий) зависит от чувствительности к различению: чем выше чувствительность к различению, тем ниже порог различения.

Вебер первым обратил внимание (1834) на то, что порог различения бывает двояким — *абсолютным* и *релятивным* и что очень важно отличать их друг от друга. Абсолютным порогом различения называется прирост интенсивности раздражения,

необходимый для достижения порога различения. Например, если для того, чтобы почувствовать едва заметное изменение 2000-граммового веса, к нему необходимо добавить 200 грамм, и тогда эта величина представляет собой абсолютный порог ощущения. Показатель абсолютного порога не является постоянной величиной и зависит от веса основного раздражителя. Например, если к основному раздражителю весом в 2000 грамм следует добавить 200 грамм, то в случае 4000-граммового раздражителя 200 грамм уже недостаточно — к нему нужно прибавить больше.

Если эту же величину (в нашем примере — 200 грамм) выразить не в твердых физических единицах измерения (в нашем примере — граммах), а числом, выражающим отношение между добавочным раздражением и основным раздражением, то получим *релятивный порог различения* (в нашем примере вес основного раздражителя составлял 2000 грамм, а добавочного — 200 грамм; отношение между ними составляет 200/2000 = 0,1. Следовательно, релятивный порог равен 0,1). Когда Вебер вычислил релятивный порог различения для различных случаев основного раздражения, выяснилось, что этот порог представляет собой константную величину. В области модальности веса он равен 0,1. Это означает, что для того, чтобы почувствовать едва заметное изменение веса, его нужно увеличить или уменьшить на одну десятую часть.

Именно в этом заключается известный основной психофизический закон Вебера, сыгравший столь значительную роль в истории психологии. Его формула очень проста и выражается следующим образом:

$$dr/r = const,$$

где dr — величина дополнительного раздражения, а r — величина основного раздражения.

После опубликования Вебером формулы своего закона было проведено множество экспериментальных исследований с целью установления величины релятивного порога различения во всех модальностях ощущения. Фехнер дал закону Вебера точное математическое выражение: *для того, чтобы интенсивность ощущения росла в математической прогрессии, интенсивность раздражения должна расти в геометрической прогрессии.* Более короткая математическая формула данного положения выглядит следующим образом:

$$E = \log R,$$

где E — интенсивность ощущения, R — интенсивность раздражения.

Последующие интенсивные исследования подтвердили, что закон Вебера-Фехнера имеет приблизительное значение — он действителен лишь в определенных пределах. В этих пределах величина порога различения для разных модальностей оказалась следующей:

Вес - 10% (в пределах 2000-6000 грамм).

Давление — 5% (на кончике указательного пальца, в пределах 50—2000 грамм).

Свет — 1—3% (в пределах 1000-2000 люкс).

Острота зрения — 2% (при сравнении линий, плоскостей).

Тон — 12% (в пределах средней высоты и средней силы).

Шум - 33%.

Ошибка Фехнера главным образом заключалась в том, что он счел возможным точное измерение интенсивности ощущения, приняв за единицу измерения так называемую *«едва заметную разницу между интенсивностями ощущения»*. Экспериментальное изучение вопроса не подтвердило правильности его подхода.

Психология ощущений

Проблема ощущения в современной психологии

В классической психологии *ощущения* сами по себе представляли самостоятельный интерес. В соответствии с основным убеждением, согласно которому для изучения психики решающее значение имело исследование элементарных переживаний, ощущение стало предметом особого внимания. Главная задача состояла по возможности в точном установлении всех видов элементарных ощущений, затем в выявлении соответствующих им элементарных процессов как в сфере физической действительности, так и в области физиологии и, наконец, в нахождении основных закономерностей взаимосвязи ощущения, раздражения и возбуждения. Гельмгольц и Вундт — это два величайших исследователя, не только заложивших основу, но и придавших завершенный вид психологии ощущений, вернее — психофизике и физиологии ощущений.

Чувственное восприятие значимо, прежде всего, постольку, поскольку представляет собой одно из необходимых условий нашей активности — отражая внешнюю действительность, оно, следовательно, является одним из важнейших факторов, регуляторов нашего поведения. В данном случае *ощущения* утрачивают самостоятельный интерес. Для нас решающее значение имеет вклад, вносимый в восприятие ощущениями в процессе отражения объективной действительности. Стало быть, для нас главная проблема психологии ощущений заключается не в выяснении соотношения между раздражением и ощущением и установлении возможных закономерностей в этом направлении. Нет! Главный интерес для нас составляет точное *описание* всего многообразия ощущений, полный учет всех видов и форм их проявления. Что же касается вопроса *объяснения,* он должен быть поставлен в связи с проблемой восприятия.

Таким образом, в наше время в психологии ощущений несомненно произошел очевидный перелом, так как сегодня проблемы психофизиологии и физиологии ощущений отодвинулись на второй план, уступив место в первую очередь вопросам, связанным с феноменологией ощущений.

Зрение

1. Основные виды зрительных ощущений

Роль зрительных ощущений в психической жизни человека особенно велика. Можно сказать, что в своих отношениях с действительностью человек в первую очередь руководствуется зрением. Какие ощущения дает нам зрение? Что замечают, что видят наши глаза в объективном мире?

Несомненно, в основном две вещи: *свет* и *цвет.* Итак, зрение включает в себя две качественно различные группы ощущений — ощущения света и ощущения цвета. Нужно сказать, что по существу и ощущения света переживаются как ощущения цвета — *темное* и *светлое;* они всегда считались цветом, особенно их полюса — *черное и белое.* Аналогичное можно сказать и о средних уровнях ступеней света, ведь серое — скорее цвет, чем свет. Поэтому, признав все зрительные ощущения цветовыми ощущениями, мы, быть может, дадим более правильное описание наших переживаний. Тогда свет, безусловно различаемый глазом, следует считать не качественно отличной

отдельной группой зрительных ощущений, а одним из моментов ощущения цвета, по которому можно отличить один цвет от другого. Некоторые психологи так и поступают, полагая, что единственная функция зрения заключается в ощущении цвета.

Приняв данную точку зрения, нужно разделить все многообразие цветовых ощущений на две большие группы; первую составят *пестрые цвета* — те, что встречаются в спектре — *цветные,* то есть *хроматические,* цвета, а вторую — бесцветные, *ахроматические,* или, иначе, *нейтральные,* цвета (белый, серый и черный).

2. Нейтральные цвета

Цвета отличаются друг от друга прежде всего «цветовым тоном». Все многообразие нейтральных цветов может быть выражено посредством прямой линии. Крайние точки этой прямой занимают белое и черное, а расположенные между ними точки — от белого к черному — различные нюансы серого цвета. Для системы нейтральных цветов особенно характерны два обстоятельства. Во-первых, разложив эти цвета по интенсивности, получаем такой же ряд, что и в случае их разложения в порядке качественных различий. Максимально интенсивным является тот цвет, который лучше всех виден, то есть обладающий максимальным светом. Среди нейтральных цветов таковым является белый. Начав с белого и постепенно уменьшая его интенсивность, получим непрерывный ряд серых тонов, члены которого, постепенно утрачивая свет, все больше и больше приближаются к черному. Таким образом, все ступени нейтрального цвета располагаются на одной линии. Крайние полюсы и тут представлены белым и черным, а серые тона расположены между этими полюсами — точно так же, как и в случае расположения этих же цветов по качеству.

Вторую особенность системы нейтральных цветов, вытекающую по сути из первой, составляет то, что каждой ступени интенсивности свойственно ярко выраженное качественное своеобразие; в частности, каждый оттенок серого отличается от всех остальных тональностей серого не только по интенсивности, но и по качеству. В данном случае интенсивность и качественная сторона совпадают настолько полно, что можно подумать, что психологически зримого различия между ними нет и в других случаях, а то, что представляется нам различием по интенсивности, на самом деле, возможно, есть не что иное, как качественное различие.

3. Спектральные цвета

Система тонов хроматических цветов дает совсем иную картину. Одной прямой линии для выражения всех качественных различий тут уже недостаточно — таких линий нужно по крайней мере четыре.

Рассмотрим эти цвета с тем, чтобы увидеть, в каком виде представлена данная система.

Ряд хроматических цветов начинается с *красного,* постепенно ослабевающего за счет *желтого,* которого становится все больше и больше — до достижения той точки, где уже нет ничего, кроме желтизны. Таким образом, завершается одна линия, включающая в себя красный, оранжевый и желтый. После этого начинается линия желтого цвета, к которому постепенно добавляется зеленый; последний все больше и больше увеличивается до тех пор, пока и он не достигнет точки чисто зеленого цвета. Это будет вторая линия: желтый—зеленый. Затем начинается третья линия в направлении к синему и, наконец, четвертая — к фиолетовому.

Примечательно, что, хотя эти линии и продолжают одна другую, они, тем не менее, все-таки не создают одну прямую линию. Нет, это скорее ломаная линия. Почему? Дело в том, что, если их объединить на одной прямой линии, тогда начальный цвет, красный, в том или ином виде должен быть представлен на всем протяжении этой прямой. Так оно и есть до достижения точки чистой желтизны. Однако после этого от красного абсолютно ничего не остается, а потому считать последующие цвета прямым продолжением красной линии неправомерно. Мы точнее представим положение вещей, сказав, что в точке чистой желтизны происходит преломление красной линии и начинается новое направление. Тогда это было бы направлением желтого цвета, с которым в точке зеленого цвета произойдет то же, что и с предыдущим, и отсюда уже пойдет линия зеленого цвета, которую, в свою очередь, в точке синего цвета опять-таки ожидает аналогичная судьба, что и другие направления — опять начнется новая линия, в которой заново появятся элементы красного. Это означает, что направление этой последней линии пойдет в сторону красного, завершившись точкой чистого красного цвета.

Таким образом, эти четыре линии составляют одну замкнутую фигуру, в которой представлены все возможные нюансы спектральных цветов.

При расположении хроматических цветов в данном порядке наглядно проявляются две специфические особенности. Первая состоит в том, что своеобразие хроматических цветов таково, что цвет, дальше всего отстоящий от начального цвета (красного), ближе всех стоит к нему по своему тону; в частности, в спектре первое место занимает красный, а последнее — фиолетовый, но ведь ни один цвет по своему тону не близок так к красному, как фиолетовый. Этим и объясняется то обстоятельство, что для выражения всего многообразия цветов мы вынуждены обратиться к замкнутой фигуре.

И еще второе обстоятельство: эта фигура является четырехугольником, поскольку среди хроматических цветов четыре — красный, желтый, зеленый и синий — действительно занимают особое место, тогда как все остальные цвета располагаются вокруг них, в большей или меньшей степени приближаясь к ним, хотя и переживаются как чистые, простые цвета. По наблюдению Геринга, в ряду нейтральных цветов такими же чистыми цветами являются черный и белый. По этой причине упомянутые четыре цвета называются *главными,* а остальные — *переходящими* цветами.

Однако все многообразие цветов выражено этой замкнутой фигурой не полностью. Дело в том, что цвета отличаются друг от друга не только тем, что находит свое графическое отображение посредством этой замкнутой фигуры, то есть *тоном.* Не все цвета одного тона одинаковы; различие подтверждается и в пределах одного тона каждого цвета. Это различие может быть по меньшей мере двояким — тон одного и того же цвета может быть представлен в большей или меньшей степени. Например, существует большое разнообразие красного цвета — более или менее красный. Максимально красный называют *насыщенным* красным цветом. Таким образом, тона одного и того же цвета различаются по своей *насыщенности.*

Помимо насыщенности, цвета отличаются друг от друга и по *светлоте;* при разном освещении красный цвет выглядит по-разному: темно-красный и светло-красный отличаются друг от друга.

Характерную особенность ощущения цветов представляет также то, что из любого цвета путем его постепенного изменения можно получить какой угодно цвет, то есть от каждого цвета можно перейти на все остальные цвета. Данное обстоятельство заставляет задуматься над тем, что в графическом изображении системы цве-

тов следует учесть все возможные моменты различия между цветами, то есть не только тон цвета, но и степень насыщенности и светлоты.

Такое изображение дает так называемый *цветовой октаэдр.* Как мы уже знаем, графическая картина ощущений света представлена прямой линией. Представим себе цветовой четырехугольник в виде горизонтально расположенной плоскости, середину которой стержнем пронизывает перпендикулярный ей отрезок, выражающий ощущение светлоты, одна половина которого расположена на одной стороне плоскости, а вторая — на другой. Тогда, соединив концы четырехугольника цветов с крайними точками этого отрезка — точками белого и черного, получим замкнутую фигуру — октаэдр, передающий все возможные различия между цветами. На поверхности граней этого октаэдра располагаются все тона всех цветов. Вместе с тем на нем представлены и все возможные ступени светлоты — более светлые цвета располагаются на одной стороне, а более темные — на другой. Поднимаясь вверх в направлении белого, мы получаем все более и более светлый цвет, а опускаясь вниз в направлении черного, встречаем все более и более темные цвета. В то же время на цветовом октаэдре представлен и третий момент, по которому различаются цвета — насыщенность. На плоскости основания октаэдра представлены все тона цветов с максимальной насыщенностью. Все ступени насыщенности представлены в поперечном разрезе — как со стороны белого, так и черного цветов.

Таким образом, цветовой октаэдр позволяет учесть все возможные различия между хроматическими цветами, давая адекватное графическое выражение этих различий.

Однако существует еще один момент, по которому цвета наглядно отличаются друг от друга. Этот момент, на который впервые обратили внимание лишь в XX веке, исследователь Д. Кац назвал *«своеобразием проявления цветов»* (Erscheinungweise). Он полностью отличается от всех вышеупомянутых моментов; своеобразие проявления цвета нельзя размещать рядом с тоном, насыщенностью и светлотой цвета. Его следует отнести к совсем иной плоскости. Дело в том, что цвета никогда не даются нам как таковые, сами по себе, всегда являясь цветом какого-либо предмета с определенной плоскостной структурой; стоит удалить эту структуру — и цвет изменится, станет не тем, чем был в действительности. Тон, насыщенность и светлота представляют собой лишь «материал» для психического проявления своеобразия цвета. Следовательно, один из основных вопросов психологии цвета — это вопрос о своеобразии проявления цветов, то есть вопрос о возможных проявлениях цвета или зрения вообще.

Кац различает два основных случая: первый, когда цвет дан в виде цвета отдельных предметов, и второй, когда он не связан ни с каким отдельным предметом, будучи нерасчлененным и целостным.

Под этим последним случаем Кац подразумевает «освещенность». Возьмем для примера освещенность нашей комнаты. Можно ли сказать, что она представляет собой результат сложения цветов всех находящихся в комнате предметов? Разумеется, нет. Тон и светлота цвета предметов — одно, а освещенность — совсем другое. Освещенность не является свойством каждого отдельного предмета; она заполняет все пространство, распространяясь постольку и на отдельные предметы. Так обстоит дело и во всех других случаях. Одним словом, освещенность представляет собой одну из самостоятельных разновидностей проявления нашего зрения.

Совсем иначе происходит проявление своеобразия самих цветов. Как уже отмечалось, цвет всегда связан с каким-либо отдельным предметом, или, по крайней мере, является цветом чего-то. Кац отмечает следующие случаи проявления цвета:

1. *Цвет плоскости* — это тот случай, когда цвет дан на плоскости. Например, цвет неба безусловно переживается специфически — совершенно иначе, чем цвет

того же тона, насыщенности и светлоты, но, скажем, на поверхности бумаги. Цвет плоскости мы видим, например, и закрытыми глазами — при воздействии на глаза сильного света. Ощутить цвет плоскости можно и в экспериментальной ситуации: возьмем какой-либо цветной, скажем красный, лист бумаги. Затем возьмем и второй, серый лист бумаги. Проколем его булавкой и через дырочку посмотрим на красный листок. Теперь цвет красного листа бумаги будет переживаться совершенно иначе, чем когда мы смотрим на него непосредственно. Здесь Кац говорит о *редукции* цвета плоскости.

2. *Цвет поверхности* переживается совершенно по-другому — это цвет поверхности предметов.

3. Иначе переживается *цвет прозрачной плоскости,* например, цвет цветного стекла.

4. И, наконец, иным является и *цвет пространства* — цвет цветной жидкости или газа.

Это и есть все те чувственные содержания, которые дает наше зрение.

Слух

1.Шум

Какие качественно различные ощущения дает наш слух? Что замечает наше ухо? Естественно, звук. Однако звук бывает двух видов: *шум* и *тон.* Различие между ними переживается настолько очевидно, что никто никогда не путает шум и тон друг с другом. Тем не менее определить словесно, в чем именно заключается это различие, очень сложно, поскольку описать тон и шум как простейшие психические переживания так же невозможно, как и красный или любой другой цвет.

Шумы очень многообразны. Можно даже сказать, что весь мир связан с какими-то шумами. Чего стоит хотя бы уже то, что единственным чувственным материалом нашей речи является шум. Переживание тонов встречается несравненно реже, чем ощущение шумов. Несмотря на это, эти последние изучены значительно меньше, чем первые. Можно сказать, что физиологическая акустика, составляющая одну из центральных частей классической психологии, была скорее психологией тонов, нежели слуха вообще. Это, разумеется, объясняется не только тем, что шумы до сего времени все еще не стали предметом столь же точных исследований, как тона. Причина этого и в том, что любого рода шум — явление с чрезвычайно индивидуальными свойствами, поэтому усмотреть в нем порядок и закономерности весьма затруднительно. Возможно, именно этим и объясняется то, что шумы все еще не стали предметом специального, исчерпывающего изучения.

После Вундта принято различать три разновидности проявления шума: 1. *Мгновенные,* или моментальные, шумы — такие, например, как треск, хлопанье и др. Для этих шумов характерны внезапность, моментальность, они возникают и прекращаются подобно молнии. 2. Совершенно иначе переживаются, например, свист, шуршание, скрежет, громыхание. Они более продолжительны, непременно занимают более или менее длительный отрезок времени. Вундт такие шумы называл *продленными.* 3. Особенно интересны *тональные,* или *звуковые,* шумы. Это — тот своеобразный шум, который переживается в результате одновременного и беспорядочного воздействия тонов; например, если на клавиатуру рояля упадет нечто достаточно большое,

то, конечно, каждая клавиша издаст свой тон, но в совокупности мы получим переживание не тона, а определенного шума.

Гельмгольц настоящим шумом считал именно эту форму шума. Шум, полагал он, по существу всегда представляет собой сложный феномен. Проанализировав его, в конечном счете получим лишь беспорядочную совокупность различных тонов. Следовательно, по его мнению, ухо способно дать только ощущение тона — других элементарных переживаний у него нет. Психологически эта мысль Гельмгольца неприемлема, ведь переживание шума специфично и совершенно не похоже на переживание тона. Тот факт, что одновременное звучание множества тонов переживается в виде шума, ни в коем случае не означает, что тут шум представляет собой сумму этих тонов, а мы будто различаем каждый отдельный тон, и при этом к переживанию одного тона прибавляется переживание второго, затем третьего и т.д., создавая в целом переживание шума. Это можно сказать только в том случае, если предварительно принять положение о том, что всюду, где подтверждается наличие раздражителя, непременно присутствует и соответствующее ощущение. Поскольку здесь, в случае тонального шума, на нас воздействует сложный раздражитель, в котором участвуют раздражители, соответствующие каждому отдельному тону (отдельной клавише), то подразумевается, что за каждым раздражителем следует ощущение соответствующего тона, а шум должен представлять собой лишь смешение этих ощущений. Однако мы знаем, что «гипотеза константности», на которой основывается данная предварительная посылка, психологически безусловно несостоятельна. Эта ошибка, допущенная Гельмгольцем, проистекает из того, что в своих психологических взглядах он опирался на гипотезу константности.

2. Тон

Психология тонов значительно более продвинута, чем психология шума. После Гельмгольца и Штумпфа тон изучен столь же точно, как и цвет. Однако, как и в случае цвета, исследователи больше интересовались психофизикой и психофизиологией тонов. Поэтому в дальнейшем стало необходимым заострить внимание на феноменологии тонов. Исследования Ревиша и Кёлера в этом направлении значительно обогатили психологию тонов.

Тона отличаются друг от друга прежде всего своей *высотой*. Всем знакомо своеобразное различие между высоким и низким голосами; именно эта особенность и подразумевается под высотой тона.

Разумеется, изменение высоты тона происходит постепенно, так что графическим изображением непрерывной последовательности тонов различной высоты вполне правомерно считать прямую, каждая точка которой соответствует определенной высоте тона. В этом многообразии тонов лишь некоторые привлекают особое внимание, и именно они находят свое применение в музыке. В европейской музыке особенное значение придается семи тонам, известным в итальянском искусстве под названием do, re, mi, fa, sol, la, si.

Второе, что характерно для переживания любого тона, это его *тембр*. Уяснить, что такое тембр, достаточно легко — достаточно обратиться к простому примеру. Возьмем, скажем, один и тот же тон какой-либо определенной высоты на скрипке и на фортепьяно. Сколь немузыкальным бы ни был человек, он непременно различит эти тона друг от друга — один слышится совершенно иначе, чем другой. Данная особенность и называется *тембром* тона. Два абсолютно одинаковых инструмента дают

совершенно одинаковые тона, различить которые невозможно — они имеют одинаковый тембр. Таким образом, тембр зависит от строения инструмента.

Невзирая на то, что тон того или иного тембра дает совершенно простое переживание, то есть он слышится как простой, один целостный тон, Гельмгольц тем не менее все-таки попытался предпринять его анализ, сделав вывод, что любой инструмент, подобно голосу человека, дает только сложные тона (относительно простой тон дает лишь камертон). Во всяком случае, физически это безусловно так. Разложив звуковые волны того или иного тона, получим простые волны, среди которых одна будет иметь наименьшую частоту колебаний; такой волне соответствует определенный тон — так называемый *основной тон,* а остальным волнам, более высокой частоты, — так называемые *обертоны,* поскольку высота тона зависит от частоты колебания воздуха.

Таким образом, когда мы слышим какой-либо тон одного инструмента, на нас воздействуют волны, соответствующие как основному тону, так и обертонам. Гельмгольц, как известно, придерживался гипотезы константности, рассуждая, стало быть, следующим образом: каждая волна, как определенный раздражитель, непременно должна вызывать соответствующее своему тону ощущение; стало быть, при воздействии на нас сложной волны мы должны иметь ощущение не одного тона, а целой группы тонов — основного тона и обертонов. Этим и обусловлено своеобразное звучание тона, его так называемый *тембр,* представляющий собой совокупность основного тона и обертонов. Поскольку каждый инструмент всегда имеет собственное отличительное строение, постольку различны и волны, соответствующие основному тону и обертонам, и совершенно очевидно, полагал Гельмгольц, что именно данное обстоятельство лежит в основе его своеобразного тембра.

Итак, согласно Гельмгольцу, каждый тон является сложным, включая в себя целый ряд тонов, а поэтому всегда имеет собственный тембр.

Известно одно наблюдение, именуемое *резонансом.* Если в комнату, в которой звучит какой-либо тон — скажем, определенное do, внести настроенный на этот же тон камертон, то вскоре и он начнет звучать. Это явление называется *резонансом,* тогда как камертон в данном случае можно назвать *резонатором.*

Данный факт Гельмгольц использовал для проверки своего взгляда на природу тембра. Скажем, мы полагаем, что в тембре в качестве обертонов должны участвовать какие-то определенные тона. Как нам убедиться, что это действительно так? Обратимся к соответствующим резонаторам! Внесем их туда, где звучат интересующие нас тона. Если зазвучат и резонаторы, то тогда станет очевидным, что тембр в самом деле представляет собой совокупность данных тонов. Именно так Гельмгольц пытался доказать правомерность своей теории о сложном составе тембра.

Однако этот опыт все же не доказывает того, что психологически тембр является не простым, а сложным переживанием. Дело в том, что, когда мы слышим определенный тон со своим специфическим тембром, мы слышим только этот конкретный тон, не воспринимая его как множество других тонов, поскольку их в этом случае мы просто не слышим, а потому переживания, ощущения других тонов у нас, естественно, нет. Но тогда какое имеем право утверждать, что данное ощущение все же существует! Опыты с резонаторами доказывают лишь одно — а именно то, что они позволяют получить ощущение каждого отдельного тона; но эти ощущения отдельных тонов возникают лишь в том случае, когда мы прибегаем к помощи резонаторов. Следовательно, из этого факта следует не вывод, сделанный Гельмгольцем, — будто данные ощущения существуют и без резонатора, — а исключительно то, что

без резонатора они не существуют, ведь иначе для их получения резонатор нам бы не потребовался.

Впрочем, Штумпф уже давно доказал, что простые тона создают тембр не наподобие суммы психических атомов, а *«сливаются»* друг с другом, образуя неразрывную целостность, подчас настолько абсолютную, что их переживание в качестве сложного тона становится совершенно невозможным. Этот фактический результат исследований Штумпфа существенно противоречит положению Гельмгольца, лучше отражая истинное положение вещей. Тем не менее по сути Штумпф все-таки остается на позициях Гельмгольца, поскольку говорит о «слиянии» тонов. Ведь слиться может лишь то, что до этого, хотя бы логически, существовало раздельно. Следовательно, согласно Штумпфу, первичную реальность составляет опять-таки ощущение отдельного элементарного тона, а слияние как целостность, переживаемая, в частности, в виде тембра, представляет собой вторичное явление. В современной психологии отвергается и этот отголосок гипотезы константности, и тембр признан одной из первичных сторон тона.

Как уже отмечалось, многообразие тонов по их высоте можно выразить посредством линии, однако ни в коем случае нельзя утверждать, что здесь имеем дело с прямой. В самом деле, давно замечено, что за седьмым тоном — si следует тон, очень похожий на do, за ним — тон, звучащий почти как re, далее тон, аналогичный mi, и так далее до si. Создается впечатление, как будто все семь основных тонов заново повторяются в той же последовательности, только в более высоком регистре. Так появляется так называемая *вторая октава;* за ней следует третья октава и так далее, до последней (всего различают семь октав). Очевидно, что поскольку тона непрерывно следуют один за другим, графическое выражение в виде линии остается в силе. Однако для адекватного изображения подобной последовательности тонов эту линию следует представить в виде *спирали,* как это впервые было показано Дробишем. Спираль в данном случае удобна потому, что она хорошо передает обе характерные стороны многообразия тонов — как непрерывное возрастание различия между тонами, так и периодическое повторение их родственности.

По мнению Гельмгольца и Штумпфа, подобная родственность октав определяется тем обстоятельством, что они имеют общие обертоны. Ревишем (1913) было доказано, что эта родственность имеет место и в случае простых тонов, где говорить об обертонах уже невозможно; следовательно, она должна иметь другую основу. Ревиш полагал, что первичным свойством тонов является не одна лишь высота, а им присуще еще и другое первичное свойство — *качество* тона. По его мнению, родственность тонов различных октав объясняется их идентичностью по качеству, хотя по высоте они четко отличаются друг от друга.

Таким образом, после Ревиша наряду с высотой тона говорят и об его качестве.

Второе новое открытие в области психологии тонов также носит феноменологический характер. После экспериментов В. Кёлера выяснилось, что тон обладает еще одним, ранее незамеченным свойством, названным Кёлером *вокальностью* (гласностью). Оно заключается в том, что тона похожи на те или иные гласные звуки: один тон звучит, например, как «у», другой — как «о»; встречаются тона, звучащие как «а», «э» или «и». В общем данная последовательность совпадает с рядом тонов по высоте: низкие тона скорее приближаются к «у», а высокие, в конечном счете, — к «и».

Это открытие, между прочим, важно еще и потому, что позволило окончательно решить вопрос о том, почему гласные звуки нашей речи носят тональный характер, тогда как о согласных этого не скажешь. Прежде это объясняли тем, что относили гласные звуки к тональным шумам, то есть соединению простых тонов.

После Кёлера вопрос обернулся совершенно иначе; оказалось, что вокальным характером обладают сами тона, а, не наоборот, вокалы (то есть гласные) имеют тональный характер.

Выяснилось, что на линии тонов лишь вполне определенные точки имеют выраженную вокальность. Эти точки удалены друг от друга на расстояние октавы, и, следовательно, каждой октаве присуща своя определенная вокальность. Получается, что октавы разнятся не только по высоте, но и по вокальности.

Уже давно замечено, что наряду с изменением по высоте тон изменяется и в другом направлении — он как бы меняет свою *«светлоту»* и *«массивность»*. Эти свойства — светлота и массивность — настолько тесно связаны с высотой тона, что прежде они считались не самостоятельными, а просто сопутствующими свойствами высоты тона. Нынче же эту устаревшую точку зрения следует признать ошибочной. Как выяснилось, светлота и массивность изменяются и в независимости от высоты тона. Следовательно, они представляют собой независимые особенности тона, занимающие в феноменологии тона такое же место, как и все остальные вышеотмеченные признаки.

Вкус и обоняние

1. Ощущение запаха

Можно сказать, что каждый запах настолько своеобразен, настолько индивидуален, что удовлетворительная классификация обонятельных ощущений почти невозможна. Прежде была распространена классификация Линнея и Цвадемакера, однако она неудовлетворительна ни с логической, ни с психологической точек зрения. Поэтому особого внимания заслуживает попытка Геринга некоторым образом упорядочить это хаотическое многообразие запахов.

В результате специального исследования Геринг пришел к выводу, что многообразие запахов представляет собой замкнутую систему, в которой каждый запах занимает свое определенное место так, что с него можно перейти на любое другое место, то есть путем соответствующих изменений из каждого запаха можно получить все возможные варианты запахов.

Согласно Герингу, существует шесть основных ощущений запаха, вокруг которых сосредоточены все остальные ощущения запаха. Этими основными ощущениями являются: пряный, смолистый, горелый, цветочный, гнилостный и фруктовый запахи. Геринг считал, что, расположив каждый из них на углах трехгранной призмы, можно получить графическое изображение системы запахов. Хотя и нельзя сказать, что схема Геринга столь же убедительна, как, скажем, схемы системы цветов или тонов, она, тем не менее, заслуживает серьезного внимания, указывая, в каком направлении в дальнейшем следует вести изучение ощущения запахов.

2. Ощущение вкуса

Несколько более определенную картину дают ощущения вкуса. Различия между ощущениями вкуса и запаха ясно видны и из нашей повседневной речи. Дело в том, что в языке почти нет самостоятельных слов для обозначения того или иного запаха, поэтому с этой целью приходится обращаться к названиям тех предметов, о

запахе которых идет речь. Это хорошо видно уже из названий, использованных Герингом для обозначения основных запахов (цветочный, гнилостный запахи и т.д.). Отмеченное обстоятельство несомненно объясняется тем, что ощущение запаха настолько индивидуально, что обобщение этих ощущений невозможно.

Иное дело ощущения вкуса. Наша речь располагает вполне определенными, самостоятельными словами для обозначения этих ощущений: *сладкий, горький, соленый, кислый.* Эти понятия имеются во всех языках, причем интересно, что других понятий для обозначения ощущений вкуса не существует. Как видно, в обыденной речи другие ощущения вкуса остаются незамеченными. Современная наука к данным ощущениям вкуса попыталась добавить еще два — *алколивный* и *металлический.* Однако большая часть психологов по-прежнему продолжает стоять на позициях обыденной речи; сегодня основными все еще считаются эти четыре основных качества вкуса: сладкий, горький, кислый, соленый.

В этом смысле психология ощущения вкусов находится в несколько более преимущественном положении, чем психология запахов, поскольку в многообразие вкусов внесено больше определенности: известно, к какой группе относится тот или иной вкус, и выделены четыре группы. Но преимущества этим и исчерпываются, поскольку одного только факта существования четырех качеств вкусовых ощущений недостаточно для того, чтобы действительно упорядочить хаос вкусовых ощущений и разработать систему этих ощущений. Дело в том, что эти основные качества почти не связаны между собой; один вкус совершенно не влияет на другой, различные вкусы никак не соотносятся друг с другом. Потому-то и невозможно найти схему, дающую графическое изображение всего многообразия вкусов.

Ощущения вкуса и запаха вызываются воздействием химических раздражителей. Они непосредственно связаны с потребностью в пище, продолжая и поныне пребывать на уровне сугубо витальных функций.

Тем не менее, о запахе можно сказать, что он в какой-то мере все-таки свободен от этой зависимости. Во-первых, он является относительно более (отдаленным) ощущением, ведь запах чувствуется на расстоянии; во-вторых, он служит не только утолению голода, но имеет и самостоятельную ценность. Именно поэтому кулинария, представляющая собой построенное на основе вкусовых ощущений искусство, столь отлична от парфюмерии — культуры ощущений запаха. По сравнению с кулинарией парфюмерия имеет более абсолютный, невитальный характер, а поэтому более близка к искусству.

Модальности осязания

1. Ощущение прикосновения

Все остальные модальности ощущений наша обыденная речь объединяет в одну группу. Однако это происходит не потому, что ей все они известны, переживаясь в качестве отдельных членов одной группы, а потому, что среди них знакомыми являются лишь те из них, которые так или иначе действительно переживаются как функция одного органа (поверхности тела, кожи). К этой группе прежде всего относится основное кожное ощущение — *осязание.* Однако психологически осязание весьма неопределенное понятие, обозначающее скорее внешний процесс или факт, чем само переживание, появляющееся при этом. В психологии подтверждено

наличие двух видов таких переживаний — простого *осязания* и *давления.* Хотя это последнее и возникает обычно при интенсивном осязании, оно является настолько своеобразным переживанием, что психологически было бы неправомерно считать его лишь степенью интенсивности осязания.

Помимо этих двух элементарных переживаний с осязанием связывают и другие переживания: переживание *крепкого* и *мягкого,* переживание *острого* и *тупого,* переживание *сухости* и *сырости.* Очевидно, что в переживании каждого из этих качеств решающая роль принадлежит осязанию. Однако сомнительно, чтобы данные переживания давал бы исключительно орган осязания как таковой. Например, для возникновения ощущения крепкого и мягкого, острого и тупого только лишь осязания недостаточно; для того, чтобы ощутить эти качества, необходимо также движение надлежащей части тела. Поэтому следует полагать, что в становлении данных переживаний некоторое участие принимают и двигательные ощущения.

2. Ощущение температуры

Ощущение температуры также связано с осязанием. Мы ощущаем тепло и холод в результате воздействия на кожу соответствующих раздражителей. Разумеется, переживание тепла полностью отличается от переживания холода. Ни в коем случае нельзя утверждать, что переживание холода есть ослабленное переживание тепла, и наоборот. Переживание тепла, сколь слабым бы оно ни было, остается переживанием тепла, совершенно непохожим на переживание холода. Аналогичное можно сказать и обо всех возможных градациях интенсивности этого последнего.

Одним словом, тепло и холод представляют собой совершенно разные качества ощущения. Поэтому нельзя сказать, что существует только одна разновидность температурных ощущений, различающаяся лишь по степени интенсивности и дающая ощущения тепла и холода. Сомнения могут вызвать лишь два специфических переживания: *прохладного* и *разбавленного.* Что переживается в ощущении прохладного — тепло или холод? Или же, если разбавить горячую воду, то есть смешать ее с холодной, и опустить в нее руку, какое мы будем иметь переживание — теплого или холодного? Если ни того, ни другого, а некой средней температуры, тогда и впрямь можно подумать, что ощущение температуры и в самом деле обладает одной модальностью. Однако несомненно, что разбавленная вода все же является теплой, а охлажденная — холодной. Спутать их невозможно.

3. Ощущение вибрации

В последнее время установлено, что с органом осязания связано совершенно своеобразное переживание — так называемая *вибрация.* Данное переживание как самостоятельное ощущение, как чувственное содержание, отличное от всех других известных модальностей, впервые описано Д. Кацем.

Для описания переживания вибрации обратимся к следующим примерам: если сильно поддеть пальцами струну гитары, она начнет колебаться, причем в течение некоторого времени эти колебания видимы и глазом, постепенно затухая, так что через какое-то время струна покажется неподвижной. Однако даже слегка прикоснувшись к ней пальцем, мы почувствуем ее колебание. Именно это переживание и именуется ощущением *вибрации* (vibratio — колебание). Своеобразное переживание колебания мы ощущаем на заводе, где работают мощные механизмы, в быстро

движущемся поезде или автомобиле. В этом последнем случае вибрация как бы проникает внутрь тела, переживаясь изнутри. Вызвать данное переживание экспериментально легче всего при помощи камертона, который при ударе начинает вибрировать. Приложите этот камертон ко лбу или основанию большого пальца испытуемого: у него появится совершенно явное ощущение вибрации.

Ощущение вибрации оказалось значительно чувствительнее осязательного ощущения. Наряду с этим оно обладает и другим преимуществом, в частности, ощущение вибрации является дистантным переживанием, тогда как осязание следует считать настоящим прототипом контактного ощущения. Эти преимущества чувства вибрации по сравнению с осязанием позволяют ему по мере необходимости замещать другие дистантные ощущения. В известном случае слепоглухонемой Элен Келлер вибрация играла исключительную роль. Например, ощущение вибрации выполняло определенные функции зрения: она, будучи слепой, не наталкивалась на стену — по-видимому, благодаря чувству вибрации, ощущая лбом изменение вибрации, возникающее вблизи стены. Однако несравненно более велика роль ощущения вибрации при компенсации отсутствия слуха. Элен Келлер и швейцарский писатель Зутермайстер получали истинное эстетическое наслаждение от воздействия вибрации при исполнении музыкального произведения. В этом случае чувство вибрации выполняло роль слуха.

4. Кинестетические ощущения

Движения нашего тела и его отдельных частей сопровождаются специфическим ощущением — ощущением *движения*. После Бастиана эту группу ощущений называют *кинестетическими*.

Роль этих специфических ощущений очень велика. По мнению, например, американских психологов на кинестетических ощущениях строятся важнейшие переживания человека. И действительно, вся наша активность с начала до конца протекает под аккомпанемент данных ощущений. Несмотря на это, изучение кинестетических ощущений все еще пребывает на примитивном уровне — о них мало что известно.

Основными качественными разновидностями кинестетических ощущений являются ощущения *сопротивления, усилия* и *движения*. Эти ощущения возникают при движении достаточно массивных частей нашего тела, например руки, ноги или всего тела. Но двигаются и менее массивные органы — наши глаза находятся в непрерывном движении. И хотя мы это движение чувствуем не очень четко, отрицать наличие подобного переживания тем не менее невозможно. Дело в том, что кинестетические ощущения практически всегда связаны с другими переживаниями, а их фактическое существование проявляется в том, что они придают этим переживаниям специфический оттенок. Не имей этого чувства, мы, например, не сумели бы контролировать и регулировать собственные действия, не имели бы даже представления об энергии и структуре нашей активности.

5. Ощущение равновесия

Еще более безликий и диффузный характер имеет ощущение, позволяющее почувствовать нарушение равновесия нашего тела и создающее тем самым возможность его регуляции. Конечно, скорее всего, регуляция нашего равновесия происходит исключительно физиологически, без какого-либо участия сознания, чисто рефлекторно. Однако бесспорно и то, что сам рефлекс без ощущения невозможен. Ведь

если организм не почувствует воздействия раздражителя, то у него просто не будет повода для ответного движения; рефлекторная дуга, представляющая собой анатомо-физиологическую основу рефлекса, содержит не только моторный, но и сенсорный нервы. Таким образом, процесс регуляции равновесия нашего тела, сколь рефлекторным бы он ни был, все же непременно предполагает и участие ощущений.

К сожалению, особенности данного ощущения обособленно нами не переживаются, а потому мы лишены возможности их описания. Оно настолько интимно увязано, более того — слито с переживанием общего состояния всего тела, что при попытке его описания мы сталкиваемся с чрезвычайными трудностями. В этом нам могут помочь разве что некоторые аномальные состояния, в частности случаи шоковой, экстремальной потери равновесия — например, когда на нас обрушиваются волны или при длительном вращении. В подобных случаях в нашем органе равновесия — в лабиринте внутреннего уха в результате необычайно сильного раздражения возникает чрезвычайно интенсивный процесс, сопровождающийся особенно сильным субъективным переживанием. И действительно, возникающее в таких случаях весьма четкое ощущение резко отличается от ощущений всех других модальностей. Естественно, что в подобных условиях мало что можно сказать о феноменологии данного ощущения, физиология которого разработана лучше, чем психология.

6. Органические ощущения

Под влиянием раздражителей, связанных с основными жизненными процессами нашего организма (кровообращение, дыхание, усвоение пищи и др.), в нервных элементах, в том или ином виде представленных во всех внутренних органах, возникает определенный физиологический процесс, несомненно сопровождающийся соответствующими ощущениями — так называемыми *органическими ощущениями.* Общей особенностью этих ощущений является их диффузное, безликое протекание; они переживаются скорее как состояние всего организма, нежели той или иной отдельной системы. Именно эти ощущения лежат в основе нашего *общего самочувствия;* благодаря им протекание жизненных процессов нашего организма находит свое субъективное отражение, сигнализируя в случае надобности о необходимости принятия надлежащих мер.

В обычных случаях, при нормальном протекании наших жизненных процессов данные ощущения отдельно нами не переживаются — мы замечаем лишь общее здоровое состояние нашего организма: «мы хорошо себя чувствуем». Но если по какой-то причине протекание данных процессов затрудняется или задерживается, то есть организму недостает чего-то необходимого для нормальной жизнедеятельности, тогда соответствующие органические ощущения приобретают четкий, выраженный характер; возникают специфические ощущения, играющие весьма важную роль в переживании наших различных витальных потребностей. Голод, жажда, удушье и другие подобные переживания представляют собой типичные случаи проявления данных ощущений.

Примечательным свойством органических ощущений является их субъективный характер. Тогда как цвет и звук, запах и вкус, тепло и холод всегда переживаются свойством объекта, голод и жажда, как и другие органические ощущения, скорее говорят о внутреннем состоянии организма. Эти ощущения весьма близки к эмоциональным содержаниям нашего сознания, хотя и в достаточной мере отличаются от них, поскольку все-таки, так или иначе, дают переживание о состоянии нашего тела, то есть чего-то объективного.

Поэтому к этой группе можно отнести и боль, которая, подобно органичес¬ким ощущениям, носит субъективный характер и выражает переживания, связанные с состоянием организма — особенно тогда, когда ее источником являются внутренние органы. В общем же следует отметить, что проблема боли как в психологии, так и в неврологии продолжает оставаться спорной; окончательно все еще не решено, чем является боль с психологической точки зрения — ощущением или чувством.

Интермодальное единство ощущений

1. Постановка вопроса

Феноменологическое рассмотрение ощущений со всей очевидностью показывает, сколь велики качественные различия между ними. Это особенно касается ощущений различных модальностей, ведь своеобразие переживания цвета в корне отличается от своеобразия переживания звука, температуры, запаха или вкуса. Может даже показаться, что между ними нет ничего общего.

Тем не менее, как отмечалось выше, история развития органов чувств явствует, что все основные модальности исходят из одного источника — в самом начале существовала лишь одна модальность и одно диффузное сенсорное переживание. Все ощущения произошли и развились из этого одного источника. Так неужели же в сенсорном содержании человеческой психики ничего не осталось от этого первичного единства? Неужели наши ощущения размежевались настолько, что между ними не осталось ничего общего?

2. Данные речи

Изучение обыденной речи поможет осветить вопрос о том, как переживается людьми взаимосвязь между ощущениями разной модальности. Существует ли пропасть между переживаниями ощущений различных модальностей или они все-таки имеют нечто общее? Достаточно обратиться всего к нескольким примерам, чтобы убедиться, что наша речь не предполагает наличия пропасти между ощущениями различных модальностей. Такие высказывания, как «холодный голос», «сладкий голос», «теплые тона», «низкий голос» и многие другие, со всей очевидностью показывают, что температурные и слуховые или зрительные ощущения не представляются нам настолько взаимочуждыми, раз уж мы говорим о «холодном» голосе или «холодном» цвете так, как будто одновременно переживаем температуру, звук и цвет. Немецкий психолог Клаге, специально интересовавшийся данным вопросом, приводит огромное множество аналогичных высказываний, со всей очевидностью свидетельствующих о том, что обычное, ненаучное наблюдение усматривает существование зримой родственной связи между ощущениями различных модальностей.

3. Синестезия

Эта родственная связь становится еще более достоверной с учетом факта так называемой «синестезии». Говоря, например, о «сладком голосе», мы обычно отнюдь не подразумеваем, что у нас и в самом деле появляется ощущение сладкого, когда мы слышим этот голос. Нет! В данном случае речь идет о том, что у нас создается впе-

чатление, будто бы мы и вправду переживаем ощущение сладости. Однако некоторые люди, слыша соответствующий звук, *действительно переживают* вкусовые, цветовые или иные ощущения; для них звук может иметь или цвет, или вкус, или запах, или же иную сенсорную сторону какой-то другой модальности. Одним словом, у этих людей ощущение одной модальности сопровождается ощущением другой модальности. Именно поэтому в этих случаях говорят о *соощущении (синестезии)*.

Чаще всего встречаются случаи синестезии звука и цвета — так называемые *«фотизмы»*. Скажем, слушая какое-либо музыкальное произведение, субъект слышит не только звуки, а перед ним предстает целый калейдоскоп цветов, света, форм. Он переживает музыку двояко — и акустически, и оптически. Зачастую для него даже звуки обычной речи имеют специфический цвет.

Интересно, насколько стойкой является связь этих соощущении? Окрашены ли определенные тона, аккорды, звуки, слова всегда в один и тот же цвет, или же их цвет в каждом отдельном случае различен? Выяснилось, что у одного и того же субъекта эта связь имеет стойкий и неизменный характер. Но, сравнив фотизмы различных субъектов, обнаружим, что между ними нет ничего общего, то есть один и тот же тон для одного субъекта окрашен в один цвет, а для другого — в совершенно иной.

4. Экспериментальные доказательства

Однако факт интерсенсорного родства ощущений приобрел истинно научную ценность лишь после его экспериментального обоснования (1922). Первое проведенное нами экспериментальное исследование, не только подтвердившее существование этого факта, но и объяснившее его сущность, касалось вопроса психологических основ акустической и оптической родственности. Оказалось, что преобладающее большинство испытуемых для обозначения совершенно бессмысленных рисунков в качестве особенно соответствующего выбирают один и тот же звуковой комплекс. Вместе с тем выяснилось также, что это происходит в силу того, что в их переживании связь между звуковым комплексом и рисунком является существенной, а не случайной.[1]

Данная проблема стала особенно актуальной после опубликования исследования Хорнбостеля (1925). Его главное положение об единстве ощущений легло в основу целого ряда экспериментальных исследований. Особенно примечательным является факт функционального взаимовлияния различных органов чувств, подтвержденный множеством экспериментальных исследований. Как отмечает Джеймс, еще Урбанчич заметил, что, слушая звук камертона, его пациенты с определенного расстояния хорошо различали нюансы отдельных цветов, которые без камертона совершенно не различимы, или же очень слабый, совершенно неслышный звук становился слышимым при воздействии на глаза различных цветовых раздражителей.

Проведенные экспериментальные исследования не только подтвердили эти наблюдения, но выявили новые факты интерсенсорного взаимодействия: 1. Острота зрения человека возрастает при одновременном воздействии на него и звука. То же самое происходит при воздействии на субъекта вкусовых, осязательных или болевых раздражителей. 2. Если испытуемый будет долго созерцать цветное пятно, а затем перенесет взор на нейтральную область, то он увидит на ней пятно противоположного цвета. Как известно, этот феномен называется *последовательным образом*.

[1] Имеются в виду результаты экспериментального исследования Д. Узнадзе, впервые опубликованного в Грузии в 1923 г. под названием «Психологические основы наименования», а через год - в Германии, в журнале «Psychologische Forschung». - *Примечание редактора*

Оказалось, что если в процессе переживания последовательного образа испытуемый слышит какой-либо звук с переменной интенсивностью, то и оптический образ начинает мерцать, а при исчезновении звука мгновенно исчезает и образ. При воздействии на испытуемого звука с частотой в 550 герц цвет пятна становится более ярким, а его контуры — более четкими. 3. В освещенной комнате звук кажется более высоким, чем в темной.

Таким образом, невзирая на очевидные модальные различия наших сенсорных переживаний, между ними безусловно существует определенное родство; несмотря на далеко идущую дифференциацию, они возникают на единой основе и в конечном счете составляют одну целостность.

Еще интереснее то, что данная целостность выходит за пределы сенсорной области, распространяясь и на моторику; например, мы особенно хорошо улавливаем ритм тогда, когда сопровождаем его движением всего нашего тела или одной из конечностей; танцевальная музыка вызывает импульс выполнения определенных движений. По убеждению одного из исследователей, Руца, каждое музыкальное произведение связано с определенной позой тела. Поэтому для адекватного исполнения произведения того или иного композитора следует найти эту позу и принять ее. На этом же соображении построены фонетические исследования Зигварта. Можно предположить, что успешность выполнения движений зависит от одновременного действия различных органов чувств. Опыты Шиллера подтвердили это: оказалась, что, слыша звучание высоких тонов, испытуемый на 16% успешнее переливал воду из одного сосуда во второй, чем тогда, когда данная операция производилась в сопровождении низких тонов.

5. Основа интермодального единства

Все отмеченные факты указывают на то, что не только ощущения, но и движения и пр. — одним словом, все то, в чем находит свое выражение активность субъекта, имеет в конечном счете единую основу.

И в самом деле, ведь субъект един, и отношения устанавливаются между этим единым субъектом и многообразными явлениями действительности! Поскольку в процессе этих взаимоотношений участвует реальность во всем ее многообразии, постольку естественно, что человек, стоящий на относительно высокой ступени развития, отражает это многообразие в своих ощущениях. Но поскольку сам субъект представляет собой единую, неделимую целостность, то невозможно, чтобы он не отвечал на это многообразное и многостороннее воздействие столь же целостным эффектом. Иначе говоря, многообразие действительности находит свое отражение в различии ощущений, а единство субъекта проявляется в том целостном изменении, которым он отвечает на воздействие многообразной действительности. Поэтому вполне возможно, чтобы даже весьма различные стороны действительности вызывали в некотором роде одинаковый целостный эффект; мы видим, что это действительно так. Хорнбостель полагал, что интермодальная родственность ощущений основывается на общем сенсорном содержании, представленном во всех модальностях ощущения. Думается, что в признании существования подобного общего сенсорного содержания нет никакой надобности. Было бы правомернее полагать, что дело тут заключается в том целостном личностном эффекте, который среда вызывает у субъекта. Подобный эффект нам известен под названием *установки,* и мы знаем, что он возникает не только в сенсорной, но и в моторной областях.

Таким образом, в основе интермодальной родственности ощущений и, стало быть, синестезии лежит единство установки.

Конкретно положение вещей можно представить следующим образом. Когда, скажем, субъект слышит какой-то звук, то он вызывает в нем такой же целостный личностный эффект — установку, что и, допустим, переживание сладкого вкуса. В этом нет ничего невозможного, поскольку здесь в обоих случаях, помимо разных факторов — звука и вкуса, участвует и один постоянный фактор — сам субъект. И если при прослушивании звука у субъекта возникает установка на сладкий вкус, то легко понять, что на основе данной установки у него либо появится представление сладкого вкуса, и тогда он будет говорить о «сладком голосе», либо же, в случае особенно ярко выраженной установки, у него во рту на самом деле может появиться ощущение сладости. В таком случае мы будем иметь дело с проявлением настоящей синестезии.

Данное соображение объясняет и вышеприведенные экспериментальные факты интермодального взаимодействия ощущений. И действительно, почему, например, воздействие цветового раздражителя не уменьшает, а, напротив, увеличивает чувствительность слуха или какой-либо другой модальности? Казалось бы, что все должно происходить совсем наоборот! Разве воздействие второго раздражителя не требует от нас новой энергии? Разве нам не легче делать одно дело, а не два? Все это безусловно так. Тем не менее, явление интермодального взаимодействия ощущений остается фактом. Однако с позиций теории установки понятно, почему это происходит так. Воздействие какого-либо раздражителя, скажем слухового, вызывает у нас определенную установку. Естественным результатом этого будет то, что любой другой раздражитель, действующий в направлении аналогичной установки, становится более ощутимым, и менее ощутимым, когда он действует в направлении совершенно другой установки.

Восприятие

1. Восприятие

Переживание внешней действительности осуществимо только через ощущение — другого пути у живого существа нет. Тем не менее, реальность никогда не переживается в виде отдельных цветов, отдельных тонов или каких-либо других отдельных ощущений. Посмотрим в окно! Что мы увидим? Никто не скажет, что он видит столько-то зеленого цвета, столько-то красного, столько теней и столько света. Нет, он будет говорить о «деревьях», «цветах», «ребенке», на котором, к примеру, надета «красная шапочка» и который в руках держит «черный мяч» (Вертхаймер). Одним словом, действительность нам дана не как хаос разнообразных ощущений, а непременно в виде *предметов с определенными свойствами,* находящихся во внешнем пространстве и оттуда воспринимаемых нами.

Отсюда очевидно, что хотя путь к действительности лежит лишь через ощущения, но она никогда не дана в виде ощущений. Действительность не ощущается, а воспринимается, поскольку ощущать можно, например цвет, однако на самом же деле мы видим не просто цвет, а *предмет* такого-то цвета. *Переживание же предмета* называется *восприятием,* а не ощущением; ощущение — это всего лишь то, что привносится в восприятие нашими органами чувств.

Живое существо имеет дело с предметами, удовлетворяя свои потребности благодаря им, а не посредством цвета, запахов или вкусов как таковых. Поэтому понятно, что у него выработалась способность воспринимать предметы, а не хаотическое переживание ощущений.

2. Предмет и содержание восприятия

Однако есть ли в восприятии что-либо еще, кроме ощущений? Попытаемся проанализировать какое-либо восприятие: допустим, мы воспринимаем вот этот карандаш. Во-первых, хотим мы того или нет, восприятие подразумевает, в первую очередь, какой-нибудь предмет, который нами воспринимается, так как оно не может быть беспредметным. Но о восприятии данного предмета мы говорим потому, что переживаем его *содержание,* то есть видим его цвет, чувствуем его вес — одним словом, имеем множество ощущений. Однако, отвечая на вопрос, что дает нашему сознанию восприятие карандаша, мы окажемся вынуждены ограничиться перечнем ощущений — единственное *содержание* восприятия составляют наши ощущения.

Таким образом, в восприятии следует различать, с одной стороны, *предмет* и *содержание* — с другой. Однако, коль скоро предмет дан нам только в виде определенного содержания, может показаться, что размежевывать их друг от друга и не нужно. Обратимся к примеру. Скажем, мы воспринимаем карандаш. Содержание данного восприятия составляют красный цвет и целый ряд других ощущений. Затемним комнату, и взглянем на этот же предмет — на этот же карандаш. Несомненно, что мы опять-таки воспринимаем тот же карандаш, то есть предмет нашего восприятия остался прежним — тем же, чем и был в освещенной комнате. Однако содержание восприятия — цвет карандаша — уже переживается иначе, чем прежде: он выглядит несколько более темным. Кроме этого, если прежде карандаш находился, предположим, в горизонтальном положении, и мы имели соответствующее этому ощущение, то теперь он расположен в вертикальном положении, то есть изменилось и данное ощущение. Одним словом, ощущения не совсем такие, какими были в освещенной комнате. Следовательно, содержание нашего восприятия безусловно изменилось. Несмотря на это, мы все же твердо уверены, что воспринимаем тот же карандаш. Стало быть, вполне возможно, чтобы содержание восприятия изменялось, а его предмет оставался прежним. Из этого явствует, что необходимо различать предмет и содержание восприятия.

Данное обстоятельство указывает на то, что для человека значим, прежде всего, сам предмет, а не сенсорные переживания, возникающие в результате взаимодействия с этим предметом. И действительно, ценность предмета, его способность удовлетворять ту или иную потребность совершенно не зависит от того, находится ли он в темном или освещенном месте, теплой или холодной комнате, видится издали или вблизи. В любом случае предмет остается неизменным, тогда как ощущения, вызванные исходящими от него раздражителями, меняются.

3. Соотношение между предметом и содержанием восприятия

Возникает вопрос: действительно ли между предметом и содержанием восприятия нет никакой связи? Действительно ли они абсолютно индифферентны по отношению друг к другу? Действительно ли возможно коренным образом изменить со-

держание восприятия так, чтобы его предмет остался неизменным? Одним словом, встает вопрос о соотношении между содержанием и предметом восприятия.

Для решения данного вопроса нами был поставлен следующий опыт: испытуемым с завязанными глазами для идентификации давалось в руки несколько предметов, специально видоизмененных с тем, чтобы затруднить их узнавание. Испытуемые всячески ощупывали предмет, стараясь получить как можно больше ощущений, чтобы на основе этой сенсорной информации попытаться узнать этот предмет. Однако, как выяснилось, для получения самих ощущений необходимо иметь некоторое предположение о предмете — чувственные признаки объекта приобретают определенный вид лишь после их соотнесения с неким предметом. Например, испытуемый, предположив, что в руке у него, скажем, резиновый штамп, начинает чувствовать мягкость при соприкосновении с его поверхностью; но достаточно ему изменить это свое мнение, и ему тотчас же покажется *твердым* то, что только что казалось *мягким.*

Таким образом, один из фактических выводов, вытекающих из данных опытов, заключается в следующем: *предмет восприятия влияет на содержание восприятия;* это последнее *приобретает определенность на основе предмета восприятия; содержание восприятия оформляется в соответствии с его предметом.*

Однако из этих же опытов явствует и то, что и *предмет восприятия не полностью независим от его содержания.* Правда, окончательная определенность содержания зависит от предмета, но очевидно и то, что у испытуемого имеются отдельные ощущения того или иного вида еще до идентификации предмета своего восприятия; именно своеобразие этих ощущений и позволяет ему идентифицировать данный предмет. Получая, скажем, новое ощущение, совершенно не соответствующее предполагаемому предмету, индивид вынужден изменить мнение и продолжить поиск в направлении идентификации предмета.

Таким образом, в определенных пределах между предметом и содержанием восприятия безусловно существует несомненное взаимовлияние: предмет придает определенность содержанию, а содержание, в свою очередь, — предмету; но это происходит лишь в определенных пределах.

Среди результатов этих опытов следует подчеркнуть то, что предмет восприятия может изменить его содержание. *Приоритет предмета* в данном случае совершенно очевиден.

4. Проблема константности восприятия

Эти фактические данные позволяют осветить одну проблему, долгое время составляющую предмет оживленной дискуссии. Давно известно, что цвет, величина и форма предмета кажутся нам неизменными, хотя вследствие изменения физических и физиологических условий все эти свойства предмета должны претерпевать существенные изменения. Мы имеем в виду проблему *константности* восприятия цвета, величины и формы.

Проблема *константности цвета* связана со следующим наблюдением: кусок мела на рассвете отражает в несколько раз меньше света, чем кусок угля в полдень (Геринг); тем не менее, мел кажется белым, а уголь — черным. Но в соответствии с физическими условиями все должно быть наоборот. Лист бумаги в сумерках должен казаться темнее чернильного пятна при солнечном свете, поскольку пятно направляет в глаза больше света, чем бумага. Однако, как всем известно, это не так. Поче-

му? Объяснить это с позиций законов физики и периферийной физиологии совершенно невозможно. В данном случае может существовать только психологическое объяснение.

Аналогична и проблема *константности величины.* Как известно, при созерцании предметов на сетчатке наших глаз появляется соответствующее изображение. Это изображение имеет определенную величину: при удалении от предмета оно уменьшается, а при приближении — увеличивается. Отсюда как будто следует несомненный и бесспорный вывод: один и тот же предмет вблизи должен казаться больше, а издалека — меньше. Иными словами, величина одного и того же предмета должна постоянно меняться в зависимости от того, на каком расстояния от нас он находится. В действительности же ничего подобного не происходит. В определенных пределах величина предмета остается неизменной, то есть *величина предмета константна.*

Почему это происходит именно так, может быть также объяснено исключительно психологически.

Сидя за столом, мы воспринимаем тарелки одинаковыми не только по величине, но и по *форме.* Но объективно на сетчатке они отображаются по-разному: тарелки, находящиеся перед нами, отображаются круглыми, а находящиеся справа и слева — овальными, причем форма этих овалов своеобразна и меняется в зависимости от угла зрения в каждом отдельном случае. Как видим, форма предмета также константна.

Мы можем выйти за пределы цвета, величины и формы и говорить о константности всех значимых свойств предмета. Можно сказать, что каждое значимое свойство предметов кажется, как правило, неизменным, несмотря на то, что в силу физических и физиологических условий эти свойства как будто должны ощутимо изменяться.

Следует однако подчеркнуть, что эта константность ни в коем случае не имеет абсолютный характер. Разумеется, кусок мела при дневном свете видится светлее, чем в сумерках, а белый листок бумаги, освещенный электролампой, кажется более желтым, чем при дневном свете. Цвет в различных условиях так или иначе меняется, несмотря на то, что предмет остается прежним. Классический эксперимент константности цвета со всей очевидностью подтверждает это: в темном углу комнаты помещают белый лист бумаги; испытуемому, сидящему у окна, то есть при полном освещении, дается вертушка цветов с белым и черным диском с просьбой так смешать на вертушке между собой белый и черный цвета, чтобы точно получить цвет листа бумаги в углу. Результат опыта всегда остается неизменным: цвет диска и бумаги полностью никогда не совпадают друг с другом.

Отсюда ясно, что в данном случае говорить о константности можно лишь в определенных пределах. Несомненно, что мы имеем дело не с абсолютным изменением, а с таким, которое позволяет заявить, что по существу свойство предмета остается неизменным.

В чем причина этого интересного явления? Как должен быть объяснен феномен константности свойств предмета? Простой эксперимент, проведенный Д. Кацем, наглядно показывает, что основным фактором здесь следует считать предмет. Достаточно каким-то образом пресечь участие предмета, чтобы цвет тотчас же изменился. Как уже отмечалось, согласно Кацу, цветом предмета может считаться только цвет его поверхности — во всяком случае, так называемый «цвет плоскости» никогда не переживается цветом предмета. Следовательно, для того, чтобы цвет предмета превратить в цвет плоскости, он должен предстать перед нами своим настоящим тоном. Известно, что, согласно Кацу, сделать это нетрудно. Возьмем белую бумагу в тени и

на свету. Наблюдателю оба листа бумаги покажутся одного цвета. А теперь возьмем третий лист бумаги, проколем его булавкой и сравним цвет двух первых листков, глядя на них через отверстие. Сейчас цвет этих листов будет переживаться как цвета плоскости (так называемая *редукция* Каца), и интересно, что лист, находящийся в тени, покажется значительно более темным, чем лист, лежащий на освещенном месте. Как видим, наличие предмета представляет собой *необходимое условие константности восприятия*.

Согласно старым теориям, в данном случае роль предмета заключается в том, что он, где бы он ни находился — близко или далеко, напоминает субъекту — в соответствии с его прошлым опытом — настоящую величину этого предмета. Одним словом, старые теории придерживаются следующего взгляда: мы часто видели тот или иной предмет вблизи, и потому знаем его «настоящую величину». Увидев данный предмет издали, мы вспоминаем его настоящую величину; а поскольку предмет имеет для нас большее значение, чем отдельные ощущения, мы непроизвольно приводим данные этих ощущений в соответствие с нашим знанием реальной величины предмета.

Однако существует целый ряд экспериментов, доказывающих неправомерность данной теории. В самом деле, ведь невозможно, чтобы, например, одиннадцатимесячный ребенок имел достаточно твердое представление об истинных размерах предметов! Стало быть, константность величины для него должна быть чуждой. Тем не менее, одиннадцатилетний ребенок, специально обученный выбирать из двух коробков больший, выбрал большой коробок, хотя он был расположен на таком расстоянии от ребенка, что его изображение на сетчатке было вдвое меньше изображения маленького коробка (Эл. Франк). Кроме того, эксперименты В. Кёлера достоверно показали, что константность величины имеет место и в восприятии шимпанзе. Наконец, с этой же целью были изучены также цыплята. Выяснилось, что константность величины свойственна даже трехмесячным цыплятам (Гёц).

Если об опыте ребенка и шимпанзе еще можно сказать что-то, то о трехнедельном цыпленке уж точно никто не сможет сказать, что, дескать, константность восприятия величины основывается на его опыте.

Невозможно, чтобы маленький ребенок, обезьяна, цыпленок имели не соответствующие друг другу сенсорные переживания величины предмета, то есть материал ощущения, и их оценку. Как известно, чем примитивнее живое существо, тем выше уровень его сенсомоторности, то есть тем большую роль выполняют ощущения и тем больше он им подчиняется. Но известно и то, что сам сенсорный материал, представляющий собой содержание восприятия, находится под воздействием его предмета; известно также, что он изменяется в соответствии с предметом даже тогда, когда это изменение происходит вразрез действию раздражителя. Следовательно, можно предположить, что и в данных опытах под воздействием предмета мог возникнуть сенсорный материал, соответствующий настоящей величине предмета; в этом случае ни ребенку, ни обезьяне и ни цыпленку не пришлось бы ничего перерабатывать, изменять или специально интерпретировать.

5. Вопрос категориальности восприятия

Возвратимся опять к нашему примеру восприятия. При восприятии данного карандаша перед нами предстает некий предмет — карандаш в совершенно определенном, конкретном виде. Материал ощущений, представляющий собой содержание данного восприятия, дает конкретное переживание предмета: передо мной находится

красный, короткий карандаш, легкий и узкий... Предмет моего восприятия представлен в сознании в виде этого определенного переживания. Но, вникнув в положение вещей, нетрудно заметить, что в совершенно конкретном, индивидуальном содержании моего восприятия дано и общее, ведь в темной комнате этот же предмет предстанет в сознании уже в виде иного сенсорного содержания. Предмет восприятия имеет общий характер, а содержание — конкретный и индивидуальный. Стало быть, в восприятии, в его сенсорном содержании, переживается общее.

Мы уже пришли к заключению о том, каковым является соотношение между предметом и содержанием — процесс завершения, формирования сенсорного содержания восприятия зависит от предмета. Отсюда легко понять, что настоящее восприятие вне общего невозможно.

Известен случай одного больного, описанный Гельбом и Гольдштейном, который не мог употреблять названия того или иного цвета ни активно, ни пассивно, то есть когда он видел, например, красный цвет, то не мог ответить, что он видит; или если ему предлагалось выбрать из расположенных перед ним цветов красный, он не мог этого сделать. Больной вообще не понимал, что такое красный, желтый или любой другой цвет. Специальное исследование показало, что субъект обладал вполне нормальным зрением: он прекрасно различал нюансы цветов; светло-красный для него был совершенно другим цветом, нежели темно-красный. Словом, «красный цвет» он не видел, хотя прекрасно разбирался даже в малейших различиях между цветами. Следовательно, у субъекта функция ощущения цвета была сохранена, но он неспособен был воспринимать их — для него, в сущности, цвет уже не является определенным предметом, который мог быть воспринят, а потому *в каждом отдельном случае* он видел различный цвет. Гельб и Гольдштейн заключают, что то, что дано нам в каждом отдельном случае нормального восприятия, представляет собой не просто определенный предмет, а является частным случаем целой группы, целой категории предметов. Они говорят о *категориальности* восприятия; у данного больного была повреждена именно категориальность восприятия.

Данная особенность восприятия имеет очень большое значение, создавая возможность бесконечного развития восприятия. Ощущение как таковое не развивается и зависит скорее от состояния соответствующих органов. Однако восприятие подразумевает и предмет, что не имеет ничего общего с органами чувств, а потому возможность расширения восприятия в направлении усматривания под его образом все более и более общего предмета бесконечна. Это зависит от уровня умственного развития человека. Следовательно, вместе с интеллектуальным развитием появляется также возможность развития восприятия.

6. Понятие гештальта

А теперь вновь вернемся к содержанию восприятия. Как известно, предмет переживается в виде этого содержания. Он дан нам в виде ощущений, составляющих его содержание. Однако предмет всегда представляет собой единое целое, тогда как ощущения, в виде совокупности которых он нам дается, многочисленны и независимы друг от друга. Встает вопрос: каким образом это многообразие отдельных ощущений дает отражение целостного предмета?

Для ответа на данный вопрос в современной психологии введено понятие *гештальта* (формы, строения, структуры). Предполагается, что, несмотря на многоликость ощущений, содержание восприятия все-таки представляет собой целостность —

изнутри расчлененную, а *извне* более или менее *четко отделенную* от всех остальных целостностей. Такая целостность называется гештальтом. Совокупность ощущений, данных в содержании восприятия, представляет собой гештальт. Следовательно, восприятие гештальтно, поэтому неудивительно, что подобное содержание может отражать целостность предмета.

Однако каким образом содержание восприятия, состоящее из множества отдельных ощущений, переживается в виде подобной целостности? Ответ был бы очень простым, если бы можно было сказать, что содержание восприятия представляет собой совокупное переживание входящих в него ощущений, является суммой содержащихся в нем ощущений. Но дело в том, что восприятие переживается в виде целостности, причем в этой целостности есть многое такое, даже похожего на которое не было в частях. Например, ряд точек, расположенных в форме треугольника, переживается как целостный, настоящий треугольник, хотя разве можно сказать, что отдельные точки, совокупностью которых является этот треугольник, содержат нечто, напоминающее треугольник? Разумеется, нет.

Одним словом, природа гештальта состоит именно в том, что ему, как целостности, свойственны некоторые особенности, совершенно не представленные в его частях. Именно в силу этого и встает вопрос: откуда появляется эта целостность, если в частях от нее ничего нет?

Вундт первым почувствовал остроту данного вопроса. Он его разрешил следующим образом: сознание не просто объединяет между собой ощущения как психические элементы, но производит их «творческий синтез»; именно поэтому продукт их соединения есть нечто новое, нечто иное по сравнению с тем, что было дано в его отдельных частях.

Майнонг предложил так называемую *«теорию продукции»,* согласно которой интеллект, объединяя возникшие ощущения, создает в этот момент и то, что специфично для целостности. По мнению Витасека, эту роль выполняет внимание — именно оно создает особенности целостности.

Совершенно иначе думают представители так называемой *«гештальттеории»* (Вертхаймер, Кёлер, Коффка). По их мнению, целостность, гештальт вовсе не строится из частей. Нельзя представлять дело так, будто вначале возникают различные ощущения, затем объединяющиеся в процессе восприятия. Нет, гештальт дан изначально. Он представляет собой не вторичное, производное явление, а первичное переживание. Стало быть, ставить вопрос о том, каким образом он возникает из элементов, неправомерно. Обратимся опять к вышеупомянутой фигуре, треугольнику. На вопрос, что он видит, ни один нормальный человек не ответит, что он видит столько-то точек, а обязательно назовет треугольник. Первое, что бросается нам в глаза, это — та целостность, которую представляет собой данная фигура, то есть *в первую очередь мы переживаем гештальт.*

Таким образом, специфическая особенность гештальта состоит в том, что он относительно своих элементов является не производным, а первичным переживанием. Об элементах можно говорить лишь после того, как появится переживание целого; элемент — это элемент целого. Вне целого он как элемент не существует. Элемент — это вторичное, производное переживание.

Какое отношение существует в гештальте между целым и его частями? Что играет доминантную роль при восприятии — гештальт или входящие в него отдельные ощущения, целое или его части? Решающий ответ на данный вопрос дает следующий классический опыт Фукса. Возьмем девять цветных кругов. Центральный круг имеет желто-зеленый цвет; окрашенные на рисунке в черный цвет круги — желтые, а все

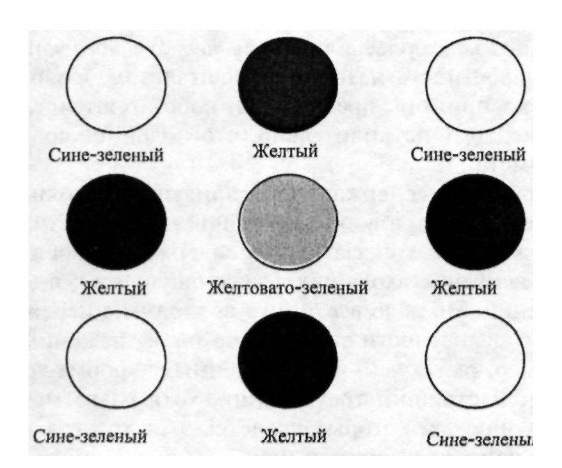

Рис. 1

остальные сине-зеленые (см. рис. 1). Если поместить центральный круг в группу одноцветных кругов, например, желтых, то он покажется не желто-зеленым, а желтым, тогда как в группе сине-зеленых кругов он приобретает синевато-зеленую окраску.

Вывод очевиден — цвет части зависит от целого, а не наоборот; иначе говоря, цвет меняется в зависимости от того, частью какого целого он переживается. Данное положение можно обобщить: не свойства гештальта зависят от свойств его частей, а, напротив, свойства части зависят от свойств целого.

Таким образом, мнение о самостоятельности части ошибочно; приоритет принадлежит целому, гештальту.

Гегемония гештальта над тем, что входит в него в качестве части, настолько велика, что целое может оставаться неизменным даже при полном изменении частей. Возьмем случай восприятия какой-либо мелодии. Понятно, что одна и та же мелодия может быть исполнена и басом, и тенором. Но это означает, что высота тонов будет различной; следовательно, будут совершенно различны и ощущения; тем не менее, восприятие остается неизменным — звучит одна и та же мелодия. Неважно, какого цвета чернилами — черными или красными — написано то или иное слово, в обоих случаях оно читается одинаково легко; невзирая на различные цветовые ощущения, оно одинаково выглядит. Это называется *переносом,* или *транспозицией,* гештальта.

Бывают случаи, когда в группе раздражителей, составляющих содержание восприятия, недостает одного из элементов. Интересно, будет ли при этом чувствоваться какой-либо изъян в восприятии целостности? Достаточно вспомнить факт корректурных ошибок, как ответ станет очевиден — восприятие целого может быть совершенно безукоризненным. Зачастую корректурные ошибки мы не замечаем, даже если в слове пропущены одна или две буквы, или же вместо одной буквы написана другая, мы все же читаем это слово правильно, будучи уверены в том, что оно написано без ошибок.

Этот факт давно замечен. Прежде говорили так: содержание восприятия отнюдь не исчерпывается ощущениями, в него входят и представления, и, когда в нем не хватает какого-либо ощущения, оно может быть восполнено представлением. То, что мы не замечаем корректурных ошибок, объясняется тем, что, поскольку в прошлом мы неоднократно читали данное слово, то теперь в процессе чтения в соответствующем месте возникает представление пропущенной буквы.

Согласно этой теории, восприятия, содержание которого полностью состоит из ощущений, не существует вовсе. Представления в большей или меньшей мере обнаруживаются в содержании любого восприятия. Когда мы видим, например, сахар, у нас в действительности имеется лишь ощущение его цвета. Однако в содержание данного восприятия входит и представление вкуса. Обычно в содержании восприятия все-таки всегда превалируют ощущения. Когда же случается, что в нем преобладают представления или они выполняют большую роль, чем ощущения, тогда мы имеем дело с ошибочным восприятием — так называемой *иллюзией.* Если, к примеру, в темном лесу куст покажется зверем, то это — иллюзия; в данном случае какие-то ощущения несомненно имеются (например, мы видим форму куста), но к этому добавляются представления, и в целом получается восприятие зверя. Когда же содержание восприятия составляют исключительно представления, то в таком случае дело имеем уже с *галлюцинацией.* Например, когда Гамлет видел призрак отца. Такова старая теория.

Однако принять данную теорией весьма трудно. Дело в том, что, читая слово с корректурной ошибкой правильно, мы пропущенную букву не представляем, а прямо видим. Поэтому сегодня более распространено иное объяснение: целое в определенных пределах не только меняет свои части, но и по мере надобности создает их. Гештальту присуща тенденция к самовосполнению, и именно она и действует в данном случае.

В общем следует отметить, что гештальт всегда стремится к завершенности, выраженности. Тенденция к завершенности, о которой говорилось выше, представляет собой частный случай данного стремления. Однако, дело не исчерпывается только восполнением; интереснее, что гештальт *совершенствуется,* принимая более четко *выраженный* вид. Например, если провести линию или начертить квадрат от руки, объективно ни одна из этих фигур не будет вполне правильной геометрически. Но при восприятии неточность исправляется, и чертеж кажется лучше. Данное явление имеет очень большое значение. В нем находит свое выражение основной закон гештальта *(«закон прегнантности»),* благодаря которому все кажется имеющим более совершенную и правильную форму, чем на самом деле (так называемая *«ортоскопичность»).*

7. Факторы гештальта

Содержание восприятия гештальтно; оно таково изначально, а не в результате акта соединения отдельных ощущений. Однако бесспорно и то, что в восприятие того или иного предмета входит многое такое, что само может быть предметом самостоятельного восприятия. Например, хотя бы вот это слово, которое мы сейчас читаем. В качестве слова оно является отдельным гештальтом, предметом отдельного восприятия. Однако очевидно и то, что в то же время мы можем воспринять и отдельные буквы; в этом случае каждая из них также будет представлять собой предмет отдельного восприятия и иметь собственный гештальт. Или же вот то дерево. Как дерево оно является отдельным гештальтом; но предмет моего восприятия составляет и вот то яблоко, что висит на нижней ветке слева, — ведь и оно, как таковое, дано в содержании восприятия в виде гештальта. Одним словом, предметы как целостные гештальты состоят из частей, в свою очередь также представляющих собой отдельные гештальты.

В таких условиях, естественно, встает вопрос: как происходит объединение этих отдельных частей в целостные гештальты? Какие факторы лежат в основе процесса гештальтизации?

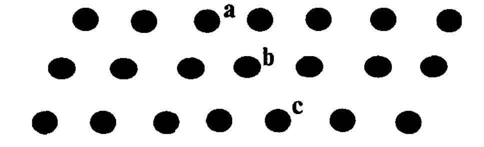

Рис. 2

Данный вопрос был специально изучен представителями гештальттеории, в частности, главным руководителем этой школы М. Вертхаймером, открывшим, по его мнению, целый ряд факторов гештальта.

1. Скажем, перед нами двадцать точек, расположенных так, как показано на рис. 2.

Как мы воспринимаем эти точки — каждую в отдельности или они составляют целостные группы? Достаточно немного приглядеться к ним, чтобы удостовериться в том, что мы имеем дело с вполне определенными группами, каждая из которых содержит по три точки (слева направо, а не наоборот, в соответствии с «а-в-с»). Это — несомненный факт. Что лежит в его основе? Вертхаймер тут говорит о *факторе близости;* и в самом деле, в этом случае группирование происходит по принципу наименьшего расстояния. Примечательно, что данный принцип имеет силу не только в сфере зрения и пространства. Слуховые впечатления так же подвержены воздействию этого фактора — соседние звуки объединяются в одну группу, создавая *ритм.*

2. В случае, показанном на рис. 3, в первую очередь бросаются в глаза вертикальные, а не горизонтальные столбцы. Перед нами предстают отдельные столбцы, состоящие из окружностей и точек. Что лежит в основе такой группировки? В данном случае сослаться на близость невозможно, так как все элементы равноудалены друг от друга; следовательно, близость как фактор исключается. Остается сходство: схожие элементы расположены вертикально. Значит, здесь мы имеем дело со вторым фактором, *фактором сходства — схожие элементы имеют тенденцию объединяться в один гештальт.*

Рис. 3

3. Допустим, что в ряде точек, сгруппированных по три по принципу близости, каждый третий член нечетной группы и первый и второй члены четной группы расположены над этой строкой; тогда вместо групп, созданных по принципу близости, мы получим две группы точек: отдельно группу точек, находящихся наверху, и отдельно группу точек, расположенных внизу (см. рис. 4). Этот третий фактор Вертхаймер назовет *фактором общей судьбы.*

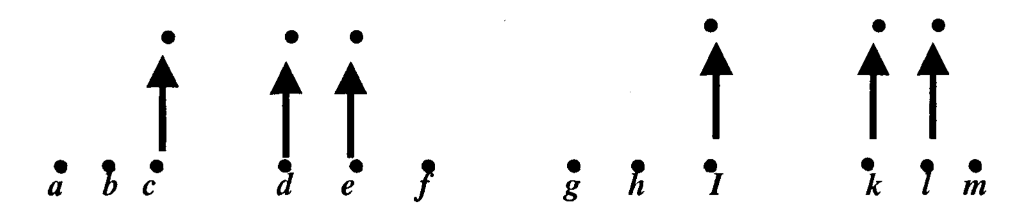

Рис. 4

4. В зависимости от того, что предшествует констелляции определенных стимулов, различна их организация: ожидание влияет на восприятие. Данный фактор называют *принципом установки,* или *фактором диспозиции,* гештальта.

5. Важным фактором является фактор *внутренней принадлежности,* или фактор *хорошего гештальта.* Возьмем следующие рисунки (см. рис. 5):

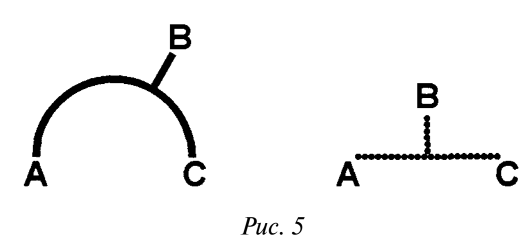

Рис. 5

В первом случае мы видим две линии — AC и B; во втором случае мы опять-таки AC и B. Но это противоречит закону близости, поскольку точка С расположена ближе к B, а не A. Но в силу того, что А и С представляют собой продолжение друг друга, они принадлежат друг другу и поэтому создают целостность.

6. Затем идет *фактор замкнутости:* когда из A, B, C и D линий — AB/CD содержат замкнутые и завершенные процессы, а AC/BD — открытые и незавершенные, при восприятии преимущество отдается первым.

7. Значение имеет также *фактор расположения* (см. рис. 6). На рисунке и слева (а) и справа (b) изображено по два шестиугольника. Различие между этими шестиугольниками ограничивается их расположением: слева (рис. 6а) они имеют минимальную область соприкосновения, справа (рис. 6b) — общее основание. В результате в первом случае мы видим каждую из этих фигур по отдельности; во втором же случае вместо двух фигур мы воспринимаем всего лишь один целостный шестиугольник. Следовательно, расположение может способствовать как созданию, так и разрушению гештальта.

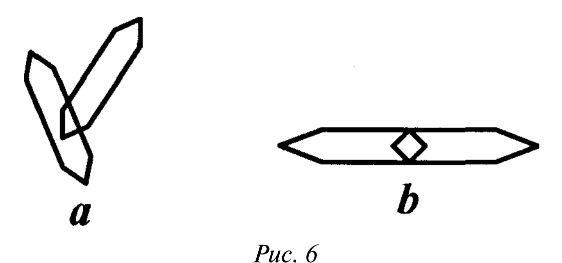

Рис. 6

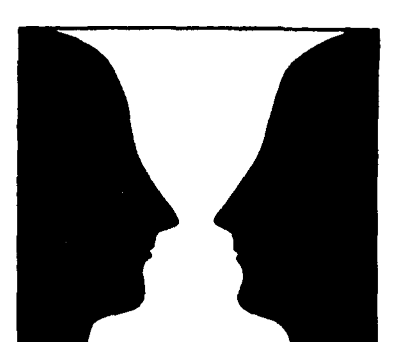
Рис. 7 *Рис. 8*

8. Некоторую роль играет также *фактор опыта,* или *привычки.* Человек в первую очередь видит то, с чем ему чаще всего приходилось сталкиваться (см. рис. 7). Фигура, изображенная на этом рисунке, для эллиниста будет изображением двух греческих букв — сигмы и гаммы, а для латиниста — латинское V. Однако влияние опыта проявляется только в том случае, когда он не противоречит другим факторам гештальта, поскольку опыт, сколь большим бы он ни был, не сможет преобразовать гештальт, построенный под воздействием других факторов. Например, бесспорно, что современный человек очень часто имеет дело с цифрами. Несмотря на это, на предложенном рисунке (см. рис. 8) никому не бросаются в глаза гештальты цифр 3 или 4 и, тем более, гештальты E или S.

Таким образом, в основе объединения содержания восприятия в целостность лежат определенные факторы. Однако следует отметить, что какой бы гештальт, какую бы целостность они ни создавали, любой гештальт, согласно наблюдению представителей гештальтпсихологии, стремится к максимальной *полноте* и *завершенности.* Это основной закон гештальтизации, известный под названием *«прегнантности гештальта»* (Вертхаймер).

8. Фигура и фон

В действительности мы никогда не воспринимаем предметы как отдельные, полностью оторванные от окружения, одиночные — любой предмет воспринимается на своем определенном *фоне.* Настоящее восприятие подразумевает и одно, и второе — как *фигуру,* то есть сам предмет, так и его *фон.* Восприятие представляет собой *единство фигуры* и *фона.* Следовательно, невозможно предполагать, что они взаимоиндифферентны, то есть для фигуры безразлично, каким будет фон, и наоборот. Нет! Фигура влияет на фон, а фон — на фигуру. Обратимся к примеру. На рис. 9 изображена ваза на черном фоне. Фигура дана четко, ее гештальт совершенно ясен; он изнутри расчленен и выделен от фона четкими контурами. Совершенно иную картину дает фон. Он представляет собой бесформенное, неопределенное пространство, почти полностью лишенное какой-либо гештальтности; он изнутри недифференцирован и и четко не выделен от окружения — он сам является окружением. Теперь попробуем превратить в фигуру то, что на нашем рисунке было фоном, а в фон — то, что прежде было фигурой. Приглядимся внимательнее к черному фону! Это же профили человеческого лица: один — справа, другой — слева. Они обращены друг к другу. Вполне отчетливо видны лоб, нос, подбородок — одним словом, черный фон теперь превратился в дифференцированную целостность — в человеческое лицо со своими частями. В то же время оно определенными контура-

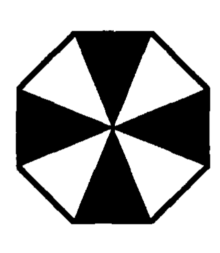

Рис. 9

ми выделилось от окружения. Зато изменилась прежняя «фигура». Белая ваза уже не видна. На ее месте находится безликое пространство, недифференцированное изнутри и не выделенное от окружения.

Этот пример хорошо иллюстрирует взаимовлияние фигуры и фона: *фигура, в отличие от фона, воспринимается как гештальт.*

При восприятии действительности мы всегда воспринимаем предметы на каком-то фоне. Поскольку фигура и фон воспринимаются по-разному, большое значение имеет то, что воспринимается фигурой, а что — фоном. Последователи гештальтпсихологии остаются на уровне описания, утверждая, что в виде фигуры воспринимаются те части чувственной действительности, которые в силу наличия более благоприятных условий для создания целостности имеют лучший гештальт; в качестве же фона выступает часть среды, составляющая худший гештальт. Обычно в фигуру превращаются более маленькие и более расчлененные части действительности, а в фон — имеющие больший размер и хуже дифференцированные.

9. Критика гештальтпсихологии

То, что содержание восприятия имеет целостный характер, известно давно. Подмечено было и то, под воздействием каких факторов части объединяются в целостную структуру. Классическая психология отстаивала следующее положение: восприятие представляет собой комплекс элементарных психических процессов, ощущений. Стало быть, ее задача заключалась в выявлении этих элементов. Например, вопрос восприятия пространства по существу мог считаться решенным, если бы было определено, из каких именно ощущений оно складывается.

Большая заслуга гештальттеории заключается в том, что она сделала серьезный шаг в направлении изучения настоящего, живого, конкретного восприятия. Для гештальттеории главным является целое. Поэтому задача психологии заключается в изучении этого целого. А это означает, что, во-первых, должны быть точно описаны формы проявления этих целостностей, а, во-вторых, с учетом того, что целое представляет собой самостоятельную, первичную реальность, следует установить и исследовать присущие ей специфические закономерности.

Факторы и законы гештальтизации Вертхаймера представляют собой одну из серьезных попыток установления данных закономерностей. Эти факторы и законы бе-

зусловно основаны на правильных наблюдениях и должны считаться обобщением этих наблюдений. Но поскольку гештальттеория только этим и ограничивается, не выходя за пределы описания феноменов, создается впечатление, будто и объективно вся действительность состоит только из данных феноменов. Например, почему мы воспринимаем лежащую перед нами «тетрадь»? Потому, что некие элементы — в силу близости, сходства, замкнутости или других факторов — соединились между собой: тетрадь как определенный гештальт, как предмет определенного восприятия, является результатом подобного увязывания. Почему мы видим этот определенный предмет вне нас? Потому, что некоторые части чувственного мира, или, как говорят представители гештальтпсихологии, *«чувственного поля»* объединились в единый целостный гештальт. Создается впечатление, будто своеобразие объективной действительности зависит от того, какие феномены находятся в сознании, полностью исчерпываясь ими.

Данная точка зрения гештальттеории, безусловно, неприемлема. Обобщения данных непосредственного наблюдения недостаточно — происходящее несомненно имеет объективную основу. Задачу психологии восприятия составляет выявление этой объективной основы и установление ее психологического значения.

В качестве примера рассмотрим один из «законов» гештальтизации, скажем, следующий: в сенсорном поле объединяются близлежащие части («фактор близости»). Данный факт был известен и классической психологии. Тогда это объяснялось так: то, что находится вблизи друг от друга, всегда переживается вместе, и когда подобные одновременные переживания происходят часто, то в конечном счете между ними устанавливается прочная ассоциативная связь. В основе подобного рассуждения лежит следующее убеждение: раздражитель прямо воздействует на субъекта, непосредственно вызывая у него соответствующую реакцию, ощущение; каково раздражение, таково и ощущение. Если раздражители встречаются вместе, то вместе возникают и соответствующие ощущения. Главная формула классической психологии такова: раздражение —> психическая реакция (ощущение). Гештальттеория данное положение не разделяет. Согласно ее воззрениям, раздражитель действует на субъекта отнюдь не непосредственно; предварительно происходит его организация, гештальтизация, а субъект реагирует уже на продукт этой организации. Применительно к фактору близости это положение выглядит следующим образом: прежде, чем сенсорные раздражители вызовут у субъекта какую-либо реакцию, происходит организация, объединение этих раздражителей, а наше восприятие строится на почве продукта этого объединения.

Ни одна из этих формул не является правомерной. В обоих случаях игнорируется субъект как таковой, как целостность. Более верной была бы такая формула: комплекс раздражителей (объект) —> целостный процесс в субъекте —> восприятие как целостный процесс. В этом случае становится понятным, что именно лежит в основе целостности восприятия, или, вернее, становится понятным факт психической первичности гештальта, установленный гештальттеорией.

Гештальт как переживание несомненно первичен. Однако, в его основе лежит целостное изменение самого субъекта, вызванное воздействием объективной действительности. Следовательно, близлежащие части сенсорного поля объединяются в один гештальт потому, что объективно они принадлежат одному предмету, в результате воздействия которого на субъекта у этого последнего возникает своеобразный целостный эффект, на основе которого затем строится целостное, гештальтное восприятие данного предмета.

Отсюда, пожалуй, становится ясным, что именно составляет главную основу того, что затем переживается как предмет восприятия. Это — целостное изменение

субъекта, вызванное воздействием объективных обстоятельств. Выше мы назвали это изменение установкой. Теперь уже механизм восприятия представляется нам следующим: субъект, движимый той или иной потребностью, начинает взаимодействовать с окружающим миром; результатом этого является целостное изменение самого субъекта, обусловленное воздействием ситуации. Так возникает установка, лежащая в основу переживаний и поведения субъекта.

Восприятие пространства

1. Нативизм и генетизм

Первое важнейшее свойство восприятия заключается в том, что в нем дано переживание предмета, существующего вне нас. Поэтому данное психическое переживание на всех языках называется восприятием (*вос-принимать* — получать извне). Предмет чувственного восприятия непременно расположен где-то в пространстве и является носителем целого ряда пространственных свойств. Во-первых, он занимает определенное место в пространстве, обязательно обладает протяженностью, то есть имеет определенную величину или определенную форму. Однако оба эти свойства могут иметь одно, два или три измерения: длину, ширину, высоту, или, как принято говорить, характеризуются *телесностью*. Все предметы непременно находятся где-то, располагаются в том или ином направлении и на определенном расстоянии от нас. Содержание восприятия состоит из пространственных свойств плюс сенсорные качества различных модальностей — цвет, звук, вкус, запах и пр.

Отсюда понятно, почему психология перцептивных процессов придавала особое значение вопросам восприятия пространства. Еще более значимым представлялся данный вопрос представителям классической психологии. Дело в том, что они, как известно, настоящим материалом, из которого возводится мир восприятия, считали ощущения. В частности, предполагалось, что и восприятие пространства строится из этого же материала. Но ведь ощущения представляют собой наше внутреннее психическое элементарное переживание. Следовательно, изначально нужно было поставить основной вопрос о том, каким образом из ощущений возникает восприятие пространства.

Ответ мог быть лишь двояким: либо ощущение само наделено пространственностью, либо ощущение само по себе не имеет ничего пространственного, и, следовательно, это последнее должно возникать в результате неких объединений ощущений. В первом случае подразумевается, что пространство дано изначально, являясь врожденным, как, например, врожденным является глаз с его зрительными способностями. Во втором случае переживание пространства является продуктом развития личного опыта. Соответственно, в классической психологии противостояли друг другу два направления — так называемый *нативизм* и *эмпиризм,* или *генетизм.* Для психологического мировоззрения, считающего ощущения исходным материалом всего, именно данная проблема являлась главной в психологии пространства.

Решению проблемы нативизма и генетизма способствовали наблюдения за процессом постоперационного восстановления зрения у слепорожденных. В самом деле, это была превосходная возможность проверить, имеет ли человек готовые, врожденные механизмы восприятия пространства, или же для их приобретения не-

обходим опыт. Известно наблюдение над больным, прооперированным Францем (1841). Открыв впервые глаза, он видел лишь некое «световое поле», но ничего более. Через несколько недель он все еще не мог различить трехмерные и плоские предметы (например, ядро и круг). Думается, что уже этого наблюдения вполне достаточно для решения вопроса нативизма и генетизма: больной вместе со светом видел и «поле», то есть свет имел *протяженность*. Следовательно, *протяженность* является врожденной, то есть в этом правильной оказалась точка зрения нативизма. Зато больной не мог различить близость—отдаленность и телесность даже через несколько недель. Стало быть, с данной точки зрения прав был генетизм, поскольку для овладения сложными элементами пространства оказался необходимым довольно длительный опыт.

Итак, на сегодня данный вопрос решается следующим образом: первичное, основное свойство пространства — *протяженность* — дано изначально, представляя собой такую же сторону ощущения, как интенсивность. Однако что касается подлинного восприятия пространства со всеми его остальными свойствами, это приобретается исключительно путем личного опыта; поэтому задача психологии пространства состоит в установлении того, каким образом человеку удается воспринимать все эти свойства.

2. Восприятие величины

Каким образом воспринимается величина предмета? В данном случае особую роль выполняет наше зрение. Но не только зрение — воспринять величину можно и посредством осязания. Следовательно, величина — это интерсенсорное восприятие, как и пространственность вообще. Однако оно интерсенсорно не только в том смысле, что воспринять величину можно как тактильно, так и зрительно, а главным образом потому, что восприятие величины с помощью только одного органа чувств попросту невозможно. Казалось бы, что слепой различает величину предметов лишь посредством осязания! Но достаточно даже поверхностного наблюдения, чтобы убедиться в том, сколь большую роль при восприятии слепым пространства выполняет движение. При оценке величины предметов его руки непрерывно двигаются; по сути, величину предмета он воспринимает не через пассивное прикосновение, а скорее активное, то есть сопровождающееся движением.

Таким образом, в восприятии пространства наряду с осязательными ощущениями важную роль выполняют и ощущения, связанные с движением.

Аналогичное следует сказать и о зрительных ощущениях — наши глаза находятся в непрерывном движении. Очевидно, что соответствующие моторные ощущения участвуют и в зрительном восприятии пространства.

Зрение неразрывно связано с движением глаз, и несомненно, что оно всегда принимает определенное участие в зрительном восприятии пространства. Поэтому необходимо знать, какого рода движения осуществляет глаз, воспринимая предметы различной величины и формы, расположенные на разном удалении от него. Особенно большое значение имеют движения, регулирующие толщину линзы и создающие тем самым возможность четкого изображения разноотдаленных объектов на сетчатке (аккомодация). Кроме того, значительная функция возложена и на мышцу, расширяющую и сужающую зрачок, а также на шесть мышц, упорядочивающих движение глазных яблок в том или ином направлении. Имеет значение и то, что эти движения в обоих глазах производятся настолько согласованно, будто действу-

ют не два органа, а один. Когда мы обоими глазами смотрим на один объект, обычно фиксационные линии обоих глаз располагаются таким образом, что встречаются именно в фиксированной точке (конвергенция), причем чем дальше предмет, тем острее получается угол конвергенции. Так что, в восприятии расстояния решающая роль отводится конвергенции. При нарушении конвергенции предмет кажется раздвоенным. Следовательно, как конвергенция, так и аккомодация подразумевают непрерывную активность, причем даже при фиксации неподвижной точки, когда неподвижным должен быть и глаз.

Таким образом, кинестетические ощущения, связанные с функционированием различных мышц глаза, принимают участие во всех актах зрительного восприятия пространственных объектов, включая, в частности, и восприятие величины предметов. Там, где для обозрения величины объекта глаз нуждается в большей кинестетической энергии, предмет кажется больше, и наоборот.

Величина предмета зависит также от расстояния. Нижеприведенный опыт ясно подтверждает это.

Поместим в стереоскоп по два равных круга, но так, чтобы один располагался перед другим. Так как через стереоскоп задний круг покажется нам более отдаленным, чем передний, мы сможем проверить, действительно ли расстояние оказывает определенное влияние на оценку величины предмета. Достаточно посмотреть в стереоскоп, чтобы убедиться, что круг, находящийся дальше, кажется меньше, чем расположенный ближе.

Данное наблюдение позволяет ответить на один интересный вопрос: почему луна на горизонте кажется больше, чем в зените. На этот вопрос, по которому, между прочим, высказал свое мнение даже Аристотель, обычно дают такой ответ: горизонт кажется нам отдаленнее, чем зенит; это, наверное, происходит потому, что между нами и горизонтом располагаются предметы, тогда как в направлении зенита находится пустое пространство. А пустое пространство, как правило, кажется короче, нежели заполненное. Доказать это очень просто. Заполнив точками один из двух равных отрезков, мы тотчас же убедимся, что он покажется длиннее, чем пустой. Однако, если горизонт представляется более отдаленным, чем зенит, тогда, согласно нашему стереоскопическому наблюдению, луна на горизонте должна казаться больше, чем в зените.

На восприятие величины, помимо этих двух факторов, влияет также и величина изображения объекта на сетчатке. Мы уже говорили о том, что это влияние не носит абсолютный характер, ведь хотя факт константности величины предметов сомнению не подлежит, но он имеет место лишь в определенных пределах — на большом расстоянии нормальный человек кажется лилипутом.

3. Третье измерение

Особый интерес всегда вызывал вопрос *телесности* восприятия. Почему и каким образом мы воспринимаем предметы трехмерными, тогда как на сетчатке их отображение является двухмерным?

Достаточно убедительный ответ на данный вопрос дает следующий простой опыт: перерисуем с фотографической точностью какой-либо предмет, например башню, сперва так, как ее с одной какой-то точки видит правый глаз, а затем так, как с того же места она воспринимается левым глазом. Поместим данные рисунки на соответствующие стороны стереоскопа и заглянем в него: башня на рисунке по-

кажется *телесной,* то есть трехмерной. Что превратило двухмерный рисунок в трехмерный? Ответ очевиден — только объединение рисунков, ведь ничего другого стереоскоп не сделал. Но если бы в стереоскопе находились абсолютно идентичные рисунки, то изображение осталось бы двухмерным, то есть необходимым условием является наличие рисунков, на которых запечатлены изображения, отображающиеся на сетчатке обоих глаз.

Следовательно, очевидно, что вещественность — это эффект участия обоих глаз. Но какой именно момент создает данный эффект? Каждой точке на сетчатке одного глаза соответствует точка на сетчатке второго глаза. Такие точки называются *идентичными;* особенность этих точек состоит в том, что при одновременном раздражении они дают одно изображение, хотя фактически имеются два изображения. Когда смотрим на какой-либо трехмерный предмет, то и в правом, и в левом глазах раздражаются также и не идентичные, так называемые *«диспаратные точки»;* это и является причиной того, что изображения, представленные на сетчатке правого и левого глаза, не являются одинаковыми. В обычном зрительном акте оба этих диспаратных изображения объединяются, в результате чего получаем трехмерное восприятие. Благодаря этому мы воспринимаем третье измерение.

Однако наряду с этим существует целый ряд вспомогательных факторов, обеспечивающих возможность восприятия третьего измерения, глубины, то есть завершенного восприятия.

1. Перспективное отклонение (например, углов и сторон лежащей перед нами книги).

2. По мере увеличения расстояния изображение объекта на сетчатке уменьшается.

3. Перспектива воздуха, по причине которой дальние предметы видятся менее четкими, чем ближние.

4. Частичное перекрытие удаленных предметов близлежащими.

К этим чисто оптическим факторам добавляются и кинестетические:

а) аккомодации предметов, расположенных на разной глубине, сопутствуют различные кинестетические ощущения;

б) кинестетические ощущения конвергенции.

Однако специфическое переживание, представленное в виде восприятия «глубины» или «телесности», строится не только на основе зрительных и связанных с движениями глаз ощущений. Несомненно, что в это переживание вносят вклад и другие органы, особенно если рассматривать его в генетическом плане. Для маленького ребенка, например, исключительное значение имеют кинестетические переживания, связанные с хватательными движениями: именно эти кинестетические моменты должны во многом определять специфический характер переживаний «близкого» и «далекого». На следующей возрастной ступени к этому добавляются кинестетические переживания, связанные с движением всего тела, особенно — с локомоцией; в переживании отдаленности принимает участие и осознание своего движения. Одним словом, человек «видит» и переживает «глубину» не только глазом и через движения глаз, но всей своей личностью, причем в каждом частном случае происходит задействование того ее органа, участие которого наиболее целесообразно обеспечивает достижение цели восприятия (Штерн).

Эксперименты представителей гештальттеории по-новому осветили и вопросы восприятия глубины. Выяснилось, что переживание глубины определяется не только вышеперечисленными факторами; зачастую в процессе возникновения переживания глубины решающая роль принадлежит воссоединению частей, созданию новой структуры и переструктурированию этих же частей.

Восприятие времени

1. Переживание настоящего

Предмет восприятия обычно переживается данным не только в пространстве, но и в еще большей степени во *времени*. Наиболее характерным, наиболее специфическим для восприятия является то, что оно переживает свой предмет как сиюминутную данность, как существующий сейчас, представленный в настоящем, одним словом — в качестве *актуального предмета*. Именно это переживание момента настоящего и отличает восприятие от представления. Когда в переживании дан момент отнесения его предмета к прошедшему времени, к уже свершившемуся, или же момент времени вовсе игнорируется, тогда мы имеем дело с *представлением*. Восприятие и представление отличаются друг от друга именно этим; и примечательно, что этот признак дан в самом переживании, то есть существует не только объективно. Одним словом, восприятие представляет собой переживание данного в настоящем предмета.

Однако каким образом возможно это переживание *«данности в настоящем»?* Каким образом возникает переживание настоящего, если фактически оно не имеет никакой продолжительности, то есть если настоящее в качестве отрезка времени в действительности не существует? В самом деле, ведь время переживается как непрерывное течение — остановить время невозможно. Следовательно, настоящее можно представить лишь как находящуюся в постоянном движении границу между прошлым и будущим. Само оно полностью лишено протяженности, поскольку продолжительность в любом случае означает либо уже прошедшее время, либо еще предстоящее.

Соответственно, понятие настоящего логически содержит внутреннее противоречие; оно должно обладать какой-то длительностью, то есть должно происходить на протяжении некоего времени, но, вместе с тем, в действительности оно не может иметь этой продолжительности.

То, что это так, сомнения не вызывает. Однако, с другой стороны, несомненно и то, что восприятие действительно существует, а мы, соответственно, безусловно имеем переживание настоящего. По-видимому, фактическое и психологическое время по сути не одно и то же, хотя объективно само время, разумеется, едино. Однако анализ времени с точки зрения его исчисления и переживание времени друг с другом не совпадают. Пусть математически настоящее не имеет продолжительности, но психологически настоящее безусловно существует; мы его несомненно переживаем, и для нас оно все же имеет определенную продолжительность.

Обратимся к примеру. Я читаю вот это слово, и я читаю книгу полностью. Какая разница между этими двумя случаями с точки зрения переживания времени? Слово состоит из отдельных букв, и его прочтение требует определенного отрезка времени — правда, очень незначительного, но все-таки имеющего какую-то продолжительность, скажем, равную «1». Прочтение всей книги также требует времени — разумеется, значительно большего. Принципиально между этими двумя случаями нет никакой разницы; разница заключается лишь в длительности необходимого отрезка времени. Однако сколь велика разница между ними психологически! Слово со всеми своими частями, составляющими его буквами, прочтение которых требует неких временных затрат, долей секунды, в данный момент полностью представлено в моем сознании так, как будто все буквы даны в нем одновременно, как будто при прочте-

нии последней буквы первая все еще актуально переживается в сознании так, словно она еще не успела отделиться от настоящего и перейти в прошлое.

Одним словом, в случае прочтения одного слова его воспринятые в разное время элементы объединяются в единое целое, продолжая существовать в виде этого целого, то есть переживаются как данные в настоящем.

Совсем иная ситуация складывается тогда, когда мы читаем книгу полностью. В этом случае длительность времени, необходимого для ее прочтения, распределяется совершенно определенным образом: мною ясно переживается то, что предыдущие части данной книги я читаю не сейчас, а читал в прошлом (либо пару часов назад, либо вчера). Здесь отдельно возникает как переживание прошлого времени, так и отдельно настоящего — вот сейчас, когда читаю данное слово.

Таким образом, переживание настоящего является несомненным фактом. Психологически настоящее представляет отрезок времени, заполненный переживанием более или менее сложных целостных частей. Подобно тому, как эти части одновременно даны в целом, так и их связанные с ними временные затраты даны в виде моментального переживания целостного отрезка времени. Именно поэтому настоящее в нашем переживании имеет продолжительность.

Обратимся к примеру. Только-только отзвучал бой настенных часов. Я был погружен в работу и не заметил, сколько раз часы позвонили. Тем не менее я уверен, что смогу восстановить количество звонков — весь этот процесс звона часов от начала до конца как бы все еще продолжает жить в моем сознании, причем настолько явственно, что я действительно могу его восстановить. Часы перестали звонить, этот момент уже полностью относится к прошлому; тем не менее, он все еще актуально присутствует в моем сознании — настолько актуально, как будто раздается и сейчас.

2. Кратчайшее настоящее

В психологической литературе известны опыты, в которых была предпринята попытка установить минимальную продолжительность объективного времени, необходимого для переживания минимальной *длительности* (durée), *«психического настоящего»* (Штерн), то есть *кратчайшего настоящего*. Особенно чувствительным в этом плане оказалось ухо: согласно Экснеру, два электрических сигнала слышатся раздельно, если временной интервал между ними составляет 0,002 секунды. Для различения зрительных сигналов нужен несколько больший интервал — в частности, 0,044 секунды. Следует учитывать то обстоятельство, что когда на нас одновременно действуют раздражители различной модальности, то они кажутся последовательными. Это происходит потому, что скорость работы различных органов неодинакова. Например, оптическое ощущение медленно появляется и медленно затухает.

3. Максимальное настоящее

Особенно хорошо изучен вопрос о той максимальной продолжительности раздражителей, которая может переживаться как все еще настоящее.

После Вундта прибегают к следующему методу: посредством изотонного метронома, то есть метронома, работающего с равномерными интервалами, например 0,5 секунды — (изохронно), и с одинаковой интенсивностью (изотонно), испытуемому даются звуковые раздражители, причем вначале один удар, затем два, три, четыре и так далее до тех пор, пока испытуемый будет знать количество ударов не

считая их, то есть до тех пор, пока раздражители объединяются в одно целостное восприятие — восприятие, отмеченное признаком настоящего.

Согласно существующим на сегодняшний день исследованиям, можно сказать, что длительность истинного настоящего, подверженного, между прочим, влиянию множества факторов и потому очень изменчивого, не превышает нескольких секунд. Она зависит от скорости последовательности раздражителей. Наилучшим оказался интервал 0,2—0,3 секунды. Если интервал равен четырем секундам, то объединения звуковых единиц уже не происходит: первый звук до появления второго теряется. Но если интервал меньше 0,18 секунды, то достичь синтеза опять же не удается — вместо серии ударов слышится продолжительный гул. Одним из способствующих факторов является также *ритм.* При благоприятном ритме в восприятии со знаком настоящего объединяется значительно большее число раздражителей.

4. Ритм

Для восприятия времени большое значение имеет ритм. Это в первую очередь касается акустических ощущений, хотя, конечно, не ограничивается ими. Действие ритма в то же время распространяется и на движения. Обычно ритм акустических ощущений непроизвольно пробуждает тенденцию соответствующих ритмических движений. Как правило, у нас возникает тенденция сопровождать ритмичную последовательность звуков движениями рук, ног и всего тела: танцевальная музыка вызывает желание танцевать.

Однако ритм переживается и в области зрительных ощущений. Предположим, расстояние между линиями тетради составляет пять миллиметров; несмотря на то, что этот интервал всюду неукоснительно соблюдается, мы все же можем воспринять эти линии в виде равномерных групп, скажем — попарно. В этом случае интервал между группами покажется большим, чем между членами группы. Таким образом, получаем полную аналогию с ритмической последовательностью звукового ряда.

Ритм представляет собой организацию времени и пространства. Он объединяет однородные впечатления в определенные единицы, создавая наряду с этим и возможность четкого восприятия элементов этих единиц; ритм одновременно является и интеграцией, и дифференциацией.

5. Оценка длительности

Специфическая особенность переживания настоящего состоит в том, что оно непременно чем-то заполнено, всегда представляя собой переживание последовательности. Именно поэтому для экспериментального изучения переживания настоящего используется звуковой ряд. Вне этой заполненности переживания протяженности во времени, то есть *длительности,* не существует. Однако если настоящее содержит такую последовательность, предшествующие члены которой продолжают существовать рядом с последующими и которая переживается скорее как линия, а не точка, тогда понятно, что переживание настоящего включает и переживание прошлого; следовательно, мы переживаем прошлое как *данное сейчас,* как *актуальное.* Одним словом, это объясняет факт *восприятия прошлого.*

Однако коль скоро временная длительность, то есть настоящее время, всегда заполнено, тогда мы должны всегда одинаково оценивать настоящее с объективно одинаковой продолжительностью. Наблюдение, однако, показывает, что это не так:

во время ожидания время растягивается, но если мы в течение того же промежутка времени занимаемся чем-то интересным, то время «летит». Объективно одинаковый промежуток времени воспринимается по-разному. Можно предположить, что это происходит потому, что в первом случае время ничем не заполнено, тогда как во втором оно заполнено определенным содержанием. Но на самом деле оно заполнено в обоих случаях. Различие заключается лишь в том, что в случае ожидания оно имеет однообразное содержание, а во втором — многообразное. В подобных ситуациях продолжительность времени всегда переживается по-разному. Именно в этом смысле в психологии восприятия времени говорят о *законе заполненного времени*. Как видим, это выражение не является точным; оно скорее подразумевает разнообразие и расчлененность содержания.

Однако существует и второй закон: при ожидании чего-то приятного время тянется бесконечно, но если ждешь что-то неприятное, то время бежит очень быстро. Как видно, здесь решающую роль играет эмоциональный фактор. Подобную оценку времени Эльзенганс называет законом *эмоциональной предопределенности*.

Экспериментально подтверждено, что определенное значение имеет и объективная продолжительность времени — невзирая на то, каким содержанием оно заполнено; обычно в случае одного и того же содержания происходит переоценка незначительного промежутка времени и недооценка более длительного, то есть первый кажется более продолжительным, чем в действительности, а второй — более коротким. Интересно, что подобная недооценка и переоценка выражены у детей сильнее, чем у взрослых (у взрослых переоценка минутного интервала оказалась равной 133%, а у подростков 7—19 лет — 175%).

6. Вопрос нативизма

Применительно к восприятию времени в психологии стоял тот же вопрос, что и относительно восприятия пространства: является ли переживание времени первичным, несводимым на более простые переживания и, следовательно, врожденным (нативизм), или же оно представляет собой продукт комбинации более простых элементов (генетизм)? Бергсон полагал, что время является сутью самой психики; не существуют психические состояния, есть только изменения — время представляет собой форму проявления психических феноменов.

Вундт и в этом вопросе отстаивал точку зрения генетизма. По его мнению, время строится на основе акустических ощущений и ощущений напряжения и связанных с ними чувств напряжения и облегчения. Согласно Мюнстенбергу, в случае восприятия времени решающую роль играют мышечные ощущения. Липпс полагал, что восприятие времени представляет собой квалитативное изменение представлений — их увеличение или уменьшение. Ощущение может подвергнуться следующей модификации: оно ослабевает, потом превращается в ясное представление, а затем становится туманным. Согласно Липпсу, эта модификация представляет собой образец временного процесса. Один из больных Рево д'Аллона одновременно утратил способность переживания времени и органических ощущений. Соответственно, вполне возможно, что для восприятия времени определенное значение имеют также и эти ощущения.

Сегодня вопрос нативизма и генетизма применительно к восприятию времени уже не стоит столь остро, как в психологии XIX века. По-видимому, большинство авторов и тут придерживаются того же мнения, что и в случае восприятия пространства: первичное примитивное переживание времени — временная длительность — яв-

ляется врожденным, подобно *протяженности* в случае восприятия пространства. Однако завершенное переживание времени, так же как и пространства, следует считать достижением лишь довольно сложного процесса развития.

7. Сенсорное содержание

С ощущениями какой модальности наиболее увязано переживание времени?

Как отмечалось выше, по мнению некоторых ученых, восприятие времени формируется из материала совершенно определенных ощущений. Особое место среди них занимает слух. Однако не подлежит сомнению, что переживание времени имеет более интермодальное происхождение, чем переживание пространства, поскольку связь человека со временем более интимна, нежели с пространством.

Не существует переживания времени, построенного из различного сенсорного материала. Время всегда одно, воспринимаемое нами по мере необходимости всеми находящимися в нашем распоряжении средствами. То, что время всегда одно, каким бы органом чувств оно ни воспринималось, доказывает следующий простой опыт: испытуемого просят оценить продолжительность одного и того же отрезка времени посредством различных органов чувств, то есть ему предлагают слуховые, зрительные, осязательные и другие раздражители одинаковой продолжительности. Результат таков: все органы чувств дают практически одинаковую оценку времени.

Наблюдение

1. «Ощущенческое восприятие»

До сих пор мы говорили о восприятии так, будто бы существует лишь единственная его форма. На самом деле формы рецепторных взаимоотношений с действительностью многообразны — одни проще, другие сложнее. То, к какой из этих форм обращается живое существо, зависит, с одной стороны, от уровня его актуального развития, а с другой — от формы поведения, при осуществлении которой ему приходится устанавливать перцептивное отношение с действительностью. Таким образом, и в жизни существа, стоящего на высшей ступени развития, — человека бывают случаи, когда он обращается к наиболее простым формам восприятия, поскольку формы отношения с действительностью, то есть *практика,* могут быть такими, что его удовлетворят и подобные простейшие виды восприятия.

К наиболее примитивным формам восприятия можно отнести те случаи, когда воздействие внешних раздражителей вызывает простой отклик в нашей психике, когда переживается лишь существование внешнего раздражения; что же касается сущности, природы этого раздражения, это остается совершенно неизвестным. Подобные переживания особенно часты тогда, когда сущность внешней действительности не имеет для нас значения, когда она нас не интересует, когда наше воздействие на действительность совершенно не зависит от нас и определяется самим раздражителем. Крайней формой подобного взаимоотношения с действительностью можно считать *сон.* Во сне прекращена всякая практическая связь с действительностью — мы совершенно не собираемся воздействовать на нее. Но это обстоятельство, конечно, не мешает самим раздражителям продолжать воздействовать на нас. Обыч-

но мы не чувствуем этого воздействия, оно остается в границах физиологии. Однако бывают случаи, когда какой-либо сильный раздражитель, скажем громкий звук, будит нас. Предположим, что в комнате что-то упало, и сильный шум разбудил нас. Случается, что мы даже не знаем, что именно разбудило нас, но в ушах как будто что-то звенит — складывается впечатление, что след шума как бы продолжает действовать, и мы вдруг догадываемся, что нас разбудил шум.

В данном случае одновременно приведены примеры двух ступеней восприятия: первая, простейшая форма, когда *«в ушах что-то раздается, шумит»,* как будто этот «шум» является нашим состоянием, а не чем-то, существующим вне нас. Именно это представляет собой ту простейшую форму переживания внешней действительности, для описания которой мы и обратились к данному примеру.

Аналогичное переживание в свое время было описано нами под названием *«ощущения»*[2], а затем Хайнц Вернер попытался осуществить экспериментальный анализ примерно такого же переживания. Возможно, что и Штерн подразумевает явление этой же категории, отмечая, что «ощущение в этом случае представляет собой целостный резонанс личности в ответ на раздражитель». Целостный резонанс здесь не совсем точно выражает явление, о котором идет речь, поскольку оно представляет собой достаточно четкое переживание, возникающее на фоне целостного состояния и все еще переживаемое как бы состоянием субъекта.

Подобное переживание возникает не только у внезапно проснувшегося человека. В общем можно сказать, что при прекращении практической связи между нами и действительностью всегда создаются условия для возникновения подобных переживаний; например, в случае сильной усталости или заметного снижения внимания.

Надо полагать, что нет ничего невозможного в том, чтобы в некоторых случаях эта простейшая форма восприятия — это, так сказать, ощущенческое восприятие — оказалась совершенно достаточной с точки зрения нужд практического взаимодействия с действительностью. Подразумеваем случаи, когда внешний раздражитель лишь выполняет роль сигнала, за которым следует та или иная реакция. Вероятно, особенно часто подобные случаи встречаются в практике *потребления,* где связь между раздражителем и реакцией зачастую носит сугубо рефлекторный характер.

2. Наблюдение

Однако если ответное действие зависит от природы раздражителя, то есть когда до начала реакции возникает необходимость предварительного учета этого раздражителя, ощущенческое восприятие оказывается недостаточным. В данном случае возникает необходимость переживания содержания восприятия, как объективно данного, то есть восприятие должно предоставлять переживание предмета. Это уже другая форма проявления восприятия — более высокая, последующая ступень его развития. Когда в нашем примере мы после пробуждения узнаем шум, его переживание внезапно меняется — он начинает переживаться, как поступающий извне, как нечто объективно существующее, которое может представлять собой признак определенного предмета.

Данной ступени развития восприятия присущи два признака; первый из них отличает ее от предыдущей ступени, а второй — от последующей. Первый признак заключается в ее предметности, объективности, второй же — в ее пассивности, в

[2] См.: *Узнадзе Д.* Основы экспериментальной психологии. Тбилиси, 1925. (на груз. яз.)

частности в том, что она, как и ощущенческое восприятие, полностью зависит от воздействия раздражителя: восприятие возникает лишь вследствие действия раздражителя, а его содержание полностью соответствует этому воздействию. Во всяком случае, импульс восприятия исходит скорее извне, а не изнутри, соответственно намерениям самого субъекта.

Со следующей ступенью развития восприятия имеем дело тогда, когда восприятие становится *активным,* когда и его возникновение, и содержание обусловлены намерениями субъекта, его волей; одним словом, тогда, когда появляется произвольное восприятие. Это активное произвольное восприятие уже не является простым восприятием — оно именуется *наблюдением.*

О настоящем наблюдении можно говорить особенно в случаях развитой категориальности восприятия. Когда предмет восприятия переживается как объективная данность, имеющая, возможно, множество конкретных проявлений; когда подразумевается существование предмета, содержание которого не исчерпывается ни одним из подобных отдельных случаев восприятия, тогда с целью его максимизации можно предпринять попытки воспринять этот предмет с различных точек зрения. Такое *намеренное, методичное, определенным образом спланированное восприятие называется наблюдением.*

Само собой разумеется, что проводить наблюдение может лишь существо с достаточно развитой волей — *наблюдать может только человек.* Именно поэтому важнейшим условием наблюдения считается воля.

Фребес отмечал различные виды наблюдения. Первый случай — тот, когда объект находится в статическом состоянии, что позволяет вести продолжительное наблюдение. О наблюдении над подобным объектом Лихтенберг говорил: я могу взирать на один и тот же объект до тех пор, пока не обнаружу в нем какой-либо новый признак. Следовательно, главное тут представление цели. Оно должно быть прочным и устойчивым, поскольку лишь на его основе наблюдение приобретает целостный характер. Методичность наблюдения зависит от количества точек зрения и категорий. Именно поэтому каждый из нас в знакомой сфере действительности способен осуществить более точные наблюдения, чем в незнакомой; наблюдения специалиста значительно более полноценны и основательны, чем неспециалиста. Однако все это относится, главным образом, к наблюдению находящихся перед нами устойчивых объектов.

Однако иногда бывают случаи, когда нужно наблюдать за совершенно неожиданными явлениями или случаями. Предположим, что мы заранее осведомлены о появлении некоего явления; причем нам известно и то, что оно быстро исчезнет. Главное условием проведения наблюдения в таком случае является предварительная выработка точки зрения и быстрая концентрация внимания в нужном направлении.

Совсем иная ситуация складывается тогда, когда наблюдение касается совершенно неожиданного явления или случая. Например, произошло землетрясение или мы случайно стали свидетелями какой-то катастрофы. В подобных случаях необходимым условием настоящего наблюдения является быстрая выработка возможной точки зрения наблюдения и столь же быстрая замена на другую, более адекватную.

Со своеобразной формой наблюдения имеем дело, например, в условиях *путешествия,* когда многосторонность и точность восприятия предопределены общей установкой наблюдения.

Онтогенетическое развитие восприятия

1. Раннее детство

Простейшая форма восприятия — ощущенческое восприятие зависит от степени зрелости органов чувств. Там, где тот или иной орган чувств достигает степени зрелости, обеспечивающей возникновение и осуществление соответствующего физиологического процесса, мы имеем полное право говорить и об ощущении. Факт наличия целого ряда рефлексов у новорожденного ребенка доказывает, что внешние раздражители имеют для него сигнальное значение; соответственно, он в состоянии воспринимать их.

То, что в данном случае мы действительно имеем дело лишь с элементарной разновидностью восприятия, особенно явствует из того факта, что реакции ребенка в первые месяцы жизни в ответ на воздействие тех или иных раздражителей носят *неспецифический* характер, то есть своеобразие раздражителя полностью игнорируется. Для ребенка раздражитель еще не является объектом, имеющим определенные свойства и, следовательно, диктующим ему поведение, соответствующее этим свойствам.

Как выясняется из исследований последнего времени, созревание органов чувств начинается уже в утробном периоде, протекая со следующей последовательностью: раньше всех созревают органы осязания и движения; за ними следуют органы обоняния и вкуса и, наконец, органы зрения и слуха. Примечательно, что при рождении созревшими являются не только проводящие нервы (то есть покрытые миелиновой оболочкой), но и определенные участки головного мозга (1 —13 и 14—28, по Флесигу). Остальные области в первые же месяцы жизни достигают такого уровня зрелости, что вполне можно говорить об их функционировании. В последнее время считается установленным, что уже трехмесячный ребенок способен различать девять основных цветов; в свете новых исследований не подтверждается и распространенное раньше представление об отставании слуха. Точно так же у ребенка очень рано проявляется способность различения осязательных ощущений.

Одним словом, анатомо-физиологическое развитие органов чувств достигает своего максимального уровня уже в первые годы жизни, оставаясь на этом же уровне в течение определенного времени. Через несколько лет начинается регрессивное развитие (Петерс), то есть движение не вперед, а назад.

2. Последующее развитие восприятия

Тем не менее существует целый ряд исследований, подтверждающих, что сенсорное развитие ребенка продолжается не только в дошкольном возрасте, но и после него. Ребенок школьного возраста лучше видит цвета, лучше различает свет, тона, чем на предыдущей ступени своего развития.

Таким образом, выясняется, что анатомо-физиологическое развитие органов чувств завершается в раннем детстве; впоследствии оно не только не идет вперед, но иногда даже встает на путь регресса. Несмотря на это, развитие восприятия неуклонно движется вперед.

Петерс попытался объяснить данное парадоксальное обстоятельство следующим образом: в дошкольном и, особенно, в школьном возрасте ребенок развивается интеллектуально; именно это интеллектуальное развитие и ложится в основу дальнейшего прогресса его перцептивной функции. Эта мысль безусловно заслужи-

вает внимания, хотя и не позволяет решить вопрос окончательно. Значительно правильнее и понятнее было бы сказать, что восприятие представлено отнюдь не единственной формой; напротив, оно имеет несколько различных по качеству и по сложности форм. Поэтому развитие восприятия заключается в последовательном проявлении этих форм. Уровень зрелости органов чувств определяет ту самую раннюю и элементарную форму восприятия, которую можно назвать ощущенческим восприятием. Максимальный уровень зрелости органов чувств означает всего лишь самый высокий уровень развития ощущенческого восприятия, но никак не восприятия вообще. Другие формы восприятия имеют иные основания, и процесс их развития, перехода от одной ступени к другой продолжается на протяжении всего детского возраста.

За ощущенческим восприятием, представленным в начальном периоде жизни, вскоре следует новая форма восприятия как более высокая ступень развития. Сенсорный материал постепенно все больше и больше приобретает черты объективной данности, однако он дает не предмет, который может иметь и иное сенсорное содержание, а совершенно самостоятельный и особенный феномен в каждом конкретном случае, то есть субъекту в восприятии дается не предмет, а лишь содержание, всегда каким-либо образом оформленное, — он видит *фигуру,* а не то, чем является и что означает эта фигура. Приблизительно до двух лет, когда ребенок начинает говорить уже по-настоящему, восприятие ребенка обычно фигурально.

Когда ребенку в фигуре уже дан предмет, мы имеем дело со следующей ступенью развития восприятия; теперь сенсорный материал воспринимается как свойство предмета. Однако здесь характерным является то, что предмет исчерпывается этим материалом, существуя в переживании ребенка в той мере и в том виде, в каком он представлен в данный конкретный момент — фигура теперь переживается как *предмет.*

Первые годы школьного возраста характеризуются весьма значительным развитием объективного интереса — ребенок всем своим существом обращен к внешней действительности. Понятно, что теперь перед объективным восприятием открываются особенно широкие возможности. Поэтому неудивительно, что способность восприятия у ребенка школьного возраста существенным образом продвигается вперед, невзирая на то, что процесс анатомо-физиологического созревания органов чувств уже завершен.

Тем не менее восприятие и в первые годы школьного возраста не достигает наивысшего уровня своего развития. Уже старые исследования показали, что максимальный уровень его развития достигается лишь на второй ступени школьного возраста. И это вполне закономерно, поскольку на данной возрастной ступени возникают новые обстоятельства, в частности факт развития *воли,* которые, в свою очередь, оказывают заметное влияние на развитие восприятия. Возникает высшая форма восприятия — произвольное восприятие, наблюдение, зарождавшееся еще на предыдущей ступени.

3. Структурное развитие восприятия

С представленной картиной развития восприятия хорошо согласуются существующие данные о структуре восприятия.

Чем младше ребенок, тем диффузнее его восприятие, тем больше оно лишено основных свойств гештальта — внутренней расчлененности и внешней выраженности. Хорошей иллюстрацией данного положения служит следующий опыт.

Дайте ребенку в возрасте поры *хватания* какой-либо особенно интересный для него предмет и затем отнимите его. Он тотчас же заплачет, требуя вернуть ему предмет. Положите этот предмет на другой предмет, имеющий большую поверхность, скажем на книгу, и так предложите его ребенку. Ребенок либо продолжает плакать, совершенно не притрагиваясь к интересующему его предмету, либо же хватает не этот предмет, а тот, на котором он лежит (книгу). Не получив желаемого, ребенок продолжит плакать.

Вывод очевиден: для ребенка оба предмета являются одной целостностью — отдельно каждый из них он не видит. Но коль скоро он объединяет два разных предмета так, что в этом целом уже не замечает отдельные предметы, то что же можно сказать о отдельных частях одного предмета! Надо полагать, что в этом случае его восприятие будет еще более диффузным, еще более нерасчлененным. И действительно, считается установленным — особенно после опытов Фолькельта — что чем младше ребенок, тем диффузнее его восприятие.

Однако что представляет собой это диффузное восприятие? В частности, как переживается предмет в этом диффузном восприятии? Один момент мы уже знаем: предмет не является расчлененной целостностью — ребенок не способен усмотреть в этой целостности отдельные части.

Но ответить на вопрос, как ребенок переживает эту целостность, может только специальное исследование. С этой целью Фолькельт изучил рисунки детей дошкольного возраста. Оказалось, что ребенок рисует объекты, не придавая им то значение, которые они имеют, а передавая субъективное впечатление, получаемое им от объектов, эмоциональную установку, сложившуюся у него в отношении того или иного предмета. Отсюда можно предположить, что в восприятии ребенка представлен не объект, а состояние самого субъекта, возникающее на почве взаимодействия с этим объектом. Сказанное хорошо видно из следующего опыта: ребенку предлагается срисовать цилиндр. Как выясняется, вместо изображения объективных свойств цилиндра он старается передать впечатление, полученное от цилиндра — в частности, впечатление округлости.

По существу эту же закономерность Клапаред обозначил термином *синкретизм*. Ребенок не умеет читать, но иногда бывает, что некоторые слова он узнает по общему очертанию; один и тот же комплекс букв как целостность в одном случае выглядит для него так, а в другом — иначе. Каждое отдельное слово он воспринимает как качественно своеобразную целостность, отдельные части которой не замечает. Таково в общем его восприятие — вместо расчлененного гештальта ребенок воспринимает недифференцированные целостные схемы.

Какой же вывод о начальных стадиях развития восприятия можно сделать из подобной характеристики восприятия ребенка дошкольного возраста? Коль скоро восприятие в дошкольном возрасте позволяет говорить о его субъективном характере, то что же можно сказать о первых шагах жизни человека? Думается, что первая форма проявления восприятия, возможно, именно такова, каким иногда бывает переживание раздражителя в первый момент, когда мы просыпаемся под его воздействием, то есть первой формой восприятия можно считать ощущенческое восприятие. На следующей ступени особенности структуры восприятия уже никак не позволяют считать его содержание полностью субъективным, поскольку ребенок в своих рисунках все-таки передает какое-то содержание; следовательно, он так или иначе переживает объект. Нетрудно заметить, что нарисованные ребенком свойства присущи объекту: округлость свойственна изображаемому предмету, а не самому субъекту.

Подобная структура восприятия хорошо согласуется со сказанным выше о развитии восприятия на данной возрастной ступени — восприятие ребенка уже является предметным; однако воспринятый предмет характеризуется не признаками, присущими самому предмету безотносительно тому, действует ли он на кого-то или нет, а свойствами, не существующими вне субъекта; предмет полностью исчерпывается тем, что переживается при его воздействии. Вне этого предмет как самостоятельная объективная данность для ребенка пока еще не существует. Само собой разумеется, что при подобном восприятии субъект полностью зависит от актуальной ситуации — предмет представляет собой лишь то, что сиюминутно дано в актуальном содержании восприятия. Поэтому, если на предмет должна последовать какая-то реакция, она может соответствовать только тому, чем является предмет в каждый данный момент. Импульсивность поведения ребенка дошкольного возраста, его полная зависимость от непосредственной ситуации полностью соответствует данной особенности его восприятия.

Изучение рисунков детей школьного возраста с очевидностью свидетельствует о существенном изменении структуры его восприятия. Легко заметить, что теперь ребенок вместо объективных предметов рисует *схемы.* Конечно, в этих схемах представлено лишь то, что относится к самому предмету, является его объективным свойством, так как нарисовать схему предмета, лишь передавая произведенное этим предметом впечатление, невозможно. Ведь это будет уже не схема предмета! Данная ступень рисования ребенка — *схематический рисунок* ясно показывает, что восприятие ребенка заметно приближается к восприятию взрослого тем, что становится гештальтным хотя бы в смысле *четкой* выделенности из среды, ведь в схеме особенно большую роль выполняет контур. Что касается второй стороны гештальта — *внутренней дифференцированности,* то в этом направлении пока еще сделаны первые шаги, хотя и несомненно весьма смелые, поскольку схема так или иначе содержит отнюдь не только контур, а подразумевает изображение и других моментов, переживающихся обязательными частями целого.

Структура восприятия уподобляется восприятию взрослого тогда, когда ребенок начинает чувствовать неполноценность схемы и по этой причине перестает рисовать; по-видимому, он замечает, что схематический рисунок не может дать надлежащую картину действительности. Сейчас для него настоящий предмет значительно более расчленен, включает в себя намного больше деталей, чем это передано в его схемах. Теперь его восприятие уже полностью гештальтно, а схема даже приблизительно не может передать всю мощь этого гештальта. Поэтому неудивительно, что ребенка схематический рисунок уже не удовлетворяет, а поскольку лучше рисовать он не способен, то вообще прекращает рисовать! Мы уже знаем, что дети дошкольного возраста и отчасти младшего школьного возраста рисуют с большим увлечением; рисование на этой возрастной ступени представляет собой массовое явление. Однако, как правило, в определенном возрасте ребенок вообще перестает рисовать. Рисовать продолжают только лица, действительно способные передать настоящий гештальт, а потому не имеющие никаких оснований отказываться от этого занятия.

Понятно, что подобная структура восприятия, его полностью объективный и гештальтный характер часто вынуждает ребенка заботиться о полноте гештальта, когда таковая отсутствует. Появляются случаи произвольного восприятия — активного наблюдения. В конечном счете, как мы знаем, в школьном возрасте произвольное восприятие достигает высокого уровня своего развития — ребенок начинает *наблюдать.*

Глава седьмая Психология мнемических процессов

Простейшие формы мнемических процессов

1. Мнеме

Известно, что листья некоторых растений, например определенных пород мимозы или акации, на ночь закрываются, вновь раскрываясь утром. Эти движения сменяют друг друга с точной периодичностью — через каждые двенадцать часов. Возникает вопрос: возможно ли изменить данный ритм? Возможно ли «приучить» акацию к иному ритму, например, к такому, чтобы она 18 часов была раскрыта, а 6 часов — закрыта, или наоборот? Создав специальные условия с тем, чтобы в течение 18-ти часов было светло, а 6-ти часов — темно, можно, в конце концов, достичь такого положения, что в течение какого-то времени акация и в условиях нормального суточного ритма будет соблюдать свой новый ритм, находясь в течение 6-ти часов в закрытом состоянии, а остальные 18 часов — в открытом (Пфейфер).

О чем свидетельствует данный факт? Вследствие повторного светового воздействия на акацию в течение более длительного, чем обычно, времени ее обычный ритм сменяется новым. Не будь этого воздействия, акация, разумеется, сохранила бы свой естественный ритм. Безусловно, что в данном случае *прошлое* для нашего растения не исчезло бесследно, ведь его нынешний ритм — результат влияния этого прошлого. Однако сохранение прошлого, его влияние на настоящее в общем называется «памятью», в широком смысле этого слова. Следовательно, мы можем сказать, что у растения есть «память».

Результаты целого ряда исследований показали, что сколь бы простым ни было живое существо, всюду можно получить схожий с описанным эффект. Именно такие факты подразумевал известный физиолог Эвальд Геринг, признав память «общей функцией организованной материи» (1870). И действительно, невозможно найти такое живое существо, чтобы то, что оно из себя представляет собой в данный момент, было бы независимо от всякого влияния своего прошлого. Напротив, с уверенностью можно сказать, что его настоящее в основном является продуктом его прошлого. Во всяком случае, бесспорно одно — сколь простым бы ни был организм, путем соответствующего воздействия так или иначе его можно изменить. Таким образом, посредством изменения условий жизни нам удается преобразовывать животных и растения в намеченном направлении; именно поэтому можно говорить об их «культуре».

Но каким образом прошлое в данном случае влияет на настоящее? О какой памяти можно говорить? Разумеется, нельзя сказать, что данное влияние основывается на психике, что, например, акация психически помнит, что она на протяжении 18-ти часов была раскрыта, а в течение 6-ти часов — закрыта. В данном случае, безусловно, речь идет о чисто биологических, физиологических процессах. Несомненно, что под воздействием экспериментальных условий растение претерпело определенные изменения физиологического характера, ставшие основой нового ритма его движений.

Но коль скоро это так, тогда очевидно, что в данном случае имеем дело с достаточно своеобразным явлением, безусловно, явственно отличающимся от того, что обычно именуется памятью. А потому данное явление и следует называть поиному. Для обозначения этой элементарной, биолого-физиологической «памяти» Земон ввел новый термин — мнеме (от греческого — *«память»)*[1].

Таким образом, под простейшей формой «памяти», представляющей собой, согласно Герингу, «общую функцию любой организованной материи», подразумевается мнеме. Мнеме — свойство любого живого организма. Стало быть, она не чужда и человеку, так как и мы далеко не всегда влияние прошлого испытываем психически; очень часто это влияние ограничивается лишь анатомическими и физиологическими рамками; например, в результате упражнений увеличиваются и функционально развиваются мышцы. Разумеется, говорить в этом случае о психической памяти неправомерно.

2. Продолжительность

На последующей ступени развития воздействие прошлого на настоящее уже приобретает психический характер; прошлое существует не только в анатомо-физиологической сфере, но и на уровне переживаний. Следовательно, теперь можно уже говорить о настоящей памяти. Посмотрим, какова самая простая форма проявления памяти.

Еще Фехнер обратил внимание на то, что в сфере некоторых модальностей, например *зрения,* после прекращения воздействия соответствующего раздражителя восприятие исчезает отнюдь не сразу, продолжая существовать в виде некоего *следа* еще в течение какого-то времени. Остановим неподвижно в течение 40 секунд взгляд на освещенном квадрате, а затем переведем его на совершенно нейтральную область, например на лист белой бумаги. Мы и на ней увидим изображение квадрата. Фехнер назвал это явление *последовательным образом* (Nachbild). Таким образом, прошлое переживание в виде этого образа продолжает свое существование и воздействует на настоящее. Стало быть, можно предположить, что последовательный образ — это один из видов проявления памяти. Но на самом деле это не так.

Дело в том, что в случае следа увиденное в прошлом мы не восстанавливаем, а продолжаем его видеть, поскольку физиологический процесс, возникающий под непосредственным воздействием раздражителя, в течение какого-то времени не прекращается и после его исчезновения, вызывая, следовательно, актуальное восприятие. Об этом с очевидностью свидетельствует хотя бы тот факт, что последовательный образ обычно является отрицательным, то есть представляется нам противоположного цвета: например, красный квадрат кажется зеленым, синий — желтым; это происходит

[1] След, оставленный прошлым, Земон именует «энграммой», а обновление следа - «экфорией».

вследствие того, что в случае следа активные физиологические процессы, лежащие в основе восприятия красного цвета, смещаются в направлении зеленого цвета.

Выше, когда речь шла о восприятии времени, мы уже отметили своеобразное переживание, испытываемое в виде восприятия настоящего. Настоящее переживается как продолжительность, течение времени, в котором уже пройденное прошлое воспринимается и как существующее в настоящем, данное здесь и сейчас. Следовательно, прошлое отнюдь не уничтожается и не исчезает, а входит в состав настоящего, превращаясь в его элемент. Если по мере прекращения соответствующего раздражителя прошлое переживание исчезало, полностью уничтожалось и не продолжало своего существования в настоящем, то чувство времени было бы невозможно. В таком случае мы всегда воспринимали бы точечные моменты, с молниеносной стремительностью сменяющие друг друга и не способные дать сколько-нибудь продолжительного настоящего.

Как видим, в случае переживания настоящего мы имеем дело с фактом действия памяти; не обладай мы памятью, то есть способностью сохранять прошлое, говорить о продолжительности настоящего было бы невозможно. Примеры настоящего нами уже приводились выше. Можно вернуться к ним вновь. Для этого далеко ходить не придется, ведь для этих целей пригоден любой случай отдельного восприятия. Так, например, раздался случайный выстрел. Прислушаемся к нашему акустическому восприятию; после объективного прекращения выстрела у нас в течение какого-то времени сохраняется отчетливое, пластическое восприятие этого звука — будто бы он продолжает раздаваться; но через некоторое время восприятие звука совершенно исчезает, переживаясь теперь уже лишь в виде представления.

Разумеется, данное переживание было бы совершенно невозможным, не обладай мы способностью переносить завершившиеся в прошлом случаи в настоящее.

Таким образом, в случае подобных переживаний мы действительно имеем дело с действием памяти. Однако прислушаемся к нашим переживаниям. В них прошлое, пройденное подразумевается не как нечто такое, что было в прошлом и чего уже нет, а переживается в настоящем. Следовательно, переживания прошлого как такового у нас еще нет, память все еще неотделима от восприятия, а потому ее следует считать весьма примитивным видом памяти. Но, тем не менее, она уже не является последовательным образом, это — более высокая ступень.

Непосредственная память

1. Непосредственная память

К отмеченной простейшей форме проявления памяти очень близка вторая форма памяти, известная, особенно после Меймана, под названием *непосредственной памяти*.

Для того, чтобы понять, что подразумевается под непосредственной памятью, достаточно привести несколько примеров. Допустим, мы беседуем с кем-то. Когда наш собеседник произносит последнее слово какого-то предложения, предыдущие слова им уже сказаны. Следовательно, они принадлежат прошлому. Невзирая на это, для нас эти слова вовсе не потеряны, они продолжают существовать в нашем сознании так, как будто все еще раздаются. Не будь это так, речевое общение между людьми было бы совершенно невозможным. Но как только предложение завершит-

ся и будет осмыслено сказанное, мы эти слова тотчас же забываем, так как они для нас утрачивают практическое значение. Именно это и характерно для непосредственной памяти. Действие раздражителя прекращается, однако *психически он продолжает существовать до тех пор, пока имеет для нас практическое значение.*

Непосредственная память имеет важное значение в жизни человека, однако в случае некоторых форм активности на нее возлагается совершенно особая роль. Например, разве мог бы продуктивно работать наборщик, если сразу же забывал каждую букву, каждое слово, еще не успев набрать их, или переписчик, если бы он забывал слова сразу после их прочтения! Разве сумел бы ученик что-нибудь выучить, если продиктованное не сохранялось в его голове хотя бы до тех пор, пока он его запишет? Разумеется, ни одно из этих дел не было бы выполнимым, если бы человек сразу и бесследно утрачивал каждое свое впечатление.

Однако представим себе, что наборщик помнит все набранное им в течение долгого времени, машинистка — все перепечатанное ею, а ученик — все то, что когда-либо ему диктовали. Безусловно, это было бы не только бессмысленно, но и вредно, перегружало бы сознание человека. Говоря о непосредственной памяти, следует особенно учитывать тот момент, что прошлое продолжает существовать в настоящем и в случае непосредственной памяти, но как только это настоящее превращается в прошлое, вместе с ним исчезает и то, что в него входило из прошлого.

2. Вопрос об объеме непосредственной памяти

Изучение непосредственной памяти вплоть до сегодняшнего дня проводится преимущественно экспериментальным путем, поэтому современная психология располагает достаточно подробными данными на сей счет.

Первое, на что следует обратить внимание, — это то, что объем запоминаемого материала имеет большое значение и в случае непосредственной памяти. Например, если кому-нибудь продиктовать шесть однозначных чисел, он свободно восстановит все шесть; но продиктовав вместо шести десять, убедимся, что он не сможет восстановить не только все эти десять чисел, но даже и шесть. По мнению некоторых психологов, это объясняется следующим образом: когда к количеству цифр, непосредственно запоминаемых человеком, добавляются лишние, то это оказывает на него обратное действие, вынуждая забыть и то, что должно было бы запомниться непосредственно (так называемая *«обратная помеха»)*. Другие предлагают иное объяснение: по мнению Штерна, в данном случае имеет значение не процесс, состоящий из отдельных элементов, а та энергия, которая распределяется на весь запоминаемый материал. При большом объеме материала на каждый элемент приходится меньше энергии. Вследствие этого целое восстанавливается менее успешно, чем тогда, когда оно имеет меньший объем.

Полагают, что объем непосредственной памяти имеет важное дифференциально-психологическое значение. Объемом непосредственной памяти называется способность человека восстанавливать в предложенной последовательности серию различных стимулов непосредственно после их подачи (Бленкеншип). Но, к сожалению, данное понятие еще не уточнено, в частности, до конца еще не выяснено, следует ли считать объем непосредственной памяти специфической способностью. Поэтому до окончательного уяснения этого вопроса использование данного понятия в дифференциально-психологических целях не представляется правомерным.

Очень интересно, что фактор объема памяти тотчас же утрачивает свое влияние, как только ему противопоставляется действие других факторов. Среди этих фак-

торов в первую очередь следует отметить *фактор ритма.* Продиктовав испытуемому в определенном ритме те же десять чисел, которые он не сумел восстановить, убедимся, что на сей раз эта задача будет успешно решена. Очень большое значение имеет также *смысл* запоминаемого материала. Бессмысленный материал запоминается значительно хуже, чем осмысленный.

Следует думать, что и ритм, и смысл влияют на объем памяти в одном и том же направлении — они связывают друг с другом отдельные единицы, объединяют их в одно целое, способствуя тем самым упрощению запоминаемого материала.

Эйдетический образ

1. Эйдетический образ

В психологической литературе подтверждается существование еще одного любопытного факта, который также может быть сочтен проявлением действия памяти.

Предложив испытуемому свободно созерцать красный квадрат в течение 8—9 секунд, а затем перевести взгляд на чистый лист бумаги, нетрудно убедиться, что он и здесь увидит красный квадрат.

Может быть, и в этом случае мы имеем дело с обычным последовательным образом?

Во-первых, для получения образа необходимы фиксация образца и более продолжительное созерцание (40 секунд), в нашем же случае испытуемый созерцает квадрат лишь в течение 8—9 секунд, притом свободно. Но важно не столько это, сколько то, что след бывает противоположного цвета, в этом же случае цвет квадрата не меняется. Помимо этого, чем ближе к испытуемому расположена ширма, на которой происходит проекция следа, тем меньше его размер, а чем дальше — тем больше. *Объем следа прямо пропорционален расстоянию.* Данный факт впервые обнаружил Эммерт, и он известен под названием *закона Эммерта.* Таким образом, в случае последовательного следа действует закон Эммерта. Что же касается нашего случая, оказалось, что объем изображения квадрата этому закону никак не подчиняется.

И, наконец, спроецировав след на цветной экран, увидим, что его цвет смешивается с цветом экрана и воспринимается в виде смешанного цвета. В случае же нашего опыта происходит совершенно иное: изображение квадрата со своим цветом накладывается сверху на соответствующую часть экрана.

Сказанное со всей очевидностью свидетельствует о том, что в данном случае имеем дело не с последовательным образом, а с совершенно иным явлением. Впервые данное явление обнаружил венский офтальмолог Урбанчич. В современной психологии оно известно под названием *эйдетического образа,* и несомненно, что в его лице мы имеем дело с одним из простых видов действия памяти.

И в самом деле, эйдетический образ — в нашем примере изображение красного квадрата[1] — проявляется лишь в том случае, когда ему предшествует настоящее восприятие. Поскольку эйдетический образ, как мы имели возможность убедиться, не может считаться последовательным следом, можно совершенно правомерно считать его не повторением или продолжением восприятия, а его *образом,* или *отражением.* Однако подобный *образ* мы получаем и в случае завершенной памяти.

[1] Можно использовать и достаточно сложную картинку.

Например, в данный момент я вовсе не вижу своего друга X., тем не менее его лицо как будто стоит у меня перед глазами — сейчас я его не воспринимаю, но могу представить его лицо, ведь образ памяти дан в виде *представления.* Естественно возникает вопрос: коль скоро эйдетический образ не является последовательным образом и, стало быть, не может быть сочтен актуальным восприятием, если это — скорее образ, нежели актуальное восприятие, то не является ли он обычным представлением?

Для представления характерно то, что ему всегда сопутствует переживание несиюминутности, неактуальности: представляя себе лицо X., мы знаем, что мы его не воспринимаем, не видим в данный момент, что он не стоит перед нами. В случае же эйдетического образа дело обстоит совершенно иначе: испытуемый видит его так, словно он *действительно стоит перед ним,* будто бы он его видит действительно, причем именно так, как видит последовательный образ, то есть *действительно воспринимает.* В этом отношении эйдетический образ похож на настоящее восприятие.

Следовательно, эйдетический образ как будто не имеет ничего общего с представлением. Однако фактически предмет отнюдь не стоит перед глазами, чтобы его можно было бы действительно видеть. Стало быть, на самом деле человек не воспринимает предмет, а лишь *представляет* его образ.

Аналогичное положение отмечается в случае так называемых *галлюцинаций:* нам кажется, что мы действительно видим призрак, хотя реально он не существует. Тем не менее, эйдетический образ не может быть сочтен и галлюцинацией: при галлюцинации мы и вправду убеждены, что в самом деле что-то воспринимаем, тогда как в случае эйдетического образа всегда знаем, что предмета перед нашим взором уже нет, что сейчас фактически мы его уже не воспринимаем.

Таким образом, эйдетический образ не является ни настоящим восприятием, ни настоящим представлением; это — такое восприятие, о котором известно, что предмета перед нами уже нет; это — такое представление, предмет которого переживается так, словно он находится перед глазами.

Следовательно, в эйдетическом образе перцептивное переживание предмета продолжается и после того, как самого предмета перед нами уже нет, и мы лишены возможности его повторного восприятия. В эйдетическом образе происходит сохранение прошлого, то есть данных предыдущего восприятия. В этом отношении он выполняет функцию представлений памяти.

Однако, как известно, он все-таки далек от представлений памяти. Если в представлениях памяти предмет переживается как представляемый, то в эйдетическом образе он продолжает переживаться воспринимаемым. Следовательно, в случае эйдетического образа нам не удается преодолеть уровень предметного восприятия, мы все еще не чувствуем, что действительность переживается не перцептивно.

Эйдетический образ — последующая ступень мнемического развития, но все еще низкая ступень. Но, во всяком случае, он протекает в психической области и постольку все же должен быть сочтен формой проявления памяти.

То обстоятельство, что эйдетический образ все еще близок к восприятию и, следовательно, представляет собой низкую ступень развития, со всей очевидностью подтверждает тот факт, что он относится к категории чисто непроизвольных явлений, возникая спонтанно после прекращения восприятия, а его затухание, как правило, почти не подвластно волевым усилиям. У одного ребенка отец погиб на поле боя во время первой мировой войны. У ребенка возник эйдетический образ умирающего отца, который на его глазах истекал кровью, умирая в страшных муках. Поскольку ребенок никак не мог избавиться от этой страшной картины, у него нача-

лась нервная болезнь. В конце концов снять эйдетический образ и спасти ребенка удалось лишь медикаментозными средствами. Оказалось, что на эйдетическую способность отрицательное влияние оказывает кальций. Наверное, именно этим и объясняется тот факт, что распространенность эйдетизма зависит от географических условий. В некоторых районах, особенно там, где питьевая вода содержит относительно большое количество кальция, случаи эйдетизма вообще не обнаружены.

Приведенный пример свидетельствует о том, что эйдетические образы возникают и затухают самопроизвольно, относясь к категории импульсивных явлений.

Именно по этой причине способность эйдетизма встречается отнюдь не у всех людей. Восприятию тех, кто наделен подобной способностью, сопутствуют эйдетические образы, но если у человека этой способности нет, то ему никакими средствами не удастся вызвать эйдетические образы — волевые усилия в данном случае оказываются тщетными.

2. Типология эйдетических образов

Однако сказанное в равной мере не относится ко всем эйдетикам. Исследователи данного феномена выделили среди эйдетиков два различных типа: Т-тип (тетаноидный тип) и Б-тип (базедовоидный). Эйдетические образы первого типа похожи скорее на последовательный образ, являясь грубыми и статичными, имеют, вместе с тем, выраженный принудительный характер, совершенно не подчиняясь волевым усилиям. Совершенно иную картину дает Б-тип. В этом случае эйдетические образы более подвижны и, что самое главное, относительно легко подчиняются волевым усилиям — человек может вызывать их сам и изменять в том или ином направлении в соответствии со своим вкусом и интересами. Невзирая на то, что во втором случае эйдетические образы как будто следует отнести к группе волевых феноменов, тем не менее нельзя сказать, что феномен эйдетизма имеет волевое происхождение. Как отмечалось, наличие или отсутствие этой способности зависит от непроизвольного фактора, и воля как таковая не влияет ни на развитие, ни на ослабление эйдетизма.

3. Эйдетизм как примитивный феномен

Весьма симптоматично, что эйдетическая способность, как правило, чаще встречается в детском возрасте, тогда как среди взрослых она является редким исключением. Кроме этого, эйдетизм более распространен среди диких и малокультурных племен, нежели современных цивилизованных людей. Данный феномен, по мнению некоторых психологов, представляет собой ту ступень развития человеческой психики, на которой восприятие и представление все еще составляли диффузную целостность, когда ни одно из них раздельно еще не существовало. Феномен эйдетизма относится к той ступени развития нашей памяти, когда рядом с восприятием впервые началось ее зарождение.

Несмотря на то, что эйдетизм относится к пройденной ступени развития, он может проявляться и среди современных цивилизованных людей. Например, известно, что Гете, по-видимому, был эйдетиком. Разумеется, эйдетической способностью может быть наделен совершенно обычный человек, а иногда и человек, стоящий гораздо ниже обычного. В первом случае данная способность может быть очень широко использована, а потому ее обладатель получает бесспорные преимущества. Например, человеку с художественным дарованием повторное переживание увиденного и услышанного ранее с эйдетической явственностью принесло бы большую пользу.

Однако умственно отсталому человеку данная способность мало в чем может помочь. Наверное, именно этим объясняется то, что по мнению некоторых исследователей эйдетизм тесно связан с уровнем интеллекта (Цилиг), тогда как другие наличие подобной связи отрицают (Бонте).

4. Темпоральная особенность эйдетического образа

Для характеристики эйдетического образа как феномена памяти необходимо уяснить также вопрос о том, как переживается эйдетический образ с темпоральной точки зрения. Происходит ли отнесение его к прошлому, его локализация в прошлом?

Как отмечалось выше, эйдетический образ переживается как восприятие, однако, в то же время, субъект полностью осознает и то, что он видит лишь образ, а не актуальный предмет. Следовательно, в случае эйдетического образа темпоральное переживание носит специфический характер: в сознании субъекта прошлое несомненно представлено четко — в виде определенного актуального переживания, в частности, настоящего восприятия предмета эйдетического образа. Однако то, что является переживанием прошлого, точно так же переживается и в настоящем, хотя это — прошлое, а не настоящее.

Как видим, в случае эйдетического образа все еще отсутствует четкое размежевание настоящего от прошлого.

Персеверация

1. Понятие персеверации

Одной из простых и генетически ранних, но уже относительно продвинутых форм проявления памяти является так называемая *персеверация*.

Что такое персеверация? Ответ на этот вопрос дает следующий пример: иногда человеку как бы навязывается какое-то слово или мелодия, все время раздаваясь у него в голове. Он может быть занят очень серьезной работой, даже с увлечением выполнять ее, но, тем не менее, избавиться от этого слова или мелодии ему не удается. Персеверацией называются именно такие навязчивые переживания.

Посмотрим, что представляет собой данное переживание. Совершенно очевидно, что для его возникновения необходимо, чтобы когда-то в прошлом, хотя бы единожды, мы его испытали, то есть услышали или прочли это слово, слышали эту мелодию. Следовательно, персеверация подразумевает возобновление, восстановление какого-то переживания; ранее пережитое возобновляется и в течение какого-то времени не выходит из ума.

Это переживание может быть испытано только что, но почему-то не исчезает; например, употребив какое-то слово, продолжаешь его повторять, причем иногда весьма некстати. А бывает и так, что даже не помнишь, когда испытывал это переживание, но оно вдруг проявилось и «навязалось».

Примечательно во всех этих случаях то, что причина и смысл персеверативных переживаний совершенно непонятны. Субъект явственно переживает их бессмысленность, а иногда и грубое несоответствие с ситуацией. Однако он совершенно беспомощен — персеверация фактору воли не подчиняется, возникая и исчезая спонтанно. В этом особенно явственно проявляется ее примитивный характер.

2. Персеверация как представление

Персеверативное переживание представляет собой возобновление некогда актуального переживания, и в этом смысле его действительно следует считать представлением. Но в нем совершенно отсутствует момент времени — персеверативное переживание ничего не говорит о том, испытывали ли мы в прошлом подобное переживание, а если да, то когда. В этом отношении персеверация по своему уровню ничем не превосходит ни переживание продолжительности, ни, тем более, эйдетический образ.

Но преимущество персеверативного переживания перед этими последними состоит в том, что оно представляет собой настоящее представление. Здесь впервые ранее пережитое восстанавливается в виде представления, ведь до сих пор оно входило в актуальное переживание настоящего. В этом отношении персеверация, конечно, более близка к высоким формам памяти, нежели рассмотренные выше формы. Однако только в этом отношении.

Узнавание

1. Узнавание и воспоминание

Следующей формой проявления памяти является *узнавание.* Можно сказать, что только отныне речь идет о настоящей памяти. Дело в том, что до сих пор прошлое переживалось отнюдь не как прошлое; оно как бы разделяло актуальность переживания настоящего и характеризовалось скорее признаком настоящего. Так было в случаях переживания продолжительности, эйдетического образа, персеверации. В случае же узнавания дело обстоит совершенно иначе.

Точно так же, как в актах завершенной, истинной памяти, в случае узнавания нам дано отчетливое переживание нашего прошлого как такового. Я вспоминаю лицо N.; это означает, что под предметом возникшего в моем сознании представления я подразумеваю именно тот, который некогда действительно был пережит мною в качества лица N. Я узнал N. — это означает, что видя перед собой человека, я опознаю его, понимаю, что он — это тот человек, который когда-то в прошлом был предметом моего восприятия.

Как видим, различие между актами узнавания и воспоминания состоит в следующем: в случае акта узнавания мы имеем дело с *восприятием,* о предмете которого подразумеваем, что он и в прошлом был предметом нашего восприятия; в случае же воспоминания мы имеем дело уже не с восприятием, а с *представлением;* имеется в виду, что его предмет ранее являлся предметом нашего переживания. Следовательно, узнавание действительно близко к настоящей памяти. Однако это — более простая форма и генетически более ранняя ступень.

2. Узнавание как самостоятельная форма памяти

ДЛЯ того, чтобы что-то узнать, необходимо его воспринимать, ведь узнать можно лишь то, что видишь, то есть, в общем, то, что воспринимаешь. Но если ничего не воспринимаешь, то о каком же узнавании может идти речь! А это означает, что в актах узнавания мы имеем дело с такими случаями действия памяти, которые появляются не независимо, а лишь в связи с неким восприятием. На дан-

ной ступени развития памяти ее действие с необходимостью нуждается в импульсе восприятия. Представим себе человека с такой памятью, запертого в темной комнате, в полной тишине — одним словом, в условиях минимального воздействия внешних раздражителей, с тем чтобы максимально исключить возможность восприятия. Нетрудно догадаться, что именно потому, что воспринимать и, стало быть, узнавать ему нечего, его память остается в бездействии. Пусть и нам в таких условиях узнавать будет нечего, однако это не только не помешает, но может даже помочь интенсивному задействованию нашей памяти, которая восстановит целую галерею воспоминаний прошлого.

Таким образом, узнавание связано с восприятием, оно не существует вне восприятия. Следовательно, его следует считать *зависимой формой* памяти.

3. Повторение как фактор узнавания

Обычным условием узнавания является *повторение.* Для того, чтобы что-то узнать, необходимо, чтобы оно предварительно хотя бы однажды было воспринято. Однако однократное восприятие чего-либо еще не гарантирует его обязательного узнавания при вторичном восприятии. Об этом можно судить и из экспериментальных, и из повседневных наблюдений, свидетельствующих, что единократно, а иногда и многократно воспринятое может показаться совершенно незнакомым.

С другой стороны, каждый из нас не раз тотчас же узнавал лишь единожды воспринятое. Как видно, повторение дает эффект, который, возможно, мог бы проявиться и без повторения. Следовательно, здесь речь идет уже о состоянии субъекта, ведь сам предмет восприятия остается неизменным и в случае повторного восприятия. Таким образом, в основе узнавания лежит некое состояние субъекта, чаще всего возникающее под воздействием повторного восприятия, но иногда — и под влиянием однократного впечатления.

4. Привычное и знакомое

Так или иначе — вследствие повторного восприятия или по иной причине, у субъекта возникает определенное отношение к внешним предметам и явлениям или к окружающей среде в целом — данная среда становится его привычной средой. Каждое явление, каждый отдельный предмет вызывает у него соответствующую реакцию так, что ни в коем случае нельзя сказать, будто это происходит лишь после того, как субъект предварительно узнает их, то есть отождествит с предшествующим восприятием.

Возьмем нашу повседневную жизнь: входя в свою рабочую комнату, я сажусь на стул, беру книгу или, по мере надобности, ручку и начинаю писать; разве можно сказать, что мне нужно узнавать каждый из этих предметов, вспоминать, что это — то, что я раньше использовал для одной цели, а это — для другой. Не вызывает сомнения, что подобная сознательная работа совершенно не нужна, с каждым предметом я и так обращаюсь надлежащим образом; необходимо лишь восприятие каждого из них.

В аналогичном положении находится и животное. Приглядимся к собаке, привыкшей жить с нами. Она проводит жизнь в своей *привычной* среде, все идет привычным путем. Но, допустим, внезапно во двор врывается необычное животное или раздается его голос; пусть происходит нечто даже незначительное, но непривычное. Поведение собаки тотчас же меняется, зачастую мы становимся свидетелями ее

страха, беспомощности, во всяком случае — совершенно иного поведения. Интересно, что после того, как это же явление станет привычным, полностью изменяется и отношение животного к нему, становясь таким же, как к другим привычным предметам.

Так происходит и с нами: увидев на своем столе совершенно непривычный предмет, мы обращаем на него внимание, невольно спрашивая себя, что это, то есть у нас возникает вопрос определения сущности, а следовательно, узнавания этого предмета. Применительно к другим предметам подобный вопрос не возникает, по отношению к ним мы ведем себя надлежащим образом и без этого.

А это говорит о том, что с привычными вещами или явлениями мы обращаемся как со знакомыми предметами и явлениями; в этом случае нам не требуется специального переживания того, что с ними мы сталкивались и раньше. Подобное переживание необходимо лишь применительно к относительно новым или, во всяком случае, непривычным в данной ситуации объектам.

Следовательно, когда предмет или явление привычны, нам не приходится узнавать их повторно, мы заведомо обращаемся с ними как с привычными. Но когда они являются новыми, необходим сознательный акт их узнавания.

5. Качество знакомости

Чем отличается первое от второго, знакомое от еще незнакомого? Впервые этот вопрос попытался решить Гефдинг. Он отметил, что в нашем переживании знакомым предметам и явлениям свойствен своеобразный признак, которым они резко отличаются от незнакомых. Данный признак весьма специфичен, его можно назвать *«качеством знакомости»*. Одним словом, посмотрев на предмет, мы сразу же переживаем не только его чувственные свойства — цвет, форму, но его *знакомость* или *незнакомость*.

В соответствии со сказанным получается, что восприятие привычных предметов подразумевает и восприятие их знакомости. В данном случае нам достаточно восприятия, в ином сознательном переживании мы не нуждаемся. Однако при столкновении с необычным предметом одного лишь восприятия оказывается недостаточным, и возникает необходимость его специального узнавания.

Но на чем же в таком случае основывается это узнавание? Как происходит то, что иногда предмет кажется нам незнакомым, то есть воспринимается наделенным качеством незнакомости, оказываясь, в конце концов, все-таки знакомым? На чем в данном случае основывается этот факт узнавания, если не на качестве знакомости, содержавшимся в восприятии этого предмета? Согласно Гефдингу, иной ответ невозможен. Но этот ответ представляется совершенно неудовлетворительным: ведь если бы предмету было присуще качество знакомости, он с самого начала показался бы нам знакомым. Однако если это качество проявляется лишь после узнавания предмета, тогда качество знакомости нельзя считать основой акта узнавания, поскольку тогда получится, что не оно определяет узнавание, а, наоборот, само узнавание предопределяет его.

6. Чувство знакомости

Вундт предпринял попытку усмотреть основу узнавания не в свойстве предмета, а в самом субъекте. По его убеждению, узнавание определяет специфическое эмоциональное состояние, сопутствующее восприятию знакомого предмета, то есть

характеризующее не предмет, а самого субъекта. Это эмоциональное состояние он назвал *«чувством знакомости»*.

Однако рассуждения Вундта также не идут глубже описания явления; в сущности, он подтвердил лишь то, при узнавании чего-либо у человека всегда появляется своеобразное эмоциональное переживание. Но откуда возникает это чувство знакомости? Почему случается так, что иногда даже единожды воспринятое может вызвать это чувство, а иной раз это непосильно даже многократно повторявшемуся восприятию? Но заслугой Вундта следует считать то, что при исследовании данного явления он перенес внимание на субъект.

7. Узнавание и установка

В этом же направлении пытался решить данный вопрос и В. Бец, но с той разницей, что он, не довольствуясь известными, традиционными психологическими понятиями, попытался использовать относительно новое понятие. Основная его мысль состоит в следующем: при восприятии чего-либо у нас, наряду с ощущениями или ясно выраженными чувствами, появляется и своеобразная, специфическая для данного восприятия, телесная *установка*. Повторное восприятие предмета вызывает у нас эту же установку, а потому теперь и сам предмет представляется знакомым.

Однако из предложенного Бецом анализа установки получается, что психологически она полностью сводится на связанные с состоянием тела *сенсорные* и *эмоциональные переживания*. Но тогда непонятно, почему в основу узнавания ложатся именно эти сенсорные и эмоциональные переживания, а не несравненно более ясные, наглядные сенсорные и эмоциональные переживания, составляющие содержание самого предмета восприятия. И еще одно: если первые касаются лишь субъекта, то вторые характеризуют сам объект. А поскольку дело касается узнавания не состояния субъекта, а объекта, то основу узнавания скорее следует увязать именно с этими последними.

Но если взять то понятие установки, о котором речь шла выше, то тогда не вызывает сомнения, что в процессе узнавания установка действительно должна выполнять важную роль. Согласно основному смыслу, вкладываемому нами в данное понятие, при противопоставлении объективной действительности в субъекте как целостности происходит соответствующая модификация. Его восприятие и поведение полностью строится на данном целостно-личностном эффекте. Следовательно, в основе восприятия всегда лежит то или иное целостно-личностное состояние, именуемое установкой. При повторном восприятии предмета появляется та же установка, что возникла при предшествующем восприятии этого предмета, поэтому понятно, что восприятие данного предмета отличается от других случаев восприятия.

Разумеется, в данном случае вопрос о том, почему установка, как целостно-личностное состояние, делает то, с чем не может справиться сенсорное содержание восприятия, не возникает. Подобный вопрос не возникает потому, что установка — это свойство самого субъекта как целого, тогда как сенсорное содержание восприятия представляет собой лишь частичное содержание сознания.

Но коль скоро в основе акта узнавания лежит тождественность установки, тогда понятно, почему восприятие знакомого объекта несет на себе отпечаток «знакомости», вызывая у субъекта «переживание знакомости» — ведь оба эти переживания строятся на основе установки, лежащей в основе соответствующего восприятия.

Однако совершенно не обязательно, чтобы восприятию знакомого объекта всегда сопутствовали эти переживания. Случается и так, что узнавание основывает-

ся только на установке, вовсе не проявляясь в сознании. Это, наверное, оказывается достаточным в тех случаях, когда субъект в течение долгого времени неизменно сталкивается с одними и теми же предметами. В этом случае участие сознания излишне, достаточно руководства со стороны установки в том виде, в каком ее воссоздает актуальная ситуация.

Следовательно, с данной точки зрения очевидно, что в привычной среде нам не приходится прибегать к сознательному узнаванию, так как в подобной ситуации наше поведение и без этого адекватно. Однако появление чего-то непривычного с необходимостью требует вмешательства сознания.

8. Иллюзия узнавания

В психологической литературе описываются случаи, когда порою человеку кажутся знакомыми отдельные предметы или явления, а иногда и вся ситуация в целом, хотя все это он видит впервые в жизни. Подобные случаи именуются по-разному, иногда их называют fausse reconnaissance («ошибочное узнавание»), иногда — illusion de déjà vu («иллюзия уже виденного»). Для иллюстрации сущности данной иллюзии можно использовать нижеследующее описание:

«Уже шесть лет, как мне даже объективно совершенно новое представляется знакомым. Это явление в моей практике преимущественно связывается с людьми и определенными ситуациями, реже — с ландшафтными впечатлениями. Например, встречая в каком-то незнакомом городе человека, которого, разумеется, я до сих пор никогда не видел, я внезапно пугаюсь, и он мне кажется знакомым. Я пытаюсь вспомнить, где же я встречал его. Это чувство продолжается 1,5—10 минут, а затем совершенно исчезает. Fausse reconnaissance возникают у меня отнюдь не в возбужденном состоянии, нет, в это время я нахожусь в совершенно спокойном состоянии. Мне было 16 лет, когда я впервые испытал эту иллюзию. Тогда, будучи еще школьником, я обсуждал с друзьями вопрос об устройстве школьного праздника. Я отлично помню, что, высказав какую-то мысль, я замолчал — вынужден был замолчать, так как меня объял страх, а в уме крутилась неприятная мысль: ведь все это однажды уже было, я и тогда произнес эти же слова» (Штерн).

«Однажды я беседовал с отцом... Вдруг у меня возникло очень отчетливое и стойкое впечатление, что однажды я все это уже испытал. Это чувство в ходе беседы еще более окрепло. Будто я заранее знал и вопросы своего отца, и собственные ответы. Мне казались знакомыми поза отца, движения его головы, рук, казалось, что когда-то я слышал и интонации собственного голоса... Мне казалось, что это воспоминание относится к очень отдаленному прошлому, не имеющему ничего общего с моей нынешней жизнью...» (Делакруа).

А вот как описывает это же переживание Диккенс: «В жизни человека бывают моменты, когда мы убеждены, что то, что мы говорим и делаем, когда-то в очень далеком прошлом уже говорили и делали, моменты, когда мы припоминаем, что как будто нас окружали те же предметы, те же лица, те же случаи, моменты, когда нам заранее прекрасно известно, что нам скажут, как будто припоминаем все это вместе со сказанным».

Известны и радикально противоположные наблюдения. У субъекта, находящегося в полностью знакомой ситуации, вдруг возникает такое чувство, будто бы он видит все это впервые в жизни; все представляется ему чуждым и незнакомым. Это иллюзию называют — illusion du jamais vu, то есть иллюзией «никогда не виденного».

Оба эти феномена могут возникнуть у совершенно нормального человека, преимущественно в состоянии усталости. Поэтому ни одна из этих иллюзий не может быть сочтена непременно патологической. Но если они становятся обычным явлением и господствующей формой работы памяти, тогда, конечно, речь идет о настоящей патологии.

Невзирая на то, что описано множество случаев подобных иллюзий, до сих пор не удалось найти их окончательное объяснение. Различные авторы данное явление объясняют по-разному, и каждая из этих многочисленных попыток хорошо объясняет лишь один частный случай. Общая, удовлетворительная теория, позволяющая объяснить все эти случаи, на сегодняшний день не существует. Думается, что данное явление зиждется на той же основе, что и нормальные случаи узнавания: корни переживания знакомости и феномена, имеющего место в случае déjà vu, следует искать в особенностях целостного состояния субъекта — его установки, во всех частных случаях обусловленной особыми причинами.

Ассоциация представлений

1. Представление

С последующей формой действия памяти встречаемся в случае, когда восстановление, или репродукция, прошлого переживания происходит вне восприятия, когда факт существующего в прошлом восприятия проявляется не только в специфическом переживании актуального восприятия — наложении на него чувства знакомости, а непосредственно возникает в сознании субъекта в виде самостоятельного *образа*. Человек наделен не только способностью узнавания виденного, но и его *припоминания*. Возьмем простой пример. Снаружи до меня доносится разговор; прислушавшись, я узнаю голос — это голос моего соседа. Таким образом, я узнаю голос, но моя память этим не довольствуется — я четко вспоминаю лицо обладателя этого голоса, вспоминаю, что вчера встретился с ним в городе, что его автомобиль чуть не задавил ребенка, вспоминаю испуганное лицо ребенка. Одним словом, я заново переживаю предметы вчерашнего и более отдаленного восприятия; несмотря на то, что в данный момент я не вижу ни своего соседа, ни, разумеется, того, что что произошло вчера на моих глазах; все это вновь появляется в моем сознании, как будто вновь становясь предметом моего восприятия. Следовательно, я способен четко, конкретно переживать и то, что непосредственно не находится у меня перед глазами, что случилось в другом месте и в другое время. Однако этому переживанию всегда сопутствует осознание того, что имеешь дело не с самим предметом, а лишь с его образом. Подобного рода переживание, как уже отмечалось выше, называется *представлением*.

Таким образом, действие памяти человека проявляется и в способности репродуцировать в виде представлений то, что когда-то в прошлом было предметом его восприятия.

2. Представление и восприятие

Не вызывает сомнения, что в данном случае речь действительно идет о высокой форме памяти. Можно сказать, что все те формы памяти, о которых до сих пор шла речь, представляют собой лишь простое проявление *мнеме*. Все эти формы так

или иначе можно считать и достоянием животного. Совершенно иное — способность репродукции представлений, являющаяся исключительно важным достоянием живого существа, поскольку предоставляет ему новые возможности последующего развития, недостижимые лишь на основе восприятия.

Разумеется, представление по сравнению с восприятием не дает ничего нового. Предмет восприятия и представления один и тот же. Более того, в первом он представлен гораздо более точно и ясно, нежели во втором. С данной точки зрения представление не только не дает больше, чем восприятие, но не может дать и того, что предоставляет восприятие, так как это последнее — единственный источник, питающий представление любого предмета. Преимущества представления следует искать в другом. Восприятие — это актуальное переживание, в нем дано лишь то, что актуально воздействует на нас здесь и сейчас. Можно сказать, что восприятие представляет собой «непосредственный» ответ психики на воздействие раздражителей. Следовательно, в случае восприятия мы имеем лишь то, что непосредственно воздействует на нас, причем лишь до тех пор, пока данное воздействие продолжается.

Совсем иное дело представление. Оно дает не то, что актуально действует на нас, а то, что действовало когда-то; оно дает нам то, что некогда было отражено нами в виде восприятия.

Следовательно, в случае представлений наше сознание совершенно не зависит от актуального раздражителя, то есть от данной конкретной ситуации, воздействующей на нас здесь и сейчас. В представлении мы можем пережить и то, что никак не связано с актуальной ситуацией. Стало быть, оно дает гораздо больше, нежели каждый отдельный акт восприятия, освобождая нас из плена актуального времени и пространства и позволяя заново пережить то, что было пережито в иное время и в ином месте.

А это — безусловно большее преимущество, ведь без этого наше сознание было бы определено лишь актуальным, лишь тем, что составляет содержание настоящего. Нечто из этого содержания могло носить отпечаток прошлого, но это показалось бы нам всего лишь знакомым. Следовательно, мы и здесь не сумели бы выйти за пределы данного, актуального содержания. Зато представление позволяет, находясь в данной конкретной ситуации — сидя здесь, в этой комнате, когда перед нами лежат книги, а за окном идет дождь, — думать о вопросах, не имеющих ничего общего с актуальной ситуацией. Представления неизмеримо расширяют горизонт нашего сознания — как в плане времени, так и пространства.

Наряду с этим представление по сравнению с восприятием имеет еще одно преимущество. Поскольку представление, невзирая на время и пространство, в котором оно происходит, предоставляет возможность воспроизведения всех частных случаев восприятия, переживание предмета представления лишено конкретности, временной и пространственной определенности, являющейся необходимым элементом восприятия. Как отмечалось выше, предмет восприятия совпадает с его содержанием, чего нельзя сказать о представлении, в котором *предмет имеет более обобщенное содержание,* поскольку в нем *он скорее подразумевается, чем дается.* Поэтому представление по сравнению с восприятием всегда имеет более обобщенный характер, будучи более отдаленным от единичного, конкретного, индивидуального. Однако это — только *первый* шаг на пути к истинному обобщению, всего лишь подготовительная ступень, от которой живое существо может подняться до уровня понятийного мышления. Все это свидетельствует о том, сколь важное значение имеет изучение данной формы памяти, определяющей протекание представлений.

3. Ассоциация

В качестве самого простого случая данной формы памяти можно привести следующий пример: увидев фотографии знакомого, я тотчас же его вспоминаю или, услышав голос знакомого, я сразу же представляю себе его лицо. Как видим, в данном случае представление возникает не самопроизвольно, а ему предшествует восприятие (фотография, голос), лишь в связи с которым будто бы и возникает представление.

Как видим, в одном случае представление знакомого вызвано восприятием фотографии, а в другом — его голосом.

Однако представление вызывает не только восприятие, оно может быть вызвано и *представлением.* Например, мы представляем лицо знакомого, услышав его голос, но не менее вероятно, что данное представление может напомнить нам о его квартире, квартира — дом, в котором она расположена, дом — другого знакомого, проживающего в этом же доме. Одним словом, вызвать представление может не только восприятие, но и представление.

Но разве восприятие или представление способно напомнить нам все в равной степени? Конечно же, нет. Следует учитывать, что восприятие или представление могут вызвать лишь такое другое представление, с которым они как-то связаны. Вот эта *связь между переживаниями, проявляющаяся в том, что одно может вызвать другое, и называется ассоциацией.*

4. Законы ассоциации

Понятие ассоциации вошло в обиход психологии давно. Оно было знакомо еще Платону и, особенно, Аристотелю (IV век до н.э.). Однако в новое время данное понятие сыграло совершенно особую роль, особенно — в английской психологии, а затем, под ее влиянием, и в континентальных странах. Особую роль данное понятие выполняет в так называемой ассоциативной психологии, основоположниками которой следует считать известного английского философа Юма, а затем Гартли, Джеймса Милля, Джона Стюарта Милля и А. Бэна. Для того, чтобы отвести понятию ассоциации надлежащее место в психологии, представляется необходимым ознакомиться с основными взглядами ассоциативной психологии.

По мнению Юма, психика человека состоит из *идей* (представлений), являющихся копиями восприятия и связанных друг с другом по определенным законам, законам ассоциации. Данные законы в мире психики выполняют такую же роль, как закон всемирного притяжения — в мире механических явлений (Гартли). Каковы эти законы?

Еще с давних времен было известно четыре основных закона ассоциации:

1. Голос моего знакомого напоминает мне его лицо; буква «а» вызывает представление буквы «б», представление молнии напоминает гром. Присмотревшись к этим примерам, нетрудно заметить, что все эти парные представления являются такими, предмет которых неоднократно воспринимался нами либо одновременно, либо один за другим, ведь «б» следует за «а», вслед за молнией обычно раздается грохот, а услышав голос человека, представляешь его лицо. В подобных случаях между ними как бы создается связь, проявляющаяся в том, что репродукция одного вызывает репродукцию второго *(ассоциация смежности во времени).*

2. Произнеся слово «дом», мы вспоминаем «дверь», «луна» вызывает представление звездного неба, квартира знакомого напоминает улицу, на которой он живет.

Ассоциативную связь и в этом случае создает смежность, но смежность в *пространстве,* поскольку дом и дверь, луна и звезды, квартира знакомого и улица по своему расположению являются смежными в пространстве *(ассоциация смежности в пространстве).*

3. Если между предметами представлений существует *сходство,* то между ними устанавливается ассоциативная связь, или, вернее было бы сказать, что схожие представления также репродуцируют друг с друга. Например, Александр Македонский напоминает Наполеона, так как оба были великими полководцами; сын напоминает отца, поскольку между ними, как правило, существует заметное сходство *(ассоциация по сходству).*

4. И, наконец, одно представление репродуцирует другое и в том случае, когда их предметы контрастны друг другу: день и ночь, черное и белое, высокий и низкий, небо и земля *(ассоциация по контрасту).*

Приглядевшись ко всем этим четырем случаям ассоциации, тотчас же обнаружим, что здесь имеем дело с двумя различными категориями. В первых двух случаях ассоциативная связь устанавливается на основе последовательности представлений, причем качественная сторона представлений, их содержание не имеет никакого значения; то, что происходит вместе — будь то во времени или в пространстве, что бы это ни было, в конечном итоге ассоциативно увязывается между собой. Таков смысл первых двух законов.

Зато для двух других случаев последовательность представлений не имеет никакого значения. В данном случае решающую роль выполняет их содержание; являются ли они схожими или нет — вот что главное.

Следующий момент, по которому первая и вторая пары законов ассоциации различаются друг от друга, касается того, что именно ложится в основу *установления* ассоциативной связи между представлениями, ведь между представлениями как таковыми никакой связи нет, она возникает лишь после того, как они встречаются друг с другом во времени или в пространстве. Следовательно, в данном случае связь между представлениями создает их *прошлое,* их *«история»,* или, иными словами, то, какие представления в прошлом переживались субъектом смежно — связь создает опыт субъекта. Будь его опыт иным, то есть если бы произошла встреча других представлений, то ассоциативная связь установилась именно между ними.

Однако ассоциации по сходству и по контрасту совершенно не касаются того, что создает ассоциативную связь между представлениями. Тут имеется в виду не то, что существуют заведомо невзаимосвязанные представления, которые лишь впоследствии связываются друг с другом по той или иной причине. Нет! Если представления являются схожими, то необходимость установления связи отпадает — репродукция одного вызывает второе. Следовательно, последние два закона ассоциации касаются скорее процесса репродукции, нежели самого процесса возникновения ассоциаций. Данная связь не имеет ничего общего с тем, кто и как переживал те или иные представления; здесь не играет какой-либо роли ни опыт субъекта, ни прошлое самих представлений, их судьба или «история». *В данном случае определяющим является только содержание.*

Таким образом, можно выделить две существенно различные группы ассоциаций. Тем не менее, по мнению представителей ассоциативной психологии, все четыре закона ассоциации по существу должны быть сведены на один, в частности, закон смежности во времени, считает Джеймс Милль.

5. Редукция законов ассоциации

Как обосновывают подобное соображение представители ассоциативной психологии? Что касается двух форм ассоциации по смежности, понятно, что в данном случае, по существу, действительно можно говорить лишь об одной форме. Дело в том, что то, что воспринимается смежным в пространстве, является смежным и во времени. Следовательно, все случаи ассоциации смежности в пространстве следует считать ассоциациями смежности во времени.

Что касается форм второй группы ассоциаций — ассоциаций по сходству и контрасту, они также не являются независимыми, самостоятельными ассоциативными процессами. Во-первых, рассмотрев случаи ассоциации по контрасту, нетрудно убедиться, что некоторые из них должны быть сочтены ассоциациями смежности во времени (например, день и ночь, которые связаны друг с другом не потому, что взаимоконтрастны по своему содержанию, а потому, что между днем и ночью существует смежность во времени, так как за днем следует ночь, а за ночью — день), а некоторые — случаями ассоциации по сходству, поскольку контраст, в то же время, является и сходством, ведь взаимоконтрастными могут быть лишь явления, относящиеся к одной и той же категории. Например, черное и белое — и то и другое является цветом, стало быть, в этом смысле между ними существует сходство.

Таким образом, остаются всего лишь две формы ассоциации: по смежности во времени и по сходству.

Но, как отмечалось, ассоциационизм также сводил ассоциации по сходству к ассоциациям смежности во времени. И в самом деле, что значит сходство? Говоря о сходстве двух объектов, мы подразумеваем, что одни признаки они имеют одинаковые, а другие — разные. Например, объект А имеет признаки a, b, c, d, e, f, а объект В — a, b, c, к, 1. Поскольку мы часто воспринимали объект А, то вследствие одновременного повторения и в соответствии с законом ассоциации смежности во времени между признаками a, b, c, d, e, f устанавливается ассоциативная связь. Это означает, что достаточно представить или воспринять, например, признаки a, b, c, d, то за этим, согласно закону ассоциации смежности во времени, последует и представление признаков e, f. Скажем, сейчас мы видим объект В, но в глаза бросаются те его признаки, которые являются общими с А, в частности, признаки a, b, c, d. В соответствии с законом ассоциации смежности во времени, в нашем сознании должно появиться представление ассоциативно связанных с ним признаков e, f и, стало быть, всего комплекса признаков a, b, c, d, e, f. А эти признаки представляют объект А. Следовательно, увидев объект В, мы должны вспомнить объект А. Почему это происходит? В силу какой ассоциации? Как видим, лишь в силу ассоциации смежности во времени.

Именно поэтому и говорят, что ассоциация между представлениями, в конечном итоге, устанавливается лишь вследствие смежности во времени. Это — тот единственный закон, который, по мнению Дж. Милля, направляет всю психическую жизнь.

6. Закон реинтеграции

Принцип ассоциации смежности во времени состоит в том, что вследствие совпадения во времени происходит взаимоувязывание отдельных представлений. Следовательно, прочность этой связи должна зависеть от того, насколько часто про-

исходит это совпадение; настоящей основой ассоциации является повторение. Проверим правильность данного положения.

Дадим испытуемому в качестве раздражителя какое-нибудь слово, например «шкаф», и попросим назвать слово, которое сразу же придет ему на ум, которое он раньше всего вспомнит. С уверенностью можно сказать, что некоторые испытуемые в первую очередь назовут слово «книга», так как между шкафом и книгой существует прочная ассоциативная связь. Почему? Потому, что в соответствии со взглядами ассоцианизма шкаф и книги особенно часто встречаются вместе.

Однако разве можно сказать, что шкаф и книги мы чаще видели вместе, чем, скажем, шкаф и стену? Несомненно, что шкаф мы могли видеть и без книг, но гораздо более редки случаи, когда шкаф не стоит у стены. Тем не менее оказалось, что представление шкафа в нашем примере связано с представлением книги гораздо прочнее, чем с представлением стены.

Не вызывает сомнений, что дело не в частоте совпадений во времени, как гласит принцип ассоциационизма, а в чем-то ином. Сопоставив «книгу» и «стену» друг с другом относительно шкафа, мы тотчас же заметим, что книга гораздо теснее связана со шкафом, чем со стеной. Книга и шкаф взаимосвязаны не случайно, то есть не только в силу того, что нам часто приходится видеть их вместе, а потому, что связь между ними является существенной: шкаф и книга представляют собой единое целое восприятие, отдельный момент восприятия книжного шкафа, тогда как о стене этого не скажешь, ведь в нашем переживании шкаф и стена редко составляют единое целое. Стало быть, получается, что представление шкафа вызвало в сознании нашего испытуемого представление книги не потому, что ему чаще приходилось видеть вместе шкаф и книгу, чем шкаф и стену, а потому, что шкаф и книга представляют собой части одного и того же целого, а потому заведомо взаимосвязаны, чего о шкафе и стене не скажешь.

Соответственно, можно сказать следующее: одно представление вызывает репродукцию другого не потому, что они часто переживаются вместе, а только тогда, если они представляют собой части единого целого и существенно взаимосвязаны.

Следовательно, основное положение ассоциационизма, согласно которому в нашей психике *изначально* даны совершенно независимые, отдельные элементарные переживания, психические атомы, существенно не взаимосвязанные, установление связи между которыми и возникновение целостных переживаний происходит *лишь впоследствии,* является в корне ошибочным. Как мы убедились, в действительности дело обстоит совершенно иначе — факт ассоциации, наоборот, подразумевает изначальную данность целого, между частями которого и существует ассоциация.

В соответствие с этим, в процессе ассоциации вначале происходит не построение целого, а его распад, диссоциация и повторное построение целого; законы ассоциации — это, используя выражение Гамильтона, законы *реинтеграции,* а не ассоциации чуждых друг другу элементов, как предполагал ассоциационизм.

Стало быть, истинную природу ассоциативного процесса следует понимать следующим образом: появление какого-либо представления вызывает репродукцию того представления, с которым оно составляет единое целое; законы ассоциации по существу могут быть сочтены законами гештальтизации, и именно потому законы, подчеркнутые Вертхаймером, о которых речь шла выше, столь близки к ним.

Таким образом, понятие ассоциации — правомерное и полезное понятие, однако только как понятие «реинтеграции» и «гештальтизации».

7. Ассоциация и установка

Однако если понятиям «интеграции» и «гештальтизации» не придать надлежащего содержания, они также не позволят объяснить данный процесс. Дело в том, что оба эти понятия в том смысле, в каком они употреблялись до сегодняшнего дня, заведомо, без предварительной проверки, разделяют один из главнейших постулатов ассоциационизма, априори подразумевая, что переживания, представления влияют друг на друга непосредственно, что они способны вызывать друг друга непосредственно, то есть строятся на принципе непосредственности.

И действительно, в обоих случаях — как реинтеграции, так и гештальтизации, восстановление целого происходит на основе взаимоотношения частей, а фактор этого взаимоотношения следует усматривать в свойствах самих частей, то есть схожести, смежности во времени и в пространстве и пр. Но разве все это не есть всего лишь характеристика частей? Мы уже касались постулата непосредственности, убедившись в его неправомерности. Для нас несомненно, что переживания, какими бы они ни были, воздействуют друг на друга не непосредственно, а лишь опосредствованно *личностью,* переживаниями которой они являются. Следовательно, в случае ассоциации основу реинтеграции и гештальтизации также следует искать в личности, как целостности, а не в ее частичных моментах или содержаниях.

Мы уже знаем, что является основой этого. Рассматривая проблему гештальта, мы убедились, что подобную основу создает установка субъекта. В случае ассоциации положение дел следует усматривать в следующем: когда на субъекта действует то или иное представление, оно вызывает в нем соответствующую установку. То, какие представления появятся у него вследствие этого, зависит от того, установка на какое именно целое у него возникла. Каждый отдельный фактор — так называемые законы ассоциации — по сходству или смежности — обретает значение фактора лишь постольку, поскольку в его основе лежит определенная установка.

Доводы в пользу этого во множестве содержат две важные сферы, в которых имеются весьма благоприятные условия для действия ассоциации и где поэтому предпринимались неоднократные попытки использования понятия ассоциации. Одна сфера — это сновидения, а вторая — так называемые «эмоциональные комплексы». Мы особенно хотели бы остановиться на этой последней, ведь в основе сновидений по существу лежит тот же механизм, на котором основывается процесс протекания представлений в случае «комплекса».

Иногда на человека определенное переживание оказывает особенно сильное впечатление; например, у него возникает сильное желание, которое с нравственной точки зрения для него совершенно неприемлемо, а иногда даже вызывает его возмущение. Он пытается забыть это переживание, «вытеснить» из сознания, как совершенно неприемлемое. Это ему удается, и отныне субъект обо этом полностью забывает, в его сознании не остается даже следа этого содержания. Однако означает ли это, что от этого переживания у него действительно ничего не осталось? Разумеется, нет. Дело в том, что любое переживание, тем более интенсивное, личностно значимое, существует не только в качестве конкретного содержания сознания субъекта, но и, в то же время, в виде определенной *установки.* Следовательно, когда данное переживание вытесняется из сознания, уничтожается, забывается как определенное содержание сознания, это не означает, что в субъекте от него ничего не осталось, ведь установка есть нечто совершенно иное, чем переживание как феномен сознания. Стало быть, исчезновение переживания не означает, что вместе с ним уничтожается и соответствующая ему установка.

Таким образом, в случае так называемого «вытеснения» субъектом забывается лишь переживание как содержание сознания, но установка остается. По сути, именно это представляет собой то, что школой психоанализа именуется «комплексом», оказывающим решающее влияние на протекание ассоциаций субъекта. Лучше всего это осуществляется во сне, в виде сновидений. И действительно, анализ протекания представлений во время сна, как это показал опыт психоаналитической школы, дает особенно достоверный материал для выявления «комплексов», то есть установок, субъекта: содержание сновидения весьма ясно отражает установку субъекта.

Еще более демонстративные результаты по данному вопросу дает так называемый ассоциативный эксперимент, используемый либо для выявления «комплексов» (Юнг, Фрейд), либо умышленно скрываемых эмоциональных мыслей или намерений (Вертхаймер, Штерн, Липман, Лурия).

Ассоциативный эксперимент может быть двух видов: либо парный эксперимент (Юнг), либо цепной (Фрейд). В первом случае субъекту предъявляют специально подобранные отдельные слова, в ответ на каждое из которых он должен назвать первое пришедшее на ум слово. Полученный в результате этого материал обычно представляет собой отражение его скрытой установки. В список «слов-раздражителей» (то есть слов, на которые испытуемый отвечает так называемыми «реактивными словами») намеренно включают такие, которые связаны с подразумеваемой установкой и которые в этом смысле могут быть сочтены «провоцирующими раздражителями». В случае наличия подразумеваемой установки испытуемый в ответ на эти слова отвечает такими реактивными словами, что зачастую не остается сомнений в природе скрытого смысла его установки или потаенной мысли.

В случае цепного эксперимента испытуемому вначале предъявляют одно-два слова-раздражителя, а после этого он по мере возможности должен следовать свободному протеканию своих представлений. Начинается цепочка последовательных представлений, строящаяся на основе скрытых установок субъекта и предоставляющая, таким образом, хороший материал для их выявления. Экспериментатор лишь изредка и ненавязчиво вмешивается в протекание ассоциативной цепочки с тем, чтобы не воспрепятствовать, а, напротив, содействовать процессу выявления скрытых установок.

8. Ассоциативная память как низшая форма памяти

В ассоциативных опытах особенно следует подчеркнуть один момент, а именно то, что необходимым условием выявления достоверного ассоциативного процесса является полная пассивность субъекта, максимальная отключенность его воли и мышления от спонтанного протекания представлений. В противном случае вместо ассоциативного процесса получим активно детерминированный процесс. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть по той причине, что настоящий ассоциативный процесс является, по сути, спонтанным процессом, протекающим вне активности человека; именно в этом качестве он представляет собой одну из ступеней развития памяти и одну из форм ее проявления. В случае ассоциативной памяти мы имеем дело со спонтанной памятью, спонтанным мнемическим процессом, не имеющим ничего общего с произвольной памятью. В этом смысле ассоциативная память, разумеется, более близка к вышеописанным примитивным формам проявления памяти, нежели специфически человеческим ее формам.

Спонтанность равно характеризует ассоциативную память как в момент *запоминания,* то есть *фиксации* или *ретенции,* так и воспоминания, то есть *репродукции.*

Субъект всегда находится под влиянием многообразных впечатлений, причем зачастую эти впечатления возникают или исчезают независимо от его намерения. Однако обычно бесследно они все-таки не исчезают. Правда, в психике в качестве сознательных переживаний эти впечатления долго не остаются, но в самом субъекте вызывают определенные личностные изменения. И вот, на основе этих изменений, при возникновении надлежащих условий, когда, например, одно из этих впечатлений вновь начинает действовать на субъекта, этот последний реагирует в соответствии с происшедшими в нем изменениями, то есть в его сознании вновь возникают переживания, соответствующие этому изменению. Так происходит репродукция представлений, переживаемая субъектом в качестве продукта воздействия спонтанных впечатлений. Как видим, репродукция этих последних также происходит вне активного, намеренного вмешательства субъекта.

В пользу того, что ассоциативную память следует четко разграничить от произвольной памяти, свидетельствует и то обстоятельство, что репродукция ассоциативных представлений всегда возникает лишь под воздействием какого-либо второго переживания — перцептивного представления. Для возникновения ассоциативного представления необходимо раздражающее представление или восприятие. Указанное обстоятельство достаточно хорошо характеризует ассоциативную память как все еще низкую, зависимую форму действия памяти. В данном смысле она довольно близка к узнаванию.

Протекание узнавания, как мы уже знаем, происходит следующим образом: восприятие N. всегда сопровождается чувством знакомости. Я узнал N., я его видел. Однако если к этому добавится еще какое-то представление, например, я видел N. там-то и там-то (образ места) или он был в такой-то шапке (образ шапки), то тогда мы имеем дело уже с ассоциативной памятью, то есть восприятие N. вызывает репродукцию представлений. В данном смысле различие между узнаванием и ассоциативной памятью состоит лишь в том, что в случае узнавания прошлое оживает в самом восприятии, не выходя за его пределы, тогда как в ассоциативной памяти это прошлое дается не в виде какого-либо прежнего восприятия, а появляется его образ, который дан повторно, но уже в виде представления. Ниже мы убедимся, что на более высокой ступени развития для репродукции представлений памяти раздражитель нужен далеко не всегда. Существует не только непроизвольное запоминание, но и произвольное припоминание.

9. Вопрос точности репродукции

Нам нужно рассмотреть еще один вопрос: что со временем происходит со спонтанно запоминаемым материалом? Репродуцируется ли он в том же виде, каким был в период запоминания, или же претерпевает какие-то изменения?

В результате экспериментального исследования выяснилось, что предмет репродуктивных представлений, как правило, претерпевает заметные изменения, то есть отнюдь не остается таким, каким был в момент запоминания. Однако в каком направлении происходят эти изменения? По данному вопросу особенно важные результаты были получены в экспериментальном исследовании Вульфа. Испытуемым показывали несколько чертежей простых фигур, которые после определенного времени они воспроизводили по памяти. Сопоставление оригиналов и репродукций позволило выяснить наличие изменений и их характер.

Опыты Вульфа показали, что фигуры менялись в совершенно определенном направлении; в частности, выявилось стремление к более совершенному гештальту, то

есть фигуры формировались в соответствии с главным принципом гештальттеории — принципом *прегнантности.* Вульф на основании довольно большого материала пришел к выводу, что к моменту репродукции гештальт меняется в совершенно определенном направлении: некоторые его части затеняются, другие же, наоборот, становятся более выраженными в зависимости от того, что требуется для получения более четкого гештальта.

С теоретической точки зрения очень интересны опыты американского психолога Кармайкла. Он определенным образом видоизменил опыты Вульфа: до предъявления испытуемым фигур одной группе испытуемых зачитывал один перечень слов, а второй — другой. Испытуемым третьей, контрольной группы фигуры предъявлялись прямо, без предварительного зачитывания слов. Результаты оказались следующими: когда после определенного времени испытуемых попросили воспроизвести показанные фигуры, выяснилось, что, во-первых, воспроизведенные фигуры заметно отличались от оригинала, а, во-вторых, что самое главное, они почти всегда (75%) были изменены в соответствии со значением слов, зачитанных испытуемым. Например, испытуемому было зачитано слово «очки», а затем показаны два круга, соединенных между собой прямой линией. Во втором случае ему показали ту же фигуру, однако вместо слова «очки» прочитали словосочетание «физкультурный снаряд». При репродукции этих фигур после определенного времени воспроизведенная фигура в первом случае напоминала очки, а во втором — спортивные кольца.

Полученный результат достаточно убедительно доказывает, что восприятию фигуры предшествует определенный процесс, возникающий вследствие предварительно зачитанного слова и оказывающий решающее влияние на репродукцию. Однако предшествующий процесс, видоизменяющий последующий процесс сообразно себе, именуется *установкой.*

Таким образом, в случае репродукции повторяется явление, неоднократно подтверждающееся в процессе восприятия: если у субъекта предварительно имеется та или иная установка, то действующее на него актуальное впечатление, если оно грубо не отличается от установочного, воспринимается в соответствии с этим последним: возникает иллюзия установки. По существу, аналогичный результат выявился и в опытах Вульфа и Кармайкла: при наличии у субъекта предварительно созданной установки репродукция предъявленного впечатления, если оно резко не отличается от установочного, принимает соответствующий последнему вид, то есть возникает та же иллюзия установки, но уже в области репродукции.

Формы активной памяти

1. Произвольная память

Окинув взглядом все рассмотренные нами до сих пор виды памяти, нельзя не заметить то обстоятельство, что во всех этих случаях речь шла о пассивных формах памяти. Запоминание происходит в результате воздействия впечатления, а воля субъекта не играет какой-либо роли в процессе репродукции. Даже не касаясь переживания продолжительности или эйдетического образа — первого потому, что в данном случае речь идет лишь об объективном факте памяти, в котором субъективно от памяти ничего нет, второго же потому, что это — атипичная форма памяти, а рассмотрев лишь факты узнавания и ассоциативной памяти, убедимся, что их ин-

тенсивное проявление возможно и тогда, когда субъект никаких усилий в этом направлении не прилагает. Поэтому данные формы памяти встречаются и на более низкой ступени развития; во всяком случае, ни одна из них не может быть сочтена специфически человеческой формой памяти.

Характерной особенностью человека является волевая активность, и очевидно, что и здесь, точно так же, как при восприятии, специфически человеческие формы памяти предполагают непременное участие воли. И действительно, обратившись к различным случаям памяти человека, убедимся, что всюду сталкиваемся с одним характерным обстоятельством, которое состоит в том, что человек сам вмешивается в процесс запоминания и воспоминания; ему не все равно, что он запомнит и вспомнит, ведь он при этом преследует определенные цели. Следовательно, человеку нужно запомнить определенный материал и вспомнить определенный материал, для чего, конечно, он принимает необходимые меры.

Посмотрим, как происходит работа активной памяти человека.

Учение и припоминание

1. Метод Эббингауза

Экспериментальное исследование памяти было начато немецким психологом Эббингаузом (1885). Влияние Эббингауза оказалось настолько сильным, что экспериментальная психология памяти, по существу, и сегодня продолжает оставаться на позициях Эббингауза. Однако достаточно окинуть взглядом нынешнее положение в этой сфере, чтобы убедиться, что в данном случае по сути речь идет лишь об одной из форм памяти, а не памяти в целом. Для того, чтобы выяснить, о какой форме памяти здесь идет речь, необходимо вкратце ознакомиться с экспериментальной методикой Эббингауза.

По данной методике основное значение имеет выбор материала для запоминания. По различным соображениям Эббингауз использовал *бессмысленный материал*. В частности, это, во-первых, позволяло обеспечить одинаково индифферентное отношение испытуемых к запоминаемому материалу. Дело в том, что человеку в своей жизни приходится сталкиваться только с осмысленным материалом, а поскольку каждый из нас имеет отличный от других, свой собственный опыт, невозможно подобрать такой осмысленный материал, чтобы он был бы одинаково незнакомым для всех, а потому был одинаково труден для запоминания. Что касается запоминания бессмысленного материала, то такой опыт у нас, как правило, отсутствует. Поэтому, думается, нетрудно составить бессмысленный материал так, чтобы он был однако легко или трудно запоминаем для всех испытуемых. Наряду с этим подобный материал можно составить в любом количестве, что, конечно, также немаловажно для экспериментатора. И, наконец, поскольку речь идет о бессмысленном материале, ничто не мешает каждому его элементу придать вид по-настоящему отдельной единицы, то есть подобрать элементы бессмысленного материала так, чтобы трудность их запоминания была бы одинаковой.

По вышеизложенным соображениям Эббингауз считал бессмысленный материал наиболее подходящим экспериментальным материалом для изучения памяти. Эббингауз составлял такой материал в соответствии с определенным принципом, в частности, каждое бессмысленное слово состояло из трех букв — одной гласной,

расположенной между двумя согласными, то есть это было слово с одним слогом. Оно не должно напоминать ни одно знакомое слово; например, слог «бан» для русскоязычного испытуемого не годится, так как напоминает слова «баня» или «банк». Можно составить множество таких бессмысленных «слов», а что самое главное — каждое из них действительно можно считать единицей.

В соответствии с методом Эббингауза, испытуемые должны запомнить этот материал. Материал, разумеется, предъявляется в упорядоченном виде, что осуществляется механически, посредством специально сконструированного аппарата — так называемого *«мнемометра»*. Испытуемый читает ряд бессмысленных слогов до тех пор, пока не запомнит их.

Разработанная Эббингаузом методика исследования памяти со временем была развита, и сегодня известны следующие основные методы:

1. *Метод заучивания.* Испытуемый повторяет ряд бессмысленных слогов до тех пор, пока не сумеет безошибочно воспроизвести его. Скажем, одному для заучивания определенного материала необходимо 7 повторений, а другому — 9. Далее эти числа считаются *коэффициентом памяти* (заучивания) каждого из них.

2. Метод экономии, или *сбережения.* Допустим, испытуемому для заучивания определенного ряда бессмысленных слогов нужно 11 повторений. По истечении определенного времени, когда он их совершенно забывает, ему вновь предлагается запомнить этот же материал. На сей раз для его заучивания испытуемому потребуется гораздо меньшее число повторений (допустим, 5), хотя если предварительно справиться у самого испытуемого, он этот материал совершенно не помнит. Следовательно, получается, что фактически он забыл этот материал не полностью, иначе разве сумел бы он заучить его, повторив всего лишь пять раз вместо одиннадцати. В этом случае коэффициент сбережения равен 11—5=6. Между прочим, посредством данного метода выяснено, что абсолютного забывания не существует — однажды выучив что-либо, выучить то же самое еще раз впоследствии легче, чем это было в первый раз.

3. *Метод узнавания:* испытуемому предъявляется ряд бессмысленных слогов; предварительно его предупреждают, что он должен узнать их среди новых слогов.

4. *Метод запомненных членов.* Испытуемому один (или несколько) раз предъявляют для запоминания ряд бессмысленных слогов, а затем просят перечислить их. Количество запомненных слогов дает коэффициент правильности запоминания.

5. *Метод правильных ответов* (впервые введен Иостом, затем переработан Мюллером и Пилцеккером). Испытуемый получает задание ямбически или трохеически прочесть попарно ряд бессмысленных слогов. Затем экспериментатор называет первый член какой-либо пары, а испытуемый должен назвать второй. Коэффициент запоминания равен соотношению количества правильных ответов к общему числу предъявленных пар.

Как видим, все эти методы ставят перед испытуемым определенную задачу: он должен запомнить определенный материал. Следовательно, испытуемый ставит *себе цель запоминания* этого материала. Протекание последующей работы его памяти полностью представляет собой целенаправленный процесс. Отсюда очевидно, что посредством данных методов исследуются только случаи произвольного запоминания, а не всех форм памяти.

Сказанное хорошо иллюстрирует описанный Радославлевичем случай, о котором мы вскользь упомянули выше. Он предложил одному испытуемому иностранного происхождения, плохо владевшему немецким языком, заучить восемь бессмысленных слогов. Испытуемый начал читать их, но даже после 46-и прочтений не подал знак, что он уже знает материал наизусть (а он получил именно такую инст-

рукцию на немецком языке: выучив наизусть, подать знак и прекратить опыт). Но поскольку испытуемый не подавал знака о прекращении опыта, экспериментатор остановил опыт сам и спросил испытуемого, запомнил ли он что-нибудь. Оказалось, что испытуемый не понял инструкцию и читал ряд бессмысленных слогов без намерения запомнить их. Поняв, что материал следовало заучить наизусть, он попросил повторить задачу и запомнил наизусть материал, прочтя его 6 раз.

Что доказывает приведенное наблюдение? Только одно, а именно то, что метод бессмысленных слогов позволяет исследовать именно произвольную память. Поэтому все полученные данным методом результаты касаются, по сути, только этой формы памяти, причем лишь одной ее разновидности.

2. Учение и воспоминание как формы произвольной памяти

Разумеется, человек всегда может использовать волю, если перед ним встает вопрос о задействовании памяти в каком-либо направлении. Выше мы уже видели, что существует один тип эйдетиков, которым более или менее свойственна способность произвольного использования наглядных образов. Несомненно, что точно также произвольно может быть использована и непосредственная память. И в самом деле, нередко человек предпринимает специальные меры с целью усиления своей непосредственной памяти, в частности, концентрирует внимание в нужном направлении, пытается снять все возможные помехи, прибегает к *организации* (скажем, *ритмизации)* предъявленного материала, особенно стремясь к его осмыслению. Все это — уже волевой процесс, и работа непосредственной памяти в этом случае протекает как бы в произвольном русле. Разумеется, человек обращается к специальным мерам и с целью узнавания, ведь знакомясь с кем-то, мы нередко стараемся обратить особое внимание на некоторые характерные особенности этого человека с тем, чтобы в последующем облегчить себе его узнавание. Или же когда кто-то кажется нам знакомым, мы активно пытаемся вспомнить, где и в каких условиях познакомились с ним, зачастую начиная с восстановления этих условий: «Кто это может быть? Может, я встречался с ним у N.? А может быть, на концерте, где меня познакомили с несколькими новыми лицами?» Рассуждая таким образом, обычно мы часто произвольно используем и ассоциации, чтобы облегчить запоминание или припоминание чего-либо, и все это общеизвестно.

Одним словом, человек по мере надобности так или иначе способен приложить волевые усилия ко всем формам памяти. Однако это не означает, что по этой причине эти формы памяти изначально должны быть сочтены видами произвольной памяти. Дело в том, что, как мы уже убедились, данные формы памяти в основном функционируют вне участия волевого процесса, и потому их наличие подтверждается и на тех ступенях филогенетического и онтогенетического развития, где говорить о произвольности еще преждевременно.

Однако существуют и такие формы проявления памяти, которые выступают на передний план лишь на высшей ступени развития и в протекании которых ведущую роль выполняет воля. Таковыми особенно следует считать две формы памяти — *учение* и *воспоминание.*

Данные формы отличаются друг от друга тем, что в случае учения вопрос касается только репродукции прошлого. Что касается истории самого этого прошлого, то есть когда и где оно было пережито, в данном случае не имеет никакого значения.

Например, когда мы учим, скажем, иностранный язык, начиная, в конце концов, говорить на этом языке, совершенно не нужно помнить, когда и где мы выучили каждое слово. Совсем иное дело воспоминание. В данном случае речь идет не только о репродукции, но и особенно о правильном размещении репродуцированного во времени. Припоминание подразумевает и темпорализацию. Например, я вспоминаю своего первого учителя; это означает, что в моем сознании появляется не только его образ, но, наряду с этим, и переживание того, что в прошлом он был моим учителем. Одним словом, знание и воспоминание отличаются друг от друга моментом темпорализации[1].

К какой из этих форм относятся те случаи проявления памяти, которые изучаются методом бессмысленных слогов? Поскольку в данном случае задача испытуемого состоит лишь в том, что ему нужно выучить наизусть определенный материал, то очевидно, что вопрос темпорализации здесь полностью снимается. Именно потому ни один из вариантов метода бессмысленных слогов не ставит вопрос о темпорализации.

Таким образом, метод Эббингауза касается формы памяти, лежащей в основе учения. А потому все выводы, полученные до сегодняшнего дня в результате интенсивного исследования памяти, касаются по существу лишь этой формы памяти; следует отметить, что до сих пор, быть может, ни одна из сложных психологических проблем не была изучена экспериментально столь успешно, как данная форма произвольной памяти.

Учение

1. Понятие учения

Учение, разумеется, не является проблемой только лишь памяти, это — гораздо более сложная проблема. Учение — одна из независимых форм поведения человека, имеющая, как таковая, собственное специфическое содержание. Очевидно, что ее нельзя отождествлять с какой-либо отдельной психической функцией — в ней участвует целый ряд функций. Но некоторые из этих функций увязаны с данной формой поведения особенно тесно, другие — в меньшей степени. Следует отметить, что в данном случае совершенно особую роль выполняет память — основная функция, представляющая собой самое главное условие учения, без которого оно даже в самом простейшем виде было бы невозможным.

В процессе учения работа памяти проявляется в виде ее особой формы — *заучивания*. Как уже отмечалось выше, метод Эббингауза исследует именно эту форму памяти. Ниже мы ознакомимся с некоторыми основными закономерностями, характеризующими, согласно результатам современных исследований, процесс заучивания.

[1] Термин «темпорализация» принадлежит В. Штерну и составлен по аналогии с локализацией (размещение в пространстве).

Факторы скорости заучивания

1. Воля

Само собой разумеется, что особое влияние на скорость заучивания должна оказывать *воля.* Как известно, заучивание по своей сути является произвольным процессом, а потому очевидно, что слабость воли должна препятствовать протеканию процесса заучивания.

Исследованиями американских и английских психологов экспериментально установлено, что «случайная память», в случае которой говорить о предварительном намерении не приходится, при всех прочих равных условиях является гораздо более слабой, чем те формы памяти, в которых участвует намерение запомнить. Помимо этого, известно, что ребенок запоминает медленнее, чем взрослый, хотя гораздо на более длительное время. Данный факт, несомненно, объясняется недостаточным развитием воли.

За счет чего воля достигает подобного эффекта? Во-первых, заучивание подразумевает продолжительную остановку на одном и том же материале, так как запомнить предъявленный экспериментальный материал одним прочтением не удается, поэтому приходится его повторять неоднократно. Но откуда может исходить импульс повторения? Сам материал, разумеется, непосредственно такого импульса не содержит, поскольку субъектом движет потребность не в самом повторении, как таковом, а в том, что достигается путем этих повторений. Импульс может исходить только лишь из намерения заучивания.

Следовательно, воля — единственный источник, позволяющий субъекту выполнять само по себе совершенно неинтересное дело, а именно — многократно повторять один и тот же материал.

Особенно примечательно то, что повторение по своей сути, как это экспериментально установлено исследованиями школы Левина, представляет собой сильнейший фактор *насыщения,* противостоять которому может только сила воли.

Помимо этого, заучивание определенного материала происходит особенно успешно и быстро только тогда, когда человек по своему усмотрению и по мере надобности способен приложить максимум энергии; в нашем случае — тогда, когда ему нужно заучить определенный материал. Обычно процесс учения организован таким образом, что подразумевает работу в определенном направлении в течение какого-то времени; а поскольку возможность этого обеспечивает воля, то очевидно, что она и является первостепенным фактором учения.

2. Интерес

Второй фактор, всегда упоминаемый в данном случае, это, несомненно, *интерес.* То, что интерес в общем представляет собой один из основных факторов учения, сомнению не подлежит. Более того, именно то обстоятельство, что в нем наряду с волей основополагающую роль выполняет интерес, делает учение психологически своеобразной, самостоятельной формой поведения. Источником энергии учения является не только осознание важности цели, но и, наряду с этим, внутреннее стремление, внутренняя склонность, интерес, без которого любого рода учение имело бы вид принудительного труда.

Интерес, в частности, участвует и в процессе заучивания, однако он, разумеется, не может полностью заменить волю, то есть сделать фактор волевого усилия излишним. Интерес представляет собой фактор заучивания лишь наряду с волей. Это вполне понятно, поскольку любое учение, безусловно, носит более или менее систематический характер, тогда как интерес как субъективная склонность имеет скорее случайную природу. А потому невозможно, чтобы интерес присутствовал во всех моментах обучения. Думается, что для осуществления цели обучения субъекту приходится делать и нечто такое, что может не только не входить в сферу актуального интереса, но и противоречить ему. Тем не менее, интерес — важный фактор учения.

Чем же обусловлена такая роль интереса? Безусловно, только одним — он облегчает приложение волевых усилий и, стало быть, задействование произвольной памяти. Дело в том, что ребенку, например, очень трудно сосредоточиться в течение длительного времени на математической задаче, ему для этого не хватает силы воли. Но достаточно ребенку заинтересоваться этой задачей, и ему становится относительно легче мобилизовать свою энергию в данном направлении, поскольку теперь уже приходится преодолевать меньше трудностей, чем тогда, когда само дело его совершенно не привлекает.

В результате исследования методом бессмысленных слогов выяснилось, между прочим, и то, что интерес как фактор заучивания в некоторых случаях проявляется и здесь. Во-первых, стимулом заучивания наизусть совершенно неинтересного самого по себе материала, бессмысленных слогов, служит *соревновательный интерес,* который может действовать в двух направлениях. С одной стороны, это — соревнование с другими испытуемыми, когда желание не отстать от других, не оказаться хуже них и, по возможности, выйти победителем увеличивает силы каждого испытуемого. С другой стороны, были выявлены случаи, когда испытуемый как бы соревнуется с самим собой, стремясь со временем запомнить все больше и больше. И, наконец, случается и так, что испытуемого интересует сам процесс заучивания бессмысленного материала, сам процесс учения. Во всех этих случаях обучение заметно облегчается, протекая быстрее и плодотворнее. Как видим, в данном случае сам заучиваемый материал не имеет никакого значения. Здесь мы имеем дело с проявлением *чисто формального интереса.*

Но оказалось, что подобный интерес, как чисто формальный, особой ценности не имеет, поскольку соревнование с другими или с самим собой дает немного, если оно носит лишь спортивный характер и служит только целям проявления собственных сил, собственных возможностей, то есть действительно является именно формальным интересом. Результат оказывается гораздо более эффективен, а волевые усилия — намного интенсивнее в случае, когда соревновательный интерес обусловлен не просто намерением проявить *чисто индивидуальные возможности,* а более *широкими, более общими целями.*

Особенно важен содержательный интерес. Он необыкновенно облегчает процесс систематического обучения, если этот последний касается тех содержаний, по отношению к которым субъект проявляет особый интерес; например, известно, что математик легко запоминает математический материал, а биолог — биологический. Штерн приводит пример дирижера, помнящего наизусть всю партитуру концерта. В таком случае, происходит, по существу, не заучивание материала наизусть, а его внутренняя переработка, после чего он превращается в достояние личности.

Разумеется, педагогическое значение содержательного интереса сомнения не вызывает — он безусловно представляет собой один из важнейших факторов настоящего обучения, настоящего образования.

По-видимому, положительному действию интереса на процесс запоминания должно способствовать и то обстоятельство, что интерес связан с приятными эмоциями, ведь всем прекрасно известно, что заниматься интересным делом приятно. По данным экспериментального исследования Франка, на процесс запоминания приятный запах влияет положительно, а неприятный — отрицательно. Как отмечает Пьерон, этот факт находится в соответствии с известным наблюдением, согласно которому интенсивные неприятные эмоции не только мешают запоминанию нового, но и вызывают даже так называемую *«ретроактную амнезию»,* то есть человек забывает и то, что до тех пор хорошо помнил.

3. Физиологический фактор

Одним из факторов запоминания считаются и *диспозиции чисто физиологического характера.* Замечено, что запоминание в определенные утренние часы протекает плодотворнее, нежели в другое время. Причина этого может быть в том, что в разное время суток физиологические диспозиции находятся в различном состоянии (Пьерон).

Однако это имеет глубоко индивидуальный характер; для некоторых оптимальным является одно время суток, для других — совершенно другое. Поэтому не удается установить какое-то определенное время в качестве оптимального для всех. Во всяком случае, при произвольном использовании памяти данное обстоятельство важно хотя бы уже потому, что каждый из нас может упорядочить свой индивидуальный распорядок так, чтобы работа памяти планировалась именно на те часы, когда физиологические диспозиции создают для этого наиболее благоприятные условия.

4. Сенсорный фактор

Для запоминания довольно большое значение имеет и то, какого рода сенсорный материал должен быть запомнен, то есть сенсорные аппараты какой модальности участвуют в работе.

Наблюдения показывают, что одни легче запоминают зрительный материал, вторые — акустический, третьи же — моторный. Это хорошо показывает и метод, каким каждый из нас заучивает материал наизусть: одни предпочитают читать про себя (зрительный тип), вторые — чтобы им читали вслух (акустический тип), третьи же читают вслух сами, закрепляя, в то же время, заучиваемый материал в памяти какими-то движениями, например делая записи (моторный тип). Конечно, в чистом виде эти типы встречаются крайне редко, причем только среди творческих личностей; в частности, чисто зрительный тип — художник, акустический — музыкант, моторный — танцовщик. Среди обычных же людей, как правило, чаще встречаются смешанные типы. Однако в тех случаях, когда участие одного из органов чувств все-таки преобладает, мы вправе говорить о соответствующем типе. Например, если человек лучше запоминает визуальные впечатления, а потому отдает предпочтение именно такому материалу, мы имеем полное право отнести его к зрительному типу.

Сенсорный материал имеет значение и в том отношении, что для запоминания, например, словесного материала предпочтительнее предъявлять его не только

визуально или акустически, а одновременно, то есть визуально-акустически. Что касается каждой из этих форм в отдельности, то акустическое предъявление материала по сравнению с визуальным оказалась более предпочтительным даже тогда, когда речь идет о субъекте, в других отношениях проявляющем себя как зрительный тип (Мюнстерберг, Хольман). Этот факт, между прочим, указывает и на то, что человек в случае одного материала может относиться к одному типу, а другого — к совершенно другому; в частности, геометрические фигуры он может лучше запоминать зрительно, слова — акустически. Как видим, материал имеет огромное значение.

5. Интеллектуальный фактор

Одним из важнейших факторов произвольной памяти является, конечно же, и *интеллект.* Уже то обстоятельство, что настоящее произвольное поведение невозможно вне существенного участия интеллекта, свидетельствует о бесспорности данного положения.

Однако интеллект оказывает зримое влияние на протекание запоминания и без этого. Что дает обучение? Что нам дает учение? Что мы благодаря ему приобретаем? Разумеется, *знания.* Однако знания, приобретаемые в процессе учения, не всегда одинаковы. Иногда дело ограничивается выработкой *навыков,* но очень часто стоит вопрос приобретения и запоминания настоящих знаний. Разумеется, говорить об истинных знаниях можно лишь тогда, когда мы не только понимаем смысл того или иного положения, но вполне владеем им, используя по мере надобности. Знания подразумевают не только понимание, но и прочное запоминание и свободную репродукцию. Излишне говорить, что для понимания нужен интеллект. Но он важен — именно по этой же причине — и для запоминания. Дело в том, что человеку обычно трудно запомнить бессмысленный материал. Следовательно, даже тогда, когда перед ним стоит задача обычного запоминания, человек пытается найти в запоминаемом материале смысл, поскольку он запоминается лучше, нежели психическое содержание, подразумевающее этот смысл. При рассмотрении пассивных форм памяти мы об этом уже говорили. Легко понять, что в случае активного запоминания человек специально пытается уловить смысл запоминаемого материала, а сделать это, конечно, тем легче, чем выше его интеллект. Дело в том, что в некоторых случаях смысл не всегда выражен достаточно четко, и поэтому для его постижения необходимы достаточно интенсивные умственные усилия.

Значение участия интеллекта в процессе активного запоминания иногда четко проявляется и в случае запоминания бессмысленного материала. Среди методик исследования памяти встречаются и такие, в которых испытуемому предъявляют не ряд бессмысленных слогов, а серию совершенно не связанных друг с другом отдельных слов, фигур или картинок, а иногда и предложений. В таких случаях испытуемый сам пытается искусственно связать их; и если сделать это ему удается, то он запоминает материал гораздо легче. Указанное обстоятельство с очевидностью свидетельствует о том, что в случае запоминания осмысленного материала постижение смысла имеет, конечно, первостепенное значение.

Помимо этого, роль интеллекта для памяти особенно велика и в том отношении, что испытуемые часто прибегают к различным приемам с тем, чтобы облегчить запоминание материала. А изыскание подобных приемов зачастую требует значительного интеллектуального развития; во всяком случае, найти и оценить их — безуслов-

но, дело интеллекта. Между прочим, одна из причин слабости памяти ребенка состоит как раз в том, что у него еще не развита способность нахождения и целенаправленного применения подобных приемов.

«Законы» заучивания

1. Закон месторасположения запоминаемой единицы в ряду

В свое время еще Эббингауз обратил внимание на то, что на скорость запоминания заметное влияние оказывает место, занимаемое тем или иным элементом в серии запоминаемого материала. Как правило, подтверждается, что преимущественными являются *первое* и *последнее* места в серии. Эта закономерность, впервые выявленная при использовании метода Эббингауза, была проверена и другими методами, причем подтвердилась как в случае бессмысленных слогов, так и цифр (Робинзон и Браун).

Согласно Пьерону, аналогичная закономерность действует и в случае запоминания слов. Однако здесь отмечаются и определенные отклонения. Трудно найти осмысленные слова, полностью лишенные аффективного значения. А данное обстоятельство, как это подтвердило специальное исследование Смита, оказывает несомненное влияние на плодотворность запоминания; в частности, слова с аффективным содержанием либо содействуют, либо препятствуют ему. По Смиту, например, оказалось, что среди слов, лучше всего запоминаемых испытуемыми, особое место занимают слова с сексуальным значением (любовь, поцелуй и др.). Согласно наблюдению Пьерона, под влиянием данного нового фактора закон месторасположения иногда нарушается, а именно: слово с особым аффективным смыслом, даже если оно расположено в середине серии, запоминается человеком лучше, нежели индифферентные слова, предъявленные в начале или конце ряда. Тем не менее, как видно из приведенных ниже данных, результаты Пьерона в общем свидетельствуют в пользу этого закона.

Место слова в серии	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	XIV	XV
Правильная репродукция (%)	79,0	73,0	65,3	56,8	47,0	47,0	43,6	35,9	41,8	65,3	65,3

Однако встречаются и такие случаи, когда данный закон как будто совершенно не действует. Например, согласно исследованию Дроба, предлагавшего своим испытуемым для запоминания картинки, гораздо лучше запоминалась не первая, а третья и четвертая картинки. Как видно, важное значение имеет содержание, которое, конечно, фактор месторасположения не может полностью затенить. Поэтому данный закон остается в силе лишь тогда, когда элементы запоминаемого материала при всех прочих равных условиях отличаются друг от друга только расположением. Поэтому понятно, почему этот закон выявился именно в случае использования метода бессмысленных слогов.

2. Закон Фуко

На легкость запоминания влияет, разумеется, и объем материала. Известно, что чем больше объем запоминаемого материала, тем труднее его запомнить. Однако данная зависимость не является прямо пропорциональной; в частности, человек с одного прочтения запоминает шестичленный ряд бессмысленных слогов, однако для запоминания ряда из 12 членов ему нужно прочесть их не два раза, а 10—12 раз; ряд, состоящий из 24 слогов, вместо 4 раз приходится повторять 44 раза.

Как меняется скорость запоминания по мере роста объема материала? Именно на этот конкретный вопрос попытался ответить Фуко. Он давал своим испытуемым (всего семь человек) серию слов различного объема, вынуждая повторять их до полного запоминания материала наизусть. По каждой отдельной серии он получил в среднем следующие показатели времени:

Серии	8 слов	10 слов	12 слов	15 слов
Время (сек.)	109,0	156,5	217,7	372,5

Отсюда Фуко заключил, что между объемом материала и необходимым для его запоминания временем существует совершенно определенная зависимость. Для ее выражения Фуко предложил следующую формулу: $t = kl^2$ (t — время запоминания, 1 — объем запоминаемого материала, а к — константа), то есть *время, необходимое для запоминания материала того или иного объема, растет пропорционально квадрату объема материала.*

Следует отметить, что данную закономерность совершенно независимо от Фуко обнаружил и другой исследователь — Лайон (1914), однако, согласно его результатам, этот закон имеет силу лишь в случае запоминания бессмысленных слогов и чисел. Что касается осмысленного материала (стихов и прозы), то время, необходимое для его запоминания, растет пропорционально его объему.

Пьерон после рассмотрения закона Фуко пришел к выводу, что данный закон выражает истинное положение дел лишь приблизительно. По его мнению, было бы правильнее сказать, что необходимое для запоминания время не находится в функциональной связи с квадратом объема материала; показатель степени не является константной величиной и возрастает по мере увеличения объема запоминаемого материала.

Что касается времени, необходимого для запоминания каждого отдельного элемента, установлено, что существует определяющая величина объема материала, запоминающаяся быстрее, нежели любой другой объем, — так называемый *«оптимум»*. Очевидно, что на запоминание входящих в него элементов времени затрачивается меньше, чем на элементы материала неоптимального объема.

Согласно Пьерону, в серии из 20 цифр на каждую цифру приходится по 0,180 повторений, из 50 — по 0,100, а из 75 — по 0,125. Как видим, в данном случае оптимум располагается между сериями из 50 и 75 цифр. Фуко в этой связи выдвигает следующее положение: *время, необходимое для запоминания одинакового материала, растет пропорционально объему той серии, в которую он входит, как его часть.* Как справедливо отмечает Пьерон, этот закон Фуко правомерен лишь приблизительно, да и то в определенных условиях запоминания и определенных пределах объема запоминаемого материала.

3. Закон гештальтизации

Когда испытуемым предлагается запомнить материал достаточно большого объема, они пытаются упростить его, чтобы таким образом облегчить запоминание. Главный прием, к которому они в этом случае прибегают, состоит в объединении отдельных элементов серии с целью получения более сложных единиц — так называемых «комплексов» (Г. Мюллер). В результате использования этого метода серия разбивается на меньшее количество единиц, и поэтому ее легче запомнить. Дело в том, что запоминание, например, восьми отдельных букв или цифр по трудности приблизительно аналогично запоминанию восьми отдельных слов. Это доказывает, что в определенных пределах для запоминания значимым является количество единиц, а не то, из скольких элементов состоит каждая из них. Когда материал является осмысленным, составить такие единицы не трудно. Но гораздо сложнее сделать это в случае бессмысленного материала, например, бессмысленных слогов. Тем не менее, оказалось, что память и в этом случае следует тем же путем: смежные элементы взаимоувязываются, образуя, например, ритмичные единицы, вследствие чего упрощается состав всей серии.

В опытах Мюллера и Шумана были предприняты специальные меры с тем, чтобы исключить возможность ритмизации материала. В результате некоторые испытуемые вовсе не смогли запомнить этот материал.

В общем можно считать доказанным, что для запоминания материала важны *сто расчлененность* и *выраженность* частей, то есть его *гештальтизация*. Думается, что установленный американским психологом Огденом факт того, что для запоминания материала любого заданного объема существует *оптимальная скорость его прочтения,* объясняется тем, что процесс гештальтизации материала требует определенного времени, а потому очень быстрое или медленное предъявление материала становится для него помехой.

4. Темп заучивания

С вышеотмеченным тесно увязан вопрос о темпе заучивания, то есть о том, что с точки зрения максимизации запоминания дает лучший результат — быстрое или медленное прочтение? Эббингауз в результате своих опытов пришел к выводу, что при заучивании наизусть, например, стихотворения быстрый темп приносит лучший результат, нежели относительно медленный.

Однако не вызывает сомнения и то, что темп заучивания зависит от естественного темпа самой личности, ведь есть люди, работающие в быстром темпе, тогда как другие предпочитают работать более медленно. Поэтому было бы неправомерным рекомендовать всем одинаковый темп обучения, поскольку он также зависит от естественного темпа каждого индивида.

5. Закон месторасположения повторения

В случае, когда объем запоминаемого материала превышает определенную величину, для его заучивания становится необходимым повторение.

Выше мы уже отметили, что мнемическое значение каждого отдельного повторения зависит от объема материала: шестичленный ряд бессмысленных слогов запоминается с одного прочтения, но на запоминание ряда из 12 членов требуется не два, а 10—12 повторений. Естественно возникает вопрос о том, имеет ли каждое от-

дельное повторение одинаковое мнемическое значение? Или, иначе говоря, если, например, на запоминание серии из 12 членов необходимо 12 повторений, то запоминается ли при каждом отдельном повторении одно и то же количество материала (в данном случае — 12:12 = 1)?

Экспериментальный ответ на данный вопрос оказался отрицательным — мнемическое значение каждого отдельного повторения зависит от места, занимаемого им в ряде повторений. *Это значение тем меньше, чем отдаленнее оно от первого.* Стало быть, наибольшее мнемическое значение имеет *первое прочтение,* а наименьшее — *последнее.* Например, пятнадцатое прочтение дает больший дополнительный эффект, чем любое последующее, скажем, двадцатое. Следовательно, если с первого прочтения мы запоминаем, скажем, десятую часть материала, это отнюдь не означает, что для запоминания материала целиком окажется достаточным десять повторений. Отсюда ясно, что чем больше повторяешь материал, тем меньше и меньше прибавляешь к уже запомненному количеству.

Указанное обстоятельство естественно ставит вопрос о так называемой *«гиперфиксации»,* или избыточном заучивании.

6. Закон «гиперфиксации»

Согласно закону месторасположения повторения, наименьший дополнительный эффект дает последнее повторение. При последующем увеличении числа повторений каждое из них должно давать все меньший и меньший дополнительный результат. Однако интересно выяснить, имеет ли какое-либо мнемическое значение лишнее повторение, то есть имеет ли какой-либо смысл повторять материал и после того, когда он уже хорошо заучен?

Этот вопрос особенно хорошо изучен американскими психологами. Учитывая практическое значение данного вопроса, представляется необходимым остановится на нем хотя бы вкратце.

Общий вывод, следующий из опытов по изучению гиперфиксации, состоит в следующем: положительное мнемическое значение избыточных повторений в определенных пределах (особенно это касается первых излишних повторений) сомнения не вызывает и выражается в *закреплении заученного.* Это означает, что, если мы еще раз читаем, например, уже выученное наизусть стихотворение, это нельзя считать пустой тратой времени; это стихотворение запоминается на более долгий срок.

7. Закон Йоста

Закон месторасположения повторений остается в силе лишь в случае, когда речь идет о непрерывном ряде последовательных повторений. Но если они на определенное время прекращаются, а затем вновь возобновляются, то дело обстоит несколько иначе. И действительно, ведь можно предположить, что в данном случае вместо одной серии повторений имеет место несколько и, следовательно, месторасположение каждого повторения и его мнемическое значение должно соответствующим образом измениться. Очевидно, что в этом случае решающее значение имеет интервал времени между повторениями — при малом интервале с меньшим основанием можно говорить о прекращении серии, чем при более длительном. Так или иначе, в любом случае следует выяснить хотя бы то, имеет ли длительность интервала времени между повторениями какое-либо мнемическое значение.

Ответ на данный вопрос дает известный закон Йоста (1897): *на запоминание наизусть визуального материала* (слогов, слов, цифр) *времени требуется меньше тогда, когда интервал времени между повторениями более длителен.*

Это означает, что если, например, на заучивание стихотворения наизусть нужно его прочесть 20 раз подряд, нам потребуется гораздо меньше времени, если мы будем его учить, допустим, в течение четырех дней — тогда нам потребуется не пять повторений в день, а гораздо меньше. Пьерон получил следующие данные: на запоминание 20 цифр оказалось достаточным: при интервале длительностью в 1,5 минут — 11 повторений, при 2-минутном интервале — 7,5 повторений, при 10-минутном — 5 повторений, а при интервале длительностью от 24 минут до 24 часов — 4,5 повторений.

Еще более четко выражено действие закона Йоста тогда, когда дело касается выработки моторных навыков (Снод).

Но разве можно говорить об абсолютной силе данного закона? Можно ли сказать, что чем длительнее интервал, тем лучше результат заучивания? Разумеется, такое предположение было бы неправомерным. Совершенно очевидно, что чересчур продолжительный интервал способствует не запоминанию, а забыванию, ведь ясно, что, если мы прочли сегодня стихотворение дважды, а затем ни разу не перечитали его в течение года, в конце концов от него в нашей памяти ничего не останется.

Следовательно, можно предположить, что закон Йоста действует в определенных пределах, то есть должен существовать интервал какой-то продолжительности, представляющий собой наиболее благоприятное условие процесса запоминания — оптимальный интервал, позволяющий получить лучший результат по сравнению и с менее, и с более продолжительным интервалом. Согласно существующим исследованиям, такой интервал, как видно из вышеприведенных данных, составляет промежуток между 10 минутами и 24 часами.

Но если это так, то окончательная формулировка закона Йоста может иметь следующий вид: *минимальное количество повторений для заучивания любого материала зависит от оптимальной длительности интервала времени между этими повторениями.*

8. Закон заучивания целиком

Из собственного опыта мы знаем, что когда, скажем, нужно выучить наизусть стихотворение, мы чаще всего учим его по частям: сначала один куплет, затем — второй и так до конца. Однако следует отметить и то, что не все поступают таким образом, некоторые учат стихотворение полностью, не деля на части. Возникает вопрос: какой способ экономнее — учить полностью или по частям?

Невзирая на то, что различные авторы отвечают на данный вопрос по-разному, рассмотрение полученных ими результатов ясно показывает, что в нормальных условиях заучивание текста или серии бессмысленных слогов среднего объема за редким исключением предпочтительнее полностью (глобально), нежели по частям (фрагментально).

Рид наиболее экономным считает метод, именуемый им *«прогрессивным»;* этот метод представляет собой попытку своего рода сочетания глобального и фрагментального методов: испытуемый заучивает материал по частям, но, заучив первый и второй куплеты стихотворения, он повторяет их вместе, затем учит третий и опять повторяет все три вместе и так до конца, пока не выучит стихотворение полностью. Если недостатком заучивания частями считать то, что для объединения заученных по отдельности частей нужна дополнительная энергия, то тогда, как это показал еще Пекштейн (1921), прогрессивный метод Рида заслуживает особого внимания.

Мейман, касаясь этого же вопроса, советует начинать заучивание нового материала глобальным методом, чтобы с самого же начала учесть его структуру и смысл. Места, которые хуже запоминаются, следует выучить отдельно; они должны занять в тексте надлежащее место после того, как текст полностью будет прочтен еще несколько раз. Этот путь позволяет устранить недостатки этих методов и объединить преимущества каждого из них.

Забывание

1. Два понятия забывания

Забывание — факт несомненный. Далеко не все, что мы когда-то учили, остается в нашей памяти, ведь наизусть выучено так много стихотворений, грамматических правил или математических формул! Большая часть всего этого нами забыта. Разве все то, что мы, завершая обучение и готовясь к экзаменам, знали, обязательно помнится и сегодня? Разумеется, нет, причем отнюдь не случайно. Это — совершенно закономерное явление, свойственное любому человеку. Обучая детей в школе, нам заведомо известно, что в будущем многое забудется, да и должно забыться. Есть даже такие учебные дисциплины, которые изучаются годами, но представляют собой всего лишь подготовительную ступень для последующего изучения какого-либо другого предмета. Выполнив свою роль, то есть обеспечив почву для изучения второго предмета, они теряют всякий смысл, и многое из того, что входило в их содержание, должно быть забыто как совершенно излишнее и бесполезное. Можно сказать, что большая часть того, чему нас учили в школе — содержание уроков, которые мы учили ежедневно и хорошо знали на второй день, — нами забыта.

Какой вывод следует из этого? Неужели все это было бесплодной тратой времени и энергии? Неужели огромная энергия лучших лет молодости растрачена попусту! Разумеется, подобный вывод неправомерен. Если бы я не изучил в школе все то, что сейчас мною забыто, мог ли я быть точно таким же, как сейчас? Разве все это не принимало определенное участие в процессе моего развития, моего становления, в моей, так сказать, «истории»?

Каждый человек является продуктом своего прошлого, и постольку это прошлое существует до тех пор, пока существует сам человек. Следовательно, очевидно, что забывание отнюдь не означает полного прекращения действия прошлого в настоящем, то есть утрату всех достижений памяти. Забывание — это исчезновение того, что было сохранено в сознании в виде знаний или иных психических содержаний, забывание касается лишь сознания. Однако бесспорно и то, что память делает многое и вне сознания, и забывание может этого не касаться.

Во всяком случае, вышеотмеченные факты указывают на то, что понятие забывания имеет по крайней мере два совершенно различных смысла: исчезновение хранившихся в сознании впечатлений прошлого и исчезновение того, что было сохранено личностью из прошлого вне сознания.

Говоря выше о забывании, мы подразумевали первое значение данного понятия; в общем, понятие забывания обычно используется только в этом его значении.

На самом же деле понятие забывания может иметь и иное значение. Я могу не помнить ни одного из выученных в детстве стихотворений, быть не в состоянии продекламировать ни одно из них; следовательно, они мною совершенно забыты в обыч-

ном смысле этого слова. Но мы знаем, что процесс запоминания протекает следующим образом: запоминаемое впечатление воздействует на нас как на личность, вызывая ее определенную модификацию в виде соответствующей установки. Следовательно, мы имеем не только переживание данного впечатления в виде определенного феномена сознания, но и соответствующую ему установку как состояние субъекта. Переживание вне установки не возникает, поскольку оно всегда подразумевает субъекта, который его испытывает. Однако установка — это диспозиция, которая может существовать всегда, то есть всегда возможно, чтобы субъект развернул свою активность в направлении данной установки. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют следующие экспериментальные данные. Установка, созданная во время гипнотического сна, действует и после пробуждения, несмотря на полную постгипнотическую амнезию субъекта, то есть на уровне сознания он ничего не помнит о тех впечатлениях, под воздействием которых у него возникла данная установка.

Следовательно, я могу совершенно не помнить выученное в детстве стихотворение, в сознании от него ничего не осталось, но созданная под его воздействием установка как диспозиция в том или ином виде сохраняется, то есть до тех пор, пока моя личность остается неизменной, возможность актуализации этой установки, развертывания поведения в ее направлении не исключена. Представим себе, что личность существенно, полностью изменилась, как это происходит в некоторых патологических случаях. Тогда, разумеется, говорить о прежней личности и, соответственно, ее установках нельзя. В таком случае мы вновь имеем дело с забыванием, но теперь уже во втором значении этого слова, то есть не только с забыванием как исчезновением определенного содержания сознания, но и с забыванием, как полным исчезновением прежней установки.

Однако происходят и несущественные изменения личности; например, человек в детские годы и в период полного созревания совершенно различен, поэтому, казалось бы, можно с уверенностью говорить об исчезновении приобретенных в детстве установок. Но достаточно человеку по старости или какой-либо иной причине «впасть в детство», как у него вновь всплывают старые установки, а на их основе могут возвратиться старые воспоминания: известно, что переживания детских лет, совершенно забытые взрослыми, в старости всплывают вновь.

С учетом и этого второго значения забывания никак нельзя сказать, что мы напрасно тратили время и энергию в школе. Тот факт, что мы не может репродуцировать выученный в детстве материал, совершенно не означает, что у нас от него ничего не осталось, так как наше Я, наша личность со всеми ее установками, на основе которых в общем развертывается наша активность, продолжает существовать! Ведь по существу как обучение в целом, так и каждый его отдельный акт — скажем, заучивание наизусть того или иного стихотворения — подразумевали и подразумевают именно развитие личности, становление ее определенной структуры. Мы учим стихотворение вовсе не для того, чтобы помнить его вечно, а потому, что его заучивание имеет воспитательное значение — это способствует возникновению у нас определенной установки, долженствующей стать одним из элементов нашей личности. И когда цель, которую преследовало заучивание стихотворения, достигнута, то уже не нужно помнить его наизусть, и потому оно должно быть забыто.

Таким образом, забывание бывает двояким: забывание знания как содержания сознания и «забывание» установок, сформированных у личности под воздействием прошлых впечатлений. Имеющиеся в психологической литературе данные касаются только первого понятия забывания, являющегося предметом интенсивных экспериментальных исследований вплоть до сегодняшнего дня.

2. Феноменология забывания

Проблема забывания была одной из основных, исследование которой входило в круг самых ранних задач экспериментальной психологии памяти. Этот вопрос поставил еще Эббингауз; следует отметить, что он по существу решил его. Во всяком случае, современная экспериментальная психология по данному вопросу фактически все еще придерживается позиции Эббингауза, а вся последующая работа в этом направлении есть не что иное, как дополнение и уточнение полученных им результатов.

Основной закон, или правило забывания, обнаружил еще Эббингауз. Данный закон остается в силе и сегодня. Но прежде, чем перейти к его рассмотрению, необходимо выяснить, что представляет собой забывание феноменологически. Ранее этому вопросу не уделялось надлежащего внимания, а потому можно сказать, что он недостаточно изучен.

По обыкновению, говоря о забывании, подразумевают, с одной стороны, стирание содержания выученного, а с другой стороны — ослабление существующих между его членами связей.

Однако, как справедливо отмечает Штерн, содержание понятия забывания этими двумя моментами не исчерпывается. Он, со своей стороны, предлагает относительно более сложное описание данного явления. Согласно Штерну, забывание проявляется в виде различных симптомов. Первый симптом заключается в том, что отдельные члены выученного материала тускнеют, становятся туманными, утрачивают определенность («утрата ясности»); происходит ослабление *статической памяти* (по терминологии Пьерона), то есть отдельных элементов, отдельных образов памяти. Второй симптом является следующим: связи между отдельными членами ослабевают, прерываются и в конце концов исчезают, так что нарушается единство целостности («утрата прочности»). Согласно Пьерону, в данном случае можно говорить о пресечении *динамической памяти*. Третий симптом, в виде которого проявляется забывание, заключается в том, что созданная в результате первичного акта заучивания диспозиция ослабевает, а потому чем больше проходит времени, тем больше времени и усилий требуется для восстановления забытого («утрата упражнения»). Четвертый симптом, сопутствующий процессу забывания, состоит в том, что для припоминания выученного требуется все больше и больше усилий, все большее напряжение воли («утрата прочности»). И, наконец, по мнению Штерна, забывание проявляется и в том, что скрытое влияние выученного, находящее свое выражение в образовании и жизненном опыте, постепенно ослабевает, проявляясь все реже и реже.

Предложенное Штерном описание феномена забывания является достаточно полным, однако последний «симптом» касается скорее второго понятия забывания, нежели первого, а потому он не должен фигурировать в феноменологическом анализе забывания.

3. Основной закон забывания и кривая забывания

Эббингауз, между прочим, приводит один очень интересный случай. Ему, будучи еще молодым исследователем, довелось выучить наизусть несколько куплетов стихотворения Байрона. Через 22 года, когда он вновь взялся за заучивание этих же

куплетов, оказалось, что он совершенно ничего не помнил, то есть не только не мог воспроизвести их, но они не показались ему даже знакомыми. Тем не менее, оказалось, что он заметно легче (на 7%) заучил их, нежели новые куплеты аналогичной сложности. На основании этого Эббингауз делает вывод, что он забыл эти куплеты отнюдь не полностью — в его сознании все еще оставался некий след.

Разумеется, помимо этого наблюдения, Эббингаузом собран специальный экспериментальный материал, подтверждающий правильность данного наблюдения и его общий характер. Он предлагал испытуемым для запоминания свой обычный экспериментальный материал — бессмысленные слоги. После того, как они совершенно забывали выученное, он в различное время, с соблюдением определенных интервалов времени, вновь давал им этот же материал с тем, чтобы выяснить, остался ли какой-либо след выученного и после забывания, а в случае положительного ответа — в течение какого времени он сохраняется.

Выяснилось, что если для первичного заучивания определенного ряда бессмысленных слогов требовалось 30 повторений, то при вторичном заучивании этого же материала были получены следующие данные:

Интервал времени	через 20 минут	через 1 час	через 9 часов	через 24 часа	через 6 дней	через месяц
Число повторений •	12 (40%)	17 (57%)	19 (53%)	20 (67%)	23 (73%)	24 (80%)

Как видим, факт предыдущего заучивания оказывает несомненное влияние на процесс повторного заучивания. С другой стороны, чем больше проходит времени, тем слабее это влияние. Следовательно, забывание прогрессивно возрастает. Но, в то же время, что следует считать особенно важным открытием, момент, когда можно говорить о полном забывании, не наступает никогда — ряд бессмысленных слогов даже через месяц оказался забытым лишь на 80%. Соответственно, открытый Эббингаузом основной закон может быть сформулирован следующим образом: *чем больше времени проходит с момента заучивания определенного материала, тем дальше идет процесс его забывания, но при этом никогда не достигая уровня абсолютного забывания.* Одним словом, *в определенных пределах забывание является функцией времени.*

Представление о ходе процесса забывания дает предложенная Эббингаузом кривая забывания. В соответствии с результатами экспериментальных исследований процесс забывания отнюдь не протекает в постоянном темпе; в частности, в начале его течение является особенно быстрым, но затем темп относительно замедляется и, наконец, наступает момент, когда забывание начинает продвигаться вперед очень медленными шагами. Наглядное выражение этого процесса и дает кривая забывания Эббингауза.

Фуко предлагает следующую формулировку закона забывания: *припоминание обратно пропорционально пройденному времени.* Но Пьерон возражает против подобной формулировки, считая, что она противоречит эмпирическому материалу. По его мнению, гораздо правильнее утверждать, что *память обратно пропорциональна квадрату пройденного времени.* Но следует учитывать, что и эта последняя формулировка правомерна лишь в определенных пределах.

4. Другие факторы забывания

Разумеется, забывание происходит под влиянием времени, однако было бы ошибкой думать, что в данном случае само время, как таковое, имеет самостоятельное значение. Нет, оно воздействует своим содержанием, тем, что происходит в процессе его протекания. Следовательно, факторы забывания следует искать в этом содержании — как в его качественных особенностях, так и в условиях, в которых эти особенности проявляются. Не вызывает сомнения, что таким же фактором должна быть и индивидуальность субъекта.

1. В первую очередь следует отметить закон Ааля, заключающийся в том, что когда материал готовится к определенному сроку, например, с целью сдать экзамен, тогда он забывается быстрее, чем тогда, когда это делается для сохранения его на более продолжительный срок. Следовательно, вполне возможно, чтобы один и тот же материал у одного и того же человека остался в памяти в одном случае более долго, а в другом — был вскоре забыт, в зависимости от намерения, с которым выучен этот материал: с целью продолжительного запоминания или лишь на определенное время. Данное наблюдение Ааля безусловно имеет очень большую теоретическую и практическую значимость; оно с очевидностью доказывает, сколь тесна связь памяти с личностью как целостностью, с ее интересами, потребностями. В свете этого становится понятным известное наблюдение о том, что заученный специально для экзамена материал по обыкновению как бы забывается вместе со сдачей экзамена. Отсюда, конечно, нетрудно сделать надлежащие практические выводы.

2. Несомненно, что с этим же в определенной мере связан и другой фактор — как говорится, *«быстро* заученное *быстро* же забывается». И вправду, как показывают опыты Меймана и Эберта, данное положение подтверждается и экспериментально — во всяком случае, хотя бы применительно к бессмысленному материалу. Что касается осмысленного материала, здесь положение несколько иное — по-видимому, вследствие подключения и других факторов.

От чего зависит этот эффект быстрого заучивания? В некоторых случаях, наверное, от того, что обычно быстро запомненное требуется человеку в течение определенного времени. Это — во первых. Во-вторых, решающее значение должно иметь именно то, что процесс быстрого заучивания не дает возможности освоенному материалу завершиться, созреть и в полной мере воздействовать на личность, вызвав у нее соответствующую установку. По словам Баларда, «когда оптимальный интервал между последовательными актами запоминания велик, тогда и запоминание бывает более прочным» (1913).

3. Более *конкретный,* более *наглядный* материал остается в памяти *гораздо дольше,* нежели менее наглядный и отвлеченный. Например, серии цифр, бессмысленных слогов, отдельных букв, столь часто используемые в практике исследования памяти, человек забывает гораздо быстрее, чем, скажем, серии рисунков. Однако, как видно, дело не только в наглядности, поскольку если запоминаемый материал внутренне логически связан, даже если его элементы имеют отвлеченный характер, он все-таки остается в памяти гораздо дольше, чем простая последовательность наглядных рисунков.

4. Человек помнит слова дольше, нежели бессмысленные слоги; фразы запоминаются на более долгий срок, чем отдельные слова.

5. Особенно очевидна и примечательна прочность запоминания моторных навыков. Например, после 48-дневного упражнения в машинописи человек достиг

уровня, когда он в час печатал 1100 слов. В течение последующих двух лет он не упражнялся вовсе; тем не менее, для полного восстановления навыка ему хватило десятидневного упражнения (Свифт). Как видим, в данном случае прочность запоминания прямо-таки удивительна.

6. С точки зрения прочности запоминания имеет значение и то, каким способом заучивался материал — глобальным или фрагментальным. Оказалось, что при первом способе запоминание прочнее — по крайней мере тогда, когда дело касается бессмысленного материала (М. Мейер).

5. Положительное влияние забывания

Забывание всегда переживается как проявление нашей слабости, нашего несовершенства. В некоторых случаях это переживание бывает даже болезненным. Иногда мы хотим что-то вспомнить, очень стараемся, но все усилия оказываются тщетными. Бывают случаи, что не только не припоминаются прочные знания и навыки, но и забывается очень важное задание или обещание. Это обстоятельство является помехой в жизни, поскольку некоторые задачи решались бы гораздо быстрее и точнее, если бы мы ничего не забывали.

Одним словом, забывание и объективно, и субъективно можно считать определенным недостатком.

Тем не менее, нельзя сказать, что в процессе филогенетического развития человека происходит постепенное преодоление данного недостатка. Напротив, существуют доводы, позволяющие предположить, что на низких ступенях культурного развития память иногда характеризуется особой остротой — то, что мог запомнить первобытный человек, культурному человеку часто оказывается непосильным. Следовательно, забывание должно иметь и некую положительную роль, иначе его «судьба» в процессе филогенетического развития была бы совершенно необъяснима.

Помимо этого, в психологии довольно широко распространено мнение, согласно которому наши все более или менее значимые психические процессы должны иметь определенный смысл, и одной из важнейших задач психологии считается постижение этого смысла (так называемая «понимающая психология» Шпрангера, Ясперса и др.).

Следовательно, неудивительно, что встает вопрос и о смысле, положительном значении забывания. Основоположник психоанализа 3. Фрейд уделял этому вопросу особое внимание. По его мнению, забывание в жизни человека выполняет весьма значительную роль. Когда человек в глубине души не хочет что-то делать, он это забывает; если кто-то забыл время назначенного свидания, это означает, что ему не хочется поддерживать связь с этим человеком. Кто-то забыл, что вчера вечером ему нужно было пойти на собрание; это случилось потому, что в глубине души он не хотел на нем присутствовать.

Подразумевается, что в данном случае в основе механизма забывания лежит истинное желание, о котором не подозревает и сам субъект и которое, стало быть, представлено на бессознательном уровне. Наши истинные желания, о существовании которых мы ничего не знаем, пытаются вытеснить из сознания все то, что противоречит им; забывание — это одна из форм проявления этого бессознательно протекающего процесса. Следовательно, забывание, по мнению Фрейда, имеет совершенно определенную положительную ценность.

Штерн решительно доказывал, что забывание для личности имеет не только отрицательное значение; в частности, иногда утрата знаний, того, что знал, может иметь значение настоящей разгрузки. Каждая эпоха и ситуация жизни требуют наличия запаса соответствующих знаний, и понятно, что наша изначально ограниченная энергия может оставить совершенно без внимания кое-что из сокровищницы наших знаний — то, что сейчас не используется. Так возникает забывание, а у тех же, кто лишен этой способности — например, у некоторых «полигисторов» (все знающих) не остается сил для немнемической деятельности, а особенно — творческой работы. Одним словом, согласно Штерну, запас энергии человека ограничен; по этой причине он забывает все то, что ему не нужно, приобретая тем самым возможность получения того, что ему нужно.

Воспоминание

1. Воспоминание

Что такое воспоминание и чем отличается оно от других форм памяти? В общем об этом мы уже говорили выше. Но сейчас нам нужно детально познакомиться с данным понятием.

Рассмотрим какой-нибудь частный случай воспоминания: как-то мы ехали на машине за город, и вдруг мимо нас на большой скорости промелькнула другая машина. А через несколько минут мы увидели, что машина упала в обрыв и разбилась. Первое, что в подобном случае переживается, это — объективная обстановка, составляющая содержание воспоминания *{объективный индекс)*. Второй момент заключается в осознании того, что данный факт происходит не сейчас, а произошел в прошлом, в частности — в прошлом году *{индекс времени)*. И третье, на что следует обратить особое внимание, это то, что данная объективная ситуация переживается не только как объективная данность, а как содержание моего тогдашнего восприятия. Воспоминание подразумевает не просто объективные обстоятельства, имевшие место в прошлом, но и наши прошлые переживания, так как в воспоминании подчеркивается не то, что когда-то случилось, а то, свидетелями чего мы оказались, что восприняли. Воспоминание повествует не об истории объективной реальности, а скорее о нашей собственной. А потому в воспоминании центральное место занимает субъект. Я дано нам лишь в воспоминании, и вне воспоминания его переживание оказывается пустым, бессодержательным переживанием *(индекс Я)*. С данной точки зрения воспоминание действительно представляет собой пережитую субъектом *историю*. Именно поэтому его и именуют *исторической памятью*.

Воспоминание — специфически человеческое свойство, у животных воспоминаний нет; следовательно, у них нет ни собственной истории, ни переживания Я. Дело в том, что воспоминание подразумевает объективизацию переживания. Субъект не только переживает нечто, но и обращает внимание на сам факт восприятия; факт восприятия для него — объективное явление, объективное же явление отнюдь не уничтожается вместе с субъективным, продолжая существовать, но уже в качестве случившегося акта. Так появляется переживание прошлого, а вместе с ним — переживание собственного Я, находящее свое содержание в этом прошлом.

2. Основа датирования воспоминаний

Как известно, для воспоминания особенно характерным является то, что субъект переживает свои представления как прошлые восприятия, размещая каждое из этих своих воспоминаний в прошлом, то есть осуществляя их *темпорализацию*.

Однако, как отмечалось, в воспоминание в качестве необходимого элемента входят и объективные обстоятельства, то есть воспоминание обязательно связано с неким объективным содержанием. Однако данное содержание как объективное занимает свое определенное место в объективном времени. Следовательно, в процессе датирования своих воспоминаний, темпорализации собственных представлений субъект вынужден учитывать и даты объективного времени, сделав таким образом понятным для всех место собственных переживаний в прошлом.

Но даты объективного времени создают исторические явления; содержание объективного времени составляет общее историческое прошлое человечества. Таким образом, собственное прошлое субъекта, представленное в виде его воспоминаний, прилагается к историческому прошлому общества, становясь понятным в соответствии с датами. Описанная выше катастрофа произошла в годы начала Первой Мировой войны. После этого темпорализация моего воспоминания принимает совершенно определенный вид, увязываясь с таким фактом, переживание которого имеет всеобщую значимость для каждого из нас (Блондель).

3. Зависимость воспоминания от настоящего как один из его факторов

Воспоминание представляет собой обновление переживаний прошлого в настоящем. Воспоминание всегда происходит в настоящем. Его содержанием является прошлое, пройденное, уже случившийся факт, но при этом сам акт воспоминания — чисто актуальный процесс. Воспоминание, как правило, отнюдь не возникает само по себе, актуализируясь для удовлетворения нужд нашего актуального интереса. Следовательно, оно должно зависеть не только от прошлого, но и от настоящего, на него определенным образом должны влиять и наши актуальные потребности, коль скоро оно возникает с целью удовлетворения этих потребностей.

Но если это так, то тогда наши воспоминания должны быть отнюдь не точной копией, зеркальным отражением, простым повторением наших прошлых переживаний, а содержать нечто особенное, необходимое для интересов прошлого. И действительно, точное изучение воспоминаний со всей очевидностью доказывает, что они ни в коем случае не являются точным отражением прошлого — это скорее реконструкция прошлого, нежели его слепая копия.

Субъект подходит к прошлому с позиций актуальных потребностей, восстанавливая прошлое в соответствии с ними. Само собой разумеется, что в этих условиях прошлое в неизменном виде не проявляется никогда; в воспоминаниях оно всегда более или менее видоизменено. Воспоминание, стало быть, всегда является иллюзорным, представляя точной картиной прошлого то, что иногда может иметь с ним разве что отдаленное сходство.

Воспоминание, как мы уже знаем, представляет собой целостную совокупность трех моментов — объективных и субъективных обстоятельств, а также времени. Следовательно, для уяснения его природы необходимо учитывать все эти моменты.

Лучше всего воспоминание исследовано в аспекте его субъективного содержания; в современной экспериментальной психологии существует целый раздел, известный под названием «психология показаний».

Но почти совершенно не изучены два остальных момента воспоминания. Вначале мы вкратце остановимся именно на этих вопросах, а затем подробнее остановимся на психологии показаний.

4. Объективное и субъективное прошлое

Объективно прошлое каждого из нас имеет прямолинейное течение, отдаленность каждого его момента от настоящего определяется хронологической датой, чем раньше случилось то или иное событие, тем к более отдаленному прошлому оно относится. Но это — только объективно. Субъективно же, то есть в воспоминаниях, как это особенно подчеркивает Штерн, дело обстоит совершенно иначе. Объективный хронологический ряд прошлого и его субъективное переживание, или, короче, объективное и субъективное прошлое, совпадают друг с другом далеко не по всем своим точкам. Возможно, что хронологически давно случившийся факт может стоять перед нашими глазами со всей своей пластичностью, переживаясь подобно факту ближайшего прошлого, тогда как какой-либо объективно совсем недавний факт прошлого может вспоминаться как далекое прошлое, не имеющего ничего общего с настоящим. Например, после окончания школы некто X. приступил к профессиональной деятельности. Через несколько лет он вновь начал учиться. Разумеется, теперь период его ученичества в его переживании окажется к настоящему ближе, чем переживания объективно более близкого периода трудовой деятельности. В старости мы чаще вспоминаем детские переживания, нежели близкого прошлого. Все это так и должно быть, так как раз уж воспоминание определяется интересами и настроем настоящего, то понятно, почему и старый человек, близкий по своим интересам к ребенку, и человек, после перерыва вновь вернувшийся к учебе, вспоминают то, что отвечает их актуальным интересам.

5. Влияние переживания настоящего на прошлое

Под влиянием интересов и потребностей настоящего претерпевает своеобразную модификацию и субъективный момент воспоминаний. Допустим, X. изменил свое отношение к Y., его прежняя вражда с ним сменилась особой симпатией. Несомненно, что под влиянием изменения отношения его воспоминания примут иные направление и характер. Факты из прошлого Y., отрицательно оцениваемые в прошлом, теперь покажутся X. несколько иными; воспоминание усмотрит в них много такого, на что раньше он внимания не обращал и в связи с чем ему стал симпатичен человек, к которому ранее он испытывал антипатию (Штерн).

Когда настоящее лишается содержания и смысла, тогда человек обращается к прошлому, испытывая особое стремление к этому. Незначительные переживания прошлого теперь зачастую обретают смысл и значение, претерпевая соответствующую модификацию в воспоминании. Старому человеку все события прошлого видятся в лучшем свете, нежели новые, ведь его жизнь идет по пути не улучшения, а ухудшения.

Как указывает Штерн, настоящее оказывает своеобразное влияние на прошлое и тогда, когда оно, напротив, заполняется смыслом, становясь источником счастья.

Когда человек, выросший в крайней нужде и лишениях, оказывается в противоположном положении, он иногда охотно вспоминает свое прошлое и самые горькие минуты своей прошлой жизни — потому, наверное, что на фоне тяжелого прошлого переживание счастливого настоящего становится еще более интенсивным.

психология показаний

Воспоминание имеет и объективный момент, оно всегда касается какого-то объективного обстоятельства; в воспоминании в виде представления оживает то, что действительно когда-то произошло. Поэтому понятно, что от воспоминания требуется точность, ведь объективные обстоятельства следует передавать с объективной точностью. Мемуары интересны не только с точки зрения ознакомления с личностью автора, но и представляют собой исторический документ, поэтому рассказанные в них события должны быть не вымышленными, а реальными.

Совсем иной вопрос, насколько возможно в воспоминаниях правильно восстановить ход событий. Гете был совершенно прав, утверждая, что любые воспоминания представляют собой сочетание реального и вымысла (Wahrheit und Dichtung). В современной психологии это доказано и экспериментально. Воспоминание, служащее, по сути, намерению точно восстановить прошлое, никогда этой своей цели точно не достигает, поскольку объективная действительность в нем так или иначе всегда искажена. Предметом специального исследования так называемой психологии показаний является воспоминание и его согласованность и расхождение с реальностью.

1. Методы исследования

Экспериментальное изучение показаний происходит, как правило, двояким путем. С одной стороны, известен так называемый «опыт картинок», состоящий в том, что испытуемому в течение определенного времени показывают картинку, а по истечении того или иного интервала времени просят описать ее. С другой стороны, это — «опыт случая», или «опыт действительности», преимущество которого заключается в том, что здесь в качестве предмета воспоминаний выступает какое-либо реальное событие, то есть испытуемого просят описать какой-то специально устроенный случай. Показания испытуемого берутся двумя способами: либо испытуемый сам рассказывает обо всем, что он помнит, либо путем опроса — ему предлагают ответить на предварительно разработанные и составленные по соответствующей форме вопросы (избегая задавать наводящие вопросы).

2. Практическая значимость психологии показаний

Практическая значимость результатов исследований психологии показаний очень велика. Дело в том, что существует целый ряд сфер жизни, для которых правильное восстановление тех или иных фактов имеет особое значение; так, например, показания свидетелей в судебной практике часто имеют решающее значение.

В общем, когда дело касается восстановления прошлого, более надежного источника, нежели свидетельство очевидцев или участников, не существует. Поэто-

му психология показаний в некоторых случаях значима и с точки зрения научного исследования. Например, прошлое интересует, в первую очередь, *историю,* для которой свидетельства современников или очевидцев особенно важны. Однако насколько надежны показания свидетеля, искренне пытающегося описать суть происшедшего, или «правдивое повествование» летописца, записанное с целью зеркального отражения действительности? Какова зависимость между воспоминанием и действительностью, как следует оценивать и собирать воспоминания? Выяснение всего этого является задачей психологии показаний.

Понятен особый интерес по отношению к психологии показаний со стороны криминалистики и исторической критики. Первые исследования в данной сфере проведены В. Штерном (1902) и М.Вертхаймером. Штерн проявлял особый интерес к проблематике психологии показаний, и его следует считать особенно видным представителем данной отрасли. В его последней книге представлен краткий обзор результатов психологии показаний. Нам достаточно ознакомиться с выводами, к которым, согласно Штерну, пришла современная психология показаний.

3. Основные результаты психологии показаний

Основной результат многочисленных исследований, полученный в совершенно различных условиях исследования и постольку не подлежащий сомнению, заключается в следующем: «воспоминания, правильного на все сто процентов, не существует», то есть не было ни одного случая, когда прошлое было восстановлено в воспоминании совершенно точно, совершенно неискаженно — воспоминание более или менее всегда ошибочно. Данное положение остается в силе даже тогда, когда испытуемый находится в максимально благоприятных условиях для наблюдения, запоминания и последующего воспоминания.

Штерном проведен специальный опыт: он давал своим испытуемым — взрослым и образованным людям простые картинки с малозначимым содержанием, предложив им рассматривать их сколько им будет угодно, а хорошо запомнив их содержание, рассказать лишь то, в безошибочности чего они будут убеждены. Результат оказался удивительным — из показаний испытуемых в среднем 5% все-таки оказалось ошибочным, причем, что самое главное, нельзя сказать, что эти ошибки касались несущественных моментов.

Вывод очевиден: не существует свидетеля, соучастника или очевидца, показания которого надежны на все сто процентов. Следовательно, нужно специально исследовать, чем предопределены ошибки, с необходимостью присущие показаниям.

4. Факторы ошибок

Штерн в первую очередь отмечал факторы первичного переживания — восприятия и внимания. Он подразумевал случаи, когда ошибка происходит в процессе восприятия или субъект не уделяет должного внимания тому, что в последующем оказывается значимым. Очевидно, что в таких случаях показания никак не могут правильно воспроизвести объективные обстоятельства. Однако ведь в этом повинна не память! Если бы субъект правильно воспринял и обратил внимание на все то, что ускользнуло от него, разве можно было с уверенностью утверждать, что его показания все равно оказались бы ошибочными? Разумеется, нет. Нас интересуют факторы, предопределяющие ошибочность воспоминаний, а не ошибочность показаний вообще.

А. В данном отношении особенно важным фактором является *фактор времени*. Чем больше промежуток времени между моментами восприятия и воспоминания, тем больше ошибок следует ожидать. Причина этого не только в усилении процесса забывания, но и в увеличении числа ошибочных показаний. Дело в том, что иногда на позднем опросе свидетели дают более подробные показания, чем на ранее проведенном — создается впечатление, что за это время их память как бы улучшилась. В действительности же происходит прямо противоположное. Вышеописанные опыты Штерна, в которых испытуемым были созданы самые благоприятные условия, показали, что через несколько недель испытуемые и вправду давали несколько больше показаний, но при этом вдвое возрастало количество ошибок (10% вместо 5%).

Б. На правильность показаний заметно влияет и форма дачи показаний. Согласно Штерну, в случае свободного повествования количество ошибок составило 6%, тогда как при опросе их число увеличилось до 33%. Данное обстоятельство объясняется тем, что во время опроса, в отличие от свободного повествования, начинает действовать фактор внушения, когда субъект дает показания лишь о том, что относительно лучше помнит. Во время же опроса он вынужден говорить и о том, что может совершенно не помнить. Разумеется, он вправе заявить, что он об этом не помнит. Однако зачастую внушающей является уже сама постановка вопроса, и испытуемый редко не попадает под это влияние. И тогда содержание вопроса и ошибочная форма получают особое значение.

Одним из важнейших достижений экспериментального исследования показаний Штерн считал демонстрацию роли так называемых *«наводящих» вопросов*. Оказалось, что, если вопрос не сформулирован надлежащим образом и не задан соответствующим тоном, он не только не способствует, но, наоборот, препятствует правильному воспоминанию. Например, на вопрос, сформулированный следующим образом: «Разве Вы не помните, что он держал в руках палку?», отрицательный ответ следует редко. В опытах Штерна коэффициент внушаемости составил 25%, то есть на каждые четыре наводящих вопроса приходился один неправильный ответ.

Подобное влияние наводящих вопросов понятно. Как известно, внушение — это создание соответствующей установки. Однако коль скоро у субъекта возникла установка на то, что человек держал в руках палку, тогда перед ним предстает образ человека с палкой; иногда он настолько уверен в правильности своих показаний, что может даже подробно описать палку, хотя на самом деле никакой палки не было. В таких случаях наводящий вопрос иногда может вызвать такую стабилизацию ошибочной установки, что субъект и при даче последующих показаний уже путем свободного повествования может остаться на этой же позиции, обрисовав, тем самым, совершенно ложную картину событий, будучи при этом убежден в полной ее правдивости.

Насколько прочным является внушение в подобных случаях, со всей очевидностью явствует из ответов на дополнительные вопросы в связи с объектом внушения.

В опытах Штерна 12-летняя девочка в ответ на наводящий вопрос: «Разве на картинке не был изображен шкаф?» дала положительный ответ (на самом деле никакого шкафа там не было). Экспериментатор продолжал задавать вопросы о шкафе:

«Где он стоял?» — «В правом углу».

«Какого он был цвета?» — «Коричневый».

«У него была одна или две дверцы?» — «Две».

«Видно было, что внутри?» — «Да, одежда».

«Что стояло на нем?» — «Ваза для цветов».

Штерн отмечал, что девочка лгала отнюдь не намеренно. Но она оказалась настолько внушаема, а ее фантазия — настолько богата, что на каждое ее новое представление тотчас же накладывался акцент действительности.

В. Внушение действует особенно легко тогда, когда вопрос касается *времени*. Темпорализация — необходимый атрибут воспоминания. Однако очень часто прошлое с точки зрения времени распределено плохо. Вчера и позавчера, в прошлом и позапрошлом году — это для маленького ребенка часто одно и то же. Для многих людей прошлое представляет собой диффузную, плохо расчлененную темпоральную протяженность, и понятно, что такому человеку очень трудно правильно датировать события прошлого. Очевидно, что в данном случае наводящие вопросы обретают обширный ареал воздействия.

Г. *Обычность* оказалась фактором, заметно влияющим на воспоминания. Интересно, что это влияние проявляется в двух различных направлениях.

Допустим, субъект должен дать показания в связи с каким-то обыденным, повседневным фактом, который на сей раз в виде исключения произошел как-то иначе. Обычно, встречая знакомого, мы с ним здороваемся. Но, допустим, случилось так, что на сей раз знакомый не поздоровался. Но когда свидетеля спрашивают об этом, он обычно с уверенностью говорит, что знакомый вначале поздоровался, а затем завел беседу. Такие ошибки встречаются часто. Причина этого, наверное, состоит в том, что на будничное и повседневное мы в общем обращаем меньше внимания, поскольку это заведомо подразумевается. А когда вопрос касается их припоминания, то понятно, что память восполняет пробелы восприятия в привычном направлении (см. выше опыты Вульфа).

Но если случай или факт грубо противоречит обычному, тогда это обстоятельство обращает на себя особое внимание, следовательно, такие случаи должны запоминаться особенно хорошо. В действительности же и это обстоятельство не является благоприятным для памяти. Дело в том, что *необычное, редкое* в памяти еще более подчеркивается, и, когда встает вопрос о его припоминании, оно действительно предстает в виде и вправду излишне необычного, редкого. Данный фактор является еще более действенным, если необычный факт носит эмоциональный характер — испытанная опасность в воспоминании преувеличивается; если кто-то сделал нам доброе дело, то со временем его поступок в наших глазах идеализируется.

Д. На правильность показаний влияют также тенденции интеллектуального, эстетического и речевого оформления содержания. Дело в том, что мы ничего не запоминаем без соответствующей переработки. Если мы что-нибудь должны запомнить, то оно, прежде всего, либо заведомо не должно противоречить нашей логике, либо в последующем перерабатывается таким образом, чтобы стать понятным. Одним словом, необходима логификация материала памяти. Данное обстоятельство иногда вносит довольно значительные изменения в материал памяти, причем незаметно для самого субъекта.

Штерн приводит следующий пример: испытуемым предложили описать картинку, на который был изображен момент переезда с одной квартиры на другую. Это была грузовая машина, нагруженная предметами домашнего обихода; на машине стоял пустой диван, на котором сидела женщина. Через определенное время один из испытуемых в своих показаниях, рассказывая о женщине, сказал, что она сидела на ящике. Как видно, образ женщины хорошо запечатлелся в его памяти, но он уже не помнил, на чем она сидела. Но поскольку она должна была на чем-то сидеть, то у испытуемого возникло представление ящика.

Не меньшее влияние оказывают тенденции эстетического и, особенно, словесного выражения. Когда кто-то дает показания о каком-то событии, он невольно приукрашивает его, тем самым более или менее искажая реальную картину. Особенно опасно, когда субъект повторно дает те же показания, поскольку при повторении он скорее вспоминает свои слова, нежели то, что произошло. И может случиться, что при третьем и четвертом допросах он повторит свои слова уже в измененном значении, оставив в некоторых случаях словесную форму неизменной, но вложив в нее совершенно иной смысл.

Е. Особенно много опытов посвящено выявлению *биологических факторов* показаний. Оказалось, что значительную роль выполняет возраст. Выше мы отметили, сколь подвержен внушению ребенок. Согласно материалам Штерна, в 7-летнем возрасте коэффициент внушения наводящих вопросов составляет 50%, а в последующем возрасте — 20%. Однако особенно примечательно то, что в период полового созревания внушаемость вновь заметно возрастает. Отсюда, по словам Штерна, вытекает определенный практический вывод: использование подростка в качестве свидетеля весьма опасно. Во всяком случае, допрос подобного свидетеля без консультации с психологом весьма опасен.

Что касается половых различий, то они, как видно, значения не имеют. Результаты экспериментальных исследований не говорят в пользу ни одного из полов. Во всяком случае, нет оснований думать, что пол представляет собой специфический фактор, влияющий на правильность показаний.

Ж. Клапаред обратил внимание на один значительный фактор; в частности, на правильность показаний может влиять сам объект; следовательно, можно поставить вопрос о большей или меньшей благоприятности объекта с данной точки зрения, так как не исключено, что некоторые вещи человек забывает легче, а другие — труднее. Во всяком случае, одно, по крайней мере, очевидно — на одни объекты человек обращает внимания меньше, а другим уделяет больше внимания. Согласно исследованию Клапареда, например, правильные показания в связи с окном, которое видишь ежедневно, констатируются лишь в 15% случаев.

Теории памяти

1. Два теоретических вопроса

В психологии памяти, наряду с эмпирическими исследованиями, всегда стояла необходимость проведения обобщающей теоретической работы для осмысления особенностей отдельных явлений памяти и их объединения в единое понятие.

Фактический материал по памяти особенно ставил два вопроса, которые с точки зрения понятия памяти имели основное теоретическое значение и ответ на которые может носить только лишь гипотетический характер. Один вопрос касается ряда факторов памяти, указывающих на то, что любое впечатление с момента восприятия до момента его репродукции каким-то образом сохраняется так, что в течение всего этого времени его не видно, то есть оно имеет период скрытого, или так называемого *«латентного»,* существования. Вопрос касается именно этого: как и в каком виде существует впечатление в течение этого скрытого периода? Тот факт, что оно действительно продолжает существовать, сомнения не вызывает, иначе его появление в момент репродукции было бы совершенно непонятным.

Второй вопрос не носит столь общего характера, как первый; он касается формы относительно развитой, психической памяти и подразумевает следующее бесспорное обстоятельство: при репродукции мнемического представления, когда мы что-либо узнаем, вспоминаем или припоминаем, мы внутренне убеждены, что не ошибаемся, что наше воспоминание касается именно того, что нужно. На высшей ступени своего развития это внутреннее убеждение проявляется в виде развернутого суждения — то, что сейчас является предметом воспоминания, есть то, что мы когда-то восприняли. Одним словом, вспоминая что-либо, мы обычно и переживаем это, то есть объективному действию памяти сопутствует и переживание того, что работает именно память, то есть *память переживается как таковая.*

Естественно возникает вопрос: что лежит в основе этого? Каким образом предмет репродуцированного содержания, то есть что вспоминается сейчас, отождествляется с предметом прошлого восприятия? Как происходит эта идентификация? Что лежит в основе внутреннего убеждения, сопутствующего этой идентификации?

Любая более или менее удовлетворительная теория памяти должна учитывать эти два вопроса, но при этом ответ на них должен основываться на едином принципе.

2. Теория следа

Наиболее ранней и распространенной из существующих теорий памяти является по существу *теория следа.* Основное положение данной теории состоит в следующем: впечатление — но лишь в виде оставляемого им «следа» — существует в течение всего латентного периода; репродукция есть не что иное, как проявление доселе скрытого «следа».

Данный «след» различные исследователи представляют по-разному. Для одних это — проторенный путь, для вторых — рост возбуждения в определенном направлении, для других — физико-химическое изменение, для некоторых — бессознательное представление (Гербарт, Фрейд). Однако это различие взглядов принципиального значения не имеет. По основному вопросу здесь отмечается полная согласованность: действует раздражитель — появляется восприятие; далее оно затухает, но продолжает существовать скрытым образом — в виде следа; в надлежащих условиях оно возникает вновь, и тогда говорят о воспоминании или припоминании.

Невзирая на то, что данная теория на первый взгляд кажется весьма убедительной, принять ее полностью невозможно. Она основательно противоречит всем тем результатам, которые считаются несомненным достоянием современной экспериментальной психологии. Выше мы уже убедились, что репродуцированное представление — воспоминание ни в коем случае не является точным отражением или копией первичного процесса — восприятия, поэтому говорить о сохранении продукта первичного процесса в неизменном виде невозможно. Следовательно, в данном смысле теория следа неприемлема.

Попытка представителей гештальтпсихологии пересмотреть теорию следа и тем самым спасти ее также представляется безуспешной. Кёлер и Коффка говорят о динамике «следов», их автономном изменении соответственно с определенными целостными динамическими закономерностями — закономерностями гештальтизации, проявляющимися при восприятии. Однако, невзирая на попытки Коффки свести даже осознание Я к определенному комплексу «следов», участвующему в процессе взаимодействия следов, теория следа и в этой новой редакции остается чисто механистической концепцией.

Обновленная теория следа — это очевидное выражение теории непосредственности, исключающей по существу понятие активной личности — понятие Я: след действует на след, и таким образом протекают все важнейшие психические процессы, строящиеся на базе взаимоотношений представлений. А субъект, Я по существу остается в стороне. Правда, он — тот, кто вспоминает и действует, но, тем не менее, он — всего лишь арена, на которой происходит припоминание и протекает процесс действия — без его участия, самопроизвольно, совершенно автономно.

Очевидно, что подобная концепция не может считаться удовлетворительной, так как резко противоречит развитию фактов памяти, рассмотренных выше. В случае человека говорить об автономности, спонтанных мнемических процессах можно разве что условно, ведь для человека специфическими являются высшие формы памяти, в которых решающая роль принадлежит воле активной личности.

3. Теория Мюллера

Почему предмет воспоминания мы считаем тем же, который однажды уже был предметом нашего переживания? Что лежит в основе этого убеждения? Понятие «следа» на этот вопрос ответа не дает, поэтому сторонники данной теории были вынуждены разработать специальные теории.

Мюллер предпринял попытку решить данный вопрос экспериментально. По его мнению, существуют определенные «критерии» воспоминания, лежащие в основе нашего убеждения в том, что наша память не ошибается. Этими критериями являются: 1) когда во время акта припоминания нам ничего, кроме одного представления, на ум не приходит — это ложится в основу нашего убеждения, что воспоминание является правильным; 2) второй критерий — быстрота репродукции представления; коль скоро вспоминается безальтернативно, быстро, это и есть то, что должно быть: 3) третий критерий — ясность и отчетливость; 4) большую роль выполняет также полнота представления — вспоминаются связанные с первым представлением моменты.

Мюллером собран весьма примечательный экспериментальный материал, доказывающий, что данные свойства воспоминания действительно имеют значение в процессе консолидации нашего воспоминания. Поэтому не учитывать их нельзя. Однако существуют и исследования, не всегда дающие аналогичный результат; в частности, бывают случаи, когда репродуцированное представление данных свойств не имеет, хотя при этом присутствует полная убежденность в правильности воспоминания. Помимо этого, существуют доводы, позволяющие предположить, что свойства представления, считающиеся по теории Мюллера критериями воспоминания, имеют вторичное, а не первичное происхождение, то есть они не предшествуют убежденности в правильности воспоминания, а сопутствуют ему. Во всяком случае, известны наблюдения, когда некоторые свойства представления, сочтенные данной теорией критериями воспоминания, например ясность и отчетливость, появляются лишь после уяснения природы представления.

Особенно сомнительным моментом теории Мюллера является то, что все решает механика представлений — представления появляются и исчезают, являются носителями тех или иных свойств, и все зависит именно от этих свойств. Субъекта нигде не видно, он не принимает никакого участия в своей убежденности или ее отсутствии, все зависит от автономного хода представлений.

4. Теория ассоциации

Теория Мюллера представляет собой, по существу, своеобразный частный случай использования теории ассоциаций. В общем данная теория всегда играла большую роль, но нам достаточно ограничиться ее кратким рассмотрением.

Согласно теории ассоциации, то или иное представление приобретает признак воспоминания благодаря тому, что оно пробуждает то или иное знакомое представление. Например, Леман поручал своим испытуемым узнать тот или иной запах. Оказалось, что в случае правильного узнавания представление запаха, как правило, вызывало в сознании либо представление его названия, либо какое-либо другое представление, что как будто и ложилось в основу узнавания. Вывод был следующий: то или иное представление признается представлением воспоминания лишь в том случае (у нас возникает чувство правильности этого воспоминания), когда оно ассоциативно вызывает какое-либо другое представление.

В противовес данной теории высказывается следующее соображение: допустим, представление воспоминания действительно вызвало некое знакомое представление, например, представление названия. Каким образом это представление названия позволяет нам понять, что репродуцированное представление нам знакомо, до тех пор пока не узнаем его само как представление названия определенного содержания? Ведь нужно узнать и его? В данном случае также нужно иметь внутреннюю убежденность в том, что слово, пришедшее сейчас на ум, и есть название этого, а не простой набор звуков!

Помимо этого, как из клинических наблюдений, так и из экспериментальных исследований известно, что у человека может быть сохранена способность репродукции, у него появляются представления, но при этом у него отсутствует переживание того, что это — репродукция, то есть он считает данные представления не воспоминанием, а совершенно новыми представлениями. По наблюдению Клапареда, больная, которая уже 15 лет лежала в больнице, была убеждена, что она совсем ничего не помнит из своего прошлого. В действительности же у нее возникали представления, дающие несомненную репродукцию прошлых переживаний, хотя самой больной они казались совершенно новыми представлениями.

5. Теория установки

Решение проблемы памяти на основе механистических позиций невозможно. Здесь также следует отказаться от догмы непосредственности, и при попытке решения проблемы особое внимание уделить выяснению роли личности. К сожалению, следует отметить, что исследования в данном направлении практически отсутствуют, и у нас имеются лишь гипотетические соображения, на основе которых в будущем должны быть развернуты исследования.

Вопроса о том, что лежит в основе памяти, мы уже касались выше. Мы знаем, что в случае восприятия у личности возникает определенная установка, на основании которой и строится восприятие. Установка дана не в виде некоего содержания сознания, это — модус субъекта как целостного существа, это — настрой субъекта в том или ином конкретном случае. Поэтому возникшее на основе определенной установки содержание сознания может быть уничтожено, исчезнуть, однако установка остается. Следовательно, возможно, что восприятия в сознании уже нет, то есть мы уже не видим определенный предмет, однако соответствующая ему установка у нас не исчезает. Это означает, что на протяжении латентного периода па-

мяти переживания прошлого существуют не в виде «следа» или бессознательного представления, а в виде установки.

Однако, по сути, разве это не одно и то же? Разве в этом случае не остается в силе теория *следа,* или *инерции?* Разве этим сказано больше, чем то, что так называемый «след» памяти представлен в виде *установки?*

Утверждая, что установка продолжает существовать в течение латентного периода, следует помнить, что здесь речь идет о существовании установки. Ее же существование в корне отличается от существования следа. Установка — это состояние субъекта, модус его существования, следовательно, утверждение о существовании установки может означать лишь то, что продолжает существовать определенный модус субъекта, сам субъект как определенный, определенным образом настроенный субъект. Разумеется, в течение латентного периода памяти данная установка не представлена в актуальном виде, становясь таковой лишь в момент репродукции. Но, тем не менее, безусловно существует субъект, являющийся ее носителем, который уже не совсем такой, каким был до возникновения у него под воздействием актуального впечатления установки, в соответствии с которой он уже изменился. Существование же подобного субъекта означает, что установка не исчезла, а будет существовать до тех пор, пока существует видоизменившийся в соответствии с нею субъект. Поставьте сейчас субъекта в соответствующие его установке условия. Разве возможно, чтобы он действовал так, как другой, у которого подобной установки никогда не было, или как бы действовал он сам прежде, когда еще не был изменен в направлении этой установки? Разумеется, нет. В данных условиях он будет действовать как субъект, имеющий определенную установку, то есть произойдет актуализация его установки. Следовательно, мы имеем полное право говорить о сохранении, продолжении существования установки даже тогда, когда данная установка не актуальна. Однако это сохранение, продолжение существования не похоже на сохранение «следа» совершенно отдельных переживаний, представляя собой продолжение существования самого субъекта как претерпевшего изменения в определенном направлении, как обладателя определенных диспозиционных возможностей.

Само собой разумеется, что в данном случае совершенно невозможно говорить о сохранении прошлого переживания или его следа в неизменном виде и его последующем обновлении. Здесь в момент репродукции пробуждается не «след» какого-либо частного переживания, представая в неизменном виде, а реакцию дает определенным образом настроенный субъект, живущий в настоящем и находящийся под решающим воздействием этого настоящего, установка которого сохранена в комплексе с установками настоящего, а не как некий незыблемый, отдельный объект. Одним словом, старая установка существует в качественном единстве с установками настоящего. Поэтому понятно, что ее существование не имеет ничего общего с существованием отдельного «следа» или «бессознательного представления».

6. Основа убежденности

После этого нетрудно ответить и на второй основной вопрос теории памяти. А это — новый и несомненно важный довод в пользу нашей гипотезы, ведь правильной теории памяти надлежит решить оба основных вопроса, исходя из одного и того же принципа.

И действительно, каким образом мы узнаем репродуцированное представление? Каким образом мы в этом случае внутренне убеждены, что это — именно то, что было пережито и прежде? Что лежит в основе этой убежденности? Имей мы прошлое пере-

живание перед глазами, что позволило бы сопоставить, сравнить с ним репродуцированное представление, было бы легко понять, является ли это репродуцированное представление тем же самым, что и прошлое переживание, то есть действительно ли оно является воспоминанием. В случае совпадения нашего представления с прошлым переживанием у нас безусловно появилось бы переживание соответствия — полная убежденность в том, что мы действительно имеем дело с фактом воспоминания. В противном же случае, конечно, репродуцированное представление нам, подобно пациентке Клапареда, показалось бы не репродукцией, а совершенно новым переживанием. Однако, как известно, переживание прошлого и его репродукция в памяти почти никогда не совпадают, иногда между ними нет достаточного сходства, а иногда случается и так, что абсолютно новое представление переживается репродукцией прошлого, как в случае парамнезии («deja vu»). Следовательно, если бы прошлое переживание действительно сохранялось в неизменном виде, а репродуцированное представление сопоставлялось именно с ним, то случаи парамнезии не возникали бы никогда. Как видно, переживание воспоминания возникает в довольно необычных условиях: имеющееся в памяти представление мы признаем репродукцией и у нас появляется мнемическая убежденность даже тогда, когда прошлое переживание не только не очень-то походит на самого себя, но иногда дает совершенно отличную от этого прошлого переживания картину. Факт переживания воспоминания имеет место и в таких парадоксальных условиях. Но возможно ли как-то объяснить это?

К счастью, это не невозможно. Предложенное нами понятие установки полностью отвечает данному условию. И действительно, репродуцирует, вспоминает что-либо субъект, за которым, как известно, стоит его прошлое, однако не в виде переживания, испытанного им в действительности, или его следа, а надлежащей установки; старое переживание продолжает существовать в виде не переживания, а установки, и именно это имеет решающее значение. Репродуцированное представление противопоставляется не представлению переживания или восприятия прошлого, а установке. Следовательно, соответствуя этой установке, оно, тем самым, соответствует прошлому и является репродукцией прошлого, но так, что при этом не является зеркальным отражением, неизменной копией прошлого переживания. Неудивительно, что в этих условиях для возникновения мнемического переживания, чувства мнемической убежденности совершенно не обязательно, чтобы репродукция была полным повторением оригинала; вполне возможно, чтобы это переживание возникло и в случае полного несоответствия старого и нового переживания, как это происходит при парамнезии.

Таким образом, чувство убежденности, чувство воспоминания возможно потому, что прошлое впечатление продолжает существовать не в виде отдельного переживания или его следа, а установки.

Заболевания памяти

1. Гипермнезия

Существует три патологических формы действия памяти: гипермнезия, гипо¬мнезия и парамнезия. Рассмотрим вкратце каждую из них.

Гипермнезия проявляется в избыточной возбужденности памяти. Она в общем встречается редко и еще недостаточно хорошо изучена. Нельзя сказать, что случаи

необыкновенно сильной, феноменологической памяти, которая отмечалась у известных счетоводов, Иноди и Диаманди, или у описанного Мюллером Рюкле, могут быть сочтены проявлением гипермнезии.

С гипермнезией имеем дело скорее тогда, когда по какой-либо причине на поверхности сознания с необыкновенной явственностью внезапно всплывает группа доселе совершенно позабытых воспоминаний. Подобные случаи гипермнезии проявляются обычно в опасные для жизни моменты — во время некоторых травм или при расставании с жизнью, что неоднократно описывалось. Характерным является то, что в течение одного мгновения, одного мига перед человеком внезапно разворачивается панорама почти всей его прошлой жизни (поэтому данное явление французы называют «панорамным видением»), он вспоминает целые отрывки своей прошлой жизни, ранее совершенно забытые.

2. Гипомнезия

Гипомнезией именуют случаи ослабления памяти, в основном, так называемые *«амнезии»*. В зависимости от ее протекания во времени различают три формы амнезии: *антероградную, ретроградную* и *периодическую.*

Антероградной амнезией называют случаи, когда человек, сохраняя воспоминания прошлого, не запоминает ничего нового, то есть речь идет о снижении способности создания новых воспоминаний. Эпилептик иногда выполняет довольно сложные акты, может, например, отправиться в далекую страну; однако период путешествия в его памяти не оставляет даже следа, весь этот период полностью стирается из истории переживаний его жизни. Не вызывает сомнения, что причину данного явления следует искать в условиях зарождения воспоминания в период самого восприятия.

Ретроградная амнезия означает утрату воспоминаний: у человека была совершенно нормальная память, но вдруг он по той или иной причине совершенно забыл: 1) либо все без исключения *{общая амнезия),* или связанное с *определенным периодом времени (временная амнезия),* или независимо от времени *{тотальная амнезия);* 2) либо избирательно, скажем, определенную категорию воспоминаний *{частичная амнезия).* Ретроградная амнезия может быть полной, однако это не означает, что субъект в общем лишился памяти, так как амнезия касается воспоминаний, а не всех форм памяти.

У одного психически больного писателя отмечалась полная амнезия применительно к переживаниям прошлых лет. Он говорил о давно минувших событиях, как о настоящем. В то же время он прекрасно помнил стенографию, выученную им в период заболевания амнезией. Воспоминания этого периода он утратил полностью, однако приобретенные в этот период знания остались незатронутыми.

Прекрасным примером ретроградной амнезии являются случаи так называемой *травматической амнезии,* возникающей в результате травмы.

Мужчина, возвращаясь с работы, попал под машину и сильно пострадал. Когда он пришел в сознание, он хорошо помнил все события того дня, когда с ним произошло несчастье, помимо одного периода — момента ухода с работы до возвращения сознания. Данный период он не вспомнил и в последующем (Штерн).

Согласно Рибо, *ретроградная амнезия* начинается с забывания ближайших событий и завершается самыми давними. Однако, как видно, «закон Рибо» не правилен. Дело не в давности воспоминаний, а в их слабости и сложности; амнезия на-

чинается с исчезновения более слабых и сложных воспоминаний, затем переходя на более прочные и простые. Ретроградная амнезия во многом зависит от условий *периода воспоминания,* в отличие от антероградной амнезии, определенной скорее условиями *периода запоминания.* Акт воспоминания — сложный произвольный акт, требующий неестественной ориентации — ориентации на прошлое, тогда как для человека естественна направленность на настоящее, а потому требующий от субъекта больших усилий. Понятно, что в некоторых случаях нормальное протекание этого процесса может нарушиться, и тогда возникает ретроградная амнезия.

Периодическая амнезия встречается в случае полного изменения или расщепления личности. Приведем два примера.

1. Одна молодая американка после глубокого обморока полностью забыла свое прошлое. Она полностью утратила свое Я, все свои знания, кроме таких навыков, как ходьба и пр. Ей пришлось заново учиться писать и читать. Через некоторое время она уснула, а проснувшись, вновь ощутила себя прежней личностью, полностью забыв весь период времени после обморока. Это повторилось несколько раз, и ни разу она, находясь в одном состоянии, не вспомнила о втором периоде. В одном человеке жили две самостоятельные личности, сменявшие друг друга и не ведающие друг о друге.

2. Классический случай Фелида (наблюдение Изама) представляет собой проявление этого же заболевания, но с той разницей, что здесь субъект в нормальном состоянии ничего не помнил о ненормальном, тогда как в ненормальном состоянии память о нормальном периоде была хорошо сохранена.

Своеобразной формой амнезии являются так называемые *«агнозии»,* проявляющиеся в снижении способности узнавания обычных предметов и, следовательно, представляющие собой патологию восприятия. Больные агнозией совершенно не узнают даже привычные вещи, например, членов своей семьи, собственную рабочую комнату, хотя соответствующие органы чувств совершенно не повреждены; например, в случае оптической агнозии у них сохранено нормальное зрение, при акустической агнозии — нормальный слух, а при тактильной — касание (Липман).

Как видим, агнозия затрагивает восприятие, представляя собой распад участвующих в восприятии мнемических процессов. Но встречаются также патологические случаи, проявляющиеся в забывании моторных навыков, необходимых для выражения переживаний. В частности, это выражения мысли словом *(афазия)* и утрата способности совершения привычных действий *(апраксия).*

Онтогенетическое развитие памяти

Изучение онтогенетического развития памяти со всей очевидностью показывает, что формы проявления памяти, о которых говорилось выше, представляют собой и ступени ее развития, показывающие, какие психологические условия должны созреть для того, чтобы проявилась та или иная форма памяти, выполняющая важную роль в жизни субъекта. Конечно, данное обстоятельство облегчает осмысление психологического содержания форм памяти, позволяя проверить правильность их общепсихологического анализа. Рассмотрение онтогенетического развития памяти должно показать, благодаря чему память человека становится столь важным фактором, столь важной силой, вне которой человек по-прежнему оставался бы на животной стадии развития.

1. Узнавание

Очевидно, что мнеме не представлено в организме ребенка изначально, с момента его рождения. Достижения нашего первого года жизни являются столь большими, что, сравнив новорожденного ребенка с 12-месячным, обнаруживаем больше различий, чем при сопоставлении годовалого ребенка со взрослым человеком. В основе всего этого лежит наша память — в широком значении этого слова. Разумеется, в начале можно говорить лишь о физиологической памяти; достижением такого рода памяти, в основном, являются моторные навыки (моторное овладение телом и его частями и пр.), имеющие важнейшее значение во всей последующей жизни живого существа.

Однако в течение первого года жизни начинают проявляться и формы психической памяти. Разумеется, в данном случае можно говорить лишь об элементарнейших формах, в частности, формах пассивной памяти, причем не одновременно — некоторые из них проявляются в первые же месяцы после рождения, а другие — относительно позже. К сожалению, развитие элементарнейших форм памяти все еще остается недостаточно изученным. Более всего данных имеется о развитии способности узнавания.

Об узнавании можно говорить уже в период первого года жизни. Однако в это время оно, разумеется, носит скорее практический, нежели психический характер, поскольку ребенок с рядом предметов обращается не как с новыми, незнакомыми, а как со знакомыми, давая на них привычную реакцию; в этом смысле здесь можно говорить об узнавании.

Думается, что данные предметы очень скоро начинают вызывать у ребенка и специфическую реакцию — то, что в последующем формируется в виде переживания знакомости, не испытываемое под воздействием новых предметов, когда можно говорить скорее о чувстве незнакомости. Во всяком случае, уже в течение первого года жизни ребенок различает чужое. Установлено, что он прежде всего начинает узнавать людей (мать, няню, затем отца и других членов семьи), а затем предметы, но лишь в том случае, если часто встречается с этими людьми и часто сталкивается с этими предметами. Правда, бывают и такие случаи, что ребенок при повторной встрече узнает и виденное лишь единожды, но это происходит лишь тогда, когда полученное впечатление было особенно сильным.

Разумеется, в этих условиях число знакомых предметов бывает довольно малочисленным, но ребенок и их не запоминает надолго, поскольку латентная фаза его памяти очень коротка. Поэтому понятно, что последующий процесс развития узнавания затрагивает оба эти момента, то есть увеличивается и число знакомых предметов, и продолжительность латентного периода. О том, какими темпами происходит развитие, хорошо свидетельствует нижеследующее наблюдение.

В годовалом возрасте дочь Штерна, Хильду, увезли на четырнадцать дней. Когда ее привезли домой, оказалось, что она как будто почти ничего не узнала. Однако через шесть месяцев она узнала все и после сорокадвухдневного перерыва.

На втором году жизни латентная фаза узнавания определяется обычно *неделями,* на третьем году — *месяцами,* тогда как на четвертом году жизни продолжительность может достигать и *года.*

2. Непосредственная память

Непосредственная память, как и персеверация, проявляется уже в первые месяцы жизни. К сожалению, исследовать ее в этот период очень трудно, поэтому у нас все еще мало объективных наблюдений, на которые можно было бы опереться, и, соответственно, недостаточно данных. Что касается развития на последующей возрастной ступени, то, согласно Мейману, до 13 лет она развивается медленно, в период от 13 до 16 лет развивается стремительно, достигая в 22—25 лет высшего уровня своего развития.

Иного мнения придерживается Бурдон. По его наблюдению, непосредственная память особенно развивается в период от 8 до 14 лет, а затем, в возрасте от 14 до 18 лет развивается едва заметными шагами. Во всяком случае, взрослый человек непосредственно запоминает гораздо больше, нежели ребенок.

Это последнее обстоятельство позволяет думать, что естественное развитие непосредственной памяти завершает свое развитие уже на низких ступенях, достигая на последующих возрастных ступенях высоких показателей главным образом за счет воли, так как высокий эффект непосредственной памяти взрослого человека (6—7 бессмысленных слогов, 8—9 слов, 7—8 цифр) достигается благодаря волевым усилиям. В пользу данного соображения свидетельствует то, что известно множество наблюдений, показывающих, сколь большую помощь оказывает человеку включение воли в протекание памяти и ее активная помощь. Для экспериментального решения данного вопроса проведены специальные опыты (Абрамовский), показавшие, что в том случае, когда внимание испытуемого направлено в другую сторону, а память предоставлена сама себе, способность непосредственного запоминания снижается —с точки зрения как объема и продолжительности, так и точности, что с очевидностью свидетельствует о том, сколь велика роль активного включения субъекта в процесс непосредственной памяти.

3. Ассоциативная память

Непосредственная память не совсем оторвана от восприятия, представляя собой скорее ее отголосок, нежели переживание настоящего представления. Ребенок делает решающий шаг в направлении овладения специфически человеческой памятью тогда, когда на основе ассоциативной памяти начинает репродуцировать настоящие представления. Это позволяет ему заложить основы процесса освобождения от абсолютного господства актуальной ситуации над своим поведением. Разумеется, данный процесс протекает постепенно.

Как известно, представления ассоциативной памяти ребенок начинает использовать со второго года жизни. Главной формой его поведения вскоре становится так называемая *иллюзивная игра* (игра с мнимой, или воображаемой, ситуацией, типа «лошадки»), совершенно невозможная без способности репродукции представлений, ведь суть иллюзивной игры заключается в том, что ребенок замещает воспринимаемые предметы и явления воображаемыми (видит палку и представляет ее лошадью). Очень интересно и характерно то, что при иллюзивной игре возникновение представления с необходимостью нуждается в восприятии. А это указывает на то, что у ребенка все еще отсутствует способность свободной, независимой от восприятия, репродукции представлений. Согласно известному наблюдению, у ребенка в возрасте 1,4 лет уже имеются ассоциации: например, Гюнтер (сын Штерна) в возрасте года и

четырех месяцев, увидев доску, произнес «ав-ав», вспомнив, как видно, собаку, которую два месяца тому назад на этой доске нарисовала его мать.

Таким образом, вначале должно быть какое-то восприятие с тем, чтобы возникло ассоциативно связанное с ним представление.

Вскоре в сознании ребенка начинается увязка и самих представлений, теперь представление собаки может напомнить ему лошадь. Однако признаки зависимости от воспринятой ситуации заметны и здесь. Представления ребенка главным образом имеют наглядное содержание — отвлеченный, словесный материал он запоминает реже. С другой стороны, здесь мы имеем дело с все еще чисто ассоциативной памятью, носящей в этом возрасте лишь пассивный характер, поскольку то, какие представления возникают в том или ином случае, зависит от объективной ситуации, а сам субъект произвольно еще не оказывает никакого влияния на их протекание. Тем не менее, ассоциативная память выполняет большую роль в подготовке высших, активных форм памяти.

4. Обучение

Изучение онтогенетического развития высших форм памяти по сути дает аналогичную картину. Как известно, обучение представляет собой активную форму работы памяти. Соответственно, она может выявиться лишь на высшей ступени развития. Она не свойственна периоду раннего детства, так как уровень развития воли в этом возрасте, как это видно из обычных, ненаучных наблюдений, является низким. Однако несомненно и то, что ребенок многому учится и в раннем возрасте. Следовательно, соответствующая форма памяти — способность к обучению — имеется уже в этом возрасте.

Но достаточно приглядеться к тому, как научается чему-либо ребенок этого возраста, чтобы все стало понятным. Если в неорганизованной среде понаблюдать за тем, как заучивает ребенок, например, маленькие стишки, песни, некоторые слова, несомненно нам бросится в глаза то обстоятельство, что процесс «учебы» в данном случае носит случайный, несистематический, зависящий от настроения ребенка характер: если он в настроении, то он повторяет стишок, слова, то есть то, что ему сейчас хочется. Одним словом, ребенок и в этом случае ведет себя так же, как во время игры; в действительности же он не «заучивает», а опять-таки играет, повторяя стишок не потому, что желает его выучить, а потому, что само повторение доставляет ему удовольствие, особенно если оно правильное, безошибочное. Эти случаи «учебы» аналогичны тому, как ребенок «учится» вставать на ноги и ходить, что определяется потребностью задействования и развития этих функций. «Учеба» в дошкольном возрасте возможна, в сущности, лишь в процессе игры. Именно поэтому педагогика дошкольного возраста увязывает процесс воспитательного воздействия с игрой.

Таким образом, в раннем детском возрасте ребенок обучается многому, однако, тем не менее, говорить о произвольной памяти, истинном процессе заучивания в данном случае нельзя, поскольку в основе обучения лежит спонтанная работа памяти.

Как развивается память при спонтанном обучении? К сожалению, систематических данных по этому вопросу фактически нет. Это вполне понятно, поскольку провести эксперимент в данном случае невозможно, ведь экспериментальная учеба уже не будет спонтанной, если ей придать характер какой бы то ни было игры. А сбор достаточного материала без проведения эксперимента — процесс весьма долговременный.

Именно поэтому известные исследования памяти проводились, как правило, в школьном возрасте, когда у ребенка развивается способность активной памяти. Согласно Мейману, можно считать доказанным, что способность *быстроты заучивания* и *продолжительности* запоминания генетически не совпадают друг с другом. Как правило, что *чем младше ребенок, тем труднее идет заучивание, но тем дольше сохраняется заученное*. Таков выявленный Мейманом закон. Конкретно же способность заучивания развивается следующим образом: до 13 лет она развивается медленно, от 13 до 16 лет — быстро, а в 20—25 лет достигает максимума — лучше всего память человека работает в этом возрасте. После этого — по крайней мере до 50 лет — способность заучивания остается приблизительно на одном уровне и только после этого начинается ее ослабление. Эббингаузу было 52 года, когда он говорил о себе, что его память более двадцати лет неизменно остается на одном и том же уровне. Противоположную картину дает кривая продолжительности запоминания — взрослые гораздо хуже запоминают и гораздо легче забывают, чем дети школьного возраста.

Данный факт особенно интересен. Он доказывает, что память, как естественная, биологическая способность, как органическая пластичность, уже в первые годы школьного возраста стоит на высокой ступени своего развития, а также то, что, с другой стороны, последующее развитие памяти затрагивает главным образом функции, скорее подчиняющиеся воздействию воли, чем и объясняется тот факт, что способность заучивания остается на высоком уровне до старости. Наряду с этим наблюдение Меймана доказывает и то, что продолжительность запоминания менее всего подчинена нашему активному воздействию; как видно, энергия запоминания ограничена, а потому чем больше запоминает человек, тем меньше энергии уделяется отдельным группам запоминаемого материала.

Таким образом, решающее значение воли для функции заучивания следует считать доказанным и генетически; мы видим, что ребенку лишь в школьном возрасте впервые удается произвольно задействовать свою память, что обеспечивает последующее продвижение вперед. Разумеется, это — величайшее достижение в истории развития памяти. Как видим, в этом возрасте впервые происходит овладение специфически человеческой памятью. По словам Рубинштейна, «если выделение из восприятия, выражающееся в возникновении воспроизведенных образов и представлений, является первым крупным этапом в развитии памяти, то превращение ее в волевую, сознательно направленную операцию запоминания, заучивания и припоминания является следующим важнейшим моментом».

И действительно, на основе этого в жизни ребенка происходит фундаментальный перелом; в частности, если до сих пор основной формой его поведения являлась игра, и все его психическое развитие происходило, в сущности, на этой основе, то сейчас основной формой его поведения становится учеба. Следовательно, отныне главным фактором его развития становится учеба. Замещение игры учебой в качестве главного дела жизни становится возможным благодаря тому, что воля ребенка достигает определенного уровня своего развития.

5. Воспоминание

Наряду с этим зримый путь развития проходит и вторая активная форма памяти — воспоминание, или историческая память. Следует отметить, что она представляет собой особенно сложную форму памяти — особенно вследствие того, что подразумевает как объективацию собственного переживания и, стало быть, осознание

Я, так и, наряду с этим, ориентацию на прошлое, темпорализацию. Поэтому заведомо можно предположить, что она развивается у человека особенно поздно.

С каких лет у ребенка появляются воспоминания? Для ответа на данный вопрос чаще всего обращаются к изучению первого воспоминания детства. Подобные воспоминания собраны многими авторами; общий вывод, следующий из данного материала, заключается в том, что нельзя говорить о воспоминании раньше двухлетнего возраста. В общем, дата первого воспоминания колеблется между двумя и четырьмя годами. И зачастую очень трудно различить, с чем на самом деле имеешь дело — с воспоминанием настоящим или услышанным субъектом от других.

Разумеется, нельзя сказать, что мое нынешнее самое раннее воспоминание действительно является самым ранним воспоминанием. Разумеется, у нас могло быть и какое-то более раннее воспоминание, чем это «первое», однако запоминаем мы только воспоминание последующего времени. То, что это и вправду так, особенно хорошо видно из материала, использованного Блонским (1929). В соответствии с данными, собранными среди взрослых лиц, чаще всего первое воспоминание касается 5-летнего возраста (28%), тогда как по материалам детей 11 — 12 лет — 3-летнего возраста. Собрав эти воспоминания среди детей шести-семилетнего возраста, мы, возможно, получили бы другие даты.

Однако эти воспоминания имеют большое значение и в том отношении, что это — единственный материал, позволяющий говорить о переживаемой, качественной стороне тогдашней исторической памяти. Однако для этого следует обратиться не только к материалу первого воспоминания, а к ранним воспоминаниям вообще, то есть важно не только первое воспоминание, но и последующие — второе, третье, четвертое.

Обратившись к собственным воспоминаниям самого раннего детства, мы легко убедимся, что они переживаются как совершенно изолированные факты, никак не связанные друг с другом; временная связь отсутствует, они не соотносятся с различными точками одной непрерывной линии — одно раньше, а другое позже, на более или менее определенном расстоянии друг от друга. Нет, наши первые воспоминания остались в нашей памяти в виде изолированных фактов, одинаково отмеченных индексом отдаленного и совершенно неопределенного прошлого. «Однажды со мной случилось то-то и то-то; как-то раз я видел то-то и то-то», — так могли бы мы выразить свои давние переживания.

Данное наблюдение позволяет думать, что воспоминания ребенка в течение первых лет жизни имеют именно такой характер. Выше, говоря о переживании времени, мы увидели, что прошлое ребенка представляет собой нерасчлененное, диффузное, туманное, лишенное перспективы «пространство». Следовательно, события не размещены в нем в определенном месте, друг за другом, то есть не отдалены друг от друга определенным расстоянием, а почти вместе разбросаны в данной диффузной области, одни — раньше, другие — позже, однако, когда именно, об этом вопрос даже не встает.

Ребенка прошлое не интересует: «Прошлое — уже завершенное дело. В нем нет ничего, чего можно было бы хотеть, ожидать, на что можно было бы надеяться. Его можно лишь подтвердить. Ребенок — не летописец. Он — существо желаний, чувств и действия. Он скорее смотрит в будущее, а мечты в связи с прошлым ему чужды» (Делакруа).

Воспоминания о прошлом не распределены один за другим, не соотносятся с определенным отрезком времени, лишены темпорализации по той простой причине, что само это прошлое представляет собой диффузный, бесперспективный разброс.

Здесь нет выраженных точек, рубежей, отделяющих один период времени от другого; отсутствие временных периодов обусловлено тем, что, как отмечалось выше, эти рубежи, эти выраженные точки и периоды создаются в увязке с всеобщими, исторически значимыми фактами социальной жизни. Детям же все это еще чуждо.

Как появляются эти фрагментальные, плохо темпорализированные воспоминания раннего детства? Думается, совершенно случайно, под воздействием какого-либо стимула, ассоциативно — прежде всего в связи с каким-либо актуальным восприятием, а далее, возможно, и некоторыми представлениями. Ребенок видит что-то, и это напоминает ему прошлое.

Приблизительно с семилетнего возраста положение меняется, и воспоминания ребенка раскладываются вдоль одной непрерывной линии, соединяясь в одну хронологическую серию. Это означает, что лишь с этой поры можно говорить о настоящей исторической памяти. Следовательно, до сих пор воспоминания ребенка представляли собой ступень *преисторической,* так сказать, *памяти.*

Данному изменению особенно способствует тот факт, что ребенок в школе становится участником коллективной жизни, важные события которой дают возможность темпорализации субъективных воспоминаний. Именно по этой причине переживание непрерывной последовательности своего прошлого более присуще людям, которые провели эти годы в школе. Особое значение имеет и то, что именно в это время ребенок, как мы уже знаем, привыкает к произвольному использованию памяти, ведь иначе говорить об исторической памяти очень трудно.

Глава восьмая
Психология мышления

Мышление

1. Восприятие и мышление

Ощущение, восприятие, представление и мышление представляют собой познавательные процессы. Следовательно, каждый из них служит отражению действительности, и в этом плане между ними существенной разницы нет. Различие состоит лишь в том, какую сторону действительности отражает каждый из них. Обычно отмечается, что ощущение и восприятие дают непосредственное отражение предметов, явлений и их качеств; представление служит этой цели, но только применительно не к актуальным, а действующим в прошлом объектам. Следовательно, подразумевается, что все эти три функции по своему содержанию в сущности служат по сути одному и тому же делу, создавая возможность непосредственного отражения предметов, явлений и их качеств.

Однако действительность отнюдь не исчерпывается только предметами и явлениями. Она содержит также многообразные связи, отношения и соотношения, существующие между этими предметами и явлениями. Поэтому несомненно, что без отражения этих последних говорить о правильном и полном познании действительности невозможно. Именно эту задачу, то есть отражение соотношений, и возлагают обычно на мышление. Соответственно, определение данного понятия выглядит следующим образом: *мышление является отражением объективного мира в его связях и отношениях,* а восприятие представляет собой отражение предметов и процессов.

Однако подобное разобщение восприятия и мышления неоправданно. Неправомерно думать, что живому существу для отражения предметов дана одна функция, а для отражения существующих между ними отношений — другая. Хотя мышление справедливо считается специфической особенностью человека, однако это, конечно, отнюдь не означает, что мы постоянно размышляем. Зачастую наше поведение протекает вне участия мышления. В нашей повседневной жизни такое случается сплошь и рядом. Там, где нужно решать привычные задачи, мышление излишне; нам для этого вполне хватает наших навыков. Однако это вовсе не означает, что в таких случаях наше поведение протекает без учета существующих во внешней среде связей и отношений. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к совсем простому примеру. Скажем, вот сейчас, когда я пишу эти строки, мне понадобилась красная чер-

нильница, стоящая на моем письменном столе слева от черной чернильницы. Достаточно окинуть взором стол, и рука по мере надобности протянется именно *влево* — в направлении красной чернильницы, а не *вправо* — к черной чернильнице. Кроме того, черная чернильница находится *ближе,* а красная — *дальше.* Примечательно, что когда мне нужна красная чернильница, я изначально же протягиваю к ней руку с более сильным импульсом, чем в направлении черной чернильницы. Как видим, движение моей руки в данном случае предопределено именно *соотношением:* в одном случае это *вправо—влево,* в другом — *дальше—ближе;* чернильница, лежащая справа, вызывает движение руки вправо, а более дальний предмет определяет более сильный импульс движения.

Разумеется, ни в одном из отмеченных случаев выполнение целесообразных движений не требует специального размышления и осмысления. Бесспорно, что в данном случае установление *соотношений,* лежащих в основе целесообразных движений, не требует вмешательства мышления. Так откуда же они берутся?

По-видимому, переживание соотношений не должно быть функцией только лишь мышления. Приведенный нами пример с очевидностью показывает, что относительная близость или отдаленность чернильницы, как и ее нахождение справа или слева, дано *вместе с переживанием этой чернильницы,* ведь красную чернильницу я воспринимаю как находящуюся слева и дальше, а не просто как чернильницу как таковую. Несомненно, что в данном случае *источником переживания соотношения следует считать восприятие.*

В психологической литературе проблема переживания соотношений стоит давно, являясь одним из наиболее спорных вопросов. Одни исследователи допускают возможность *восприятия* соотношений, другие же считают это невозможным, полагая, что постичь взаимоотношения можно лишь с помощью *мышления.* Для этих последних постижение отношений всегда представляет собой продукт мышления, тогда как для сторонников первой точки зрения взаимоотношения могут быть даны и при восприятии.

В пользу этого последнего соображения наиболее веские доводы приводит А. Брунсвиг. Он показал, что о невозможности непосредственного восприятия отношений можно говорить лишь в том случае, если мы заранее уверены в том, что на нас воздействуют только лишь раздражители, соответствующие ощущению, а не отношения, существующие между самими предметами. Как писал Брунсвиг, «когда я смотрю на два цветных пятна или две линии различной длины, то испытываю некое состояние, которое можно охарактеризовать следующим образом: я *непосредственно вижу,* что цвета похожи или что из двух линий А длиннее, чем В; и это непосредственное видение безусловно следует считать восприятием, пусть не чувственным восприятием, но все-таки восприятием, то есть *непосредственным постижением* объекта».

Таким образом, восприятие соотношения (А длиннее, чем В) в данном случае сомнений не вызывает.

Разумеется, подобные случаи непосредственного переживания соотношений может подтвердить каждый из нас. А то обстоятельство, что в западной психологии, невзирая на это, мнение о невозможности восприятия соотношений достаточно широко распространено, объясняется тем, что они продолжают стоять на идеалистической позиции. И действительно, изначально подразумевая, что соотношения существуют не объективно, а представляют собой лишь формы нашего познания, привнесенные нами — как считал, например, Кант — тогда очевидно, что восприятие соотношений следует признать невозможным. Однако для нас очевидно, что

соотношения присущи самим явлениям и предметам объективной действительности. Следовательно, было бы весьма удивительно, если человек имел прямую связь только с предметами и явлениями объективной действительности, а с существующими между ними соотношениями — нет. Для нас бесспорно, что восприятие дает отражение объективной действительности, включая, соответственно, и существующие соотношения.

Таким образом, неправомерно считать, что различие между мышлением и восприятием состоит в том, что с помощью первого происходит отражение отношений, тогда как второе такой способности лишено.

Между восприятием и мышлением в *содержательном* плане существенного различия нет вообще. Поэтому неправильно также полагать, что отражение предметов и явлений объективной действительности представляет дело лишь восприятия и представления, а мышления это не касается вообще. Нет, мышление также может постигать предметы и явления, ведь научное мышление неоднократно предсказывало существование явлений, которые лишь после этого становились фактами, то есть явлениями, доступными восприятию.

Итак, отражать предметы и соотношения объективной реальности может и мышление, и восприятие. Однако это отнюдь не означает, что между этими двумя путями познания нет никакой разницы. Разница между ними безусловно есть. Но в чем именно она состоит?

2. Различие между восприятием и мышлением

Восприятие и мышление представляют собой различные *ступени* познания. Именно на этом основывается самое существенное различие между ними. Поэтому представляется необходимым несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Восприятие подразумевает воздействие актуальных раздражителей, то есть воспринять можно лишь то, что непосредственно воздействует на субъект. Однако этот последний в качестве субъекта восприятия всегда строго ограничен как условиями времени, так и пространства. Восприятие непременно протекает *когда-то,* то есть в определенном временном интервале, и *где-то,* то есть в определенной точке пространства. Поэтому оно дает отражение только лишь узкого, ограниченного отрезка объективной реальности, отражение того, что *непосредственно воздействует* на субъекта на определенном отрезке времени и пространства. Восприятие представляет собой *непосредственное отражение* действительности, затрагивая лишь те предметы и явления, те качества и соотношения, которые воздействуют на нас в каждом конкретном случае, а потому имеющие случайный и частный характер.

Разумеется, объективная действительность далеко не исчерпывается только этим, представляя собой необозримый мир предметов и явлений, связанных в одну целостную систему. Восприятие дает лишь то, что находится перед нашим взором, но то, что находится за пределами видимого мира, для него недосягаемо. Восприятие лишь *показывает* нам то, что непосредственно действует на нас в определенный момент и в определенном месте, ограничиваясь этим. На большее оно не способно. Аналогичное можно сказать о представлении, которое также не может выйти за пределы того, что было когда-то получено путем восприятия. Представление лишь собирает то, что было дано в восприятии, причем собирает, к сожалению, плохо, поскольку оно является гораздо менее отчетливым, ясным и точным, нежели восприятие.

Таким образом, восприятие дает непосредственное отражение объективной действительности, позволяя учитывать лишь то, что дано нам непосредственно перед; этим его возможности ограничиваются.

Однако подобное отражение неудовлетворительно не только в силу того, что оно всегда касается лишь узко ограниченной части действительности, но *главным образом* потому, что оно не дает истинного отражения даже этой ограниченной части. Восприятие не может нам сказать даже того, чем является то, что мы воспринимаем; оно дает лишь его *образ, картину.* Что касается *истинной сущности* воспринимаемого, то для чистого восприятия она остается совершенно недосягаемой.

Какую ценность может иметь отражение действительности путем восприятия? Может ли живое существо удовлетвориться отражением действительности, данным через восприятие? Возможно ли жить, целесообразно взаимодействовать со средой, если она дана только путем восприятия?

Разумеется, на эти вопросы можно ответить положительно. Безусловно, что животные в процессе взаимодействия с внешней средой обычно довольствуются восприятием. Когда мы имеем дело с поведением чисто рефлекторного характера, то очевидно, что для его нормального протекания восприятия вполне достаточно — рефлекс связан с определенными стимулами, а потому для проявления соответствующего рефлекса нужно лишь восприятие стимула.

Аналогичное можно сказать как о так называемом «инстинктивном», так и о любого рода импульсивном поведении. Известно, что при данных формах поведения между движениями живого существа и воздействующими извне стимулами либо существует наследственно закрепленная связь, как это имеет место при инстинктивном поведении, либо связь, возникающая на основе импульса, вытекающего из самого стимула, как это бывает при импульсивном поведении. Какое отражение объективной реальности является достаточным при таком типе поведения? Ответ очевиден: непосредственное отражение через восприятие, поскольку и инстинктивное, и импульсивное поведение связаны с конкретными, наглядными стимулами. Что нужно, например, для того, чтобы голодный грудной ребенок начал сосать грудь? Для этого достаточно, чтобы он губами прикоснулся к груди. Что нужно для того, чтобы человек утолил жажду? И здесь только одно — восприятие сосуда с водой в соответствующих условиях.

Одним словом, очевидно, что во всех тех случаях, когда между поведением и стимулом существует непосредственная связь, как это происходит в случае рефлекса, инстинкта и импульсивного поведения, для начала поведения достаточно только восприятия.

Однако допустим, что между внешней средой и нашим поведением такой прямой связи нет; допустим, что на нас извне действует такой стимул, что мы не знаем, каким движением на него следует ответить, то есть мы оказались в ситуации, в которой не знаем, что нужно предпринять. Несомненно, что здесь решающее значение в первую очередь имеет понимание стимула. Для того, чтобы целесообразно ответить на стимул, нам, прежде всего, нужно понять, что он собой представляет. Поэтому в таком случае у нас в ответ на воспринятый стимул возникает не мгновенная реакция, а некое чувство *удивления:* что это такое? Мы как бы задаем себе этот вопрос, и наше внимание направляется на воспринятый стимул. Таким образом, восприятие стимула вызывает не ответное действие, а превращается в предмет удивления. Удивление возникает вследствие новизны действующего стимула, и понятно, что психика, движимая познавательной целью, останавливается на нем. Это означает,

что в этом случае данные, полученные при восприятии стимула, оказались недостаточными и поэтому возникла необходимость повторного отражения этого стимула, но, конечно, не путем повторного восприятия, ведь мы почувствовали удивление отнюдь не потому, что не сумели ясно воспринять стимул. Нет, наоборот, удивление было вызвано как раз точным восприятием стимула, поскольку оно указывало на *незнакомый* предмет.

Следовательно, удивление требует не повторного восприятия, а отражения иным путем. Оно требует ответа на свой вопрос: что это такое? Для ответа на подобный вопрос необходимо сопоставить незнакомый стимул с уже знакомыми, учесть существующие между ними соотношения, взаимосвязи и таким путем найти его место в ряду других, ранее воспринятых предметов и явлений объективной действительности. Подобный процесс познания, разумеется, не есть восприятие. Это — особый познавательный процесс, тот самый, который называется *мышлением*.

Таким образом, самый главный признак, отличающий мышление от восприятия, заключается в том, что в случае мышления процесс познания уже подразумевает факт восприятия. Прежде, чем начать мыслить, необходимо воспринять какую-то часть действительности. Мышление всегда связано с тем, что так или иначе было предметом нашего восприятия, ведь невозможно размышлять о том, что мы не видели, никогда не воспринимали. Материалом мышления всегда служит воспринятая действительность.

Следовательно, в познавательном процессе действительность отражается дважды: вначале непосредственно — в виде образа, возникающего в процессе восприятия, а затем, основываясь на данном образе, — посредством объективации восприятия, то есть косвенно и опосредованно. Поэтому, если восприятие дает непосредственное отражение действительности, то мышление является ее опосредованным отражением.

Теперь же, рассматривая с этой точки зрения различие между мышлением и восприятием, становится понятно, что имеют в виду, говоря о них, как о разных ступенях познания. И в самом деле, как видим, восприятие представляет собой первую ступень познавательного процесса, а мышление, поскольку оно строится на базе восприятия, можно считать второй ступенью познавательного процесса.

Таким образом, мы убеждаемся, что восприятие дает непосредственное отражение действительности. Оно показывает нам не только предметы и явления, но и их некоторые качества и определенные соотношения между ними. Однако восприятие дает только внешний образ действительности, ее картину. Поэтому оно является достаточным только для таких случаев поведения организма, где исходящий из окружающей среды тот или иной стимул играет лишь роль *сигнала* для соответствующей реакции, то есть в случаях рефлекса, инстинкта и, наверное, импульсивного поведения. Но там, где стимул незнаком, вместо реакции возникает чувство *удивления* и наряду с ним — *объективация* восприятия. Начинается психическая переработка воспринятого, новый познавательный процесс, именуемый мышлением.

Стало быть, для мышления в первую очередь характерно то, что оно, движимое импульсом удивления, начинает объективировать воспринятое, достигая своей цели — отражения *существенных* характеристик действительности — на основе переработки воспринятого материала. Таким образом, если восприятие как непосредственное отражение действительности является *первичным* познавательным процессом, то главной характеристикой мышления следует считать то, что оно представляет собой *вторичный* познавательный процесс.

3. Удивление как условие актуализации мышления

В основе вторичного познавательного процесса — мышления лежит момент *удивления.* Там, где воспринятая действительность подобного переживания не вызывает, возникновение мыслительного процесса лишено всякого смысла. Остановимся несколько подробнее на этом понятии.

Как известно, еще Платон (IV в. до н. э.) объявил *удивление* стимулом философского мышления. По его мнению, тот, кто не обладает данной способностью, не имеет призвания к философскому мышлению. Данная мысль Платона правомерна лишь отчасти. Удивление действительно лежит в основе мышления. Однако нельзя забывать, что оно все-таки не является главным источником мышления. Удивление представляет лишь вторичный процесс, опирающийся на более глубоко лежащий импульс. Основным стимулом мышления безусловно является *потребность,* на основе которой живое существо устанавливает взаимоотношения с объективной действительностью. Как известно, в основе любого рода активности непременно лежит импульс удовлетворения какой-либо потребности. Поэтому понятно, что чем сильнее потребность, чем она важнее для субъекта, тем более энергичную активность она вызывает.

Естественно, что, когда эта активность блокируется и, соответственно, не удается удовлетворить потребность, субъект не остается индифферентным. У него появляется специфическое чувство, именуемое *удивлением,* на почве которого и возникает процесс мышления. Мышление возникло для нужд удовлетворения потребностей; оно возникло на основе практики и по существу служит интересам практики.

Однако было бы ошибкой думать, что в основе мыслительного процесса всегда лежит только интерес удовлетворения витальных потребностей. Известно, что в обществе развиваются и видоизменяются не только обычные витальные потребности, но и появляется бесконечный ряд новых потребностей, совершенно отличных от потребностей животных. Само собой разумеется, что основой импульса мышления может стать любая из этих потребностей. Но решающее значение при этом имеет то, насколько важна данная потребность для личности.

Однако потребность представляет собой лишь внутренний, субъективный фактор; чувство же удивления и процесс мышления подразумевают и внешний фактор. Как уже отмечалось выше, ситуация вызывает удивление только в том случае, если: 1) она не связана непосредственно с привычными актами поведения, 2) и вследствие этого возникает помеха на пути удовлетворения значимой для субъекта потребности. В противном случае оснований для начала мыслительного процесса нет. Таким образом, *внешнее условие* актуализации мышления составляют два момента ситуации: ее новизна или необычность и персональная значимость.

Значение этих факторов хорошо видно из наблюдения, приведенного Штерном: прислуге было поручено ежедневно выносить из рабочей комнаты корзину с ненужными бумагами и выбрасывать их в мусорный ящик. Эту работа стала для нее привычной, выполняемой автоматически. Однажды в корзину случайно попала маленькая шкатулка с драгоценностями, причем сверху она оказалась прикрытой бумагами, поэтому была полностью скрыта из виду. Прислуга почувствовала, что корзина в тот день была тяжелее обычного, но, не обратив на это особого внимания, опорожнила ее как обычно в мусорный ящик.

Почему потерялась шкатулка с драгоценностями? Потому, что тяжесть корзинки не вызвала у прислуги *удивления* и, соответственно, мыслительного процесса, который побудил бы ее проверить содержимое корзины.

Почему этого не произошло? Во-первых, потому, что изменение тяжести не было столь значительным для того, чтобы прислуга заметила в этом действительно нечто необычное, новое; во-вторых, потому, что содержание корзины обычно не имело для нее никакого персонального значения, то есть не было связано с какой-либо значимой для нее потребностью. Знай она заранее об исчезновении шкатулки и заметь, что корзина несколько тяжелее обычного, вероятно, содержание корзины приобрело бы для нее большее персональное значение, и она не опорожнила бы ее столь индифферентно в мусорный ящик.

Таким образом, очевидно, что удивление, всегда предшествующее любого рода мыслительному процессу, представляет собой вторичный фактор. В его основе лежит целый ряд внешних и внутренних факторов.

Удивление — переживание, прежде всего характерное для мышления и касающееся начального момента мышления. Зато завершение протекания любого мыслительного процесса характеризуется вторым переживанием — это решение возникшего вопроса, удовлетворение удивления, сопровождающееся специфическим переживанием, известным под названием *«ага-переживания»* (Бюлер, Вертхаймер). Соответственно, если первое переживание имеет характер напряжения, то *ага-переживанию,* наоборот, свойственно эмоциональное состояние облегчения. Поэтому процесс мышления переживается как чрезвычайно динамическое состояние, начальный и конечный моменты которого увязывают его единый замкнутый процесс, в котором каждая предшествующая ступень четко стремится к конечной.

Можно сказать, что данное свойство представляет собой наиболее специфичный и особенно демонстративный признак процесса мышления. Взяв обычную ассоциативную цепочку представлений, получим совершенно иную картину: здесь, во-первых, полностью отсутствуют переживания напряжения и облегчения, как это бывает в случаях удивления и ага-переживания. Это совершенно понятно, поскольку в случае ассоциативных представлений говорить об этих переживаниях — удивлении и ага-переживании — невозможно. Поэтому начальный момент протекания представлений, возникших на основе ассоциации, не имеет ничего общего с конечными элементами ассоциативного ряда. Здесь мы имеем дело с простой последовательностью представлений, в которой каждый член связан только с предыдущим членом, а не с замкнутой целостностью, объединяющей все протекание мыслей.

4. Детерминирующая тенденция

Замкнутость протекания мышления, его системная целостность является следствием одной из его основных особенностей. Когда в начале века впервые начали экспериментальное изучение процесса мышления (Кюльпе, Ах, Ватт), то оказалось, что совершенно особую роль в данном случае играет задача, решение которой представляет собой конечную цель всего этого процесса. Когда испытуемому предлагают решить задачу, то обычно ему на ум приходят лишь представления, необходимые для решения данной задачи — в этом случае ассоциация представлений бессильна. Данное обстоятельство настолько специфично для мышления, что вне этого невозможен даже элементарный мыслительный процесс. Но как только влияние осознания задачи ослабевает, тотчас же вместо мышления возникают другие, немыслительные процессы.

Необходимо учитывать, что сама по себе задача оказывает столь определенное влияние на работу нашего сознания отнюдь не механически. Это происходит

только в том случае, когда субъект действительно серьезно берется за решение поставленной перед ним задачи. Лишь после этого сознание перестраивается таким образом, что обычная ассоциативная тенденция утрачивает силу, уступая свое место новой тенденции — так называемой *«детерминирующей тенденции»* (Н. Ах).

Таким образом, как видим, возникновение у человека именно надлежащих, целесообразных мыслей в процессе мышления носит скорее активный, а не пассивный характер. В основе этого лежит признание субъектом задачи, намерение решить ее, то есть волевой акт.

5. Активность

Активный характер мышления считается следующей специфической особенностью его протекания. В психологии эта сторона мышления всегда специально подчеркивалась, что вполне понятно, поскольку ничего столь наглядно не доказывает различие природы ассоциации и мышления, как это обстоятельство.

Тот факт, что мышление действительно характеризуется активностью, подтверждают не только переживания, сопутствующие мыслительному процессу, но и присущие ему особенности протекания. Мышление — активный процесс как феноменологически, так и функционально.

Что мы испытываем, когда, скажем, решаем сложную математическую задачу и когда предаемся обычным мечтаниям? Различие переживаний в данном случае является совершенно очевидным; в первом случае мы ощущаем себя весьма активными и деятельными, ежеминутно оказываясь перед трудностями и препятствиями и непрерывно принимая надлежащие меры для их преодоления. Зато в случае мечтаний все происходит совершенно иначе — вместо свойственной мышлению напряженности здесь отмечается пассивное расслабление, поскольку грезы протекают без нашего активного участия. Если в первом случае почти каждая отдельная мысль переживается как продукт нашего намеренного поиска, то во втором случае представления появляются и исчезают так, что нам остается лишь роль пассивного созерцателя. В процессе мышления мы действуем, тогда как в случае грез созерцаем то, что происходит как бы вне нашего участия.

Об активном характере мышления не менее очевидно свидетельствуют и особенности его протекания. Выше мы убедились, сколь большую роль в процессе мышления выполняет осознание задачи. Весь мыслительный процесс протекает таким образом, что он с начала до конца носит целесообразный характер, завершаясь в конце концов актом решения поставленной задачи. Подобная целесообразная природа процесса мышления ясно указывает на то, что в нем изначально участвует, активно направляя процесс вплоть до его завершения, личность со своими целями. Такая активность может характеризовать лишь различные случаи участия воли, поскольку о других психических процессах этого сказать нельзя.

6. Транспозиция

Как было показано, мышлением называется психический процесс, всегда начинающийся с постановки вопроса и завершающийся его решением. В каждом частном случае стоит один вопрос с индивидуально определенным содержанием, и мышление дает решение именно данного, индивидуально определенного вопроса. Однако предположим, что затем перед нами встала пусть не абсолютно идентичная, но в принципе аналогичная задача. Будет ли нашему мышлению так же трудно решить

данную задачу, как и первую? Возникнут ли теперь те же сложности, потребуются ли такие же усилия и активное напряжение, как тогда, когда мы решали задачу впервые? Даже совсем простое наблюдение позволяет отрицательно ответить на этот вопрос. При решении аналогичной задачи мыслительный процесс протекает несравненно более легко и беспрепятственно, чем в первом случае, требуя гораздо меньшего времени. Можно сказать, что достаточно понять, что задача аналогична первой, и решение тотчас же будет найдено.

Данное обстоятельство следует считать особенно характерным для мышления. Решая задачу, мышление делает это *«раз и навсегда»,* то есть нам не приходится в каждом отдельном частном случае начинать все сначала. Мышление «переносит» однажды найденный способ решения на новые, аналогичные задачи; особо высокая значимость мышления состоит в том, оно наделено способностью *«переноса», «транспозиции»*.

То, насколько характерен данный момент для мышления, хорошо показывает изучение фактов так называемого *«внезапного», «случайного»* решения задачи. Иногда решить задачу не удается. Тогда мы перестаем размышлять и обращаемся к опыту, то есть действуем то так, то иначе; но не потому, что эти попытки имеют под собой какое-нибудь разумное обоснование — мы просто делаем то, что приходит на ум. Случается, что этот путь приводит к правильному решению задачи. Решение налицо, хотя субъект и не знает, почему задача решается таким образом, он просто видит, что она решена. Как видим, такое *слепое* решение имеет место при применении метода *«проб и ошибок»*. А теперь представим, что нам вновь предложили решить либо эту, либо аналогичную задачу. Если мы не сможем механически вспомнить путь ее решения, нам придется опять-таки приступить к ее решению методом «проб и ошибок» — перенос, транспозиция не имеют места в случае неосмысленного, слепого решения задачи.

Практическое мышление

Обычно мышление признается одной из наиболее специфических особенностей человека. С мышлением связывают способность речи, а завершенной формой его проявления считают логическое, научное мышление. Естественно возникает вопрос о том, является ли это последнее единственной формой мышления, или же существуют и другие формы? Прежде полагали, что настоящее мышление не может существовать вне речи; поэтому мыслить может только человек, как единственное существо, наделенное речью.

Однако, посмотрев на данный вопрос с точки зрения развития, более приемлемым может показаться противоположный взгляд, согласно которому вербальное, логическое мышление представляет собой высшую ступень развития; следовательно, должны существовать и формы, соответствующие предшествующим ступеням его развития.

Как выяснилось из соответствующих исследований, мышление действительно проходит несколько ступеней развития, проявляясь на каждой из них в различной форме.

Таковыми можно признать следующие основные формы мышления: 1) *практическое мышление, 7) наглядное, образное мышление* и 3) *вербальное, логическое мышление.*

1. Опыты Кёлера

Понятие *практического мышления* тесно связано с именем Кёлера. Можно сказать, что данное понятие впервые было введено в науку после его зоопсихологических опытов и, как видно, окончательно укоренилось в ней.

Основная проблема Кёлера состояла в следующем: способно ли животное, не наделенное, как известно, речью, осуществлять разумное поведение, то есть поведение, которое не может быть сочтено ни инстинктивным, ни результатом простой случайности и которое, следовательно, должно быть признано элементарной формой проявления мышления. Если такое поведение существует, то как оно протекает?

Для решения данного вопроса Кёлер обратился к экспериментальному изучению поведения человекообразных обезьян (антропоидов). Принцип его опытов состоял в следующем: когда достижение цели возможно и *прямым* путем, то животное, естественно, руководствуется инстинктом; однако если для достижения цели необходимо применение *непрямого, «обходного пути»,* то тогда животное будет вынуждено вместо инстинкта обратиться к *разумным* актам. Таким образом, по Кёлеру критерием *разумного поведения* следует считать способность обращения к *обходному пути.* Поэтому все опыты Кёлера были построены таким образом, что для достижения цели животное было вынуждено выбирать обходной путь. «Экспериментатор создает такую ситуацию, в которой прямой путь к цели совершенно непригоден; зато можно обратиться к *обходному* пути. Животное помещается в подобную ситуацию... что позволяет выяснить, способно ли оно использовать непрямой, обходной путь для решения задачи».

Опираясь на этот принцип, Кёлер построил целую серию экспериментов. Он стремился выяснить, какого уровня сложности может достичь разумное поведение животного. Поэтому его опыты начинались с элементарных, простых задач, завершаясь довольно сложными. Для того, чтобы получить представление об этих задачах, рассмотрим примеры наиболее простых и сложных задач.

Ситуация первого опыта была следующей: высоко под потолком висит корзина с любимым лакомством обезьян — бананами, достать которую с пола животное не может. Корзина подвешена на веревке, и экспериментатор раскачивает ее. При этом корзина оказывается так близко от возведенного в комнате помоста, что достаточно обезьяне прыгнуть на него и подождать приближения корзины, чтобы свободно овладеть бананом. В данном случае обходной путь не нужен; необходимо только, чтобы животное заметило это место — помост, откуда можно достичь цели и прямым путем.

В одном из следующих опытов уже появляется необходимость обходного пути: корзина висит высоко, но в комнате находится ящик; для достижения цели нужно подтащить этот ящик поближе к корзине и встать на него.

Обезьяна заперта в клетке. Снаружи виден банан; обезьяна его видит, но достать рукой не может. В клетке валяются две бамбуковые палки, но они настолько коротки, что с помощью одной достать банан невозможно, поэтому для решения задачи нужно вставить одну палку в другую.

Принцип обходного пути очень наглядно представлен в одном из сложнейших опытов: обезьяна заперта в клетке; перед ней на расстоянии 45 сантиметров стоит ящик; в этом ящике, у ближней к обезьяне стенке, лежит банан. У ящика нет одной стенки — самой дальней для обезьяны. В клетке лежит длинная палка. Как может животное решить эту проблему и завладеть бананом? Только взяв палку и отодвинув

банан к открытой стенке ящика, а не притянув его к себе, чтобы таким образом выкинуть банан из ящика наружу. После этого нужно этой же палкой отодвинуть банан в сторону от ящика и лишь после этого придвинуть его к себе.

Из этих примеров ясно видно, что обезьяна действительно находится в такой ситуации, в которой решить задачу можно только путем разумного поведения.

Допустим, что в последнем опыте животное подчинится своим инстинктивным импульсам. Что оно сделает в этом случае? Вместо того, чтобы отодвинуть банан от себя, то есть еще более отдалить, животное безусловно придвинет его к себе. Но поскольку вытащить банан можно только через заднюю стенку ящика, то очевидно, что путем импульсивного поведения животное никогда не его заполучит. Или же возьмем задачу с двумя палками. В этом случае животное должно прибегнуть к таким движениям, которые сами по себе никак не связаны с бананом, то есть вместо того, чтобы протянуть руку к нему, обезьяна должна взять в разные руки палки и соединить их, подогнав друг к другу.

Несмотря на то, что в опытах Кёлера найти выход из создавшейся ситуации путем инстинктивного поведения было невозможно, антропоиды все-таки успешно решали задачу. Возникает вопрос, каким образом им удавалось это? Ответ Кёлера на данный вопрос известен: антропоиды выявили способность к разумному поведению; они разрешали ситуацию не с помощью инстинкта, а благодаря мышлению.

2. «Теория проб и ошибок»

Данное заключение Кёлера в корне противоречило принятым в психологии взглядам как о природе мышления, так и о поведении животных; поэтому встал вопрос о правомерности той интерпретации, которую дал Кёлер обнаруженным им экспериментальным фактам, считая их доказательством возможности существования мышления без речи.

Ряд психологов, особенно американских (Торндайк и др.), отстаивали мнение, что в опытах Кёлера обезьяны *случайно* решали задачу, а затем это вследствие частого повторения превращалось в механический навык.

Данная точка зрения, высказанная Торндайком еще до опубликования результатов опытов Кёлера, была известна под названием принципа «проб и ошибок» и имела широкое распространение, особенно среди американских психологов. Торндайк сформулировал этот принцип на основе своих известных зоопсихологических экспериментов, строящихся следующим образом: голодное животное запирают в клетке, откуда оно видит лежащую снаружи еду. Дверь клетки на засове, открывающемся при определенном движении, то есть животное, использовав соответствующие движения, может отпереть клетку и заполучить еду. Экспериментатор наблюдает за поведением животного, направленным на то, чтобы выйти из клетки, обеспечив тем самым возможность удовлетворения чувства голода.

Как животное, по мнению Торндайка, достигает этой цели? Очень просто: голод гонит его к расположенной вне клетки еде. Животное прибегает к совершенно естественным, обычным, врожденным движениям — бежит в направлении еды, натыкается на стену и, побуждаемое импульсом высвобождения из клетки, бросается из стороны в сторону, как будто «пробует», можно ли выйти с этой стороны; обнаруживая, что допущена «ошибка», животное снова и снова предпринимает новые попытки. В процессе этого непрерывного движения оно случайно задевает засов и дверь клетки открывается, то есть хотя животное и достигает цели, но это происходит совершенно случайно — в результате многочисленных «проб и ошибок». Если

вернуть животное в клетку, оно вновь начнет совершать свои бессмысленные движения, освободившись опять-таки случайно. Особенно следует отметить, что в результате многократных повторений этих опытов выясняется, что чем чаще приходится животному выбираться из клетки, тем меньше нецелесообразных движений оно совершает, в конце концов вовсе отказываясь от них и прямо обращаясь к целесообразным движениям — стоит запереть животное в клетку, как оно сразу же подбегает к засову и соответствующим движением открывает дверь.

Таким образом, в первый раз животное выбралось из клетки случайно, прибегнув к надлежащему движению, благодаря которому открылась дверь, отнюдь не осознанно, а также совершенно случайно.

Но почему происходит так, что в результате частого повторения опыта животное все реже и реже прибегает к ошибочным движениям, а в конце концов сразу же начинает осуществлять целесообразные движения? Не следует ли предположить, что животное в конечном счете начинает понимать смысл своих целесообразных движений, а потому теперь сразу же намеренно прибегает к ним? Ответ Торндайка на этот вопрос отрицательный; он считает, что постепенное снижение количества нецелесообразных движений и, в конечном итоге, их полная элиминация, как и закрепление и совершенствование целесообразных движений происходит само собой, совершенно механически, без активного участия животного. Он полагает, что успешное завершение целесообразных движений должно вызывать у животного чувство удовольствия, а бесплодность нецелесообразных движений — неудовольствие. Естественным результатом этого является то, что под влиянием чувства удовольствия закрепляются ассоциативные связи между целесообразными движениями и определенными сенсорными впечатлениями, а в случае нецелесообразных движений под воздействия неудовольствия эти связи ослабевают, в конечном итоге полностью исчезая; остаются только целесообразные движения.

Такова теория «проб и ошибок». Как видим, она всецело построена на чисто механистических позициях и, естественно, радикально противоречит интерпретации Кёлера. По мнению американских психологов, «нет нужды говорить об интеллекте, когда так называемое "разумное поведение" животных легко объясняется принципом "проб и ошибок"».

3. Теория «переходного переживания»

Другая группа психологов, особенно немецких ученых (Бюлер, Линдворский и др.), возражают против вывода Кёлера по иным соображениям. По их мнению, тот факт, что обезьяны решают столь сложные задачи, еще не доказывает того, что они каким-то образом обращаются к мыслительным актам. Дело в том, что объяснить их поведение можно и по-другому, не обращаясь к мышлению. Очевидно, что если такое объяснение действительно существует, то отдать предпочтение следует ему, поскольку признание способности мышления у животных имеет оправдание лишь в том случае, если выяснится, что объяснить их поведение посредством других, более элементарных функций, совершенно невозможно. По мнению этой группы психологов, особенности поведения кёлеровских обезьян вполне сводимы к более простым психическим функциям.

И действительно, что лежит в основе успешного поведения обезьян в опытах Кёлера? Как отмечал Бюлер, это несомненно означает использование взаимоотношений, существующих между предметами, предъявляемыми в опытах. Однако разве отношения постигаются только лишь разумом? Давно замечено (Шуманом), что при

сукцессивном сравнении двух величин, например, двух кругов, маленький круг, предъявленный после большого, как будто сжимается, тогда как при обратной последовательности сопоставления большой круг как бы расширяется. Переживание, сопровождающее это «расширение» или «сужение», именуется *«переходным переживанием»* (Übergangserlebnis). Полагают, что в основе акта сопоставления лежит именно этот специфический феномен — «переходное переживание»; когда второй круг «сужается», то он воспринимается более маленьким, чем первый круг, тогда как при «расширении», наоборот, кажется больше. Следовательно, при сравнении нет нужды говорить о специфическом постижении соотношений, о каких-то умственных операциях. Соотношение «больше-меньше» мы постигаем не посредством мышления, а с помощью «переходного переживания».

Но коль скоро это так, то несомненно, что «животное постигает соотношения именно с помощью переходных переживаний, а не с помощью мышления» — отмечает Линдворский, полностью отрицающий предположение о том, что обезьяна действительно способна постигать соотношения; по его мнению, она переживает *не соотношения, а переход.*

Однако «переходное переживание» отмечают лишь некоторые испытуемые Шумана, тогда как большинство о нем ничего не знает. Так что же может послужить доказательством того, что у животных это переживание выражено сильнее, чем у нас? Но даже допустив наличие у животных данного переживания, очевидно, что для них оно должно быть гораздо менее заметным, чем для людей.

В ответ на это сторонники теории переходного переживания рассуждают следующим образом: разумеется, животное может иметь очень слабое переходное переживание, однако это вовсе не мешает нам полагать, что при *сравнении* животное все-таки опирается на него. Дело в том, что известны случаи, когда наше суждение предопределено настолько слабым чувственным впечатлением, что его невозможно даже заметить. Следовательно, слабость переходного переживания еще не является доказательством того, что оно не может лежать в основе акта сравнения.

Таким образом, мы видим, что существуют и другие попытки интерпретации результатов Кёлера. В соответствии с ними, отнюдь нельзя считать доказанным, что шимпанзе решает свои задачи с помощью мышления. Так что же лежит в основе поведения обезьян в опытах Кёлера? По мнению Торндайка, это — принцип «проб и ошибок», согласно же немецким психологам — слабые, незаметные, так называемые «переходные переживания». Однако крайне механистическая природа принципа «проб и ошибок» и не менее крайне гипотетический характер «незаметного переходного переживания» ставят под сомнение их преимущество перед интерпретацией самого Кёлера.

4. Вопрос о мышлении антропоидов

Кёлер подробно описывает поведение своих животных, что позволяет проверить, имеет ли это поведение те признаки, которые выше были сочтены характерными для процесса мышления. Один из опытов Кёлера состоял в следующем: банан был высоко подвешен к одной из стен. Почти там же стоял ящик. Шимпанзе могла достать банан, лишь придвинув ящик и встав на него. Кёлер описывает интересное наблюдение: как решила эту задачу самая молодая из его обезьян, Коко.

Увидев подвешенный к стене банан, Коко понесся прямо к нему, подпрыгнул, но достигнуть цели все же не сумел. Тогда он вернулся назад, *отошел от стены, на которой висел банан, затем опять вернулся обратно, повторив это движение к стене и*

обратно— то приближаясь, то отходя от нее — несколько раз. Через некоторое время Коко, отойдя от стены, подошел к ящику, встал на него, посмотрел в сторону банана и начал медленно подталкивать ящик, не сдвигая его с места. Движения Коко стали заметно медленнее; он двигался гораздо медленнее, чем раньше. Затем он оставил ящик, опять отошел к стене, но потом вновь вернулся к ящику, толкнул его, только так слабо, что было неясно, намерен ли он сдвинуть ящик с места. Поскольку дело вперед не продвигалось, экспериментатор добавил к банану кусок апельсина, что заметно повлияло на обезьяну. Она опять подошла к ящику, схватила его и почти одним импульсом отнесла к стене, прыгнула на него и сорвала плод со стены.

Достаточно немного вникнуть в поведение шимпанзе, чтобы обнаружить в нем почти все признаки мышления. Во-первых, примечательно, что восприятие банана тотчас же вызывает у животного движение в его направлении и попытку с помощью прыжка, то есть *прямым путем,* завладеть им. У животного в первую очередь пробуждается инстинкт. Но когда попытка оказывается безуспешной, Коко начинает ходить из стороны в сторону, то приближаясь к стене, к которой подвешен банан, то отдаляясь от нее, но при этом не отрывая взгляда от цели. Создается впечатление, что у животного возникает описанное выше специфическое состояние, названное *удивлением,* с которого и начинается процесс мышления. Тот факт, что аналогичное переживание у шимпанзе и в самом деле должно возникать, еще более наглядно видно из описаний других случаев.

Совершенно бесспорно и наличие другого основного момента мышления — *объективации ситуации:* ведь Коко, не отрываясь, смотрит на банан и столь же настойчиво возвращается к ящику. Однако в случае мышления процесс, начинающийся с чувства удивления, завершается другим специфическим переживанием — *ага-переживанием.* Примечательно, что в описании поведения Коко зримо представлен и этот момент: после того, как добавили кусок апельсина, он опять подошел к ящику, некоторое время стоял, а затем внезапно, в один миг его поведение стало целесообразным, то есть предстала типичная для *ага-переживания* картина: Коко *внезапно* «догадался», как можно достичь цели, для него вдруг «все стало ясно», как бы выразился человек в его положении.

Понятно, что после этого протекание поведения полностью представляет собой одну замкнутую целостность — это единый, целостный процесс мышления, детерминированный тенденцией достижения определенной цели. То, что в поведении кёлеровских антропоидов действительно присутствуют моменты замкнутости мыслительного процесса и ага-переживания, особенно хорошо видно из кривой протекания их поведения. В случае использования принципа «проб и ошибок», то есть тогда, когда животное решает задачу посредством случайного движения, которое в результате многочисленных повторений превращается в прочный навык, кривая движений животного такова: отметив на абсциссе повторные попытки решения задачи, а на ординате — затраченное на каждую из них время, получим кривую, которая постепенно опускается вниз, хотя иногда, время от времени, вновь подскакивает вверх, указывая на то, что животное иногда и после правильного решения задачи допускает старые ошибки.

Совершенно иную картину представляет собой кривая, описывающая поведение кёлеровских обезьян; здесь эта кривая может начинаться так же, как и в вышеописанном случае, однако она всегда включает критический момент, после которого кривая резко падает вниз, никогда более не проявляя тенденцию к повышению. Решив однажды задачу, животное уже не допускает ошибок. Мы могли бы описать положение вещей следующим образом: животное «догадалось», как решается задача,

оно «раз и навсегда поняло», в чем состоит трудность; именно поэтому отныне оно уже ни разу не ошибается. Бесспорно, что подобная кривая может характеризовать только *интеллектуальный процесс.* На ней особенно демонстративно отражен момент *ага-переживания*: кривая внезапно падает вниз, ни разу больше не поднимаясь вверх.

Излишне доказывать, что в поведение кёлеровских обезьян ясно представлены и моменты активности и целесообразности. Подвешенный к стене банан настойчиво влечет к себе Коко — обезьяна не может оторвать от него взгляд, отходит от него на некоторое время, но вскоре вновь возвращается к нему. Ясно видно, сколь притягательную силу имеет для него банан; невзирая на это, Коко все-таки активен, ведь он часто оставляет плод и идет к ящику, то есть не приближается к банану, а отходит от него. А это означает, что в данном случае обезьяна действует вопреки природному импульсу, пробужденному плодом. Следовательно, его активность проявляется уже и в этом. Однако эта активность становится совершенно бесспорной тогда, когда Коко сам изменяет ситуацию — переносит ящик с одного места на другое. Но это свидетельствует отнюдь не только об активности, но и о целесообразности этой активности, поскольку поведение Коко предопределено целью заполучить банан.

Особенно примечателен еще один факт. Пока на стене висел только банан, мышление Коко все еще не было в достаточной мере мобилизовано. Но как только к нему прибавился и апельсин, положение сразу же изменилось — Коко мгновенно решил задачу. Перед нами весьма красноречивый факт, со всей очевидностью указывающий на значение *потребности, личностной значимости* объекта для стимуляции мышления.

Таким образом, анализ поведения обезьян показывает, что оно безусловно характеризуется признаками мышления. Следовательно, у нас нет оснований не признать, что несомненно бывают случаи, когда антропоид обращается к мыслительным актам, решая стоящую перед ним задачу путем разумного поведения. Однако какого же рода это мышление?

5. Практическое мышление

Само собой разумеется, что в данном случае мы имеем дело со специфической формой мышления, о существовании которого до нашего века даже не подозревали. Какие характерные черты присущи данной форме мышления?

В первую очередь нужно отметить следующее обстоятельство. Когда для решения какой-либо задачи человек обращается к мышлению, то обычно это происходит таким образом: субъект до завершения мыслительного процесса находится в бездействии, поскольку еще не знает, как ему предпочтительнее действовать. Он приступает к действию только после завершения мыслительного процесса. Это действие представляет собой проявление в поведении результата завершенного мышления, а не сам процесс мышления. Одним словом, в обычных случаях мыслительный процесс предшествует действию: «мы сначала измеряем, а потом режем», то есть вначале думаем, а потом действуем.

В случае мышления шимпанзе все происходит совершенно иначе. Здесь мыслительный процесс еще не выделен из действия. Мыслительный акт не предшествует действию, а происходит вместе с действием, включен в него.

Если в случае обычного человеческого мышления наблюдение над протеканием мыслительного процесса возможно лишь до начала действия — исходя из того, что говорит субъект, то в случае мышления шимпанзе складывается совсем другая картина — особенности протекания мышления явствуют из *самого поведения,* из са-

мих движений. Роль, выполняемая в этом смысле в мышлении человека речью, здесь возлагается на само действие, поведение. Здесь поведение является *не продуктом мышления, а процессом мышления.* Следовательно, в данном случае мышление все еще неотделимо от *практической активности.* Поэтому с этой точки зрения данную форму мышления можно определить, как *практическое мышление.*

Это обстоятельство указывает на то, что в случае практического мышления связь между исходящим от ситуации стимулом и действием еще *не совсем свободна.* В процессе рефлекторного поведения определенная ситуация обязательно вызывает соответствующую реакцию; здесь связь между действием и ситуацией носит *принудительный* характер. То же самое в сущности наблюдается и в случае *инстинкта;* например, живущая в неволе белка, увидев в определенное время года орешки, начинает собирать их, как бы припрятывая на зиму, то есть обращается к таким реакциям, которые, представляя собой существенное условие приспособления белки к природе, не имеют для нее никакого смысла в неволе, в квартирных условиях. В случае рефлекса и инстинкта за восприятием стимула тотчас же следует определенное движение.

Совершенно иное положение отмечается на высоких ступенях развития поведения человека. За восприятием ситуации отнюдь не следует раз и навсегда определенное действие; прежде всего начинается процесс мышления, причем и особенности этого действия, и момент его начала всецело зависят от результатов данного процесса — в этом смысле связь между стимулами ситуации и нашим поведением является *свободной.*

В случае практического мышления налицо как бы промежуточное положение; разумеется, хотя между ситуацией и поведением рефлекторной, принудительной связи уже нет, но эта связь не столь свободна, как в случае нашего предварительно обдуманного поведения. Дело в том, что в ситуации решения задачи шимпанзе ограничена четко определенными условиями. Кёлер отмечал, что для того, чтобы его обезьяны сумели установить соотношения между двумя объектами — например, использовали палку для притягивания к себе банана, было необходимо, чтобы эти два объекта располагались в одном поле зрения. Если их взаимное пространственное расположение было таково, что один из объектов оставался вне поля зрения, то обезьянам установить связь между этими объектами обычно не удавалось; каждый из них воспринимался как отдельный объект, вне соотнесения с другим. Кёлер подчеркивал, что разумное поведение шимпанзе определено *оптической структурой.* Это означает, что в основе поведения шимпанзе лежат только те соотношения, которые попадают в поле зрения обезьяны, которые она, так сказать, видит собственными глазами.

Однако было бы ошибкой полагать, что достаточно шимпанзе расположить два объекта в одном поле зрения, чтобы она восприняла их в соотношении друг с другом, установила связь между ними. Нет! Для того чтобы это случилось, необходимо, чтобы соотношение было дано непосредственно, то есть существовала возможность его *восприятия.* Предположим, что это не так; допустим, один объект непосредственно связан со вторым; возможно, что он имеет связь и с третьим объектом, однако этой связи сейчас не видно, поскольку, как было отмечено, в данный момент он связан со вторым объектом. Одно из наблюдений Кёлера ясно показывает, что мы имеем в виду в данном случае. Один из шимпанзе, Чика, уже хорошо умеющий использовать ящик для того, чтобы достать высоко подвешенный банан, в один прекрасный день упорно старается сорвать плод, прыгая вверх. Несмотря на то, что он прекрасно видит расположенный вблизи ящик, он даже и не пытается использовать его в своих целях. Почему? Как выяснилось, только потому, что в это время на ящи-

ке лежала другая обезьяна. Стоило ей спустя некоторое время спрыгнуть с ящика и освободить его, как Чика бросился к ящику с тем, чтобы использовать его для снятия банана. Чика хотел завладеть бананом. Он видел ящик, расположенный неподалеку, в том же оптическом поле, но не мог установить соотношение между ним и бананом. Почему? Несомненно потому, что непосредственно были связаны не ящик и банан, а ящик и лежащая на нем обезьяна. Именно это соотношение и видел Чика. Но для установления соотношения между ящиком и бананом необходимо было вначале пренебречь непосредственно воспринимаемой связью. Лишь после этого соотношение между ящиком и бананом могло стать непосредственно постижимым.

Одним словом, соотношение между ящиком и лежащей на нем обезьяной было дано непосредственно. Отношение же между ящиком и бананом могло стать непосредственным лишь в случае разрыва первого непосредственного соотношения (либо обезьяна сошла бы с ящика, либо сам Чика сбросил бы ее оттуда). До тех пор, пока это не произошло, близость ящика совершенно не влияла на поведение Чики.

Вывод совершенно очевиден: поведение Чики определяет только непосредственно данное соотношение; соотношение, не воспринимаемое обезьяной непосредственно или воспринимаемое непосредственно лишь после нарушения или изменения уже существующего соотношения, не играет никакой роли в поведении обезьяны.

Таким образом, можно сказать, что практическое мышление направляют лишь соотношения, данные в области восприятия непосредственно: поведение животного определяют лишь соотношения, существующие в актуальном восприятии.

Однако, как мы убедились выше, воспринятые соотношения действуют и при чисто инстинктивном поведении. Возникает вопрос: какое же тогда мы имеем право говорить о мышлении? Иными словами, в чем состоит разница в этом аспекте между практическим мышлением и теми поведенческими актами, которые не могут быть сочтены мышлением, но, тем не менее, подчиняются влиянию воспринимаемых соотношений? Какая разница между практическим мышлением и инстинктивным поведением?

Очевидно, что и инстинкт учитывает соотношения, непосредственно данные ситуацией. Однако всегда нужно помнить, что в случае инстинктивного поведения это — лишь соотношения, существующие между *субъектом* и *объектами* среды. Субъект действует на объект в соответствии с соотношениями между этим объектом и им самим, то есть *субъектом.* Потому-то инстинктивное поведение всегда состоит из актов, соотносящихся с целью *непосредственно, прямо,* без участия каких-либо опосредующих звеньев. Инстинкт *никогда* не представляет собой сложное, двухступенчатое поведение, в котором в первую очередь производятся действия, направленные на овладение *средством,* и лишь затем — действия, ведущие к *цели.* Поэтому участие инстинкта в создании орудия невозможно. Данное обстоятельство очень характерно для инстинкта, и необходимо всегда помнить об этом.

Но коль скоро это так, тогда несомненно, что в инстинкте всегда должны участвовать *отдельные соотношения,* причем обособленно, независимо друг от друга; это не может быть ряд или цепочка *взаимоувязанных соотношений.* Повторяем, это должно быть так потому, что инстинкт основывается на непосредственном соотношении объекта с субъектом, а не *опосредованном* другими соотношениями.

Совсем иначе обстоит дело в случае практического мышления. Как уже отмечалось, оно также опирается на непосредственно данные в ситуации соотношения; оно также предопределено исключительно воспринимаемыми соотношениями. Но решающее значение здесь имеет то, что это — не только непосредственные соотношения между объектом и субъектом. Нет! Главную роль в этом случае играют *соот-*

ношения между объектами. В процессе своего поведения субъект использует эти соотношения. Поэтому для него актуальны не только отдельные отношения, но и — в зависимости от обстоятельств — целые цепочки соотношений, непременно таких, которые *даны в восприятии.* Например, обезьяна заперта в клетке; снаружи, вне пределов досягаемости рукой, лежит банан. В клетке валяется палка, но она очень короткая, с ее помощью достать банан невозможно. Зато вне клетки лежит уже достаточно длинная палка, заполучив которую шимпанзе мог бы с легкостью достать заветный плод. Дотянуться рукой до нее невозможно, но ведь в клетке есть короткая палка, длина которой вполне достаточна для притягивания длинной палки.

Это — нелегкая задача. Успешно решить ее способны лишь особенно умные животные. Что же требуется в данном случае для нахождения правильного решения? Ответ очевиден: восприятие *ряда* соотношений и использование этих соотношений в правильной *последовательности.* Во всяком случае, здесь решающее значение имеет отражение хотя бы двух соотношений: короткой палки можно достать длинную, а длинной палкой — банан. Оба этих соотношения находятся в поле зрения обезьяны; необходимо лишь воспринять их и использовать в надлежащей последовательности. Достижение практического мышления состоит именно в том, что оно не только замечает данные в поле восприятия непосредственные соотношения, применяя каждое из них по отдельности, но и основывает поведение на использовании этих соотношений в *правильной последовательности.* В нашем примере шимпанзе вначале использует короткую палку для овладения длинной, а затем длинную палку — для овладения бананом, то есть его поведение основывается на постижении двухступенчатого соотношения — сначала соотношения между короткой и длинной палками, а затем — между длинной палкой и бананом.

Таким образом, практическое мышление использует не отдельные соотношения, а оно постигает правильную последовательность соотношений, их, так сказать, *систему.* Этим оно отличается от инстинктивного поведения, превращаясь в одну из форм мышления. Величайшим достижением практического мышления является то, что благодаря ему живое существо привыкает совершать и действия, не преследующие цели удовлетворения актуальной потребности. Например, обезьяна видит банан и хочет его съесть. Вместо того, чтобы протянуть к нему руку (движение, непосредственно удовлетворяющее актуальную потребность), обезьяна вынуждена хотя бы на некоторое время отвлечься от банана и попытаться, скажем, перетащить с места на место довольно тяжелый ящик. Иными словами, величайшее достижение практического мышления заключается в том, что благодаря ему живое существо обретает способность действовать ради *«средства»,* то есть для того, что само по себе никак *не является полезным* для животного, поскольку не удовлетворяет его актуальной потребности. А это же действительно большое достижение, ведь иначе никогда не появились бы ни *орудие,* ни *труд.* Соответственно, не было бы на земле ни настоящего человека, ни его истории, так как человека и его историю создали труд и орудие.

6. Обслуживание и практическое мышление

Однако все это еще не означает, что практическое мышление дает завершенную идею *средства* и, следовательно, возможность создания настоящего *орудия.* И первое, и второе представлены в практическом мышлении лишь в зачаточной форме — во всяком случае на уровне животной ступени его развития.

Естественно встает вопрос: на основе какой формы активности должно было возникнуть *практическое мышление?*

ДЛЯ ответа на данный вопрос решающее значение имеет одно наблюдение Кёлера. Его обезьяны обожали играть с ящиками, в большом количестве валявшимися во дворе. Они проводили в этой игре почти все свое свободное время. Однажды Кёлер велел занести все ящики в комнату, в которой обезьяны спали ночью. Утром, когда их выпустили во двор, произошло нечто довольно любопытное: несмотря на то, что они казались весьма огорченными по поводу того, что не могут больше играть с ящиками, ни одной из обезьян даже не пришло в голову вернуться в спальню и вынести ящики обратно.

Чем можно объяснить данное обстоятельство? Единственное, что в данном случае можно предположить, это то, что для шимпанзе, по-видимому, «ящик во дворе» и «ящик в спальне» — не одно и то же, то есть идея *идентичности* предметов им недоступна. С учетом этого понятно, почему ни Кёлером, ни другими исследователями не описан хотя бы один случай, когда животное приберегло на будущее с таким трудом сделанное им орудие. Одно из самых способных животных Кёлера — шимпанзе по имени Султан соединил две бамбуковые палки, сделав одну, более длинную палку, с помощью которой достал банан, расположенный довольно далеко от клетки. Несмотря на то, что это орудие пригодилось бы ему и в будущем, он выбросил палку сразу же после ее употребления, хотя в случае надобности животному пришлось бы заново соединять палки, что давалось ему не так уж легко. Отсюда ясно видно, что шимпанзе способно сделать «орудие» лишь для единичного, частного случая; каждый раз, когда ему нужно добыть пищу, шимпанзе специально для данного случая делает соответствующее «орудие»; заново оказавшись в аналогичной ситуации, он снова начнет делать такое же «орудие». Стало быть, «орудие» шимпанзе *не есть настоящее* орудие, поскольку орудие подразумевает возможность его повторного использования; орудие переживается как средство, имеющее определенное назначение *вообще*. Поэтому орудие как таковое переживается, как пригодное всегда, подобно органам собственного тела. Следовательно, в случае шимпанзе нельзя говорить о настоящем орудии. Как и любое животное, шимпанзе не в состоянии ни сделать, ни употребить настоящее орудие.

Уже тот факт, что шимпанзе даже орудие делает для конкретной, определенной потребности, очевидным образом доказывает его неспособность к *настоящему труду*. Когда энергия затрачивается на удовлетворение конкретной, индивидуальной потребности, когда какой-либо продукт делается только ради удовлетворения определенной, конкретной потребности данного индивида, тогда, как известно, имеем дело не с настоящим трудом, а лишь с такой формой активности, которую можно назвать *«обслуживанием»*.

В случае труда отмечается совершенно иное положение: цель создания продукта труда состоит не в удовлетворении конкретной, индивидуальной потребности момента, а потребности вообще, потребности как таковой, невзирая на то, у кого и где она возникла. Первым такого рода продуктом исторически безусловно было орудие. Именно поэтому процесс труда начинается только при создании орудия.

Таким образом, «орудие» шимпанзе еще не может считаться настоящим орудием; основная форма его активности не выходит за рамки обслуживания, именно поэтому переживание орудия ему еще чуждо. Как видим, начальная форма проявления мышления — практическое мышление зародилось и оформилось в условиях обслуживания. В процессе дальнейшего развития активности — на ступени *труда* появляются более высокие формы мышления: для него практического мышления уже недостаточно. Эти формы вначале представляют собой конкретное, образное мышление и затем — вербальное, логическое, научное, отвлеченное мышление.

Образное мышление

1. Образное мышление

Следующая форма проявления мышления встречается на первых ступенях человеческого развития. Она характерна для примитивного сознания, но, в то же время, и для детского сознания современного ребенка, поскольку объективная реальность для него является еще чуждой и незнакомой.

Для этой формы мышления прежде всего наиболее характерно то, что в отличие от практического мышления она протекает вне рамок действия, предшествуя ему, и, следовательно, не находит свое проявление непосредственно в действии.

В этом отношении образное мышление не отличается от высшей формы мышления. Различие состоит лишь в том, что высшая форма мышления оперирует *понятиями,* а образное мышление — *представлениями.* Следовательно, если практическое мышление представляет собой мышление действиями, то логическое мышление является мышлением понятиями; образное мышление — это мышление *представлениями, наглядными образами.* Поэтому данная форма мышления именуется *конкретным, предметным* мышлением (Вернер), *образным* мышлением (Нико Марр) или *наглядным* мышлением (Басов).

2. Речь и образное мышление

В случае практического мышления мысль выявляется и воплощается непосредственно в действии. В этом плане она изначально дана объективно, не являясь тайной внутренней жизни субъекта, его скрытым переживанием. Она представляет собой одно из явлений объективной реальности, а потому ясна и очевидна как для того, кто мыслит, так и для того, кто связан с ним совместной деятельностью, кто «работает» вместе с ним.

Когда же мышление утрачивает непосредственную связь с действием, оперируя лишь *представлениями* и *понятиями,* то очевидно, что оно, прежде всего, замыкается пределами внутреннего мира субъекта. В данном случае наблюдать извне над протеканием мышления уже невозможно. Но поскольку человек всегда испытывает затруднения при наблюдении за собственными переживаниями, поскольку его сознание всегда направлено вовне, а не внутрь, протекание мышления в этих условиях может ясно не осознаваться и самим мыслящим субъектом. Однако, как известно, неосознанное мышление нельзя считать мышлением. Следовательно, естественно предположить, что невозможно, чтобы мышление и на этом этапе развития не было бы дано *объективно,* замыкаясь в области чистых представлений. Маркс в свое время отмечал, что психика объективно дана в действии и его продуктах, указывая, в то же время, что психика может быть дана объективно и другим путем. В частности, он отмечал, что непосредственной *действительностью мысли является речь.*

Сегодня это положение следует признать совершенно очевидным. Оно дает четкий ответ на наш вопрос: образное мышление находит свое объективное выражение если не в действии, то в *слове,* в *речи.* Следовательно, благодаря слову образное мышление доступно для других, позволяя и самому субъекту следить за собственной мыслью и вносить в нее по мере надобности соответствующие изменения.

3. Предмет мышления

Как отмечалось выше, мышление охватывает как *предметы,* так и *соотношения.* Следовательно, для характеристики образного мышления следует ознакомиться с тем, как оно их отражает. Обратимся вначале к отражению предмета.

1. Как происходит осмысление предмета в случае образного мышления? Получить ответ на данный вопрос легче всего через анализ *содержания примитивных слов,* поскольку образное мышление, как уже отмечалось и выше, для передачи своего содержания использует слово.

В известном исследовании Леви-Брюля (о мышлении диких племен), основывающемся на богатейшем материале, особенно ясно видно, что выражает содержание слова для дикарей, что подразумевают они, используя то или иное слово. Подмечено, что в примитивных языках для обозначения одного и того же понятия вместо одного слова, как правило, употребляется множество слов. Так, например, для обозначения *снега* племя *лапов* использует 41 различное слово. Племя *тамов* для обозначения «идти на восток» использует одно слово, для обозначения «идти на запад» — другое слово; соответственно, для обозначения «идти на север» и «идти на юг» они также используют различные слова. Что касается одного слова, обозначающего в общем понятие «идти», то в их языке оно отсутствует. У племени *гуронов* нет глагола, обозначающего процесс принятия пищи вообще; потребление различной пищи обозначается по-разному: есть мясо — это одно слово, рыбу — другое и т.д., в зависимости от того, что они едят.

Одним словом, в примитивных языках часто каждый отдельный предмет, каждое отдельное явление имеет свое название; в примитивных языках отсутствуют слова, обозначающие какой-либо предмет или какое-либо действие *вообще,* такие, например, как *человек, еда* и пр.; существуют слова, обозначающие только индивидуальное, только конкретное.

Объяснение причин этого мог бы дать точный анализ слов примитива. Но то, по какому принципу примитивный человек создает свои слова, отчетливо видно и из того, как называют некоторые незнакомые им предметы примитивы, говорящие на европейском языке. Известно, например, что одно из примитивных племен на своем местном английском языке назвало пианино «ящиком, который кричит, когда его ударишь».

Приведенный пример достаточно хорошо показывает, что дикарь в содержании слова пытается передать максимально точную *картину.* Но поскольку образ предмета или явления всегда конкретен и индивидуален, то понятно, почему для обозначения, скажем, снега племя лапов использует 41 слово — каждое из них дает конкретную картину снега, а ведь их очень много.

Таким образом, совершенно ясно, что примитивный человек в своих словах подразумевает индивидуальный образ; общее, абстрактное для него непостижимо.

2. Однако использование слов без обобщения вообще невозможно, ведь каждое слово подразумевает определенное обобщение. И действительно, существование слова имеет смысл лишь в случае возможности его повторного употребления, когда оно имеет определенное *значение,* с которым человеку доведется встретиться еще раз, и, следовательно, возникнет необходимость его повторения. Поэтому невозможно, чтобы слово означало нечто совершенно конкретное, индивидуальное, единичное, ведь такое слово, раз возникнув, тотчас же исчезло бы вместе со своим значением. Соответственно, слово примитивного языка также должно подразумевать некоторое обобщение — слово принципиально не может иметь совершенно неповторимое, индиви-

дуальное значение. Тот факт, что на языке племени тамо существует два разных слова для обозначения «идти на восток» и «идти на запад», указывает, конечно, на то, что эти слова подразумевают общее, а не конкретное. В самом деле, ведь «идти на восток» можно совершенно различным образом! Одно дело идти на восток сегодня, а другое — завтра, ведь при этом образ не может быть полностью идентичным; кроме этого, на восток могут идти разные люди, из разных мест, в различном состоянии. Несмотря на это — слово одно. Оно подразумевает все *случаи* «идти на восток», движение в этом направлении *вообще*.

Стало быть, бесспорно, что образному мышлению свойственно некоторое обобщение. Но как это происходит? В общем, о движении в сторону востока можно говорить, лишь подразумевая все признаки, встречающиеся во всех возможных вариантах подобной активности. Следовательно, нужно выделить эти общие признаки и руководствоваться только ими. Это же требует акта так называемой *«абстракции»,* то есть выделения отдельных частей и признаков целого и рассмотрения каждого из них в отдельности.

Получается, что и образное мышление подразумевает *абстракцию.* Но тогда какой смысл называть его конкретным, неабстрактным мышлением в отличие от понятийного мышления!

Дело в том, что «абстракция» образного мышления — абстракция иного рода. Она представляет собой специфический способ, который, хотя и служит той же цели, что и развитая абстракция, но все же не может считаться настоящей абстракцией; это — не настоящая абстракция, а лишь ее функциональный эквивалент. Что представляет собой этот эквивалент?

Это особенно ясно видно из примеров все той же примитивной речи. Посмотрим, какие слова употребляются в примитивном языке для обозначения свойств, признаков предмета — например, как называется тот или иной цвет, скажем «черный» или «красный». В данном случае это интересно потому, что для внесения отдельного слова для обозначения отдельного признака нужно выделить этот признак из представления предмета в целом, а употребляя соответствующее слово, подразумевать, иметь в виду только это выделенное содержание; иначе говоря, необходимо обратиться к абстракции. Итак, как же обозначается на примитивном языке качество, признак, то есть отвлеченное содержание? Жители Новой Померании, например, «черное» называют «коткот» (ворона), а «красное» — «габ» (кровь), то есть для обозначения тех или иных признаков используют названия тех предметов, у которых они наиболее ярко выражены.

Что доказывает отмеченное обстоятельство? Очевидно, что в сознании дикаря при употреблении слова, обозначающего некое качество (например, черный), появляется не понятие «черного» как отдельного признака, а обязательно представление *целого предмета* — в нашем примере *вороны.* Но ведь у вороны есть и другие признаки! Но эти признаки обозначаются уже названиями других предметов. Очевидно, что на дикаря ворона оказывает впечатление прежде всего своим густым черным цветом; поэтому понятно, что, желая отметить аналогичное впечатление, он вспоминает ворону.

Следовательно, в примитивном языке название абстрактного содержания, например признака, подразумевает не отдельный признак, выделенный из целостного представления, а целостность, для которой данный признак характерен. Именно поэтому черное называется *«вороной»,* а красное — *«кровью».*

То, что это действительно должно быть именно так, то есть то, что дикарь вместо выделения из целого отдельной стороны, то есть абстракции, использует

опять-таки целостность, для которой особенно характерен тот или иной признак (например, в случае вороны — черный цвет, в случае крови — красный), подтверждают и другие примеры. Скажем, представители одного из диких племен назвали зонтик *летучей мышью;* другие приняли двух совершенно непохожих европейцев за братьев. Почему? Что они нашли общего между летучей мышью и зонтиком или теми европейцами? Можно предположить, что в обоих случаях в сознании дикарей целостное впечатление имело один, особенно бросающийся в глаза признак. В случае с зонтиком и летучей мышью в этом впечатлении на передний край выступали, по-видимому, раскрытые крылья летучей мыши; что касается европейцев, то, как выяснилось впоследствии, решающее значение имели «желтые сапоги», в которые оба были обуты.

Таким образом, образное мышление лишено способности истинной абстракции — вместо осмысления отдельных признаков всегда подразумевается целое, но такое целое, в котором доминирует один определенный признак, производящий наиболее яркое впечатление на примитивного человека. В соответствии с этим, процесс «абстракции» примитива можно представить следующим образом: когда он видит, предположим, ворону, то более всего его впечатляет ее черный цвет. В целостном представлении вороны ее чернота выполняет роль *«фигуры», а все остальное служит «фоном».* Допустим, дикарь впервые в жизни увидел черные чернила; если в этом случае его особое внимание привлечет цвет, если данное качество будет воспринято фигурой, а все остальное — фоном, тогда очевидно, что для него чернила и ворона будут одинаковыми: и то и другое черное (он назовет их одинаково — вороной). Назвав условно взаимодействие фигуры и фона «фигурацией», функциональным эквивалентом абстракции в образном мышлении следует признать именно *фигурацию.*

Таким образом, очевидно, что примитивное мышление действительно следует считать образным мышлением, поскольку его предмет всегда представлен в виде отдельного образа. Тем не менее, это — все-таки образ, а не актуальная действительность, представление, а не восприятие. Представление же подразумевает некоторое *обобщение,* как это подтверждают слова примитивных племен и их содержание. Следовательно, очевидно, что образное мышление выходит за пределы актуальной действительности, так или иначе освобождается от непосредственной зависимости от нее. Образное мышление выше практического мышления и в этом смысле.

3. Из сказанного явствует еще один важный момент, вытекающий из основной особенности образного мышления. Дело в том, что мир образного мышления представляет собой мир предметов и явлений, расположенных в одной плоскости. Образному мышлению чужда идея «взаимоподчиненности» понятий. Для него непостижимо, что существует *род* и *вид,* что вид подчинен роду; например, *«человек вообще»* — родовое понятие, а его различные виды — *«женщина»* и *«мужчина»;* в свою очередь, каждое из этих понятий имеет собственные подчиненные понятия, то есть подвиды (например, женщина — замужняя и незамужняя) и т.д. Образному мышлению идея подчиненности чужда. Причина этого в том, что его предметом всегда является конкретный образ, конкретное представление. Конкретный же образ может лишь встать рядом с другим образом. Между ними не могут возникнуть родо-видовые, подчиненные отношения.

То, что это так, хорошо подтверждает опять-таки материал примитивных языков. Допустим, дикарь видит нечто новое, которому он должен как-то назвать. В аналогичной ситуации мы поступили бы следующим образом: в зависимости от признаков, присущих новому объекту, отнесли бы его к определенной группе предметов,

определив тем самым его название. Сказали бы, например, что это птица, минерал, книга, то есть определили бы *род,* в который в качестве вида входит данный объект. Итак, мы бы *подчинили* незнакомый объект знакомой группе предметов, совершив, как принято говорить, его *субсумцию.* Внешне так же точно поступает дикарь — он тоже соотносит новый объект с определенной группой, но не путем субсумции, а совсем иным способом. Увидев зонтик, дикарь называет его «летучей мышью»; созерцая птицу, он говорит, что это — «бабочка»; потушив свечу, он ее «убивает». Это означает, что мышление примитива воспринимает зонтик с той же фигурацией, что и летучую мышь, а бабочку — с фигурацией птицы.

Следовательно, зонтик и летучая мышь, бабочка и птица, как одинаково значимые явления, входят в отдельные, расположенные в один ряд группы. Стало быть, здесь и вправду неуместно говорить о подчиненности и субсумции. По словам Вернера, в этом случае мы имеем дело скорее с «предметной транспозицией», чем с субсумцией.

Каков результат всего этого? Образное мышление объединяет в одну группу и обозначает одним и тем же словом такие предметы и явления, которые наше логическое мышление никогда бы не объединило. Например, на языке одного из североамериканских племен (гайдов) все круглое — солнце, луна, ухо, рыба и пр. — называется одним словом, объединяясь, соответственно, в одну группу. Точно так же одним словом обозначаются продолговатые предметы — например, язык и нос. Это происходит потому, что образное мышление, отражая объективную реальность, как бы *рисует, описывает* ее; поэтому понятно, что образному мышлению неведомо подчинение, оно *постигает* скорее аналогию, нежели логическую зависимость.

4. Образное мышление и отражение соотношений

Как известно, мышление особенно интересуют соотношения. Что в этом плане представляет собой образное мышление?

1. Согласно формальной логике, существует ряд понятий, выражающих соотношения, представляющих собой основную, не сводимую на другие, предпосылку усмотрения любого рода порядка и связи. Подобные обобщенные, основные понятия называются *«категориями».* К их числу относятся, например, понятия *тождественности, причинности* (каузальности) и пр. Подразумевается, что логическое познание, каким бы оно ни было, уже изначально предполагает такие соотношения. Следовательно, мышление непременно должно быть *категориальным.*

Психологический анализ образного мышления доказывает, что данное положение формальной логики неправильно и психологически. Образное мышление — по крайней мере на основных этапах своего развития — не представляет собой категориального мышления, являясь скорее *прекатегориальным.*

Любое отношение, например каузальность, подразумевает наличие двух членов — причины и следствия; именно между ними и подтверждается отношение. Данное положение остается в силе и в случае *тождественности {идентичности)* — предмет в одном случае и предмет в другом случае с самим собой находится в тождественном отношении. Однако образное мышление не способно к подобному выделению и взаимосопоставлению предметов, ведь это требует более высокого уровня развития абстракции, чем, как известно, образное мышление не располагает. Следовательно, для образного мышления не существует взаимоотношения только двух явлений, для него каждый предмет и каждое явление связаны также со всеми другими предметами и явлениями — мир для него целостен и един. Разумеется,

это не есть диалектическое единство, иначе мышление дикаря было бы диалектическим. Нет, здесь мы имеем дело — хотя бы в основном — с нерасчленяемой, диффузной целостностью.

Это открытие психологии мышления с очевидностью подтверждает, что мышление по своей *сути* не является таким, как это рисует формальная логика, то есть оно не обязательно является формально-логическим. На начальном этапе своего развития мышление является целостным, причем очевидно, что на высших ступенях своего развития оно вновь возвращается к целостности, но только уже не к диффузной, нерасчлененной целостности, а к диалектическому единству, превращаясь, таким образом, в диалектическое мышление.

Следовательно, образному мышлению чужды категории формальной логики; это — *прекатегориальное* мышление.

В этой связи естественно возникает вопрос о том, каким образом осуществляется мышление вне категорий? К каким путям прибегает образное мышление там, где дело касается основных отношений? Для примера рассмотрим два главных отношения — *тождественность и причинность.*

2. Известен целый ряд наблюдений, указывающих на то, что для образного мышления еще не совсем доступен истинный смысл отношения *тождественности.* Например, для одного южноафриканского племени восходящее и заходящее солнце отнюдь не одно и то же; и луна в различных фазах также не является одним и тем же объектом. Разумеется, образному мышлению еще более трудно постичь тождественность предмета, испытывающего в процессе своего развития зримые метаморфозы, как это происходит, например, в мире животных. Однажды психолог Турнвальд, например, был даже осмеян, объявив бабочку и гусеницу одним и тем же животным. *Содержание* и *предмет* восприятия или представления еще недостаточно размежеваны — в предметном сознании примитивного человека решающую роль все еще играет содержание. Поэтому всегда, когда психическое содержание, вызванное каким-либо предметом в одних условиях, наглядно отличается от содержания, вызванного тем же предметом в других условиях, образное сознание не в состоянии признать тождественность данного предмета. Конкретное мышление пользуется образом, мысль вне образа ему еще неведома. Поэтому понятно, что в образном мышлении категория тождественности еще полностью не сложилась.

Этим объяснятся то обстоятельство, что примитивный человек высказывает иногда совершенно противоречивые суждения об одном и том же предмете. На основе этого наблюдения Леви-Брюль пришел к выводу, что примитивный человек не чувствует противоречивости суждений, для него закон противоречия формальной логики не существует. В действительности же это обусловлено тем, что у примитивного человека недостаточно развито переживание тождественности, так как он мыслит образами, а коль скоро они зримо отличаются друг от друга, он, соответственно, усматривает в них различные предметы. Поэтому, конечно, неудивительно, если он порою высказывает совершенно противоположные суждения об одном и том же предмете, ведь для него это разные предметы.

Таким образом, можно заключить, что в случае образного мышления еще недостаточно развито переживание тождественности; оно все еще основывается на наглядности — тождественность переживается исключительно там, где налицо наглядное содержание, где образы одинаковы; в его основе еще не лежат знания и понятия.

3. Как переживает образное мышление *причинность,* отношение между двумя последовательными явлениями, из которых одно является причиной, а второе — следствием?

Когда мы становимся свидетелями явления, представляющегося нам новым, необычным, непонятным, у нас, как правило, появляется потребность понять, с чем мы столкнулись, какой причиной оно вызвано. Одним словом, у нас возникает стремление объяснить это явление, найти его причину. Несомненно, что интерес к объяснению есть и у человека, находящегося на ступени образного мышления. Как он объясняет то или иное явление? Это, безусловно, зависит от того, как он понимает причинность.

Почему у черепахи плоский панцирь с трещинами? Бразильский индеец объясняет это следующим образом: «Черепаха и коршун поспорили, кто раньше попадет на небесный праздник. Черепаха спряталась в корзине коршуна с пищей, и он вместе с корзиной поднял ее высоко в небо. Так что коршуна на празднике встретила черепаха, заявившая, что она прибыла раньше и уже давно его ждет. Не придя к соглашению, они порешили, что спор выиграет тот, кто быстрее спустится на землю. Коршун полетел к земле, черепаха же просто упала с небес и, естественно, оказалась на земле раньше коршуна. Но она с такой силой ударилась о землю, что ее панцирь стал плоским и покрылся трещинами. Вот почему у черепахи и сегодня плоский панцирь с трещинами».

Как можно видеть, бразильский индеец сочиняет рассказ, в котором описывается, почему у черепахи панцирь покрыт трещинами. Это и есть его объяснение. Так происходит и в других случаях — примитивный человек, пытаясь объяснить что-то, составляет рассказ, в котором *описывается,* как произошло интересуемое явление. Для образного мышления *объяснение* и *описание* совпадают друг с другом. Несомненно, что образное мышление и здесь, как и в случае тождественности, видит и отражает отношения только так, как они даны непосредственно. Причина и следствие сведены к простой последовательности: вслед за одним явлением происходит второе, одно предшествует другому — этим и ограничивается все то, что переживается в образном мышлении в случае причинных отношений. Можно подумать, что формула Юма — post hoc ergo propter hoc (после этого, стало быть, по этой причине) — выражает понимание причинности образным мышлением.

Однако природа причинно-следственной связи, хотя бы для нашего мышления, носит характер *необходимости.* Для образного мышления это не так — необходимость для него непостижима. Когда известный путешественник Фонденштейн, данные которого мы здесь постоянно используем, сказал одному *бакаири,* что «все должны умереть», выяснилось, что для того слово «должны» как необходимость было совершенно непонятно. Он еще не достиг того уровня, чтобы из ряда постоянно повторяющихся в неизменном виде явлений усмотреть общую необходимость. Образное мышление незнакомо с категориями *необходимого* и *общего.* Поэтому оно и ограничивается только повествованием, только описанием.

Но неужели образное мышление не усматривает между причиной и следствием никакой иной связи, кроме простой последовательности? Наблюдения над образным мышлением как примитивных людей, так и детей доказывают, что данный тип мышления предполагает своеобразную связь между причиной и следствием, в соответствии с которой следствие означает не просто следствие, а скорее *продукт, результат действия.* Образное мышление подразумевает между причиной и следствием связь, выраженную в действии — все происходящее и существующее обязательно *сделано кем-то.* Таково убеждение образного мышления. Поэтому достаточно рассказать, кто и как сделал тот или иной предмет или явление, чтобы объяснение было признано вполне удовлетворительным.

Отмеченный факт заслуживает особого внимания, поскольку указывает, как возникло понятие причинности, как пришел человек к идее причинно-следственной связи. В западной психологии уже давно распространилось мнение, что источником познания причинности является наблюдение над собственной волей (Шопенгауэр). На самом же деле невозможно, чтобы это действительно было так; ведь тогда следует принять и то, что самонаблюдение, предполагающее довольно высокий уровень абстракции, развилось значительно раньше, чем объективное наблюдение, что причинность вначале была замечена во внутреннем мире, затем перенесена во внешний мир, что эта категория была предусмотрена сначала теоретически и лишь затем практически, поскольку наблюдение над внутренним миром с практикой непосредственно не связано — практика протекает не во внутреннем мире, а во внешней действительности.

Гораздо правильнее представить дело следующим образом. Понимание причинной связи в виде отношения «делания», указывает на то, что человек вначале обратил внимание *на продукты своего труда,* на то, что он *делал,* а также на то, что этот продукт производился лишь вследствие *созидания.* Что касается субъективной стороны созидания, то есть мотивации и переживания активности, эти моменты стали предметом наблюдения человека относительно позже. И действительно, как известно, за представлением причинности как созидания, то есть за тем, что сейчас в психологии именуется *артифициализмом,* последовало такое *психологическое* понимание причинно-следственного отношения, согласно которому причина действует как *мотив,* и все происходит по причине какого-либо *мотива.*

Таким образом, как видим, источник идеи причинных отношений следует искать в человеческой практике. Поскольку источником всего специфически человеческого является труд, то здесь же следует искать и истоки категории причинности.

Однако практика примитивного человека, его «труд» протекали в простой, примитивной форме, все еще пребывая лишь в пределах потребления и обслуживания. Поэтому примитивным было и каузальное сознание. Идея настоящего причинно-следственного отношения, как и других отношений, а также истинное осознание предмета выработались лишь на том этапе развития, когда в жизни человека доминантное значение получил производственный труд. Именно на этой почве окончательно сформировалась завершенная форма мышления — так называемое «понятийное мышление».

Как видно из вышеизложенного, образное мышление представляет собой более высокую ступень развития, чем практическое мышление, но значительно более низкую по сравнению с понятийным мышлением.

Понятийное мышление

1. Ассоциационном в психологии мышления

Практическое мышление протекает в пределах воспринимаемого. Образное мышление весьма расширяет область своего действия, поскольку опирается и на представления, хотя и оно остается в пределах непосредственной данности. Естественно возникает вопрос: неужели нет возможности преодоления рамок непосредственной данности, наглядности и отражения более отдаленных сторон действительности?

ПСИХОЛОГИИ XIX века по существу не были известны ни практическое, ни образное мышление. Мышлением считалось только логическое, отвлеченное, понятийное мышление. Несмотря на это, психология того времени все же сводила любого рода мышление к наглядности. Дело в том, что классическая психология XIX века являлась ассоциативной психологией; ее представители были убеждены, что единственным материалом, используемым нашей психикой, являются ощущения и, соответственно, мышление также строится из этого материала. Что касается закономерности мыслительного процесса, то она тоже не представляет собой ничего специфического — здесь, как и в во всех других случаях, действуют законы ассоциации. Поэтому задача психологии мышления может состоять только в анализе всех возможных форм мышления, показав, что здесь мы имеем дело всего лишь со следствием объединения различных представлений в соответствии с законами ассоциации. Например, понятие представляет собой продукт одновременной ассоциации представлений, а суждение — последовательной ассоциации. Крайний сенсуализм ассоциативной психологии не позволял ей усмотреть в мышлении психический процесс, выходящий за пределы непосредственной данности, предоставляя тем самым возможность познания существенных сторон действительности.

2. Мысль как ненаглядное переживание

Неужели, в конце концов, наше мышление даже на наивысшей ступени своего развития все же ограничено пределами наглядности? Блестящие достижения современной науки бесспорно доказывают, что человеческая мысль способна выйти за рамки поверхности событий и познать их сущность. Естественно, это было бы невозможным, если бы наше мышление действительно сводилось всего лишь к ассоциациям ощущений и, следовательно, ограничивалось исключительно непосредственной данностью.

Это обстоятельство всегда остро ставило перед психологией проблему о том, какими путями и как удается нашему мышлению достигать столь значительных высот познания. Интенсивное изучение данного вопроса началось в начале XX века в Германии под руководством Кюльпе (Вюрцбугская школа), а также во Франции, под руководством Бине. Поскольку изучение мышления имело под собой экспериментальную основу, оно с самого же начала оказалось весьма плодотворным.

Первый значительный результат, полученный путем экспериментального исследования мышления, касается именно нашей проблемы. Выяснилось, что ни в коем случае нельзя сводить процесс мышления только на наглядное содержание, только на ощущения и представления. Наряду с этими наглядными содержаниями в процессе мышления переживается еще что-то, не имеющее ни какого-либо *чувственного качества,* ни какой-либо *интенсивности,* то есть тех сторон, без которых ощущение немыслимо. Не вызывало сомнений, что в этом случае речь идет о переживании, не имеющим ничего общего с ощущением.

Обычно испытуемые называли это переживание *«знанием», «мыслью».* Оно оказалось несводимым к ощущению или представлению, поскольку оно, помимо отсутствия модальности и интенсивности, отличалось от наглядных переживаний, представлений и по другим основаниям: 1) испытуемый, отчитываясь о своем мыслительном акте, например, рассказывая о переживаниях, испытанных им в процессе осмысления сделанного ему предложения, превосходно и весьма отчетливо помнил «мысль», пришедшую ему на ум. Но что касается возникших при этом представлений, он не смог вспомнить даже того, какими они были — только схематичными

или завершенными, имеющими определенное содержание. Следовательно, *мысль — одно, а представление — другое;* 2) то, что это так, подтверждает и тот факт, что, к примеру, для *понимания* слова требуется гораздо меньше времени, чем для возникновения зрительного представления. Будь мысль действительно результатом ассоциаций представлений, подобный факт не имел бы места; 3) допустим, испытуемому нужно ответить простой двигательной реакцией на предъявленное слово, но это он должен сделать лишь после осмысления данного слова, постижения его значения. Выяснилось, что в этой ситуации у испытуемого могут возникнуть некоторые *представления,* однако при этом он знает, что они не соответствуют *значению* этого слова. Стало быть, *понимание, осмысление* значения несводимо к представлению.

Таким образом, можно считать доказанным, что наше сознание, помимо наглядных содержаний — ощущений и представлений — содержит и ненаглядные переживания — ненаглядное *знание,* проявляющееся в процессе мышления и известное в психологии под названием *мысли.*

Итак, наш вопрос решается следующим образом: наряду с практическим и образным мышлением существует еще одна форма мышления, способная через *мысль* или *ненаглядное* знание выйти за пределы наглядности и отразить также те стороны действительности, которые не даны непосредственно. Данная форма мышления называется *понятийным мышлением.*

3. Понятийное мышление и наглядное содержание

Возникает вопрос: какое отношение в самом понятийном мышлении существует между наглядными содержаниями и ненаглядными переживаниями, между сенсорным материалом и мыслью? Не следует ли думать, что коль скоро в мышлении подтвердилось существование ненаглядных актов, то для участия наглядных переживаний уже не остается места?

Вначале, в первый период изучения ненаглядных актов, психологи Вюрцбургской школы, увлеченные новыми открытиями, в вопросе об участии в мышлении наглядного содержания — восприятия и представлений впадали в некоторую крайность. Если представители ассоциативной психологии вообще сводили мышление к наглядным переживаниям, то вюрцбуржцы, наоборот, пытались доказать, что наглядные содержания вовсе не участвуют в мышлении. Однако вскоре выяснилось, что это была крайность. Сегодня уже для всех очевидно, что мышление невозможно без участия чувственного, наглядного содержания. Это уже не отрицают и представители Вюрцбургской школы. Вопрос нынче состоит лишь в том, какую роль выполняют данные содержания в понятийном мышлении.

1. Как известно, любое мышление непременно подразумевает нечто, на что оно направлено, ведь для того, чтобы можно было размышлять, всегда должно быть дано что-то. Мышление, как отмечалось и выше, предполагает *объективацию* восприятия; это — вторичный процесс, которому предшествует первичное отражение действительности, которое дано через восприятие и представления.

Таким образом, данность наглядного, чувственного содержания — это первое необходимое условие, вне которого говорить о мышлении вообще невозможно.

2. Но сенсорное содержание необходимо понятийному мышлению и в другом плане. Во-первых, чем отвлеченнее содержание нашего мышления, тем острее, как правило, чувствуется нужда в наглядном материале. Дело в том, что мышление представляет ценность только в том случае, когда оно полностью доступно, то есть, так сказать, с начала до конца протекает в поле внутреннего видения субъекта, ведь

мышление, как чрезвычайно активный процесс, требует непрерывного внимания, постоянного контроля.

Однако как и в каком виде даны нам содержания мышления, достигшего высшей ступени отвлеченности? Отвлеченное означает именно то, что оно не дано непосредственно; но, как мы убедились, необходимо, чтобы содержание каким-либо образом все же обязательно было дано. В этом случае совершенно особую роль играет *речь*. Слово — наилучший способ превращения отвлеченной мысли в непосредственную данность. Дело в том, что слово само по себе лишено какого-либо собственного содержания, являясь всего лишь звуком и больше ничем, то есть чисто наглядным переживанием. Следовательно, ничего не мешает нам превратить в его содержание отвлеченную мысль, придав ей тем самым осязаемый, наглядный, объективный вид: *слово* — это *объективация отвлеченной мысли*. Оно предоставляет возможность превратить ненаглядное переживание в непосредственную данность. Без него, следовательно, активное развертывание отвлеченного мышления было бы невозможным.

Таким образом, наглядное сенсорное содержание в первую очередь встречается с ненаглядной мыслью в слове, создавая тем самым возможность ее развития и развертывания. Поэтому понятийное, отвлеченное мышление вполне справедливо называют также вербальным (словесным) мышлением.

3. Однако наглядное содержание участвует в протекании мышления и в другом отношении. Пусть слово не имеет собственного содержания, и потому его вмешательство в мыслительный процесс не влияет на него содержательно, но ведь это нельзя сказать о других сенсорных содержаниях. *Представление*, каким бы оно ни было, всегда имеет собственное содержание и всегда служит цели непосредственного отражения действительности. Стало быть, оно не должно иметь ничего общего с отвлеченным мышлением, направленным именно на отвлеченное, ненаглядное. Несмотря на это, следует считать экспериментально доказанным фактом то, что в процессе нашего отвлеченного мышления несомненное участие принимают и наглядные переживания, конкретные предметные представления. Какой бы ни была задача, в процессе ее решения в сознании субъекта непременно возникает целый ряд предметных представлений.

Обратимся к одному примеру. Испытуемому дается задание найти родовое понятие для двух предъявленных слов (например, «мужчина» и «женщина», родовое понятие для них будет «человек»), а затем рассказать о переживаниях, появившихся с момента прочтения слов до ответа.

Приведем выписку из одного протокола: испытуемому были даны два слова — «оправдание» и «квитанция». Самонаблюдение испытуемого: «Некоторое время я испытывал растерянность, но вскоре у меня возникло образное представление... это был только образ, в действительности ничего не означающий. Как будто была представлена сцена суда, но так, что описать ее невозможно. К этому добавилась другая картина — один образ был слева, другой — справа. Этот второй образ представлял руку в процессе письма; того, кому принадлежала эта рука, видно не было, виднелась только пишущая рука. И вот, я догадался, что делала эта рука, что она писала» (так была решена задача — испытуемый назвал родовое понятие).

Как видно из вышеизложенного, у субъекта возникали вполне наглядные представления. Некоторые из них могут быть и неопределенными, без подробностей, но то, что дано, безусловно является чувственным и, следовательно, *не может быть отождествлено с мыслью, знанием*. Однако имеют ли эти представления какую-либо внутреннюю связь со знанием?

Можно предположить, что эти образные представления возникают совершенно случайно, что они лишь ассоциативно связаны с элементами задачи — например, со словами, содержавшимися в решаемой задаче. Однако анализ соответствующего экспериментального материала показывает, что это не так (Вильволь). Разумеется, иногда те или иные представления проникают в наше сознание чисто ассоциативным путем; но это случается настолько редко, что некоторые исследователи, например Зельц, полностью отрицают такую возможность. Зато, как правило, представления с наглядным содержанием, возникающие в сознании мыслящего субъекта, связаны с задачей *по существу.* В процессе мышления они выполняют определенную роль, имеют некую функцию. В чем же состоит данная функция? Она оказалась различной:

1. Оказалось, прежде всего, что в некоторых случаях возникшие в процессе мышления представления с наглядным содержанием представляют собой всего лишь *иллюстрацию* ненаглядной мысли, причем они не предшествуют нашим мыслям, а сопутствуют им, не оказывая непосредственного влияния на решение задачи.

2. Иногда у субъекта возникает необыкновенно яркий, наглядный образ. В таких случаях наглядное представление зачастую оказывает *тормозящее* влияние на процесс мышления — либо слишком яркое представление увлекает субъекта, мешая ему направить внимание на решении задачи, либо — именно в силу своей яркости — вызывает преждевременное завершение мыслительного процесса, либо же, наконец, вынуждает субъекта предположить наличие тех же отношений между элементами задачи, какие ему видятся между этими яркими представлениями. Одним словом, возникшие в процессе мышления наглядные содержания порою оказываются помехой. Однако это происходит только в том случае, если представление достигает высокой степени наглядности.

3. Гораздо чаще наглядное представление не тормозит мышление, а, напротив, способствует ему. Примечательно, что в таких случаях оно обычно бывает лишено высокого уровня наглядности, характерного для тормозящих представлений. В данном случае представление имеет относительно более *общий, неопределенный* характер, так что трудно бывает точно сказать, что оно выражает: «это — животное, но оно может быть и быком, и коровой, и лошадью...». Одним словом, здесь мы несомненно имеем дело со *своеобразным* чувственным содержанием; оно безусловно является наглядным, чувственным образом, никак не отличаясь этим от остального чувственного материала; но, в то же время, этому чувственному содержанию недостает индивидуальной определенности, ведь оно может быть и тем, и этим. В данном отношении оно скорее ближе к интеллектуальному, ненаглядному содержанию.

Можно сказать, что в данном случае мы имеем дело со своего рода интеллектуализированным образом; именно это и придает ему особую значимость для мышления. Прежде возможность подобной интеллектуализации представления полностью отрицали — по словам Беркли, треугольник может быть либо равнобедренным, либо неравнобедренным, а потому невозможно представить *«треугольник вообще»,* который может быть и тем и другим. Однако сегодня уже можно считать доказанным, что Беркли ошибался, и существование интеллектуализированного представления считается бесспорным фактом (Мессер, Вильволь, Рубинштейн и др.).

Однако коль скоро это так, то понятно, что подобное представление может играть довольно значительную роль в процессе мышления. Когда у субъекта возникают такие представления, это не означает, что процесс решения задачи лишь с этого момента встает на правильный путь. Следует полагать, что возникновению подобных представлений предшествует некое состояние — *установка* на правильное решение

задачи, на основе которой и возникают эти неопределенные представления, способствующие процессу правильного решения задачи. Этим объясняется то, что они указывают на правильное решение, создают соответствующую опору и направляют отвлеченное мышление.

4. Тесная связь ненаглядной мысли и наглядного содержания выявляется и иным образом. В современной экспериментальной психологии уже давно известно, что в процессе мышления возникает еще и некое своеобразное, наглядное содержание — *схема,* внешне весьма похожая на вышеописанные предметные, неопределенные представления, но, в то же время, существенно отличающаяся от них (Бюлер, Штерн). Тогда как предметное представление дает возможность сделать наглядной ненаглядную мысль, так сказать, воплотить или выразить ее, то схема выполняет лишь роль ее *символа.* Тем не менее, ее роль в процессе мышления все-таки велика. Бюлер приписывал схеме особое значение, отмечая, что «схематичное представление, вырабатывающееся у ребенка в очень раннем возрасте, оказывает огромную услугу понятийному мышлению».

Нижеследующие примеры хорошо иллюстрируют суть схематичного представления. Испытуемому предлагается объединить два понятия в более общее понятие. «Услышав второе слово, — отметил один испытуемый, — я установил отношение между ними; при этом у меня возникла схема *треугольника,* всегда появляющаяся у меня в процессе поиска родового понятия». Второй испытуемый рассказал следующее: «У меня возникла *схема* для обоих слов — как будто вы держали в руках бумагу; одно из слов было расположено наверху, а другое — внизу. Правда, я не видел самих слов, я видел только места и одного, и второго... как будто я и сейчас переношу взор с одного на другое...».

Такие символы бывают двух видов: *формальные,* касающиеся формальной стороны задачи, и *содержательные,* представляющие собой символ содержания решаемой задачи.

В приведенных выше примерах встречаемся с *формальными* схемами (треугольник, схема расположения в пространстве). Что касается *содержательных* схематичных представлений, то их примером может послужить следующее наблюдение (из исследования Вильволя). Испытуемому было поручено найти более общее понятие для слов «подвиг» и «завершенность». Испытуемый указывает: «Неопределенные образы... у меня также возникло представление для придания наглядности второму слову ("завершенность") — оно стояло слева в виде высокой пирамиды».

Что касается функций этих схематических представлений, они по сути не отличаются от функций предметных представлений, выполняя в одних случаях роль *иллюстрации,* а в других — опоры мышления, уточняя и облегчая протекание мышления.

Таким образом, между ненаглядной мыслью и наглядным чувственным психическим содержанием пропасти нет, как это предполагали психологический сенсуализм и рационализм. Неправомерно утверждение, будто единственным источником познания являются либо наши ощущения, либо наш разум. Нет! Диалектическая логика и в данном случае не разделяет формулу «или-или», защищая положение об единстве отвлеченного и чувственного. Современная психология мышления с очевидностью подтверждает правомерность данного положения: между ощущением и отвлеченной, ненаглядной мыслью существует неразрывная связь, осуществляющаяся через интеллектуализированные предметные представления и символические схематические представления.

а. ПОНЯТИЕ

1. Мысль и наглядность

Сегодня для нас совершенно очевидно, что мысли невозможно свести к наглядному содержанию. Несмотря на это, не менее очевидно и то, что сам себе ненаглядный акт — мысль — безусловно связан с наглядными переживаниями, ведь, как мы убедились выше, вне этой связи мышление невозможно. Однако единство мысли и наглядного представления проявляется отнюдь не только в этом. Примечательно, что и само наглядное переживание со своей стороны — будь то восприятие или представление — непременно связано с каким-либо ненаглядным элементом, причем без этой связи невозможно ни восприятие, ни представление. И действительно, как известно, и восприятие, и представление обязательно подразумевает какой-либо предмет — тот, что воспринимается или представляется, иначе ни восприятие, ни представление не имеют ни смысла, ни значения. Следовательно, в восприятии дано не только наглядное, чувственное содержание, в нем участвует также ненаглядный акт подразумевания — *вне ненаглядного переживания* в сознании человека не существует и наглядное содержание.

Однако в восприятии наличествует только элемент ненаглядной мысли. Например, мы видим эту книгу как совершенно наглядную данность с определенной формой, цветом, величиной... Книга в качестве предмета нашего восприятия представляет собой определенную чувственную данность. Следовательно, то, что в восприятии подразумевается через мысль — «его предмет» — переживается как наглядное, чувственное содержание; оно все еще всецело слито с этим наглядным содержанием.

Однако на высшей ступени развития мышления мысль постепенно отдаляется от наглядного содержания, формируясь, в конце концов, в ненаглядное переживание в виде *понятия*. Это, разумеется, не означает, что понятие совершенно не связано с наглядностью, ведь выше мы убедились, что наглядное содержание выполняет весьма существенную роль в процессе понятийного мышления.

Возникает вопрос: как это происходит? Каким образом предметом нашей мысли вместо наглядного содержания становится ненаглядное, отвлеченное содержание? К каким операциям прибегает мышление для этого?

2. Понятие и общее представление

Понятие — основная форма понятийного мышления. Но что подразумевается под понятием? Пока что, ориентировочно, можно сказать следующее: понятие представляет собой *смысл, значение* каждого отдельного слова. Поэтому достаточно назвать любое слово, неважно какое, и мы всегда будем иметь дело с понятием. Например, дом, книга, единство, понятие... Однако слово является настоящим понятием только формально, логически. Психологически же, то есть с точки зрения сознания каждого отдельного человека, оно может иметь немного общего с понятием. Обратимся к примеру: допустим, мы предложили ученику нарисовать на доске *круг,* и он правильно решил эту задачу. Означает ли данное обстоятельство, что у него имеется понятие круга? Несомненно, что ученик знает значение слова. Следовательно, у него как будто бы должно иметься и понятие. Однако не исключено и то, что под значением этого слова он подразумевает не *понятие,* а нечто другое, не являющееся понятием, но в данном случае выполняющее его роль и представляющее собой его функциональ-

ный эквивалент. Например, субъект может иметь так называемое *«общее представление»* о круге, вполне достаточное для правильного изображения данной фигуры.

В самом деле, ассоциативная психология не усматривала, в сущности, никакой разницы между общим представлением и понятием. Необходимо выяснить, насколько правомерен подобный взгляд.

Что такое общее представление? Лучше всего ответить на этот вопрос с позиций ассоциативной психологии. Несомненно, что ученик видел достаточно много фигур, именуемых «кругом», причем зачастую их цвет и величина очень различались, но форма была всегда одинаковой. Поэтому вследствие частого, повторяющегося восприятия этой формы в сознании субъекта закрепилось именно данное представление, тогда как моменты, связанные с цветом и величиной, в силу своего непостоянства остались в тени. Следовательно, в связи с тем, что называется «кругом», у субъекта должно было выработаться представление, определенное в плане формы и неопределенное по другим своим качествам. Такое представление совершенно справедливо именуется *общим представлением.* Действительно, разве можно его считать представлением одного какого-то определенного круга? Ведь оно имеет лишь определенную форму, тогда как цвет и величина остаются неопределенными. Выражаясь точнее, не все составные части данного представления выражены одинаково четко, хотя как образ оно является совершенно определенным. Не определено оно только *функционально,* и поэтому этот круг в зависимости от желания может быть и малым, и большим, и красным, и черным. И вот, когда нашему ученику предлагают нарисовать круг, в его сознании, возможно, возникает именно это туманное или функционально неопределенное представление, позволяющее ему правильно выполнить задание.

Допустим, мы спросили ученика, что такое круг. Если он опирается на общее представление круга, то его ответ будет приблизительно следующим: круг — это круглая фигура. Стало быть, он назовет определенный признак круга как наглядного образа. Можно ли считать, что у ученика имеется понятие круга? Для установления этого следует сопоставить данное им определение с определением, предлагаемым соответствующей наукой, в данном случае — геометрией, согласно которой круг представляет собой замкнутую фигуру, ограниченную окружностью — линией, все точки равноудалены от центра. Как видим, между этими определениями отмечается большая разница; в частности, в первом случае в качестве основного признака названо одно из его *чувственных свойств — округлость,* тогда как во втором случае эта роль возложена на *соотношение* между частями. В этом и состоит главное, характерное различие между понятием и общим представлением, причем оно отмечается не только в данном частном случае, а во всех случаях вообще.

Однако, коль скоро это так, то есть если общее представление всегда построено на наглядном, чувственном материале, а понятие главным образом учитывает *соотношения,* то очевидно, что и пути возникновения общего представления и понятия должны быть существенно различными.

Как было показано выше, общее представление имеет по сути ассоциативное происхождение. Само собой разумеется, что раз понятие представляет собой не наглядный образ, а постижение соотношений, то оно никак не может возникнуть путем ассоциаций, то есть механически. Понятие подразумевает активность субъекта, лежащую в основе выделения, определенного отбора и фиксации соотношений.

Общее представление содержит в себе признаки, имеющиеся у всех представителей группы, то есть общие признаки. О понятии этого не скажешь, поскольку оно содержит не *общие* признаки, а *существенные* признаки, то есть являющиеся

необходимыми и достаточными для всех объектов, входящих в это понятие. Очевидно, что выдвинуть эти признаки на передний план сознания ассоциативным путем невозможно, ведь их нужно найти, отобрать и оценить, что возможно лишь на основе познавательной активности. Вне вмешательства целенаправленной активности оценка познавательной ценности и существенности тех или иных признаков совершенно исключена. Ассоциация для этой роли абсолютно непригодна.

3. Процесс формирования понятия

Как возникает понятие? В первую очередь следует подчеркнуть, что возникновению понятия всегда предшествует определенная *познавательная задача.* Общее представление в этом не нуждается, но для понятия, как одной из форм познания, это необходимо. Именно поэтому в содержание понятия входят не общие, а *существенные* признаки.

Как выяснилось из соответствующих экспериментов, в процессе выработки понятия познавательная задача действительно имеет особое, решающее значение. Дело в том, что весь процесс мышления, вызванный импульсом этой задачи, протекает под ее влиянием и контролем; среди огромного количества моментов и признаков, всегда присущих объекту познания, в сознание субъекта скорее прокладывают себе путь свойства, увязанные именно с поставленной задачей. Это происходит потому, что субъект рассматривает находящиеся в его распоряжении объекты с точки зрения данной задачи, производя их *взаимосопоставление* именно с этой позиции.

Таким образом, принятие познавательной задачи, рассмотрение и сопоставление соответствующего материала в ее аспекте представляет собой первый шаг на пути любого акта понятийного мышления. В зависимости от уровня нашей познавательной подготовленности в результате сравнения рассмотренного материала на передний план сознания выступают либо более, либо менее соответствующие признаки. От этого зависит качество выработанного понятия.

Хотя, конечно, до понятия еще далеко. Теперь необходимо, чтобы субъект овладел этими признаками с тем, чтобы в дальнейшем сумел их свободно использовать. А это, в первую очередь, подразумевает разложение тех целостных представлений, в которых даны эти признаки. Отныне субъект не нуждается более в целостном представлении, то есть отражении объекта в целом; его интересуют лишь отдельные признаки, сочтенные соответствующими задаче. Но для этого, то есть *отбора* определенных признаков *из целого* и *изолированного размышления* над ними, требуется новая умственная операция — так называемая *«абстракция»,* или *отвлечение.*

Следует учитывать, что в случае абстракции всегда имеем дело с так называемыми *«признаками»,* то есть сторонами целостного объекта, реально существующими лишь в самом объекте, которые, следовательно, должны быть признаны *зависимыми моментами.* Для создания независимого представления об этих *зависимых* содержаниях нужно выделить их из той целостности, зависимыми моментами которой они являются (это называют *«позитивной абстракцией»),* сумев, в то же время, пренебречь самим целым со всеми его остальными моментами (так называемая *«негативная абстракция»).*

Это как бы дает основание предположить, что абстракция представляет собой одну из форм действия внимания. Но в действительности это не так. В результате концентрации внимания предмет или его некие стороны обретают отчетливость и ясность. Только и всего. В случае же абстракции речь идет не о ясности, а о *выделении* из

целого независимой части или момента. Внимание дает ясное представление, тогда как абстракция позволяет выделить частичный момент из целого. Конечно, для того, чтобы выделить какой-либо момент из целого, необходимо иметь его ясное и четкое представление, то есть абстракция требует внимания, хотя это не означает, что первое следует свести ко второму.

Итак, абстракция предоставляет возможность выделения всех признаков, определяющих содержание понятия.

Однако процесс формирования понятия все еще не завершен. Дело в том, что абстрагированные признаки в отдельности представляют собой зависимые моменты какой-то целостности, изъятые в данный момент из нее и, следовательно, лишенные своего субстрата, своего носителя. Для того, чтобы абстрагированные признаки объединились в новую целостность, то есть превратились *в понятие,* нужно, чтобы они приобрели некую наглядную опору, субстрат, который объективирует их, превратив тем самым в обычное явление действительности. Подобной опорой служит *слово.* Абстрагированные, зависимые, изолированные моменты, объединяясь в слове, превращаются в независимую целостность и становятся обычным явлениям действительности. Лишь после этого можно говорить о настоящем понятии.

Однако, значение акта наименования не будет понято правильно, если обращать внимание только на факт объединения абстрагированных признаков в слово. Решающее значение имеет скорее другой момент, а именно то, что слово позволяет объективировать продукт нашего мышления — содержание понятия; именно через слово мысль превращается в объективную данность. А это означает, что мысль и слово сливаются в единое целое; слово и его содержание, его значение, то есть объединенные в нем абстрактные признаки, переживаются не в отдельности, а как единое неразрывное целое. Поэтому когда мы слышим какое-либо слово — например, «круг» — в нашем сознании тотчас же появляется представление самого круга, а не комплекс звуков. Слово и его значение настолько прочно взаимосвязаны и настолько неразрывно слиты друг с другом, что ребенок, например, на определенном этапе своего развития не видит никакой разницы между *предметом* и его *названием*; тот же круг, допустим, является для него не *словом,* а самой фигурой.

Таким образом, понятие представляет собой *слитное единство* слова и объединенного в нем содержания. Естественным следствием этого является то, что значение слова — объединенное в нем и с ним содержание — становится для всех одинаковым, подобно самому слову; иными словами, слово и его содержание, то есть *понятие,* осмысливается всеми одинаково. Поэтому наглядное, чувственное содержание, а также представления, символические схемы и иллюстрации, всегда обнаруживающиеся в процессе понятийного мышления, но всегда имеющие более или менее индивидуальный характер, в конечном счете никогда не остаются в содержании понятия. Содержание настоящего понятия всегда *очищается от этой чувственной примеси, формируясь исключительно в виде определенной мысли.* Между прочим, этим объясняется столь важная роль слова в общении людей.

Возникает вопрос; как происходит акт наименования? Как происходит слияние слова и его значения?

Во-первых, старый взгляд, согласно которому слово связано со своим содержанием ассоциативно, сегодня можно считать уже преодоленным. В результате соответствующих опытов выяснилось, что ассоциативная связь между звуковыми комплексами и определенными объектами в принципе не способна превратить звуковой комплекс в название объекта — на этой почве звук, в лучшем случае, может приоб-

рести значение *сигнала.* Зато, как оказалось, важнейшим фактором слияния слова и его значения, окончательного формирования понятия является необходимость *социального* контакта, потребность во взаимопонимании. В процессе общения звуковой комплекс превращается в настоящее слово, приобретая *значение* в процессе взаимоотношений людей. Как это происходит, особенно ясно видно при рассмотрении второго, более обычного пути формирования понятия.

4. Понимание понятия

Формирование понятия происходит отнюдь не всегда так, как описано выше. Этот путь обязателен лишь тогда, когда перед нами стоит задача выработки нового понятия. Однако гораздо чаще понятия уже сформированы и существуют слова, принятые для их обозначения. Но, допустим, мы не знакомы с этими понятиями и не понимаем их значения. Иначе говоря, они представляют для нас всего лишь звуковые комплексы, а не настоящие понятия. Возникает вопрос: как происходит овладение этими понятиями? Каким образом звуковые комплексы приобретают значение? Как они превращаются для нас в настоящие понятия?

В соответствии с существующими по данному вопросу экспериментальными исследованиями, положение дел можно представить примерно следующим образом: определенное слово в качестве понятия употребляется в определенных условиях, применительно к определенным объектам. Когда мы именно на этих условиях общаемся с кем-либо, нам необходимо не только правильно понять данное слово, но и правильно употребить его, ведь в противном случае наш контакт не состоится. Это вынуждает нас во всех частных случаях употребления данного слова обращать внимание на то, применительно к чему оно употребляется и, следовательно, каким должно быть его значение. Это обстоятельство позволяет нам, прежде всего, постичь *общее,* все еще *нерасчлененное* значение данного слова.

Разумеется, полное понимание значения данного слова еще не достигнуто, понятия пока еще нет. Зато понимание этого общего значения позволяет нам самим употреблять данное слово, подмечая, насколько и когда оно оказывается понятным для других. В зависимости от реакции других людей в различных случаях употребления данного слова мы вынуждены уточнять свои наблюдения, с тем чтобы, наконец, постичь истинное значение, подразумеваемое под данным словом.

Этот момент представляет собой *критический* момент постижения понятия. До сих пор слово и его возможное значение были взаимосвязаны лишь внешне. Этому всегда сопутствует переживание некоторой неточности, допущение того, что истинное значение данного слова может быть иным. Сейчас же вдруг возникает совершенно своеобразное переживание, будто бы мы что-то открыли — для нас вдруг становится очевидным, что значение слова заключается именно в этом, и оно уже не может быть иным. Возникает типичное *ага-переживание,* при котором в единый миг сливаются слово и его значение, превращаясь в одно неразрывное целое. Сейчас связь между ними переживается уже не случайная и внешняя, а существенная и внутренняя. Только теперь можно сказать, что мы поняли понятие и по возможности можем изложить его содержание.

Но что мы тем самым приобрели? Что дает нам понятие?

Следует особо подчеркнуть, что отношения между понятиями отнюдь не являются индифферентными — они взаимоувязаны тесным и закономерным образом, создавая в совокупности определенную систему. Понятия представляют собой отра-

жение диалектического единства явлений объективной реальности, и понятно, что изолированных, не связанных с другими, понятий не существует. Допустим, перед нами находится какой-то предмет или явление — например, *замкнутая линия.* Если окажется, что ей присущи признаки, входящие в понятие окружности, мы без сомнений признаем ее окружностью. Тем самым мы отведем этой замкнутой линии определенное место в нашей системе понятий. Это означает уяснение отношения данной фигуры ко множеству других явлений действительности, что предопределено местом, занимаемым понятиями круга и окружности в нашей системе понятий. Мы уже будем знать, чему равен периметр круга ($2\pi r$) и пр., то есть знать всю геометрию данной фигуры; если же у нас есть и тригонометрические понятия, тогда мы еще более ясно и четко представим место данной фигуры в действительности, будем знать о ней еще больше.

Таким образом, понятия выполняют огромную роль в процессе познания действительности, предоставляя возможность учитывать место, занимаемое каждым отдельным, частным явлением в системе действительности, и уяснить его связи с другими явлениями мироздания.

б. СУЖДЕНИЕ

1. Суть суждения

В конкретных случаях мышления понятие никогда не встречается отдельно. Его содержание непременно раскрывается в системе суждений, поэтому обычно оно связано с актами рассуждения. Как справедливо отмечает Бюлер, естественным место понятия является суждение.

Но что такое суждение? Предварительно можно сказать следующее: если любое слово можно считать понятием, то аналогичным образом можно сказать: суждение есть то, что словесно дано в виде *предложения.* Например, предложение «сумма углов треугольника равна 180°» — является суждением.

Внимательно присмотревшись к данному предложению, нетрудно убедиться, что здесь в связи с объектами мы нечто утверждаем, а именно то, что между суммой углов треугольника и 180° существует определенное соотношение — соотношение тождественности. Так происходит и во всех других случаях, то есть суждение всегда касается *соотношения;* в нем всегда подразумевается два члена, два понятия *(субъект* — подлежащее и *предикат* — сказуемое); в суждении утверждается наличие определенного соотношения между этими понятиями. Суждение представляет собой *познание соотношения между двумя содержаниями.* Познание существующих в действительности связей, то есть соотношений, возможно лишь с помощью *суждений.* Поэтому понятно, что естественным проявлением мышления считается суждение.

2. Восприятие соотношения и суждение

Но ведь иногда соотношения даны и непосредственно. Мы знаем, что соотношение можно также воспринять. Так в чем же разница между восприятием соотношения и суждением? Ответить на данный вопрос нетрудно, вспомнив о существовании определенного взаимоотношения между восприятием и мышлением. Мышление — вторичный процесс, основывающийся на восприятии и подразумевающий повторное,

сознательное, активное отражение данного через восприятие содержания. Восприятие двух равных линий, например, еще не означает, что мы утверждаем их равенство, для этого необходимо воспринятое равенство превратить в предмет повторного наблюдения, намеренно сравнить эти две линии, чтобы удостовериться, что между ними действительно существует соотношение равенства. Лишь после этого мы будем иметь право говорить о суждении — путем активного сопоставления мы убедились, что между ними действительно существует соотношение равенства.

Для суждения характерна именно *убежденность* в фактическом существовании определенного соотношения, тогда как в переживании восприятия вопрос о том, правильно это или не правильно, никогда специально не ставится. Восприятие само по себе в сущности никогда не дает ответа на заранее поставленный вопрос, тогда как для мышления характерным является именно это. Поэтому понятно, что настоящее суждение в качестве ответа на вопрос всегда содержит в себе переживание *уверенности* в своей правоте, убежденности в действительном существовании отмеченного соотношения.

Логически объективная истинность суждения и уверенность совпадают друг с другом; с точки зрения логики мы можем быть уверены лишь в том, что объективно истинно. Поэтому логику интересует суждение постольку, поскольку оно представляет собой форму познания истины. Для нее не имеет никакого значения то, уверен ли субъект в истинности суждения, ведь логика интересуется лишь объективной истинностью суждения, а то, как это суждение переживается тем или иным субъектом, выходит за рамки ее интересов.

Зато психология интересуется именно этим переживанием — для нее главным является переживание суждения, а не истинность его содержания. А в переживании суждения, как было показано, основным является уверенность субъекта в действительном существовании установленного им соотношения, в истинности его суждения.

Одним словом, логика интересуется объективной истинностью суждения, а психология — субъективным переживанием. Поэтому основной проблемой психологии суждения является вопрос *уверенности.*

3. Проблема уверенности

Чувство *уверенности* в определенном смысле связано не только с суждением, часто сопутствуя и другим переживаниям. Можно сказать, что оно представляет собой один из основных факторов работы нашей психики.

Разумеется, при восприятии чувство уверенности специально и сознательно не дано, как это происходит при суждении. То, что в восприятии переживается актуальная действительность, как бы само собою разумеется, то есть вопрос о том, так ли это на самом деле, здесь просто не встает. Однако тот факт, что чувство уверенности подспудно участвует и в восприятии, становится тотчас же очевидным, как только оно по какой-либо причине нарушается. Бывают случаи, когда субъекту все вдруг начинает казаться чуждым, нереальным, между ним и действительностью нарушается обычный контакт; возникает состояние, именуемое *отчуждением действительности.* В подобных случаях говорить о настоящем восприятии уже не приходится — субъекту чуждо переживание действительности, ему все кажется нереальным. Следовательно, настоящее восприятие изначально подразумевает чувство уверенности, без него переживание действительности невозможно.

Однако чувство уверенности представляет собой определяющий фактор не только восприятия — вне него не существует и представления. В частности, без чувства уверенности оказались бы невозможными и акты *узнавания* или *воспоминания!* Припоминая что-либо, мы всегда уверены, что это и есть то, что мы должны были вспомнить. Иначе воспоминание как репродукция было бы совершенно невозможным.

Но следует отметить, что чувство уверенности в актах суждения проявляется несколько иначе, чем в актах восприятия и памяти. Дело в том, что в процессе обычного восприятия или воспоминания чувство уверенности не выходит на передний план, остается подспудным, как бы само собою разумеющимся — здесь оно как будто пребывает в латентном состоянии. Но как только появляется какая-либо помеха, затрудняющая процесс восприятия или воспоминания, чувство уверенности тотчас же переходит на передний план сознания.

Например, неоднократно подмечено, что в опытах памяти испытуемый, механически и без запинки повторяя ряд прочно заученных бессмысленных слогов, не ощущает никакой уверенности в том, что не ошибается. Однако как только возникает какая-либо помеха — вопрос или сомнение, у субъекта тотчас же появляется выраженное чувство уверенности. Как отмечает Бюлер, чувство уверенности особенно четко проявляется тогда, когда ему предшествует сомнение, проверка или вопрос.

В случае суждения мы всегда имеем дело с задачей, вопросом, на который и должен ответить акт суждения, поскольку суждение — основная форма мышления, а мышление всегда начинается с «удивления», с постановки *вопроса*. Поэтому естественно, что наиболее отчетливое чувство уверенности сопутствует суждению.

Таким образом, можно сказать, что уверенность переживается двояко: а) как будто незаметно, латентно и б) наглядно и отчетливо. Первое имеет место в случае беспрепятственного протекания психических процессов — будь то восприятие, воспоминание или что-то другое, второе же — при возникновении помехи, вопроса или сомнения.

Однако, в последнем случае мы имеем дело уже с процессом мышления, ведь помеха, вопрос, сомнение представляют собой стимулы мышления.

Когда у испытуемого возникает вопрос, действительно ли существует то, что он актуально воспринимает, или действительно ли правильно он вспоминает то, что должен вспомнить, он уже начинает мыслить, рассуждать: правильно или нет его воспоминание? Существует ли на самом деле то, что он воспринимает? Следовательно, выявленное чувство уверенности связано только с актами мышления, суждения; но поскольку оно подспудным образом обязательно сопутствует восприятию и представлению, то выясняется, что суждение нисходит корнями к наглядному переживанию не только с точки зрения своего содержания, но и в плане присущего ему специфичного переживания в виде выявленной уверенности.

На чем основывается уверенность? В чем следует усматривать его источник? По мнению Юма, чувство уверенности не представляет собой ничего специфического; как и все в нашей психике, оно также является представлением с определенными качествами. Юм считает, что особенно ясное и полное представление, возникающее у нас в процессе воспоминания, и есть то, что переживается нами как уверенность в правильности воспоминания. Мюллер, в отличие от Юма, считает аналогичные качества представлений — «четкость и полноту», «быстроту их репродукции», «прочность и легкость их узнавания» — не самим чувством уверенности, а лишь его критериями. Это означает, что, по его мнению, уверенность — скажем, в правильности воспоминания — основывается на этих критериях. В частности, когда возникают четкие и полные представления, репродуцирующиеся быстро и энергично, у субъекта возникает убежденность в правильности своего воспоминания.

Ошибочность обоих этих взглядов заключается в том, что вторичный процесс объявляется первичным — те или иные качества представлений, их полнота и отчетливость могут отнюдь не предшествовать чувству уверенности, а, наоборот, формироваться на основе данного переживания.

В пользу этого положения свидетельствуют экспериментальные данные. Допустим, испытуемому предлагается тактильным путем узнать некий незнакомый предмет. Когда ему кажется, что он узнал предмет, когда у него появляется уверенность в том, что это — вполне определенный предмет, тогда некоторые качества этого предмета представляются ему весьма отчетливыми, несмотря на то, что объективно они могут быть и совершенно иными. Даже не будь это так, испытуемый обычно обращает внимание на отчетливость и полноту представления только тогда, когда его просят объяснить, почему он уверен в безошибочности работы своей памяти. Убедившись, что воспоминание, в правильности которого он уверен, является более живым и четким, чем вызывающее сомнения, испытуемый полагает, что именно эти качества и составляют основу его уверенности. Таким образом, в этом случае данные самонаблюдения испытуемого представляют собой скорее его «теорию», нежели действительно фактический материал.

Примечательно, что все опыты, посвященные изучению вопроса уверенности, основываются на вышеописанной *теории непосредственности.* И в самом деле, пусть у субъекта имеется чувство уверенности. Что лежит в его основе? Или чем предопределено данное чувство? Ответ таков: чувство уверенности обусловлено другими переживаниями, в частности, представлениями и особенностями их протекания; итак, одно переживание предопределено другим.

Факт использования в данном случае теории непосредственности обусловлен специфической трудностью, сопутствующей проблеме чувства уверенности. В самом деле, в чем состоит главная сложность этой проблемы? У субъекта есть определенное *суждение,* то есть определенный психический факт, содержащий убежденность в том, что его содержание *правильно отражает объективную реальность.* Именно в этом и заключается сложность: на каком основании мы уверены в правильности субъективного отражения объективной реальности, если все наши знания об объективном мире основываются опять-таки на субъективном отражении; а это означает, что мы лишены возможности сопоставить объективную реальность и ее отражение и проверить, действительно ли между ними существует соответствие, как это утверждается в суждении. Имей мы подобную возможность, тогда наша уверенность в правильности суждения действительно имела бы опору. Но ведь это невозможно! Тем не менее, у нас все-таки возникает уверенность в том, что наше суждение представляет собой правильное отражение объективной реальности. Так на чем же основывается эта уверенность, когда мы, повторяем, знаем об объективном положении вещей лишь то, что дано в самом суждении?

Как видим, в данном случае подразумевается полная независимость нашей психики и объективной реальности, их полный отрыв друг от друга. Суждение формируется внутри самого субъекта, а объективная реальность находится вне него. Откуда же берется у субъекта уверенность в том, что его суждение правильно отражает то, о чем он ничего не знает? Единственным выходом здесь может послужить лишь следующее предположение: эта уверенность должна иметь чисто психическое происхождение. Ее основы следует искать опять-таки в самой психике — коль скоро объективное для нас недоступно, в нашем распоряжении остается только психическое.

Однако мы знаем, что основная ошибка теории непосредственности состоит в отождествлении субъекта с психикой. Следовательно, данная теория представляет

процесс мышления следующим образом: субъект, то есть психика, противопоставляется объективной реальности, и на этой основе в ней, в психике, возникает некий процесс, которые мы считаем отражением этой реальности. И никто не знает, правы ли мы или нет; мы всего лишь руководствуемся некоторыми признаками, имеющими место в психике, возводя на этом свою уверенность.

Стало быть, получается, что в качестве меры или свидетельства соответствия определенного субъективного содержания неким объективным обстоятельствам выступает другое субъективное содержание, имеющее с объективным ровно столько же общего, что и первое.

Полагаем, что в действительности процесс взаимодействия субъекта с объективной реальностью следует представить иначе. Нам известно, что воздействие объективной реальности на субъекта в первую очередь вызывает у него *как у целостности* соответствующий эффект — установку, а не отдельные психические акты и явления. Мы знаем, что этот эффект представляет собой отражение, соответствующее объективной реальности; благодаря *установке объективная ситуация* как бы *переносится в субъекта, настраивая его в соответствии с объективной обстановкой.* Поэтому понятно, что работа психики субъекта в процессе подобного взаимодействия — в процессе познания — может зависеть только от этой установки, как работа психики субъекта с данной направленностью установки. Скажем, субъект сумел так направить свою психику, что у него возникли мысли, соответствующие именно данной установке. Вспомнив, что установка представляет собой отражение объективной обстановки, то есть *перенесенную в субъекта объективную ситуацию,* то станет ясно, что у субъекта должно возникнуть чувство соответствия своих мыслей объективной обстановке, то есть как раз то чувство, которое в виде *уверенности* сопутствует нашим актам суждения.

Теперь уже понятно, каким образом в основе наших суждений лежит переживание их соответствия объективной реальности, несмотря на то, что она постигается впервые лишь через эти же суждения. Мы предполагаем, что подобное возможно за счет того, что в процессе взаимодействия с объектом субъект как целостность претерпевает соответствующее этому объекту изменение — у него возникает определенная установка; вследствие этого действия психики в соответствии с этими изменениями переживаются субъектом в виде соответствия объективной ситуации. Так возникает чувство уверенности в правильности нашего суждения.

Если принять подобную точку зрения, то становится понятным и то, что такая уверенность в более или менее выраженной степени отмечается во всех случаях взаимодействия субъекта и объекта, включая восприятие и представления.

Наконец, следует отметить, что высказанное нами положение о генезисе чувства уверенности можно подтвердить и экспериментально. Если у испытуемого создать установку в состоянии гипнотического сна, то он и после пробуждения продолжит действовать в соответствии с данной установкой. Следовательно, существует прямой довод для признания *установки* основой гипнотического внушения. В то же время известно, насколько твердая уверенность свойственна суждениям, внушенным в гипнотическом состоянии.

Стало быть, чувство уверенности здесь несомненно возникает на основе соответствующей установки. Мы располагаем бесспорным доказательством того, что чувство уверенности возникает на основе целостной модификации субъекта — установки.

О настоящем познании в сущности можно говорить лишь тогда, когда суждение сопровождается чувством уверенности, возникшем на основе личного контакта

с действительностью, то есть если в основе этого переживания лежит установка, отражающая объективную ситуацию. Однако установка может быть и внушена; те или иные положения могут показаться истинными либо потому, что они высказаны авторитетным лицом, либо в силу того, что они нас каким-то образом устраивают, поскольку их содержание отвечает нашим скрытым намерениям и желаниям. По этим причинам у нас может возникнуть соответствующая им установка и, следовательно, уверенность. В этом случае, разумеется, говорить об истинном познании не приходится.

в. УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Умозаключение

Третьей формой понятийного мышления обычно считают заключение. Однако, в сущности, умозаключение — тоже суждение, поскольку и здесь речь идет о подтверждении соотношения между субъектом и предикатом. Различие состоит лишь в том, что в случае обычного суждения мы имеем дело с самой действительностью, получая то или иное суждение путем ее непосредственного изучения. В случае же умозаключения мы основываемся не непосредственно на самой действительности, а на суждениях (так называемых *посылках)* применительно к различным моментам действительности, выводя наше суждение (так называемое *умозаключение)* на этом основании, то есть исходя из уже известных суждений приходим к новому суждению. Например, достаточно знать, что все люди смертны, чтобы заключить, что человек Сократ тоже смертен. Для уяснения взаимоотношения между Сократом и смертью наблюдение за самим Сократом совершенно излишне, то есть данное отношение можно обнаружить и без непосредственного наблюдения, если известно, что все люди смертны, а Сократ — человек.

В логике давно известно о существовании трех видов умозаключения: 1) *дедукция,* то есть умозаключение о частном положении (Сократ смертен) на основании общего положения (все люди смертны); *2) индукция* — умозаключение общего положения из частного, *обобщение* частного случая (например, различные тела расширяются под влиянием тепла; следовательно, тепло расширяет любое тело) и наконец, 3) *аналогия* — из одного частного случая выводится суждение о другом, похожем частном случае (например, на Земле есть атмосфера и здесь живут люди. На Марсе тоже есть атмосфера. Следовательно, там также должны жить люди).

Познавательная ценность умозаключения очень велика, поскольку оно позволяет человеку знать не только то, что он самолично наблюдал и о чем высказывал суждения, но и то, что никогда непосредственно не изучал. Без умозаключения наше знание ограничивалось бы кругом наших непосредственных суждений. Благодаря умозаключению оно выходит далеко за их пределы. Система знаний формируется исключительно благодаря умозаключению. Однако не будь сама действительность системой отношений, и умозаключение было бы невозможным.

2. Процесс умозаключения

Существует несколько фундаментальных экспериментальных исследований, предоставляющих важный материал для уяснения психологических особенностей данной формы мышления (особенно Штеринга и Линдворского).

Прежде всего выяснилось, что умозаключение, подобно другим формам понятийного мышления, тесно связано с наглядными переживаниями — опирается и широко использует их. Например, когда испытуемый делает умозаключение на основе известных ему пространственных или временных взаимоотношений объектов (допустим, А находится слева от В, а С — справа от В; каково пространственное расположение А по отношению к С?), он обычно создает некое общее *представление,* в котором *схематично* дано пространственное расположение А, В, С. После этого достаточно окинуть мысленным взором данную схему, чтобы непосредственно *вычитать* ответ на поставленную задачу. Примечательно, что использование подобного метода возможно не только в случаях временных и пространственных взаимоотношений, но и в случае других наглядных, а порой и ненаглядных признаков. Можно даже подумать, что в данном случае мы имеем дело не с настоящим мыслительным актом, не с умозаключением, а с простым восприятием соотношения между двумя объектами. Однако это не так: во-первых, уже само составление соответствующей схемы подразумевает безусловное участие мышления, в частности актов правильной *комбинации,* для того чтобы правильно расположить элементы в схеме; во-вторых, *прочтение* схемы — это не только восприятие, ведь оно дано в виде словесно сформулированных суждений: А находится слева от С.

В общем наглядные схемы и символы, участие которых в процессе умозаключения оказалось совершенно обычным явлением, не только не отрицают, а, наоборот, подтверждают участие мышления в данном процессе, выполняя роль *иллюстрации* или *представительства* мысли; стало быть, они всегда подразумевают участие мысли. Вне соответствующей мысли схемы и символы утратили бы определенное значение, поскольку в таком случае они могут выступать и в качестве символов с другим содержанием. Например, схему А—В—С можно считать символом не только пространственных взаимоотношений А—С, но и символом их последовательности или же равноудаленности А и С от В.

Кроме наглядных схем, акт умозаключения особенно часто опирается на использование каких-либо правил или законов. Например, А = В, В = С. Какое умозаключение следует из этого? Тот, кто знает правило о том, что две величины всегда равны друг другу, если каждая из них равна третьей величине, исходя из него прямо ответит, что А = С. Выяснилось, что подобные *общие мысли* выполняют значительную роль в конкретных случаях умозаключения.

Однако умозаключение — как основывающееся на наглядных схемах, так и вытекающее из общих положений — является истинным умозаключением лишь постольку, поскольку содержит мысль о новых отношениях. Именно в этом и состоит основное достижение экспериментального исследования умозаключения: истинным ядром умозаключения является переживание *отношения* — постижение отношения между субъектом и предикатом путем осмысления данных посылок.

Настоящее умозаключение имеется лишь тогда, когда связь между посылками и заключением имеет необходимый характер, когда с помощью нового акта мышления постигается существование этой связи. «Для того чтобы имело место умозаключение, нужно, чтобы субъект соотнес содержание заключения с содержанием посылок и в его сознании отразились объективные связи между ними. Пока содержание посылок и заключения дано в сознании рядоположно, умозаключения — несмотря на наличие и посылок и заключения — еще нет» (Рубинштейн).

Развитие мышления в онтогенезе

Онтогенетическое развитие мышления представляет собой одну из самых значительных и важных проблем детской психологии. Разумеется, здесь мы не ставим цели рассмотреть данную проблему в полном объеме. В курсе общей психологии этого не требуется, ведь изучение онтогенетического развития мышления в данном случае имеет значение лишь постольку, поскольку это способствует освещению основных общепсихологических проблем мышления. Поэтому мы коснемся лишь некоторых вопросов онтогенеза мышления, особенно вопроса, занимающего несомненно центральное место в истории развития мышления — вопроса о познавательном интересе и формировании понятийного мышления на его основе.

1. условия развития мышления в филогенезе и онтогенезе

При исследовании развития мышления ребенка всегда необходимо учитывать основное различие между условиями филогенетического и онтогенетического развития. По линии филогенетического развития стимулом мышления, в основном, всегда выступали *потребности,* удовлетворение которых имело более или менее выраженное жизненное значение; здесь мышление возникло и развилось на основе серьезной деятельности — обслуживания и, особенно, труда. Что касается онтогенеза — особенно в пределах детского возраста, то тут положение дел иное. Детским возрастом называется тот период жизни человека, когда ему самому не приходится заботиться об удовлетворении своих основных потребностей — это делают другие, его воспитатели, взрослые. Человек перестает считаться ребенком только после того, когда он становится вынужден сам заботиться об удовлетворении своих жизненных потребностей, то есть собственными силами решать встающие перед ним задачи.

Поэтому в период детства импульсом развития мышления служит необходимость удовлетворения не жизненных потребностей, как это имеет место в филогенезе, а потребностей другой категории, в частности, потребностей *развития.* Развитие детского мышления происходит, в основном, на почве *игры* и *учебы.* Учет данного обстоятельства имеет не только большое теоретическое, но, возможно, еще большее практическое значение, поскольку при воспитании мышления знание того, откуда исходят импульсы мышления ребенка, безусловно имеет фундаментальное значение.

2. Основные периоды развития интеллектуального интереса

На что преимущественно обращает внимание ребенок в различные периоды своего развития? Что его интересует? Ответить на это позволяет анализ *вопросов,* задаваемых ребенком в различные периоды своего развития. В результате исследований различных авторов, проведенных в этом направлении, сегодня уже можно считать доказанным, что основные этапы развития интереса ребенка совпадают по сути с предложенными Бине и Штерном этапами, хотя ими для этого были использованы совершенно разные методы. В частности, они предлагали испытуемым описать относительно простую картинку и на основе анализа полученного материала пришли к примерно одинаковым выводам.

Согласно Бине, в процессе развития детского интереса следует выделить три периода: период *перечисления, описания* и *интерпретации.*

Первый период, имеющий место в дошкольном возрасте, характеризуется тем, что ребенок удовлетворяется перечислением отдельных объектов; по-видимому, его интерес пока еще ограничивается лишь тем, чтобы заметить и назвать объекты, объективировать отдельные явления.

В школьном возрасте, с семи лет, ребенок уже не ограничивается простым *перечислением;* его уже интересует точное *описание* объекта и ситуации в целом.

Но что означает интерес к описанию? Бесспорно, что это, прежде всего, интерес к учету индивидуальности и специфических особенностей предметов и явлений действительности. Однако постижение особенностей предметов и явлений, в свою очередь, подразумевает и их *взаимосопоставление* и на основании этого установление схожих и различных явлений в содержании реальности и, следовательно, наличие намерения выявить систему и порядок в как бы беспорядочном течении действительности. Как видим, задача описания связана с задачами *классификации и систематизации,* требуя, в конечном счете, участия своеобразной формы мышления — мышления с *конкретным чувственным* содержанием.

Что касается нечувственного, ненаглядного материала, то интерес к нему — дело следующего этапа. Все начинается с того, что у ребенка появляется уже интерес не к самим предметам и явлениям, а к их *взаимосвязям, взаимоотношениям,* то есть к *объяснению* или *интерпретации* происходящего, описанием чего столь увлекало его на предыдущей ступени развития. Согласно Бине, интерес к постижению *отношений* характерен для 12-летнего возраста, хотя, по наблюдениям Бобертага, он не чужд и 9-летнему ребенку, но для этого нужна определенная стимуляция извне. Например, когда 9-летнему ребенку задают надлежащие вопросы, он обращает внимание и на отношения. Несомненно, что в данном случае конкретного, образного мышления уже недостаточно; здесь возникает необходимость в отвлеченном мышлении.

Таким образом, интеллектуальный интерес ребенка проходит через три основных периода. Первый ограничивается рамками предметной данности; ребенка интересует по возможности полное *перечисление* данных предметов. Во втором периоде его интересует скорее *описание;* в этом возрасте ребенка больше, чем что-либо другое, привлекает феноменальная данность действительности. И, наконец, в третьем периоде, интерес направлен уже на невидимые нити, связи между различными явлениями действительности.

3. Развитие понятийного мышления

Весьма интересно, что основные этапы развития понятийного мышления как раз соответствуют особенностям этих периодов познавательного интереса. В обоих случаях процесс развития проходит три ступени, первая из которых характерна для дошкольного возраста, вторая — для начальной школы, а третья — для периода среднего школьного возраста.

Как видим, интеллектуальный интерес и интеллектуальная оснащенность тесно взаимосвязаны друг с другом, то есть у ребенка имеется не только определенный интерес, но и способность его удовлетворения.

Познавательный интерес ребенка дошкольного возраста, как мы уже знаем, носит *подтверждающий* характер; он желает заметить и подтвердить все то, что происходит вокруг него, в его относительно узком мирке. Природа же явлений, существующие между ними взаимоотношения еще не являются предметом главного интереса ребенка.

Посмотрим, каково его мышление. Как известно, ребенок начинает мыслить довольно рано. К. Бюлер экспериментально доказал, что элементы мышления встре-

чаются уже в начале последней четверти первого года жизни. Однако в этом случае мы имеем дело с проявлением *практического интеллекта.* Нас же больше интересует форма мышления, связанная со словом, которая на высокой ступени своего развития переходит в завершенную форму понятийного мышления.

Мы знаем, что для составления настоящего понятия нужно заметить сходство предметов или явлений, выделить их общие признаки, зафиксировать их с помощью слова и распространить на новые предметы; одним словом, необходима способность классификации, абстракции, наименования и обобщения.

Что касается способности нахождения существенного признака, это зависит от того, насколько высок уровень познавательного развития субъекта. Во всяком случае, независимо от того, правильно ли найден существенный признак, вышеотмеченные операции необходимы в любом случае. Поэтому очень важно установить, когда ребенок овладевает данными операциями.

Для изучения этого вопроса был использован следующий метод: ребенку дают фигуры из картона различной формы, цвета, размера и предлагают разделить их на различные группы. Каждой группе дается какое-нибудь название (например, большие, круглые, цветные фигуры названы «эдезой»). Разговор строится с употреблением данного названия. Например: «сколько эдез на столе?», «дай мне две эдезы!». Испытуемому показывают некий новый предмет, имеющий те же признаки, которые подразумеваются в новом понятии, например, большой, круглый объект. Ребенок должен признать его «эдезой», то есть произвести обобщение. Под конец от него требуют определения нового понятия[1].

Как видим, данный метод дает возможность проверки операций классификации, абстракции, наименования, обобщения и дефиниции. Следует подчеркнуть, что все эти операции здесь проверяются на совершенно наглядном материале — все признаки, которые нужно абстрагировать, имеют чувственное содержание (цвет, форма, величина). Следовательно, если какая-либо из отмеченных операций не обнаруживается на определенной возрастной ступени, то это нельзя приписать трудности материала.

Что можно сказать о мышлении дошкольника? Первое, что следует сразу же подчеркнуть, это то, что ребенок дошкольного возраста хорошо понимает наши слова и в по мере надобности использует их и сам. Однако, как оказалось, значение одного и того же слова для взрослых и детей неодинаково. Если для нас значение слова представляет собой понятие, то для ребенка оно означает не то же самое понятие, а содержит некое своеобразное содержание, выполняющее роль понятия, которое, следовательно, должно быть признано *функциональным эквивалентом* понятия.

Исходя из этого, задача изучения развития понятийного мышления состоит в выяснении того, как меняется в процессе развития этот функциональный эквивалент понятия. Для ознакомления с мышлением дошкольного возраста достаточно рассмотреть, что в этом плане представляют собой начальные (3 года) и последние годы (7 лет) дошкольного возраста.

Большинство трехлетних детей группируют экспериментальный материал только по одному признаку (например, по цвету). Другие признаки остаются вне их поля зрения. По-видимому, они еще не способны усмотреть наличие множества признаков в находящемся перед ними объекте. Восприятие трехлетнего ребенка в этом плане все

[1] Автор анализирует процесс развития мышления в дошкольном возрасте, опираясь на данные своего фундаментального экспериментального исследования - «Выработка понятия в дошкольном возрасте», впервые опубликованного в Германии в 1929 г.; на русском языке с данной работой можно ознакомиться по сборнику: Психологические исследования. М., 1966. - *Примечание редактора*

еще является диффузным, нерасчлененно-целостным и, как говорил Клапаред, синкретным. Поэтому понятно, почему при проведении опытов большинство трехлетних детей с подобными задачами не справляется. В соответствии с этим, выясняется, что ребенок, овладевая пониманием и употреблением нового слова, подразумевает под его значением целостный, нерасчлененный, синкретный образ, а не группу признаков. Именно поэтому обычно трехлетний ребенок не в состоянии использовать эти новые слова применительно к новым предметам, обобщить новые «понятия», а задача дефиниции нового «понятия» ему совершенно недоступна — вместо перечисления тех признаков, для объективации которых в опытах предусматривается слово, ребенок называет сами фигуры: «эдеза такая».

Из этого можно сделать вывод, что трехлетний ребенок все еще мыслит диффузными, синкретными образами. Он не видит в целом отдельные частичные содержания, зависимые моменты. Идея признака ему полностью чужда; соответственно, недоступна и *абстракция.* Для ребенка значения слов — это *диффузные представления* отдельных предметов. Таково его «понятие»; это и есть то, что выполняет в его мышлении функции понятия. Легко понять, что круг этих функций ограничен до предела.

Особенности суждения и умозаключения трехлеток всецело определяются особенностями его «понятия». Например, известно, что у ребенка данного возраста не наблюдается ни настоящая индукция, ни настоящая дедукция. По наблюдениям Штерна и Пиаже он способен лишь к заключению по *аналогии,* так как мыслит только целостными, нерасчлененными образами.

Совершенно иную картину дает мышление семилетнего ребенка. Результаты опытов не оставляют никакого сомнения в том, что уже в дошкольном возрасте ребенок овладевает всеми операциями, необходимыми для решения вышеописанных задач. Семилетний ребенок в целом правильно *группирует* предложенные фигуры. Отчет ребенка о том, почему он отнес ту или иную фигуру в определенную группу, с очевидностью показывает, что он подразумевает уже не целостный, синкретный образ фигуры, а определенные *признаки,* присущие объектам, совершенно различным с точки зрения фигуры. Большинство семилетних детей способны четко выделить частичные *наглядные* содержания, *абстрагировать,* а также *зафиксировать* их с помощью слова. Под значением слова семилетний ребенок явно подразумевает единство этих абстрагированных моментов. Это ясно видно из даваемых им дефиниций: как правило, в дефиниции семилетнего ребенка присутствуют все признаки, подразумеваемые под значением слова. Но эти признаки объединены пока лишь механически; их настоящее, *синтезированное* объединение — дело будущего.

Соответственно, не вызывает сомнений, что семилетний ребенок уже владеет — правда, только на наглядном материале — всеми основными операциями, необходимыми для составления понятия. Он может сопоставить находящиеся перед ним предметы по их частичным содержаниям, как признакам, абстрагировать эти признаки, так или иначе объединить их в виде значения слова и выработанное таким образом новое «понятие» не только правильно употребляет, но и правильно определяет. Правда, не все семилетние дети могут сделать все это. Однако в общем в этом возрасте данную ступень мышления можно считать достигнутой.

Тем не менее, все-таки нельзя сказать, что у семилеток под словом подразумевается настоящее понятие. Нет, для этого нужны еще некоторые условия, выполнение которых пока что превышает их возможности.

Дело в том, что, как показали результаты вышеупомянутых опытов, в значение слова входят, по-видимому, лишь общие *признаки* группы фигур. Однако не-

сомненно, что содержание настоящего понятия невозможно определить только по принципу общего, так как существует целый ряд общих признаков, не имеющих ничего общего с существенными признаками, а постольку не имеющих соответствующей познавательной ценности. Настоящее понятие содержит в себе существенные признаки. Поэтому для установления того, с чем имеем дело в случае мышления семилеток — с настоящим понятием или же лишь с его определенным эквивалентом, следует выяснить, какую познавательную ценность имеют признаки, составляющие содержание понятия семилетнего ребенка. Вышеотмеченные опыты такой возможности не дают. Зато в нашем распоряжении имеется фундаментальное экспериментальное исследование Р. Натадзе, в котором развитие понятия в детском возрасте изучено именно в этом аспекте[1].

Результаты данного исследования с очевидностью свидетельствуют, что понятие семилетнего ребенка содержит лишь общие признаки, что ребенок данного возраста еще не достиг того уровня, чтобы среди общих признаков отыскать признаки с большей или меньшей познавательной ценностью. Стало быть, его понятие следует считать таким образованием, в котором все еще представлен общий вид, или, вернее, общий *образ,* данных объектов, а не их *сущность,* их место в мире.

Вспомнив, что, согласно нашим опытам, в содержание понятия семилетние дети вкладывают лишь *наглядные* признаки (цвет, форма, размер), станет ясным, что они используют все вышеотмеченные операции для составления так называемого *«общего представления».* Для семилеток роль понятия выполняет это общее представление.

Разумеется, общее представление позволяет выполнять гораздо больше мыслительных функций, чем синкретное представление трехлетнего ребенка, хотя оно все-таки не способно выполнять роль завершенного понятия. Впрочем, в этом и нет надобности. Дело в том, что, как мы убедились, ребенку данного возраста интересно всего лишь заметить, перечислить и подтвердить все то, что он видит вокруг себя. А для этого не нужно, конечно, выявлять не только *существенные,* но и *специфические* признаки — для этой цели достаточно иметь *более или менее расчлененное представление.*

Последующее развитие понятийного мышления заключается, в основном, в развитии осознания его *познавательной ценности.* Все новое, приобретаемое ребенком в этом направлении — особенно его постепенное освобождение из плена наглядности — преимущественно касается развития познавательной ценности понятия, поскольку основными операциями *на соответствующем материале* — сравнением, абстракцией и фиксацией ребенок уже овладел на предыдущей возрастной ступени. Дальнейшее развитие этих операций происходит в тесной увязке с новым материалом.

До достижения уровня полноценного понятийного мышления ребенку предстоит пройти еще несколько периодов развития: первый — от 8 до 10 лет, второй — от 11 до 13 лет, а третий — от 14 до 17 лет.

4. Период начальной школы (8-10 лет)

Этот период представляет собой существенный шаг на пути развития понятийного мышления, что проявляется с первого же года школьного возраста, достигая к десяти годам достаточно высокого уровня развития. В этом возрасте происходит первое пробуждение сознания познавательной ценности понятия. Дело в том, что на этой возрастной ступени все выделенные ребенком признаки, пусть даже общие, уже

[1] Подробнее см.: *Натадзе Р.* К онтогенезу формирования понятия. Тбилиси, 1977. - *Примечание редактора*

не имеют для него одинаковой ценности — некоторые представляются более существенными, чем другие. Однако ребенок все еще продолжает оставаться в плену наглядности, он еще не способен заметить и выделить отвлеченные признаки; поэтому, возможно, осознание ценности тех или иных признаков находится в начальной форме развития. Зато в 8—10 лет безусловно начинается развитие способности использования *специфических* признаков достигающей достаточно высокого уровня развития. Опираясь на опыты Р. Натадзе, основным достижением этой возрастной ступени следует считать именно это обстоятельство.

Разумеется, большое значение имеет то, что у ребенка в этот период как будто пробуждается и осознание ценности существенного признака, но оно все еще выполняет второстепенную роль по сравнению с сознанием специфического признака; и когда возникает вопрос, какому признаку отдать преимущество — наглядному и специфическому или существенному, но менее наглядному — ребенок все-таки склоняется в сторону первого.

Таким образом, на данной ступени развития понятие ребенка обычно содержит специфические, но пока еще конкретные признаки. Развитие сознания существенных признаков происходит на последующей ступени.

Подобный характер понятия ребенка хорошо согласуется с теми потребностями, которые стимулируют его мышление. Ведь у него по-прежнему особенно выражен интерес к *описанию,* он все еще увлечен феноменальной данностью. Что касается *сущности* явлений, это пока остается за пределами его актуального интереса. А для феноменологии предметов и явлений достаточно и сознания специфических признаков. Поиск существенных признаков еще предстоит на следующей возрастной ступени.

То, сколь значима наглядность для мышления ребенка на этой стадии развития, четко просматривается в следующем: когда ребенку только словесно, ненаглядно, предлагаются те же понятия, которыми он относительно легко овладевает на основе конкретного материала, он оказывается совершенно беспомощен. Он не понимает эти понятия, искажает их, оказывается не в состоянии постичь подразумеваемые под ними специфические признаки.

На данной возрастной ступени в активе развития мышления нужно отметить успех, достигнутый ребенком в деле решения задач по *обобщению* понятий и, *особенно, пониманию логической связи понятий.*

Когда перед ребенком стоит задача обобщения понятий, то есть когда на основе предложенных понятий нужно составить новое понятие, ребенок делает это путем суммирования, простого арифметического объединения исходных понятий, а не путем *синтеза.* Получается, что для него, например, человек представляет собой всего лишь сумму всех женщин и мужчин и ничего более. Разумеется, *содержания* настоящего общего понятия тут еще не дано; ребенок вначале как бы учитывает лишь *объем* понятия, то есть совокупность предметов, входящих в данное понятие. Однако сущность общего понятия не исчерпывается лишь наличием определенного объема, а непременно подразумевает определенное *содержание,* находящееся в совершенно определенной связи с содержанием подчиненных понятий, представляя собой их *синтетическое* объединение и определяя этим объем понятия. Несмотря на это, все же нужно отметить, что обобщение понятия — пусть даже лишь с точки зрения его объема — следует считать существенным достижением.

То, что это и в самом деле достижение, тотчас же становится очевидным, как только перед ребенком ставим задачу логической взаимосвязи понятий. Ребенок сразу отмечает, что в количественном плане между общим понятием и подчиненными понятиями существует большая разница, что общее является более широким, чем от-

дельные видовые понятия. Например, «человек» больше, чем «женщина» или «мужчина». Следовательно, ребенок имеет в виду только количественную сторону, лишь объем понятия. Что касается содержательной, логической взаимосвязи, существующей между общим и подчиненными понятиями, то 8—10-летнему ребенку она еще не доступна. Ребенок считает *человеком* женщину и мужчину не потому, что он устанавливает содержательную взаимосвязь между выше и нижележащими понятиями, осмысливает логическое взаимоотношение между понятием человека и подчиненными, видовыми понятиями; он так считает только потому, что ему доступен объем понятий, и он эмпирически знает, что и женщину, и мужчину называют человеком.

5. Понятие в начальные годы средней школы (11-13 лет)

Какие изменения происходят в понятийном мышлении ребенка в начальные годы средней школы, в возрасте неполной средней школы? Согласно исследованию Р. Натадзе, в мышлении 11—13-летнего ребенка обнаруживаются особенно значительные изменения.

В первую очередь, изменение касается сознания признака. Если на предыдущей ступени ребенок осознал значение специфического признака, а существенный признак все еще находился на заднем плане, то сейчас положение меняется в том смысле, что значение *существенного* признака, хотя бы *практически,* для мышления подростка становится вполне достижимым. Это означает, что не существует задачи, в которой им бы не признавалось преимущество существенного признака. Если ребенку дать двоякое определение одного и того же понятия — одно с использованием специфических признаков, а другое — существенных, он не только отдаст предпочтение второму, но и признает его единственно правильным определением: специфический признак, как только лишь специфический, его уже не удовлетворяет. Подростка теперь интересует понятие, отражающее не поверхностную сторону действительности, а ее существенные стороны.

Однако было бы ошибочным думать, что 11 — 13-летний ребенок окончательно и полностью овладел сознанием существенного признака. Дело в том, что на этой возрастной ступени подросток лишь практически овладевает значением существенного признака. Правда, когда ему приходится обосновывать правильность своих операций, он делает это с указанием на существенные признаки. Однако симптоматично, что подросток в этом случае удовлетворяется всего лишь указанием на существенные признаки, то есть называет их; за редким исключением он оказывается не в состоянии отметить, что дело тут именно в существенности признака. *У ребенка еще недостаточно развито сознание существенного признака.* Он только практически учитывает этот признак.

Но и данный уровень сознания существенного признака в этом возрасте ребенком достигнут полностью лишь в пределах *конкретных признаков.* Когда он имеет дело с более *отвлеченным* материалом, когда ему приходится совершать мыслительные операции на основе отвлеченных *признаков отношений,* то он обычно оказывается не в состоянии сохранить не только уровень сознания существенных, но и специфических признаков, вновь возвращаясь к пройденным этапам своего развития.

Несмотря на это, достижения ребенка данного периода крайне важны. Можно сказать, что в пределах наглядного, конкретного материала понятие ребенка уже почти выполняет роль настоящего понятия, а не его функционального эквивалента, которое по своему содержанию весьма далеко от настоящего понятия. Понятие ребенка сейчас практически представляет собой объединение существенных признаков.

Единственное, что мешает счесть его настоящим понятием, это то, что данное объединение признаков еще не является таким, какое подразумевается в настоящем понятии. Соответствующие опыты подтверждают, что истинная идея *синтетического объединения* признаков детям данного возрастного периода еще чужда.

Это видно из того, что любое общее понятие — впрочем, как и конкретное — ребенок считает как бы простой суммой подчиненных понятий, а не синтетическим объединением существенных признаков и, следовательно, новым понятием. Например, ребенок знает, что существуют транспортные средства, движимые с помощью как человеческой силы, так и животной силы. Но если перед ним поставить задачу объединения этих понятий в более общее понятие, то он произведет не их синтез, отметив, что это — средства, движимые с помощью *живой* силы, а просто *суммирует* их, сказав, что это — средства передвижения с помощью силы человека и животного.

Отмеченное обстоятельство с очевидностью свидетельствует о том, что понятие детей данного возраста еще не является настоящим синтезом существенных признаков.

Однако стоит дать ребенку определенный стимул в этом направлении, оказать ему некоторую помощь — задать надлежащие вопросы или дать определение понятия, и тогда ребенок относительно легко догадывается, что тут дело в синтезе, а не в простом суммировании.

Таким образом, хотя 11 — 13-летний подросток не способен *самостоятельно, спонтанно* объединить существенные признаки в одно понятие путем их синтеза, тем не менее *синтез* не совсем чужд ему; данное обстоятельство нужно считать самым важным достижением этой возрастной ступени. Только следует помнить, что это достижение также ограничивается пределами конкретного, наглядного материала; ребенок данного периода не в состоянии синтезировать признаки отвлеченных соотношений даже при оказании ему помощи.

Вторым значительным достижением в развитии понятийного мышления в данном периоде нужно считать следующее: на предыдущей ступени развития беспомощность мышления ребенка проявлялась особенно зримо в случае *вербального* материала: относительно легко достижимое на конкретном, наглядном материале, оказывалось совершенно недостижимым на вербальном материале. Но в возрасте 11 — 13 лет происходит резкий скачок в этом направлении — подросток настолько быстро и легко овладевает вербальным материалом, что создается впечатление, будто теперь ему уже все равно, на каком материале — на вербальном или наглядном — ему приходится осуществлять свои интеллектуальные операции и составлять понятия. Во всяком случае, для большинства подростков данного возраста это так.

Таким образом, одно из самых значительных достижений данного возрастного периода состоит в начале овладения вербальным мышлением, что очень важно особенно для педагогической практики. В средней школе метод наглядности уже не имеет такого большого значения, как на уровне начальной школы.

Добавив к этому и то, что способность к формально-логическому мышлению пробуждается именно в этом возрасте, становится понятно, насколько важна данная возрастная ступень в истории онтогенетического развития понятийного мышления. Дело в том, что на предыдущих возрастных ступенях понятийное мышление ребенка было тесно связано с содержанием понятий; в частности, о взаимоотношениях между понятиями он судил, основываясь на том, что он эмпирически знал о содержании их взаимоотношений. Если же ребенок об этом ничего не знал, то не мог сказать почти абсолютно ничего толкового относительно их взаимосвязи, то есть формальное, алгебраическое мышление ему было совершенно недоступно.

Теперь же, в возрасте 11—13 лет, происходят изменения и в этом плане. Подросток может вовсе не знать содержание данного понятия, но это не мешает ему

высказать свое мнение по поводу взаимозависимости понятий. В этом случае он руководствуется не эмпирическими, а исключительно логическими, формальными отношениями. Например, предложим ребенку этого возраста следующую задачу: «пусть x = a + b, a = c; какое число больше — c или x?»; мы убедимся, что он легко решит ее, невзирая на то, что не знает содержания ни x, ни c. «Если x содержит a и b, при этом c не больше a, то оно будет меньше x» — ответит ребенок. В предыдущем возрастном периоде случаи такого формального, алгебраического мышления встречаются только в виде исключения. Таким образом, логическими взаимоотношениями понятий подросток впервые овладевает в периоде 11—13 лет.

6. Последняя ступень школьного возраста (14-17 лет)

На данном этапе завершает свое развитие все то, чего не доставало формированию полноценного понятия в предшествующем периоде, и подросток достигает самого высокого уровня, вообще доступного для школьного возраста.

В первую очередь развитие касается сознания существенного признака. Обычно 14—17-летний подросток сам чувствует необходимость обоснования собственных интеллектуальных операций, причем в этом обосновании, как правило, превалирует высокая познавательная ценность *существенного признака*. То, что на предыдущем этапе было доступно лишь некоторым подросткам, становится обычным явлением для всех. Особенно примечательно, что теперь это достижение определяется отнюдь не только конкретными признаками — отныне подростком уже постигнута и сфера признаков *отвлеченных соотношений*. Сознание соотношений достигает высокого уровня, что оказывает зримое влияние на понятийное мышление в целом.

В первую очередь это проявляется в еще более интенсивном развитии вербального мышления: 14—17-летний подросток одинаково оперирует как наглядным, так и вербальным материалом; в возрасте 14—17 лет данное достижение становится всеобщим достоянием подростков.

Если на предыдущем возрастном этапе недоставало спонтанного сознания истинного синтеза признаков, подразумеваемых в понятии, то здесь, на данной возрастной ступени, налицо совершенно иное положение дел. Большинство подростков вообще более не нуждается во внешних стимулах при решении задачи синтетического объединения данных конкретных понятий и, следовательно, выработки совершенно нового понятия — они делают это спонтанно.

Однако это не означает, что трудности, связанные с синтезом, преодолены окончательно. Дело в том, что объединение отвлеченных понятий в еще более высокое понятие и этим путем создание нового, еще более общего понятия, непосильно, как правило, и подросткам данного возраста.

Легко понять, что постижение логической связи понятий и развитие формального, алгебраического мышления идет вперед быстрыми шагами. В данном возрасте все это уже доступно всем, то есть обычный, нормально развитый подросток 14—17 лет под логическими соотношениями никогда не подразумевает только количественные или только эмпирические соотношения.

Таков процесс развития понятия в онтогенезе. Развитие же других форм мышления зависит преимущественно от этого процесса, но на их рассмотрении мы здесь не будем останавливаться.

Глава девятая
Психология внимания

Внимание

1. Что такое внимание

Что такое внимание? Что мы подразумеваем, говоря о внимании? Обратимся к примеру. Скажем, в аудитории присутствует несколько десятков студентов, а профессор читает лекцию. В данном случае на всех действуют приблизительно одинаковые внешние раздражители: слышен голос лектора, во дворе кто-то поет, там же рабочие пилят доски... Таковы слуховые раздражители. Еще более велико число зрительных раздражителей: перед каждым субъектом расположено множество предметов различной формы и цвета — доска, кафедра, стены, лампочки, сам лектор, его очки... свет в аудитории, тетради на столе, карандаш в руке, сидящие рядом и впереди товарищи... Точно также неисчислимы раздражители и других модальностей — тактильные, кинестетические. Одним словом, среда содержит огромное множество раздражителей, и эта среда воздействует на всех находящихся в аудитории лиц.

Посмотрим, каково содержание сознания каждого из этих субъектов, которое должно представлять собой отражение именно этой среды. Первое, что в данном случае обращает на себя наше внимание, это то, что мы не сумеем найти хотя бы одного человека, имеющего соответствующие всем этим раздражителям переживания и, следовательно, полностью отражающего действующую на него среду. Спросив каждого из них, какие звуки доносились со двора, какую песню пели студенты, какого цвета был галстук лектора, что было написано на доске, мы убедимся, что, как правило, на подобные вопросы почти никто не может ответить. Большинство отметит лишь то, о чем говорил лектор. Что касается других раздражителей, то об одних они абсолютно ничего не смогут сказать, о других же скажут, мол, слышалось что-то, но я не обратил внимания.

Таким образом, как видим, из огромного множества действующих на человека раздражителей в сознании отражается лишь их определенное число. Следовательно, наше сознание в каждый данный момент отражает лишь совершенно определенный отрезок действующей на нас действительности. Складывается впечатление, что ареал сознания узок и не способен вместить все то, что на нас действует. Данное обстоятельство отметил еще Гербарт, и с тех пор оно известно под названием *«узости сознания»*.

Второе, что явствует из нашего примера, это то, что даже тот незначительный отрезок действительности, которой отражается в сознании, не переживается с одинаковой *отчетливостью.* То, о чем говорил лектор, субъект представляет ясно, однако что касается, например, той же доносившейся со двора песни, то он может сказать лишь то, что она действительно слышалась, но какая это была песня, он ответить не сможет. Зато субъект может сообщить более подробные сведения о лекторе, которого он действительно видел, о его голосе, который прекрасно слышал, о том, что лектор писал на доске формулы...

Следовательно, в центре сознания находится какое-либо одно переживание, испытываемое максимально отчетливо. Остальные переживания располагаются вокруг этого переживания, а их отчетливость зависит от близости к основному переживанию: чем ближе они к нему, тем явственнее переживаются.

Однако такую картину дает сознание лишь тех субъектов, активность которых состояла в слушании лекции. Но, предположим, что в аудитории находились и лица, имеющие, пусть даже временно, иную целенаправленность: например, у кого-то испортилась «вечная» ручка, и он, разобрав ее, пытается починить. Что можно сказать о содержании сознания этого субъекта? То же, что и о других: в данном случае ясно и отчетливо переживается лишь незначительный отрезок действительности, то есть данное переживание занимает в сознании центральное место, а все остальные переживания располагаются вокруг него. То, что не касается данного переживания, в сознании места не находит, причем более близкое переживается более явственно, а отдаленное — более туманно.

Одним словом, строение, структура сознания и здесь такая же, как в иных случаях. Тем не менее, различие велико; это различие касается *содержания,* ведь в данном случае центральное место в сознании занимает не содержание лекции, а *манипуляции, моторные акты,* к которым обращается субъект для достижения своей цели — починки механизма авторучки. Все остальное для него фактически не существует; пока он увлечен своим делом, он не слышит ни голоса лектора, ни доносящуюся со двора песню и ни что иное.

В аналогичном положении могут пребывать и другие. Например, кто-то очень старается слушать лекцию, но ему это не удается, так как у него в голове крутится задача, которую он не может решить вот уже второй день, а сейчас вроде бы нашел правильный путь... Заглянув в сознание данного субъекта, убедимся, что здесь ясным содержанием являются лишь мысли, связанные с задачей, тогда как все остальное почти полностью остается за пределами его сознания.

Во всех подобных случаях говорят о *внимании:* то, что расположено в центре сознания и переживается отчетливо, это и есть то, на что мы обращаем *внимание;* то же, что объективно существует, но не становится предметом нашего внимания, остается за пределами нашего ясного сознания. Таким образом, явления, характерные для процесса внимания, состоят в следующем: ясное переживание какого-либо отрезка действительности; его превращение в господствующее содержание сознания; переживание всех остальных содержаний лишь в увязке с ним. Энергия человека может быть задействована лишь в определенном направлении, и состояние внимания — это то состояние, когда наша энергия мобилизируется в данном определенном направлении.

2. Внимание как акт

Из вышесказанного очевидно, что характеристика внимания как *состояния психического содержания* неправомерна. Тиченер, Эббингауз и некоторые другие психологи усматривали во внимании своеобразное состояние содержания нашего сознания, утверждая, что внимание представляет собой не что иное, как степень ясности и отчетливости данного содержания. Но в этом случае субъект полностью остается в стороне. В действительности же переживание внимания безусловно подразумевает и участие субъекта: признаки ясности и отчетливости содержания сознания переживаются как вторичные явления, существующие благодаря субъекту и для него.

Внимание — не содержание, а акт. выполняемый субъектом. Разумеется, он всегда проявляется в виде определенного содержания, без которого охарактеризовать данный акт невозможно. Однако это означает не то, что внимание представляет собой определенные признаки содержания, а что существует исходящая от субъекта, от Я сила, динамика которой вызывает определенные изменения психического содержания, необходимые для достижения целей этого Я, этого субъекта. Ведь отчетливое переживание того или иного отрезка действительности субъекту необходимо для того, чтобы более целесообразно направить свою активность. Исходя из этого, понятно, что в случае внимания особое значение имеет именно целенаправленность, осознание цели.

Соответственно, внимание не есть состояние какого-либо содержания нашего сознания; нет, это — акт субъекта, существенным образом связанный с поведением и представляющий собой предварительное условие успешности поведения.

В свете сказанного понятно, что внимание имеет *избирательный* характер. Из многочисленных раздражителей внешней действительности путь к сознанию прокладывают лишь некоторые, именно потому ясно и отчетливо переживается лишь определенный отрезок этой действительности, тогда как остальное остается в темноте. Теперь становится понятно и то, что в сознании субъекта отражается лишь то, что объединяется в *целостность* — представления, мысли, действия создают единую систему, лишь в таком виде составляя содержание внимания.

3. Виды внимания

В зависимости от осуществляемой активности можно выделить три вида внимания: *чувственное* (сенсорное) внимание, *моторное* внимание и *интеллектуальное* внимание.

1. О *сенсорном внимании* говорят в случае, когда субъекта интересуют перцептивные акты; скажем, когда человек слушает песню, смотрит кинофильм, он стремится, прежде всего, испытать как можно более ясные *сенсорные* переживания. Поэтому его энергия мобилизуется именно в этом направлении. Это в первую очередь проявляется в телесных процессах: внешние раздражители вызывают в организме определенную рефлекторную реакцию, облегчающую восприятие. Например, когда луч света попадает на периферическую часть сетчатки, глаз сразу же поворачивается так, чтобы луч света попадал на более подходящую зрительную область. Когда откуда-то доносится какой-либо звук, мы тотчас же рефлекторно поворачиваем голову в его направлении. Одним словом, раздражитель рефлекторно вызывает телесные изменения, создающие благоприятные условия для ясного восприятия.

С точки зрения рефлексологии внимание есть не что иное, как эти рефлекторные процессы, соответствующая направленность тела. Мы видим, что в данном случае имеем дело лишь с одним из значимых *условий* сенсорного внимания, а не с самим вниманием вообще. Как справедливо отметил Бюлер, оптически картина может быть максимально отчетливой, однако многие ее моменты все-таки ускользают от нашего внимания: помимо периферийных процессов, внимание подразумевает и центральные процессы.

2. Моторное внимание может быть различным в зависимости от того, какое движение составляет его предмет. Когда человек танцует, содержание его сознания сконцентрировано на соответствующих движениях ног и тела. Еще более отчетливо видны особенности моторного внимания в случае различных спортивных соревнований; например, игра в футбол или быстрый бег требуют максимального напряжения внимания, и иногда успех зависит от того, сумеет ли спортсмен сохранить такое напряжение внимания достаточно долго.

Разумеется, соответствующая направленность тела в данном случае еще более важна, чем при сенсорном внимании. Можно сказать, что весь процесс соревнования состоит не только в соответствующей направленности определенной части тела, скажем мускулатуры ног, но, наряду с этим, и в соответствующей регуляции мускулатуры всего тела. Роль надлежащей направленности тела в процессе моторного внимания особенно наглядно проявляется в подготовительный момент, когда, например, бегуны ждут стартового сигнала, чтобы мгновенно сорваться с места. В данном случае весь организм находится в состоянии своеобразного напряжения, хотя спортсмены неподвижно стоят на одном месте.

Не подлежит сомнению, что моторное внимание выполняет большую роль в жизни человека, причем чем ниже ступень развития, тем больше эта роль. Невзирая на это, о моторном внимании начали говорить относительно недавно; традиционная, классическая психология в большей степени была заинтересована сенсорным вниманием и теми его формами, которые более свойственны статическому, а не динамическому состоянию человека.

3. *Интеллектуальное внимание.* Допустим, до начала некоторых действий необходимо предварительно решить какую-то задачу — например, человек еще не знает, как лучше действовать в данной ситуации. В таком случае его внимание направлено не на действие, а в ином направлении: он осмысливает различные соображения в пользу или против того или иного действия, причем этот процесс может продолжаться довольно долго — до тех пор, пока субъект не выберет одну из линий поведения.

В истории развития человечества этот предшествующий действию период постепенно усложнялся, превратившись в конце концов в отдельную, самостоятельную форму поведения в виде *умственного труда.* Интеллектуальное внимание представляет собой культурное достижение человека; оно сосредоточивается не на том, что дано актуально — актуальном раздражителе или актуальном движении, а на мыслях или представлениях человека.

Тот факт, что тело и в данном случае выполняет важную роль, видно из специфического положения во время глубоких размышлений. По наблюдению Джеймса, в таких случаях наблюдается поза тела, противоположная той выпрямленной, что отмечается при сенсорном внимании.

Свойства внимания

КОЛЬ скоро внимание проявляется в ясности и отчетливости содержания сознания, то тогда оно непременно должно иметь и ступени *интенсивности,* в соответствие с которыми изменяется уровень ясности и отчетливости. Наряду с этим внимание имеет определенный объем, то есть большее или меньшее количество содержания, на которое оно распространяется. И, наконец, внимание может иметь более или менее длительное действие, следовательно, оно имеет и *темпоральные* свойства — *константность* и *лабильность, быструю и медленную адаптацию.*

Рассмотрим каждое из этих свойств в отдельности.

1. Вопрос интенсивности внимания

Интенсивность внимания различна не только у разных людей, но и у одного и того же человека в различные периоды жизни и в различных условиях: наши мысли и представления порой характеризуются необыкновенной отчетливостью, а иногда бывают весьма неопределенными и туманными. Одним словом, уровень нашего сознания всегда характеризуется определенными колебаниями, которые в нормальных пределах можно считать колебанием внимания.

На интенсивность внимания влияют следующие факторы: 1) *эмоциональные переживания:* эмоция возбуждающего характера средней интенсивности, например, радость, способствует интенсивности внимания, а переживание противоположного содержания становится помехой и снижает его; 2) *умственная усталость* снижает уровень активности внимания. Наши реакции замедляются и утрачивают точность, снижается сенсорная координация, ослабевает чувствительность органов чувств, умственная работа становится менее продуктивной; 3) *питание* и *различные фармакологические вещества* по-разному действуют на различные формы активности; 4) влияние внешних условий, например времени года, местонахождения и пр. на плодотворность нашей активности сомнений не вызывает; 5) влияют также различные периоды суток: у одних внимание интенсивнее работает по утрам, у других — по вечерам, некоторые достигают максимального уровня в полдень, а другие — в полночь.

2. Объем внимания

Объем сенсорного внимания. Вследствие «узости сознания» внимание человека может уделяться лишь определенному количеству явлений или объектов. Следовательно, оно вынуждено из неисчислимого количества внешних раздражителей выбирать лишь некоторые. Естественно возникает вопрос: каков объем внимания человека? Сколько впечатлений одновременно с одинаковой отчетливостью мы можем пережить в *максимально благоприятных условиях?*

Для изучения данного вопроса проведено множество экспериментальных исследований, посвященных, в первую очередь, объему сенсорного внимания.

Для этих целей обычно используется *тахистоскоп* — аппарат, преимущество которого состоит в возможности моментального предъявления оптических впечатлений. В результате различных исследований выяснилось, что человек одновременно способен различить *шесть* простых впечатлений: скажем, шесть точек, шесть букв или цифр. Но если число элементов превышает шесть, мы приходим в состояние растерянности и не замечаем, сколько их. Из последующих опытов выяснилось, что

количество элементов значения не имеет: когда испытуемому предъявляют сложные единицы, содержащие по несколько элементов, он и в этом случае замечает шесть таких единиц; например, если распределить по четыре или по шесть точек так, чтобы они составили какую-либо единицу (например, четырехугольник), то испытуемый заметит шесть таких фигур. Следовательно, он замечает не шесть точек, а гораздо больше (шесть раз по шесть). Неважно, что предъявляется испытуемому — отдельные слова или отдельные буквы, в обоих случаях объем его внимания определяется шестью единицами, невзирая на то, что в случае предъявления испытуемому слов количество букв значительно превышает (по Вундту, в три раза) число несвязанных букв.

Из сказанного очевидно, что убежденность традиционной психологии в том, что все зависит от элементов, то есть взгляд так называемой «психологии элементов» ошибочен: наше внимание интересуют не элементы, а целостные «гештальты», то есть то, что может иметь какой-либо смысл для субъекта поскольку, поскольку оно связано с поведением.

Следует отметить, что наряду с этими шестью элементами замечаются и другие, но очень туманно. Как отмечалось выше, структура сознания в случае работы внимания является следующей: существует *особенно ясное* содержание, а наряду с ним — *менее ясные,* в зависимости от их близости к господствующему содержанию сознания.

Как показало исследование Вестфаля, существует несколько ступеней сознания, резко отличающихся друг от друга. Особенно можно выделить три ступени: 1) ступень *простой данности,* заключающаяся в том, что испытуемый, замечая форму фигуры, не замечает ее цвет, хотя и знает, что она имеет и определенный цвет. Следовательно, содержание сознания составляет заданность цвета, но не его качество; 2) вторая ступень — ступень *замечания,* то есть субъект воспринимает данную фигуру в каком-то аспекте, скажем с точки зрения ее формы. И, наконец, ступень, на которой происходит фиксация замеченного словесно, то есть, говоря, например, «треугольник», мы уже имеем ступень 3) *констатации,* или *подтверждения.* Исследования объема сенсорного внимания подтвердили существование этих ступеней сознания.

3. Вопрос распределения внимания

В наше время вопрос объема сенсорного внимания свою актуальность уже утратил. Если раньше, во времена Вундта, публиковались многочисленные исследования по вопросу объема сенсорного внимания, сейчас положение изменилось. Но если проблема объема внимания иногда и сегодня вызывает определенный интерес, то это обусловлено совершенно иной причиной, нежели раньше. Сегодня перед психологами стоят вопросы более практического характера. Человек выполняет различные операции, однако известно, что чем больше число одновременно выполняемых операций, тем меньше внимания уделяется каждой из них. Следовательно, вопрос можно поставить следующим образом: не существуют ли такие операции, одновременное выполнение которых относительно легко, а также такие, которые должны выполняться только по отдельности? Данный вопрос имеет особую практическую значимость, ведь существует множество профессий, требующих одновременного выполнения различных операций. Для рациональной организации труда очень важно, конечно, знать, какие операции можно успешно выполнять одновременно, а какие операции следует размежевать.

Таким образом, перед нами встает вопрос концентрации и дистрибуции внимания, однако применительно не к отдельным сенсорным элементам, а к операциям в целом.

Уже давно замечено, что между этими двумя формами внимания — *концентрацией,* с одной стороны, и *дистрибуцией,* то есть распределением по отдельным содержаниям, — с другой стороны, существует определенная, закономерная взаимозависимость, а именно: *чем выше концентрация внимания, тем меньше ее дистрибуция,* и, наоборот, чем больше дистрибуция, тем ниже концентрация внимания на каждом отдельном содержании.

Однако данное положение не имеет характера закона. Существуют операции, объединить которые не только легко, но и желательно. В этом случае «закон» нарушается, приобретая совершенно противоположное содержание: в определенных пределах чем больше дистрибуция, тем выше концентрация. Об этом с очевидностью свидетельствуют опыты Мак-Дугалла, Меймана и особенно Г. Бакрадзе. Испытуемому поручается выполнение определенной задачи, одновременно с которой он должен дополнительно выполнить еще одну операцию. Оказалось, что существуют операции, не только не препятствующие, а, наоборот, способствующие концентрации внимания: в случае выполнения только одной операции внимание испытуемого менее эффективно, нежели тогда, когда он вместе с ней выполняет и вторую операцию.

С другой стороны, замечено, что существуют операции, одновременное выполнение которых не препятствует концентрации на них внимания; например, так называемые «автоматические операции» — ходьба, дыхание и пр. совершенно не мешают, скажем, мышлению, игре на фортепиано, созерцанию картины. Одним словом, чем легче операции, тем меньше они мешают друг другу. Автоматические операции, будь то врожденные или приобретенные, обычно совершенно не требуют внимания. Поэтому неудивительно, что совмещать такие операции легко. Однако если каждая отдельная операция требует специальной концентрации внимания, тогда конкуренция между операциями неизбежна и их одновременное выполнение затруднено. Следовательно, речь идет о том, насколько неизбежна конкуренция между одновременно выполняемыми операциями.

С данной точки зрения правильное решение вопроса о дистрибуции и концентрации внимания относительно нетрудно. Как видим, одно дело, когда субъект выполняет операции, определенным образом конкурирующие друг с другом, и совсем иное, если такая конкуренция менее выражена. Следовательно, следует различать два случая дистрибуции внимания: 1) если операции не противоречат и не конкурируют друг с другом, тогда интенсивность дистрибуции и концентрации не является взаимопротивоположно направленной; 2) при наличии подобного противостояния между дистрибуцией и концентрацией отмечается обратно пропорциональная зависимость.

Естественно возникает вопрос о том, возможно ли ослабление или снятие конкуренции между операциями? Или же положение скорее такое, что если между операциями противостояние существует, то оно является абсолютным и постоянным и преодолеть его невозможно?

Ответить на данный вопрос нетрудно. Оставаясь на старой, механистической позиции «психологии элементов», мы будем вынуждены признать, что изменить ничего нельзя: если одна операция противоречит другой, то это изменить невозможно, конкуренция между ними неизбежна.

Однако сегодня для нас ошибочность подобного представления уже очевидна. Все зависит от условий и среды: одно дело — отдельная операция как часть более

сложной целостной операции, а другое — та же операция в качестве независимой единицы. Если две независимые операции объединяются в одну, более обширную целостную операцию как ее частичные моменты, то противоречие между ними может совсем исчезнуть, и тогда части одного целого могут не только не мешать друг другу, но, напротив, содействовать. Чтобы убедиться в правильности данного положения, достаточно приглядеться к любой выполняемой человеком более или менее сложной операции. В этих целях особенно иллюстративен процесс обучения подобной сложной операции. Почти всегда это происходит следующим образом: вначале субъект испытывает затруднения при выполнении отдельных частичных операций, однако потом, как будто внезапно, ему удается объединить их, после чего одновременное выполнение всех операций никаких затруднений уже не вызывает. Обычно это называют координацией. И действительно, весь процесс развития человека заключается в координации или, точнее, *организации* все более и более отдаленных операций. Мы создаем все более и более совершенные целостности, облегчая себе тем самым выполнение частичных операций. Простым примером этого может послужить, скажем, обучение езде на велосипеде. Садясь впервые на велосипед, нам приходится следить отдельно за положением тела, отдельно — за движением рук, ног; даже работа зрения и слуха — все это представляет отдельные, еще не взаимоувязанные операции. Но постепенно нам удается добиться такой организации всех этих движений, что они превращаются в частичные моменты единой операции. После этого езда на велосипеде никаких трудностей уже не вызывает, входящие в нее частичные операции теперь совершенно не мешают друг другу. Так же происходит и во всех других случаях. Например, мы учимся водить машину. Сколько отдельных операций включает это сложное дело! Надлежащие движения рук, ног, слежение за пешеходами, машинами, сигналами... Наше внимание должно распространиться на множество впечатлений, распределиться между ними. Но постепенно все эти операции взаимоувязываются, объединяясь в единое целое. Обучение профессии водителя автомашины состоит в организации, объединении этих операций. После объединения этих многообразных движений в единую целостность они не только не конкурируют друг с другом, а, наоборот, могут даже облегчать выполнение каждой из них.

Разумеется, подобное объединение операций не происходит путем простого суммирования, простого соединения, Нет, подобная организация операций нуждается в предварительной основе, и эта основа заключается в *специфическом изменении* самого субъекта как целого, а именно — в *установке,* вырабатываемой в процессе обучения. Соответственно, так называемое «распределение» внимания отнюдь не означает, что все операции, выполняемые, например, при вождении машины, являются предметом внимания, что внимание равномерно распределяется между ними, поскольку подобное распределение внимания было бы совершенно невозможным. Нет, распределение внимания означает организацию, объединение. Аналогично тому, как сенсорное внимание замечает шесть отдельных букв, но при замещении букв словами это количество увеличивается втрое (по данным некоторых авторов, это число достигает сорока), так и при так называемом распределении внимания принципиально происходит то же самое: *говорить о распределении внимания можно лишь в том случае, когда удается на единой основе объединить все операции в одну целостность.*

Однако это удается не везде и не всегда. Существуют операции, уже сами по себе являющиеся столь самостоятельной целостностью, что превратить их в часть какого-либо другого еще более сложного целого невозможно. В психологической ли-

тературе такого рода случаи, в которых речь идет об одновременном выполнении подобных операций, именуют многомерными действиями (Mehrfachhandlung).

Многомерные действия неоднократно изучались экспериментально. Штерцингер (1927) поручал своим испытуемым выполнение двух достаточно самостоятельных действий: слушать рассказ, который им читали и содержание которого по завершении следовало изложить, и, в то же время, заполнять ряд простых чисел. Результат оказался следующим: при одновременном выполнении этих операций плодотворность каждой из них снижалась до 35%, то есть успешность работы испытуемых уменьшалась втрое по сравнению со случаем, когда данные действия выполнялись ими раздельно.

Известны и старые опыты Полана (1887), также проливающие свет на данный вопрос. Выяснилось, что при попытке одновременного выполнения двух несовместимых операций эффективность заметно падала. Например, если для умножения определенных чисел правой рукой оказалось достаточно 8 секунд, а левой — 15 секунд, то на выполнение этих операций одновременно обеими руками понадобилось 38 секунд, то есть гораздо больше времени, чем при последовательном их выполнении (8 + 15 = 23 сек).

Даже не касаясь результатов других аналогичных опытов, можно с уверенностью сказать, что при одновременном выполнении таких независимых операций, которые не удается объединить в одно сложное действие, плодотворность заметно снижается.

Естественно возникает вопрос: действительно ли в таких случаях происходит одновременное выполнение этих операций, насколько правомерно говорить в данном случае об одновременности?

Согласно существующим исследованиям, ответ на данный вопрос является скорее отрицательным: два гетерогенных сенсорных впечатления, не объединяющиеся в единое впечатление, требуют, по-видимому, двойной перцепции и, следовательно, воспринимаются скорее последовательно, а не одновременно. Когда эта последовательность быстрая, то обычно остается впечатление полной одновременности, хотя на самом деле операции выполняются последовательно. В пользу этого свидетельствует и то, что испытуемые, лучше выполняющие одновременные операции, лучше и быстрее переходили с одного дела на другое.

В этой связи особого интереса заслуживает вопрос о том, насколько быстро удается переключить внимание с одного впечатления на другое. Данный вопрос был исследован еще Вундтом. Согласно полученным им данным, для этого достаточно одной десятой доли секунды. Систематическое исследование Фейлгенхауера показало, что для переключения внимания с одного акустического раздражителя на другой нужно 0,32 секунды, с тактильного на тактильный — 0,31 секунды, с акустического на тактильный — 0,33 секунды. Но в данном случае так или иначе речь идет о родственных впечатлениях, и несомненно, что, когда внимание касается более отдаленных впечатлений, времени потребуется больше.

4. Темпоральные свойства внимания

Очевидно, что на внимание влияет время. Это обстоятельство, разумеется, сомнению не подлежит: как известно, среди факторов так называемой умственной усталости немаловажную роль выполняет внимание. В психологии внимания в связи с фактором времени особенно внимательно изучаются следующие вопросы: 1. Как скоро внимание приспосабливается к новому впечатлению? 2. Как долго концентрация

внимания человека может оставаться на одном и том же неизменном уровне? 3. Как долго внимание может оказать сопротивление впечатлениям, являющимися помехой?

Посмотрим, как решаются данные вопросы в современной экспериментальной психологии.

1. *Адаптация внимания.* Экспериментальные исследования показали, что приспособление внимания к новому раздражителю требует определенного времени. Считается, что для этого обычно достаточно 1-2 секунд.

Очевидно, что гораздо легче *остановить* внимание на каком-либо объекте, нежели его *впервые* заметить. Наверное, многие замечали, что наблюдать за полетом самолета высоко в небе совсем нетрудно, но достаточно на миг отвести взор — и найти его уже становится затруднительным.

Скорость приспособления *(адаптации)* внимания у различных людей разная. Существует целый ряд профессий, в которых способность быстрой адаптации внимания играет очень важную роль. Таковы, например, профессии водителя, машиниста. Психологическая проверка и наблюдения над этими профессиями выявили существование двух противоположных типов адаптации внимания: одни очень быстро и легко приспосабливаются к каждому новому впечатлению, внимание других же работает очень медленно. Помимо этих двух противоположных типов, существуют и другие группы: а) люди, внимание которых работает быстро лишь вначале; б) лица, вниманию которых мешает действие посторонних раздражителей; в) лица, внимание которых при возникновении опасности работать перестает.

2. *Колебание внимания.* Впервые еще известный австрийский отологист Урбанчич (1875) обратил внимание на тот факт, что когда для проверки остроты слуха он предлагал своим пациентам послушать издали какой-либо слабый звук, например тиканье часов, то они часто говорили, что звук слышится то лучше, то хуже, причем это происходило с соблюдением определенных интервалов времени. Проверить это очень легко: послушайте тиканье обычных часов издали или вблизи, и вы убедитесь, что оно то усиливается, то ослабевает. Аналогичные явления отмечаются и в зрительной сфере, и в случае мышечных усилий.

Чем объясняется такое кажущееся изменение интенсивности слабого ощущения?

Русский психолог Н. Ланге (1888) впервые объяснил это явление *колебанием внимания.* Так что данное понятие внесено по сути именно этим автором. В результате изучения ощущений различных модальностей он пришел к выводу, что периоды колебания отмечаются везде, причем с одинаковой длительностью, составляющей 2,5-4 секунды. Кроме этого, оказалось, что в случае одновременного действия акустического и оптического раздражителей колебания попеременно сменяют друг друга в области обеих модальностей. По мнению Н. Ланге, данное явление может быть объяснено только причиной центрального происхождения, а не периферийного, ведь иначе колебание в одной модальности не зависело бы от другой.

Однако в противовес центральной теории Ланге была выдвинута так называемая *«периферийная теория»,* согласно которой в основе фактов колебания внимания лежат процессы, протекающие в периферийном органе. Участие соответствующего органа чувств в акте внимания сомнению не подлежит, и можно предположить, что периодическое изменение интенсивности внимания объясняется частичной усталостью органа чувств. Например, зрительное внимание с необходимостью требует работы глазных мышц: необходимы, во-первых, движения самих глаз, а, во-вторых, аккомодация. Следовательно, возможно, что колеблется работоспособность мышц, в результате чего создается впечатление колебания внимания (Мюнстерберг).

Однако оказалось, что факт колебания внимания отмечается как в случае атропинизации глаз, так и при оперативном удалении хрусталика, невзирая на то, что говорить об аккомодации не приходится. Помимо этого, специальное изучение движений глаз показало отсутствие какого-либо параллелизма между колебанием внимания и движениями глаз. Даже сам Мюнстерберг отмечал, что движения глаз никак не влияют на колебание внимания. В последующем Пилсберн, сфотографировав движения глаз в момент колебания внимания, установил, что эти движения происходят *беспорядочно,* апериодически, тогда как колебание внимания характеризуется *периодичностью.*

3. *Константность внимания.* О колебании внимания обычно можно говорить в тех случаях, когда субъекту в качестве предмета внимания предлагается один какой-либо объект с тем, чтобы выяснить, как долго сумеет он сохранить максимальный уровень внимания в этих условиях. Однако в повседневной жизни подобного рода задачи перед нашим вниманием встают редко. Как правило, объекты нашего внимания являются сложными, и говорить о чисто сенсорном, чисто моторном или чисто интеллектуальном внимании можно лишь с точки зрения анализа, ведь реально в активности внимания человека почти всегда одновременно участвуют всегда все эти три формы. Это означает, что на нас действуют сложные впечатления, и успешное разрешение стоящих перед нами задач с необходимостью требует задействования внимания в различных направлениях. Вопрос о том, какова устойчивость внимания в подобных случаях, не может быть сочтен вопросом колебания внимания; в данном случае речь идет о константности внимания, его устойчивости во времени. Вопросы колебания и константности внимания не совпадают и в тех случаях, когда предметом внимания является какое-либо, пусть даже простое, сенсорное впечатление: ведь мерцающая свеча может неравномерно светить всю ночь! Одно дело — интенсивная работоспособность в каждый момент времени, и совсем иное — работоспособность в течение более или менее длительного времени. В первом случае можно говорить о колебании внимания, а во втором — об его константности.

Константность внимания — свойство индивидуально изменчивое. Есть люди, которым хватает одного импульса для того, чтобы в течение длительного времени остановить внимание на одном и том же объекте, — это называется *статичным* вниманием. Другим же людям для того, чтобы надолго остановить внимание на одном и том же объекте, требуются все новые и новые импульсы: одного акта решения им недостаточно, поскольку их внимание либо очень быстро устает, либо очень быстро «перенасыщается» от воздействия одного и того же предмета. В этом случае говорят о *динамическом* внимании. Однако сколь статичным ни было внимание, тем не менее его константность всегда более или менее определена. Не следует думать, что снижение уровня внимания субъекта всегда вызвано его усталостью. Нет, тот факт, что зачастую внимание тотчас же начинает интенсивно работать в другом направлении, доказывает, что причина — отнюдь не в усталости.

4. *Упражнение и внимание.* Естественно встает вопрос о том, может ли упражнение оказать какое-либо влияние на данное свойство внимания? Положительное решение данного вопроса, причем с установлением пределов, в которых позитивное влияние упражнения окажется несомненным, позволит сделать очень важные с практической точки зрения выводы. Дело в том, что внимание представляет собой важнейшее условие нашей умственной и физической активности, и возможность его развития и остроты имеет, конечно же, огромное значение, особенно с педагогической точки зрения.

Поэтому отнюдь неудивительно, что данному вопросу особое внимание уделяют именно исследователи, работающие в сфере педагогической психологии. Мейман пришел к выводу, что влияние упражнения на внимание сомнению не подлежит. Согласно полученным им данным, вырисовывается следующая картина: у субъектов с медленной адаптацией в результате упражнения вырабатывалась более быстрая способность адаптации; помимо этого, под влиянием данного фактора заметно повышались как интенсивность концентрации, так и константность. И, наконец, благодаря упражнению наряду с ростом способности концентрации оказалось возможным и развитие способности распределения внимания.

Протекание процесса внимания

До сих пор мы обсуждали вопросы, связанные с природой и различными свойствами и сторонами внимания, сейчас же можно перейти на рассмотрение процесса его протекания в целом.

В первую очередь следует выяснить, какие факторы определяют активность внимания. Данный вопрос имеет исключительно важное значение. Дело в том, что решение принципиальных вопросов, связанных с вниманием, во многом зависит от осмысления возникновения данного процесса. Разумеется, предопределенность явления фактором сомнению не подлежит, но, в свою очередь, ведь не менее очевидно, что и само явление в определенным смысле определяет фактор: то, каково явление, зависит от действующего на него фактора, но разве то, какие именно факторы воздействуют на данное явление, не зависит от природы самого этого явления! Поэтому вопрос о факторах внимания следует рассмотреть относительно подробно.

Выяснив, какие факторы вызывают активность внимания, следует изучить эффекты, или результаты, сопутствующие данной активности. Эти результаты могут быть двоякими — психическими и телесными. Необходимо выяснить существующие в современной психологии в этой связи данные. И, наконец, для полного уяснения процесса внимания необходимо обратиться и к физиологическим механизмам, лежащим в его основе.

1. Потребность как основной фактор внимания

При изучении факторов внимания необходимо учитывать, что вопрос касается не только того, что именно впервые усиливает внимание человека, но непременно и того, что дает ему импульс к более или менее длительной работе в определенном направлении. С учетом этого легко понять, что основной фактор внимания в первую очередь следует усматривать в самом субъекте: то, когда и в каком направлении начнется и завершится работа внимания, безусловно зависит от имеющихся в данный момент у субъекта *потребностей* и от того, на удовлетворение которой из них он сейчас направлен. Внимание всегда включено в сложный акт какого-либо поведения, будучи его необходимым условием, а на поведение всегда непременно возложена задача прямого или косвенного удовлетворения той или иной потребности. Поэтому понятно, что многие психологи существенным фактором внимания считают так называемый *«интерес»*. Рибо, например, предполагал, что механизм внимания является аффективным механизмом; для Блейлера внимание являлось

проявлением аффективности, а Пьерон единственным фактором внимания считал интерес, то есть и он признавал аффективную природу процесса внимания. Все это безусловно правильно, если в этом, в первую очередь, подразумевать динамику *потребности*. В общем импульс всего поведения, в котором участвует и активность внимания, исходит от потребности, и очевидно, что и внимание получает свой импульс из этого же источника.

Потребность же может быть двоякой: *актуальной,* непосредственной, испытываемой субъектом именно сейчас, в данный момент времени, и *косвенной,* так сказать, *отвлеченной, искусственной,* подразумевающей не данный конкретный момент времени, а перспективу всей жизни субъекта. Импульс внимания может исходить как от первого, так и от второго вида потребности.

В первом случае внимание должно меняться по мере изменения актуальной потребности; появление новой потребности означает, что внимание должно подчиниться ее импульсу, действовать в соответствии с ее целями. Следовательно, активность внимания в данном случае зависит от возникновения новых потребностей, будучи *импульсивной,* автономной, *пассивной,* непроизвольной, полностью зависящей от осознанных, стабилизированных целей и стремлений субъекта.

Совершенно иное положение отмечается во втором случае. Здесь говорить о случайности уже невозможно. Здесь внимание игнорирует импульс непосредственной потребности и превращается в *произвольное, активное* внимание.

2. Факторы пассивного внимания

В данном случае следует говорить лишь о факторах, непроизвольно направляющих наше внимание. Несомненно, что это было бы невозможно, не будь эти факторы связаны с нашими потребностями. Дело в том, что и такие случаи переживаются как активность нашего внимания, ведь внимание, пусть даже в вынужденном порядке, направляем все-таки мы сами, а не оно направляется само по себе. Следовательно, в конце концов эти факторы должны действовать на наши потребности, именно таким путем вызывая активность внимания. Это тем более должно быть так, поскольку дело отнюдь не ограничивается возникновением внимания, ведь внимание, возникнув, обычно продолжает работать в данном определенном направлении так долго, как это нужно.

В психологической литературе факторы непроизвольного внимания часто именуют либо объективными факторами (Мессер), либо *генеральными* факторами (Пьерон).

А. *Интенсивность.* В соответствие с традицией, введенной Лотце, первое место обычно отводится фактору *интенсивности* впечатления. И действительно, ничего невольно более не привлекает нашего внимания, чем интенсивность впечатления. Именно по этой причине в качестве сигнала обычно используется звонок; во всех случаях — будь то пожар, приход гостей, вызов по телефону или предупредительный звонок вагоновожатого трамвая — используется звук интенсивного звонка, и всегда, сколь увлечены бы мы ни были, в конце концов оказываемся вынуждены перенести внимание на этот сигнал.

Но коль скоро под интенсивностью подразумевается фактор количества, необходимо охарактеризовать его величину.

Известно, что большое по величине более привлекает наше внимание, чем маленькое. В психологии рекламы данное обстоятельство учитывается уже давно: чем больше плакат или афиша, тем больше они привлекают внимание общества. В психологии рекламы этому обстоятельству придается значение закона, формула которого

гласит, что сила притяжения внимания растет пропорционально квадрату площади поверхности плаката.

Помимо этого, «просексигенное»[1] (привлекающее внимание) значение *сами по себе* имеют и впечатления некоторых модальностей — очень тонкий голос, очень яркий цвет, горький вкус, боль, некоторые запахи легко привлекают внимание, независимо от своей интенсивности.

Здесь же следует назвать и некоторые пространственные факторы: близлежащее впечатление привлекает внимание больше, нежели отдаленное — прикосновение к лицу мы чувствуем больше, чем к другим частям тела. Что касается зрительной обрасти, то и здесь отмечается аналогичное положение: мы в первую очередь замечаем близлежащие объекты, лишь после этого переходя на более отдаленные.

Б. *Изменение.* Известно, что ночью при внезапной остановке мельницы мельник тотчас же просыпается. Почему, спрашивается, он спит, когда шумно, просыпаясь именно тогда, когда шум прекращается. Очевидно, что причиной его пробуждения является прекращение шума. Когда в комнате шумят, вполне возможно внимательно читать книгу, не обращая внимания на этот шум. Но как только вдруг шум прекращается, мы тотчас же обращаем внимание на это обстоятельство. Приведенный пример с очевидностью свидетельствует о том, что *изменение* существующего или обычного положения безусловно является просексигенным фактором.

Однако изменение — весьма и весьма неоднозначное или, во всяком случае, очень обширное понятие. Например, *движение* также следует считать одним из случаев изменения, ведь это — изменение месторасположения, перемещение. Поэтому неудивительно, что *движение* справедливо считается фактором, привлекающим внимание. Данное обстоятельство замечено уже давно. Инстинктивно этим пользуются даже животные, зачастую замирая на месте, чтобы враг их не заметил. Тот, кто прячется, в общем избегает движения, пытаясь по мере возможности оставаться в своем убежище неподвижным. Существуют животные (особенно — batracitus), внимание которых привлекают лишь движущиеся объекты.

Можно сказать, что к этой же категории, то есть категории изменения, относится также *новое, незнакомое, неожиданное, необычное.* Но ведь на самом деле обо всем этом можно говорить лишь тогда, когда существующее положение как-то меняется — пусть даже в том смысле, что появляется нечто новое, которое, конечно же, привлекает наше внимание.

Однако удивительно, что не менее энергичным фактором внимания является и прямо противоположное: знакомое, привычное, ожидаемое также привлекает внимание. Это настолько очевидно, что сомневаться в этом не приходится. Встретившись в комнате с незнакомым обществом и случайно обнаружив знакомого, мы в первую очередь замечаем именно его. Ожидая прихода кого-то, мы тотчас же реагируем даже на слабый стук в дверь. Но внимательнее приглядевшись к этим примерам, убеждаешься, что по сути и в данном случае налицо признаки *изменения.* И действительно, незнакомое среди знакомого суть то же самое, что знакомое среди незнакомого, ведь общее впечатление создает большинство, и отличный от этого большинства объект — будь то знакомый или незнакомый — вносит в общее впечатление нечто новое. Что касается просексигенного значения ожидаемого, то и ожидаемое, и неожиданное одинаково привлекает внимание, поскольку и то, и другое означают нечто новое, то, чего сначала не было, а теперь появилось.

[1] Термин введен Пьероном.

Пересмотрев теперь все эти просексигенные факторы, нетрудно заметить, что каждый из них непременно имеет какую-то значимость, какой-то смысл для субъекта, он обязательно связан с его некой потребностью: стимул, действующий с большей интенсивностью, — появление большого по величине предмета или существа, внезапное заметное изменение в окружающей среде — обычно не есть индифферентное явление для живого существа; вслед за подобным стимулом почти всегда нечто следует — или опасное, или, возможно, даже полезное. Следовательно, в интересах живого существа все это заметить и своевременно принять надлежащие меры.

Таким образом, факторы непроизвольного внимания для живого существа служат, по существу, сигналом; именно по этой причине они и активизируют работу внимания.

По словам Титченера, непроизвольное внимание представляет собой *первичное* внимание, и как таковое, оно свойственно всем живым существам. Что касается человека, то его специфическая особенность — наличие воли — проявляется, разумеется, и в данном случае, обусловливая своеобразную форму работы внимания — так называемое *«произвольное внимание»*.

Факторы произвольного внимания

1. Воля как фактор

О факторах произвольного внимания мало что можно сказать. Уже из самого названия явствует, что основным и, можно сказать, единственным фактором данной формы внимания является наша воля. В данном случае на внимание не оказывают влияния ни фактор интенсивности, ни фактор изменения. Решающую роль выполняет намерение, осознанное стремление субъекта. Когда нам нужно решить какую-нибудь задачу, наше внимание направлено не на интенсивные или изменяющиеся раздражители, действующие в данный момент со стороны среды, а на то, что нужно сделать. В данном случае нам, разумеется, приходится подавлять наш актуальный интерес, затрачивая зачастую на это немало усилий, чтобы обеспечить систематическое, устойчивое направление внимания.

Очевидно, что произвольное внимание представляет собой, как это отметил еще Рибо, продукт довольно высокого культурного развития. Произвольное внимание могло возникнуть лишь на основе той формы практики, что является специфическим достоянием человека. Произвольное внимание зародилось и развилось в процессе *труда:* «Как только появилась необходимость труда, произвольное внимание превратилось в первостепенный фактор этой новой формы борьбы за существование. Как только у человека появилась способность к труду, то есть к осуществлению активности не привлекательной, но необходимой, представляющей собой средство существования, у него развилось и произвольное внимание. Легко доказать, что до возникновения цивилизации произвольное внимание либо не существовало вообще, либо, подобно молнии, проявлялось лишь моментально. Произвольное внимание — явление социальное... произвольное внимание — это приспособление к условиям высшей, социальной жизни».

2. Опосредствованный характер произвольного внимания

Первым периодом развития произвольного внимания человека является та пора, когда человек, еще не обладая способностью организации своего внимания, все-таки пытался направить чужое внимание, что было не так уж и трудно. Достаточно было в этих целях использовать то, что непроизвольно привлекало внимание, тем самым направив внимание своего соратника в нужном направлении. Как видно, в этом огромную роль сыграла *рука* — ведь показать, указать рукой — это самое распространенное средство направления внимания. Интересно, что способность переносить взор с руки на указанный предмет, как видно, особенно свойственна человеку. Следовательно, переключение внимания изначально происходило не непосредственно, а через нечто третье, причем можно сказать, что до сегодняшнего дня так оно и осталось: *произвольное внимание— опосредствованное внимание.* В этом смысле очень интересно, что на начальном этапе обучения чтению человек пальцем следует за словами, тем самым, как видно, помогая своему вниманию: там, где быть внимательным трудно, человек обычно прибегает к помощи внешних средств.

Выдающимся достижением советской психологии, в частности Выготского и его школы, несомненно является и то, что было подчеркнуто и экспериментально обосновано важное значение *опосредствования, опосредствующих знаков* в психическом развитии человека. В частности, суть произвольного внимания также состоит в опосредствовании: человек обращает внимание на закономерности, направляющие естественный процесс внимания, а в последующем, при возникновении задачи направить свое или чужое внимание, он прибегает к этим закономерностям, тем самым используя их произвольно.

3. Ожидание

Типичным случаем произвольного внимание может считаться ожидание, поэтому его изучение вызывает особый интерес.

Допустим, мы ждем получения какого-либо впечатления; это означает, что наше внимание направлено на это будущее впечатление, и стоит ему появиться, оно тотчас же овладеет нашим вниманием. Каким образом нам удается это? Согласно Мюллеру, это происходит следующим образом: мы по мере возможности пытаемся восстановить состояние, испытанное нами при восприятии этого впечатления в прошлом. Восстановить положение тела нетрудно, поскольку мы уже хорошо владеем моторикой тела и способны направить ее в нужном направлении. Что касается психического содержания, его мы восстанавливаем в виде представления, пытаясь как можно лучше представить его. Когда в этих условиях, то есть условиях ожидания, появляется *ожидаемое* впечатление, оно, естественно, мгновенно овладевает вниманием. Можно сказать, что в данном случае первый период действия внимания — период приспособления, или адаптации, требующий, как отмечалось уже выше, определенного времени — выпадает из самого процесса внимания, переходя в период ожидания. Поэтому понятно, что сам процесс укорачивается.

Подытожив все то, что высказано различными авторами по поводу ожидания, можно заключить следующее: конкретное представление будущего впечатления не является обязательным, ожидание возможно и без этого; необязательно также, чтобы субъект испытывал при этом напряжение. Главное и основное — это наличие задачи либо в виде определенной мысли, либо ненаглядного знания, либо же установки. Без этого последнего, по словам Фребеса, ожидание неспособно создать даже самое живое представление.

Влияние внимания

1. Оживление активности как основной эффект внимания

Влияние внимания на психическую активность человека огромно. Можно сказать, что оно представляет собой важнейшее условие, лежащее в основе возможности плодотворной деятельности. Дело в том, что в распоряжении каждого отдельного человека на каждой заданной ступени его развития имеется, как видно, лишь определенное количество энергии. То, на что будет направлена эта энергия, в виде какой активности она проявится, зависит от нашего внимания. Однако коль скоро внимание означает направление нашей психической энергии в том или ином направлении, тогда очевидно, что влияние внимания действительно должно быть очень велико и должно проявляться, прежде всего, в активизации соответствующей психической деятельности. Когда художник создает какое-либо произведение, и его внимание, и активность максимально сконцентрированы на этом произведении. Когда Архимед был полностью погружен в свои геометрические задачи, его психика наиболее оживленно работала, разумеется, в сфере умственных операций; когда человек учится езде на велосипеде, с напряженным вниманием пытаясь восстановить нарушенное равновесие, наиболее оживленная активность протекает в мышечной системе его тела.

Естественным следствием этой оживленной работы внимания является более быстрое, точное, плодотворное протекание активности. Рассмотрев отдельные направления психической активности человека — восприятие, представление, мышление, фантазию, чувства, убедимся, что за оживлением внимания везде следует аналогичный эффект, но, разумеется, в формах, соответствующих каждому из этих направлений.

2. Сенсорная активность

Какое влияние оказывает внимание на такую форму активности, как восприятие? Общий ответ у нас уже готов: оно оживляет эту активность, то есть наш сенсорный механизм в этом случае начинает работать более энергично, чем тогда, когда внимание действует преимущественно в ином направлении. В результате мы получаем более высококачественный продукт — более ясные и отчетливые ощущения и восприятия. Так что, в конечном итоге, можно сказать, что влияние внимания на сенсорную активность проявляется в том, что наши сенсорные содержания, восприятия и представления становятся более явственными и отчетливыми.

И действительно, ведь все прекрасно знают, что воспринятое более внимательно всегда является более ясным и отчетливым, нежели воспринятое менее внимательно! Данное положение было уточнено и в экспериментальных условиях: испытуемым тахистоскопически — так же, как при проведении опытов по объему внимания — предъявляли несколько простых раздражителей и просили ответить, сколько элементов воспринимались ими отчетливо. Оказалось, что: 1) в случае, если испытуемые получали до экспозиции предупредительный сигнал, они быстрее и правильнее замечали раздражители; 2) в случае, если испытуемым что-либо мешало сосредоточиться, допустим, когда им вместе с тахитоскопическим раздражителем предъявлялся еще какой-нибудь внешний раздражитель, они замечали гораздо

меньше элементов. Очевидно, что в этом повинно ослабление внимание. Как показали опыты Вестфаля, существует несколько ступеней ясности восприятия, каждая из которых зависит от того, насколько интенсивное внимание испытуемый уделяет задаче.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что влияние внимания заключается в усилении ясности и отчетливости сенсорного содержания.

3. Вопрос влияния внимания на интенсивность сенсорных содержаний

Коль скоро внимание усиливает явственность ощущения или восприятия, можно предположить, что оно оказывает аналогичное влияние и на их интенсивность. Тем более, что ясность и отчетливость, с одной стороны, а интенсивность — с другой, представляют собой чисто количественные характеристики ощущения, будучи чисто квантитативными признаками.

Данный вопрос относится к числу тех вопросов, которые классическая психология XIX века исследовала с особым интересом и энергией. Сегодня от этого живого интереса почти ничего не осталось — данный вопрос вместе с проблемой ощущения переместился на задний план. Тем не менее, его рассмотрение не лишено определенного интереса — как по существу, так и особенно в историческом плане.

Вопрос об усиливающем влиянии внимания на интенсивность ощущений почти всеми решался положительно. Исключение составлял только Мюнстенберг, утверждавший, вопреки общепринятому мнению, что внимание не усиливает ощущение, а, напротив, ослабляет его. Но его никто не поддержал, и он так и остался единственным приверженцем подобного взгляда. Разногласие среди психологов по данному вопросу проявлялось лишь в том, что одни придерживались мнения о прямом, непосредственном влиянии внимания на интенсивность ощущения, тогда как другие отрицали это, считая скорее, что интенсивность ощущения усиливается не потому, что на него непосредственно действует внимание, а в силу того, что оно способствует адаптации органов чувств, создавая тем самым предпосылку усиления интенсивности ощущения — внимание лишь опосредованно воздействует на интенсивность ощущения. Первого мнения придерживались особенно авторитетные психологи — Вундт, Г. Мюллер, Штумпф, в второго — Липпс и др.

Веские доводы в пользу первого мнения были получены в результате опытов Мейера и Штумпфа. Мейер в результате напряжения внимания получал настолько наглядное и интенсивное представление, что оно даже оставляло после себя оптический след. Из данного факта вытекает следующий вывод: коль скоро под воздействием внимания интенсивность представления поднимается до уровня интенсивности восприятия, то аналогичный эффект должен проявиться и в случае ощущения!

Штумпф доказал, что посредством внимания можно усилить любой тон в слабом аккорде, услышав таким образом определенную мелодию. Что касается сильных тонов, то еще более увеличить их интенсивность ему не удалось. В общем замечено, что влияние внимания сказывается на интенсивности слабого ощущения, хотя некоторые авторы указывают на аналогичный эффект и в случае сильного ощущения (Бентли). Наиболее бесспорные результаты дают опыты по сопоставлению порогов. Как оказалось, в случае большей концентрации внимания порог ниже, нежели тогда, когда концентрация внимания слабее; очевидно, что интенсивность восприятия увеличивается.

Таким образом, вопрос о влиянии внимания на интенсивность чувственных содержаний решается положительно — если не в целом, то, по крайней мере, применительно к сенсорным содержаниям слабой интенсивности.

4. Влияние внимания на моторную активность

Оживление моторной активности, обусловленной моторным вниманием, выражается в увеличении быстроты, усилении и уточнении движений.

Доказать это очень легко:

1. Поручите испытуемому как можно быстрее стучать по столу кончиком карандаша. Сравните, сколько раз он сумеет сделать это в случае концентрации внимания и в случае наличия какой-либо помехи. Вы убедитесь, что в первом случае результат будет выше, чем во втором.

2. Поручите испытуемому максимально сжать рукой динамометр в аналогичных предыдущему опыту условиях; окажется, что под воздействием внимания моторика (сокращение мышц) станет более интенсивной.

3. Поручите испытуемым в тех же условиях проводить линии определенной длины, и вы убедитесь, что в случае концентрации внимания моторика окажется гораздо более точной.

Почти с уверенностью можно сказать, что подобное влияние внимания на моторную активность объясняется тем, что, как уже известно давно, оно способствует сенсомоторному приспособлению.

Отмеченный факт был обнаружен во время проведения так называемых «опытов реакции». Людвиг Ланге первым заметил, что время так называемой *простой реакции* было то более длительным, то более кратковременным. Выяснилось, что когда испытуемому вместе с сигналом давали задание: услышав сигнал, как можно быстрее убрать палец с электровыключателя (подсоединенного для учета времени к чувствительному аппарату, например, хроноскопу Пика, прекращающего подачу электротока, вследствие чего стрелка аппарата останавливается, указывая в тысячных долях секунды — так называемых *«сигмах»* — промежуток времени с момента подачи сигнала до поднятия пальца, то есть до реакции; этот промежуток времени называется временем реакции), то концентрация внимания на задаче всегда заметно снижает время реакции.

Ланге первым (1888) обратил внимание, когда испытуемый больше внимания уделяет сигналу, а не своей реакции, время реакции возрастает *(сенсорная реакция),* но когда он сосредотачивает внимание на своем движении, с тем чтобы не опоздать ответить как можно быстрее, время реакции заметно сокращается *(моторная реакция).*

Данное обстоятельство с очевидностью показывает, что подсильно вниманию, когда оно направлено на моторику: оно ускоряет реакцию, следующую за предварительным восприятием сигнала; следовательно, внимание способствует сенсомоторной адаптации.

5. Влияние внимания на память и интеллектуальные операции

Влияние внимания на память очень велико. Некоторые формы работы памяти, например, непроизвольная память, настолько тесно связаны с вниманием, что трудно различить, с чем имеешь дело — с процессом внимания или памяти. В данном смысле весьма показательно, что немцы именуют непосредственную память также

«способностью замечать» (Merkfähigkeit). И действительно, накоплен многочисленный экспериментальный материал, с очевидностью доказывающий, что плодотворность непосредственной памяти более всего зависит от внимания, с которым воспринимается запоминаемый материал.

Внимательное восприятие запоминаемого материала имеет важное значение и в случае других форм памяти. Однако влияние внимания на память только этим не ограничивается. Здесь нас этот вопрос интересует несколько в иной плоскости, в частности, какое влияние оказывает концентрация внимания на процесс *воспоминания,* или *репродукции.* Коль скоро под влиянием внимания представление становится ясным и отчетливым, то это значит, что в этих условиях происходит облегчение и уточнение и его репродукции. Особенно очевидно это в случае произвольного воспоминания — припоминания.

Что касается интеллектуальных операций, то издавна известно, что без участия внимания говорить о них даже не приходится: первоочередным условием любого обучения совершенно справедливо считается внимание. Но существуют и экспериментальные доводы, лишний раз подтверждающие несомненную правомерность данного наблюдения и конкретизирующие его. Останавливаться на этом не стоит. Отметим лишь то, что выяснилось в ходе протекания опытов по изучению внимания. Оказалось, что под воздействием внимания возрастают плодотворность и точность умственной работы. Однако из специальных исследований известно, что быстрота и точность работы имеют взаимопротивоположную направленность: чем больше одно, тем меньше другое. Согласно результатам Кросленда (1924), между ними существует отрицательная корреляция (составляющая, в частности, 0,47). Следовательно, при уяснении влияния внимания на умственную работу следует учитывать оба эти фактора — быстроту и точность.

6. Внимание и чувство

По мнению Тиченера, чувство не может стать предметом внимания. Вместо того, чтобы под влиянием внимания стать более явственным и интенсивным, оно, наоборот, ослабевает и затухает. Например, если разгневанный человек начнет внимательно анализировать свое эмоциональное состояние, то в результате он успокоится, во всяком случае, эмоция почти исчезнет. Поэтому, согласно Тиченеру, внимание следует понимать как уровень ясности только лишь представления.

Безусловно, что говорить о внимании применительно к чувствам в том смысле, как это делалось в случае познавательных процессов, неправомерно. Дело в том, что во время познавательных процессов, например восприятия, энергия внимания и активности восприятия совпадает — здесь внимание означает оживление энергии восприятия. Но в случае чувств дело обстоит иначе: чувство, например горе, возможно лишь в том случае, когда мы осведомлены о вызвавшем его обстоятельстве. Без причины горя никто не испытывает: не зная о смерти своего ребенка, мать никакого горя не испытывает. Таким образом, непосредственным источником чувств являются познавательные процессы, осознание определяющих эти чувства объективных обстоятельств. Когда внимание сосредоточено именно на источнике чувств, то есть при четком осмыслении вызвавших чувство обстоятельств, происходит совмещение энергии чувства и внимания, вследствие чего чувство усиливается. Но когда наше внимание останавливается на самом чувстве, то тогда переживание его источника, вызвавших его обстоятельств лишается психической активности, начинающей работать уже в другом направлении, переставая тем самым питать чувство.

Однако подобное положение не является специфическим лишь в случае чувств, всегда проявляясь в аналогичных условиях. Возьмем для примера танцы, игру на музыкальных инструментах или иное автоматическое действие. Известно, что здесь внимание действует точно так же, как и в случае чувств: при осуществлении автоматических действий достаточно обратить внимание на какое-либо отдельное действие, чтобы автоматизм нарушился, и танцевать или играть становится затруднительно. Происходит это по той же причине, что и в случае чувств: автоматическое поведение основывается на общем настрое тела, и, когда внимание направлено на него, автоматическое поведение выполняется хорошо. Однако если внимание перемещается на отдельные акты, то страдает общий настрой тела — основа автоматического поведения, вследствие чего автоматическое поведение нарушается.

Внимание и организм

1. Внимание и организм

Очевидно, что все психические процессы неразрывно связаны с организмом, ведь психика в целом является «свойством организованной материи». Тем не менее внимание и чувства в данном отношении все-таки занимают особое положение. И одно, и второе настолько существенно увязаны с состоянием физического организма, что в психологии возникло даже мнение, что чувство в сущности есть не что иное, как отражение наших телесных процессов в сознании (Джеймс), а внимание представляет собой моторную настройку нашего организма (Рибо). Правда, обе эти теории являются односторонними и неприемлемыми, однако особое положение чувства и внимания бесспорно: ни одному психическому процессу не сопутствуют столь наглядные телесные изменения, как чувствам и вниманию. Очевидно, что при теоретическом осмыслении данных психических процессов это обстоятельство нельзя не учитывать.

Какие основные телесные изменения сопутствуют состоянию внимания?

1. *Моторные изменения.* Прежде всего обращают на себя внимание изменения, определяющие приспособление, или адаптацию, органов чувств к раздражителю: в случае зрительного внимания — это аккомодация, конвергенция, рефлекс зрачка, движения глаз в различных направлениях. Если внимание обращено на зрительное представление, то глаза принимают такое положение, словно они созерцают некий отдаленный объект. Соответствующие изменения появляются при адаптации и других органов чувств: замедленное вдыхание воздуха для восприятия запаха, напряжение органа слуха и пр. Следует особо отметить, что адаптация к раздражителю происходит не только за счет этих, непосредственно связанных с самими органами, изменений — к этому добавляется и соответствующее положение всего тела, головы, конечностей.

Состоянию внимания сопутствуют и своеобразные мимические изменения, характерные для зрения: глаза подняты вверх, обращены назад, широко раскрыты, на лбу появляются горизонтальные морщины, рот иногда остается открытым. При заметном напряжении внимания появляется надлежащее выражение лица, например вертикальные морщины на лбу. Однако для внимания наиболее характерна не эта мимика, а своеобразная *активная неподвижность,* свойственная всякому настоящему состоянию внимания: человек как бы застывает в определенном положении, которое, конечно, особенно облегчает концентрацию. Эта неподвиж-

ность способствует своеобразному усилению тонуса, и в качестве активного напряжения защищает организм от раздражителей, не являющихся в данный момент предметом внимания.

2. *Внутренние моторные процессы: дыхание, пульс, кровообращение, секреция желез.* Неподвижность тела влияет на дыхание; в некоторых случаях, в минуты особой концентрации внимания, дыхание на какое-то время вообще останавливается.

Однако, как показал Мак-Дугалл, эти симптомы скорее характерны для сенсорного внимания. Интеллектуальному вниманию более свойственны учащенное дыхание, являющееся поверхностным, а иногда беспорядочным, поэтому время от времени бывает нужен глубокий вдох.

Пульс вначале замедляется, но затем учащается. Наверное, этим объясняется тот факт, что характерным для внимания некоторые авторы считают его замедление (Мейман), а другие — учащение (Бине, Мак-Дугалл).

Что касается кровообращения, то применительно и к вниманию остается в силе общее физиологическое положение, согласно которому находящаяся в активном состоянии часть организма кровью снабжается обильнее. В частности, оказалось, что в состоянии внимания, как правило, кровеносные сосуды на конечностях сужаются, а в голове — заметно расширяются. Данное наблюдение хорошо согласуется с тем фактом, что в процессе внимания мозг находится в особенно активном состоянии.

И, наконец, как видно, внимание связано с работой органов *внутренней секреции.* Во всяком случае, в соответствии с исследованием Блонского (1929), внимание оказывает несомненное влияние на выделение слюны. Помимо этого, как известно, сенсомоторная и интеллектуальная активности находятся в определенном антагонизме с активностью пищеварительных органов, в частности с секрецией желудка.

3. *Внимание и центральная нервная система. Теория доминанты.* Тот факт, что процесс внимания имеет свои основы в центральной нервной системе, ни у кого сомнений не вызывает. Поэтому вопрос выявления этих основ уже давно интересует психологию. Среди известных на сегодняшний день физиологических теорий особого внимания заслуживает так называемая *теория доминанты,* разработанная советским психологом Ухтомским.

Основной смысл данной теории заключается в следующем. На нервную систему в каждый данный момент времени действует огромное количество раздражителей, вызывая соответствующее возбуждение в надлежащих центрах. Но было бы неправильным считать, что все эти очаги возбуждения одинаково значимы. Нет, в каждый данный момент времени существует лишь один какой-либо очаг возбуждения, появляющийся под воздействием самого важного раздражителя, а потому могущий считаться очагом самого интенсивного возбуждения. Он превращается в господствующий очаг, в *доминанту,* что проявляется в том, что возбуждение, появляющееся под воздействием других раздражителей в соответствующих очагах, тотчас же переходит в господствующий очаг: доминантный очаг возбуждения, как это доказал еще Павлов, притягивает к себе все относительно слабые возбуждения, возникающие в других пунктах нервной системы, становясь за их счет еще более интенсивным. Экспериментальным обоснованием этого является следующее наблюдение: весной у лягушек доминантным является очаг сексуальной возбудимости. Это видно из того, что у нее сильно выражен рефлекс охватывания: если приложить палку к груди сексуально возбужденной лягушки, она охватывает ее лапками. Воздействовав на нее после этого другим раздражителем в области, никак не связанной с очагом сексуального возбуждения, например, коснувшись ее спины или присоединив электроды, можно убедиться, что эффект окажется аналогичным —

усилится рефлекс охватывания. Очевидно, что возбуждение, возникшее под воздействием тактильного раздражителя, осталось не в своем первичном центре, а распространилось на очаг рефлекса охватывания, тем самым усилив его. Этим объясняется то, что в результате тактильного раздражителя вместо обычного защитного рефлекса получаем усиление рефлекса охватывания.

Таким образом, в каждый данный момент в центральной нервной системе господствующим является единственный очаг, привлекающий к себе возникшее в других пунктах возбуждение и тем самым еще более усиливающийся.

Отмеченное обстоятельство довольно хорошо согласуется с двумя феноменами, установленными психологией внимания. Внимание, с одной стороны, всегда имеет определенное содержание и его объем ограничен; с другой стороны — некоторые посторонние раздражители не только не мешают, но, напротив, способствуют концентрации внимания.

Согласно Ухтомскому, было бы ошибочным думать, что доминанта представляет собой одну топографически определенную точку центральной нервной системы. Нет! Ее следует представить в виде комплекса центров высокого возбуждения, распределенных на различных уровнях и частях нервной системы, различных местах головного и спинного мозга и вегетативной системы. Отсюда понятен тот факт, что в процесс внимания включено все тело полностью, то есть не только его моторная система, но и процессы, управляемые вегетативной нервной системой (дыхание, пульс, кровообращение и пр.). Ошибкой было бы также думать, что доминанта является раз и навсегда определенной. Нет, доминанта меняется. И, соответственно, меняется и настрой тела, и содержание психики.

Таковы физиологические основы, на которых строятся акты нашего внимания.

Патология внимания

1. Патологическое снижение ясности сознания

Нормальное сознание отнюдь не всегда характеризуется одинаковым уровнем ясности. Согласно опытам Вестфаля, в данном случае следует различать по крайней мере четыре ступени: 1) ступень простой заданности; 2) ступень замечания; 3) ступень потенциального знания и 4) ступень высказанного знания, или подтверждения. Однако в этих ступенях нет ничего патологического. С патологией имеем дело лишь тогда, когда, несмотря на оптимальные условия подачи впечатления, сознание тем не менее продолжает оставаться на низкой ступени.

Различают *помутнение* сознания и *сумеречное* сознание. Снижение сознания может быть незначительным и преходящим, как это происходит в случаях эпилепсии или истерии, а может быть глубоким. В этом последнем случае различают так называемый *сомноленц,* когда путем энергичных распросов в конце концов удается привлечь внимание больного; *сопор,* когда больной находится в полудремотном состоянии, не реагируя на чувственные впечатления, но разбудить его легко; он еще имеет некоторое, хотя и смутное, представление о том, где находится, отвечает «да» и «нет», но стоит оставить его в покое, он тотчас же возвращается к своему дремотному состоянию. Гораздо более тяжелым является состояние *ступора;* когда разговариваешь с таким больным, он открывает глаза, но ничего не слышит и ничего не понимает; глотательный рефлекс все еще сохранен, сохранена и способность движения глаз в

направлении света. Еще более тяжелым состоянием является *кома,* при которой не просматривается даже следа сознания; у больного отсутствуют глотательный рефлекс и рефлекс зрачка. Иногда такое состояние наступает внезапно, продолжаясь в течение длительного времени; тогда это состояние называют *апоплексией.*

2. Типы расстройства внимания

Все эти формы характеризуют состояние сознания в целом. Но встречаются и частичные расстройства внимания. Крепелин различает следующие формы:

1. *Снижение* внимания; больной ни на что не обращает внимания, у него ничего не вызывает ни воспоминаний, ни интереса.
2. *Замыкание* внимания (sperrnug): больной все хорошо понимает, но на что бы ему ни указали, он внимания не обращает; он не желает, чтобы кто-то оказывал на него какое-либо влияние, а потому любые вопросы оставляет без ответа.
3. *Затрудненность* внимания; все внешние признаки внимания сохранены, но больному требуется ненормально много времени для того, чтобы понять сказанное. Как видно, в данном случае поврежден временной момент внимания.
4. *Определенность* внимания внешним раздражением: каждый новый раздражитель привлекает внимание больного *(гипердинамическое внимание).*
5. Внешне аналогичный эффект имеет место и тогда, когда внимание больного ненормально легко переключается с предмета на предмет по той простой причине, что предмет действует на сознание поверхностно, как это происходит, скажем, во время усталости; в этом случае имеем дело с ненормально усиленной *рассеянностью.*

3. Сужение сознания

Патологическое сужение сознания особенно часто встречается при истерии. Жане рассказывает о своей, сейчас уже знаменитой, пациентке Люси. Беседуя с кем-нибудь, Люси ничего другого не замечала; можно было громко звать ее, крикнуть ей что-либо в ухо — она ни на что не реагировала. Согласно тому же Жане, существует состояние так называемой *«каталепсии»,* когда содержание определяется одним-единственным представлением.

Очень интересен следующий случай: больной прекрасно может созерцать один объект внимания, но не более. Второго в это время он совершенно не замечает. Он прекрасно может описать фигуру человека, цвет, форму его одежды и пр., окинув его одним взглядом. Но если подать ему, скажем, булавку и тут же, на расстоянии 5-ти сантиметров, зажженную свечу, получаешь удивительный результат: он видит булавку, но не замечает свечу, и наоборот.

Развитие внимания в онтогенезе

Как при развитии других психических функций, в онтогенезе внимания также решающее значение имеет тот момент, когда внимание ребенка перестает зависеть от случайно действующих раздражителей и ребенок сам начинает направлять его. Центральным фактом в истории развития внимания является акт зарождения *произвольного, опосредствованного внимания.*

Согласно результатам А.Н. Леонтьева, элементы произвольного внимания встречаются и в дошкольном возрасте, однако действительно произвольным оно становится лишь после овладения ребенком приемами его организации, упорядочения. А это происходит лишь в школьном возрасте, и 11-12-летние учащиеся уже достигают высокой ступени развития произвольного внимания.

Поэтому в истории развития внимания дошкольный возраст резко отличается от всего последующего периода жизни ребенка.

1. Объем внимания

Знакомясь с восприятием или памятью ребенка раннего возраста, нетрудно убедиться, что сознанию ребенка этого возраста все еще присуща диффузность. Естественно, что это обстоятельство оказывает своеобразное влияние и на его внимание; ребенок раннего возраста не способен сделать предметом своего внимания различные стороны какого-либо сложного объекта, как признаки одного предмета. Его внимание привлекает каждая отдельная сторона объекта — аналогично тому, как в вышеописанных случаях сужения внимания, когда внимание пациента привлекает лишь отдельный предмет. Ребенок другие стороны не замечает, поэтому для него предмет представлен лишь одним признаком — тем самым, который привлек его внимание.

Узость объема внимания ребенка, классическое описание которого дал еще Мейман, предопределена, думается, именно диффузностью сознания. Сознанию ребенка еще не свойственна способность усматривания множества в целостности. Поэтому для него в каждый данный момент существуют лишь отдельные объекты и явления, которые он еще не способен взаимоувязать, объединить в некое сложное целое. Потому-то ребенок, обратив внимание на одно, второе уже не замечает. Поэтому, как говорил Мейман, если ребенку, держащему в руках одну игрушку, дать в другую руку еще одну, он бросает первую: при виде одной вторая для него перестает существовать.

Разумеется, что на данной ступени развития можно говорить лишь о сенсорном и моторном внимании, интеллектуальное внимание ребенку еще несвойственно.

2. Концентрация внимания

Но коль скоро объем внимания ребенка является столь ограниченным, нельзя ли сказать, что способность концентрации внимания должна быть велика? Ведь мы убедились, что в определенных пределах концентрация внимания тем больше, чем уже его объем! Но как совершенно справедливо отмечает Мейман, в данном случае это обусловлено не силой внимания ребенка, а его слабостью, поэтому говорить о высоком уровне концентрации внимания ребенка нельзя. В определенном смысле внимание ребенка характеризуется скорее дистрибуцией, а не концентрацией. Согласно исследованиям, посвященным вопросу концентрации внимания ребенка (Бейрл, Коландер), можно сказать, что на пути развития первый скачок происходит в возрасте 4—5 лет, а второй — 10—11-летнем возрасте. Первый период (до 3—4 лет) характеризуется максимальной слабостью способности концентрации. Во втором периоде (с 4—5 лет до 9—10 лет) данная способность повышается — настолько, что в 8—9 лет лет достигает заметного прогресса, а затем (от 10—11 лет до 14 лет) доходит до высшего уровня своего развития.

Данный перелом на пути развития концентрации (происходящий в 10—11 лет) прекрасно согласуется с имеющимися данными о развитии произвольного внимания ребенка на данной возрастной ступени. Примечательно, что в период полового созревания (14—15 лет) концентрация внимания вновь снижается, достигая в последующем, в 16 лет, высокого показателя.

3. Динамичность внимания

Мейман усматривал одну из особенностей внимания ребенка в его динамичности, что также предопределено слабостью ребенка, которому недостает внутренней направляющей силы, вследствие чего он находится под неограниченным влиянием окружающей среды. Поэтому внимание ребенка не способно долго сохранять одно направление, ему требуются все новые и новые импульсы. Это можно сказать и о внимании детей начального школьного возраста и, тем более, о дошкольниках.

К сожалению, данные об устойчивости внимания у нас пока еще имеются только применительно к детям дошкольного возраста. Берл специально изучал длительность игры ребенка на разных ступенях раннего детства, делая выводы о ее константности. Он ясно показал, что внимание ребенка до четырех лет максимально динамично. На данной возрастной ступени в протекании развития внимания ребенка происходит заметный перелом, и после этого — во всяком случае до шести лет — оно развивается быстрыми темпами, достигая к началу школьного периода столь высокой ступени, что дети способны останавливать внимание на интересных объектах в течение полутора часов (по Берли, 96 минут и 6 секунд).

Однако о настоящем статичном внимании говорить все еще нельзя. Дело в том, что ребенок длительно останавливает внимание только на интересной деятельности, особенно игре. Что касается того, что его непосредственного интереса не вызывает, он так же беспомощен, как 2—3-летний ребенок во время интересной игры. Лишь начиная со школьного возраста дети постепенно привыкают длительно останавливать внимание не только на непосредственно интересных предметах. Решающее значение здесь имеет, разумеется, с одной стороны, расширение горизонта интересов ребенка, а с другой — развитие его воли.

Глава десятая
Психология воображения

Воображение

1. Воображение

Восприятие дает отражение актуальной объективной действительности, то есть той объективной действительности, с которой мы в данный момент взаимодействуем. Память также предоставляет отражение объективной действительности, однако лишь постольку, поскольку мы взаимодействовали с ней в прошлом. Одним словом, обе эти функции — и восприятие, и память — дают отражение независимой от нас объективной действительности, однако первая отражает лишь те стороны действительности, что воздействуют на нас в настоящем, а вторая — те, что воздействовали в прошлом.

Не имей мы памяти, действительность всегда ограничивалась бы лишь тем, что действует на нас в каждый данный момент, а это означает невозможность преодоления рамок заданности в настоящем и предопределенность нашего поведения только лишь сиюминутной ситуацией. Однако мы обладаем и памятью, позволяющей нам реагировать на действительность не только в зависимости от того, что дает нам восприятие, но и в соответствии с тем, что было когда-то дано: именно память освободила нас от рабства непосредственной ситуации, расширив границы действительности, в которых протекает наша активность.

Однако обе эти функции — и память, и восприятие — определены лишь тем, что поступает извне либо сейчас, либо поступило когда-то прежде. То, что никогда не являлось предметом нашего восприятия и может стать таковым лишь в будущем, для нас еще не существует вообще, еще не оказывает какого-либо влияния на наше поведение.

Однако наиболее важная особенность человека состоит и в том, что его поведение совершенно не ограничено узким ареалом действительности, предопределенным данностью в прошлом и настоящем. Человек переступает через пределы непосредственной данности и создает новую действительность. Возможность этого ему предоставляет *воображение,* или *фантазия.* Не довольствуясь тем, что дано объективно в виде содержаний восприятия и памяти, мы посредством фантазии начинаем воображать новые содержания, создавать новые представления, являющиеся не отражением данной через восприятие объективной реальности, а, наоборот, расширяющие ее пределы с целью создания новой действительности.

2. Представления памяти и фантазии в аспекте их содержания

Как при восприятии, так и в представлениях памяти нам всегда дается *нечто* — и восприятие, и представление с необходимостью подразумевают *предмет,* касаются *предмета.* То же самое происходит и в случае воображения: мы непременно воображаем, представляем *нечто* — представление воображения также не может быть беспредметным. Однако помимо предмета, восприятие имеет и содержание; точно также содержание имеют как представления памяти, так и любые другие представления — в частности, представления фантазии.

Для того, чтобы найти различие между продуктами фантазии и восприятия или памяти, необходимо сопоставить их как с точки зрения предмета, так и содержания.

Начнем с содержания. Как известно, содержанием восприятия является наш чувственный материал, наши ощущения различных модальностей. Аналогичное содержание имеют и представления памяти. Что можно сказать о представлениях фантазии? Обратимся к какому-нибудь примеру, рассмотрим, допустим, одно из самых фантастических представлений — химеру, имеющую, по описанию Гомера, переднюю часть льва, среднюю часть козы, а конечную — змеи. Как видим, здесь нет ничего такого, что не может быть построено как из материала ощущений, так и любого другого. Материал здесь использован обычный, такой же, как и в случае восприятия. Различие состоит лишь в том, что данный материал оформлен, объединен иначе. Разумеется, сказанное касается отнюдь не только нашего примера, так происходит всегда и везде. Одним словом, представление фантазии содержит тот же материал, что и всякое представление восприятия и памяти; представление фантазии не может содержать такой содержательный момент, соответствующее которому ощущение мы никогда не имели. Известно, что слепые от рождения, сколь бы живой фантазией они ни обладали, никогда не смогут вообразить ни одного цвета.

Однако до сих пор мы имели в виду лишь качественную сторону содержания. Но различие может отмечаться по какому-либо количественному моменту — представления восприятия или памяти, быть может, отличаются от представлений фантазии по степени своей силы, ясности, живости! И действительно, существует мнение, что представления фантазии характеризуются особой живостью. Однако это неправильно. Несомненно, что в некоторых случаях воспоминание является настолько пластичным, явственным и живым, что переживается так, будто бы его предмет стоит перед нашими глазами, тогда как представления фантазии такой явственностью характеризуются не всегда — разве мало случаев, когда у человека с прекрасной памятью фантазия развита слабо! Такие случаи не только встречаются, более того, можно даже сказать, что особенно высокий уровень развития обеих этих функций у одного субъекта обычно не встречается. Память, в определенной мере, может даже мешать свободной работе, полету фантазии.

Но даже если бы подобное различие между представлениями фантазии и памяти существовало, его все равно невозможно использовать для их дифференциации, поскольку количественное различие — большая или меньшая живость — как таковое, еще не перешедшее в качественное различие, позволяет дифференцировать явления лишь внутри одной группы, то есть оно пригодно, так сказать, для интрадифференциации, но никак не интердифференциации.

Тем не менее, следует отметить, что все-таки имеется уважительный аргумент в пользу использования количественного аспекта при сопоставлении представлений фантазии и памяти. Дело в том, что память ограничена задачей отражения объек-

тивной реальности, она не может по собственному разумению суверенно изменять свои представления, поскольку они должны давать отражение объективной действительности, то есть отражение того, что на самом деле имело место в прошлом. Иное дело фантазия, которая вместо отражения объективной реальности пытается построить представление нового, несуществующего, а каким будет это новое, полностью зависит только от нее. Поэтому не существует какой-либо причины, в силу которой какая-либо сторона представления фантазии останется бледной, неясной, ущербной. Что может помешать ей дополнить и переделать это представление по собственному разумению! Несмотря на это, утверждать, что фантазия всегда характеризуется одинаковой живостью, нельзя. Существует немало людей, фантазия которых может быть более бледной, нежели их память и, тем более, восприятие.

Таким образом, между содержанием представлений, будь то представления памяти или фантазии, не обнаруживается никакого различия, ведь содержание представления не позволяет понять, с каким представлением имеешь дело — с простым воспоминанием или воображением.

3. Предмет представлений памяти и фантазии

А теперь посмотрим, есть ли различие между представлениями памяти и фантазии с точки зрения их предмета. Из вышесказанного очевидно, что в данном случае положение уже должно быть совершенно иным. Память, как и восприятие, направлена на отражение реально существующего, подразумевая, следовательно, действительно существующий предмет — ее интенциональным предметом является настоящий, объективно существующий предмет. Иное дело фантазия, сама создающая свой предмет, который ни в коем случае не является реально существующим предметом, он непременно должен быть иным — не таким, какой существует, а таким, какого в нашей действительности еще нет. Следовательно, с точки зрения предмета представления фантазии и памяти существенно различаются.

Однако как следует понимать это различие? В предмете представления фантазии не подразумевается реально существующий предмет, тогда как в представлении памяти подразумевается именно таковой. Но, допустим, кто-то представил черного лебедя. Что это — представление фантазии или памяти? С точки зрения объективной действительности представление черного лебедя не должно быть сочтено фантазией, поскольку лебедь черного цвета действительно существует. Но предположим, что субъект из нашего примера не только никогда не видел черного лебедя, но и вообще не слышал, что такой существует. Следовательно, образ черного лебедя создан им самим, а потому этот последний должен быть сочтен продуктом фантазии, а не памяти.

Таким образом, получается, что дело не в том, что объективно представляет собой предмет того или иного представления, а то, чем он является интенционально.

Однако, с другой стороны, бесспорно и то, что встречаются и такие случаи, когда предмет представления фантазии интенционально подразумевает реально существующий предмет, как это бывает, например, в случае галлюцинаций или представлений сновидений. Стало быть, дело и ни в том, каков предмет интенционально, и ни в том, каков он объективно. Одним словом, получается, что дифференцировать представления фантазии и памяти по их предмету также невозможно.

Однако данный вывод неправомерен. Дело в том, что то или иное представление с одной точки зрения может быть сочтено фантазией, а с другой — нет. Когда мы ставим вопрос о том, является ли то или иное представление объективно новым или представляет собой лишь отражение объективно существующего, то та-

кая постановка вопроса является скорее логической, чем психологической; с другой стороны, выясняя, каким является то или иное представление интенционально, мы придерживаемся феноменологической точки зрения. Следовательно, ни в первом, ни во втором случаях наш подход не является *психологическим*. Фантазия же, в первую очередь, — психологическое понятие, а потому нас, разумеется, только такой подход и интересует.

Рассматривая вопрос с одной определенной позиции, в данном случае — с психологической точки зрения, оказывается, что решить его нетрудно. Ведь в таком случае следует учитывать не то, каким является предмет того или иного представления чисто объективно, а лишь то, является ли он объективно (а не субъективно) новым для субъекта, то есть переживался ли этот предмет субъектом когда-либо и в какой-либо форме. Вернувшись теперь к нашему примеру с тем, чтобы решить, было ли представление черного лебедя действительно представлением фантазии, нам нужно выяснить, слышал или переживал ли субъект когда-либо нечто, связанное с черным лебедем. Если окажется, что нет, то это представление безусловно следует считать представлением фантазии, хотя объективно оно ни в коем случае таковым не является. Взяв сейчас для примера представление какого-либо действительного фантастического сновидения, можно сказать, что, невзирая на то, что в момент переживания этого представления субъект полностью уверен в его реальности, его также следует считать представлением фантазии, поскольку в действительности субъект никогда ничего подобного не испытывал. Следовательно, это представление могло быть создано субъектом лишь посредством фантазии.

Таким образом, предмет представлений фантазии и памяти различен. Предмет фантазии индифферентен относительно действительности, тогда как представление памяти, напротив, стремится именно к отражению существующей действительности: ее предмет является предметом объективной реальности.

Однако следует помнить, что фантазия проявляется не только в создании отдельных образов, не только в том, что она порождает представления, скажем, химеры, черного лебедя или девятиглавого дракона. Нет! Гораздо чаще фантазия создает целые сюжеты, сложные события — одним словом, целостные, связные картины протекания представлений. Например, фантазия в содержании сновидения проявляется не только в полном своеобразии входящих в него отдельных представлений, взятых не из действительности, а совершенно новых, порожденных воображением. Нет! Все отдельные представления, входящие в сновидение, могут быть взяты из действительности, не являться новыми, однако сновидение в целом, все в нем происходящее, одним словом, весь сюжет представляет собой не простое воспоминание пережитого, а совершенно новые, в подобном виде несуществующие обстоятельства.

Различие между памятью и фантазией аналогично и в данном случае: представление первой является репродукцией хотя бы однажды действительно пережитого субъектом, тогда как с представлением второй в данном конкретном виде субъект в действительности никогда не встречался.

Таким образом, фантазия, порождая отдельные представления, строит их из обычных элементов восприятия. Стало быть, *новое* следует искать в особенностях целостности, гештальта, а не среди единиц материала. Так обстоит дело и в тех случаях, когда фантазия проявляется в создании сложных содержаний, сложных сюжетов, творчества; материал, отдельные представления по своему содержанию могут быть взяты из содержаний восприятия, однако продукт фантазии в целом — сюжет, событие — по своему построению непременно должен представлять собой нечто новое.

4. Вопрос репродуктивной фантазии

Фантазия выходит за пределы существующей действительности, это — «полет над действительностью», сотворение нового мира. Однако отнюдь не обязательно, чтобы это было объективно новым, речь идет о созидании *действительно* нового для самого субъекта. И если это последнее условие соблюдено, то, как мы имели возможность убедиться в этом выше, безусловно имеем дело с фантазией. А потому в *обычных случаях* предмет фантазии интенционально также отличается от предметов восприятия и памяти, представляя собой новое, нереальное не только психологически, но и феноменологически — предметы фантазии переживаются субъектом как нереальные, тогда как в случае памяти и восприятия он обычно осознает их реальность. Так происходит в обычных случаях: психологическое и феноменологическое совпадают. Однако это не означает, что так происходит всегда, ведь психологическое и феноменологическое совпадают друг с другом только случайно, а не вследствие существенного тождества. Говоря о различных видах фантазии, необходимо учитывать данное обстоятельство.

Фантазия бывает слабой, бледной, беспомощной, не способной выйти далеко за пределы объективно существующего и остающейся, фактически, в этих пределах. Продукт подобной фантазии другим, то есть не самому субъекту фантазии, мало о чем говорит. Для других он может и не быть действительно ничем новым; стало быть, он носит скорее *репродуктивный* характер, нежели *продуктивный*. Но существует фантазия и иного рода, порождающая в своих представлениях действительно новые предметы, новую действительность. Такая фантазия уже безусловно является *творческой,* или *продуктивной,* фантазией.

Таким образом, старые понятия о продуктивной и репродуктивной фантазии остаются в силе, однако в них следует вкладывать надлежащее содержание. С психологической точки зрения и одно и второе представляют собой творческий процесс, поэтому в обоих случаях дело имеем с фантазией. Однако объективно в первом случае речь идет о создании действительно нового, тогда как во втором — лишь о репродукции существующего.

Необходимость понятия репродуктивной фантазии вызывает определенные сомнения. Коль скоро ее образы фактически представляют собой репродукцию прежних переживаний, то ее следует считать не фантазией, а одной из форм действия памяти. Но если эти образы не являются репродукцией прежних переживаний субъекта ни интенционально, ни объективно, то их можно считать фантазией. Однако почему тогда ее представления почти не выходят за пределы существующего, не являясь чем-то новым? Таким образом, встает вопрос о взаимосоотношении фантазии и памяти.

Выше мы уже мимоходом коснулись одной стороны данного вопроса. Тогда мы отметили, что интенсивное развитие памяти может препятствовать творческой работе фантазии. Данное наблюдение правильно; неоднократно отмечалось, что излишне развитая память удерживает психическую энергию в рамках существующего, однажды уже пережитого. Однако это, разумеется, не означает, что память для фантазии вообще является неблагоприятным фактором. Мы уже знаем, что фантазия строит предметы своих представлений из накопленного в процессе жизненного опыта материала, поэтому чем обширнее опыт субъекта, чем больше он видел и испытал, тем более богатым материалом и тем большей возможностью создания все новых и новых образов он располагает. Поэтому можно считать естественным, что обычно истинные творцы имеют особенно хорошую память, но в сфере своего твор-

чества: музыканты — в мире звуков, художники — в мире цвета. Например, известному художнику Маккарти достаточно было одним глазом взглянуть на цветок, чтобы с необыкновенной точностью нарисовать его, хотя во всех других отношениях у него была довольно плохая память.

Таким образом, с учетом того, что всякое творчество нуждается в материале, память как таковая с точки зрения фантазии представляет собой положительный фактор. В своей творческой работе фантазия безусловно пользуется опытом и в том плане, что в реальности рядом с типичным и обычным иногда встречаются и необычные, своеобразные, оригинальные явления, своеобразные феномены и казусы, изучение которых направляет и помогает работе фантазии.

Однако посредством всего этого далеко не всякая фантазия способна порождать воистину новое, оригинальное; в некоторых случаях она довольствуется своеобразной модификацией, дополнением, завершением накопленного в опыте материала. Разумеется, в таком случае созданные ею образы близки к тому, модификацией чего они являются, причем гораздо более близки, нежели тогда, когда фантазия использует имеющиеся в опыте образы лишь в качестве материала. Тем не менее, даже в этом случае нельзя утверждать, что речь идет лишь о работе памяти, а фантазия не задействована. Ведь все это — модификацию, дополнение, завершение, изменение — делает, конечно же, фантазия; просто в данном случае память выполняет большую роль, чем в случае работы действительно творческой фантазии, когда функция памяти ограничивается только поставкой материала.

Поэтому мы имеем полное право наряду с продуктивной фантазией говорить и о репродуктивной фантазии. Истоки этого различия заключены в самом понятии фантазии, отнюдь не подразумевающим, что продукт фантазии непременно должен представлять собой нечто новое; совершенно достаточно, чтобы он был действительно новым для самого субъекта. Следовательно, вполне возможно, чтобы продукт фантазии объективно был более или менее новым, был более или менее близок к реально существующим предметам; главное, чтобы он был новым для самого субъекта, поэтому психологически в обоих случаях мы можем иметь дело с фантазией.

5. смысл и причина фантазии

Что является причиной того, что человек отрывается от действительности и начинает возводить нереальный мир, отворачивается от актуальной ситуации и воображает несуществующую? В чем состоит смысл, причина созидания нереального, тогда как наша жизнь протекает исключительно в действительном мире? То есть встает вопрос одновременно о причине и смысле фантазии.

Объективная действительность существует независимо от нас, имеет свои устойчивые закономерности, не подвластные нашим желаниям и потребностям, хотя их удовлетворение зависит именно от этой действительности. Зачастую наши потребности остаются неудовлетворенными. Понятно, что в таких случаях у субъекта появляется импульс к созданию действительности, могущей обеспечить возможность удовлетворения имеющейся потребности, коль скоро существующая действительность ее не удовлетворяет. На подобную роль неудовлетворенных потребностей особое внимание обратил психоанализ (Фрейд и др.), убедительно доказав, что в основе работы нашей фантазии очень часто лежит энергия, исходящая от наших неудовлетворенных потребностей. При наличии какой-либо сильной потребности, удовлетворить которую мы не в силах, у нас обычно появляется отчетливое представление ее предмета: неудовлетворенная потребность дает толчок актуализации воображения.

Однако, как известно, воображаемая действительность зачастую принимает такой вид, что связать ее с какой-либо определенной биологической потребностью можно разве что искусственно. Поэтому Фрейд производил весьма искусственную трактовку представлений фантазии с тем, чтобы убедительно увязать их содержание с подобными потребностями. Думается, что воображение имеет и иную основу. Дело в том, что зачастую объективная действительность не позволяет задействовать наши силы во всех направлениях, хотя мы чувствуем безусловную потребность этого. Возможно, что фантазия, создавая искусственную действительность, тем самым часто преследует цель удовлетворения этой потребности. Ниже мы убедимся, что существуют специальные формы действия фантазии, обусловленные и служащие именно данной цели. Таковой прежде всего является *игра*.

Помимо этого, несомненно и то, что в процессе нашей повседневной жизни и активности у нас на основе различных потребностей и под влиянием многообразных впечатлений возникает множество установок, реализировать, полностью выявить которые в условиях данной объективной действительности возможно либо отчасти — в большей или меньшей степени, либо невозможно вообще. Несомненно, что эти установки стремятся к реализации и именно в фантазии находят неограниченную возможность своего адекватного проявления.

Таким образом, у человека есть многое такое, что удовлетворить или выявить полностью в условиях существующей реальности невозможно. Однако человек — существо активное, изначально стремящееся к полному выявлению и развертыванию своей сущности. Фантазия и есть та психическая функция, позволяющая сделать это в определенных пределах, в частности, в рамках психической реальности.

Действительность восприятия и памяти задана извне, и для того, чтобы наше поведение протекало в русле целесообразности, мы вынуждены попытаться по мере возможности точно отразить ее. Именно этой цели служат восприятие и память, направляя всю нашу активность в зависимости от этого. Следовательно, в данном случае только внешняя действительность диктует, какие наши функции должны быть задействованы. Но бывает и так, что мы имеем потребности, а также определенные функции, стремящиеся к действию в определенном направлении, но поскольку реальная действительность не дает возможности действовать в этом направлении, препятствуя, тем самым, проявлению соответствующей установки, они находят свою реализацию в сфере воображения. Совершенно естественно, что продукт фантазии, как попытка реализации этих установок, протекает в соответствии с ними, представляя собой, следовательно, отличный от объективной реальности, совершенно новый вид действительности. Так возникает мир фантазий — нереальная действительность рядом с реальной действительностью.

Таким образом, в случае восприятия и памяти существует извне данная действительность; именно она выполняет ведущую роль и является определяющим, активным фактором. В случае же фантазии изначально существует сам субъект с определенным комплексом своих сил и с тенденцией задействования этих сил в определенном направлении. Именно он и является этим определяющим, активным фактором. А затем уже возникает действительность фантазии, представляющая собой результат воздействия этого фактора: порожденная фантазией действительность позволяет реализовать тенденцию задействования всех этих сил в нужном направлении.

Одним словом, в случае восприятия и памяти субъект предопределен предметной действительностью, тогда как в случае фантазии происходит наоборот — предметная действительность определяется самим субъектом.

Таков генезис работы фантазии. Как видим, здесь трудно различить причину и цель. Здесь и одно и второе представляют собой единое целое: то, что вызывает работу фантазии, в то же время позволяет понять ее сущность. И в самом деле активизация фантазии зиждется на тенденции задействования сил субъекта в определенном направлении, тенденции реализации определенной установки. Аналогичны и смысл и цель фантазии, ведь она позволяет удовлетворить тенденцию этой реализации, обеспечивая тем самым возможность последующего беспрепятственного действия сил субъекта — диалектика причины и цели в данном случае задана со зримой пластичностью.

6. Теории творческой работы фантазии

Каким образом создаются представления фантазии? Каким образом из различных элементов опыта удается возвести совершенно новую, качественно иную целостность? Хотя данный вопрос для психологии фантазии не является новым, он не утратил свою актуальность и сегодня. До сих пор в психологии наиболее известны следующие представления:

А. Представления памяти с течением времени становятся более туманными, бледными, в них появляются определенные пробелы, восполнение которых происходит благодаря ассоциациям с другими представлениями. Однако данная теория не объясняет, каким образом заимствованные из других представлений элементы объединяются с остатками представлений памяти так, что заново возникает именно завершенная целостность. Это тем более удивительно, что в случае фантазии мы имеем дело не только с отдельными представлениями, а со сложными сценами, событиями, системой последовательных случаев; например, в искусстве — с драмой, романом, музыкальной симфонией!

Б. Когда, например, сказочник желает пробудить у слушателя чувство *ужасного,* то пытается создать такую комбинацию представлений, чтобы под их влиянием это чувство возникло и у него самого. Данный пример указывает на то, что в возникновении представлений фантазии решающую роль выполняют *ассоциации по сходству.* Таковой является вторая точка зрения, которой, по сути, придерживался и Рибо: то, что существует раздельно, увязывается друг с другом на основе ассоциации сходства, создавая тем самым новую, доселе не существующую комбинацию.

Однако данная теория не объясняет, почему возникшие таким образом комплексы представляют собой осмысленное целое — какое-либо художественное произведение, драму или симфонию. Одна лишь ассоциация, представляющая собой случайный процесс, не может объяснить природу истинного творчества.

В. Творческая работа — дело *интеллекта:* различные элементы связываются друг с другом не только случайно, но мы сами объединяем их все в новые и новые комбинации, соответствующим образом оценивая их, и в конечном итоге останавливаемся на одной из них лишь после того, когда признаем ее надлежащей. Ассоциация по сходству лишь поставляет материал нашей фантазии, ведущую же роль выполняет не она, а интеллект (Фребес).

Однако интеллект, как мы убедимся и в последующем, представляет собой орудие постижения, максимально адекватного отражения, познания объективной действительности, а никак не возведения новой, совершенно отличной от объективной реальности, действительности. Иной вопрос, имеет ли значение интеллект для фантазии. Роль интеллекта сомнений не вызывает, особенно тогда, когда вопрос ка-

сается высоких форм проявления творческой фантазии. Однако это не означает, что фантазия созидает новое благодаря интеллекту.

Так как же следует решить данный вопрос? Выше мы убедились, что в основе фантазии лежат невыявленные, нереализованные установки субъекта, то есть те установки, возможность проявления которых в условиях реальной действительности отсутствует. Картины фантазии представляют собой реализацию этих установок. Следовательно, очевидно, что представление фантазии имеет новый, отличный от реального, предмет именно потому, что оно зиждется на такой установке, которая может реализоваться лишь в представлениях подобного предмета.

Стало быть, поиск механизма новых представлений следует вести отнюдь не в рамках сознания. На содержание сознания в каждый данный момент решающее влияние оказывает природа самой личности, а именно — ее установка. Данное содержание сознания всегда представляет собой реализацию этой установки. Это положение представляется нам бесспорным. Об этом мы уже говорили выше, поэтому излишне вновь еще раз обосновывать его. Но коль скоро взаимоотношение сознания и установки в общем является именно таковым, а фантазия, со своей стороны, представляет собой свободную реализацию определенной установки — свободную потому, что ей не препятствует неизбежность строгих требований внешней среды, тогда понятно, что мир фантазии — это новый, отличный от реальной действительности, мир.

Разумеется, определенное значение здесь могут иметь и ассоциации, и помощь интеллекта, а также многие другие факторы. Однако все это будет предопределено, обусловлено, продиктовано лишь природой имеющейся установки; все это будет механизмом, задействованным для реализации установки.

7. Представления фантазии как символы

Коль скоро в основе фантазии лежат неудовлетворенные потребности субъекта, тенденция задействования определенных сил, определенные нереализованные установки, а действие фантазии, стало быть, направлено на реализацию всего этого, то очевидно, что продукты работы фантазии должны иметь значение *симптомов* и *символов,* позволяющих говорить о скрытых установках, потребностях, тенденциях активности субъекта.

В психологической литературе о символическом значении фантазии особенно энергично говорят представители психоанализа. Они считают, что все проявления работы фантазии, все отклонения от действительности, пусть даже простые ошибки, безусловно имеют некий смысл, некое значение, выявляя скрытые желания субъекта, его «вытесненные» представления и устремления. Следовательно, необходимо изучать эти символы с тем, чтобы выявить вытесненные переживания субъекта. По убеждению психоанализа, выявление вытесненных желаний имеет огромное практическое значение, поскольку за осознанием этих вытесненных переживаний тотчас же следует излечение неврозов и психозов, являющихся по своей сути продуктом действия подобных вытесненных переживаний. Согласно психоанализу, образы фантазии представляют собой определенные символы, каждый из них непременно что-то означает, проявляясь всякий раз именно в этом значении.

Разумеется, считать представления фантазии символами со столь прочным, определенным, неизменным значением совершенно невозможно. Сегодня у нас не вызывает сомнения, что не существуют элементы, отдельные части, не зависящие от того целого, элементами или частями которого они являются. Фантазия обычно со-

здает не отдельные представления, а целую картину события, происшествия, а отдельные представления встречаются в контексте того или иного целого; следовательно, эти представления подчинены влиянию этого целого, изменяя в зависимости от него свое символическое значение.

Следовательно, говорить об одном неизменном символическом значении неправомерно, ведь подобный подход основывается на принципах старой атомистической психологии, которые сегодня уже опровергнуты. Поэтому следует исходить из целого и попытаться понять, прежде всего, смысл этого целого.

Разумеется, неправомерно считать, что коль скоро фантазия имеет одну основу, то и ее действие во всех случаях будет одинаковым. Подобно другим психическим функциям, фантазия также проходит процесс развития и имеет различные формы своего проявления.

На низших ступенях развития фантазия работает самостоятельно, автоматически, без специального вмешательства субъекта. В данном случае можно говорить о пассивной фантазии. Но существуют и более высокие формы фантазии — активная, произвольная фантазия, действующая в соответствии с намерениями человека. Само собой разумеется, что она проявляется на высокой ступени развития, когда на поведение человека решающее влияние начинает оказывать фактор воли.

Пассивная фантазия

1. Пассивная фантазия

Когда человеку предстоит решить повседневные практические задачи, и его активность разворачивается в этом направлении, он в первую очередь нуждается в безошибочном отражении объективной действительности. Поэтому в данном случае решающее значение имеют восприятие и память, поскольку именно они помогают ему учитывать требования внешней среды.

Однако основные тенденции и установки субъекта всегда с ним; нуждаясь в реализации, они всегда готовы в более или менее подходящих условиях мгновенно перейти в актуальное состояние и вызвать работу фантазии. А потому не существует почти ни одной значимой разновидности человеческой активности, чтобы фантазия не находила случая вмешаться в нее и оказать определенное влияние на протекание этой активности. Наша повседневная жизнь почти на каждом шагу содержит элементы работы фантазии, даже тогда, когда мы заняты решением серьезных практических задач.

Само собой разумеется, что в подобных случаях работа фантазии является автономной, совершенно непроизвольной. Более того, можно сказать, что иногда она даже противоречит намерениям субъекта, мешает отражению объективной действительности, то есть тому, что в данный момент наиболее важно для субъекта. Поэтому в таких случаях мы не только намеренно не обращаемся к фантазии, а, наоборот, даже пытаемся полностью заглушить, избавиться от нее до тех пор, пока поставленная задача не будет решена. Тем не менее, нашим скрытым тенденциям, нашим стремящимся к реализации установкам вопреки нашему желанию все-таки удается задействовать нашу фантазию, привносящую свои элементы в картину объективной действительности, которую дают представления восприятия и памяти.

Таким образом, фантазия участвует и в протекании нашей повседневной жизни, несмотря на то, что это полностью противоречит нашим намерениям. Следовательно, в подобных случаях имеем дело с действием *непроизвольной,* или *пассивной,* фантазии.

А теперь посмотрим, как данная форма фантазии проявляется в процессе работы восприятия, а затем памяти.

2. Фантазия в процессе восприятия

Человеческая психика никогда не стоит столь близко к действительности, как в случае восприятия, когда реальность прямо воздействует на нас, а восприятию долженствует представить по возможности непосредственное ее отражение. Несмотря на это, фантазии удается вмешаться и в этот процесс, причем совершенно незаметно для нас, в некоторых случаях внося в картину действительности достаточно заметные изменения. Это происходит в различных направлениях и различными путями. Во-первых, кто из нас не испытал в детстве особый страх, связанный с определенными местами: какие-то особые места у суеверных, малообразованных людей или детей вызывают специфическую установку. Данная установка оказывает своеобразное влияние на восприятие — зачастую в таких местах суеверному человеку мерещится нечто страшное: черти, бесы, «заплетающие гриву лошади...». Он уверен, что действительно собственными глазами видел их, хотя на самом деле все это — лишь продукт его фантазии.

Аналогичные случаи встречаются часто. Некоторые установки человека проявляются столь энергично, что полностью модифицируют восприятие. Это, прежде всего, имеет место в случае иллюзий. Однако следует учитывать, что далеко не всякая иллюзия может быть сочтена продуктом фантазии. Встречаются иллюзии, имеющие совершенно иную основу, например, чисто физическую (вертикально опущенная в воду палка кажется изломанной), физиологическую или психофизиологическую (заполненное расстояние кажется больше, нежели пустое).

Проявление фантазии в случае иллюзии является очень зримым, благодаря ей мы «воспринимаем» нечто такое, подобного чему в объективной действительности нет.

Однако отмечаются случаи с менее заметным влиянием. Под ними подразумеваем практически незначительные модификации, сопутствующие всякому восприятию. Достаточно разных лиц попросить описать один и тот же объект, даже такой, который каждый из них воспринимает в день по несколько раз, чтобы убедиться, что их восприятие в некоторых деталях безусловно отличается друг от друга. С уверенностью можно сказать, что мы ничего не воспринимаем совершенно одинаково.

В классической психологии для объяснения этого факта обращались к понятию *апперцепции,* то есть отмечали, что восприятие содержит не только ощущения, но и представления, а поскольку каждый из нас имеет собственное, более или менее отличное прошлое и различный опыт в отношении предмета восприятия, постольку в содержание восприятия этого последнего каждый из нас вносит собственные, отличные от других, представления.

Однако мы знаем, что восприятие не является мозаикой ощущений и представлений. Подобная точка зрения могла возникнуть лишь на почве механистической теории непосредственности. Нет! Восприятие переживается как целое, и, следовательно, особое значение в нем должен выполнять именно такой же целостный процесс; различие восприятия одного и того же предмета различными субъектами следует объяснить различием установок каждого из субъектов.

Но за счет чего создается это различие? Мы знаем, что установка предопределена двумя факторами — потребностью и объектом. В случае воздействия этих факторов как будто всегда должна возникать одинаковая установка. Однако у субъекта есть и прежние установки, одни — обычные, фиксированные, другие же — задержанные, нереализованные, что и позволяет говорить о различии возникающей установки. Естественно, что каждая из этих вышеупомянутых установок всегда готова проявиться, как только появится возможность этого, влияя тем самым на актуальное восприятие, накладывая на него своеобразный отпечаток.

Помимо этого, иногда актуальная действительность не дает возможности получения завершенного, детализированного восприятия. Иногда даже раздражитель намеренно подбирается так, чтобы пробудить фантазию, дабы она дополнила то, что не дано объективно. Например, на театральных декорациях представлены лишь основные очертания — в виде леса, зданий, города, причем просто мазками, остальное же должна дополнить наша фантазия. Поэтому в подобных случаях говорят о «раздражителе» фантазии; здесь фантазия дополняет восприятие.

Особенно интенсивно работает наша фантазия тогда, когда нам что-то рассказывают, когда мы слышим или читаем что-то. В литературных произведениях внешность героев не всегда описана подробно, но у нас создается определенное представление о каждом из них. Допустим, нам еще не приходилось бывать в Индии или Китае, хотя наша фантазия рисует своеобразную картину этих стран, мы представляем себе, какие города и села в Китае. Мы читали многие произведения какого-то автора, но его фотографии не видели, тем не менее у нас все-таки складывается определенное представление о его внешности; разумеется, зачастую наши представления могут совершенно не соответствовать действительности.

Мы отметили всего лишь несколько случаев своевольного вмешательства фантазии в процесс восприятия и внесения ею в этот процесс своих элементов. Бесспорно, что это происходит гораздо чаще, а для изучения этого необходимы систематическое наблюдение и анализ.

3. Фантазия в процессе памяти

Фантазия еще более часто вмешивается в процесс работы памяти. И это неудивительно, ведь память не имеет дела с непосредственным воздействием действительности; она касается прошлого и должна отразить это прошлое. Следовательно, действительность относительно отдалена от процесса, что открывает дорогу фантазии. Поэтому понятно, что внести субъективные моменты в содержание восприятия гораздо труднее, нежели в содержание памяти, так как в первом случае функцию контроля выполняет сама действительность, тогда как во втором — всего лишь субъект, в частности, его убежденность в правильности воспоминания.

В психологии показаний неоднократно отмечалось пагубное влияние фантазии на припоминание. Дело в том, что те тенденции, которые ухитряются оказать свое влияние даже на процесс восприятия, в случае припоминания обретают особенно благоприятные условия. В данном случае действительность оказывает сопротивление разве что в виде следа, оставленного восприятием в нашем сознании, поскольку возможности непосредственного контроля она уже лишена. Поэтому у человека в состоянии паники, например, от прошлого в памяти остается особенно то, что соответствует такому его настрою. Более того, впечатления прошлого непроизвольно претерпевают соответствующую данной установке модификацию, создавая отчетливую картину опасности. То из прошлого, что хорошо согласуется с

этой картиной и способствует ее завершению, становится в памяти еще более отчетливым и стойким, но плохо согласующееся с этой картиной либо совершенно исчезает, либо видоизменяется надлежащим образом.

Влияние фантазии на воспоминания особенно зримо проявляется в случае появления какого-либо момента, хотя бы незначительно действующего в направлении фантазии. Например, в психологии показаний известно, сколь большое влияние оказывают на показания наводящие вопросы. Достаточно субъекту задать хотя бы один наводящий вопрос, согласующийся с некоторой из его тенденций, чтобы его показания развернулись именно в этом направлении.

Однако фантазия оказывает влияние не только на одну форму памяти — на воспоминание. Нет, ее влияние более или менее сказывается на всех случаях работы памяти. Хотя следует заметить, что из всех форм работы памяти наиболее благоприятные условия для работы фантазии создает именно воспоминание. Знания, например, являются менее личностными, более объективными, относительно более индифферентными, нежели воспоминания. Поэтому фантазия нигде не имеет столь пагубного влияния, как в сфере исторической памяти.

4. Грезы

Однако когда человек отворачивается от действительности, не интересуясь более взаимодействием с ней, то, разумеется, уже ничто не мешает беспрепятственному, совершенно свободному развертыванию фантазии.

С особой полнотой фантазия реализуется во сне, и тогда мы действительно имеем дело с завершенным видом фантазии. *Сновидение* с начала до конца представляет собой беспрепятственное проявление фантазии. Однако свободная работа фантазии, которая по своей сути почти ничем не отличается от сновидения, иногда проявляется и в бодрствующем состоянии. Тут подразумеваются грезы: специфический процесс, почти всегда сопутствующий работе бодрствующей психики и всегда готовый занять ее место.

Активные отношения с действительностью, процесс решения более или менее важных жизненных задач требуют сохранения постоянного напряжения сил человека — задействования восприятия и внимания, памяти и мышления как активных операций. Однако длительное сохранение подобного положения требует сил, которые не у всех людей одинаковы. Вообще же такое напряжение сил утомительно, и как только действие этих наших активных сил ослабевает, мгновенно начинается работа фантазии. Однако в данном случае фантазия не вмешивается в работу этих активных функций, внося в их продукцию собственные, более или менее заметные элементы. Нет! Здесь фантазия работает самостоятельно, создавая обычно совершенно независимые продукты, чаще всего не имеющие ничего общего с тем, что составляет предмет работы наших активных сил. Психика переходит на режим автономной, активно неупорядоченной работы — мы начинаем *мечтать.*

Одним из основных признаков грез является *эгоцентричность* их содержания. В этом отношении они похожи на историческую память. Однако если эта последняя касается *прошлого* Я, то мечтания подразумевают *будущее,* то есть то, что произойдет или может произойти в будущем, причем картины мечтаний касаются судьбы Я. Поэтому понятно, что содержание мечтаний предопределено, с одной стороны, желаниями субъекта и его опасениями и скромностью — с другой.

Чем сильнее наши желания и чем меньше возможность их удовлетворения в условиях существующей реальности, тем легче мы, пользуясь любым предлогом,

начинаем мечтать об осуществлении наших желаний. То, чего нам недостает и что восполнить в условиях существующей действительности невозможно — всем этим мы овладеваем в мире грез. Пленный мечтает о жизни на свободе, эмигрант — о возвращении на Родину, голодный — о пище. Можно сказать, что ничто столь тесно не увязано с мечтами, как наши неосуществленные желания. Поэтому неудивительно, что Фрейд грезы, подобно сновидениям, считал осуществлением желаний.

Однако для учета особенностей содержания наших мечтаний только лишь понятия желания недостаточно. Как происходит удовлетворение наших желаний в наших мечтах, какие появляются картины, как мы действуем, как и какие преграды преодолеваем — все это зависит как от основных установок личности, так и от той установки, что сначала же выработалась у нее в связи с этим желанием. Например, отнюдь не все заключенные какой-либо тюрьмы, мечтающие о жизни на свободе, рисуют себе одинаковую картину своего освобождения. Один может мечтать об амнистии в связи с каким-то большим праздником, которая дарует ему свободу; другой рисует себе картину того, как ему удается вырваться из рук тюремной охраны и бежать; третий представляет себе, что произойдет революция, крушение старого строя, которое влечет его освобождение, после чего он энергично включается в борьбу за укрепление нового порядка.

В содержании воображения нам даются не только образы удовлетворения желания, а иногда, наоборот, картины, изображающие совсем противоположное положение дел. Общеизвестно, что то, чего опасаешься и что в действительности не происходит и может вообще не произойти никогда, сбывается в воображении. Скажем, студент, готовясь к экзамену, начинает представлять: пришла его очередь, он начинает отвечать, но экзаменатор спрашивает его именно то, что он знает плохо, а потому он «проваливается» на экзамене.

Разумеется, трудно понять, почему наши грезы обращаются к тому, что совершенно не отвечает нашим интересам, ведь невозможно, чтобы такие картины вызывали у человека удовольствие. Какой же смысл могут иметь мечты, если созданная ими действительность менее благоприятна, чем та реальная действительность, в которой протекает наша повседневная жизнь?!

Некоторые пытаются решить данный вопрос следующим образом: наши опасения на самом деле выражают наши скрытые желания, следовательно, выполнение в мечтах того, чего боишься, означает выполнение желания (Фрейд).

Другие авторы, например Штерн, указывают на то, что в жизни встречается множество таких случаев, когда человек не в состоянии выносить неопределенность положения. Поэтому постоянному опасению, что нечто случится, он в конце концов предпочитает, чтобы то, чего он так боится, действительно произошло, прекратив тем самым его мучения. Иногда страх выносить труднее, чем то, чего боишься (Штерн). Это наблюдение совершенно правильно. Однако оно все равно не объясняет, каким образом выполнение в мечтах того, чего боишься, может оказаться хоть как-то полезным, освобождая, пусть даже незначительно, от страха.

Представляется правильнее усматривать смысл грез, как и фантазии в целом, не в том, что они непременно предназначены для выполнения определенных целей субъекта, а иначе: у субъекта под воздействием определенных условий появляется отрицательная установка относительно определенного явления, эмоционально проявляющаяся в виде переживания страха. Естественно, что если бы данная установка реализовалась, страха, что может произойти то-то и то-то, быть не могло. Следовательно, данная установка нуждается в реализации, а поскольку в реальности это не удается, она перемещается в мир мечтаний.

То, что это так, хорошо видно и из того, что не все люди в своих мечтах одинаково часто обращаются к картинам осуществления своих опасений. Твердый и сильный, уверенный в себе человек, в целом оптимистически настроенный, о страшном не грезит. Зато в мечтах нерешительных, боязливых и пессимистично настроенных субъектов преобладают именно опасения.

Картины грез обычно реалистичны. Они касаются нашей судьбы, повествуют о наших приключениях, и понятно, что в них вообще невозможное и фантастическое для человека не фигурирует. Правда, вышеупомянутые заключенные мечтают о выходе на свободу такими путями, о которых в их условиях говорить серьезно не приходится. Однако в принципе обретение свободы таким образом все же не является совершенно невозможным, хотя в тех условиях, в которых находятся эти заключенные, они кажутся фантастическими, совершенно невозможными, но в надлежащих условиях это вполне осуществимо.

Одним словом, грезы касаются того, что хотя бы умозрительно осуществимо, ведь в мечтах мы не встречаемся ни с кентаврами, ни с химерами, ни с иными нереальными существами. Как бы то ни было, мечта все-таки имеет дело с действительностью. Исследования Смита, опирающиеся на большой материал, показывали, что мечты нормального взрослого человека чаще всего касаются его будущих планов. Поэтому понятно, что в грезах полностью игнорировать действительность невозможно.

5. Сновидение и его особенности

В еще более завершенном виде работа фантазии разворачивается в сновидениях. Если в мечтах мы все-таки вынуждены как-то учитывать законы действительности, то в сновидениях снимается и это препятствие. Здесь фантазия становится полностью суверенной — сколь бессмысленными, абсурдными, невозможными бы ни были ситуация, явления или предметы, в сновидениях возможно все. Самым характерным, самым специфическим для сознания сновидения является то, что все это переживается не как возможное, а как *актуально данное в действительности,* так как переживание фантазии во время сновидения отсутствует. Сознание сновидения очень близко к сознанию психически больного, поскольку в обоих случаях отмечается полный отрыв от реальной действительности, причем это не осознается. Поэтому неудивительно, что некоторые больные после излечения сравнивают свое прежнее состояние со сновидением.

А теперь посмотрим, какие особенности присущи созданной во время сновидения фантастической действительности.

1. Во-первых, действительность сновидения построена специфически в том отношении, что она весьма своеобразно дана во времени и пространстве: реальность сновидения не похожа на реальную действительность ни в аспекте времени, ни в аспекте пространства.

Сновидение протекает необыкновенно быстро. В сновидении за одну или две секунды происходит то, на что в реальной жизни могут потребоваться целые месяцы, а может и годы. Известен классический случай Мори (Maury): в сновидении он жил во времена Великой Французской революции, пережил страшные годы террора, собственными глазами видел, как приводились в исполнение решения Революционного трибунала. Судили и его самого, приговорив к смертной казни. Вот его воз-

вели на эшафот, и на его шею упал нож гильотины. Именно в этот момент он и проснулся. Оказалось, что какой-то предмет упал ему на шею. Следовательно, получается, что все это сновидение, содержащее переживания событий нескольких лет, объективно продолжалось в течение секунды: что-то упало, разбудив спящего. За тот момент, который потребовался для пробуждения, в сознании субъекта миновали события, продолжавшиеся годы. Таково протекание сновидения во времени.

Поразительно, каким образом столько переживаний умещается в столь короткий отрезок времени? Поэтому был проведен целый ряд экспериментальных исследований с целью проверки того, с какой скоростью реально протекают переживания человека. Выяснилось, что протекание переживаний сновидения действительно отличается необыкновенной стремительностью. Иной вопрос, как можно это объяснить.

Приблизительно аналогичную картину дает и *пространство,* переживаемое в сознании сновидения. В сновидении все происходит в очень узком, ограниченном пространстве — в комнате, на площади, а иногда сознание сновидения умещается в еще более ограниченном ареале. В сновидении лица, живущие в разных городах, оказываются в одном месте — и хотя они находятся в различных местах, все равно видятся вместе.

2. Возникающие во время сновидения представления являются обычными представлениями. Однако может случится и так, что видишь дерево, но считаешь его человеком: пусть это дерево, но это — человек. В одном сновидении субъект корзину с зеленью считал сборником сновидений; он видел зелень, но она была для него сборником сновидений. Следовательно, содержание и предмет представления в сознании сновидения иногда весьма отдалены друг от друга — то, что видишь, есть не то, что видишь, а нечто совсем иное.

3. В некоторых случаях аналогичным образом проявляются и установленные особенности эмоциональных переживаний. Допустим, субъект видит нечто очень неприятное, например, он теряет самое дорогое для него существо. Очевидно, что это должно вызвать у него надлежащие переживания, но во время сновидения этого иногда не происходит — вместо печали субъект испытывает приятные чувства или сохраняет полное спокойствие, остается равнодушным к происходящему. Как видим, в данном случае проявляется такое же дробление единого переживания, как и в случае переживания значения представления.

4. Иногда предметы и явления переживаются вне своего существенного признака. Невзирая на это, субъект все же ясно видит этот предмет, а то, что этот последний лишен своего существенного признака, его совсем не удивляет. Например, такое сновидение: субъект ходит босиком по снегу, но снег совсем не кажется холодным; он скорее теплый, чем холодный.

5. Сознание сновидения часто склонно к преувеличению. Всем нам, наверное, приходилось видеть во сне огромного человека, великана, или очень маленького лилипута! Здесь интересно то, что для сознание сновидения такие необычайно интенсивно подчеркнутые признаки являются обычными.

6. Все вышеописанное явственно указывает на то, что в *реальности* сновидения может случиться все: могут появиться совершенно немыслимые создания, можно гореть в огне, но испытывать при этом не муки, а огромное счастье. В сновидении возможно все, а субъект считает все это не просто возможным, а естественным, реальным; способность критического осмысления во сне отсутствует.

6. Материал сновидения

Как и во всех других случаях своей работы, фантазия и в сновидении использует тот же материал, характерный для сознания действительности. Новыми и незнакомыми являются лишь комбинации, в которые обычно объединяется этот материал.

А. Можно сказать, что материал сознания полностью состоит из *представлений.* Оказалось, что в сновидении очень часто участвуют зрительные представления, на что особое внимание обратил Фрейд. Помимо этого, почти на всех языках говорят «видел сон», а не, скажем, слышал. Согласно Хакеру, 93% изученных им сновидений содержат зрительные представления, тогда как слуховые представления из 100 случаев выявлены лишь в 73-х.

Что касается представлений других модальностей, то тот же Хакер называет следующие цифры: в сновидениях тактильные представления составляют 16%, кинестетические — 18%, вкусовые и обонятельные представления — 3%, а болевые представления либо не встречаются вообще (Клаге), либо крайне редко (Бони).

Примечательно, что пространственные соотношения в сновидениях вполне согласуются с тем, что было сказано выше о пространстве в сознании сновидения: далекая гора во время сновидения видна так близко, как будто можно дотянуться до нее рукой (Хакер).

Особую роль зрительных представлений в сновидении подтверждает не только их количественное преобладание над представлениями всех других модальностей, но и их отчетливость. В этом отношении со зрительными представлениями не могут сравниться представления ни одной модальности; согласно Бони, зрительные представления сновидения являются почти столь же отчетливыми и ясными, как восприятие, хотя они всегда занимают меньшее пространство, нежели предметы восприятия.

Однако не все исследователи придерживаются одинакового мнения в связи с отчетливостью и ясностью зрительных представлений. Если Фрейд вполне разделял данное мнение, то Земи Майер выступал против. Следует отметить, что для решения данного вопроса решающее значение имеет одно обстоятельство. Дело в том, что объективно образ сновидения является образом представлений. Однако феноменологически, то есть с точки зрения сознания самого сновидения, они составляют две группы — группы восприятия и представления. Во время сновидения у нас иногда бывают и представления, и, сопоставив восприятия и представления сознания сновидения, мы убедимся, что первые действительно переживаются как восприятие, то есть являются столь же отчетливыми и ясными, как всякое обычное восприятие, вторые же и в плане ясности переживаются как представления. Разумеется, очень важно то, что обычно в сновидении *представление превращается в восприятие.* Однако это не означает, что данное представление является столь же ясным и отчетливым и до его превращения в восприятие. Внимательное наблюдение убедительно показывает, что, наоборот, предмет представления становится ясным и отчетливым лишь после его превращения в предмет восприятия.

Что касается содержания представлений сновидений, оказалось, что оно является либо фантастическим, либо мнемическим, то есть представляет собой репродукцию пережитого. Согласно Кёлеру, представления сновидения фантастического характера в одном случае касались *предметов,* в 94-х случаях — *людей,* а в 145-ти — *мест.* Все остальные представления являлись репродукцией пережитого, однако не в неизменном виде, а иногда весьма заметно видоизмененные.

Б. Вопрос о том, пользуется ли фантазия сновидения и иным материалом, вызывает среди психологов разногласие. Одни считают, что в сновидении встреча-

ется любой психический материал. Другие данное мнение не разделяют. Внимательный анализ сновидений позволяет предположить, что по крайней мере активные психические переживания — мышление и воля сознанию сновидения чужды. Человеку может сниться, что он рассуждает, размышляет или действует произвольно, однако сказать, что анализ сознания сновидения выявит в его содержании и активные процессы, никак нельзя.

Это можно сказать лишь о чувствах, то есть субъект не только видит сновидение о своих чувствах, но и актуально переживает их. Доказательством этого являются надлежащие соматические симптомы, сопровождающие обычно острые эмоциональные переживания спящего. Известно, что страх во время сновидения вызывает учащение пульса, при переживании горя к глазам подступают слезы. Но если бы у спящего были только лишь представления страха или горя, то есть если во сне он только видел, что переживает страх или горе, реально не испытывая этих переживаний, тогда учащение пульса или слезы были совершенно непонятны.

Таким образом, во время сновидения у субъекта актуально даны только представления и чувства; именно этим материалом он строит все содержание сновидения, в котором представлена новая, своеобразная действительность — воображаемая действительность сновидения. Здесь, в этой действительности, может быть представлен и размышляющий и действующий произвольно человек. Однако это не означает, что размышляет и произвольно действует сам субъект сновидения, спящий человек. Сновидение — проявление автономной активности фантазии, в которой мышление и воля человека никакого участия не принимают.

В. Но что можно сказать об ощущениях или восприятии? Участвуют ли они в сновидении? Быть может, они входят в содержание представлений сновидения? Во всяком случае, можно предположить, что во время сна человек не должен быть абсолютно оторван от объективной действительности. Эта последняя действует на него двояко: извне и изнутри. Правда, во время сна многие наши рецепторы закрыты для внешних раздражителей: веки прикрыты, тело расслаблено, неподвижно, но ведь органы обоняния и слуха открыты для приема раздражителей. Во время нашего естественного сна, в ночной темноте и тишине, и не нужно принимать специальных мер для обеспечения бездействия наших органов чувств, ведь число возможных раздражителей сведено к минимуму. Тем не менее, возможность воздействия более или менее интенсивного раздражителя полностью не исключена. Иногда темноту освещает вспышка молнии, иногда во внутренней области глаз местами появляются различные цветовые точки, раздается грохот, с улицы доносятся звуки сирены пожарной машины. Наряду с этим объективная действительность действует на организм спящего и изнутри, поскольку жизненные процессы в теле протекают непрерывно, то есть действие внутренних раздражителей не прекращается и во сне. Стало быть, следует предполагать, что вследствие действия всех этих раздражителей в организме возникают соответствующие физиологические процессы и надлежащие ощущения.

Одним словом, думается, что в случае воздействия соответствующих раздражителей у спящего человека появляются надлежащие ощущения.

Но тут-то и возникает вопрос: какую роль выполняют эти ощущения? Что происходит с ними?

Вундт считал, что материал сновидения главным образом составляют ощущения. Однако по мнению Бергсона, полагавшего, что всякое сновидение появляется вследствие воздействия какого-либо раздражителя, ощущения не входят в состав сновидения прямо, в неизменном виде. Нет, для сновидения характерно именно то, что в нем происходит полная переработка возникающих под действием раздражите-

лей ощущений. Например, лай собаки трансформируется в беспорядок на собрании и крики «Долой! Долой!» (Бергсон), упавший на шею деревянный предмет — в нож гильотины (Мори).

Одним словом, одни считают, что ощущения входят в содержание сознания в неизменном виде, однако есть приверженцы и противоположного взгляда, полагающие, что ощущения входят в состав представлений сновидения в переработанном виде, получая совершенно новое значение.

Для решения данного вопроса М. Вольдом проведены специальные опыты, результаты которых широко известны. Вольд обратился к простому методу: он воздействовал на спящих испытуемых различными раздражителями, а затем изучал содержание их сновидений. Окончательный вывод, следующий из полученных им результатов, гласит: раздражение почти всегда оказывает влияние на спящего, однако оно входит в сновидение не прямо, в неизмененном виде, а зачастую настолько перерабатывается и видоизменяется, что даже бывает невозможно его узнать; правда, встречаются и такие случаи, когда раздражение вызывает правильное восприятие, становящееся элементом сновидения; но это происходит лишь в порядке редкого исключения.

Что касается внутренних раздражителей, связанных с жизненными процессами, то они воздействуют на общее состояние, благополучие организма, определяя тем самым общий характер сновидения, его общее протекание, хотя иногда отражаются на содержании сновидения и в более явном виде. Например, боль в области сердца вызывает кошмарные сновидения различного содержания, голод — картины пиршества.

Таким образом, можно заключить, что раздражение, поступающее из внешней среды, оказывает влияние на сознание сновидения, однако почти никогда не входит в его содержание в неизмененном виде.

Попытка конкретного учета генезиса сновидений в случаях воздействия внешних раздражителей должна привести нас приблизительно к следующему: в результате интенсивного воздействия внешнего раздражителя — интенсивного потому, что во время сна пороги всех рецепторов заметно повышены, то есть чувствительность понижена, — у нас возникает специфическое, действительно своеобразное переживание, представляющее собой содержание скорее субъективного характера, нежели имеющее объективное значение. Здесь мы подразумеваем выше более подробно описанное переживание, которое было сочтено нами конкретным переживанием ощущения. Подобный продукт воздействия раздражителя сам по себе имеет однородное содержание; звук, например, представляет собой больше состояние субъекта, нежели объективную данность — он скорее размещен в ушах, а не в объективной действительности. Данное содержание само по себе объективно ничего не означает. Значение в него вкладывает наше бодрствующее сознание — ведь именно в этом и состоит процесс восприятия, а вместе со значением данное сенсорное содержание приобретает и свою определенность, свою объективность — в качестве определенного психического содержания, например так, как формируется настоящий звук.

Следовательно, во время сна в результате действия внешних раздражителей у нас появляются ощущения, которые в силу отсутствия бодрствующего сознания не могут быть даны нам в виде восприятия чего-либо. Зато их использует сознание сновидения, придающее им определенный смысл и значение в зависимости от своего настроя. Лай собаки оно превращает в выкрики на собрании, деревянную часть кровати, случайно упавшую на шею спящего, — в гильотину.

Объективная действительность вносит свой вклад в сновидение только таким путем. Как видим, этот вклад довольно незначителен и отнюдь не способствует отра-

жению объективной действительности в сознании сновидения. Это — скорее повод для выполнения сознанием сновидения своей работы — создание канвы действительности сновидения для реализации собственных установок.

Однако было бы ошибкой думать, что сновидение возникает только по этому поводу, что оно является лишь следствием актуального воздействия раздражителя; во всяком случае, доказать это невозможно; и тот факт, что сновидение возникает и во время глубокого сна, позволяет думать, что напряженность установки может достигнуть такого уровня, что она проявится и без повода, то есть внешнего раздражителя.

Однако сказанное не означает, что объективная действительность всегда выполняет лишь роль повода для сновидения; она может входить в его содержание и в качестве важного, а иногда и доминантного элемента. Как отмечалось выше, редкие случаи этого были подтверждены в опытах Вольда.

Но каким образом это возможно, если вследствие воздействия актуального раздражителя в сознании спящего всегда возникает только «ощущение», а не восприятие, дающее отражение объективной действительности? Каким образом в подобных условиях происходит так, что, например, если вблизи от спящего раздается лай собаки, то он видит во сне, что за ним гонятся собаки? Когда речь идет о подобных сновидениях, можно предположить, что интенсивный, актуальный раздражитель разбудил спящего, он услышал, скажем, лай собаки, а затем опять заснул. Понятно, что в таком случае лай собаки входит в сознание сновидения, но не в виде восприятия, а уже представления, являющегося репродукцией образа восприятия, возникшего при пробуждении.

Следовательно, можно предположить, что в случае соответствия актуального раздражителя и содержания сновидения всегда имеем дело с представлением, в основе которого лежит восприятие, вызванное воздействием раздражителя при пробуждении.

7. Теория сновидений

Как мы убедились, сознание сновидения имеет дело с определенным материалом — представлениями различной модальности, из которых оно создает своеобразную действительность — действительность сновидения. Данная действительность характеризуется множеством особенностей, которыми она резко отличается от объективной действительности. Что лежит в основе процесса создания этой действительности? Что движет фантазией, порождающей столь своеобразный мир?

Данный вопрос не является для нас новым. В общем мы коснулись его при рассмотрении основ фантазии, а более конкретно — при обсуждении вопроса грез.

Как известно, вопрос фантазии особенно внимательно изучен Фрейдом и его школой психоанализа. В частности, общеизвестна теория сновидений Фрейда, в соответствии с которой предназначение сновидений состоит в выполнении желаний, о которых сам субъект ничего не знает. Это — желание удовлетворения тех потребностей, которые у субъекта несомненно есть, но наличие которых в силу их постыдности и безнравственности он скрывает и от самого себя, и от других. Чаще всего, вернее, почти всегда это — половое влечение, иногда направленное на таких лиц (по Фрейду, такое влечение сын испытывает по отношению к матери, а дочь — к отцу), что человек не может признаться в этом даже самому себе. Это — «вытесненные» из сознания желания, которые, согласно Фрейду, продолжают существовать в *бессознательном* виде. Но они стремятся проникнуть в сознание и, стало быть, реализоваться. Однако в состоянии бодрствования сделать это трудно, потому что мы не допускаем их в сознание. Фрейд называет это «цензурой». Во время сна цен-

зура не столь бдительна, как в бодрствующем состоянии, поэтому «вытесненным» желаниям, правда — в измененном, замаскированном виде, все-таки удается проникнуть в сознание. Так появляется сновидение.

Как видим, сновидение представляет собой проявление в сознании вытесненных желаний и, таким образом, их реализацию. Однако это все-таки не есть проявление желания в его истинном обличии, это — только маска, скрывающее настоящее лицо вытесненного желания. Фрейд подробно изучал все те приемы, с помощью которых происходит завуалирование вытесненных желаний, то есть все те процессы, на основе которых возможность исполнения определенного желания так видоизменяется, «уродуется», что узнать его с первого взгляда совершенно невозможно.

Следовательно, сколь капризным, индифферентным и незначительным ни казалось содержание сновидения или какого-либо из его элементов, мы всегда должны быть уверены, что под его выявленным, то есть *манифестированным* обликом скрывается его истинное, *латентное* содержание. Следует предпринять определенные меры, и это содержание удастся выявить.

Таким образом, согласно Фрейду, сновидение имеет свой определенный смысл, свое скрытое содержание, которое нужно найти и объяснить. Следовательно, толкование сновидений представляет собой научную проблему, имеющую, по убеждению Фрейда, очень большое практическое, в частности, терапевтическое значение: правильное толкование сновидений позволяет выявить скрытые цели и желания невротика или психопата, осознание которых больным обеспечивает его излечение.

Несомненной заслугой Фрейда является его попытка поставить вопрос смысла сновидений и их толкования на научную основу. Сновидение как чистое проявление работы фантазии представляет собой лишь символы и симптомы; оно предоставляет сведения не об объективной действительности, позволяющие охарактеризовать объективный мир, а лишь о том, что касается субъекта и происходит в мире его скрытых намерений, желаний и устремлений. Данное положение Фрейда в целом правильно, однако принять его в том виде, в каком оно оформлено самим Фрейдом, затруднительно. Вытесненные желания представлены в системе Фрейда так, будто бы они являются живыми существами, превосходно понимающими, с кем они ведут борьбу, прекрасно знающими, чего хотят, и специально выбирающими средства для достижения своей цели. Подобная персонификация вытесненных желаний, в результате которой они предстают в виде существ, наделенных интеллектом и волей, придает теоретической конструкции Фрейда фантастический характер, с которым трудно согласиться.

Гораздо проще усматривать в основе работы сознания сновидения основную, доминантную установку субъекта, а также установки, все еще нуждающиеся в проявлении и реализации в переживании. Тогда ничего мистического и непонятного не будет в том, что в сновидении действительность принимает настолько своеобразный облик, что иногда происходит размежевание содержания и предмета представления, что некоторые явления переживаются в несоответствующем эмоциональном тоне, а люди и предметы бывают наделены неестественными свойствами и признаками... Все это становится понятным, если подразумевать, что в сновидении имеем дело со свободным, не ограниченным внешней действительностью, беспрепятственным проявлением установки. В данном отношении в сновидении происходит все то, что во время мечтаний, однако с той разницей, что сон предоставляет гораздо более благоприятные условия, неограниченную возможность свободного действия воображения.

Активная фантазия

1. Художественное творчество

Во время грез и сновидений наша фантазия работает без ограничений и беспрепятственно, реализуя еще не проявленные в переживании установки. Однако данная работа фантазии протекает без нашего активного вмешательства, то есть автономно. Картины наших грез и сновидений появляются и исчезают самопроизвольно, не зависят от нашей воли ни в момент возникновения, ни в момент исчезновения. Интересно, что что эти картины не сохраняются длительно и в памяти самого субъекта, для реализации установок которого они предназначены.

Отмеченное обстоятельство, разумеется, имеет свою основу, однако наиболее примечательным все-таки является то, что эти картины заведомо представляют собой чисто субъективную данность, не занимая объективно прочного места ни в одной точке пространства и времени. До тех пор, пока живое существо *полностью* включено в протекание жизни, пока объективная действительность для него еще не сформировалась в виде двух противоположных полюсов (Я и объективный мир), до тех пор все, включая, разумеется, фантазию, характеризуется автономностью, а ее картины не выходят за пределы субъективного бытия.

Однако человек — существо, наделенное волей, противопоставляющее себя объективной действительности — воздействующее и преобразующее ее в соответствии со своими замыслами, намерениями. Человек осуществляет это, в первую очередь, в процессе *труда,* создавая в качестве продуктов своего труда определенные объекты. Здесь, в процессе труда, проявляется то, что человек является существом не только действующим, но и созидающим, что он способен не только представить то, чего в действительности еще не существует, но и объективно воплотить данное представление, осуществить его в объективном, вещественном виде — так сказать, *творчески объективизировать.*

Естественно, что человек не довольствуется преходящими образами своих грез и сновидений, он также стремится к творческой объективизации продуктов своей фантазии. Данная тенденция со стороны существа, наделенного волей, вполне понятна. Человек не только создает объективные средства удовлетворения надлежащих потребностей, то есть трудится, но и направлен на созидание объективных продуктов фантазии.

Одним словом, как только фантазия становится произвольной, она вместо порождения преходящих образов грез и сновидений начинает созидать художественные произведения, превращаясь таким образом в фантазию *художественного творчества.*

2. Труд и художественное творчество

В художественном творчестве, как и при производительном труде, целью активности человека является создание объективного продукта. Однако различие между этими двумя формами поведения все-таки достаточно велико. В процессе труда природа активности предопределена этим объективным продуктом, ведь для удовлетворения потребности нужен именно этот определенный продукт, поэтому человек вынужден осуществлять именно ту активность, которая наиболее целесообразна с точки зрения создания данного продукта. Совсем иначе обстоит дело в случае художественного творчества. Здесь человек прежде всего нуждается в задействовании своих сил в определенном направлении — в данном случае определенная установка стремится к внешнему

проявлению, к реализации, а поскольку цель состоит в объективной реализации, то есть создании объективного продукта, представляющего собой максимально адекватную реализацию данной тенденции, данной установки, то постольку очевидно, что в этом случае природа активности предопределена не продуктом, а, наоборот, активность определяет продукт как свое объективное воплощение.

Одним словом, в случае производительного труда задача состоит в том, что субъект должен выработать соответствующую созданию объективного продукта установку и развернуть на ее основе целесообразную активность. В случае же художественного творчества, наоборот, задача заключается в том, чтобы найти продукт, соответствующий уже существующей, определенной, однако еще не реализованной установке, воплотив его в зримой форме. Если в первом случае предварительно задан предмет, а найти нужно установку и активность, то во втором случае, наоборот, задана установка, а поиск направлен на предмет.

Разумеется, для объективного воплощения работы фантазии, для создания художественного продукта, обеспечивающего адекватную реализацию соответствующих установок субъекта, ни в коем случае не достаточно спонтанной работы фантазии, как это происходит во время грез и сновидений. Здесь в работу фантазии должна включиться воля, придав ей надлежащее направление и необходимый систематический характер, ведь *произведения искусства случайно не создаются.*

3. Зависимое художественное творчество

Тенденция художественного творчества, как и фантазия в целом, проявляется везде, где это только возможно, включая, стало быть, и практику повседневной жизни. Все, что выходит из рук человека, в большей или меньшей степени несет на себе отпечаток этой тенденции. Именно по этой причине предметы, изготавливаемые нами для каких-то практических целей, например посуда, оружие, мебель, одежда, обладают не только свойствами, отвечающими их назначению, но и такими, которые не имеют абсолютно ничего общего с назначением предмета. В чем, скажем, может помочь тарелке то, что она изготовлена из драгоценного фарфора и искусно разрисована! Что привносит в практическую ценность мебели резьба, требующая столь усердного труда! Это — отклонение от прямого назначения, эта пустая с практической точки зрения трата энергии на украшение различных предметов практического назначения несомненно представляет собой результат включения в дело нашей творческой фантазии. Мы не можем отказаться от наших эстетических потребностей, а потому все рукотворное несет на себе отпечаток художественного творчества.

Нашей фантазией и в этом случае, конечно, движет та же сила, что и в иных случаях. При представлении какого-либо предмета практического назначения, скажем мебели, у нас появляется определенная установка в отношении этого предмета — мы уже многократно отмечали, что все, что действует на нас, влияет, в первую очередь, на личность как на целостность — а эта установка свое полное воплощение находит не только в практически значимых свойствах предмета; остается еще что-то, что с целью самореализации стимулирует фантазию. Так в процесс труда вмешиваются элементы художественного творчества, а продукт труда частично становится и носителем эстетической ценности. Подобное понимание основы художественности предметов повседневного потребления позволяет найти и тот принцип, на котором должно основываться художественное творчество. Однако это — уже предмет эстетики.

Как видим, в данном случае художественное творчество выполняет лишь зависимую роль, проявляясь не в создании собственных продуктов, а в совершенно ином

процессе — процессе труда, представляя собой дополнительный момент этого последнего, а потому воплощается в дополнительных свойствах продукта труда — в его эстетических достоинствах.

4. Материал художественной фантазии

В самостоятельном виде художественная фантазия проявляется в произведениях различных жанров искусства. Возникает вопрос: каким материалом пользуется художественная фантазия для объективизации своих образов? Общеизвестна огромная роль, выполняемая в искусстве нашими так называемыми «высшими» органами чувств — зрением и слухом; эстетическими, если можно так выразиться, органами считаются, прежде всего, именно эти два органа. Лишь с помощью этих органов возможно переживание основных отраслей искусства — *изобразительного искусства* (в широком смысле этого слова) и *музыки;* воплощение и объективизация образов художественной фантазии происходит в *звуковой* и *зрительной* формах.

Однако, помимо этого, искусство пользуется и другим материалом, в частности, движением, с одной стороны, и словом — с другой. Помимо изобразительного искусства, включая ваяние, существует и *хореографическое* искусство — танец, а также различные жанры *речевого искусства,* причем последнее выполняет особенно большую роль. Слово — универсальное средство воплощения. Поэтому в жанрах речевого искусства художественная фантазия имеет необычайно широкие возможности своего объективного воплощения.

Что касается иного материала — сенсорного материала других модальностей, например вкуса, запаха, прикосновения, температуры, то говорить об их эстетической ценности нет оснований. Правда, некоторые говорят и об эстетике запаха (Гюйо) или эстетике вкуса, однако нельзя считать *парфюмерию* и *гастрономию* отраслями искусства. Запах и вкус настолько тесно увязаны с нашими биологическими потребностями, что вне этих последних говорить об их самостоятельной ценности не приходится.

В последнее время начали говорить и об эстетической ценности вибрации. Однако очевидно, что она не имеет никакой эстетической ценности — во всяком случае для здорового, нормального человека. Быть может, для глухонемых это не так, но тогда следует говорить и об эстетическом чувстве прикосновения, поскольку слепые могут получить некоторые эстетические переживания лишь посредством тактильных ощущений.

Что касается другого психического материала, то в искусстве особенно важную роль выполняет *чувство, аффект.* Художественная фантазия достигает своей цели через объективизацию обычных эмоциональных переживаний. Учитывая связь, существующую между нашими эмоциональными переживаниями и установкой, особое значение эмоциональной жизни для фантазии должно быть признано совершенно естественным.

5. Творческий процесс

Художественное творчество — сложный, продолжительный процесс, важным элементом которого всегда является воля. Не бывало случая, чтобы какое-либо значительное произведение искусства было создано без серьезной работы, направленной волевыми усилиями.

Первая ступень творческого процесса состоит в накоплении материала, причем это начинается еще до зарождения идеи художественного произведения. Творец постоянно наблюдает за сферой действительности, касающейся области, в которой он работает: художник — мир цвета, а музыкант — мир звука; они наблюдают также за жизнью людей и их эмоциональными переживаниями. Творец собирает отдельные наблюдения, представляющиеся ему важными в том или ином плане; Бетховен записывал все, что приходило ему на ум, вначале беспорядочно — так, как это им переживалось. Сарду неустанно записывал в свой блокнот все — факты, новые слова, идеи.

Смысл этого периода накопления материала заключается в том, что у творца постепенно, незаметно для самого себя созревает идея будущего художественного произведения. Продолжительное и многостороннее переживание действительности способствует формированию своеобразной, индивидуальной, оригинальной установки, вырабатывающейся у творца по отношению к жизни и явлениям действительности и ложащейся в основу концепции художественного произведения и движения его творческой фантазии.

Следующая ступень касается зарождения *концепции, идеи* будущего произведения. Данный процесс настолько своеобразен, что всегда привлекал к себе особое внимание. Творец испытывает необычайное возбуждение, чрезвычайное богатство и красочность идей и чувств; и в этот момент как будто совершенно спонтанно — вне вмешательства его воли и интеллекта — совершенно бессознательно намечается идея будущего художественного произведения. Данное состояние именуют *инспирацией, художественным вдохновением.* Некоторые переживают это как вдохновение свыше, так, будто какая-то нечеловеческая сила внезапно, неожиданно и без подготовки овладела чувством.

«Все это происходит совершенно непроизвольно, но, в то же время, испытываешь настоящую бурю чувства свободы». «Как внезапно подступают к глазам слезы, так же внезапно появляется стих» (Гейне). «Один момент созерцания, и возникает готовая картина» (Фейербах).

«В начале испытывается схожее с инстинктом состояние. Затем внезапно какое-то время стремишься вперед, находясь как бы в полусознательном состоянии, совершенно не понимая, что тобою движет, что происходит в тебе. Никакое вмешательство в это не помогает — вдохновение не ускоришь; единственное, что остается, это — ожидание. Особенно благоприятные условия для вдохновения создаются тогда, когда повседневное сознание свободно, когда не приходится решать обычные будничные задачи, когда Я и действительность не противостоят друг другу, когда, забыв себя, погружаешься в созерцание» (Фребес).

Однако всегда необходимо учитывать, что инспирация, вдохновение — вторая ступень художественного творчества, которой предшествует предыдущая ступень сбора материала, то есть ступень упорного, энергичного наблюдения и поиска. Наполеон сразу решал все вопросы, его решения были быстрыми и твердыми. Это он объяснял тем, что предварительно все обдумывал и заранее был готов ко всем возможным случаям. Аналогичное можно сказать и о творце — зародившаяся в момент инспирации концепция является плодом работы на подготовительной ступени. Но почему она зарождается внезапно? Почему она озаряет нас как молния? Почему возникает переживание, что это — нечто, возникшее из подсознания, самопроизвольно, независимо от нас?

Все это будет нетрудно понять, вспомнив, что в основе художественного творчества лежит установка. Она подготавливается на предварительной стадии и, опреде-

лившись, внезапно проявляется в сознании. Внезапно потому, что установка не является феноменом сознания. Следовательно, она не может иметь в сознании какие-либо предварительные ступени. Понятно и то, что она испытывается как вдохновение свыше, как нечто пришедшее извне.

Однако коль скоро так называемое «вдохновение» представляет собой проявление зрелой установки в сознании, тогда соответствующей должна быть и содержательная сторона переживания. И действительно, из описаний переживания инспирации видно, что идея, концепция художественного произведения, зарождающаяся в момент инспирации, появляется не в виде идеи или образа завершенного произведения — так, чтобы последующая работа состояла лишь в копировании этого образа. Нельзя представлять себе все это так, как будто картина, над которой работает художник, в готовом виде стоит у него перед глазами, и он ее лишь срисовывает. Нет, момент инспирации вызывает у творца непреодолимую тенденцию к работе в определенном направлении: «Сейчас я непременно должен начать рисовать... Вот так». Заранее он вовсе не знает, как будет выглядеть то, что он должен нарисовать. Этого он не знает, но рисуя, чувствует, что это и есть именно то, что должно быть, а вот это — нет. Картина существует как бы внутренне, однако не в виде картины как таковой, а невидимо, неявно, но так, что именно она направляет процесс выполнения творческой работы.

Как видим, в момент инспирации действительно происходит лишь акт созревания установки; и, когда художник, стимулируемый ею, начинает работу по ее выявлению, он занимается творческой, а не просто репродуктивной работой. Придавая определенное лицо своей работе, он созерцает ее, а увидев, что его установка в ней адекватно не реализуется, что она не соответствует этой установке, художник начинает изменять и исправлять свое произведение. И так творческая работа продолжается до тех пор, пока не будет найдена та форма, которая творцом будет переживаться как адекватное воплощение установки. Лишь после этого творец успокаивается, лишь после этого чувствует, что обогатил объективную реальность воистину новой действительностью.

За инспирацией, дающей концепцию художественного произведения, следует ступень *осуществления* данной концепции. Как мы только что отметили, данная ступень представляет собой борьбу за воплощение идеи художника, борьбу за создание именно такого продукта, который позволяет действительно адекватно объективизировать концепцию, зародившуюся в момент инспирации.

Данная ступень протекает по-разному: некоторым художникам нужно, чтобы после инспирации прошло достаточно продолжительное время — они берутся за работу лишь после этого, но затем завершают ее относительно быстро. Но существует и другой тип творцов, которым для прохождения последней ступени требуется очень много сил и большое напряжение энергии. К первому типу, как известно, относился Гете, ко второму же — Шиллер.

Однако несомненно, что в обоих случаях ведется очень интенсивная работа. Этим объясняется то обстоятельство, что в некоторых случаях, особенно после завершения значительного художественного произведения, здоровье творца, если оно и так было слабым, в корне ухудшается, настолько, что иногда он утрачивает способность дальнейшей работы; иногда за такой работой следует даже преждевременная смерть. Все это указывает на то, насколько напряженной работы требует истинный творческий процесс.

Особенно важный момент в процессе художественного творчества представляет собой *техника.* Известно, какого труда требует овладение техникой в музыке, и

сколь важное значение она имеет в создании и исполнении любого значительного музыкального произведения. Однако техника нужна и в других областях искусства, в частности в поэзии, в связи с которой бытует совершенно ложное представление о том, что она менее всего зависит от техники.

Таким образом, процесс художественного творчества, тем более на третьей его ступени, требует интенсивной, предварительно обдуманной, систематической работы, в которой особо важную роль выполняют волевые и интеллектуальные акты.

6. «Художественная одаренность»

Каким образом творец достигает своей цели? В чем состоит суть художественного дара? Часто говорят, что творец — необычайно чувствительное существо, который видит и размышляет больше, чем обычный человек. Это — человек ранимый, с глубокими эмоциональными переживаниями, всем своим существом переживающий то, что разве лишь поверхностно затрагивает эмоциональную сферу обычного человека. Творец — человек с глубоким и далеко смотрящим интеллектом, который даже как будто в совершенно незначительных явлениях четко усматривает невидимые для обычного человека нити, соединяющие его с мировой целостностью.

Однако наблюдение над различными психическими функциями творцов показывает, что они не есть нечто специфическое. Совсем не обязательно, чтобы порог чувствительности художника, пусть даже в мире цвета, был ниже, чем у обычного человека, или музыкант имел более тонкий слух, нежели обычный нормальный человек: Бетховен оставался гениальным композитором и после потери слуха. Аналогичное можно сказать и об остальных функциях: ни чувства, ни интеллект, ни воля не содержат ничего такого, что может быть сочтено специфическим для художественного творчества.

Данное обстоятельство заставляет предположить, что в основе художественной одаренности лежит не какой-либо отдельный психический момент, а некая целостно-личностная особенность. Согласно нашей основной концепции, действительность прежде всего воздействует на личность как на целостность, вызывая у нее определенную личностную реакцию, определенную установку, ложащуюся в основу последующего поведения личности. Думается, что у творца своеобразной является именно данная целостно-личностная реакция, отличная от реакции, возникающей в этих же условиях у обычного человека. В чем же именно состоит данная особенность, это еще предстоит выяснить посредством будущих психолого-эстетических исследований, которые должны развернуться в направлении изучения не отдельных функций, а целостно-личностных особенностей.

Фантазия в онтогенезе

1. Мир ребенка

Говоря о фантазии, мы подразумеваем, что хорошо отличаем друг от друга настоящее и ненастоящее, то, что есть в действительности, от того, что существует только в нашем воображении. До тех пор, пока у нас не появляется способность раз-

дичать это, чувствовать разницу между существующим и несуществующим, нельзя сказать, что у нас имеются представления фантазии. Фантазия, по крайней мере феноменологически, подразумевает дифференциацию переживаний — действительность восприятия, данная в памяти действительность и действительность, подразумеваемая в фантазии, — все это должно переживаться как различное; говорить о наличии представлений фантазии можно лишь после этого.

Ребенок до определенной возрастной ступени не способен к такой дифференциации различия действительности — его переживания подразумевают одну и ту же реальность в случаях восприятия, памяти или фантазии. Это означает, что ребенку зачастую все равно, представляет он нечто или воспринимает — и представленное, и воспринятое переживается им, как действительно данное. Подтверждением этого является тот факт, что ребенок переживает свои представления эйдетически.

Наряду с этим часто случается, что ребенок переживает как данность желаемое, то есть то, чего в действительности у него нет, но что он желал бы иметь.

Двухлетнему ребенку дали кусок хлеба, однако без масла. Он взял нож, поводил им по хлебу, как бы намазывая маслом, а затем с довольным лицом заявив, что сейчас у него хлеб с маслом, с удовольствием начал есть (Скупин).

Известно, как обращается ребенок со своими игрушками: кукла для него человек, во всяком случае, он обращается с ней как с живым существом — действительность игры и реальная действительность для него одно и то же.

Или хотя бы сновидения. Всем известно, как часто дети просыпаются с плачем! Ребенок во сне потерял мяч и после пробуждения уверен, что это действительно случилось. В дальнейшем положение несколько меняется, дети начинают различать действительность сновидения от реальности, хотя и то и другое все еще остается для них одинаковым. По словам одного ребенка, «если не спишь, сновидение остается в голове; а когда заснешь, оно выходит наружу» (Вернер).

Особенно иллюстративным является следующее наблюдение: ребенка, описанного Мис-Шином, в двухлетнем возрасте попросили сказать, что такое молния. В ответ он закрыл глаза, нажал на них крепко рукой и заявил: «Вот она какая». Этот пример со всей очевидностью свидетельствует, что для ребенка представление столь же реально, как и восприятие. Он уверен, что то, что существует для него, существует и для других. Субъективная и объективная реальность для него одно и то же.

Ребенок аналогично относится и к действительности, данной в искусстве, которая также не отделена от реальной действительности: трехлетний ребенок какое-то время смотрел на большую фотографию отца, а затем заявил: «Попроси папу выйти из фотографии» (Скупин).

Таким образом, в раннем детском возрасте (до 6—7 лет) различное осознание модальностей действительности отсутствует. Для ребенка существует лишь одна действительность. Однако было бы ошибкой думать, что эта единственная действительность представляет собой реальную действительность, что все фактически являющееся нереальным он считает реальным, что все его представления имеют перцептивный характер. Нет, и ни одна из этих действительностей не есть для него то, чем для нас является реальная действительность. Будет правильнее сказать, что действительность ребенка — это «диффузная действительность» (Вернер), в которой одновременно даны элементы всех модальностей.

Игра

1. Мир игры

В наиболее типичном виде данная диффузная действительность представлена в переживании игры. Именно поэтому совершенно справедливо пора раннего детства считается «периодом игры»; ребенок этого возраста живет в мире игры, и типичная форма настоящей игры — так называемая *«иллюзорная игра»*[1] — составляет основное содержание жизни в этом возрасте.

Первая основная особенность, характерная для игры в этом возрасте, заключается в том, что все существующее лишено для ребенка своих объективных признаков; стало быть, отсутствует и принудительный характер: все можно превратить во что угодно, это зависит от твоей воли, потому что вольно или невольно приходится признавать объективное и обращаться с ним надлежащим образом, тогда как предмет игры ничего объективного не имеет. Следовательно, реальность игры является действительностью, лишенной собственных независимых закономерностей, с которыми следует считаться, она полностью зависит от нас. Вот валяется палка, которую сознание игры превращает в лошадь. Вот деревянный брусок — сознание игры превращает его в ребенка, с которым маленькая девочка обращается с такой же нежной любовью и о котором так же самоотверженно заботится, как ее мать по отношению к ней самой.

Таким образом, сознание игры всегда видоизменяет действительность, всегда преобразует ее в нечто иное.

Однако разве можно сказать, что ребенок в самом деле считает палку лошадью? Неужели, если показать ему настоящую лошадь, он не заметит никакой разницы между нею и палкой? Разумеется, это не так. Именно это и является особенно характерным для сознания игры: палка есть палка, но в то же время она является и лошадью. Ребенок прекрасно видит, что его кукла — неодушевленный предмет, но, тем не менее, он усматривает в ней одушевленное существо, обращается с ней как с существом одушевленным. «Ребенок прекрасно знает, что не сама кукла представляет предмет его восхищения; несмотря на это, он заботится именно о ней, наряжает, ласкает ее, дарит подарки» (Жорж Санд). Ребенок считает свою куклу живым существом, ласкает и утешает ее, просит не плакать, но если вдруг кукла и вправду начнет плакать, ребенок может сойти с ума от страха (Вундт).

Таким образом, непременной особенностью мира игры является то, что она одновременно является и фантастической, и реальной действительностью, то есть представляет собой диффузную действительность.

2. Игра как продукт свободной фантазии

В чем фактически, объективно состоит содержание игры? Скажем, ребенок играет в лошадки или с куклой. Это — типичная форма настоящей игры, и то, что можно сказать об этих играх, распространяется и на все остальные случаи игры.

Допустим, ребенок никогда не видел лошадь, ничего не слышал о ней и ничего не знает об игре в лошадки. Неужели он и в этом случае будет играть в лошадки? Разумеется, нет. В наше время дети увлеченно играют роль водителя. Но почему об этой игре ничего не знали в детстве наши отцы и деды? Совершенно очевидно, что

[1] Подразумевается так называемая «творческая игра». - *Примечание редактора*

ребенок в своих играх осуществляет репродукцию того, что он видел или что он знает, — ничего сущностно нового в иллюзорной игре не встречается. Следовательно, объективно содержание игры ребенка представляет собой лишь репродукцию увиденного или услышанного, то есть имеет скорее мнемическое, нежели фантастическое происхождение.

Однако фактически увиденное или услышанное в игре настолько видоизменено, своеобразно преобразовано, что участие в этом фантазии никаких сомнений не вызывает, ведь палка ничем не похожа на лошадь, так же, как и деревянный брусок — на ребенка. Тем не менее, во время игры первое выполняет роль лошади, а второе — ребенка. То, сколь велико в этом случае участие фантазии, со всей очевидностью явствует из следующего воспоминания Жорж Санд. Автор рассказывает, что однажды вечером дети были так увлечены игрой, что ничего реального вокруг себя не замечали: «Нас звали к столу, но мы ничего не слышали. Тогда ко мне подошла мать, взяла меня на руки и усадила за стол. Я никогда не забуду того изумления, которое почувствовала, увидев освещенную комнату, стол и настоящие предметы. Я вернулась из мира настоящей галлюцинации, и мне было нелегко так быстро освободиться от нее».

Таким образом, *содержание* игры представляет собой переработанную, преобразованную репродукцию услышанного или увиденного ребенком, а не самостоятельный продукт свободной фантазии.

Исходя из сказанного, можно заключить, что в процессе игры фантазия ребенка, с одной стороны, непременно связана с переживанием действительности, с настоящим и прошлым. Следовательно, она не является столь зрелой, чтобы функционировать самостоятельно, свободно. С другой стороны, она совершенно не учитывает эту действительность потому, во-первых, что совершенно свободно, произвольно преобразовывает ее, а, во-вторых, не чувствует объективности этой действительности, то есть ее преимущества по сравнению с реальностью содержания игры.

Одним словом, фантазию игры можно охарактеризовать следующим образом: она еще не готова к независимому функционированию, поскольку проявляется лишь в преобразовании реальных предметов или явлений. С другой стороны, она представляет собой подражание увиденному или услышанному, следовательно, дает скорее репродуктивные представления, нежели действительно новые, созданные, фантастические — это больше процесс репродукции, а не созидания нового. И, наконец, ее содержание переживается не как представление фантазии, а как нечто реальное, настоящее.

Стало быть, фантазия игры является своеобразной фантазией — это низшая ступень развития фантазии. Она представляет собой фантазию генетически, иначе же, не рассматривая ее в плане развития, ее нельзя было бы счесть фантазией.

3. Теории игры

Игра представляет собой своеобразную, независимую форму поведения, лежащую в основе значительного периода жизни человека — раннего детства. Можно сказать, что игра является той единственной действительностью, в которой живет ребенок, и той единственной формой его основной практики, на почве которой происходит его развитие. Поэтому неудивительно, что проблема игры давно привлекает к себе особое внимание исследователей. В чем состоит сущность данной формы поведения? Почему юный человек растрачивает столько энергии на игру, хотя она никак не связана с задачами удовлетворения серьезных потребностей?

Согласно Штерну, все существующие теории игры можно подразделить на три группы в зависимости от того, с чем они связывают игру — с настоящими устремлениями и интересами субъекта, с его устремлениями и интересами, исходящими из прошлого или направленными на будущее.

А. *Теории настоящего*

1. Первая подобная теория принадлежит Спенсеру. По его мнению, у ребенка энергии гораздо больше, чем того требуют его жизненные задачи, ведь ему мало что приходится делать, о нем заботятся взрослые. Следовательно, у него энергии больше, чем требуется, и, естественно, что этот избыток энергии нуждается в разгрузке. По убеждению Спенсера, такая разгрузка происходит именно в процессе игры — сущность игры состоит в разгрузке избытка энергии.

Следовательно, ребенку все равно, в каком направлении проявится его избыточная энергия, то есть будет он прыгать, танцевать или обратится к какой-либо иной форме игры.

Однако вследствие того, что игра всегда имеет какое-то содержание, Спенсер вынужден для объяснения этого обратиться к иному соображению, которое, нужно сказать, никак не связано с принципом избытка энергии. Спенсер отмечает, что ребенку свойственно *подражание,* он строит свою игру на *подражании;* ребенок видит различные формы деятельности, активности взрослых, подражая им в своих играх. Этим объясняется то, что дети играют в лошадки, «строят» дома и замки, «делают» железнодорожные составы и аэропланы.

Теория Спенсера, во-первых, имеет в виду только ребенка. Получается, что в зрелом возрасте люди не должны играть, с чем, конечно, невозможно согласиться. Во-вторых, его теория не объясняет определенности содержания игры — разве не все равно, как произойдет разгрузка избытка энергии. Поэтому Спенсер вносит принцип подражания. Стало быть, понятия избытка энергии для объяснения сущности игры недостаточно. И, наконец, теория неправильна и фактически. Замечено, что иногда ребенок играет, даже несмотря на усталость. Говорить в таком случае об избытке энергии совершенно необоснованно.

2. Теория отдыха. Существует и теория совершенно противоположного содержания, согласно которой дело не в избытке энергии, а, наоборот, в том, что субъект, устав от серьезной активности, не в силах больше продолжать работать и нуждается в отдыхе. Однако отдых приносит не только бездействие, но и действие, которое не влечет за собой ответственности. А для такой несерьезной, не влекущей за собой ответственности, активности у человека сил еще хватает. Смысл игры состоит именно в этом — она содержит активность именно такой природы, то есть предоставляет человеку возможность отдохнуть. Одним словом, борьба за осуществление жизненных задач утомляет человека, и для того, чтобы отдохнуть, он обращается к игре.

Однако какие такие серьезные задачи приходится собственными силами решать ребенку в раннем детском возрасте, чтобы он столь часто обращался к игре, как возможности отдыха? Никакие. Наоборот, игра как таковая является самой главной формой поведения ребенка этого возраста, и если он от чего-либо устает, то, прежде всего, от самой игры. Теория отдыха может еще как-то объяснить игру взрослых, но для объяснения игры ребенка она совершенно непригодна.

3. *Теория Адлера.* Ребенок слаб, его силы еще недостаточно развиты для того, чтобы он мог осуществить свои устремления. Он на каждом шагу чувствует эту свою слабость: ему все запрещают, он зависит от других, и вот для компенсации своей слабости он создает новую фантастическую действительность, в которой он может быть и отцом, и матерью, шофером, пилотом, великаном, гением. Если уж не в ре-

альности, то хотя бы здесь у него есть возможность быть тем, кем он хочет быть, и делать то, что желает. Смысл игры, стало быть, состоит в *компенсации слабости* и удовлетворении *стремления к власти*. Такова теория игры так называемой «индивидуальной психологии» Адлера.

Однако представляется несомненным преувеличением усматривать смысл всех случаев игры в тенденции к подобной компенсации, поскольку если в игре один ребенок выполняет роль полководца, то довольствуются же остальные ролью простых солдат. Если в игре один обладает силой великана, то необходимо, чтобы в этой игре участвовали и другие, которых этот великан побеждает. Неужели и потерпевшие поражение удовлетворяют свое стремление к превосходству!

4. *Теория Фрейда*. Игра, подобно другим формам действия фантазии, например грезам и сновидениям, представляет собой проявление вытесненных стремлений, тенденций. По мнению Фрейда, здесь так же, как и в других случаях, имеем дело с проявлением сексуальных тенденций.

Содержание игры непременно следует искать в каком-либо сексуальном влечении. Например, в том, что при игре в лошадки ребенок пользуется кнутом, следует усматривать проявление его садистических тенденций, тогда как второй ребенок, играющий роль лошади и получающий удары этим кнутом, наверное, удовлетворяет свои мазохистические тенденции.

Б. *Теории прошлого*.

Согласно теории американского психолога Стенли Холла, истоки тенденций, проявляющихся в процессе игры, следует искать в прошлом человечества. Человечество прошло через целый ряд ступеней развития. Если, согласно «биогенетическому закону» Гекеля, организм в период эмбриональной жизни повторяет все ступени развития своего рода, почему нельзя предположить, что приблизительно то же самое происходит и в период постэмбриональной жизни; однако поскольку в данном случае речь будет идти уже не о соматическом, а о психическом развитии, подразумевается, что повторение касается тех ступеней, которые прошло человечество в процессе своего культурного развития. Следовательно, в детстве, на различных возрастных ступенях, хронологически последовательно появляются тенденции, уже пройденные и окончательно опровергнутые человечеством. Форма проявления этих тенденций и есть игра.

Таким образом, согласно Стенли Холлу, сущность игры состоит в том, что она позволяет индивиду осуществить рекапитуляцию культурно-исторического прошлого своего рода.

Следовательно, игра представляет собой скорее бессознательное воспоминание прошлого — не собственного, а рода, — а не продукт фантазии, это — скорее мнемический процесс, а не проявление фантазии. Но последнее утверждение расходится с общепринятым мнением о том, что природа игры имеет фантазиеподобный характер. Кроме этого, такая точка зрения как очевидно антиисторическая явно противоречит имеющимся бесспорным наблюдениям над развитием ребенка: период детства ни в коем случае не есть нечто наследуемое, раз и навсегда установленное. Если бы это было так, тогда ребенка определенной исторической эпохи следовало объявить вечной категорией, а вместе с ним, разумеется, и породившее его общество. Поэтому совершенно очевидно, что теория Стенли Холла ни в коем случае не может быть сочтена удовлетворительной.

В. *Теории будущего*.

Карл Гроос усматривает смысл игры в интересах будущего. Он уделяет особое внимание тому обстоятельству, что в процессе игры ребенком задействуются именно

те силы, к которым человек обычно обращается во время серьезной деятельности. То, что маленькая девочка ласкает и ухаживает за своей куклой, следует считать активностью тенденций, составляющих психологическое содержание ухода за ребенком. Когда маленький мальчик «управляет» машиной, он задействует тенденции, имеющие место в процессе деятельности водителя автомашины. И коль скоро в игре задействованы силы и тенденции, участвующие в решении серьезных жизненных задач человека, то очевидно, что, играя, ребенок готовится к будущему, упражняя и тренируя те силы, которые понадобятся ему в будущем для решения серьезных задач. Следовательно, игра — это *«подготовительная школа»* будущей жизни: таков основной смысл теории игры Карла Грооса.

Разумеется, данная теория несомненно заслуживает внимания. Однако ей присущ один основной недостаток, в силу которого она становится совершенно неприемлемой. Согласно данной теории, особенности поведения ребенка вытекают из цели, которой якобы служит игра. Таким образом, ясно, что эта теория является телеологической. Но каким образом игра осуществляет подобную цель? Можно подумать, что существует некая сила провидения, столь разумно устроившая мир и придавшая целесообразность всему, включая игру. Человеку нужны силы для решения жизненных задач, а потому для их развития провидение предусмотрело игру. Играя, ребенок думает, что развлекается, на самом же деле он решает некие задачи, о которых сам не имеет никакого представления.

Таковы в целом выводы, следующие из теории Грооса, разделить которые и, следовательно, принять его теорию невозможно.

Г. *Теория Штерна.*

И, наконец, нужно коснуться и теории Штерна, именуемой им персоналистической и представляющей собой попытку дополнения и объединения здравых элементов всех остальных односторонних теорий.

По мнению Штерна, правомерная теория игры не должна опираться на тенденции либо только настоящего, либо только прошлого, либо же только будущего. Игра — процесс, включающий все эти тенденции. Однако, что самое главное, не следует непременно искать лишь биологический смысл игры — какой цели она служит, для чего предназначена, но необходимо учитывать и другие ее моменты. Помимо биологического, игра имеет также значение «внешнего проявления». Одна из особенностей человека заключается в том, что его деятельность, активность проявляется и тогда, когда этого никакие серьезные задачи не требуют, то есть человек может и играть. Как говорил Шиллер, «человек является полноценным там, где он может играть», и Штерн это мнение полностью разделяет. В игре человек отражается полностью со всеми имеющимися у него тенденциями — не только настоящими, но и прошлыми.

Дело в том, что психика человека состоит из различных слоев, включая, в частности, и слой прошлого. Там, где серьезные жизненные задачи это позволяют, эти дремлющие тенденции и устремления прошлого мгновенно пробуждаются, активизируясь в содержании игры. Однако существует и слой будущего. «В каждый момент настоящего будущее дано не только в том отношении, что оно осознанно предвосхищается», но и тем, что оно в зачаточной форме представлено и в виде функций, еще недостаточно созревших для серьезного выполнения своего предназначения. Тем не менее, они стремятся к проявлению, реализуясь в игре.

Поэтому игра действительно является предварительным упражнением наших сил, как это доказал Гроос, однако, наряду с этим, по мнению Штерна, игра представляет собой предварительную пробу (Vortastung) различных возможностей дейст-

вия с тем, чтобы в конце концов были найдены наиболее подходящие формы. Игра, в то же время, есть *прогностическое* внешнее проявление субъекта, поскольку в процессе игры субъект задействует зачаточные формы своей будущей жизни, так что ребенок во время игры познается лучше, чем в процессе серьезной активности.

Теория Штерна заслуживает внимания особенно в том отношении, что в ней предпринята попытка преодоления свойственных всем остальным теориям односторонних точек зрения, исходя из идеи многостороннего значения игры. Несмотря на это, разделить эту теорию все-таки не представляется возможным. Дело в том, что неправильной представляется основная идея. Как мы убедились, суть теории Штерна заключается в том, что им игра мыслится проявлением неразвитых, зачаточных функций и тенденций. Во-первых, будь это так, автору не следовало бы говорить об игре взрослых, а счесть игру лишь явлением детского возраста. Во-вторых, известны факты игры, о которых никак нельзя сказать, что они представляют собой проявление сил, пребывающих в зачаточном состоянии. Например, ребенок играет в «дочки-матери», в одном случае выполняя роль матери, а в другом — ребенка. Что касается первого случая, то здесь действительно можно говорить о тех функциях и тенденциях ребенка, которые находятся еще в зачаточном состоянии. Однако как быть со вторым случаем, когда ребенок играет не роль матери, а ребенка — быть может, даже грудного! Очевидно, что в данном случае говорить о зачаточных функциях совершенно неправомерно. В этом случае ребенок проявляет не свое будущее, а скорее прошлое. Штерн мог бы возразить, что игра служит проявлению и удовлетворению также тенденций прошлого, но это уже следует считать недостатком его теории и показателем ее *эклектичной* природы.

Д. *Теория фукциональной тенденции.*

Все явления имеют единую сущность, а все основные особенности, его характеризующие, представляют собой следствие этой единой сущности. Правильной теории явления долженствует найти эту сущность, и тогда для объяснения его различных сторон не понадобится прибегать к различным принципам. Исключение не составляет и игра, также имеющая свою сущность. Эта сущность состоит в следующем: ребенок, как человеческое дитя, имеет определенные тенденции и функции, которые он либо вовсе не может использовать, либо не может задействовать всесторонне и всецело. Функции, тенденции — это «силы», а для силы характерно именно то, что она по своей сути является подвижной, действенной; сила — динамическое понятие. Следовательно, очевидно, что все эти силы ребенка не могут оставаться в бездейственном состоянии: *функциональная тенденция,* проистекающая из факта невозможности существования сил в бездействии, объясняет активность ребенка и в тех случаях, когда делать ему ничего не нужно, когда эта активность предназначена не для получения некоего продукта, а важна только в качестве самого процесса. *Понятие функциональной тенденции объясняет факт игры.*

Следовательно, в основе игры, будь то игра ребенка или взрослого, лежит функциональная тенденция.

С учетом этого становится понятным и то, как играет ребенок, и содержательная сторона игры. В самом деле, коль скоро игра — проявление функциональной тенденции, то ясно, что ее содержание должно соответствовать функциям, являющимся в данный момент активными. Данные функции, конечно, представляют собой функции человека, филогенетически сформировавшиеся в процессе *определенной деятельности.* Следовательно, в какой же форме может проявиться их активность, как не в виде этой определенной деятельности!

Таким образом, игра ребенка по своему содержанию представляет собой подражание деятельности взрослого человека.

Исходя из этой позиции, становится понятен и замеченный Гроосом факт: коль скоро игра по своему содержанию представляет собой различные формы деятельности человека, тогда очевидно, что посредством игры действительно происходит упражнение ребенка в этой деятельности и, стало быть, подготовка к будущей жизни.

Таким образом, можно сказать, что теория функциональной тенденции, которой мы придерживаемся, дает правильную характеристику сущности игры. Во всяком случае, несомненно, что все частные особенности игры, каждая из которых использовалась в качестве основы отдельной теории, в соответствии с теорией функциональной тенденции вытекают из одной и той же сущности.

Последующее развитие фантазии

Примечательно, что с «возрастом игры» совпадает так называемый «возраст сказки», то есть возраст, характеризующийся сильным интересом к сказкам (от 4 до 8 лет). Это так и должно быть. Анализ содержания сказок доказывает, что оно содержит те же особенности фантазии, что и фантазия игры. Здесь действует та же пассивная, некритичная, столь же субъективная и все одушевляющая анимистическая фантазия, что проявляется обычно во время игры.

Однако сказка уже содержит заметно развитые элементы независимой, свободной работы фантазии; и отсюда остается всего лишь один шаг до независимой свободной работы фантазии подростка.

Известно, что подростки, особенно в период полового созревания, увлеченно отдаются мечтам. Никогда человек не строит так много воздушных замков, как на этой возрастной ступени. Однако здесь достижением развития фантазии является другое обстоятельство. Дело в том, что у подростка появляется переживание действительности новой модальности — *действительности фантазии*. Теперь он с реальностью и миром фантазии уже не обращается одинаково. С этой поры можно говорить об истинной фантазии, так как представления фантазии в переживании уже дифференцированы.

В юношеском периоде у подростков появляется способность понимания искусства. Зачастую они и сами пробуют свои силы в этом направлении; примечательно, что ни на одной возрастной ступени не пишется столько стихов, как в пору юношества, когда почти все считают себя поэтами. Данное обстоятельство показывает, что в развитии фантазии начинается новый период — весьма значительный, можно сказать, критический. Если до сих пор работа фантазии ребенка протекала главным образом спонтанно — не только в период игры, но и в последующем, в пору мечтаний, — то сейчас к делу уже подключается воля, и мы становимся свидетелями возникновения активной фантазии. Можно сказать, что лишь после этого фантазия начинает работать на истинно человеческие цели, лишь после этого она начинает выполнять ту огромную роль, которая возложена на нее в истории культурного развития человека.

Согласно Рибо, в развитие фантазии можно выделить три периода: первый период начинается с трех лет, продолжаясь в течение всего раннего детства. Характерным для этого периода является то, что фантазия тут совершенно свободна от

рациональных элементов. Но вслед за развитием интеллекта и в зависимости от достигаемого им уровня фантазия все больше и больше противопоставляется влиянию интеллекта, и начинается второй период — *критический период,* пора борьбы между объективностью интеллекта и субъективностью фантазии.

Третий период — это период победы интеллекта, когда фантазия насыщается его элементами и становится на путь рационального творчества. Следствием этого является то, что у некоторых фантазия резко снижается, они прощаются с идеалами молодости, своими прежними мечтами и погружаются в прозу жизни. Но для тех, кто обладает действительно богатой фантазией, привнесение рациональных элементов в фантазию создает лишь благоприятные условия — фантазия обогащается, проявляя истинно творческие способности.

Представленная схема нуждается в некоторых поправках. Следует подчеркнуть, что Рибо правильно указывает на основной, решающий момент в процессе развития фантазии. По его мнению, этот момент состоит в пронизывании фантазии рациональными элементами. И вправду, как известно, на пути развития фантазии особое значение имеет тот этап, когда пассивная, непроизвольная работа воображения превращается в активный, произвольный, творческий процесс. Однако этому предшествуют еще две ступени. Одна — ступень фантазии игры, которая феноменологически все еще не может быть сочтена ступенью подлинной фантазии и объективно представляет собой процесс диффузного характера. Вторая ступень, формирующаяся между 6—8 годами и проявляющаяся в форме свободной работы фантазии, уступает место указанному Рибо переходному периоду, сменяясь, в конце концов, ступенью продуктивной, активной фантазии.

Разумеется, как и в общем везде, здесь также следует учитывать, что достижение новых ступеней развития отнюдь не означает полное уничтожение старых, которые, правда в снятом виде, все-таки продолжают свое существование.

Библиография

I. Психология как наука

Herbart J. Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. 2 Bd. 1824-1825

Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. Bd. III.

Wundt W. Grundzüge der physiologische Psychologie. 3 Bd. (1-е изд. 1874).

Он же. Grundriß der Psychologie, 15-е изд. 1992.

Он же. Probleme der Völkerpsychologie. 1921.

Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte. 1874. (2-е изд. 1924).

Messer A. Psychologie. 4-е изд. 1928.

Köhler W. Gestalt Psychologie. 1929-1930.

Он же. Psychologische Probleme. 1933.

Koffka K. Principles of Gestalt Psychology. 1935.

Watson J.B. Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. 3-е изд. 1929.

Tolman E. Purposive Behavior in Animals and Men. 1932.

Mc Dougall W. Outline of Psychology. 1923.

Stern W. Allgemeine Psychologie. 1935.

Рубинштейн С. Основы психологии. М., 1935.

Узнадзе Д. Основы экспериментальной психологии. Т. 1. Принципиальные основы и психология ощущений. Тифлис: издание Тифлисского ун-та, 1925. (на груз. яз.)

Fröbes I. Lehrbuch der experimentelle Psychologie. 2 Bd. 1929.

Dumas G. Nouveau Traité de Psychologie. T. I, II, III, IV, V, VI.

Klemm O. Geschichte der Psychologie. 1911.

Boring E. A. A History of Experimental Psychology. 1929.

Библиография не является полной. Она содержит только те публикации, которые имеют основное значение для рассмотренных в книге вопросов.

II. Биологические основы личности

Becher E. Gehirn und Seele. 1911.

Stern W. Personalistik als Wissenschaft. 1930.

Он же. Die menschliche Persönlichkeit. 1923.

Kretschemer E. Körperbau und Charakter, 10-е изд. 1931.

Богомолец А. Кризис эндокринологии. 1927.

Орбели Л. Лекции по физиологии нервной системы. 1935.

Бериташвили И. Общая физиология. 1940.

Flourens. Rechèrches experimentales sur les propiétés et les fonctions du système nerveux dans les animaux vertébrés. 1842.

Gall F. I. Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune des ses parties. 1825.

Soury I. Systéme nerveux central. T. II. 1899.

Лешли К. Мозг и интеллект. 1933.

III. Установка

Узнадзе Д. Основы экспериментальной психологии. Т. 1. Принципиальные основы и психология ощущений. Тифлис: издание Тифлисского ун-та, 1925. (на груз. яз.)

Он же. Основной закон смены установки // Психология. 1930. Т. III, вып. 3.

Он же. Gewichtstauschung und ihre Analoga // Psychologische Forschung. 1931.

Он же. К психологии установки // Материалы к психологии установки. 1 Труды психологического общества Грузии. Тбилиси, 1938. (на груз. яз.) (см. также: Untersuchungen zur Psychologie der Einstellung // Acta Psychologica. 1939).

Он же. К теории постгипнотического внушения // Труды научно-исследовательского института функционально-нервных заболеваний. 1. 1936. (на груз. яз.)

Хмаладзе Г. Иллюзия объема // Труды психологического общества Грузии. 1938. Т. I. (на груз. яз.)

Хачапуридзе Б. Иллюзорный характер действия установки // Труды психологического общества Грузии. 1938. Т. I. (на груз. яз.)

Он же. К продолжительности искусственно созданной установки // Труды психологического общества Грузии. 1938. Т. I. (на груз. яз.)

Мдивани К. Иллюзия установки в случае истерии // Труды научно-исследовательского института функционально-нервных заболеваний. 1936. Т. 1. (на груз. яз.)

Бжалава И. Иллюзия установки в случае эпилепсии // Труды научно-исследовательского института функционально-нервных заболеваний. 1936. Т. 1. (на груз. яз.)

Узнадзе Д. (Ред.) Материалы к психологии установки // Труды Тбилисского государственного университета. 1940. Т. 17. (на груз. яз.)

IV. Эмоциональные процессы

Wundt W. Zur Lehre von Gemütsbewegungen // Philosophishe Studien. 1890.

Он же. Grundriß der Psychologie. 1922.

Lehmann A. Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens. 1914.

Darwin Ch. The Expression of Emotions in Man and Animals. 1872.

McDougall W. Emotion and Feeling distinguished // Feeling and Emotion.

James W. What is an Emotion. 1884.

Lange C. Über Gemütsbewegungen. 1887.

Cannon W. Bodily Changes in Pain, Hunger and Rage. 1929.

Он же. The James-Lange Theory of Emotions // American Journal of Psychology. 1927.

Krueger F. Das Wesen der Gefühle. 1929.

Stern W. Allgemeine Psychologie. 1935. (Последняя глава)

Кречмер Э. Строение тела и характер. 1930.

Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. 1937.

Luria A. The nature of human conflicts. 1932.

V. Психология поведения

Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. 1910.

Michotte A., Prüm E. Le choix volontaire et ses antécédants immédiats // Archives de Psychologie. 10. 1910.

Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis // Psychologische Forschung. 7. 1926.

Он же. Die Entwicklung der experimentelle Willenspsychologie und der Psychotherapie. 1929.

Lindworsky I. Der Wille. 3-е изд. 1923.

Wundt W. Grundzüge der physiologische Psychologie. Bd. III.

Stern W. Allgemeine Psychologie. 1935 (V глава).

Aveling. Personality and Will. 1931.

Evald G. Temperament und Charakter. 1924.

Hoffman H. Das Problem des Charakteraufbaus. 1926.

Jaensch E. Psychologische Konstitutionstypen. Handwörterbuch der medizinische Psychologie. 1930.

Jung C. G. Psychologische Typen. V. 1930.

Klages L. D. Grundlagen der Charakterkunde VI. 1928.

Spranger E. Lebensformen. 1930.

VI. Ощущение и восприятие

Helmholtz H. Handbuch der physiologischen Optik, 3 Bd. 1909-1911.

Он же. Die Lehre von den Tonempfindungen. 1913.

Katz D. Der Aufbau der Tastwelt. 2-е изд. 1925.

Он же. Der Aufbau der Farbwelt. 2-е изд. 1930.

Он же. Methoden zur Untersuchung des Vibrationssinnes, 1930.

Henning H. Der Geruch. 1924.

Weber E. H. Tastsinn und Gemeingefuhl // Wagners Handwörterbuch der Physologie. 3. 1846.

Узнадзе Д. К проблеме постижения значения (Содержание и предмет) // Известия Тифлисского ун-та. Т. VII. 1927. (н агруз. яз.)

Он же. Психологические основы наименования // Наша наука, 1923. (н а груз. яз.)

Он же. Основы экспериментальной психологии. Т. 1. Принципиальные основы и психология ощущений. Тифлис: издание Тифлисского ун-та, 1925. (н а груз. яз.)

Uznadze D. Zum Problem der Bedeutungserfassung // Archiv der Psychologie. 1927.

Он же. Die Psychologische Grundlagen der Namengebung // Psychologische Forschung. 5. 1924.

Ehrenfels Chr. Über Gestaltqualitäten // Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie. 14. 1890.

Köhler W. Über unbemerkte Empfindungen und Urteilstauschungen // Zeitschrift für Psychologie. 66. 1913.

Он же. Die Physischen Gestalten in Ruhe und stationarem Zustand. 1920.

Он же. Gestaltpsychologie. 1929-1930.

Rubin E. Visuell wahrgenommene Figuren. T. I. 1921.

Wehrteimer M. Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie, 1925.

Он же. Untersuchungen zur Lehre von der Gestalt // Psychologische Forschung.

Он же. Experimentelle Untersuchungen über das Sehen der Bewegung // Zeitschrift für Psychologie. 61, 1912.

Hornbostel E. **M.** Die Einheit der Sinne, Melos, 1925.

Zietz K. Die gegenseitige Beeinflussung von Farb- und Tonerlebnissen // Zeitschrift für Psychologie. 121, 1931.

Кравков С., Теплов Б. (ред.). Зрительные ощущения и восприятия. М., 1935.

Stumpf C. Über der psychishen Ursprung der Raumvorstellung. 1873.

Benussi V. Psychologie der Zeitauffassung. 1913.

Bourdon B. La perception // Dumas G. (ed.) Nouveau traité de Psychologie. T. V. 1936.

VII. Память

Hering E. Über das Gedächtnis als allgemeine Funktion der organizierten Materie, 1870.

Stern W. Psychische Präsenzzeit // Zeitschrift für Psychologie. 13. 1897.

Betz W. Vortstellung und Einstellung // Archiv für die gesamte Psychologie. 17. 1910.

Jaensch E. Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt. 2-е изд. 1927.

Kroh O. Subjective Anschauungsbilder bei Jugendlichen. 1924.

Claparéde Ed. L'association des ideés. 1909.

Ebbinghaus H. Über das Gedächtnis. 1885.

Iost A. Assoziationsfestigkeit in ihrer Abhängigkeit von der Verteilung der Wiederholungen // Zeitschrift für Psychologie. 14. 1897.

Müller G. E. Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufes. 3 Bde. 1911, 1917, 1924.

Bühler K. Über Gedankenerinnerungen // Archiv für die gesamte Psychologie. 12, 1908.

Bartlett R. I. Remembering. 1932.

Thorndike E. L. The Fundamentals of Learning. 1932.

Stern W. Allgemeine Psychologie. 1935.

Stern W. und Cl. Erinnerung - Aussage und Luge in der frühen Kindheit. 4-е изд. 1931.

Pieron H. La mémoire // Dumas G. (ed.). Nouveau traité de Psychologie. T. IV.

Brunswik E. Untersuchungen zur Entwicklung der Gedächtnisses. 1932.

Ranschburg P. Das kranke Gedächtnis. 1911.

Volkelt H. Über die Vortstellungen der Tiere.

Узнадзе Д. Восприятие и установка (С точки зрения биосферной психологии) // Известия Тифлисского ун-та. Т. VI. 1926. (на груз. яз.)

Блонский П. Память и мышление. 1935.

Леонтьев А.Н. Развитие памяти. 1931.

VIII. Мышление

Ach N. Über der Willenstatigkeit und das Denken, 1905.

Он же. Die Begriffsbildung, 1921.

Binet A. La pensée sans images // Revue philosophique. I. 1909.

Bühler K. Die Sachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge // Archiv für die gesamte Psychologie. 9 und 12.

Cassirer E. Philosophie der Symbolischen Formen. Bd. I Die Sprache, 1923. Bd. II Das mytisches Denken. Bd. III Phänomenologie der Erkenntnis. 1929.

Grünbaum A. A. Über der Abstraktion der Gleichcheit // Archiv für die gesamte Psychologie. 12. 1908.

Köhler W. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen, 2-е изд. 1924.

Kulpe O. Versuche über der Abstraktion // Berichte über der 1. Kongress der experimentelle Psychologie. 1904.

Levy-Brühl L. Les fonctions mentales dans les societées inferieures. IX, 1930.

Он же. L'âme primitive. IV 1930.

Lindworsky I. Das Schlußfolgende Denken, 1916.

Lipmann O. und **Bogen H.** Naïve Physik. 1923.

Marbe K. Experimentelle Psychologische Untersuchungen über das Urteil, 1901.

Messer A. Empfindung und Denken. III. 1928.

Натадзе Р. Развитие понятия в онтогенезе // Труды Тбилисского гос. ун-та. Т. 17. 1940. (на груз. яз.)

Piaget J. Le language et la pensée chez l'enfant. 1923.

Piaget J. Le jugement et le raisonnemet chez l'enfant. 1924.

Он же. La représentation du monde chez l'enfant. 1926.

Он же. La causalité physique chez l'enfant. 1927.

Selz O. Die Gesetze der productiven und reproductiven Geistestätigkeit. 1924.

Он же. Zur Psychologie des productiven Denkens und des Irrtums. 1922.

Störring G. Experimentelle Untersuchung über einfache Schlußprozesse // Archiv für die gesamte Psychologie. 1908.

Он же. Das urteilende und schliessende Denken in kausaler Behandlung. 1926.

Uznadze D. Die Gruppenbildungsversuche im vorschulpflichtigen Alter // Archiv für die gesamte Psychologie. 1929.

Он же. Die Begriffsbildung im vorschulpflichtigen Alter // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1930.

Хундадзе Ф. Развитие познавательного интереса в школьном возрасте. 1936. (на груз. яз.)

Watt H. I. Experimentelle Beiträge zur Theorie des Denkens // Archiv für die gesamte Psychologie. 1904.

Werner H. Einführung in die Entwicklungspsychologie. 2-е изд. 1933.

Wertheimer M. Über das Denken der Naturvölker // Zeitschrift für Psychologie. 60. 1912.

Willwoll A. Begriffsbildung. 1926.

Wundt W. Über Ausfrageexperimente und über die Methoden zur Psychologie des Denkens // Psychologische Studien. 3. 1907.

X. Воображение

Freud S. Traumdeutung. 1899.

Он же. Zur Psychopathologie des Alltagslebens. 1904.

Groos. K. Die Spiele der Tiere. 1896. (3-е изд. 1930).

Он же. Die Spiele der Menschen. 1899.

Он же. Der ästhetische Genuss. 1902.

Kerschensteiner G. Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung, 1905.

Müller-Freienfels R. Psychologie der Kunst. 1923.

Он же. Das Denken und die Phantasie. 1925.

Stern W. Allgemeine Psychologie. Гл. XVIII. Phantasie.

Узнадзе Д. Сон и сновидение. Тифлис, 1936. (на груз. яз.)

Он же. Восприятие и представление (С точки зрения биосферной психологии) // Известия Тифлисского ун-та. Т. VI. 1926. (на груз. яз.)

Wundt W. Völkerpsychologie der Kunst.

XI. Важнейшие периодические издания

Psychological Abstracts. N. J. American Psychological Association (Короткие рефераты текущей психологической литературы).

Psychological Bulletin (Периодические тематические рефераты). Там же.

American Journal of Psychology. N. J. Cornell University.

Acta Psychologica. Den Haag. Martinus Nijhoff.

Année psychologique. Paris.

Journal de Psychologie normale et pathologique. Paris.

Psychologische Studien - Вундта (до 1917 года).

Neue psychologische Studien. Leipzig.

Psychologische Forschung. Berlin.

Archiv für die gesamte Psychologie. Leipzig.

Zeitschrift für Psychologie. Leipzig.

Zeitschrift für angewandte Psychologie. Leipzig.

Психология. Москва (больше не выходит).

Содержание

Научное издание

Узнадзе Дмитрий Николаевич

Общая психология

Перевел с грузинского Е. Чомахидзе

Научный редактор *И. Имедадзе*
Художник *Э. Марков*
Корректор *Н. Степина*
Верстка *О. Кокорева*

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.

Подписано в печать 26.03.04. Формат 70Х100/16. Усл. п. л. 33,54.

Тираж 4000 экз. Заказ № 2279.

ООО «Питер Принт». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 67в.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 953005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Серия «Живая классика»

В серии выходят основополагающие работы и сборники избранных трудов выдающихся отечественных и зарубежных психологов XX века, которые сохранили свою актуальность для научных исследований и университетского психологического образования. Серия адресуется психологам, в том числе студентам.

В серии «Живая классика» в 2000—2004 годах вышли:

Леонтьев А.Н.
Лекции по общей психологии

Левин К.
Динамическая психология: Избранные труды

Олпорт Г.
Становление личности: Избранные труды

Лурия А.Р.
Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии

Леонтьев А.Н.
Становление психологии деятельности: Ранние работы

Бернштейн Н.А.
Современные искания в физиологии нервного процесса

Узнадзе Д.Н.
Общая психология

Готовится к изданию

Мюррей Г.
Персонология: Избранные труды

Желающие заказать книги издательства «Смысл» по почте
в индивидуальном порядке могут прислать запрос по адресу:
103050, Москва-50, а/я 158, издательство 'Смысл»,
Справки по телефону (095) 195 37 13, (095) 189 95 88
e-mail: books@smysl.ru
http://www.smysl.ru